



СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ  
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ



Серия  
основана О. Л. Абышко  
в 1992 г.



ИСТОРИЧЕСКАЯ  
КНИГА

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ  
БИБЛИОТЕКА



ИССЛЕДОВАНИЯ



**Редколлегия серии:**

акад. Г. М. Бонгард-Левин, президент  
Российской ассоциации антиковедов (председатель);  
чл.-корр. С. С. Аверинцев; акад. М. Л. Гаспаров;  
чл.-корр. Н. Н. Казанский; проф. Г. А. Кошеленко;  
проф. В. И. Кузищин; акад. Г. Г. Литаврин;  
Е. В. Ляпустина (ученый секретарь); к. ф. н. А. В. Муравьев;  
чл.-корр. М. Б. Пиотровский; д. и. н. А. В. Подосинов;  
проф. А. А. Россиус; проф. А. А. Тахо-Годи; проф. В. И. Уколова;  
проф. Э. Д. Фролов; проф. И. С. Чичуров;  
О. Л. Абышко; И. А. Савкин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

**Т. В. КУДРЯВЦЕВА**



# **НАРОДНЫЙ СУД В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ**



Ответственный редактор  
профессор, доктор исторических наук  
*Э. Д. Фролов*

Санкт-Петербург  
АЛЕТЕЙЯ  
2008



УДК 938:347.000.93  
ББК 63.3(0)32+67.3+67.410г  
К88

Рецензенты:

профессор, доктор исторических наук *О. Ю. Климов*  
доцент, кандидат исторических наук *А. Б. Шарнина*

**Кудрявцева Т. В.**

К88 Народный суд в демократических Афинах / Т. В. Кудрявцева ; отв. ред. Э. Д. Фролов. — СПб. : Алетейя, 2008. — 464 с. : ил. — (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

ISBN 978-5-91419-091-7

Монография Т. В. Кудрявцевой является первым в отечественной историографии обобщающим исследованием об одном из ключевых политических инструментов афинской демократии — народном суде, или гелизе. Возникновение и развитие гелизи рассматриваются в тесной связи с историей афинского государства (VI–IV вв. до н. э.). Особое внимание уделяется судебным процессам с политической подоплекой — «громким делам» ведущих афинских полководцев и политиков (Мильтиада, Фемистокла, Перикла и его окружения, стратегов-победителей при Аргинусах, Демосфена и др.). Реконструируется ход судебного заседания в классических Афинах: инициация иска и деятельность профессиональных доносчиков-сикофантов, подготовка к процессу, жеребьевка и состав судей, поведение сторон и свидетелей, аргументы, приводимые в речах тяжущихся, голосование по вердикту.

Автор вступает в дискуссию о роли народного суда в эволюции афинской демократии, активно ведущуюся в последние десятилетия в западной историографии, и делает ряд интересных выводов и наблюдений об особенностях как афинского правосудия, так и прямой демократии в целом, отмечая ее принципиальные отличия от современной представительной системы. Книга написана живым языком, содержит целый ряд любопытных сюжетов и будет интересна и полезна не только специалистам-историкам, но также юристам, политологам и широкому кругу читателей.

УДК 938:347.000.93  
ББК 63.3(0)32+67.3+67.410г

ISBN 978-5-91419-091-7



© Т. В. Кудрявцева, 2008  
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2008  
© «Алетейя. Историческая книга», 2008

## Введение

2500 лет тому назад Перикл, выступая на похоронах воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны, с программной речью, прославлявшей афинскую демократию, произнес в том числе такие пророческие слова (по версии Фукидида): «Мы послужим предметом удивления для современников и потомков» (Thuc., II, 41, 4). И действительно, едва ли какое другое историческое порождение античного мира вызывало такие яростные споры и привлекало такое пристальное внимание, как афинская демократия. Спор вокруг этой темы был самым тесным образом связан и с собственным политическим развитием Европы в Новое время (переходом от абсолютизма к буржуазным республикам или конституционным монархиям, а затем и к либеральным демократиям), и с идейно-политическими убеждениями самих исследователей, проявляющимися прежде всего в их отношении к абстрактным понятиям демократии и свободы — в современном, естественно, толковании. «Хулители» и «хвалители» наперебой состязались в создании портрета афинской демократии: реконструировали, анализировали, изучали политические институты и вождей. У «хулителей» была серьёзная моральная поддержка в лице античных критиков афинского политического строя, в роли которых выступали многие «светлые» древнегреческие головы: Платон, Аристотель, Исократ, Ксенофонт, отчасти Фукидид и Плутарх, — все они с разной степенью таланта и убедительности обращали внимание на и живописали недостатки афинской демократии. У «хвалителей» тоже была своя опора: политическое развитие западного мира с теми или иными коллизиями, потрясениями и отступлениями всё же неуклонно шествовало к демократии и либерализму, на роль прародительницы которых могла вполне претендовать античная демократия. По мере того, как на Западе побеждали либеральные ценности и демократическое государство, «хвалители» стали задавать тон.

В настоящее время, или как сейчас модно выражаться, в эпоху Постмодерна, современные демократические государства пытаются отвечать на новые вызовы: власть как удел элит и недостаточная, по мнению некоторых, вовлеченность народа в управление государством на фоне растущей аполитичности масс и равнодушия к гражданской

деятельности. Для западных и американских ученых это служит ещё одним стимулом для обращения к истории афинской демократии, в которой с вовлеченностью народа был полный порядок и которую *mutatis mutandis* можно использовать как положительную модель для решения некоторых проблем.<sup>1</sup> В Афинах пытаются узреть школу не только для всей Эллады (как торжественно заявлял Перикл), но и для политической системы, демократической практики и идеологии современного западного мира.<sup>2</sup> Правда, тем, кто чересчур рьяно ищет в прошлом модели и уроки для современности, грозит опасность, о которой предупреждает один из крупнейших авторитетов в области греческой истории П. Родс: «Если мы будем слишком усердно искать в древней Греции уроки для сегодняшнего мира, мы рискуем найти скорее то, что мы желаем найти, чем то, что было на самом деле».<sup>3</sup>

В Западной Европе и США в 60–90 гг. XX в. появилось множество научных монографий и популярных сочинений, на все лады восхваляющих афинский государственный строй. Британский профессор Арнольд Гомм описывал афинскую демократию теми же словами, что А. Линкольн американскую в Геттисбергском обращении: правление народа, для народа и посредством народа<sup>4</sup>. Его соотечественник Дэвид Стоктон утверждал, что «в Афинах было реализовано одно из самых открытых обществ, известных в истории, политический организм, в котором совокупность свободнорожденных граждан осуществляла более строгий

<sup>1</sup> См., например, признания в этом или призывы к действию (с оглядкой на афинский опыт) у: *Larsen J.A.O.* The Judgment of Antiquity on Democracy // *CIPh. Vol. 49.* № 1. 1954. P. 13; *Finley M.* Democracy Ancient and Modern. New Brunswick NJ, 1996. (1-st ed. 1973). P. 3–37; *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. N. Y., 1991. P. 273–283; *Hansen M.H.* The Tradition of the Athenian Democracy // *G&R. Vol. 39.* 1992. P. 14–30; *Roberts J. T.* Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1994. P. 175; *Euben J.P., Wallach J.R., Ober J.* Introduction // *APTRAD.* P. 14–17; *Ober J.* The Athenian Revolution. Princeton, 1996. P. 19–20, 125; *Ober J., Hedrick Ch.* Introduction // *Demokratia.* P. 3–5.

<sup>2</sup> Например: *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989. P. 9; *Kurtis D.A.* Translator's Foreword // *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Cleisthenes the Athenian. New Jersey, 1992. P. XI, XXIII–XXV; *Wolin S.* Transgression, Equality, and Voice // *Demokratia.* P. 63–90; *Gagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991. P. 258–259.

<sup>3</sup> *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003. P. 89.

<sup>4</sup> *Gomme A.W.* The Working of the Athenian Democracy // *More Essays in Greek History and Literature.* Oxf., 1962. P. 186.

контроль над законодательством, отправлением правосудия и исполнительной властью, чем любой другой в древнем или современном мире»<sup>1</sup>. Мозес Финли опубликовал свои лекции, прочитанные в 1972 г. в Рутгерском университете (США), в виде книги «Демократия древняя и современная», где дал высочайшую оценку афинской демократии. Он рисует идиллическую картину афинского face-to-face society, в котором все граждане имели уникальную возможность непосредственного участия в управлении государством; где не было бюрократии, политики были под постоянным контролем народа, а сам демос был достаточно образован и искушен в политике благодаря чуть ли не ежедневному обсуждению государственных дел и исполнению различных должностей вплоть до самых высших.<sup>2</sup> Сравнение, которое Финли проводит между афинской и современной демократиями, явно не в пользу последней.

Джошуа Обер рассыпается в дифирамбах в адрес афинской демократии<sup>3</sup> и утверждает, что «афинский пример может много рассказать современному миру о природе и потенциале демократии».<sup>4</sup> Клод Моссе с гордостью заявляет, что «демократия — это афинское изобретение»; она не может отвечать за конечное поражение греков и македонское завоевание; наоборот, она показала прекрасную способность к адаптации и успешно функционировала на протяжении IV в. до н.э.<sup>5</sup> Датский ученый Могенс Хансен, один из крупнейших современных антиковедов, автор многочисленных работ, посвященных афинской эkkлeсии, народному суду и вообще афинской истории и греческому полису, считает, что афинская демократия ни в чем не уступает, а кое в чем превосходит современную (как метод осуществления суверенитета народа).<sup>6</sup>

Общий тон современной западной историографии в отношении афинской демократии — бесспорно апологетический, еще более подогрело его недавнее празднование 2500 юбилея рождения демократии (считая от реформ Клисфена). Торжество пышно отмечалось многочис-

---

<sup>1</sup> *Stockton D.L.* The Classical Athenian Democracy. Oxf.; N.Y., 2002. P. 50. (1-st ed. — 1990).

<sup>2</sup> *Finley M.* Democracy Ancient and Modern. P. 17–18; 20; 24–25.

<sup>3</sup> *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 2002. Passim.

<sup>4</sup> *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. P. 9, 304.

<sup>5</sup> *Mossé C.* Politique et société en Grèce ancienne. Le “modèle” Athénien. P., 2003. P. 230.

<sup>6</sup> *Hansen M.H.* Was Athens a Democracy? (Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought) // *Historisk-filosofiske Meddelser* 59. Copenhagen, 1987.

ленными конференциями, коллоквиумами, выставками, публикациями сборников и монографий в Европе и особенно США<sup>1</sup>. Последние выступали в качестве главного спонсора и организатора большинства вышеперечисленных мероприятий. Недавние события (развал СССР, падение социалистических режимов в Восточной Европе) добавили эйфории участникам и спонсорам: уже виделся «конец истории» как полное и окончательное торжество демократической идеологии и институтов, родившихся когда-то на греческой земле.

Если внимательно посмотреть на всю богатую литературу (как монографии, так и периодику), вышедшую из-под пера наших западных коллег на тему афинской демократии примерно за 50 последних лет, нетрудно заметить, какое важное место занимают в ней сюжеты, связанные с афинским народным судом — гелиэей. В западной историографии тема народного суда в последнее время стала одной из ведущих. Мы уже отмечали то внимание, которое уделил афинскому судопроизводству М. Хансен, в современном антиковедении — главный (и наиболее плодотворный!) «певец» афинской демократии. Можно отметить также целый ряд специальных исследований, монографий (например, Г. Тюра,<sup>2</sup> Г. Вольфа,<sup>3</sup> М. Лаванси,<sup>4</sup> Р. Гарнера,<sup>5</sup> Р. Баумэна,<sup>6</sup> М. Храйста,<sup>7</sup> В. Хантер,<sup>8</sup> С. Джонстоуна,<sup>9</sup> Д. Коэна,<sup>10</sup> Л. Рубинштайн,<sup>11</sup> А. Лан-

<sup>1</sup> Далеко не полный перечень: *Democracy: the Unfinished Journey*, 508 B.C. to A.D. 1993 / Ed. J. Dunn. Oxford, 1992; *Democracy 2500? Questions and Challenges* / Ed. I. Morris, K. Raaflaub. Dubuque, Iowa, 1997; *Demokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern* / Ed. J. Ober, Ch. Hedrick. Princeton, 1996; *Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen* / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1995; *The Good Idea: Democracy and Ancient Greece. Essays in Celebration of the 2500th Anniversary of its Birth in Athens* / Ed. J. A. Koumoulides. N.Y., 1995.

<sup>2</sup> *Thür G. Beweisführung vor den Schwurgerichtshöfen Athens: die Proklesis zur Basanos*. Vienna, 1977.

<sup>3</sup> *Wolff H.J. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff in der attischen Demokratie: Untersuchungen zur graphie paranomon*. Heidelberg, 1970.

<sup>4</sup> *Lavency M. Aspects de la logographie judiciaire attique*. Louvain, 1964.

<sup>5</sup> *Garner R. Law and Society in Classical Athens*. N. Y., 1987.

<sup>6</sup> *Bauman R. Political Trials in Ancient Greece*. L.; N.Y., 1990.

<sup>7</sup> *Christ M.R. The Litigious Athenian*. Baltimore; L., 1998.

<sup>8</sup> *Hunter V. Policing Athens: Social Control in the Attic Lawsuits, 430–320 B.C.* Princeton, 1994.

<sup>9</sup> *Johnstone S. Disputes and Democracy: The Consequences of Litigation in Ancient Athens*. Austin, 1999.

<sup>10</sup> *Cohen D. Law, Violence and Community in Classical Athens*. Cambr., 1995.

<sup>11</sup> *Rubinstein L. Litigation and Cooperation: Supporting Speeches in the Courts of Classical Athens*. Stuttgart, 2002.

ни<sup>1</sup>); капитальный труд из серии «Афинская агора» «Суды в Афинах: местоположение, здания, оборудование, процедура, свидетельства», подготовленный А. Беджхолдом при участии его коллег<sup>2</sup>; несколько сборников, в центре которых — афинская гелиэя, судебные процессы и процедуры и их участники, судопроизводство в целом,<sup>3</sup> не говоря уж о великом множестве статей и исследований, посвященных различным «громким» делам, особенностям правовой системы и правового сознания афинян, судебной риторике и т.п.<sup>4</sup>

Гелиэя рассматривается как ключевой институт афинской демократии, чье развитие самым непосредственным образом связано было с развитием этой самой демократии. Все согласны с тем, что народный суд наряду с народным собранием являлся важнейшим государственным органом Афин — собственно об этом твердят все наши источники. Аристотель в «Политике» определяет гражданина демократического государства как того, кто участвует в суде (δικαστής) и заседает в собрании (ἐκκλησιαστής) (1275a22–33, b5–6). Когда афинский оратор хотел перечислить самые значимые афинские политические институты, он называл собрание (ἐκκλησία, δῆμος), совет (βουλή) и народный суд (τὰ δικαστήρια) (Dem., XX, 100; Plat. Apol., 24e–25a). Экклесия была совещательным и законодательным собранием народа; в дикастериях тот же суверенный народ через своих представителей (дикастов) осуществлял судебную власть. Эта представительная сущность судов проявлялась различными способами: участники процесса обращались к судьям<sup>5</sup> как ὦ Ἀθηναῖοι,

---

<sup>1</sup> Lanni A.M. Law and Justice in the Courts of Classical Athens. Cambr., 2006.

<sup>2</sup> Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens: Sites, Buildings, Equipment, Procedure, and Testimonia / The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by The American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXVIII. Princeton, NJ, 1995.

<sup>3</sup> Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society / Ed. P. Cartledge, P. Millett, S. Todd (1-st ed. 1990); Große Prozesse im antiken Athen / Hrsgg. von L. Burckhardt und J. von Ungern-Sternberg. München, 2000; The Cambridge Companion to Ancient Greek Law / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambr.; N. Y., 2005.

<sup>4</sup> Даже беглый перечень всех этих работ, не говоря об анализе мнений их авторов, занял бы значительное место. Мы отсылаем заинтересованного читателя к главам и разделам нашей книги, в которых будут представлены историографические обзоры по отдельным сюжетам исследуемой нами темы.

<sup>5</sup> Существует определенная трудность с переводом греческого слова «ἡλιαστής» («гелиаст»), или его синонима «δικαστής» («дикаст») — это и «судья», и «присяжный» одновременно, поскольку в Афинах не было «профессиональных» судей в современном понимании; решала вопрос о виновности/невиновности подсудимого и выносила приговор фактически комиссия присяжных, состоящая из нескольких сотен заседателей (см. гл. III).

ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι («афиняне»); они отождествляли их со всем афинским народом (Dem., XXIV, 92); они вспоминали о решениях экклесии как будто это были «ваши» (т. е. судей) решения (And., I, 66; ср. Lys., XIII, 10; Aeschin., I, 82, 85; III, 8; Dem., XX, 53, 78; XXIII, 65 etc.).

То, что исследование народного суда превратилось в mainstream западной науки, объясняется не только общепризнанным значением гелиэи для государственной системы Афин — оно тесно связано с той первостепенной ролью, которую гелиэия стала играть в последние десятилетия в спорах относительно эволюции афинской демократии, сравнения демократии «века Демосфена» с «веком Перикла» и еще шире — демократии античной и современной. Наша заинтересованность в обозначенной выше проблеме побудила и нас взяться за исследование афинской гелиэи; для нас — это эффективный способ изучения афинской демократии «изнутри», постижения ее наиболее характерных особенностей и выяснения природы ее сходства (или, может быть, принципиального различия?) с демократией современной.

Подтолкнуло нас к написанию книги и то обстоятельство, что современная отечественная историография, посвященная афинскому народному суду, небогата, можно сказать, скудна. Она представлена главным образом статьями или очерками, посвященными некоторым «громким» или особым судебным процессам (естественно, без анализа или оценки работы народного суда *in toto*): В. М. Строгоцкого (процесс Фемистокла),<sup>1</sup> М. С. Корзуна (процессы против друзей Перикла),<sup>2</sup> В. С. Нерсисянца и Э. Д. Фролова (процесс Сократа),<sup>3</sup> И. В. Поздеевой и Г. Т. Залюбовиной (политические процессы с 403 по 387 гг.),<sup>4</sup> Е. В. Никитюк (обвинения в нечестии, особенно «дело гермокопидов»),<sup>5</sup>

<sup>1</sup> *Строгоцкий В. М.* Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59): Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Межвуз. сб-к. Горький, 1979. С. 3–29.

<sup>2</sup> *Корзун М. С.* Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Вестник БГУ. Сер. III. 1971. № 2. С. 8–14.

<sup>3</sup> *Нерсисянц В. С.* Судебный процесс // Сократ. М., 1984. С. 99–113; *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 266–294.

<sup>4</sup> *Поздеева И. В.* Политические судебные процессы в Афинах в 403–400 гг. до н.э. (по речам Лисия) // ВДИ. 1961. № 4. С. 68–84; *Залюбовина Г. Т.* Политическая борьба в Афинах в 403–387 гг. до н.э. // ВДИ. 1975. № 2. С. 100–116.

<sup>5</sup> *Никитюк Е. В.* Оратор Андокид и процессы по обвинению в религиозном нечестии в Афинах на рубеже V–IV веков до н.э. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 1996. Вып. 3 (№ 16). С. 23–36; *она же:* Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах в последнюю четверть V в. до н.э. // Античный мир:

Л. М. Глускиной (иски, связанные с рудниками),<sup>1</sup> В.В. Вальченко (исангелия против Леократа),<sup>2</sup> М.А. Кондратюк (дело Гарпала),<sup>3</sup> Л.П. Маринович (обвинение Демосфеном богача Мидия),<sup>4</sup> — а также упоминаниями о создании или преобразовании гелиэи, об отдельных процессах, судебных процедурах и видах исков в монографиях по различным сюжетам греческой или афинской истории.<sup>5</sup>

Некоторые проблемы афинского судопроизводства становились предметом рассмотрения в статьях Э. Казакевич (Грейс) (проблема свидетельской пытки рабов; рабы в делах об убийстве),<sup>6</sup> А.Е. Паршикова

Проблемы истории и культуры. Сб-к научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1998. С. 117–138; *она же*: Сушность и цели кошунства 415 г. до н.э. // Мнемон. Вып. 4. СПб., 2005. С. 115–124.

<sup>1</sup> *Глускина Л.М.* Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах // ВДИ. 1967. № 1. С. 49–59.

<sup>2</sup> *Вальченко В.В.* Исангелия в деле Леократа // ВДИ. 1975. № 2. С. 116–124; *он же*. Речь Ликурга против Леократа. Автореферат дисс. ... к.ф.н. Л., 1977.

<sup>3</sup> *Кондратюк М.А.* Политическая борьба в Афинах в 324–323 гг. до н.э. и «процесс Гарпала» // Древний Восток и античный мир / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 158–180.

<sup>4</sup> *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 19–31.

<sup>5</sup> *Строгеецкий В.М.* Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987. С. 42 (о процессе Кимона), 57 (о развитии гелиэи в связи с архэ); *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 134 (о создании гелиэи); *он же*: Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 57 (о сикофантах); *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 162–164 (эмоциональные рассуждения о некоторых пороках афинского судопроизводства: сикофантах, «вакханалии судебных процессов», конфискационных приговорах и т. п.); *Маринович Л.П.* Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 29–32 (о месте гелиэи в концепции демократии IV в. как «власти закона» М. Хансена и спорах вокруг нее); *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002. С. 86–91 (о процессе Анаксагора), 92–104 (о процессах Эсхила, гермокопидов, Диагора Мелосского, Протагора, Андокида); *он же*: Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005. С. 307–309, 321–322 (о процессах Мильтиада); *он же*: Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 387–388, 403–405 (замечания по поводу «жалобы на противозаконие» и других видов политического процесса).

<sup>6</sup> [Грейс Э.Л.] *Grace (Kazakevich) E.* «Word» and «Deed» in the Athenian Dikasterion // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 96–105; *она же*: Правовое положение рабов в делах по убийствам // ВДИ. 1974. № 2. С. 34–56.



(суды и афинские союзники),<sup>1</sup> Е.В. Никитюк (процедура асебии).<sup>2</sup> Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко в составленной ими хрестоматии «Античная демократия в свидетельствах современников» дали краткую характеристику судебной системы Афин, а подборку цитат из источников об афинской гелиеэ сопроводили кратким комментарием.<sup>3</sup>

Отметим обстоятельный очерк Л.М. Глускиной, помещенный в качестве приложения ко второму тому русского издания речей Демосфена.<sup>4</sup> В свойственной ей сжатой, но весьма насыщенной фактами и ссылками манере — пример научной скрупулезности — Лия Менделевна описывает некоторые виды процессов (по делам о наследстве, морской торговле, о правонарушениях в рудниках, о гражданских правах и т.д.), делает несколько ценных замечаний о характере судебной риторики, инициативе частного лица в возбуждении исков, принципе self-help в осуществлении судебного решения.

При отсутствии специальных исследований в отечественной науке по народному суду настоящим прорывом выглядят две статьи И.Е. Сурикова: «О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи»<sup>5</sup> и особенно «Некоторые проблемы истории афинской гелиеэ».<sup>6</sup> Солидаризируясь со многими его интереснейшими замечаниями и наблюдениями и в этих и в других его работах, мы все же заметим: те точки зрения, которые не совпадают с его собственным видением и пониманием фактов и проблем, автор нередко отбрасывает как устаревшие, поднимая на щит некоторые новейшие концепции отнюдь не потому, что они имеют под собой более убедительную источниковую

---

<sup>1</sup> Паршиков А.Е. Организация суда в Афинской державе // ВДИ. 1974. № 2. С. 57–68. Некоторые замечания на эту же тему — см. в очерке М.А. Кондратюк: Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Проблемы развития полиса / Ред. Е.С. Голубцова и др. Т. I. М., 1983. С. 327–365.

<sup>2</sup> Никитюк Е.В. Виды судебных процессов и наказаний за религиозное нечестие (ἀσεβεία) по афинским законам V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 117–134.

<sup>3</sup> Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 23–25 (о гелиеэ во вступительной статье); 265–278 (раздел «Судебная система Афин» хрестоматии).

<sup>4</sup> Глускина Л.М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 405–467.

<sup>5</sup> Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2. С. 34–42.

<sup>6</sup> Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиеэ // ДП. 2005. № 2. С. 8–20.

базу, а именно потому, что они «новые».<sup>1</sup> С рядом положений И.Е. Сурикова мы решительно не согласны и намерены их оспорить в соответствующих главах и разделах данной книги.

Отдавая дань известному принципу, которым руководствуется каждый уважающий себя историк-антиковед — *ex ipso fonte* («из самого источника»), — скажем также несколько слов об античных источниках по афинскому судопроизводству.

К сожалению, сведения о работе гелиэи в раннеклассических Афинах (V в. до н.э.), дошедшие до нас от современников, весьма отрывочны и неполны. Историкам Геродоту и Фукидиду, сочинителю памфлета «Афинская полития», известному под именем Псевдо-Ксенофонта, или Старого олигарха, не были интересны судебная процедура и судебное крючкотворство, поэтому они ограничились либо краткими замечаниями о ряде «скандальных» процессов (Мильтиада, Фемистокла, Перикла, дело «осквернителей герм» и т. п.), не вникая ни в какие юридические тонкости и детали, проливающие свет на работу народного суда (Геродот, Фукидид), либо обошлись эмоциональными восклицаниями о глупости, жадности, своекорыстии и произволе заседающих в судах дикастов (Псевдо-Ксенофонт). У трагиков в некоторых сценах находят намеки на то, как происходил судебный процесс в современных им Афинах — например, в «Эвменидах» Эсхила (582–753) или «Оресте» Еврипида (885–952).<sup>2</sup> Данные об афинском суде, которые можно извлечь из авторов V в., дополняют поздние греческие и римские историки: Диодор Сицилийский, Плутарх, Корнелий Непот и др., а также схолиасты, фрагменты аттидографов (историков Афинского государства), — но и они скупы на конкретную и подробную информацию. Едва ли не единственный автор, который достаточно обстоятельно, хотя и в комической форме, описал заседание народного суда, повадки и облик гелиаста, — Аристофан (правда, это уже эпоха Пелопоннесской войны). Его пьесы, которые охватывают период примерно с 425 по 388 гг., и есть наш главный источник по работе гелиэи в последней четверти V в. (см. гл. II).<sup>3</sup> Из аутентичных источников V в. (точнее его конца) до нас дошло также несколько речей афинского оратора и политического

<sup>1</sup> См. нашу рецензию: *Кудрявцева Т.В.* [Рец.]: И. Е. Суриков. Остракизм в Афинах / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 2006 // ВДИ. 2007. № 4. С. 187–191.

<sup>2</sup> Подробнее: *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. P. 101–123.

<sup>3</sup> Сведения из судебных речей ораторов IV в. и скрупулезнейшее описание деятельности гелиэи в последних главах «Афинской политии» Аристотеля далеко не всегда могут быть применимы к судам V в. до н.э., — ведь в Афинах несколько раз на протяжении IV в. имели место реформы судопроизводства.

деятеля Антифонта; несколько речей его собратьев по ораторскому цеху Лисия и Андокида относятся к самому рубежу V–IV вв. Есть также ряд надписей — договоры с союзными городами, регулирующие в том числе вопросы, связанные с рассмотрением судебных дел в афинской гелиэе (см. § 5 гл. I).

Для IV в. ситуация принципиально меняется, ибо здесь мы располагаем таким ценным источником, как речи афинских ораторов, — это около 110 речей (полностью или в отрывках), произнесенных в суде, и около 20 — в народном собрании, покрывающих период примерно с конца 20-х гг. V в. до 322 г. до н.э. Данные речи в древности приписывались группе авторов, входивших в сложившийся в эпоху эллинизма канон десяти лучших афинских ораторов: Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Эсхин, Демосфен, Ликург, Гиперид и Динарх.<sup>1</sup> Мы присоединяемся к мнению тех исследователей, которые полагают, что даже если дошедшие до нас речи афинских ораторов подверглись некоторому исправлению перед публикацией, эти исправления или добавления были незначительны и могут быть проигнорированы.<sup>2</sup>

Есть и свои сложности в работе с этим видом античной традиции. У нас почти нет судебных речей «с обеих сторон», исключением являются речи Демосфена и Эсхина «О предательском (вариант перевода: «преступном») посольстве» и их же парные речи «О венке». Соотносятся между собой VI речь «Против Андокида по обвинению его в нечестии», приписываемая Лисию, и I речь («О мистериях») Андокида; XLIII речь из «Демосфенова корпуса» («Против Макартата о наслед-

---

<sup>1</sup> Отнюдь не все речи, входящие в т.н. «Демосфенов корпус» принадлежат именно великому оратору (е.g. XLV, XLVI, XLIX, L, LII, LIII, LIX; под подозрение попадали и некоторые другие речи); существуют сомнения относительно нескольких речей, приписываемых Лисию, и речи Андокида «Против Алкивиада». Для нашего исследования проблема авторства этих речей является несущественной, ибо источниками по афинскому суду они являются независимо от того, какой именно афинский оратор приложил к ним свою руку.

<sup>2</sup> См., например: *Lavency M. Aspects de la logographie judiciaire attique*. P. 190; *Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics*. N. Y.; Oxford, 1995. P. 10, 178–179, п. 5, 8. Аргументы, представленные Уорthingтоном (*Worthington I. Greek Oratory, Revision of Speeches and the Problem of Historical Reliability* // CM. Vol. 42. 1991. P. 55–74), относительно того, что издаваемые речи подвергались коренной структурной переработке, увеличивались в объеме, становились более сложными по содержанию и форме, не представляются убедительными. Ревизии скорее подвергались политические речи, используемые как политические памфлеты, но не судебные (см. *Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin, 2002. P. 137). Более подробно об этом сюжете — см. *Johnstone S. Disputes and Democracy*. P. 12–13, 142.

стве Гагния») и XI речь Исея («О поместье Гагния»). Нам редко известен исход процесса, поэтому трудно судить, насколько оправдали себя тактика и уловки, используемые тем или иным оратором, насколько приводимые ими аргументы были весомы в глазах дикастов. Ораторы *ex officio* гораздо больше, чем историки, интересуются судопроизводством, но описания судебной (как и политической) практики в их речах — отнюдь не беспристрастные отчеты о процедуре и прецедентах. Цитаты из законов, которые могли бы помочь нам в реконструкции афинского права, в речах часто опущены или недостоверны (вставлены позднейшими переписчиками и толкователями); сами великие витии довольно вольно обращались с этими законами, интерпретируя их и перелагая содержание (нередко с искажениями) в интересах отстаиваемого ими дела (см. § 1 гл. VII). Ораторы апеллировали не столько к законам, сколько к внимающей им аудитории, к различным социальным группам, из которых эта аудитория состояла, к их идеологии — предубеждениям, надеждам, страхам, патриотическим устремлениям.<sup>1</sup> Из-за предвзятости, продиктованной необходимостью отстаивать интересы своей стороны в условиях судебного агона (состязания), далеко не все содержащиеся в речах ораторов утверждения, даже чисто процессуального характера, следует слепо принимать на веру.

Тем не менее, благодаря имеющимся в нашем распоряжении судебным речам многие процессы (как по частным искам, так и по обвинениям в государственных преступлениях) нам известны досконально, вплоть до возникновения «эффекта присутствия» в судебной палате-дикастерии, где заседает коллегия афинских судей. Определенную помощь оказывают и комментарии, замечания, уточнения схолиастов и лексикографов (Гарпократиона, Свида и др.) — правда, к их информации по деталям судопроизводства некоторые исследователи относятся скептически.<sup>2</sup>

Важнейшим источником по деятельности народного суда в демократических Афинах, к которому мы не раз будем апеллировать на страницах нашего исследования, является Аристотель. Стагирит и в «Афинской политике»,<sup>3</sup> и в «Политике» рассматривал гелиэю как первосте-

<sup>1</sup> На эти особенности обращает внимание Дж. Обер и предостерегает от толкования речей ораторов как беспристрастного и точного свидетельства, на чем, кстати, построены многие выводы М. Хансена: *Ober J. The Athenian Revolution*. P. 115.

<sup>2</sup> См.: *Christ M.R. The Litigious Athenian*. P. 5.

<sup>3</sup> В последнее время в западной историографии стало модным ставить под сомнение или даже отрицать авторство Аристотеля для «Афинской политики», исходя главным образом из соображений стиля и композиции (см. подробно: *Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia*. Oxf., 1993.

пенный элемент демократического устройства античных Афин. По его мнению, основы демократии в Афинах были заложены тогда, когда Солон провел свои реформы и создал гелиэю, а все последующее развитие демократии было связано самым непосредственным образом с развитием этого института: «Когда народный суд усилился, то перед простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию» (Pol., 1274a2–8 — пер. С.А. Жебелева). Более прозрачно эта же мысль выражена в «Афинской политике»: народ, будучи господином в суде, делается господином и в государстве (9, 1).

Большую помощь в уточнении сведений письменных свидетельств об афинской гелиэе оказывают археологические раскопки и соответствующие находки, подробные сведения о которых публикуются в журнале «Hesperia» и в томах из серии «Афинская агора», выпускаемых на протяжении многих лет Американской школой классических исследований в Афинах. Найденные археологами всевозможные предметы «судебного обихода»: судейские бронзовые таблички (пинакии), клепсидры, урны, в которых доставлялись документы в суд, жетоны, по которым судьи получали свои три обола, диски («камешки»), которыми они голосовали, фрагменты «машин для жеребьевки» (клеротерия) и проч., — дополняют те знания о судебном процессе в Афинах, которые мы получаем из речей ораторов, и позволяют, включив воображение, воссоздать картину происходившего в стенах дикастериев.

В предлагаемой на суд читателя книге мы намерены рассматривать историю народного суда в Афинах в тесной связи с развитием афинской демократии, выискивая и подчеркивая в первую очередь те черты и принципы афинского судопроизводства, которые проистекают из «демократического» происхождения гелиэи, определяются спецификой жизни в демократическом полисе, связаны с принятой в афинском

---

Р. 1–63, особенно — 58–63). Мы полностью согласны с М. Оствальдом, заявившим по данному поводу: «Я рассматриваю эти аргументы как неубедительные и предпочитаю считать автором «Афинской политики» того, кому традиция приписывает авторство. Далее, так как аутентичность этого сочинения бесспорна, для целей исторического исследования несущественно, сам ли Аристотель был его автором или нет» (*Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles, 1986. P. XXI, n. 1*). Замечу, что замечательный российский классик-филолог Аристид Иванович Доватур, обстоятельно исследовавший и сравнивавший «Политию» и «Политику» в том числе с точки зрения стиля и композиции, никогда не выражал ни малейшего сомнения в том, что оба эти сочинения принадлежат одному и тому же автору (см.: *Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965*).

обществе системой ценностей и взглядов. Неразделенность властей в полисном государстве, взаимопроникновение сфер политической и судебной, превращение судебных подмоштов (бемы) в арену политической борьбы, сведения счетов с противниками, — заставляет нас обратить пристальное внимание на судебные процессы с политической подоплекой, прежде всего на два главных вида государственного процесса: исангелию (чрезвычайное заявление о тяжком преступлении против государства и демократии) и графэ параномон — «жалобу на противозаконие».

Хронологическими рамками нашей работы является период от реформ Солона, создания гелиэи (начало VI в. до н.э.), — примерно до 322 г. до н.э., когда Афины были побеждены в Ламийской войне и македонский наместник Антипатр установил в городе умеренно-олигархический режим. Так как в центре нашего внимания — развитие и роль афинского народного суда в *демократическом* афинском полисе, нам кажется логичным закончить наше исследование на фактической гибели демократии в Афинах. Тот политический строй, который существовал в эллинистических Афинах, хотя и именовался «демократией», фактически не имел ничего общего с ее «классической» формой в эпоху реального функционирования наиболее развитой античной прямой демократии (примерно 507–322 гг. до н.э.).<sup>1</sup> Если в новом мире, мире всесильных эллинистических монархий, на фоне постоянного присутствия македонского гарнизона в Мунихии, Афины, по словам К. Моссе, все еще играли в демократию,<sup>2</sup> — то в этой «демократии» обнищавший и приутихший демос, лишенный финансовой поддержки в виде мистофории (платы за исполнение должностей) и моральной в виде уверенности в своих силах, играл исключительно пассивную роль и едва ли имел реальную власть.

---

<sup>1</sup> Попытку Бориса Дрейера доказать, что демократия в Афинах закончилась не в 322 г., а около 260 г. до н.э. (*Dreyer B. Wann endet die Klassische Demokratie Athens? // AS. Vol. 31. 2001. S. 27–65*), мы считаем неубедительной.

<sup>2</sup> *Mossé C. Les institutions grecques a l'époque classique. P., 1999. P. 35.*



## Глава I. Возникновение и развитие народного суда в Афинах (VI –V вв. до н.э.)

### § 1. Судебная реформа Солона

И античные, и современные авторы единодушно сходятся в высокой оценке деятельности афинского законодателя Солона, архонта-фесмофета 594 г. до н.э., — эта дата и считается датой проведения его реформ. Среди важнейших отмечается сисахфия (отмена долгового рабства), тимократическая реформа (введение имущественного ценза), создание Совета Четырехсот (буле) и народного суда (гелиэи). Вокруг некоторых из этих преобразований в науке ведутся жаркие споры: уточняется их содержание, преемственность с прежними институтами, обстоятельства принятия и проведения в жизнь и т. п. При общем признании фундаментальности Солоновых реформ сохраняются определенные разногласия среди исследователей — порой на уровне едва уловимых оттенков — при оценке значения этих преобразований для дальнейшего развития афинского полиса. Многие античные авторы (правда, писавшие свои сочинения спустя два и более века после Солона) были уверены: Солон заложил основы афинской демократии (Aristoph. Nub., 1187 — Солон назван «демофилом»; Isocr., VII, 16–17; Dem., XXII, 31; Aeschin., III, 257; Нур., III, 21; Aristot. Ath. pol., 41, 2). Как известно, Аристотель именно на Солона возлагал ответственность за установление «прародительской демократии», в которой удачно смешивались элементы разных государственных устройств (καὶ δημοκρατίαν καταστήσαι τὴν πατρίον, μίξαντα καλῶς τὴν πολιτείαν), причем «ареопаг представляет олигархический элемент, замещение должностей посредством избрания — элемент аристократический, а народный суд — демократический» (εἶναι γὰρ τὴν μὲν ἐν' Ἀρείῳ πάγῳ βουλήν ὀλιγαρχικόν, τὸ δὲ τὰς ἀρχὰς αἰρετὰς ἀριστοκρατικόν, τὰ δὲ δικάστηρια δημοτικόν — Pol., 1273b38–42 — пер. С.А. Жебелева).

Большинство исследователей делают упор на умеренности и компромиссности преобразований Солона. Так, В.В. Латышев, известный российский дореволюционный антиковед, замечал, что солоновское устройство — «сочетание демократических и аристократических элементов,

взаимно ограничивавших и уравнивавших друг друга. В последующее время демократические начала все более и более усиливались, в ущерб аристократическим».<sup>1</sup> В. Эренберг утверждал: Солоново законодательство проникнуто духом «умеренного консерватизма»; хотя народовластие не было прямой целью Солона, его государственное устройство зиждилось на «Его величестве Законе» — таким образом он мостил дорогу в будущее, которая вела к демократии с ее идеалом государства закона, свободы и равенства.<sup>2</sup> По мнению Э.Д. Фролова, Солон был родоначальником афинского гражданского общества, т. е. полисного строя: «Солон прозорливо усматривал и не переставал подчеркивать как главный полисный принцип тему нормы или закона, в силу чего, вопреки радикальным стремлениям народной массы, он, хотя и заложил устои демократии, все же сохранил и ряд опор прежнего режима, осуществив таким образом свой принцип меры».<sup>3</sup>

Высказывалась и иная точка зрения: Солона едва ли можно (даже с оговорками) назвать основателем демократии (это заблуждение греческих авторов IV в. до н.э.), так как он сохранил многие прежние политические органы аристократического государства.<sup>4</sup> Немецкий историк Э. Рушенбуш вообще поставил под сомнение всю традицию по внутренней истории Афин конца VII–VI вв., посчитав сообщения о деятельности реформаторов Драконта, Солона и Клисфена плодом домысла афинских писателей IV в. (особенно аттидографов Андротиона и Клидема), отражением тогдашней идейной и политической борьбы.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Часть первая: государственные и военные древности. СПб., 1997. С. 147.

<sup>2</sup> Ehrenberg V. From Solon to Socrates. L.; N. Y., 1989. P. 67, 74. В похожих словах: «Солон повел Афины по тому пути, который через последующие реформы Клисфена и Эфиальта привел к полной демократии V в.», — с подчеркиванием умеренности Солона, писал об афинском реформаторе Ч. Старр: Starr Ch. The Birth of Athenian Democracy. The Assembly in the Fifth Century. N. Y.; Oxford, 1990. P. 8–9.

<sup>3</sup> Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. С. 135. Цитата. — С. 132.

<sup>4</sup> См.: Hignett C. A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B. C. Oxford, 1962. P. 89; Hansen M.H. The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology / Tr. by J. A. Crook. Norman, 1999. P. 299 («приписывать начало афинской демократии Тезею или Солону, — конечно, nonsense»). Также: Лурье С.Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. до н. э. // УЗ ЛГУ. № 39. Серия истор. наук. Вып. 4. 1939. С. 84: «Солон сохранил в основных чертах родовой аристократический строй»; Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелии. С. 13–14.

<sup>5</sup> Ruschenbusch E. «Patrios Politeia»: Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jh. v. Chr. // Historia. Bd. 7.



Однако *полное* отрицание демократических элементов Солоновой конституции и исключительное выпячивание аристократических противоречит не только Аристотелю (можно ведь сослаться на двести с лишним лет, отделяющих Стагирита от времени Солона), но и оценке собственных преобразований самим законодателем, который, отвечая многочисленным критикам, писал:

*Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —  
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.  
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством  
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.  
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,  
И никому побеждать не дал неправо других.*

(fr. 5, 1–6, Diehl — пер. С.И. Радцига)

Преобладающим в современной науке все же является мнение о компромиссном характере законодательства Солона; иногда более смело, а в последнее время чаще весьма осторожно, со множеством оговорок, говорится и о его *связи* с последующим утверждением демократии в Афинах.<sup>1</sup> Это вовсе не означает, что афинская демократия начина-

1958. С. 398–424. См. блестящую критику концепции Рушенбуша, особенно разбор и опровержение его т.н. «филологических аргументов» в статье: *Доватур А.И.* Вопросы истории афинской демократии в новейшей зарубежной литературе // Критика новейшей зарубежной историографии. М., 1961. С. 412–420.

<sup>1</sup> Кроме уже упомянутых мнений — сходную оценку см. в: *Бузескул В.П.* История Афинской демократии. СПб., 2003. С. 92–94; *Колобова К.М.* Революция Солона // УЗ ЛГУ. № 39. Серия ист. наук. Вып. 4. 1939. С. 29, 41; *Андреев Ю.В.* Греция в архаический период и создание классического греческого полиса // История древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. Т. 2. М., 1989. С. 86, 88 («умеренная демократия»); *Leach A.* The Athenian Democracy in the Light of Greek Literature // *AJPh.* Vol. 21. 1900. P. 363; *Woodhouse W.J.* Solon the Liberator. L., 1938. P. 207–208; *Cloch   P.* La d  mocratie ath  nienne. P., 1951. P. 6; *Cadoux T.J., Gomme A.W.* Solon // *OCD.* P. 1000; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 15; *Glottz G.* Histoire Grecque. Vol. I. P., 1986. P. 429, 437, 441; *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: the Character of Greek Politics 800–400 B.C. L., 1966. P. 173–174; *Romilly J. de.* Probl  mes de la d  mocratie grecque. P., 1975. P. 78; *Rhodes P.J.* The Athenian Revolution // *CAH*<sup>2</sup>. Vol. V. Cambr., 1992. P. 88, 91; *Hornblower S.* Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // *Democracy.* P. 3, 15; *Wolin Sh.* Norm and Form: the Constitutionalizing of Democracy // *APTRAD.* P. 35; *Wallace R.W.* Solonian Democracy // *Democracy* 2500? P. 20–26 (один из немногих ныне исследователей, кто решительно отдает пальму первенства «отца-основателя» демократии Солону).

ся с Солона. Основателем демократии чаще всего называется Клисфен, полностью же данный государственный строй развился после и в результате реформ 80-х–60-гг. V в. (особенно создания флота и реформы Эфиальта) и возникновения афинской морской державы — архэ.<sup>1</sup> Некоторые считают, что Клисфен в лучшем случае заложил основы, а демократия вообще начинается с Эфиальта, так как и после преобразований конца VI в. высшие классы сохраняли контроль над управлением, а у народа еще не было достаточного контроля над должностными лицами.<sup>2</sup> В свете всего вышесказанного, можно говорить лишь о том, что Солон (естественно, без какой-либо футуристической, телеологической и тому подобной установки) некоторыми своими преобразованиями дал определенный импульс или стимул, задал вектор движения в сторону демократии, создал некие условия для её последующего развития. В последнем наши античные источники никогда и не сомневались, как и не сомневались и в том, что одной из важнейших демократических реформ Солона является создание гелиэи — народного суда.

---

<sup>1</sup> См., например: *Зельин К.К.* Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М., 1964. С. 115, 251; *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 186 (Клисфен — «отец-основатель» классической афинской демократии»); *Glötz G.* The Greek City and its Institutions. L., 1969. P. 122; *Wood E.M.* Democracy: An Idea of Ambiguous Ancestry // *APTRAD.* P. 72; *Strauss B.S.* The Athenian Trirem, School of Democracy // *Demokratia.* P. 313; *Morris I., Raaflaub K.* Introduction // *Democracy 2500?* P. 3–4; *Ober J.* The Athenian Revolution. P. 32–52 (с акцентом на ключевой роли демоса в «демократической революции» конца VI в.). Вариант: демократия начинается с Клисфена, но это еще ранняя, незавершенная, нереализованная до конца демократия (*Карпюк С.Г.* Лекции по истории Древней Греции. М., 1996. С. 64; *Hignett C.* A History... P. 157 («гоплитская демократия»); *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. Paderborn, 1991. S. 37–38, 42–43).

<sup>2</sup> *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 26–27; *Meier Chr.* The Greek Discovery of Politics / Tr. by D. McIntock. Cambr. Mass.; L., 1990. P. 84–87; *Kinzl K.H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // *Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to F. Schachermeyr on the Occasion of his Eightieth Birthday* / Ed. by K.H. Kinzl. B.; N. Y., 1977. P. 222–223; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes // *Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen* / Hrsg. K. Kinzl. S. 161–212; *Raaflaub K.* Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy // *Democracy 2500?* P. 33, 39–45, 50 (демократия начинается с полной политической интеграции фетов). Крайняя разновидность данного мнения: *Туманс Х.* Рождение Афины. СПб., 2002. P. 388–394 (автор хотя и соглашается с тем, что реформы Клисфена заложили основы демократии, но весь период до реформы Эфиальта именует не иначе как «аристократическим правлением»).

Правда, в историографии высказывались некоторые сомнения относительно солоновского судебного законодательства. Для этого скепсиса есть кое-какие объективные основания: известно, что в глазах афинян конца V и особенно IV в. до н. э. Солон как творец демократии был автором чуть ли не всех политических институтов и большинства законов; ему приписывали все мыслимые и немыслимые преобразования.<sup>1</sup> Некоторые ученые, с азартом выявляя «подложные» Солоновы законы, не пощадили и гелиэю. Так, К. Моссе отнесла судебный закон Солона к числу «мифических» на следующем основании: не было никакой необходимости создавать гелиэю, поскольку, по словам Аристотеля (Ath. pol., 8, 4), реформатор сам позаботился о том, чтобы высшая судебная власть принадлежала Ареопагу; народный суд же в Афинах появился только в конце 60-х гг. V в. в результате реформы Эфиальта (sic! — Т. К.).<sup>2</sup> Высказывалось предположение о том, что гелиэя, как и экклесия (народное собрание), была старше реформ начала VI в.: необязательно верить в то, что именно Солон создал народный суд — это один из анахронизмов, которых у Аристотеля немало.<sup>3</sup> Более осторожные скептики указывали на то, что законодатель мог воспользоваться уже существующими институтами, видоизменив, «поправив», развив их: по утверждению американского историка Р. Боннера, «гелиэя была восстановленной и реорганизованной гомеровской агорой».<sup>4</sup>

Весомых доказательств сторонники этих точек зрения привести не могли, ибо если о Солоновой гелиэе нам известно немного, то о до-Солоновой — вовсе ничего. Подавляющее большинство исследователей следуют традиции, связывая создание народного суда именно с Солоном.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Солону приписывалось в древности около 100 законов. См.: Ленцман Я. А. Достоверность античной традиции о Солоне // Древний мир. Сб-к статей. М., 1962. С. 581.

<sup>2</sup> Mossé C. How a Political Myth Takes Shape: Solon, «Founding Father» of the Athenian Democracy // Athenian Democracy. P. 254–256. В нашем дальнейшем изложении мы попытаемся показать несостоятельность подобных воззрений, ведущих в тупик, пока же заметим, что нигде Аристотель не отождествляет и не путает функции Солоновой гелиэи и Ареопага.

<sup>3</sup> Day J., Chambers M. Aristotle's History of Athenian Democracy // University of California Publications in History. Vol. 73. Berkeley; Los Angeles, 1962. P. 184.

<sup>4</sup> Bonner R., Smith G. The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I. Chicago, 1930. P. 158, 160. См. также: Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993. С. 186; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. II. München, 1926. S. 1151; Sealey R. The Athenian Republic: Democracy or the Rule of Law? University Park; L., 1987. P. 119.

<sup>5</sup> См., например: Бузескул В. П. История Афинской демократии. С. 89–91; Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. С. 134; Leach A. The Athenian Democracy... P. 363; Lipsius J. H. Das attische Recht und Rechtsverfahren. Darmstadt,

Дальнейшее развитие этого органа, его постепенное, но неумолимое усиление стало одним из решающих факторов, обеспечивших превращение умеренной демократии «праотцов» в радикальную демократию середины V в. Напрямую связывал изменения в афинском государственном строе с судебной реформой Солона Аристотель: «Демократию именно он /Солон/ установил тем, что ввел народный суд, где могут быть судьями все... (τὸν τε δῆμον καταστήσαι, τὰ δικάσθηρια ποιήσας ἐκ πάντων)... Когда народный суд усилился (ἐπεὶ γὰρ τοῦτ' ἴσχυεν), то пред народом стали заискивать, как перед тиранном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию» (ὥσπερ τυράννῳ τῷ δῆμῳ χαρίζομενοι τὴν πολιτείαν εἰς τὴν οὖν δημοκρατίαν μετέστησαν) (Pol., 1274a2–8 – пер. С. А. Жебелева).

Кажется несомненным положение о важности создания народного суда и его роли в последующем развитии афинской демократии, опирающееся на авторитет отца всех политических наук. Однако существует ряд вопросов, связанных как с самим термином «ἡλιαία», так и с воссозданием облика и полномочий солоновской гелиэи, вокруг которых в историографии идет оживленная дискуссия. Первое легкое недоумение возникает, если посмотреть на термины, которые использует Аристотель для обозначения народного суда: и в «Афинской политике» (7, 3; 9, 1), и в «Политике» (1274a3) – это τὸ δικάσθηριον или τὰ δικάσθηρια. Таким же образом именует суд и Плутарх в биографии Солона (18, 2–3). Еще Джордж Грот указал на то, что это явный и очевидный анахронизм: Аристотель воспользовался тем названием народного суда, которое было принято в его время и которого скорее всего не существовало во времена Солона.<sup>1</sup> Посему многие современные ученые мужи «поправляют» Аристотеля, указывая на то, что Солоновым названием должно было быть «ἡλιαία»<sup>2</sup> или «ἡλιαία» (без придыхания).<sup>3</sup>

1966 (Repr.). S. 28; *Hignett C.* A History... P. 97; *Forrest W.G.* The Emergence... P. 170; *Ruschenbusch E.* Solonos Nomoi. Die Fragmente des Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte // *Historia-Einzelschriften*. H. 9. Wiesbaden, 1966. S. 74; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. L., Indianapolis, 1998. (Repr., 1971). Vol. II. P. 239; *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. L., 1978. P. 30; *Ehrenberg V.* The Greek State. L., 1969. P. 72; *Hansen M.H.* The Athenian Heliastia from Solon to Aristotle // *CM*. Vol. 33. 1981/82. P. 27–39; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 160–161; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 8–12, 48; *Wallace R.W.* Solonian Democracy. P. 20; *Raaflaub K.* Power... P. 38, 51.

<sup>1</sup> См.: *Grote G.* A History of Greece. L., 1869. Vol. III. Part 2. P. 128–129.

<sup>2</sup> Укажем лишь на некоторые работы: *Busolt G.*, *Swoboda H.* Op. cit. S. 1151; *Hignett C.* A History... P. 97; *Ruschenbusch E.* Solonos Nomoi. S. 74; *Hansen M.H.* The Athenian Heliastia. P. 28; *Rhodes P.J.* Op. cit. P. 160.

<sup>3</sup> Те, кто предполагает, что в древности это слово производилось именно так, ссылаются на несколько надписей V в. до н.э. (IG I<sup>3</sup>, 40, 75 – ἡλιαίαν; 71, 14

Обычно ссылаются при этом на некий древний закон о кражах, цитируемый Демосфеном: «При похищении у кого-либо какой-то [собственности], если пострадавший сам возьмет ее, штраф укравшему назначается в двойном размере [стоимости украденного], если же не возьмет — в десятикратном размере, в добавление к штрафу, установленному законами. Вор должен быть закован в ножные колодки в течение пяти дней и пяти ночей, если гелиэя приговорит его к этому дополнительно наказанию (...ἐὰν προσιτήσῃ ἡ ἡλιαία). Право предложить дополнительное наказание имеет каждый желающий, когда речь будет идти о его размере» (XXIV, 105 — пер. В.Г. Боруховича). Еще более убедительный аргумент — цитата из «древних законов Солона» (τοὺς νόμους τοὺς Σόλωνος τοὺς παλαιούς) у Лисия (X, 16; речь идет о том же законе): «нога у него должна быть заключена в колодку в течение пяти дней, если гелиэя прибавит наказание (ἐὰν προσιτήσῃ ἡ ἡλιαία)».<sup>1</sup> Скорее всего, афинский оратор цитирует подлинные Солоновы *ἄξονες*:<sup>2</sup> в его распоряжении вполне могли быть тексты этого и других древних законов. Известно, что еще в середине V в. до н.э. в Афинах можно было увидеть аксоны (или кирбы?)<sup>3</sup>, на которых были изначально запи-

—ἐλιαίαι) и на пару мест у Аристофана (Vesp., 771–772 — ἡλιάσει — «будете судить»). См.: *Wade-Gery H.T. Essays in Greek History*. Oxf., 1958. P. 173, n. 4; *MacDowell D.M. Aristophanes Wasps*. Oxf., 1971. P. 158; *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 160. Более подробно о соотношении понятий «гелиэя» — «дикастерии» мы поговорим в гл. III.

<sup>1</sup> По умолчанию перевод античных авторов и надписей — наш собственный; если перевод нам не принадлежит, мы это специально оговариваем (редким исключением является одно — два слова). Иногда «чужие» переводы мы даем «с нашими изменениями». В отдельных случаях, если того требует контекст, мы все-таки замечаем «перевод наш».

<sup>2</sup> См.: *Ruschenbusch E. Solonos Nomoi*. S. 74; *Hansen M.H. The Athenian Heliastia*. P. 28.

<sup>3</sup> Законы Солона были написаны на деревянных трехгранных призмах, вращающихся на оси — *ἄξονες*; иногда они обозначаются как *κίρβεις*. Аристотель вовсе не различает эти два понятия; Плутарх же, ссылаясь на «некоторых», замечает, что на кирбах были записаны постановления о священнодействиях и жертвоприношениях, а все прочие законы — на аксонах, вращающихся пирамидах (Sol., 25). Одни исследователи считают эти слова синонимами (*Ruschenbusch E. Op. cit.* S. 14–25 — *κίρβεις* включали каркас, куда вставлялись *ἄξονες*; *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 132); другие полагают, что *κίρβεις* назывались копии Солоновых законов, вырезанные на каменных или бронзовых столбах с остроконечной верхушкой (*Wilamowitz-Mollendorff U. von. Aristoteles und Athen*. Bd. I. Berlin, 1893. S. 45; *Glötz G. Histoire Grecque*. P. 432; *Латышев В.В. Очерк...* Ч. I. С. 147; из недавних работ — *Stroud R.S. The Axones and Kyrbeis of Dracon and Solon*. Berkeley; Los Angeles, 1979. P. 12–13, 41–44; *Robertson N. Solon's Axones and Kyrbeis and the 6-th Century Background* // *Historia*. Bd. 35. 1986. P. 147–176).

саны Солоновы законы, правда, в неважном состоянии (Plut. Sol., 25). С большой долей вероятности можно утверждать, что эти тексты в конце V в. до н.э., когда проходила ревизия законов, перекопировали на стелы, подобно тому как в 409/8 г. был перекопирован, причем очень качественно, с сохранением архаизмов языка и стиля, древний закон Драконта об убийствах.<sup>1</sup>

Что представлял из себя народный суд, который, вероятно, действительно с самого начала назывался *гелизей*, во времена Солона? Информация наших источников на этот счет довольно скудная. Аристотель сообщает о том, что фетам — беднейшим гражданам, принадлежавшим к четвертому имущественному классу, Солон «дал участие только в народных собраниях и судах» (τοῖς δὲ τὸ θητικὸν τελούσιν ἐκκλησίας καὶ δικαστηρίων μετέδωκε μόνον) (Ath. pol., 7, 3 — перевод здесь и ниже С.И. Радцига). Далее греческий философ отмечает следующие положения солоновского государственного устройства, которые являются, на его взгляд, самыми демократичными (τὰ δημοτικώτατα): «первое и самое важное — отмена личной кабалы и обеспечение ссуд; далее предоставление всякому желающему возможности выступить истцом за потерпевших обиду (τὸ ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων); третье, отчего, как утверждают, приобрела особенную силу народная масса, — *апелляция к народному суду* (τρίτον δὲ, ᾧ μάλιστα φασιν ἰσχυκεῖναι τὸ πλῆθος, ἡ εἰς τὸ δικαστήριον ἔφεσις)» (9, 1 — курсив наш).

Плутарх более словоохотливо рассуждает о гелиэе, но, по сути, ничего нового не сообщает. Он подтверждает, что феты участвовали в управлении только тем, что присутствовали в народном собрании и были судьями, а далее замечает: «Последнее казалось в начале ничего не значащим правом, но впоследствии стало в высшей степени важным (ἕσπερον δὲ παμμέγεθες ἐφάνη), потому что большая часть важных дел попадала к судьям (τὰ γὰρ πλείστα τῶν διαφόρων ἐνέπιπτεν εἰς τοὺς δικαστάς). Даже на приговоры по тем делам, решение которых Солон предоставил должностным лицам, он позволил также желающим апеллировать в суд (καὶ γὰρ ὅσα ταῖς ἀρχαῖς ἔταξε κρίνειν, ὁμοίως καὶ περὶ ἐκείνων εἰς τὸ δικαστήριον ἐφέσεις ἔδωκε τοῖς βουλομένοις). Говорят, даже некоторой неясностью и многочисленными противоречиями в тексте законов Солон возвысил значение судов (λέγεται δὲ καὶ τοὺς νόμους ἀσαφέστερον γράψας καὶ πολλὰς ἀντιλήψεις ἔχοντας αὐξῆσαι τὴν τῶν δικαστηρίων ἰσχύϊν): благодаря этому, когда предмет спора не

<sup>1</sup> См.: Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 69.

мог быть решен на основании законов, приходилось всегда иметь надобность в судьях и всякое спорное дело вести перед ними, так как они были некоторым образом господами над законами (τῶν τινὰ τῶν νόμων κυρίους ὄντας)» (Sol., 18, 2–3 — пер. С.И. Соболевского).

Из всего вышеприведенного можно извлечь следующее: гелиэя первоначально была органом, где рассматривались апелляции, в том числе на приговоры, вынесенные должностными лицами; гелиэя прошла определенный путь развития; ее значение увеличивалось по мере того, как она превращалась в судебный орган, занятый рассмотрением «важных дел» (διαφόρων). Все это вполне соответствует замечаниям Аристотеля из «Политики» (1273b36–1274a3) и «Афинской политики». Утверждение же Плутарха о нарочитой неясности в законах как питательной почвы для судебных тяжб едва ли соответствует действительности, да и сам греческий историк на этом не настаивает, используя ни к чему не обязывающее «говорят...» (λέγεται). Аристотель эти домыслы решительно отвергает: «некоторые думают, что Солон нарочно сделал законы неясными, чтобы решение дел зависело от народа (οἷονταί μὲν οὖν τινὲς ἐπίτηδες ἀσαφεῖς αὐτὸν ποιῆσαι τοὺς νόμους ὅπως ἢ τῆς κρίσεως ὁ δῆμος κύριος). Однако это предположение неправдоподобно, а скорее этот факт объясняется тем, что он не умел в общей форме выразить наилучшее (οὐ μὴν εἰκός, ἀλλὰ διὰ τὸ μὴ δύνασθαι καθόλου περιλαβεῖν τὸ βέλτιστον)» (Ath. pol., 9, 2 — пер. С.И. Радцига).<sup>1</sup> В конце концов, афинские законодатели только делали первые шаги по «правовому полю», осваивали категории права, поэтому некая нечеткость, расплывчатость в предлагаемых им правовых нормах вполне могла присутствовать.

Итак, и Аристотель, и Плутарх считали гелиэю новым институтом, изобретенным Солоном, судом последней инстанции, принимающим апелляции. Судя по цитируемому у Лисия и Демосфена древнему закону о кражах (см. выше), гелиэя также могла наложить дополнительное наказание и утяжелить таким образом приговор, вынесенный магистратом, причем любой гражданин мог выступать в качестве обвинителя.

Предоставление желающему возможности выступать истцом за потерпевших обиду (τὸ ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων — Ath. pol., 9, 1) Аристотель перечислил среди трех наиболее демокра-

<sup>1</sup> Проблему неясных или противоречивых законов (ἀσαφεῖς νόμοι) разбирает в своей статье Э. Рушенбуш (*Ruschenbusch E. Δικαστήριον πάντων κύριον* // *Historia. Bd. VI. 1957. S. 257–274*). По мнению немецкого историка, которое нам представляется достаточно убедительным, речь не может идти о какой-либо нарочитой запутанности афинских законов, а скорее о «правовых провалах», когда определенные правонарушения не определялись законом, а их классификация и интерпретация были оставлены на усмотрение судей.

тических преобразований Солона (наряду с отменой долговой кабалы и введением гелизи). Прежде инициатором обвинения мог быть только сам потерпевший или его родственник, теперь в этом качестве мог выступать любой гражданин (*ὁ βουλόμενος*). Вероятно, Солоново новшество касалось государственных исков (*γραφαί*), и оно давало возможность вносить иски за тех, кто по каким-то причинам был не в состоянии этого сделать сам, или в тех случаях, когда потерпевшей стороной считалась не личность, а государство.<sup>1</sup> Мотивы, которыми руководствовался законодатель, Плутарх толкует следующим образом: «Думая, однако, что ещё больше нужно помочь бессилию народа, он позволил всякому гражданину выступать в защиту потерпевшего и требовать наказания преступника (*ἔτι μέντοι καὶ μᾶλλον οἰόμενος δεῖν ἐπαρκεῖν τῇ τῶν πολλῶν ἀσθενείᾳ, παντὶ λαβεῖν δίκην ὑπὲρ τοῦ κακῶς πεπονθότος ἔδωκε*)» (Sol., 18, 5 — пер. С.И. Соболевского, с нашими изменениями). Сделано это было для того, чтобы граждане приучались «сострадать друг другу» (*συναλγεῖν ἀλλήλοις*) и «быть как бы членами единого тела» (*ὥσπερ ἑνὸς μέρη συναισθάνεσθαι*). Далее греческий историк приводит скорее всего вымышленный, но любопытный с точки зрения того, как сами греки воспринимали эту солоновскую меру, ответ законодателя на вопрос, какое государство самое благоустроенное: «То, в котором необиженные не менее, чем обиженные, обвиняют в суде и наказывают совершивших беззаконие (*...ἐν ᾗ τῶν ἀδικομένων οὐχ ἦττον οἱ μὴ ἀδικοῦμενοι προβάλλονται καὶ κολλάζουσι τοὺς ἀδικοῦντας*)» (5–6). Сочтем за анахронизм приписываемые греческим историком Солону демократические убеждения («помочь простому народу»), но что касается приписываемых Солону слов, — даже если это поздний анекдот, он прекрасно передает тот полисный дух («члены единого тела»), который великий реформатор пытался привить согражданам с помощью своих преобразований.

Впоследствии сами афиняне воспринимали инициативу τοῦ βουλόμενου в судопроизводстве как одну из самых характерных черт афинской демократии,<sup>2</sup> тем более что постановления народного собра-

<sup>1</sup> См.: *Ruschenbusch E.* Untersuchungen zur Geschichte des athenischen Strafrechts. Köln – Graz, 1968. (Graezistische Abhandlungen. Bd. 4.) S. 47–53; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 160; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 9. В классическую эпоху ὁ βουλόμενος мог выступать инициатором только исков по государственным преступлениям (*γραφαί*); частные иски (*δίκαί*) подавались потерпевшей стороной.

<sup>2</sup> Современные исследователи в этом с ними солидарны; они также указывают на роль инициативы τοῦ βουλόμενου в развитии народовластия. См., например: *Lofberg O.* Sycophancy in Athens. N. Y., 1979. (Repr. 1917) P. 1; *Bon-*



ния также инициировались «желающим». Обвинители часто подчеркивали, какую важную роль играют инициативные граждане в афинском обществе (Лус., I, 6). Оратор Гиперид риторически вопрошал об этой инициативе: «Что может быть лучше или демократичнее этого в государстве? (τὸ ἐν τῇ πόλει βέλτιον ἢ δημοτικώτερον;)» (IV, 11). А Демосфен так пояснял причины, побудившие Солона принять этот закон: законодатель исходил из того, что насилие — это общая несправедливость, причиняемая и тому, кто напрямую им не был задет (καὶ κατὰ τῶν ἑξῆς τοῦ πράγματος — XXI, 45). Показательно, что Платон, известный своей неприязнью к демократии, тем не менее в «Законах» предусмотрел институт «общественных обвинителей» аналогичный тому, который существовал в демократических Афинах (768a, 856b–c). Обосновывается эта идея следующим образом: «кто не совершит несправедливости — почтенен (τίμιος), но более чем вдвое достоин почета тот, кто и другим не позволяет её совершить. Ибо первый равноценен одному, второй же — многим, так как указывает на несправедливость других людей» (730d — пер. А.Н. Егунова).

Нам ничего неизвестно о составе первоначальной гелиэи; едва ли она включала в себя 6000 граждан, как народный суд во второй половине V – IV вв.<sup>1</sup> Можно только предполагать<sup>2</sup>, что и во времена Солона ежегодно в суд избирались по жребию граждане, обладавшие определенным житейским опытом и степенностью, т. е. достигшие тридцатилетнего возраста. То, что клятва, которую впоследствии приносили афинские судьи, именовалась клятвой гелиастов (ὁ τῶν ἡλιαστῶν ὄρκος, или ὁ ἡλιαστικός ὄρκος), указывает на её раннее, возможно, солоновское

---

ner R.J. Aspects of Athenian Democracy. Berkeley; Los Angeles, 1933. P. 31; Vlastos G. Solonian Justice // CPh. Vol. 41. № 2. P. 70–72; Cloché P. La démocratie athénienne. P. 5; Crawley L.W.A. Граφὴ συκοφαντίας // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock / Ed. by B.F. Harris. Auckland, 1970. P. 80, 87; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 15, 80; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 21; Harvey D. The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition? // Nomos. P. 103; Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 118. Об инициативе τοῦ βουλευμένου и её последствиях — см. ниже, гл. III.

<sup>1</sup> Цифра 6000 для гелиэи впервые встречается в «Осах» Аристофана (662).

<sup>2</sup> Как, например, предполагают: Meyer E. Geschichte des Altertums. B., 1893. Bd. II. S. 659; Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 30; Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 30, 352; Lotze D. Die Teilhabe des Bürgers an Regierung und Rechtsprechung in den Organen der direkten Demokratie des klassischen Athen // Demokratia. Der Weg... S. 407; Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen. Vom Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // GP. S. 17; Белох Ю. История Греции. Т. 1. М., 1897. С. 257.

происхождение — т. е. на то время, когда существовал еще единый и неделимый суд. То, что в V–IV вв. гелиэей назывался суд фесмофетов, позволяет высказать догадку, что фесмофеты председательствовали на заседаниях судебного органа, созданного Солоном, и скорее всего, созывали его.<sup>1</sup> Делилась ли гелиэя в VI в. на секции — определить невозможно: судя по молчанию источников и по употреблению этого термина в позднюю эпоху, когда он обозначал суд в целом, — едва ли. Доказать здесь ничего невозможно, что дает *carte blanche* исследователям на вольную реконструкцию работы гелиэи в VI в. Так, М. Хансен предполагает, что она делилась сначала на две секции, а после административно-территориальной реформы Клисфена (создание 10 новых фил) — на десять.<sup>2</sup>

И Аристотель, и Плутарх говорят об апелляции (ἔφεσις) к народному суду как о его важнейшей функции. Соблазнительно усмотреть сходство греческой ἔφεσις с римским *ius provocacionis*.<sup>3</sup> В Риме в эпоху республики *provocatio ad populum* — апелляция гражданина к народному собранию (комициям) против решения магистрата, по которому он приговаривался к смерти или выплате большого денежного штрафа, — была не просто средством обуздания чиновничьего произвола, а рассматривалась как главная гарантия политических прав граждан, как знак суверенности римского народа.<sup>4</sup> К сожалению, нам неизвестен ни один случай апелляции в афинском суде VI в. — исследователи вольны задействовать здесь свое воображение и логику. Э. Рушенбуш полагает, что ἔφεσις — не столько обжалование, сколько передача первой инстанцией рассмотрения дела в суд высшей инстанции. Эта передача может последовать, если одна из сторон недовольна решением первой инстанции, а может совершаться и по инициативе той судебной власти (первой инстанции), перед которой это дело сначала предстало, даже если она не вынесла вердикт.<sup>5</sup> Впрочем, различие с общераспространенным пониманием не очень принципиальное: ведь те исследователи,

<sup>1</sup> См.: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 161.

<sup>2</sup> Hansen M.H. The Athenian Heliaia. P. 36. О других гипотезах — см. § 2.

<sup>3</sup> На это обращал внимание еще Плутарх (Comparat. Sol. et Poplic., 2), а также современные историки. См., например: Adcock F.E. The Reform of the Athenian State // CAH. Vol. IV. Cambr., 1926. P. 56; Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 159; Wolff H.J. The Origins of Judicial Litigation among the Greeks // Traditio. Vol. IV. 1946. P. 80; Wade-Gery H.T. Essays... P. 196.

<sup>4</sup> См.: Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 265.

<sup>5</sup> Ruschenbusch E. \*Εφεσις // ZSSRG. Bd. 78. 1961. S. 386–390.

которые говорят именно об *апелляции*, толкуют ее как процедуру, позволяющую участнику тяжбы, недовольному приговором архонта, обратиться в гелиэю для нового судебного разбирательства.<sup>1</sup>

Несколько шире понимает право апелляции У. Виламовиц: если магистрат своим вердиктом превышал некую установленную предельную норму наказания, процедура *ἑφέσις* становилась обязательной (как например, когда в классическую эпоху Совет хотел назначить штраф более 500 драхм, дело автоматически передавалось в суд).<sup>2</sup> Как и в других случаях, когда современные антиковеды дополняют скудные данные традиции по Солоновой гелиэе, это — лишь одна из возможных реконструкций. Непонятно, как происходила в этом случае передача дела гелиэе: требовалось ли возражение кого-то из участников тяжбы или процедура запускалась автоматически, даже в случае согласия сторон с вердиктом. Критики точки зрения Виламовица — Хигнета приводят в пользу традиционного понимания *ἑφέσις* следующий довод: употребление в источниках (в судебном языке) глагола *ἐφίημι*, существительного *ἑφέσις* и производного от последнего прилагательного *ἐφέσιμος* подразумевает инициативу как раз той стороны, которая недовольна принятым решением, а не какой-либо судебной инстанции, что соответствует обычному содержанию понятий «апеллировать, апелляция, апелляционный»; именно это значение имеют в виду Аристотель и Плутарх, когда говорят о полномочиях народного суда.<sup>3</sup>

Возможно, на заре существования народного суда были какие-то дела, по которым решение магистрата являлось окончательным и не подлежащим обжалованию, если определенное им наказание находилось в

<sup>1</sup> *Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 159; Wade-Gery H.T. Essays... P. 173–176; Gernet L. Droit et société dans la Grèce ancienne. P., 1964. P. 68, n. 6; Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 72–74; MacDowell D.M. The Law... P. 30–32; Rhodes P.J. The Athenian Boule. Oxford, 1972. P. 200; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 12; Andrewes A. The Growth of the Athenian State // CAH<sup>2</sup>. Vol. III. P. 3. P. 388.*

<sup>2</sup> *Wilamowitz-Möllerndorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. I. S. 60.* С Виламовицем соглашается Хигнет: *A History... P. 160.* Наряду с обычным пониманием *ἑφέσις* допускает вышеназванное также Баумэн (*Bauman R. Political Trials in Ancient Greece. P. 5*). О широкой коннотации *ἑφέσις* рассуждает и Р. Сили, обращая внимание на то, что значение этого термина выходит за пределы современной «апелляция», и в некоторых случаях предпочтительнее перевод «передача в другую инстанцию» («reference») (*The Athenian Republic. P. 61–70*).

<sup>3</sup> *Wade-Gery H.T. Essays... P. 192–195* (английский ученый доказывал, что субъектом при глаголе *ἐφίημι* всегда является сторона, участвующая в тяжбе, а не судебная инстанция; там же см. примеры); *MacDowell D.M. Op. cit. P. 31.*

рамках установленного предела (как это было в судебной практике IV в.).<sup>1</sup> Однако наиболее типичной, скорей всего, была такая картина афинского судопроизводства VI в. до н.э.: недовольный решением должностного лица апеллирует к гелиэе — та выслушивает дело заново и выносит собственное решение, имеющее окончательную силу.

М. Оствальд предположил, что в начале V в. до н.э. апелляция к гелиэе стала на самом деле обязательной по делам, которые подразумевали в качестве наказания крайнюю меру или большой штраф (государственное преступление или преступление, выявленное во время отчета слагающего полномочия должностного лица).<sup>2</sup> Это допущение опирается на предложенное им толкование надписи IG I<sup>3</sup>, 105 (=IG I<sup>2</sup>, 114), дошедшей до нас в нескольких фрагментах и далеко не в лучшем виде. Эта надпись (410/409 г. до н.э.) — знаменитая клятва членов Совета (булевтов), как полагают, воспроизводит полностью или в каких-то частях старую клятву (оригинальная версия относится к первой половине V в. или даже к началу VI в. — существуют различные датировки). Надпись привлекала внимание многих исследователей.<sup>3</sup> В ней по меньшей мере 8 раз встречается выражение  $\delta\ \delta\eta\mu\omicron\varsigma\ \delta'\ \text{Αθηναίων}\ \text{πληθύνων}$ , чаще всего в форме « $\delta\alpha\iota\epsilon\upsilon\ \tau\omicron\ \delta\epsilon\mu\omicron\ \tau\omicron\ \text{Αθηναίων}\ \text{πλεθύνοντος}$ ». Кого понимать под этой «толпой (или «стечением») народа» ( $\delta\eta\mu\omicron\varsigma\ \text{πληθύνων}$ ), — загадка.<sup>4</sup> Предлагалось несколько решений: народное собрание<sup>5</sup>; либо собрание, либо суд<sup>6</sup>. Оствальд полагает, что под « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$

<sup>1</sup> Такую уступку концепции Виламовица делает МакДауэлл (The Law... P. 31).

<sup>2</sup> Ostwald M. Op. cit. P. 48.

<sup>3</sup> См., например: Cloché P. Le conseil athénien des Cinq Cents et la peine de mort // REG. T. XXXIII. 1920. P. 28–36; Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 201–205; Wade-Gery H.T. Studies in the Attic Inscriptions of the Fifth Century B.C. // BSA. Vol. 33. 1932/33. P. 133–122; Rhodes P.J. Op. cit. P. 195–199; Ostwald M. Op. cit. P. 32–48.

<sup>4</sup> «Данное выражение нигде больше не встречается в афинском контексте». Есть несколько «Olympian bronze inscriptions» первой половины V в. до н.э., в которых указано, что некие вопросы требуют одобрения буле и « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma\ \text{πληθύνων}$ » (Rhodes P.J. Op. cit. P. 197).

<sup>5</sup> De Laix R.A. Probouleusis at Athens. P. 23; Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Actions against Unconstitutional Proposals // OUCS. Vol. 4. 1974. P. 20; Rhodes P.J. Op. cit. P. 197–198 («народ в собрании»). (Правда, в строках 53 и 54 надписи встречается «народное собрание» —  $\epsilon\kappa\kappa\lambda\epsilon\sigma\iota\alpha\iota$  — в «чистом виде»).

<sup>6</sup> Cloché P. Op. cit. P. 335–337; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles and Cimon // GRBS. Vol. 28. 1987. P. 169.

πληθύν» имеется в виду гелиэя.<sup>1</sup> Без «δῆμος πληθύν» нельзя начинать или заканчивать войну (35 — μέ ἔναι πόλεμον ἄρασθαι [μέτε καταλῦσ]α[ι]), присуждать к смерти (36 — ἀνευ τῷ δέμῳ τῷ Αθηναίων πλεθύνοντος μέ ἔναι θαν[ᾶ]τοι ζεμ[ί]όσαι) или налагать штраф на любого афинянина (40–41 — μέ ἔναι θοάν ἐπιβαλῆν [᾿Αθεν]αίων μεδὲ [ἐνί]).<sup>2</sup> Исходя из перечня функций, уцелевших в надписи, мы бы согласились все же с мнением тех, кто относит их к народному собранию, тем более, что с начала V в. до н.э. экклесия действительно стала разбирать некоторые серьезные обвинения по государственным преступлениям, чреватые тяжкими приговорами (о чем мы еще будем говорить), и в этом смысле именно она, а не гелиэя, стала на какое-то время аналогом римского provocatio ad populum.

Делались допущения (правда, довольно робкие) относительно того, что по некоторым делам гелиэя могла быть судом первой инстанции едва ли не с самого начала.<sup>3</sup> В качестве одного из аргумента в пользу данной гипотезы приводилась словарная статья «архонт» в лексиконе Свида. В ней говорится о том, что если раньше архонты выносили самостоятельно судебные решения (κύριοι τε ἦσαν ὥστε τὰς δίκας αὐτοτελεῖς ποιεῖσθαι), то законы Солона отняли у них эту власть, оставив за ними только предварительное следствие (ὑστερον δὲ Σόλωνος νομοθετήσαντος οὐδὲν ἕτερον αὐτοῖς τελεῖται ἢ μόνον ἀνακρίνουσι τοὺς ἀντιδίκους — Suid., s.v. ἄρχων). С другой стороны, Аристотель эти сведения не подтверждает. В начале «Афинской политики» судебные полномочия архонтов в стародавние времена (без уточнения, какие именно) противопоставляются именно «современным»: «архонты имели право решать дела окончательно, а не так, как теперь, производить только предварительное расследование» (κύριοι δ' ἦσαν καὶ τὰς δίκας αὐτοτελεῖς κρίνειν, καὶ οὐχ ὥσπερ νῦν προανακρίνειν) (2, 5 — пер. С.И. Радцига). Ф.Г. Мищенко предположил, что судебными функциями с Солоновой гелиэей поделились не архонты, а менее значительные должностные лица.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 33–38.

<sup>2</sup> Оствальд полагает, что θοά — штраф, превышающий те 500 драхм, которые мог взимать Совет (о них упомянуто в скк. 31–32) (Op. cit. P. 33).

<sup>3</sup> См.: Schömann G.F. Animadversiones de iudiciis heliasticis // Opuscula academica. Vol. 1. Berlin, 1856. P. 230; Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens... S. 17, 256 (Anm. 8); Мищенко Ф.Г. Суд присяжных в Афинах и сочинение Аристотеля об Афинском государстве // ЖМНП. Ч. 158. Сентябрь — октябрь, 1892. С. 121–126.

<sup>4</sup> Мищенко Ф.Г. Указ. соч. С. 126.

Подводя некоторые итоги, заметим, что многие исследователи с доверием относятся к сообщениям античных источников о народном суде. Они соглашались с тем, что Солоном была введена апелляция (ἔφεσις) на приговоры должностных лиц (вариант: передача на рассмотрение) к *новому особому органу — народному суду* (ἡλιαία).<sup>1</sup> Однако есть и другое мнение, особенно популярное в англо-американской историографии. Оно восходит к Джорджу Гроту, который утверждал в своей «Истории Греции», что гелиэя — не новый самостоятельный орган, а эkkлeсия (т.е. афинское народное собрание), выполняющая определенные судебные функции; эkkлeсия — это политическая сессия народного собрания, а гелиэя — судебная.<sup>2</sup> Один из аргументов английского ученого — предшествовавшее реформам Солона бесправие народа и проистекавшая из этого совершенная неподготовленность беднейших слоев афинского населения к исполнению столь трудных общественных обязанностей.<sup>3</sup>

Судя по тому немногому, что нам известно из источников, непохоже, чтобы афиняне во времена Солона представляли собой бессмысленную, запуганную толпу людей, неспособную к общественной деятельности. Это противоречит и последующему бурному развитию событий в Афинах на протяжении всего VI в., и утверждению самого Солона о том, что он дал народу столько силы, сколько подобает, *не убавляя*

<sup>1</sup> Вот далеко не полный перечень: *Белох Ю.* История Греции. Т. 1. С. 257; *Мищенко Ф.Г.* Указ. соч. С. 127–128; *Бузескул В.П.* История афинской демократии. С. 89; *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. С. 134; *Андреев Ю.В.* Греция в архаический период... С. 87–88; *Туманс Х.* Рождение Афины. С. 251; *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 27–30; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. S. 1151; *Wilamowitz-Möllendorff U.* von. Aristoteles und Athen. Bd. I. S. 59; *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. P. 69 (с некоторыми оговорками); *Ruschenbusch E.* Heliaia: Die Tradition über das solonische Volksgericht // *Historia*. Bd. 14. 1965. S. 381–384; *Hansen M.H.* The Athenian Heliaia. P. 27–39; *Welwei K.-W.* Op. cit. S. 15, 17–18.

<sup>2</sup> *Grote G.* A History of Greece. Vol. III. Part 2. P. 122, 128–129. См. также: *Smith S. B.* The Establishment of the Public Courts at Athens // *TAPA*. Vol. 56. 1925. P. 111; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 153, 159; *Hignett C.* A History... P. 97; *Day J., Chambers M.* Aristotle's History... P. 80, 87; *Sealey R.* Ephialtes // *CIPH*. Vol. 59. 1964. P. 14–18; *MacDowell D.M.* The Law... P. 30; *Rhodes P.J.* Εισαγγελία in Athens // *JHS*. Vol. 99. 1979. P. 105; *Ste. Croix G.E.M., de.* The Class Struggle in the Ancient World. Ithaca; N. Y., 1984. P. 289; *Ostwald M.* Op. cit. P. 8–12; *Andrewes A.* The Growth... P. 388; *Sinclair R.K.* Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1993. P. 19; *Bauman R.* Political Trials... P. 4–5; *Суриков И.Е.* Античная Греция. С. 131.

<sup>3</sup> *Grote G.* Op. cit. Vol. III. Part 2. P. 124–126.

достоинства, но и не прибавляя (τιμῆς οὐτ' ἀφελών οὐτ' ἐπορεξάμενος).<sup>1</sup> Ссылка и Аристотеля, и Плутарха на бытующее мнение о том, что Солон специально сделал законы запутанными, чтобы тяжбы по ним почаще разбирались народным судом, показывает, что греческие авторы не сомневались в судебной правоспособности афинян. Но пусть даже и образовательный уровень, и активность архаического демоса были невысокими, его «качество» не является основополагающим аргументом при решении данной проблемы. Сторонники Грота недоумевают, как в Афинах начала VI в. при тогдашних социально-экономических условиях и малочисленном населении могло сыскаться 6000 судей, способных выполнять постоянные обязанности,<sup>2</sup> — но *нигде* в наших источниках не указывается, что их действительно было столько при Солоне, и следовательно, этот довод не может служить опровержением мнения о создании законодателем специального судебного-апелляционного органа.

Предположению о том, что гелиэя была особым видом народного собрания, противоречит и следующее обстоятельство: учитывая, что в суде рассматривались апелляции на решения и приговоры должностных лиц, он должен был заседать достаточно часто. В то же время даже те ученые, которые признают тождественность гелиэи и экклесии, считают, что в VI в. народное собрание не могло собираться чаще 10 раз в году<sup>3</sup>, — когда же оно успевало помимо обычных своих функций осуществлять еще и судебные разбирательства?<sup>4</sup>

«Ударным» и едва ли не главным<sup>5</sup> аргументом приверженцев концепции Грота является *argumentum ad etymologiam*. Английский исто-

<sup>1</sup> Намеренно не углубляясь в вопрос, что из себя представлял демос в эпоху архаики (оживленная дискуссия по данному поводу идет в современной историографии), мы присоединимся к мнению К.К. Зельина (Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н. э. С. 180–182): демос, каким он предстает перед нами в элегиях Солона, — свободные граждане, не принадлежавшие к высшему классу, в значительной степени городское население (ремесленники, торговцы) и землевладельцы хоры; его не следует представлять как массу обнищавших, задавленных нуждой и произволом знати бедняков (последние в наших источниках именуются *πειχροί*). Схожее мнение — см., например: *Raaflaub K. Power in the Hands of the People*. P. 36.

<sup>2</sup> *Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I*. P. 163; *Smith S.B. The Establishment... P. 109*.

<sup>3</sup> *Rhodes P.J. Athenian Boule*. P. 213, 227; *Hignett C. A History... P. 155*.

<sup>4</sup> Этот аргумент приводит в своей статье М. Хансен (*The Athenian Heliaia*. P. 37).

<sup>5</sup> См.: *Day J., Chambers M. Aristotle's History... P. 183; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 10*.

рик обратил внимание на родство аттической ἡλιαία с дорийской ἀλιαία / ἀλία (или без придыхания — ἀλια, ἀλιαία). Данное слово во многих дорических полисах использовалось для обозначения народного собрания, и это прекрасным образом вписывалось в его концепцию о том, что никакого специального судебного органа Солон не создавал.<sup>1</sup> С этой этимологией не все безупречно: долгая «α» в этом слове (получившаяся из ἀ-φαλ- или ἀ-φ-αλ-) должна была удержаться в ионийско-аттическом диалекте (у Геродота поэтому встречается форма ἀλήη, а не ἡλίη), — в случае же с ἡλιαία этого почему-то не произошло.<sup>2</sup> Из этого не следует наверняка, что аттическая ἡλιαία не имеет никакого отношения к дорийской ἀλιαία — слово вполне могло быть позаимствовано и вопреки фонетическим законам получить типичную аттическую форму, к этому же могла побуждать «народная этимология», связавшая «ἡλιαία» с «ἥλιος» («солнце»)<sup>3</sup>. У самих греческих авторов встречается два варианта этимологии. Первый: гелиэя — место, открытое для солнца, т.е. слово «ἡλιαία» произошло от «ἥλιος» (schol. in Aristoph. Av., 109; Nub., 863; Equit., 255; Vesp., 772b; schol. in Dem., XXIV, 21; Anecdota Graeca I, 310, 1–2; Suid., s.v. ἥλιος; Etymologicum Magnum, s.v. ἡλιαία). Возможно, решающую роль в появлении этой этимологии сыграла известная аристофановская игра словами в «Осах» — ἡλιάσει πρὸς ἥλιον (772).<sup>4</sup> Второй вариант: от глагола ἀλιάζεσθαι — «собираться вместе» и ионийского слова, обозначающего «собрание» — ἀλής (ἀλία) (schol. in Dem., XXIV, 21 — с объяснением, что «α» поменялась на «η»; Anecd. Gr. I, 310, 1–2; Lex. Patmense, s.v. ἡλιαία; Etym. Magn., s.v. ἡλιαία).<sup>5</sup> Авторы современных этимологических словарей, разумеется, поддерживают именно данную версию, выстраивая следующий ряд: от ион. ἀλής (ἄλης) —

<sup>1</sup> Grote G. A History of Greece. Vol. III. P. 128–129, note 1. См. также: Schultness O. Halia // RE. 1912. Bd. VII. Hlbd. 14. Sp. 2232–41; Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 157; Hignett C. A History... P. 97.

<sup>2</sup> Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 157, note 5; Hansen M.H. The Athenian Heliiaia. P. 29. Это же затруднение (долгая α, получившаяся в результате контракции, не должна была перейти в η) отметил П. Шантрен (Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968. T. I. P. 59–60, s.v. ἀλής).

<sup>3</sup> См.: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I. S. 72, s.v. ἀλής; Chantraine P. Ibid. Э. Буасак (Boisacq É. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; P., 1923. P. 320, s. v. ἡλιαία) объяснял этой же народной этимологией появление густого придыхания.

<sup>4</sup> См.: Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens... P. 151.

<sup>5</sup> И тот, и другой вариант этимологии — schol. in Dem., XXIV, 21; Anecd. Gr. I, 310, 1–2; Etym. Magn., s.v. ἡλιαία.



«собранный в кучу» — ион. ἀλή (дор. ἀλια/ἀλία) — «собрание» — дор. ἀλιαία («народное собрание») — ἡλιαία.<sup>1</sup>

Однако, если бы даже этимология была безупречной, остается еще целый ряд сомнений. Слова ἀλιαία, или ἀλία, обычно переводятся как «народное собрание», но они могут относиться и к другим формам коллективных встреч: так, в надписи о решении, принятом одной из дельфийских фратрий (Лабиадов) говорится, что оно принято ἐν τῇ ἀλίᾳ<sup>2</sup>, а в Тегее ἀλιασταὶ обозначало именно судей, а не участников народного собрания.<sup>3</sup> Таким образом, и этимологически «гелиэя» могла обозначать собрание не всего народа, а его части.

Если согласиться с тем, что гелиэя была тождественна экклесии, получается, что Солон выдумал новое название для того, чтобы терминологически различались судебная и обыкновенная сессии народного собрания. В то же время известно, что в V и IV в. до н.э., когда народное собрание в Афинах решало некоторые судебные дела, его заседания назывались, как обычно, экклесией, а не гелиэей.<sup>4</sup> Мы не можем утверждать уверенно, что так же обстояло дело в VI в., но было бы логично предположить, что Солон придумал *новое* имя для *нового* института — народного суда.<sup>5</sup>

Можно понять и объяснить заблуждение Дж. Грота, создававшего свой труд еще до открытия «Афинской политики» Аристотеля и высказывавшего осторожные сомнения относительно судебного закона Солона, но согласиться с доводами его адептов после драгоценной находки египетского папируса становится все труднее. Знаменательно, что некоторые из наиболее рьяных последователей английского историка вслед за утверждением о тождестве гелиэи и экклесии переходят к отрицанию вообще какой-либо судебной реформы афинского законо-

<sup>1</sup> Boisacq É. Op. cit. P. 320, s. v. ἡλιαία; Frisk H. Op. cit. Bd. I. S. 71–72 (s.v. ἀλής); Chantraine P. Op. cit. T. I. P. 59–60 (s.v. ἀλής).

<sup>2</sup> М. Хансен (The Athenian Heliiaia. P. 29) ссылается на надпись SIG. V. 1. 438. 21, 41, 191. Другой пример, когда слово ἀλία означает просто некое «собрание, сборище» — договор между Кноссом и Тилиссом (ML, 42, 44) (Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 19).

<sup>3</sup> Этот пример приводит Р. Сили, признавая что понятия aliaia/heliaia могут обозначать просто «собрание людей» (The Athenian Republic. P. 68). Он ссылается на: Schwyzer E. Dialectorum graecarum exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923. S. 656).

<sup>4</sup> Собрание было правомочно рассматривать некоторые государственные преступления по чрезвычайной жалобе (исангелии).

<sup>5</sup> См.: Hansen M.H. Op. cit. P. 30.

дателя.<sup>1</sup> И это — несмотря на четкие указания наших основных источников о создании народного суда именно Солоном. Кроме уже приводимых нами цитат (Aristot. Ath. pol., 9, 1–2; Pol., 1273b; Plut. Sol., 18), можно сослаться еще на одно замечание Аристотеля из «Афинской политики»: Эфиальт, отняв у Ареопага важные права, «передал их частью Совету пятисот, частью народу (т.е. народному собранию — Т.К.) и судам» (25, 2 — καὶ τὰ μὲν τοῖς πεντακοσίοις τὰ δὲ τῷ δήμῳ καὶ τοῖς δικαστηρίοις ἀπέδωκεν). То есть, уже в первой половине V в. (при Эфиальте) гелиэя и экклесия существовали независимо друг от друга, и если создание нового судебного органа не было делом рук Солона, то остается лишь один возможный кандидат — Клисфен (как, собственно говоря, и полагал Дж. Грот.). Но в наших источниках не найти даже намек на судебную реформу, связанную с именем последнего, и попытки обнаружить таковую являются домыслами современных исследователей. Таким образом, любая ревизия данных Аристотеля и Плутарха приводит к тупику гиперкритицизма, по сути предлагающего нам вместо пусть неполной, а иногда и ненадежной традиции, воспользоваться еще более ненадежными догадками и шаткими построениями современных исследователей. Историк, как Орфей, пытается вывести наружу из небытия, из мрачного царства Аида, свою Эвридику — исторический факт. Но, соблазненный скептиками, сомневается в традиции — не веря, оглядывается назад — и теряет желанную, тщетно пытаясь удержать в руках тающий на глазах бесплотный образ — наше знание о прошлом.

## § 2. Народный суд от Солона до Перикла

О функционировании гелиэи при тиранах у нас нет никаких сведений — остается высказывать некоторые догадки. Едва ли Писистрат позволял гелиэе пересматривать приговоры должностных лиц, которые представляли скорее его, чем народ; не исключено, что это право он оставил за собой.<sup>2</sup> Самое известное преобразование в афинском судопроизводстве, связанное с именем тирана, — учреждение судей по делам (δικασταὶ κατὰ δῆμους) (Aristot. Ath. pol., 16, 5). Ч. Хигнет и некоторые другие историки полагают, что данное нововведение Писистрата имело целью снизить влияние местных аристократов, которые скорее

<sup>1</sup> Smith S. B. The Establishment... P. 110; Day J., Chambers M. Aristotle's History... P. 183.

<sup>2</sup> См.: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 183, 186.

всего ранее разбирали такие мелкие дела.<sup>1</sup> Количество *δικαστῶν* *κατὰ δέμους* неизвестно. Главным судом по уголовным делам продолжал оставаться Ареопаг.

Принципиальные изменения в работе народного суда при неуклонном возрастании его значения произошли в следующем, V в. Самое главное, почти революционное новшество в афинской системе судопроизводства — то, что в период между изгнанием тиранов и веком Перикла *гелиэя* перестала быть просто судом по апелляциям, т. е. судом последней инстанции, и превратилась в орган, где разбираются тяжбы, т. е. в суд первой инстанции, а изначально единый суд разделился на судебные палаты, или *дикастерии*. Тогда же архонты из судей превратились в тех, кто готовит дело для судебного заседания и председательствует на нем. (Раньше, во времена Солона все девять архонтов выносили вердикт по делам, представляемым на их рассмотрение (Aristot. *Ath. pol.*, 3, 5)).

Когда именно произошло превращение *гелиэи* из апелляционного суда в суд первой инстанции, источники умалчивают, зато современные исследователи не скупятся на догадки. *Terminus ante quem* — 462–461 гг., когда по сообщению «Афинской политики» (25, 2), Эфиальт разделил некоторые прерогативы Ареопага между собранием, буле и *дикастериями*. Высказывалось предположение, что *гелиэя* стала делиться на *дикастерии* при Клисфене<sup>2</sup> или вскоре после.<sup>3</sup> Реформа судопроизводства, по мнению приверженцев этой точки зрения, скрывается под каким-то из «новых законов», которые, по утверждению Аристотеля, издавал Клисфен (*ἑνὸςμοῦς*) *καὶ τοὺς δ' ἄλλους* — *Ath. pol.*, 22, 1). Есть, однако, мнение, что потребность в коренном преобразовании судебного дела могла и даже должна была возникнуть несколько позднее.<sup>4</sup> Когда был создан Делосский морской союз, через какое-то время в афинских су-

<sup>1</sup> Hignett C. A History... P. 115; Rhodes P.J. A Commentary... P. 216.

<sup>2</sup> Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 32–33; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 195–197; Wolff H.J. The Origins of Judicial Litigation... P. 81. Якоби (FgrHist., 324 F 59, commentary. P. 150) ссылается на старое предположение Теодора Берка (Bergk Th. Die Geschworenengerichte zur Athen // VDP. Verh. 9. 1847. S. 38–46) о том, что Клисфен создал четыре суда; три возглавляли архонты, один — фесмофеты.

<sup>3</sup> См.: Grote G. A History of Greece. Vol. III. Part 2. P. 129.

<sup>4</sup> Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde... S. 1152 (вскоре после 477 г. до н.э.); Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 223; Sealey R. The Athenian Republic. P. 60; Raaflaub K. Power in the Hands of the People... P. 48–49; Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens... S. 18 (после победы над персами и создания архэ).

дах начались слушания в том числе некоторых дел союзников; едва ли старая гелиэя могла справиться с нахлынувшим потоком исков, для этого нужны были несколько судебных палат.

Преобразование гелиэи в суд первой инстанции относили и на счет Эфиальта, который, якобы, также увеличил численность судей: ведь для выполнения новых функций, переданных реформатором народному суду, требовалось несколько коллегий и большое количество гелиастов.<sup>1</sup> Ч. Хигнет предположил, что даже не сам Эфиальт занимался реформой гелиэи, а один из его неизвестных соратников вскоре после убийства лидера радикальной демократии.<sup>2</sup> В качестве создателя дикастериев фигурировал и Перикл.<sup>3</sup> Рассмотрим более подробно аргументацию, предлагаемую сторонниками некоторых из концепций.

Р. Боннер и Г. Смит полагали, что изменение судебных функций магистратов и деление гелиэи на дикастерии могло произойти одновременно с реформой способа избрания архонтов в 487/6 г. (Aristot. Ath. pol., 22, 5) или в ближайшее время после неё, указывая на проявившуюся в этом и других преобразованиях тенденцию, свойственную развивающейся демократии: умалить власть должностных лиц и усилить контроль демоса за ними.<sup>4</sup>

Одним из тех, кто полагал, что архонты лишились права выносить приговоры в результате реформы Эфиальта, тогда же дикастерии (на которые незадолго до этого стала делиться «заваленная» апелляциями гелиэя) приобрели полную ответственность за свои решения, был Г. Уэйд-Джери.<sup>5</sup> К этому выводу британский ученый пришел следующим образом. Он исследовал афинский декрет об отношениях с Фаселидой (IG I<sup>2</sup>, 16 = IG I<sup>3</sup>, 10), в котором шла речь о том, что дела между афинянами и фаселитами будут рассматриваться в суде полемарха; если же

---

<sup>1</sup> Шмидт А. Перикл и его время / Пер. с нем. А. Хахонова. Новоузенск, 1890. С. 59; Glotz G. The Greek City... P. 232; Hornblower S. Creation and Development... P. 10; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 48, 71, 75; Garner R. Law and Society... P. 42; O'Neil J. The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Boston, 1995. P. 64–65; Mossé C. Politique et société en Grèce ancienne. P. 154.

<sup>2</sup> Hignett C. A History... P. 217–218.

<sup>3</sup> Бузескул В.П. Перикл. Харьков, 1889. С. 115, 131. С.Б. Смит полагает, что Эфиальт и Перикл вместе создали дикастерии, предоставив им изъятие у Ареопага полномочия; тогда же была установлена плата за исполнение судьями своих обязанностей (Smith S.B. The Establishment... P. 119).

<sup>4</sup> Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 223–224.

<sup>5</sup> Wade-Gery H.T. The Judicial Treaty with Phaselis and the History of the Athenian Courts // Essays... P. 180–200.

какой-нибудь другой магистрат вынесет приговор против фаселита, он считается недействительным.<sup>1</sup> Фаселида присоединилась к Делосскому союзу, возможно, в 469 г. и никак не позже 467 г. (Plut. Cim., 12; Diod., XI, 60, 4). Из текста следует, что в то время, когда принимался декрет, должностное лицо (видимо, архонт) в Афинах могло выносить вердикт (катаδική), и Уэйд-Джери делает вывод, что изменение в судопроизводстве произошло после 469 г. (предполагаемой даты принятия декрета) и было делом рук Эфиальта.<sup>2</sup>

Эта точка зрения была подвергнута критике со стороны Ч. Хигнета. Он обратил внимание на то, что вышеназванный декрет имеет подробный прескрипт (название притании, в которую «ἐδοξεν τῇ βολῇ καὶ τῷ δήμῳ» («Совет и народ постановил»), имя секретаря и эпистата); такие прескрипты характерны для середины и второй половины V в. до н.э.<sup>3</sup> Однако слишком мало дошло до нас декретов, относящихся к концу VI – началу V в.; несомненно, со временем прескрипты становились все подробнее и длиннее (после 410 г. в них дается обычно имя архонта-эпонима, после – день притании и т.д.), но строгого правила на этот счет не было – едва ли *argumentum e praescripto* может что-то доказать или опровергнуть, особенно в пределах двух-трех десятилетий.

Другую критическую стрелу в Уэйд-Джери выпустил Р. Сили. В «Законах» Платона (958 b–c) он нашел фразу о выносящей приговор власти (τὴν ἀρχὴν τὴν катаδικάσαν), а так как очевидным образом имелся в виду председательствующий в суде магистрат (решения у Платона принимают дикасты), он пришел к выводу, что зачитывание архонтом в дикастерии судейского вердикта могло обозначаться глаголом катаδικάζειν, и катаδική в тексте декрета означало такое зачитывание.<sup>4</sup> Это возможно, но не исключает варианта перевода, предлагаемого Уэйд-Джери. Кроме того, мы не знаем употреблялся ли данный глагол в таком значении в обычной судебной практике, а одного единственного примера из Платона недостаточно ни для того, чтобы однозначно это утверждать, ни для того, чтобы считать это решающим доводом против гипотезы английского ученого. Но и сама эта гипотеза построена на шатком основании – интерпретации крохотного отрывка из одного декре-

<sup>1</sup> Опираясь на предшествующие восстановления текста (Tod'a и Wilhelm'a), Уэйд-Джери предложил такой вариант текста (скк. 15–19): εἰαν δὲ τ[ισ] ἀλλή τω]ν ἀρχῶν δεξήται δ[ικτῶν] κατα] Φασηλιτῶν τινοσ [пара тоде ε] μὲν катаδικασ[ε]ι η̄ катаδικ[η] αὐροο εστω.

<sup>2</sup> Wade-Gery H. T. Essays... P. 184, 197.

<sup>3</sup> Hignett C. A History... P. 397.

<sup>4</sup> Sealey R. Ephialtes. P. 17.

та (к тому же восстановленного, ибо начала всех строк на камне отсутствуют), и имеет право на существование именно как предположение.

Рафаэль Сили выстроил собственную теорию, как гелиэя превратилась в суд первой инстанции. По его мнению, это произошло спонтанно и не связано с волей какого-либо реформатора<sup>1</sup>: в деликатных или политически значимых случаях, когда были задействованы важные персоны, архонты не решались брать ответственность на себя и все чаще передавали дела на рассмотрение в гелиэю, ограничиваясь предварительным расследованием (ἀνάκρισις). Намек на такого архонта, попавшего в затруднительное положение, Сили видит в образе Пеласга, царя Аргоса из «Просительниц» Эсхила, который передает просьбу Данаид об убежище на решение народного собрания.<sup>2</sup> Так и повелось, а потом закрепилось.<sup>3</sup>

Американский историк не дает объяснений ни тому, почему вдруг этот обычай (custom) стал жестким (rigid), ни тому, как и когда произошло деление на дикастерии (логично предположить связь между преобразованием гелиэи в суд первой инстанции и её делением на судебные палаты). Он ссылается на процессы Фриниха (493 г.) или Кимона (463 г.), замечая, что ни один архонт не отважился бы вынести вердикт по таким сложным делам, и следовательно, они рассматривались народным судом, на что можно возразить, что они с таким же успехом могли рассматриваться собранием, Советом или даже Ареопагом. В гипотезе Р. Сили есть «пробелы» и уязвимые места, но есть, на наш взгляд, и некое разумное начало: некая постепенность, протяженность во времени исследуемого преобразования. Не исключено (в качестве «переходного этапа»), что первоначально гелиэя действовала как суд второй и окончательной инстанции по некоторым делам, которые слушались в Ареопаге как суде первой инстанции.<sup>4</sup>

Мы бы отнесли изменения в практике судопроизводства ко времени 80-х – нач. 60-х гг., исходя из следующих соображений: нет необ-

<sup>1</sup> Р. Сили питает стойкую идиосинкразию к индивидуальному началу и личностям законодателей в реформах: он «уничтожил» Драконта, сведя его к священной змее; деятельность Солона ограничил сисахфией и записью бытовавших до него законов; полагает, что если и были предприняты какие-то действия Эфиалтом в отношении Ареопага, они носили незначительный характер и не были отмечены современниками (вся традиция о его реформах – поздняя). Только личность и деяния Клисфена не вызывают подозрений у американского историка. См.: *Sealey R. The Athenian Republic*. P. 11–131.

<sup>2</sup> *Sealey R. The Origins of Demokratia // CSCA. Vol. 6. 1974. P. 266–267.*

<sup>3</sup> См.: *Sealey R. Ephialtes*. P. 18.

<sup>4</sup> Эту мысль высказывает, например: *Ostwald M. From Popular Sovereignty...* P. 70.

ходимости непременно приписывать данное нововведение Клисфену — и после его реформ в первой трети V в. происходила серьезная корректировка политических институтов (изменение процедуры избрания архонтов, начало применения ostracism); общественный климат (военная программа Фемистокла, создание морского союза, рост политического влияния фетов) благоприятствовал продвижению по пути прямой демократии, для полного успеха которой реформа народного суда и, как следствие, его усиление имели принципиальное значение; ко времени Эфиальта гелиэя была судом первой инстанции, и дикастерии (необязательно в количестве 10, как позже) уже существовали. Действовала ли здесь разумная воля реформатора или прецедент, сказали свое главное слово стихийная практика или прагматические соображения, — в виду недостатка информации невозможно прийти к однозначному выводу.

Мы можем почти с уверенностью утверждать, что тем или иным образом на развитие гелиэи, рост её политического значения, превращение в важнейший орган афинского государства повлияла реформа Эфиальта (462/1 г. до н.э.). Не углубляясь в одну из самых дискутируемых проблем современной историографии, мы полагаем необходимым сказать несколько слов по данному вопросу.

Конкретное содержание реформы Эфиальта смутно, традиция о его преобразованиях скупа и противоречива.<sup>1</sup> В хронологически самых ранних упоминаниях о тех событиях сказано: у Антифонта — только о гибели Эфиальта и ни слова о каких-либо его реформах (V, 68), а у Исократы — сетования на тех, кто разрушил власть почтенного совета, без указания каких-либо имен (VII, 50–51). У Аристотеля в «Афинской политике» (25) появляется подробный рассказ, позаимствованный скорее всего у аттидографов, о деятельности Эфиальта, которому якобы помогает Фемистокл. Далее Стагирит, перечисляя этапы в развитии государственного строя Афин (μεταβολαί), замечает: шестое преобразование государственного строя наметил Аристид, а закончил Эфиальт, «уничтожив Ареопаг» (καταλύσας τὴν Ἀρεοπαγίτην βούλην — 41, 2). В «Политике» говорится, что Эфиальт «урезал» (ἐκόλουσε) Ареопаг (1274a7). Из текста «Афинской политики» очевидно только, что у Ареопага была отнята какая-то власть («дополнительная» — τὰ ἐπιθετα — 25, 3; 27, 1 — ср. Pol., 1274a7) — та, через которую он осуществлял охрану государственного строя (ἐπεῖτα τῆς βουλῆς... ἅπαντα περιεῖλε τὰ ἐπιθετα δι' ὧν ἦν ἡ τῆς πολιτείας φυλακή — 25, 2). По утверждению Диодора, Эфиальт «уменьшил» Ареопаг (μειῶσαι), нарушив славные отеческие

<sup>1</sup> См.: Коршунков В.А. Эфиальт и реформа Ареопага // Античное общество и государство. Межвуз. сб-к. Л., 1988. С. 67.

установления (πάτρια καὶ περιβόητα νόμιμα) (XI, 77). Плутарх говорит о том, что был нарушен «весь порядок государственного управления и старинные постановления», и народ во главе с Эфиальтом «отнял у Ареопага все, за малыми исключениями, судебные дела, сделал себя хозяином судилищ» (ἀφείλοντο...τὰς κρίσεις πλὴν ὀλίγων ἀπάσας, καὶ τῶν δικαστηρίων κυρίους ἑαυτοὺς ποιήσαντες) (Cim., XV — пер. В. Петуховой; ср. Рег., IX). При этом херонейский историк тоже говорит о неких «отеческих» полномочиях (πάτρια), а не «дополнительных» (τὰ ἐπίθετα).

Вопрос, какие полномочия Ареопага считать τὰ πάτρια, а какие — τὰ ἐπίθετα, обычно решается следующим образом: к первым относят суды по убийствам (это бесспорно), надзор за законами, суды по политическим преступлениям и прием исангелий (Androt., FgrHist., 324 F 3, F 4; Philoch. FgrHist., 328 F 20; Aristot. Ath. pol. 3, 6; 4, 4; 8, 4; Plut. Sol., 19). О последних (ἐπίθετα) говорят как о приобретенных относительно недавно, в том числе в ходе персидской войны; чаще всего называется докимасия (т.е. проверка перед вступлением в должность) должностных лиц, принятие у них отчета (εἶθυναί), суд над ними, право отвергать как неконституционные постановления экклесии.<sup>1</sup> В споре, какие же все-таки полномочия были отняты у совета Ареса, — τὰ πάτρια или τὰ ἐπίθετα, — большинство разделяют точку зрения Аристотеля (т.е. вторые).<sup>2</sup> Довольно остроумным выглядит предположение о том, что одни и те же полномочия Ареопага «консерваторы» (противники реформы) именovali τὰ πάτρια, а сторонники Эфиальта — τὰ ἐπίθετα.<sup>3</sup>

Убедительным представляется неоднократно высказываемое мнение: в результате реформы Эфиальта Ареопаг был лишен права заслушивать отчеты должностных лиц по истечении срока их пребывания в

<sup>1</sup> См., например: *Цуканова М. А.* Аристотель о периоде главенства Ареопага после 480 г. до н.э. (к истолкованию «ta epitheta» в «Афинской политике» 25, 2) // *Античный мир и археология. Межвуз. научн. сб-к. Вып. 1.* Саратов, 1972. С. 151–152; *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль... С. 43–47; *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // *ВДИ.* 1995. № 1. С. 32; *Ober J.* Mass and Elite. P. 77.

<sup>2</sup> Например: *Цуканова М. А.* Там же; *Строгецкий В.М.* Указ соч. С. 44; *Суриков И.Е.* Указ. соч. С. 29–32; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 49–50; *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989. P. 85–87; *Ober J.* Mass and Elite... P. 77–78; *Hall L.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // *ClQu.* Vol. 40 (n.s.). 1990. P. 319; *Davies J.K.* Democracy and Classical Greece. Cambr. Mass., 1993. P. 61–63; *Stockton D.L.* The Classical Athenian Democracy. P. 47; *Raaflaub K.* The Thetes and Democracy (A Response to Josiah Ober) // *Democracy 2500?* P. 98.

<sup>3</sup> *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 314 (со ссылкой на предыдущую литературу, в частности *Mathieu G.* Aristote, Constitution d'Athènes. P., 1915. P. 116).



должности (εἵσθαι); оно перешло к Совету (из числа булевтов выбирались соответствующие должностные лица — эвтины и логисты) и народному суду.<sup>1</sup> Возможно, также докимасия архонтов сначала имела место в Ареопаге (это было бы логично), а после Эфиальта происходила в Совете (как и докимасия потенциальных членов буле), а в случае его отрицательного решения переносилась в дикастерии.<sup>2</sup> Есть и более решительная разновидность данной гипотезы: предварительная проверка *всех* должностных лиц ранее проходила в Ареопаге; Эфиальт же передал эту функцию гелиэе, сделав двухэтапной докимасию для ареопагитов и булевтов.<sup>3</sup> Наконец, те исследователи, которые полагали, что какие-то преступления по исангелии рассматривались в Ареопаге, согласны, что он тогда же лишился и этого права. Некоторые принимают весь «пакет»: у Ареопага изъяли право выслушивать отчеты должностных лиц, проводить докимасию и рассматривать дела по исангелии;<sup>4</sup> другие — его часть в разных комбинациях.<sup>5</sup> По мнению Л. Холла и И.Е. Сурикова, формулировка псефизмы Эфиальта была не запретительной («Совету ареопага не заниматься тем-то и тем-то...»), а включала в себя конкретный перечень тех функций (τὰ πάτρια), которые оставались за древним советом («Совету ареопага заниматься тем-то и тем-то...»): отменять τὰ ἐπίθετα и не требовалось, поскольку эти дополнительные полномочия Ареопага были приобретены οἰδεῖ δόματα, т.е. не в силу каких-либо законодательных постановлений.<sup>6</sup>

<sup>1</sup> См.: *Строгецкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 49; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 268; *Hignett C.* A History... P. 203–205; *Sealey R.* Ephialtes. P. 18–20; *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. S. 43–44; *Caravan E.M.* Eisangelia and Euthyna. P. 189–190; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes. S. 198–199.

<sup>2</sup> См.: *Bonner R.J., Smith G.* Ibid.; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 43–47; *Sealey R.* Ephialtes, Eisangelia, and the Council // *Athenian Democracy*. P. 323–324; *Martin J.* Op. cit. S. 199.

<sup>3</sup> *Rihll T.E.* Why Ephialtes Attacked the Areiopagus // *JHS*. Vol. 115. 1995. P. 87–98.

<sup>4</sup> Например: *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. P. 203–205; *Wallace R.W.* The Areopagos Council. P. 83–87; *Starr Ch.* The Birth... P. 25; *Ostwald M.* Op. cit. P. 62, 71; *Caravan E.M.* Op. cit. P. 208.

<sup>5</sup> *Суриков И.Е.* Афинский ареопар... С. 30–32; *Bonner R.J., Smith G.* Ibid.; *Sealey R.* Ephialtes, Eisangelia... P. 323–324; *Martin J.* Op. cit. S. 198–199 — отчеты и докимасия; *Rihll T.E.* Why Ephialtes... P. 88–90, 96–97 — докимасия и исангелия; *Hignett C.* Op. cit. P. 200–205; *Stockton D.L.* The Classical Athenian Democracy. P. 47 — εἵσθαι и исангелия.

<sup>6</sup> *Суриков И.Е.* Афинский ареопар... С. 36; *Hall L.* Ephialtes, the Areopagus... P. 324–325. Именно в «позитивных» формулировках в афинских постановлениях обычно указываются функции органов власти и должностных коллегий.

Несомненно одно: древний совет лишился значительной части административных и судебных полномочий, а благодаря их переходу от Ареопага к Совету, собранию и народному суду демос получал в свои руки действенные инструменты контроля над должностными лицами. Усомнимся также в правоте тех современных историков, кто, ссылаясь на позднюю традицию об Эфиальте, сомневается в значимости его реформы для афинского государства и в том, что современники преобразований эту значимость осознавали.<sup>1</sup> Этому противоречит тот почет, который оказывался в Афинах и личности, и деяниям Эфиальта: стела с его законами стояла в Ареопаге (её потом изъяли оттуда Тридцать тиранов — Aristot. Ath. Pol., 35, 2), а могила реформатора была расположена неподалеку от места захоронения тираноубийц.<sup>2</sup>

Еще одной важной реформой афинской судебной системы в середине V в. до н.э. стало введение оплаты судьям. По утверждению Аристотеля, совет ввести мистофорию дал Периклу его друг и наставник в вопросах музыки и, вероятно, также и политики (Plut. Per., 4, 5) Дамон, сын Дамонида<sup>3</sup> в рамках плана, как превзойти состоятельного Кимона в снискании щедростью симпатий народа: «раз Перикл не обладает такими же личными средствами, как Кимон, то надо давать народу его же собственные средства (ἐπεὶ τοῖς ἰδίοις ἥττατο δίδοναι τοῖς πολλοῖς τὰ αὐτῶν)» (Aristot. Ath. Pol., 27, 4 — пер. С.И. Радцига).

Некоторые исследователи предположили, что введение оплаты для судей Периклом произошло скорее до, чем после 462/1 г. и проистекало из его предполагаемого конфликта с Кимоном.<sup>4</sup> Эта версия основана

<sup>1</sup> Помимо уже упоминаемой нами точки зрения Сили, см.: *Ruschenbusch E.* Athenische Innenpolitik im 5. Jahrhundert v. Chr. Ideologie oder Pragmatismus? Bamberg, 1979. S. 57–65; отчасти — *Schubert C.* Der Areopag. Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // GP. S. 55–60.

<sup>2</sup> На политическое значение последнего обстоятельства со ссылкой на: *Clairmont C.W.* Patrios Nomos: Public Burial in Athens during the Fifth and Fourth Centuries B.C.: The Archaeological, Epigraphic, Literary, and Historical Evidence. Oxford, 1983. P. 34, — обращает внимание Раафлауб (*Raaflaub K.* Power in the Hands of the People... P. 66, note 28).

<sup>3</sup> В «Афинской политике» он ошибочно назван Дамонидом. Кто перепутал имена отца и сына (Стагирит или переписчик рукописи) и по какой причине — неизвестно. О различных догадках на этот счет — см.: *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 159.

<sup>4</sup> См.: *Бузескул В.П.* История Афинской демократии. С. 173 (во время соперничества с Кимоном); *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. Vol. II. P. 227–230 (хотя и допускают более позднюю дату — конец 50-х гг., связывая её с введением судей по демам, но приходят к выводу о том, что «баланс возможностей в пользу более ранней даты» — с. 230); *Wade-Gery H.T.* Essays... P. 235–238.

на рассказе Плутарха (Рег., 9, 1–5),<sup>1</sup> который путано перелагая вышеупомянутый пассаж из «Афинской политики» (27, 4), помещает данную инициативу Перикла до реформы Ареопага. Однако Аристотель в «Политике» явно ставит это нововведение *вслед за* атакой Эфиальта на древний совет, рассуждая о развитии демократии в Афинах от Солона и далее: «Значение ареопага уменьшил Эфиальт вместе с Периклом; Перикл ввел плату за участие в суде (τὰ δὲ δικάσθηρια μισθοφόρα κατέστησε Περικλῆς), и таким способом каждый из демагогов вел демократию все дальше» (Pol., 1274a8–11 — пер. С.И. Жебелева). Посему большинство ученых полагают все же, что оплата исполнения судебных обязанностей началась вскоре после реформы Ареопага.<sup>2</sup>

Ч. Форнара и Л. Сэмонс, подробно разбиравшие данный вопрос, указывают на то, что рассказ Аристотеля в главах 25–27 «Афинской политики» следует хронологическому принципу, и так как 27 глава, в которой ведется речь о введении жалованья, начинается с закона Перикла о гражданстве 451 г., то эта дата — *terminus post quem*. Это обстоятельство, а также логика изложения в 27 главе приводят исследователей к выводу о том, что инициатива Перикла относится к периоду после 451/50 г.<sup>3</sup> Соглашаясь с ними, отметим, что гораздо менее убедительными являются рассуждения американских историков о связи закона о гражданстве и введения оплаты судьям — в том смысле,

---

Некоторые датируют непосредственно годом проведения реформы Эфиальта, считая введение мистофории её частью: Шмидт А. Перикл и его время. С. 59; Smith S.B. The Establishment... P. 119; Bowra C.M. Periclean Athens. L., 1971. P. 46.

<sup>1</sup> Полагают, что Плутарх следует здесь Феопомпу. Hignett C. A History... P. 341–342.

<sup>2</sup> См., например: Пёльман фон Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го нем. издания А.С. Князькова под ред. С.А. Жебелева. СПб., 1999. С. 185; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. T. I. S. 263–264; Hignett C. Op. cit. P. 219, 342–343; Griffith G.T. Isegoria in the Assembly at Athens. P. 125 (между 462 г. и 457/6 г., т.е. реформой архонтата — допуск до этой должности зевгитов); Martin J. Von Kleisthenes zu Ephialtes. S. 201; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 182–183; Rhodes P.J. A Commentary... P. 340; Ober J. Mass and Elite... P. 81 (40-e гг.); Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 188.

<sup>3</sup> Fornara Ch., Samons L. J. II. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P. 68–72. Другим логическим путем к этой же дате пришел Уолкер: он исходил из того, что введение оплаты произошло после возвращения Кимона из изгнания (ведь именно в пик ему затеял это дело Перикл), но до его отплытия на Кипр (Walker E.M. The Periclean Democracy // C.A.H. Vol. V. P. 101).

что ограничив количество граждан, можно было их теперь материально облагодетельствовать.<sup>1</sup> Следует учитывать, что под действие Периклова закон попадали только родившиеся после его введения, таким образом выстраиваемая Ч. Форнарой и Л. Сэмонсом логическая цепочка лишается в данном звене всякого смысла.

Предлагался и такой мотив нововведения: раньше афинская элита стремилась в собственных интересах связать бедных афинян чувством благодарности (*χάρις*) за частные благодеяния и подарки и обязать их таким образом; введение мистофории Периклом привело к сворачиванию этой практики.<sup>2</sup> Более вескими нам представляются все же прагматические соображения: после деления гелиэи на дикастерии, сведения судебных полномочий архонтов к предварительному расследованию (*ἀνάκρισις*), передачи народному суду некоторых функций Ареопага, на фоне роста политического и судебного контроля Афин над союзниками в рамках Делосской симмахии — появилась потребность в увеличении количества дикастов. Дел у дикастериев было в избытке, а далеко не всякий афинянин мог позволить себе лишиться дневного заработка из-за занятости в гелиэе.<sup>3</sup>

Введение мистофории было связано с афинской державной политикой двояким образом: с одной стороны, создаваемый «имперский аппарат» нуждался в постоянном притоке обслуживающих его «кадров», которые надо было материально заинтересовать и поощрять. С другой стороны, еще Аристотель в «Афинской политике» заметил, что взносы (форос), которые афиняне получали от союзников, и пошлины позволили им содержать огромное количество должностных лиц, также тех, кто был занят на военной и гарнизонной службе, сирот и проч. (по подсчетам Аристотеля — 20 тыс.), в том числе 6000 судей (24, 3). В аристофановских «Осах» форос, поступающий от союзников (657), занимал важное место в произведенных Бделиклеоном подсчетах доходов афинского государства, из которых Филоклеон и его приятели-судьи и получали свои вождеденные три обола (655–665). Благополучие афинских дика-

<sup>1</sup> См.: *Fornara Ch., Samons L.J.II.* Op. cit. P. 74–75. Также: *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 188. Похожий довод выдвигал В.М. Строецкий (оплата судей требовала больших затрат, для этого надо было урегулировать численный состав гражданского коллектива), также связавший в единое целое введение оплаты судей и Периклов закон о гражданстве: Греческая историческая мысль... С. 58.

<sup>2</sup> *Johnstone S.* Disputes and Democracy. P. 107 (со ссылкой на: *Millett P.* Patronage and Its Avoidance in Classical Athens // *Patronage in Ancient Society* / Ed. A. Wallace-Hadrill. L., 1989. P. 15–47).

<sup>3</sup> *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 338.

стов связывал напрямую с поборами с союзников и Старый олигарх (Ps.-Xen., I, 15–16). Современным исследователям ничего не остается делать, как согласиться с греческими авторами и признать, что денежные поступления от союзников создавали определенную материальную базу для участия всего демоса в управлении государством, в том числе в судах, т.е. способствовали развитию, по словам М. Финли, «полной демократической системы».<sup>1</sup>

То, что именно Перикл был инициатором введения судейского жалования, афиняне хорошо запомнили — видимо, тогда впервые стали оплачивать государственные должности. Впоследствии лидера афинской демократии неоднократно критиковали за это те, кто отвергал её радикальную разновидность. С точки зрения Аристотеля, оплата должностных лиц — одна из главных черт демократического устройства (Pol., 1317b35). В «Политике» он поместил введение платы за участие в суде Периклом в один ряд с реформой Ареопага Эфиальта, назвав такого рода деятельность заискиванием перед народом, как перед тираном (ᾧσπερ τυράννῳ τῷ δήμῳ χάριζόμενοι — Pol. 1274a7). В «Афинской политике» (27, 4) приводится мнение «неких» (τινες) о том, что с момента введения оплаты об избрании дикастами заботятся более случайные, чем достойные люди (μᾶλλον τῶν τυχόντων ἢ τῶν ἐπικτικῶν ἀνθρώπων).

Интересно, что обвинения в адрес Перикла в развращении народа из-за введения оплаты должностей не встречаются в литературе современной лидеру афинской демократии (Фукидид, комедия) — они появляются позже, в IV в. до н.э. Аристотель в вышеприведенном пассаже (Ath. pol, 27, 4) приписывает сетования на ухудшение качества судов после Периклова нововведения неким лицам (τινες), не уточняя, кто они (ἀφ' ὧν αἰτιῶνται τινες χεῖρω γενέσθαι). Гораздо критичней высказывается Платон (Gorg., 515e2–7), утверждавший устами Сократа, что «Перикл превратил афинян в лентяев, трусов, болтунов и корыстолюбцев, введя впервые жалование». Правда, философ несколько дистанцируется от этого неприглядного мнения: ведь его Сократ утверждает,

<sup>1</sup> Finley M. Democracy Ancient and Modern. P. 86. См. также: Шулер В. Афинская демократия и афинский морской союз // ВДИ. 1984. № 3. С. 51; Кондратьев М.А. Архэ и афинская демократия. С. 356–357; Kallet-Marx L. Money Talks: Rhetor, Demos, and the Resources of the Athenian Empire // RFP. P. 239–251. То, что афиняне имели финансовую выгоду от своей империи, признает и А. Джонс (Jones A.H.M. The Economic Basis of The Athenian Democracy // Athenian Democracy. P. 6), хотя он не согласен с тем, что эти доходы были необходимым условием для успешного функционирования демократии: ведь в отсутствие оных после поражения в Пелопоннесской войне государство продолжало платить жалование должностным лицам (Р. 5–19).

что это он слышал (ταυτὶ γὰρ ἔγινε ἀκούω), т.е. «так говорят». Во времена Плутарха такого рода инсинуации по адресу Перикла превратились в расхожее клише, которому херонейский историк охотно отдал дань в своей биографии «Олимпийца» (Рег., 9, 1–3).

Вероятно, первоначально судьям платили по два обола. В первые годы Пелопоннесской войны Клеон поднял оплату до трех оболов (schol. Aristoph. Vesp., 8, 300). Terminus ante quem — 425/4 г. — устанавливается по «Всадникам» Аристофана, в которых содержится знаменитое клеоновское обращение к судьям — «Трехгрошевые сородичи!» (φράτερες τριωβόλου — 255). Олигархи, пришедшие к власти в 411 г., отменили жалованье за исполнение должностей (Thuc., VIII, 67, 3); очевидно, аналогичная мера последовала после переворота 404 г.; каждый раз восстановленная демократия возвращала заветные три обола (Aristoph. Eccl., 687–688; Plut., 277). Настойчивость тех и других можно считать доказательством того, что мистофория действительно позволяла людям малоимущим занимать различные должности и служила материальной основой для развития прямой афинской демократии вширь и вглубь, прежде всего такого важнейшего её института, как народный суд. По наблюдению Стагирита, именно тогда, когда у народной массы появляется досуг вследствие того, что она получает вознаграждение за службу, она начинает принимать активное участие в управлении государством (Pol., 1293a3–12).

### § 3. Первые судебные процессы

К началу V в. до н.э., точнее к концу его первого десятилетия, относятся первые судебные процессы в Афинах, сведения о которых дошли до нас благодаря, как правило, весьма лапидарным упоминаниям о них в наших источниках, — это всё, естественно, «громкие дела». Более подробное рассмотрение тех из них, которые происходили в период от начала века до реформы Эфиальта, позволит выяснить, как соотносятся приведенные выше теоретические построения и предположения относительно развития системы судопроизводства в Афинах с известными нам фактами из афинской истории.

Около 493/2 г. до н.э. к судебной ответственности был привлечен драматург Фриних (Hdt., VI, 21). Свою пьесу «Взятие Милета» (Μιλήτου ἄλωσις) Фриних представил на Дионисиях в 493 г.; не исключено, что это была первая постановка «на современную тему».<sup>1</sup> По словам Геро-

<sup>1</sup> How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. Vol. II. Oxford, 1912. (Hdt., VI, 21, 3). Мы пользовались электронной версией: <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0028>

дота, зрители разразились слезами (ἐς δάκρυά τε ἔπεσε τὸ θέητρον), а потом наказали драматурга штрафом в 1000 драхм за то, что он заставил их вспомнить бедствия родственных ионийцев (καὶ ἐζημίωσάν μιν ὡς ἀναμνήσαντα οἰκτία κακὰ χιλίησι δραχμήσι), и запретили его пьесу навечно (καὶ ἐπέταξαν μηκέτι μηδένα χρᾶσθαι τοῦτῳ τῷ δράματι). Э. Майер полагал, что судили поэта по обвинению в нечестии — асебии (слезы зрителей осквернили праздник бога).<sup>1</sup> По мнению Э. Уолкера, обвинение в нечестии зиждилось на том, что вопреки традиции в качестве фабулы пьесы было выбрано современное событие, а не мифологический сюжет.<sup>2</sup> Э. Кэревэн предположил, что могла быть подана жалоба в собрание — проβολή.<sup>3</sup>

Но каково бы ни было обвинение, тайный мотив его инициаторов был скорей всего политическим. Не раз обращалось внимание на дружеские отношения между Фринихом и Фемистоклом; последний выступал в качестве хорега постановки «Финикиянок» Фриниха в 476 г. (Plut. Them., 5). Трагедия «Взятие Милета» вполне могла быть написана по наущению политика<sup>4</sup> и замыслена как еще один довод в пользу его морской программы.<sup>5</sup> Если это так, Фемистокл был первопроходцем по части использования театральных подмостков для политической пропаганды. Считается, что данный процесс проходил в экклесии.<sup>6</sup>

В том же 493 г. известного афинского аристократа Мильтиада судили в Афинах за тиранию в Херсонесе Фракийском (Hdt., VI, 104). Геродот повествует, как после возвращения Мильтиада, когда он уже чувствовал себя в безопасности в родном полисе, «враги, схватив его и отведя в суд, обвинили в тирании на Херсонесе» (οἱ ἐχθροὶ ὑποδεξάμενοι καὶ ὑπὸ δικάστηριον ἀγαγόντες ἐδίδωσαν τυραννίδος τῆς ἐν Χερσονήσῳ — VI, 104, 2). У Маркеллина (Marcel. Vita Thuc., 13) речь тоже идет о

<sup>1</sup> Meyer E. Geschichte des Altertums. Bd. III. S. 313. Это мнение поддержал: Wedel W. von. Die politischen Prozesse im Athen des fünften Jahrhunderts // BIDR. Vol. XIII. 1971. S. 125.

<sup>2</sup> Walker E.M. Athens: the Reform of Cleisthenes // CAH. Vol. IV. P. 172.

<sup>3</sup> Caravan E.M. Eisangelia... P. 195. Например, за внедрение современной тематики в драматическую программу Дионисий или за обман народа (побуждение к войне).

<sup>4</sup> Walker E.M. Op. cit. P. 172; Forrest W.G. Themistocles and Argos // ClQu. 1960. Vol. 10. P. 235.

<sup>5</sup> Meyer E. Op. cit. S. 313; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 199; Hignett C. A History... P. 181; Bauman R. Political Trials... P. 13, 16; Caravan E.M. Ibid.

<sup>6</sup> Meyer E. Ibid.; Bonner R.J., Smith G. Ibid.; Caravan E.M. Ibid.

врагах, которые «жаловались на него, обсуждая тиранию» (ἐγκλήματα γὰρ αὐτῷ (ἐπέφερον) διεξιόντες τὴν τυρανίδα). Едва ли Мильтиаду могло быть вменено в вину конкретно его наследственное «княжение» в Херсонесе, ибо вряд ли афинское законодательство каким бы то ни было образом регулировало способ и форму правления на заграничных и неафинских территориях.<sup>1</sup> Эта «правовая аномалия» до такой степени смущала некоторых исследователей, что высказывалось мнение, будто вообще никакого процесса не было, а была обыкновенная докимасия перед вступлением в должность стратега, на которой Мильтиаду его недруги припомнили тираническое прошлое.<sup>2</sup> Уточнялось, что такая проверка перед вступлением в должность могла окончиться переносом дела в суд (ἔφεσις εἰς τὸ δικάστηριον), если в ходе неё были выдвинуты соответствующие обвинения.<sup>3</sup> Другие полагали, что какая-то часть подданных Мильтиада во Фракии состояла из афинских граждан, и это могли обыграть обвинители бывшего тирана.<sup>4</sup> Третьи считали, что он мог быть обвинен в неких действиях против афинских интересов.<sup>5</sup> Правление Мильтиада в Херсонесе, несомненно, имеющее все признаки тирании,<sup>6</sup> могло быть каким-то образом увязано с афинской тиранией — экс-правителю могли припомнить ту помощь и поддержку, ко-

<sup>1</sup> *Karavites P.* Realities and Appearances, 490–480 B.C. // *Historia*. Bd. 26. 1977. P. 130.

<sup>2</sup> *Munro J.A.R.* Marathon // *САН*. Vol. IV. P. 231. Для подкрепления данного предположения Мунро пришлось пересмотреть датировку стратегии Мильтиада и соответственно Марафонской битвы, которую он относит к 491 г.

<sup>3</sup> *Bauman R.* Op. cit. P. 17. Естественно, в том случае если в это время уже существовали дикастерии, что само по себе является только гипотезой.

<sup>4</sup> *Walker E.M.* Op. cit. P. 171; *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. P. 198.

<sup>5</sup> *Caravan E.M.* Op. cit. P. 193. Примеры, которые приводит Кэревэн, на наш взгляд, сомнительны: якобы за поддержку Писистратидов (основание — замечание Геродота о том, что те дружески общались с Митридатом — VI, 39) и за действия во время скифского похода Дария. Без уточнения он дает ссылку на Hdt., IV, 139; VI, 41, 3. Судя по ней, имеется в виду поддержка Мильтиадом требования скифов разрушить мост через Геллеспонт, что маловероятно; к тому же высказывались сомнения в аутентичности данной истории (см. *Суриков И.Е.* Античная Греция... С. 304–305). Логичнее было бы вспомнить вынужденную службу Дарию, к которой Мильтиад был привлечен наряду с другими тиранами полисов в зоне проливов (Hdt., IV, 138).

<sup>6</sup> Поведение и политика Мильтиада: коварный арест правителей херсонесских городов и последующий захват власти, жена-чужеземка (Гегесипила, дочь фракийского царя Олора), отряд наемников-телохранителей (Hdt., VI, 39), первоначальное сотрудничество с Гиппием, — все это, по образному выражению Уэйджери, имело «аромат тирании» (Essays... P. 165.).



тору ему оказывал долгие годы Гиппий.<sup>1</sup> Наконец, оба процесса Мильтиада рассматривались в рамках политической борьбы аристократических группировок Алкмеонидов и Филаидов (после своего возвращения Мильтиад, очевидно, рассматривался в качестве главы клана последних).<sup>2</sup> Высказывалось предположение, что посодействовать оправданию бывшего тирана, известного своей ненавистью к персам, мог стремительно набирающий политический вес Фемистокл.<sup>3</sup>

Не исключено, что этот процесс был затеян по процедуре исангелии и проходил в собрании — тогда это первая известная нам из источников исангелия. Геродот, правда, говорит о дикастерии (ἵππο δικάστῃριον [αὐτῶν] δῦαυόντες), но едва ли в техническом смысле.<sup>4</sup> Ряд исследователей полагает, что суд мог действительно происходить в дикастерии.<sup>5</sup> В качестве места процесса предлагался и Ареопаг (Мильтиад, как бывший архонт (524/3 г.) был его членом и как ареопагит подлежал euthynai).<sup>6</sup> В целом, мы должны признать, что скудность информации о суде над будущим победителем при Марафоне делает любые выводы о его содержании и форме достаточно шаткими.

Первый процесс, о котором мы можем определенно утверждать, что он рассматривался в экклесии и очевидным образом являлся процессом по исангелии, — второй процесс Мильтиада, состоявшийся в 489 г.<sup>7</sup>

<sup>1</sup> *How W.W., Wells J. A Commentary... Vol. II. P. 21; Wade-Gery H.T. Essays... P. 165.*

<sup>2</sup> *Walker E.M. Athens... P. 171; Karavites P. Realities and Appearances. P. 130–135.*

<sup>3</sup> *Walker E.M. Ibid.; Lenardon R. The Archonship of Themistocles // Historia. Bd. 5. 1971. P. 401–419.* Ленардон относил архонтство Фемистокла к 493/2 г., т.е. ко времени процесса Мильтиада; впрочем, его реконструкция была оспорена: *Fornara Ch.W. Themistocles Archonship // Historia. Bd. 20. 1971. P. 534–540.*

<sup>4</sup> *Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 198, 299.*

<sup>5</sup> *Sealey R. Ephialtes, Eisangelia... P. 316; Hansen M.H. Eisangelia. P. 69* (в каталоге исангелий — № 1); *Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens... S. 19.*

<sup>6</sup> *Caravan E.M. Eisangelia... P. 193; Суриков И.Е. Указ. соч. С. 308, прим. 76.*

<sup>7</sup> См.: *Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. II. S. 884; Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 180; Munro J.A.R. Marathon. P. 253; Bonner R.J., Smith G. Op. cit. P. 197, 299; Wedel W. Die politischen Prozesse... S. 127; Hansen M.H. Eisangelia. P. 69.* Э. Кэрвэн без достаточных на то оснований отвергает указания источников в пользу неких умозрительных соображений и настаивает на том, что и в этом случае окончательный приговор выносил Ареопаг (Op. cit. P. 194). М. Оствальд полагает, что процесс мог быть следствием εἰσβολα (отчета) Мильтиада перед Ареопагом, а в экклесию он был перенесен, так как стратегу грозила смертная казнь (From Popular Sovereignty... P. 72, note 286).

Предыстория его такова. Мильтиад попросил у афинян 70 кораблей, посулив привести их на землю, богатую золотом, не раскрывая, какую именно (подразумевался о-в Парос). Геродот утверждает, что обвиняя паросцев в пособничестве персам, стратег на самом деле имел личные причины ненавидеть жителей острова (VI, 133). Город Мильтиад так и не завоевал, обещанных богатств не привез (хотя и успел опустошить остров за 26 дней осады). По возвращении его обвинил «перед народом» (ὑπὸ τὸν δῆμον) Ксантипп «за обман афинян» (τῆς Ἀθηναίων ἀπάτης εἵνεκεν), требуя наказать стратега смертью (θανάτου ὑπαγαγὼν) (Hdt., VI, 136, 1).

Политическая подоплека процесса фактически ни у кого не вызывает сомнения; обычно указывается на узы, которые связывали обвинителя с Алкмеонидами и «персидский след» в данном деле.<sup>1</sup> И.Е. Суриков считает обвинение Мильтиада следствием интриг со стороны политической группировки, состоявшей из Алкмеонидов и «друзей тиранов»: такой (не очень естественный в свете антитираннической деятельности Алкмеонида Клисфена. — Т.К.) союз сложился незадолго до этого и был результатом общего тяготения и тех, и других к Персии. (Это же объединение, по мнению Сурикова, организовало процесс Фриниха.) А вокруг Мильтиада, прибывшего в Афины в 493 г., не могла не сложиться группировка антиперсидской направленности ввиду его известной ненависти к персам.<sup>2</sup> П. Клоше, игнорируя «алкмеонидовский след», обращает внимание на то, что Ксантипп был главой «демократической партии» (так его классифицировала аристократическая традиция — см. Aristot. Ath. pol., 28, 2), а Мильтиад — «аристократической».<sup>3</sup> У. Форрест же намеренно дистанцирует будущего победителя при Микале и отца Перикла (Ксантиппа) от «партии Алкмеонидов», подчеркивая его независимость как «простата демоса».<sup>4</sup> Столь разноречивые оценки указывают на невозможность постижения тайных механизмов антимильтиадовой интриги.

Во время процесса раненый Мильтиад молча лежал на носилках на виду толпы, словно умирающий трагический герой на сцене<sup>5</sup>, а его дру-

<sup>1</sup> См.: Karavites P. Op. cit. P. 131–135; Develin R. Miltiades and the Parian Expedition // AC. T. 46. 1977. P. 573–577.

<sup>2</sup> Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин в VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 179–180. Похожая точка зрения: Karavites P. Ibid.

<sup>3</sup> Cloché P. Les procès des stratèges athéniens // REA. T. 27. 1925. P. 99.

<sup>4</sup> Forrest W.G. Themistocles and Argos. P. 233.

<sup>5</sup> Сравнение с трагедией — см.: Hall E. Lawcourt Dramas: The Power of Performance in Greek Forensic Oratory // BICS. Vol. 40. 1995. P. 42.

зья говорили за него. Геродот подчеркивает, что решение по делу Мильтиада выносил народ, именно он отклонил смертную казнь, которую требовал обвинитель, оштрафовав стратега на 50 талантов (προσγενομένου δὲ τοῦ δήμου αὐτῷ κατὰ τὴν ἀπόλυσιν τοῦ θανάτου, ζημιώσαστος δὲ κατὰ τὴν ἀδικίην πεντήκοντα τάλαντοισι – VI, 136, 3). Такой огромный штраф победитель при Марафоне выплатить не мог и потому неизбежно становился государственным должником, что влекло за собой атимию, исключавшую или ограничившую его участие в политической жизни.<sup>1</sup> Через некоторое время после окончания процесса прославленный полководец умер от гнояного воспаления бедра (из слов Геродота вовсе не следует, что он в это время находился в тюрьме), а его сын Кимон выплатил штраф (VI, 136).

Версия Корнелия Непота (или Эфора<sup>2</sup>) в некоторых деталях расходится с рассказом Геродота. Афиняне сами поручили Мильтиаду эскадру в 70 кораблей для наказания островов, помогавших персам, в числе которых был и Парос, т.е. соображения государственной политики (утверждение афинской власти на Кикладах) в этой версии заступают на место личной вражды полководца.<sup>3</sup> Мильтиад успешно осаждал паросский полис и почти взял его, но тут загорелась по непонятным причинам рядом на материке роща. Стратег, истолковав этот пожар как сигнал персам, снял осаду и вернулся в Афины, где ему было предъявлено обвинение в измене (proditio): якобы он покинул остров за взятку от персидского царя. Защищал его на суде брат Стесагор (это уже полная фантастика, ибо этот брат погиб задолго до данного события (Hdt., VI, 38–39) — Т.К.). «Когда дело было рассмотрено, он не был приговорен к смерти, но был наказан штрафом, размер которого был определен в 50 талантов, — столько, сколько составили расходы на флот» (causa cognita capitis absolutus pecunia multatus est, eaque lis quinquaginta

<sup>1</sup> Возможно, именно этого и добивались его политические противники (см.: Суриков И.Е. Античная Греция... С. 322.).

<sup>2</sup> Вопрос об источниках рассказа Непота (предположительно это Эфор) наиболее подробно рассмотрен в: How W. Cornelius Nepos on Marathon and Paros // JHS. Vol. 39. 1919. P. 48–61; Kinzl K.H. Miltiades Parosexpedition in der Geschichtsschreibung // Hermes. Bd. 104. 1976. S. 280–307. Непосредственно от Эфора дошел небольшой фрагмент, повествующий о паросских событиях и весьма схожий по содержанию с изложением Непота: fr. 107, FGH I. 263; Steph. Byz., s.v. Πάρος).

<sup>3</sup> У. Хау выражает сомнение в том, что Афинам было тогда под силу установить свой контроль над Кикладами, и полагает, что Эфор перенес реалии более поздней эпохи афинского господства в Эгеиде, наступившей после строительства флота, на рассказ о паросской экспедиции: How W. Op. cit. P. 59–60.

talanta aestimata, quantus in classem sumptus factus erat – Неп. Милт., 7). Поскольку Мильтиад не смог заплатить эту огромную сумму сразу, свой последний день прославленный стратег встретил в темнице (in vincla publica coniectus ibique diem obit supremum – Ibid.). В биографии Кимона Непот, следуя Эфору, добавляет к этому печально-патетическому финалу еще более сомнительное продолжение: после смерти Мильтиада афиняне и Кимона посадили в тюрьму, дабы он заплатил отцовский долг, и только брак его сестры Эльпиники с богатейшим Каллием позволил решить эту проблему (Сим., 1; ср. Diod., X, fr. 32 – или выгодный брак самого Кимона). У Помпея Трога – Юстина также представлена версия о смерти стратега в тюрьме и о добровольном принятии на себя тюремных оков Кимоном, дабы «выкупить» для похорон тела отца (...patrem ob crimen peculatus in carcerem coniectum ibique defunctum translatis in se vinculis ad sepulcrum redemit — II, 15). Интриги в запутанную историю с осуждением и смертью Мильтиада добавил еще и Платон: народ проголосовал-таки за смертный приговор, но вмешался притан (Gorg., 516d–e).

Мы не можем однозначно утверждать, что смертельно раненый победитель при Марафоне испустил дух в тюремных стенах, хотя теоретически это было вполне возможно, ибо государственные должники составляли основной контингент афинских заключенных, по крайней мере, в следующем IV в. до н.э. (для V в. сведений у нас крайне мало).<sup>1</sup> Возможно, должникам давалось какое-то время для сбора денег и выплаты долга.<sup>2</sup> Хочется все же думать, что раненого, немощного и далеко не молодого полководца (Мильтиад родился около 550 г. или даже 554 г.,<sup>3</sup> следовательно, в момент суда ему было уже за 60) пожалели и не отправили на носилках в застенки, — но трудно сказать, насколько сей

<sup>1</sup> Мнение о том, что государственных должников стали заключать в тюрьму после 400 г. до н.э. высказал Э. Рушенбуш: *Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers* // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 73–74. На этом основании И. Е. Суриков считает, что история о смерти Мильтиада в тюрьме не может соответствовать действительности (Античная Греция... С. 322, прим. 100). Мы, склоняясь к этой же точке зрения, все же не были бы так категоричны в силу упомянутой скудности источников по V в.

<sup>2</sup> На это обстоятельство указывал еще Дж. Грот, считавший, что Мильтиад не мог умереть в застенках: *Grote G. A History of Greece. L., 1849. Vol. IV. P. 498–499.*

<sup>3</sup> См.: *Wade-Gery H.T. Essays... P. 155–156.*

акт милосердия (если он имел место) соответствовал тогдашней процедуре взимания долга и не был ли он осуществлен по прихоти суверенного демоса, вольного карать и миловать своих полководцев.

Некоторые детали второго процесса Мильтиада намекают на то, что он обвинялся по псефизме Каннона,<sup>1</sup> а именно: Платон утверждал, что если бы его приговорили к смерти, его сбросили бы в баратр(он) (εἰς τὸ βάραθρον ἐμβαλεῖν – Gorg., 516e). Этот весьма любопытный декрет (Xen. Hell., I, 7, 20; Aristoph. Eccl., 1089sq.; Hesych., s.v. Καίνωιοι ψήφισμα) очень важен для нас, ибо он четко возлагает определенные судебные функции на народное собрание: «если кто-нибудь учинит афинскому народу обиду, он должен защищаться перед народом (ἐὰν τις τὸν τῶν Ἀθηναίων δῆμον ἄδικῃ, δεδεμένον ἀποδικεῖν ἐν τῷ δῆμῳ), и если он будет признан виновным, казнить его через низвержение в баратр, имущество его конфисковать, а десятую часть передать богине» (Xen. Hell., I, 7, 20). Декрет, очевидно, достаточно древний, судя по языку<sup>2</sup> и по способу казни – низвержению в пропасть (баратрон). Недавно Э.В. Рунг обратил внимание на то, что афиняне казнили переводчика, находившегося в числе персидских послов, прибывших в Афины с требованием земли и воды (по версии Плутарха – Them., 6), или самих послов (по версии Геродота) именно низвержением в баратрон (Hdt., VII, 133).<sup>3</sup> Плутарх, кстати, упоминает о принятии некой псефизмы в связи с посольством: в соответствии с ней Фемистокл и велел казнить толмача, дерзнувшего передавать приказы варвара (персидского царя) на эллинском языке (Them., 6). В то же время имя Каннона, сына Сибиртия, из дема Ламптры, присутствует на нескольких афинских остраконах, которые датируются 480–470 гг.<sup>4</sup> Учитывая редкость имени, Э.В. Рунг предположил, что «это тот самый Каннон, который мог предложить псефизму об осуждении

<sup>1</sup> См.: Bohm H. De eisaggeliis ad comitia Atheniensium delatis. Halle, 1874. P. 21–27; Rose G. Das Psephisma des Kannonos // Commentationes philologicae monacensis. München, 1891. S. 93; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 207–209.

<sup>2</sup> Необычно слово ἀποδικεῖν и форма διαλελημμένον (в цитате из декрета у Аристофана). Об этих особенностях стиля и вообще о раннем происхождении псефизмы – см.: Rose G. Op. cit. S. 92–93; Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 107. Примерно ко временам Клисфена (или сразу после) декрет относили: Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. S. 884; Bonner R.J., Smith G. Op. cit. P. 205–207. Хигнет датировал его 60-ми гг. V в. до н.э. (Hignett C. A History... P. 305).

<sup>3</sup> Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006. С. 33.

<sup>4</sup> См.: Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 545. (Приложение V).

лиц, виновных в оскорблении афинского народа, в связи с прибытием в Афины глашатаев Дария в 491 г.»<sup>1</sup> Нам эта гипотеза представляется гораздо более убедительной, чем предположение Б. Лавеля о том, что псефизма появилась где-то между процессами Антифонта (т.е. после 411 г.) и стратегов-победителей (406 г.), а её язык и стиль были нарочно архаизированы, следуя своеобразной моде (в то время как раз стали приводить в порядок древние законы).<sup>2</sup> Таким образом, мы принимаем датировку псефизмы Каннона концом 90-х гг. V в. до н.э.

Вернемся к нашему герою. Мильтиад был обвинен, по словам Геродота, в обмане народа (ἀπάτη τοῦ δήμου) (Hdt., VI, 136, 1); по версии Эфора, которому следует Корнелий Непот, – в измене (proditio – Milt., 7, 5). Помпей Трог описывал обвинение как peculatus (т.е. казнокрадство, расхищение государственного имущества) (Iustin., II, 15, 19) – возможно, в его источнике упоминалась κλοπή δημοσίων (ср. с требованием возмещения расходов на содержание кораблей у Непота).<sup>3</sup> Псефизме же Каннона подлежала «адикия» (ἐὰν τις τὸν τῶν Ἀθηναίων δῆμον ἀδικῇ...). Точного определения, что подразумевается под «обидой» (ἀδικία) не давалось, т.е. было оставлено на усмотрение собрания, и «обман» (ἀπάτη) вполне мог рассматриваться как её разновидность.<sup>4</sup> Правда, Ю. Липсиус считал, что Мильтиада судили по тому «древнему» (ἀρχαῖος) закону об обмане народа, о котором упоминает Демосфен (XX, 135; XLIX, 67).<sup>5</sup> Но, как резонно указывали Р. Боннер и Г. Смит, в нем упоминается дикастерий (τις υποσχόμενος τι τὸν δῆμον ἢ τὴν βουλὴν ἢ δικαστήριον), а если бы этот закон действительно относился ко временам Клисфена или около того, скорее в нем фигурировала бы ἡλιαία, – вероятно, это уже видоизмененный закон, с учетом более поздних реалий.<sup>6</sup> Достаточных данных для уверенности в том, что обвинение прославленному стратегу было предъявлено именно по псефизме Каннона, у нас нет, хотя, если верна предложенная выше датировка декрета концом 90-х гг., это могло бы стать еще одним косвенным доводом рго. В любом случае,

<sup>1</sup> Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда... С. 34.

<sup>2</sup> Lavelle B.M. Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // СМ. 1988. Vol. 39. P. 34–38. Еще до Лавеля идею о позднем происхождении псефизмы высказывал: Kahrstedt U. Staatsangebiet und Staatsangehörige in Athen. Stuttgart, 1934. Bd. I. S. 55–56.

<sup>3</sup> См.: Bauman R. Political Trials in Ancient Greece. P. 20.

<sup>4</sup> Rose G. Op. cit. S. 93; Bonner R.J., Smith G. Op. cit. P. 208.

<sup>5</sup> Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 43, 180. Также: MacDowell D.M. The Law... P. 179.

<sup>6</sup> Bonner R.J., Smith G. Op. cit. P. 209.

по какой бы процедуре не обвинялся Мильтиад, была ли ему вменена в вину продосия, или адикия, или обман народа (сам по себе или извлеченный из продосии<sup>1</sup> или адикии), или какое-то их сочетание, — предполагаемым наказанием была смертная казнь, от которой, как уже было сказано, спасли стратега лишь воля и желание суверенного демоса.

В следующем процессе, известном нам только по краткому упоминанию у Ликурга в речи «Против Леократа», смертный приговор был таки вынесен. Предположительно вскоре после 480 г. обвиненный в измене Гиппарх, сын Харма, не стал дожидаться суда (οὐχ ὑπομείναντα τὴν περὶ τῆς προδοσίας ἐν τῷ δῆμῳ κρίσιν), удалился в изгнание и заочно был осужден на смерть за измену (θανάτῳ τοῦτον ζημιώσαντες — I, 117). Ликург утверждает, что приговор по его делу выносил народ (ἐν τῷ δῆμῳ κρίσιν). Отсюда делается вывод о том, что по процедуре это была исангелия, которая слушалась в собрании.<sup>2</sup> Продосия, очевидно, подразумевала предательство в пользу персов — мидизм (μιδισμός).<sup>3</sup> Раздосованные неявкой обвиняемого афиняне, ставив с Акрополя его статую, расплавили её и постановили написать на сделанной из нее стеле имена Гиппарха и других предателей (Ibid.). Из «Афинской политики» (22, 3) известно, что Гиппарх (кстати, архонт-эпоним 496/5 г.) был родственник Писистратидов и первым, к кому был применен ostracism (в 488 или 487 г.). Неоднократно высказывалось предположение о том, что основанием для обвинения Гиппарха послужил будто бы его отказ вернуться в Афины вместе с другими изгнанниками, когда во время нашествия Ксеркса (480 г. до н.э.) была объявлена амнистия.<sup>4</sup>

Несомненно, самым «громким» делом по обвинению в продосии в первой половине V в. стало осуждение Фемистокла за причастность к

<sup>1</sup> How W. W., Wells J. A Commentary... Vol. II. (Hdt., VI, 136, 1).

<sup>2</sup> Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 199; Hansen M. H. Eisangelia. P. 70; Caravan E. M. Eisangelia and Euthyna. P. 195–196; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 30. Правда, Ведель и Баумэн считают, что Ликурга надо поправить, ибо в первой половине V в. исангелии по измене заслушивались скорее всего Ареопагом: Wedel W. Die politischen Prozesse... S. 130; Bauman R. Political Trials... P. 22.

<sup>3</sup> Обвинение в мидизме в то время трактовалось весьма широко и было самым тесным образом связано с обвинением в приверженности к тирании. См. подробнее об этом (и ссылки на литературу): Суриков И. Е. Остракизм в Афинах. С. 326–327.

<sup>4</sup> Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. II. S. 661; Bauman R. Op. cit. P. 22; Wedel W. Op. cit. S. 129 (Ведель считает, что Гиппарх вернулся в Афины в 480 г. вместе с другими Писистратидами как «подручный» (Handlanger) Ксеркса).

изменнической деятельности спартанского регента Павсания. В одном из лексиконов (Lex. Cantab.) приводится отрывок из Кратера (FgrHist., 342 F 11), в котором оно названо исангелией (s.v. *εἰσαγγελία* – ἡ κατὰ Θέμιστοκλέους εἰσαγγελία, ἣν εἰσήγγελεν, ὡς Κρατέρως, Λεωβώτης Ἀλκμεώνος), – на этот раз мы можем говорить не в модусе возможности, а с полной уверенностью о том, что была задействована данная процедура. Вероятнее всего, процесс происходил в народном собрании,<sup>1</sup> хотя высказывалась версия и об Ареопаге.<sup>2</sup> Первый вариант кажется предпочтительнее, благодаря ссылке лексикографа на известное собранию *псефизм* (т.е. постановлений народного собрания) Кратера.

Из рассказа Фукидида (I, 135–138) ясно, что судили афинского политика *in absentia*, ибо после остракизма он был выслан из Афин. Официальным обвинением скорее всего была измена (продосия), как против Павсания (Thuc. I, 138, 6 – οὐ γὰρ θάπτειν ὡς ἐπὶ προδοσίᾳ φεύγοντος; Plut. Them., 23, 1; Nep. Them., 8, 2). Предположение Веделя о растрате как об обвинении (κλοπή δημοσίων)<sup>3</sup> не находит никакого подкрепления в источниках, кроме весьма косвенного намека у Плутарха (о том, что Фемистокл сказочно разбогател на службе народу – Them., 25, 3).

Согласно Фукидиду, спартанцы и афиняне пытались заполучить Фемистокла на суд, который должен был состояться в Афинах (I, 135, 3). По Диодору же (XI, 55, 4–7) и Плутарху (Them., 23), процесс над Фемистоклом должен был происходить не в Афинах, а на общем собрании всех эллинов (в основном это пелопоннесские города): «от лица» Фемистокла Диодор размышляет относительно необъективности и несправедливости такого суда, который во всем будет послушен лакедемонянам. Большинство современных исследователей отдают предпочтение афинскому историку;<sup>4</sup> У. Карштедт заметил, что мнение, представ-

<sup>1</sup> Busolt G. Op. cit. Bd. III. T. I. S. 125–126, Anm. 4; Walker E.M. The Confederacy of Delos, 478–463 B.C. // CAH. Vol. V. P. 63; Hansen M.H. Eisangelia. P. 70; Caravan E.M. Op. cit. P. 196–198; Ostwald M. Op. cit. P. 36–37; Thommen L. Spielräume der Demokratie: Der Prozeß gegen Themistokles // GP. S. 93 (собрание или гелизия).

<sup>2</sup> Wilamowitz-Mollendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. I. S. 140; Rhodes P.J. The Athenian Boule. P. 201; Bauman R. Op. cit. P. 27.

<sup>3</sup> Wedel W. von. Op. cit. S. 131.

<sup>4</sup> См., например: Строецкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59). С. 27; Forrest W.G. Themistocles and Argos. P. 238; Wedel W. von. Op. cit. S. 131; Thommen L. Op. cit. S. 92. «За» Диодора – Grote G. A History of Greece. Vol. V. P. 380. Допускает возможность рассмотрения дела Фемистокла общеэллиническим синедрионом: Cawkwell G.L. The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaklock. P. 54, note 6.



ленное у Диодора, – выдумка Эфора, желавшего освободить Афины от вины за осуждение героя Саламина и переложить её на общеэллинский синедрион.<sup>1</sup>

Спартанские послы заявили (вероятно, в экклесии) о том, что Фемистокл замешан каким-то образом в изменнические интриги Павсания (Thuc., I, 135, 2); был принят декрет об аресте афинского политика. Плутарх и Диодор (XI, 54)<sup>2</sup> рассказывают, что Павсаний действительно показывал Фемистоклу письма от персидского царя, но тот отнесся отрицательно к намерениям спартанского регента и от участия в их осуществлении отказался, однако никому ничего не сказал и не донес об этом деле. По словам Плутарха, «подняли крик против него спартанцы, а обвинять стали завидовавшие ему сограждане» (Them., 23 — пер. С.И. Соболевского; о зависти афинян как о мотиве — также Diod., XI, 54, 5; Nep. Them., 8). Обвинителем выступал Алкмеонид Леобот (FgrHist., 342 F 11; Plut. Them., 23). Херонейский биограф свидетельствует, что Фемистокл защищал себя заочно, написав согражданам (Ibid.), — зачитывалась ли его апология в собрании, неясно. Он был приговорен к смерти, дополнительно наказан наследственной атимией и запрещением погребения в Аттике, его имущество было конфисковано (Thuc. I, 138, 6; Plut. Them., 25; Idomen. FgrHist., 338 F 1; Aelian. VH, X, 17).

Много споров породила датировка процесса Фемистокла. У Диодора под одним годом архонтства Праксизерга (471/0 г.) помещено несколько событий (XI, 54–60): первое обвинение в измене по адресу Фемистокла, его остракизм, ссылка, осуждение, бегство, скитания с последующим прибытием в Персию и пребыванием в ней вплоть до смерти. Датировка процесса Фемистокла связана, с одной стороны, с его остракизмом, с другой, — с обвинением в мидизме и гибелью Павсания. И тот, и другой сюжет сами по себе — источники жарких дискуссий, еще более запутывающих этот вопрос.<sup>3</sup> Мы можем только сослаться на несколько распространенных мнений, констатируя невозможность установления точной даты.<sup>4</sup> Р. Ленардон полагал, что античные авторы (Диодор в их

<sup>1</sup> Kahrstedt U. Themistokles // RE. 1934. Bd. V. Hlbd. 10. Sp. 1694.

<sup>2</sup> Предположительно, у них общий источник — Эфор. См., например: Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. T. I. S. 108–109, Anm. 4; Bauman R. Political Trials... P. 24–25; Строецкий В.М. Указ. соч. С. 26–27.

<sup>3</sup> О дискуссии, ведущейся по вопросу остракизма Фемистокла, различных вариантах его датировки (473, 472, 471, 479, «вторая половина» 70-х гг.) и ссылках на соответствующую литературу — см. Lenardon R. The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. P. 24–27; Сурков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 137–138 (сам автор предпочитает 470 г.).

<sup>4</sup> Мы согласны с теми, кто полагал, что точно датировать процесс Фемистокла вообще невозможно в виду хронологической путаницы в источниках

числе), вспоминая события, связанные с падением Фемистокла, упор делали не на остракизме, а именно на бегстве Фемистокла (к нему и относится дата 471/0 г.; остракизм имел место около 474/3 г., а через какое-то время против изгнанного политика был возбужден судебный процесс.<sup>1</sup> Не все согласились с данным мнением, ссылаясь в том числе на предполагаемое присутствие Фемистокла на постановке трагедии Эсхила «Персы» в 473/2 г.<sup>2</sup> Одни предпочли дату 471/0 г.;<sup>3</sup> другие, исходя из предположения о том, что Павсаний погиб в начале 60-х гг., предлагали датировать суд над его афинским визави 467/6 г. до н.э.<sup>4</sup> У. Форрест считал, что непосредственной хронологической связи между эти двумя событиями вообще не было: смерть Павсания случилась примерно в 474 г., лет за 5 до процесса афинянина; спартанцы воспользовались «старыми» обвинениями; афиняне же после победы при Эвримедонте «потеряли голову», поверили нелепым и сфабрикованным обвинениям спартанцев, которые были поддержаны Кимоном, и осудили сгоряча Фемистокла.<sup>5</sup> Эту сагу британского ученого можно в лучшем случае охарактеризовать как воссозданную по «мотивам» античных источников.

Еще одной проблемой является так называемый «первый процесс Фемистокла». Диодор (XI, 54) утверждает, что еще до остракизма состоялся процесс, в котором Фемистоклу, несмотря на происки врагов, обвинивших его в измене (в связи с делом Павсания), удалось добиться

(Wilamowitz-Mollendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. I. S. 152; Rhodes P.J. Thucydides on Pausanias and Themistocles // Historia. Bd. 19. 1970. P. 398).

<sup>1</sup> Lenardon R. Op. cit. P. 34–35. Ср.: Строецкий В.М. Внутриполитическая борьба в Афинах в период Греко-персидских войн (Фемистокл и Аристид) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Межвуз. сб.к. Под ред. Э.Д. Фролова. Л., 1989. С. 57 (остракизм – незадолго перед 473/2 г., через какое-то время – заговор против Фемистокла лакедемонян и «афинских консервативных кругов», вызов на суд, бегство).

<sup>2</sup> Например: Forrest W.G. Themistocles and Argos. P. 235; Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1969. S. 197; Cawkwell G.L. The Fall of Themistocles. P. 47.

<sup>3</sup> Wilamowitz-Mollendorff U. von. Op. cit. Bd. I. S. 143–144; II. S. 300; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. T. 1. S. 112–113, 124 (процесс и бегство – 471) Walker E.M. The Confederacy of Delos. P. 63 («около»); Hignett C. A History... P. 190.

<sup>4</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 70; Суриков И.Е. Остракизм... С. 139. Гомм (с погрешностью в 2–3 года) – 469/8 г. (Gomme A. HCT. Vol. I. Oxford, 1966. P. 408). По мнению С.Я. Лурье, «скорее всего» это был 464 г. (История Греции. СПб., 1993. С. 292).

<sup>5</sup> Forrest W.G. Themistocles and Argos. P. 238. С тем, что процесс произошел вскоре после победы Кимона при Эвримедонте (469 г.) и в связи с ней, согласен: Thommen L. Spielräume der Demokratie... S. 88.

оправдания (τότε μὲν ἀπέφυγε τὴν τῆς προδοσίας κρίσιν). Некоторые историки полагают, что это факт измыслил (или домислил) сам Диодор,<sup>1</sup> другие указывают на его источник – Эфор.<sup>2</sup> Тем не менее, встречается мнение (со ссылкой на Диодора), что первый процесс Фемистокла имел место и окончился оправдательным приговором.<sup>3</sup> Р. Ленардон датирует его 476 г. до н.э. – вскоре после хорегии Фемистокла в театральном агоне 477/6 г.<sup>4</sup> Ситуацию еще более запутывает упоминание в «Афинской политике» о том, что Фемистоклу предстоял суд в Ареопаге за «мидизм» (ἔμελλε δὲ κρίεσθαι μηδισμοῦ), и о его совместных действиях с Эфиальтом против Ареопага (25, 3). Впрочем, этот полуфантастический пассаж давно уже не принимается во внимание в современной историографии по причине анекдотичности и хронологической невозможности.<sup>5</sup> Своеобразным парафразом данного отрывка из «Политии» является гипотеза к «Ареопагитику» Исократ (VII), отвергаемая по тем же причинам. Однако, по версии Э. Кэрвэна, и первое, и второе свидетельства могут содержать зерно истины: некие обвинения в злоупотреблении служебным положением могли выдвигаться против Фемистокла как ареопагита при сдаче им отчета в Ареопаге; возможно также некое сотрудничество Фемистокла и Эфиальта.<sup>6</sup> Если эти предположения еще можно принять с некоторым трепетом, то решительная реконструкция американским историком *первого* процесса Фемистокла, датированного им годом его ostracism (471/0 г.), построенная на соединении двух путаных рассказов – «Афинской политики» и Диодора<sup>7</sup> (у которого нет ни слова о кознях Ареопага или интригах против Ареопага в связи с делом Фемистокла), представляется все же малоубедительной.

<sup>1</sup> *Строгецкий В.М.* Диодор Сицилийский о процессах ... С. 26–27 (со ссылкой на: *Мандес М.* Опыт историко-критического комментария к греческой истории Диодора. Одесса, 1901. С. 139).

<sup>2</sup> *Bauman R.* Political Trials in Ancient Greece. P. 24–25.

<sup>3</sup> Его отстаивал еще Дж. Грот (*Grote G.* A History of Greece. Vol. V. P. 377). См. также: *Строгецкий В.М.* Греческая историческая мысль... С. 33. Коуквелл полагал, что если и был некий процесс Фемистокла до его ostracism, то едва ли по обвинению в мидизме (*Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles. P. 54, п. 6).

<sup>4</sup> *Lenardon R.* The Chronology... P. 34.

<sup>5</sup> «Разоблачение» – *Wilamowitz-Mollendorff U.* Aristoteles und Athen. S. 140–142. См. также: *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 319–320 (ссылки на литературу о возможных источниках этого сообщения).

<sup>6</sup> *Caravan E.M.* Eisangelia and Euthyna. P. 198. О возможном сотрудничестве Фемистокла и Эфиальта в первых атаках на Ареопаг см. также: *Lewis R.G.* Themistokles and Ephialtes // *ClQu.* Vol. 47. 1997. P. 361–362.

<sup>7</sup> *Caravan E.M.* Op. cit. P. 199–200.

Последний из известных нам процессов первой половины V в. до н.э. – процесс Кимона. Он был обвинен в 463/2 г., когда в третий раз был стратегом. В «Афинской политике» (27, 1) говорится, что обвинение было выдвинуто в связи со сдачей отчета (εἰθυναί).<sup>1</sup> По Плутарху, полководца обвинили в том, что после экспедиции на Фасос и осады мятежного союзника (465/4 – 463/2) он не воспользовался благоприятной обстановкой и не вторгся в Македонию, подкупленный будто бы царем Македонии Александром (Cim., 14, 3 – αἰτίαν ἔσχε δώροις ὑπὸ τοῦ βασιλέως Ἀλεξάνδρου συμπεπεῖσθαι). Интересно, что *приказа* вторгнуться в Македонию, судя по всему, не было, так что карался стратег за то, что не предвидел желаний или не понял правильно чаяний демоса и пренебрег возможностью расширить архэ. Раздражение народа против стратега могла усилить случившаяся примерно в то же время (464 г.) неудача, постигшая посланных афинянами и их союзниками 10 тыс. колонистов для заселения местности у р. Стримон, называемой тогда Девятью путями, а впоследствии – Амфиполем. Углубившись во Фракию, они были в большинстве своем уничтожены фракийцами у Драбеска, города эдонов (Thuc., I, 100, 3; IV, 102, 2; Diod., XI, 70, 5; XII, 68, 1). В данных условиях политические оппоненты Кимона могли ловко воспользоваться ситуацией, чтобы подорвать позиции признанного главы консервативной и проспартанской группировки.

Херонейский историк подчеркивает, что народ избрал обвинителей, в том числе молодого Перикла (Per., 10, 5 – ὑπὸ τοῦ δήμου προβεβλημένος), из чего делается вывод, что обвинение было возбуждено в экклесии.<sup>2</sup> Неясно, по какому принципу происходил отбор обвинителей – возможно, это были те же лица, кто выступил против стратега во время сдачи им отчета.<sup>3</sup> Обвинение требовало смертную казнь (θανατική δίκη – Plut. Per., 10, 6). Далее в рассказе Плутарха сказано, что защищался Кимон перед судьями (ἀπολογούμενος δὲ πρὸς τοὺς δικάστας – Cim., 14, 3), на основании чего Хансен считал, что процесс (скорей всего исангелия)<sup>3</sup> был

<sup>1</sup> О том, как происходила эта процедура в отношении стратегов в IV в. – см. Arist. Ath. pol., 61, 2 и главу «Исангелия» настоящей работы; что-то похожее могло быть и в V в.

<sup>2</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 71; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 203

<sup>3</sup> См.: Wilamowitz-Mollendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 245; Roberts J.T. Accountability... P. 56–57. Естественно, это только предположение.

<sup>3</sup> О том, что процесс Кимона был исангелией, писал еще Липсиус (Das attische Recht. S. 294); с ним согласны: Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 26–27. Баумэн считает, что это была адикия, «послужив

декретом экклесии перенесен в гелиэю.<sup>1</sup> Впрочем, по мнению оппонентов датского историка, слово δικαστής не использовалось здесь в узкотехническом смысле и могло обозначать заседавших в другом судебном органе, например, Ареопаге. Защитники версии о том, что окончательный вердикт по делу Кимона выносился в Ареопаге, указывают на следующее обстоятельство: вскоре после данного процесса последовала известная реформа Эфиальта, и подтолкнуть к ней могло в том числе недовольство демоса оправдательным приговором Кимону.<sup>2</sup>

В конце рассказа о суде над Кимоном Плутарх, ссылаясь на Стесимброта, приводит пикантную подробность о ходатайстве сестры Кимона Эльпиники перед Периклом как перед самым опасным обвинителем (οἴτος γὰρ ἦν τῶν κατηγορῶν ὁ σφοδρότατος). На что Перикл, «улыбнувшись, заметил: «Стара, стара ты стала, Эльпиника, чтобы братья за такие дела»; однако же в суде он был весьма кроток по отношению к Кимону и выступил против него только однажды, да и то как бы по обязанности» (πλὴν ἐν τῇ δίκῃ πρῶτατος γενέσθαι τῷ Κίμωνι καὶ πρὸς τὴν κατηγορίαν ἀπαξ ἀναστῆναι μόνον ὥσπερ ἀφοσιούμενον) (Сim. 14, 5 – пер. В. Петуховой, с нашими изменениями). В биографии Перикла, где речь идет о той же истории, добавлено – «меньше всех обвинителей навредив Кимону» (καὶ τῶν κατηγορῶν ἐλάχιστα τὸν Κίμωνα λυπήσας – 10, 5). Остается лишь гадать, великодушие ли Перикла (так, видимо, полагал Плутарх)<sup>3</sup> или политический расчет (как думают некоторые современные исследователи<sup>4</sup>) были причиной подобной снисходительности молодого политика.

шая еще отцу Перикла в вендетте против отца Кимона» (*Bauman R. Political Trials... P. 30*); Кэревэн – какая-то ранняя форма проболэ (жалобы в собрание), причем окончательное решение по обвинениям в злоупотреблении служебным положением должностными лицами оставалось за Ареопагом (*Caravan E.M. Op. cit. P. 204–205*).

<sup>1</sup> *Hansen M.H. Eisangelia. P. 46, 71.* Также: *Roberts J.T. Op. cit. P. 55.* М. Оствальд полагает, что скорей всего это был «popular tribunal ...either the Assembly or the heliaia»; хотя не исключает, что «первое слушание» имело место в Ареопаге, но окончательное решение оставалось за народом именно потому, что Кимону грозила смертная казнь (*From Popular Sovereignty... P. 37, 40–41, 71*).

<sup>2</sup> Данное предположение было сделано Родсом.: *Rhodes P.J. Εισαγγελία in Athens. P. 105; idem: A Commentary... P. 336.* С его мнением согласились: *Caravan E.M. Op. cit. P. 203–208; Bauman R. Op. cit. P. 29–31.*

<sup>3</sup> Если, конечно, само «моление» Эльпиники достоверно, в чем, разумеется, не может быть полной уверенности.

<sup>4</sup> *Бузескул В.П.* Перикл. С. 94 (Перикл, узнав настроение народа, убедился, что на осуждение Кимона нечего рассчитывать; или: ему была нужна не

Итак, мы рассмотрели 6 процессов (не считая «первого процесса» Фемистокла), героями которых были виднейшие афинские политики и стратеги первой половины V в. Объединяет их то, что во всех них в действиях обвинителей прослеживается политический мотив — они были частью борьбы в афинском обществе за внутри- и внешнеполитические предпочтения и приоритеты. Борьба эта велась представителями аристократической элиты, но афинский демос отнюдь не был пассивным статистом в ней — в конце концов, *все* эти процессы, вероятнее всего, происходили в экклесии или гелиэе, т.е. голосование народа решало участь обвиняемых. И демос был готов показать, кто, по меньшей мере, *считается* верховной властью в государстве: из шести приговоров только два были оправдательных.

Имя	Год	Предполагаемое обвинение и процедура	Место проведения	Исход процесса	Наказание
Фриних	493	асебия	экклесия (?)	осужден	штраф 1000 драм, запрет на постановку
Мильтиад	493	в связи с тиранией в Херсонесе (исангелия?)	экклесия (?) Ареопаг (?) гелиэя (?)	оправдан	
Мильтиад	489	обман народа или адикия (исангелия?)	экклесия	осужден	штраф в 50 талантов
Гиппарх	после 480 г.	продосия (исангелия?)	экклесия (?) Ареопаг (?)	осужден in absentia	смертная казнь
Фемистокл	около 471/0	продосия (исангелия)	экклесия <sup>2</sup>	осужден in absentia	смертная казнь и доп. наказание
Кимон	463/2	подкуп (?) (при сдаче отчета)	экклесия или гелиэя	оправдан	

казнь стратега, а только пошатнуть его положение); *Roberts J.T.* Op. cit. P. 58 (исследовательница не исключает и то, что Периклу в решающий момент могло духу не хватить — «он просто запаниковал»). Сили (*Sealey R.* Essays in Greek Politics. N. Y., 1967. P. 63) высказал предположение, что в начале своей карьеры Перикл вообще сотрудничал с Кимоном, прежде всего в деле построения архэ (ср. *Plut. Mor.*, 812F).

<sup>2</sup> Вероятность того, что процесс Фемистокла проходил в Ареопаге (такое мнение высказывалось), в свете имеющихся данных мы считаем ничтожно малой. Версию об Ареопаге как о месте суда над Кимоном мы бы поставили на «третье место» после экклесии и гелиэи.

Таким образом, еще до реформы Эфиальта в отдельных случаях — «громких» процессах с политической подоплекой, по которым обвиняемому грозила смертная казнь, предположительно народное собрание (экклесия) или, как вариант (гораздо реже), — народный суд (гелиэя) — действовали как суд первой инстанции, утверждая конечную волю державного демоса. Была ли эта новая (по сравнению с архаическими Афинами) практика законодательно закреплена (кем и когда?) и содержит ли разобранная выше надпись IG I<sup>3</sup>, 105 свидетельство того, что только афинский народ в лице своего собрания мог приговаривать к смерти, трудно сказать. Не исключен и окольный путь неписаного права: сначала экклесия, а позже и гелиэя стали вершить суд как следствие некоего прецедента, нерешительности архонтов и Ареопага, нежелающих или не могущих брать на себя ответственность за вынесение приговоров в отдельных случаях, когда обвиняемый был видной политической фигурой или процесс имел широкий общественный резонанс и последствия.

#### § 4. «Громкие дела» 30-х гг.

И древние (Diod., XII, 38–41 — со ссылкой на Эфора; Plut. Per., 31–32), и большинство современных историков, когда пишут о процессах 30-х гг. V в. до н.э., направленных против ближайшего окружения Перикла, отмечают их политический характер: эти процессы — часть политической борьбы в Афинах; противники лидера афинской демократии пытались, скомпрометировав друзей и близких «Олимпийца», подорвать его авторитет и власть.<sup>1</sup> Ряд исследователей вслед за антич-

<sup>1</sup> См., например: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 256–258; Корзун М.С. Политическая цель процессов против друзей Перикла... С. 8–14; Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах... С. 130; Фролов Э.Д. Кружок Перикла // Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. С. 309–312; Beloch K.J. Die Attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884. S. 19–22; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 825; Frost F. Pericles and Dracontides // JHS. Vol. 84. 1964. P. 69–72; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. P. 266; Bowra C.M. Periclean Athens. P. 189–190; Wedel W. von. Die politischen Prozesse... S. 136–140; Derenne E. Les procès d'impiété intentés aux philosophes à Athènes au V-me et au IV-me siècles avant J.-C. N. Y., 1976. P. 16–19; Marasco G. I processi d'empietà nella democrazia ateniese // Atene e Roma. T. 21. 1976. P. 116; Prandi L. I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // Aevum. Anno 51. 1977. P. 18; Roberts J.T. Accountability... P. 60–62; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 191–198; Raaflaub K. Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // GP. S. 97–98.

ными авторами<sup>1</sup> не исключают того, что эти внутривнутриполитические затруднения вызвали у Перикла желание форсировать подготовку к войне со Спартой.<sup>2</sup>

Первым подвергся судебному преследованию Фидий. Наши источники утверждают, что этот процесс был инициирован противниками Перикла, уговорившими одного из помощников скульптора, Менона, выступить с обвинением в краже золота у богини, т.е. у статуи Афины Парфенос<sup>3</sup> (по Филохору, — слоновой кости, а по Диодору — неких священных сумм). Менон сел на агоре как молящийся, объявив о желании сделать донос (μήνυσις) при условии неприкосновенности для себя (ἄδεια). Народ, как сообщает Плутарх, принял донос благосклонно (προσδεξαμένον δὲ τοῦ δήμου), и процесс Фидия состоялся в собрании (Plut. Per., 31, 3). Почему экклесия, в не гелиэя, разбирала это дело, комментарию не дается, — вероятно, потому что были растрчены священные фонды.<sup>4</sup> Однако обвинение фактически провалилось, и улики в воровстве не оказалось: Фидий, по совету Перикла, так приделал золото к статуе, что его легко можно было снять и взвесить, что и было сделано (о том, что золото со статуи можно было снять, сообщает и Фукидид — II, 13, 15). Тогда, по словам Плутарха, обвинение было изменено на асебию: скульптору вменялось в вину то, что на щите с изображением сражения с амазонками он запечатлел себя и Перикла. Херонейский историк утверждает, что доносчику народ, по предложению Гликона, даровал свободу от всех повинностей и поручил стратегам заботиться о его безопасности (ἀτέλειαν ὁ δῆμος ἔδωκε, καὶ προσέταξε τοῖς στρατηγοῖς ἐπιμελεῖσθαι τῆς ἀσφαλείας τοῦ ἀνθρώπου); Фидий же умер в тюрьме (Plut. Per., 31, 5–7). По версии Филохора (FgrHist., 328 F 121), скульптор бежал в Элиду, где изваял статую Зевса (φυγὼν εἰς Ἠλιν ἐργολαβῆσαι τὸ ἄγαλμα τοῦ Διὸς τοῦ ἐν Ὀλυμπίᾳ λέγεται). В последнее время исследователи отдают предпочтение версии аттидографа исходя из результатов раскопок мастерской скульптора в Олимпии, проведенных Немецким археологическим институтом в 1952–1958

<sup>1</sup> Кроме упомянутых Диодора, точнее Эфора, и Плутарха — см. комические издевки на эту тему у Аристофана: Acharn., 515–539; Pax, 603–614.

<sup>2</sup> К примеру: Белох Ю. История Греции. Т. 1. С. 407–409; Бузескул В.П. Указ. соч. С. 258–259; Лурье С.Я. История Греции. С. 392; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 311–312; Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. 2. S. 299–301; 327–333.

<sup>3</sup> Статуя Афины Парфенос была выполнена в хрисоэлефантинной технике, т.е. с использованием золота и слоновой кости.

<sup>4</sup> Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 193.



гг.: именно на Элиду приходится последний период творчества Фидия; статуя Зевса «моложе», чем статуя Афины и метопы Парфенона.<sup>1</sup>

Большую проблему представляет собой датировка процесса Фидия, которая в каком-то смысле является ключом к датировке всех «громких дел» 30-х гг. Плутарх сообщает (Рег., 31–32), что этот и другие процессы были примерно в одно время (περί τοῦτον τὸν χρόνον) незадолго до Пелопоннесской войны, они-то и побудили Перикла форсировать её начало: он «раздул медленно тлеющее пламя войны в надежде, что обвинения рассеются и зависть смирится, когда граждане во время великих событий и опасностей вверят отечество ему одному как человеку уважаемому и авторитетному» (32, 5 – пер. С.И. Соболевского). Такого же мнения придерживается и Эфор (Diod. XII, 38–39; 41). Аристофан утверждает, что проблемы с Миром начались с Фидия из-за его неприятностей (Φειδίας πράξας κακῶς), а Перикл, опасаясь, что с ним случится беда (φοβηθεὶς μὴ μετάρχοι τῆς τύχης), прежде чем пострадать самому (πρὶν παθεῖν τι δεινὸν αὐτός), «в город он метнул пожар, бросил маленькую искру – о мегарянах закон» (ἐξέφλεξε τὴν πόλιν, ἐμβαλὼν σπινθῆρα μικρὸν Μεγαρίκῳ ψηφίσματος – Рах, 605–611, пер. А. Пиотровского). Однако схолиаст к аристофановской комедии дает другую датировку, ссылаясь на Филохора, который в своей «Аттиде» приводил в качестве даты для процесса и последующего бегства Фидия архонтство Феодора (438/7 г.) (FgrHist., 328 F 121 = schol. Aristoph. Рас., 605).

Мнения исследователей разделились. Многие, следуя Аристофану и Плутарху, поддерживают датировку 433/2 или 432/1 гг.<sup>2</sup> Немало и тех, кто помещает процессы между 438 г. и 436 г. (начиная с процесса

<sup>1</sup> См., например: *Kunze E.* Olympia // *Neue deutsche Ausgrabungen im Mittelmeergebiet und im vorderen Orient.* Berlin, 1959. S. 278–294 (Э. Кунце был руководителем раскопок); *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse im Athen. S. 138; *Donnay G.* La date du procès de Phidias // *AC.* T. 37. 1968. P. 24; *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? S. 105.

<sup>2</sup> См., например: *Белох Ю.* История Греции. Т. 1. С. 407; *Никитюк Е.В.* Процессы по обвинению в нечестии... С. 122; *Grote G.* A History of Greece. Vol. VI. P. 2. P. 137; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 825–827 (о датировке процесса Фидия также: Bd. III. T. I. S. 463–466); *Derenne E.* Les procès d'impiété... P. 37–38; *Wade-Gery H.T.* Essays... P. 259–260; *Lendle O.* Philochoros über den Prozess des Phidias // *Hermes.* Bd. 83. 1955. S. 284–303; *Marasco G.* I processi d'empietà... P. 116–119; *Prandi L.* I processi contro Fidia... P. 10–26; *Bauman R.* Political Trials... P. 40–41. А. Гомм (HCT. Vol. II. P. 187) вообще сдвигает процессы против друзей Перикла на 430 г., когда из-за вызванных чумой паники и роста суеверий пошатнулась власть «Олимпийца».

Фидия в 438/7 г.).<sup>1</sup> Аргументы первых нам кажутся предпочтительней: в конце концов, Аристофан был современником описываемых событий и едва ли мог нечаянно ошибиться в датировке лет на 5–6. Неужели афинская публика нашла бы забавным его утверждение о том, что война возгорелась из-за желания Перикла избежать судебного преследования, если это преследование имело место за несколько лет до её начала?! Должны быть очень веские основания, чтобы отказаться от ясного и четкого заявления Аристофана в пользу версии схолиаста. А. Гомм выдвинул предположение: в отсутствии точных данных Филохор мог просто изобрести приводимую им дату, основываясь на имеющейся у него информации о том, что статуя Афины Парфенос была освящена в таком-то году, а статуя Зевса в Олимпии была сделана позже. Сам британский ученый не исключил вероятности того, что обвинения против Фидия могли быть выдвинуты 6 или 7 лет спустя после предполагаемого преступления, если он по каким-то причинам вернулся в 432 или 431 г. в Афины, — тогда и рассказ Плутарха о смерти скульптора в афинской тюрьме может быть верным.<sup>2</sup> Другой аргумент в пользу гипотезы о «позднем» выдвижении обвинений против Фидия приводит Л. Пранди: едва ли элейцы поручили и доверили возвести хрисозелефантинную статую Зевса скульптору, бежавшему из Афин от суда по обвинению в краже то ли золота, то ли слоновой кости.<sup>3</sup>

Не все так очевидно и со схолиями к аристофановскому «Миру». Схолиаст дважды ссылается на Филохора. Сначала он приводит свидетельство Филохора о том, что в архонство Феодора (438/7 г.) (ἐπὶ Θεοδώρου ἀρχόντος) [интересно, что в рукописях стоит «архонство Пифодора» — ἐπὶ Πυθωδώρου ἀρχόντος (432/1 г.), т.е. чтение Θεοδώρου

<sup>1</sup> Meyer E. *Forschungen zur alten Geschichte*. Bd. 2. S. 299–301, 326–333; Adcock F.E. *The Attacks on the Friends of Pericles* // *CAH*. Vol. V. P. 478; Frost F. *Pericles and Dracontides*. P. 70–72; Donnay G. *La date du procès...* P. 19–36; Ste. Croix G.E.M., de. *The Origins...* P. 236–237; Wedel W. von. *Op. cit.* S. 138; Mansfeld J. *The Chronology of Anaxagoras' Athenian Period and the Date of His Trial, II: The Plot against Pericles and his Associates* // *Mnemosyne*. Vol. 33. 1980. P. 76–80; Roberts J.T. *Accountability...* P. 59–60; Ameling W. *Zu einem neuen Datum des Phidiasprozesses* // *Klio*. Bd. 68. 1986. S. 63–66; Ostwald M. *From Popular Sovereignty...* P. 191–195.

<sup>2</sup> Gomme A. *НСТ*. Vol. II. P. 186–187; также — Bowra C.M. *Periclean Athens*. P. 190. Задолго до Гомма и раскопок мастерской скульптора аналогичную версию в XIX в. выдвигали: Grote G. *A History of Greece*.<sup>1</sup> Vol. VI. P. 137 (со ссылкой на: Müller O. *De Phidiae vita et operibus*. Gottingae, 1827. P. 35); Шмидт А. *Перикл и его время*. С. 231.

<sup>3</sup> Prandi L. *I processi contro Fidia...* P. 18.

– corrigendum – Т.К.] произошло освящение статуи Афины Парфенос, которую сделал Фидий, а эпистатом был Перикл. Далее перечисляются еще два события, соединяемые с предыдущим и между собой союзом *καί*: осуждение Фидия за утайку слоновой кости, покрывающей статую (Φειδίας ὁ ποιήσας, δόξας παρалоγίζεσθαι τὸν ἐλέφαντα τὸν εἰς φοίδας, ἐκρίθη), и его бегство в Элиду; работа над статуей Зевса Олимпийского, а по её завершению – смерть от рук элейцев (τοῦτο δὲ ἐξεργασάμενον ἀποθανεῖν ὑπὸ Ἠλείων). Затем, комментируя жалобу мегарян на афинян (в связи с «мегарскими псефизмами»), схолиаст пишет: «Фидий, как рассказывает Филохор, в архонтство Феодора [это опять исправление, рукописи дают «Пифодора» – Т.К.], возводя статую Афины, похитил золото из змеи хрисоэлефантинной богини (ἰφείλετο τὸ χρυσίον ἐκ τῶν δρακόντων τῆς χρυσελεφαντίνης Ἀθηνᾶς); когда об этом узнали, он был осужден на изгнание (ἐζημιώθη φυγῇ); появившись в Элиде, он подрядился изготовить статую Зевса Олимпийского для элейцев; когда те узнали, что он совершил хищение, он был убит» (καταγυνωσθεὶς ἐν αὐτῶν ὡς νοσφισάμενος ἀνῆρεθη).

Нетрудно увидеть определенные неувязки в этих двух фрагментах схолиаста, восходящих, по его утверждению, к одному и тому же источнику – Филохору: в первом случае говорится о краже слоновой кости (τὸν ἐλέφαντα) и о бегстве в Элиду (φυγὼν εἰς Ἠλιν), во втором – о золоте (τὸ χρυσίον ἐκ τῶν δρακόντων – еще и с подробностями; ср. *Plut. Per.*, 31, 3) и об осуждении на изгнание (ἐζημιώθη φυγῇ); появляются новые детали относительно гибели скульптора в Элиде. Таким образом, сам рассказ – то ли схолиаста, то ли самого Филохора – путан. Настораживает и упорное присутствие имени архонта 432/1 гг. Пифодора, которое столь же упорно современные исследователи исправляют на Феодора. Может быть, путаница вызвана как раз тем, что освящение статуи Филохор датировал действительно архонтием Феодора, т.е. 438/7 г., а процесс и смерть Фидия – архонтием Пифодора, т.е. 432/1 г. Тогда первое из трех событий, перечисленных в схолиях, относится к более ранней дате, а два других – к более поздней; во втором же отрывке рукописное чтение «Πυθοδώρου» соответствует тексту аттидографа.<sup>1</sup>

Больше всего информации, хотя зачастую крайне путаной и противоречивой, дошло до нас о процессе Анаксагора. Благодаря данному обстоятельству, а также из-за знаковости «фигуранта» – известного философа, представителя интеллектуальной и вольнодумной элиты, –

<sup>1</sup> Такое предположение высказал: *Lendle O.* Philochoros über den Prozess... S. 284–303.

именно этот процесс выходит на главный план при анализе «громких дел» 30-х гг.

Анаксагор был одновременно и другом, и учителем Перикла. О том, как близок и, следовательно, дорог был философ афинскому лидеру, существуют многочисленные свидетельства (Isocr., XV, 235; Plat. Alc., 118c; Cic. Brut., 11, 14; De orat., III, 34, 138; Diog. L., II, 13 etc.). Платон объясняет превосходство Перикла в красноречии тем, что от Анаксагора он «преисполнился познания великого и постиг природу ума и мышления» (Phaedr., 269e–270a – пер. А.Н. Егунова); Плутарх называет Анаксагора самым близким Периклу человеком, вдохнувшим в него величественный образ мыслей (Per., 4).

Одна из причин обвинения философа – опасения, которые испытывал «религиозный истеблишмент» и простые афиняне по поводу иностранных интеллектуалов, окружавших Перикла.<sup>1</sup> Из Платона (Apol., 26d), Ксенофонта (Mem., IV, 7, 6–7), Плутарха (Nic., 23) нам известно, что учение Анаксагора о небесных явлениях и светилах, например, о том, что солнце – раскаленный камень (λίθος διάπυρος), а луна – земля, – задевало религиозные чувства некоторых афинян. Религиозные соображения сочетались с политическими,<sup>2</sup> а по мнению некоторых, прикрывали их.<sup>3</sup> Главная цель обвинителей философа, как указывал еще Плутарх, – подорвать власть лидера афинской демократии (Per., 32 – ἀπερείδμενος εἰς Περικλέα δι' Ἀναξαγόρου τῇ ὑπόνοια), спекулируя на том, что «просвещенное» окружение Перикла представляет угрозу моральным и религиозным устоям общества.<sup>4</sup>

Юридическим основанием для обвинения послужил декрет, внесенный в народное собрание Диопифом. Текст его, возможно, извлеченный из знаменитого собрания псефизм Кратера (ψηφισμῶν συναυῶν), приводится у Плутарха.<sup>5</sup> Судя по тексту, обвинение против Анаксагора было представлено в форме исангелии; если это так, то это

<sup>1</sup> Derenne E. Les procès d'impiété. P. 14–16; Ostwald M. From Popular Sovereignty. P. 195.

<sup>2</sup> Derenne E. Op. cit. P. 22, 41; Ehrenberg V. From Solon to Socrates. P. 252.

<sup>3</sup> См., например: «в основе предложения Диопифа лежит не религиозность афинян, но политические соображения» (Корзун М.С. Политическая цель процессов... С. 10). Или: Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии... С. 127: «причиной ... явилось то, что философ оказался косвенно причастным к противоборствующим сторонам (? – Т.К.), а поводом – религиозное нечестие».

<sup>4</sup> См.: Derenne E. Op. cit. P. 17, 22, 41; Wedel W. von. Die politischen Prozesse im Athen. S. 140.

<sup>5</sup> «Если и не сам аутентичный текст, то по меньшей мере дух его», – замечает Э. Деренн (Op. cit. P. 22).

первая известная нам исангелия по обвинению в нечестии — асебии. Псефизма Диопифа гласила: люди, не почитающие богов должным образом или распространяющие учения о небесных явлениях, должны привлекаться к суду по исангелии (т.е. как государственные преступники) (*εἰσαγγέλεισθαι τοὺς τὰ θεῖα μὴ νομίζοντας<sup>1</sup> ἢ λόγους περὶ τῶν μετὰ τοῖσιν διδάσκοντας* — Plut. Per., 32, 1). Практически никто не сомневается, что за спиной Диопифа стояли определенные силы, которые подталкивали или направляли его атаку. Что же это были за силы?

Прояснить данный вопрос могло бы то немногое, что нам известно об авторе декрета. Диопиф — известный толкователь, а может быть, и фабрикатор оракулов (schol. Aristoph. Av., 988); схолиаст причисляет его также к числу политических ораторов — риторов (schol. Aristoph., Vesp., 380 — *ἦν δὲ εἰς τῶν ῥητόρων*). Мнения о Диопифе высказывались самые разные. И.Е. Суриков назвал его ярким представителем консервативного направления в религиозной жизни, крайним олигархом и лаконофилом;<sup>2</sup> В. Эренберг — шарлатаном-предсказателем, действующим по наущению Клеона.<sup>3</sup> Э. Деренн и М.С. Корзун характеризовали как религиозного фанатика, выражающего взгляды консервативной части общества.<sup>4</sup> У. Коннор, напротив, указывал на то, что в дошедшей до нас традиции о Диопифе (Aristoph. Equit., 1085; Av., 988; Vesp., 380 et schol.; Xen. Hell. III, 3, 3; Plut. Ages., 3; Lys., 22) ничего не сказано о его политических пристрастиях, а насмешки над ним в комедии напоминают скорее те, которые применялись против «радикальных демократов». К тому же представители «правого крыла» вовсе не обладали монополией на религиозный фанатизм — ни тогда, ни сейчас.<sup>5</sup> По мнению Коннора, сей прорицатель — настоящий «политический оппортунист», который, нажившись на суеверии афинян, предложил свой декрет о нечестии, а через несколько лет — другой декрет. Он касался урегулирования

<sup>1</sup> На наш взгляд, убедительные аргументы в пользу интерпретации «*μὴ νομίζοντας*» не просто как «не почитающих» или «не верящих», а именно «не почитающих должным образом» (т.е. как предписывала традиционная религия), привел М. Оствальд: *From Popular Sovereignty...* P. 196–197; 94–100 (о словопотреблении *νόμος* и *νομίζω*).

<sup>2</sup> Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян... С. 88.

<sup>3</sup> Ehrenberg V. *From Solon to Socrates*. P. 251.

<sup>4</sup> Derenne E. *Op. cit.* P. 21–22; Корзун М.С. Указ. соч. С. 8. Раззадорить его могло то, что философ, видимо, не раз компрометировал искусство дивинации (см. например, анекдот, рассказываемый Плутархом (Per., 6) о толковании чуда — головы однорогого барана — другим известным прорицателем, Лампоном, и его естественнонаучное разоблачение Анаксагором).

<sup>5</sup> Connor W.R. *Two Notes on Diopieithes the Seer* // CIPh. Vol. 58. 1963. P. 116.

сбора дани с Метоны (IG I<sup>2</sup>, 57) и был вполне в духе мер, предлагаемых демагогами, которые отличались особой беззастенчивостью по отношению к союзникам.<sup>1</sup> Интересно, что схолиаст называет его другом умеренного Никия (schol. Aristoph. Equit., 1085 – ἦν δὲ καὶ Νικίου ἑταῖρος) – возможно он был одним из тех хресмологов, с которыми часто общался этот богобоязненный афинской политик. После Пелопоннесской войны Диопиф перебрался в Спарту, где как признанный прорицатель (μάλα χρησμολόγος ἀνὴρ) консультировал по поводу выбора из двух претендентов в цари – Агесилая и Леонтихида (Xen. Hell. III, 3, 3; Plut. Ages. 3; Lys. 22). Если отложить в сторону все же далеко не очевидный вопрос о политических пристрастиях Диопифа, его религиозные вкусы и профессия «штатного хресмолога» делали из него подходящего защитника традиционных народных верований и борца с религиозным инакомыслием.

Плутарх и Диодор не называют имени обвинителя, а Диоген Лаэций приводит две версии: по одной (перипатетика Сатира — кон. III–II в.), обвинителем был Фукидид (очевидно, сын Мелесия), по другой (философа из Александрии II в. до н.э. Сотиона) – Клеон, а Перикл защищал своего учителя (II, 12–14). По словам Сатира, Анаксагор был обвинен также и в мидизме (Diog. L., II, 12). Некоторые историки выстраивают на этом основании такую картину: вражда к Периклу объединила разные силы. С одной стороны, это религиозные консерваторы во главе с фанатиком Диопифом, противники перикловского религиозного вольнодумства, они выступали единым фронтом с лаконофилами-аристократами, политическими оппонентами лидера демократии. С другой, — радикалы-демократы во главе с Клеоном.<sup>2</sup> Точкой объединения, по словам И.Е. Сурикова, было то, что консерваторы жаждали возврата к старинному образу мыслей и действий в отношении богов, а демагоги отличались невежественностью, а порой сознательно культивировали её.<sup>3</sup> Некоторые авторы выделяет «некую третью силу» — партию «ре-

<sup>1</sup> Имя Диопифа как инициатора декрета восстанавливается в тексте с большой долей вероятности; такие предложения характерны именно для сторонников радикальной демократической политики: Connor W.R. Ibid.

<sup>2</sup> Корзун М.С. Политическая цель процессов... С. 8–14 (белорусский историк называет эти силы «правая» и «левая оппозиция»); Суриков И.Е. Указ. соч. С. 87–88; Derenne E. Op. cit. P. 30 (в более сдержанных выражениях). С Дерреном солидаризируется Е.В. Никитюк: Процессы по обвинению в нечести... С. 125.

<sup>3</sup> Суриков И.Е. Указ. соч. С. 88. Впрочем, надо еще доказать, что «просвещенная религиозность» Перикла наносила ощутимый ущерб традиционным верованиям, чтобы оправдать столь невероятный альянс.

лигиозной реакции», в которой, по характеристике В.П. Бузескула, объединились темная, невежественная толпа, не терпевшая исследователей природы, и консервативная часть афинян, движимая не только склонностью к предрассудкам и старым верованиям, но и искренним опасением за нравственные устои общества, подрываемые учением софистов. Эта «партия религиозной реакции» явилась связующим звеном между группировками радикально-демократической и олигархической; соответственно атака на Перикла и его окружение представляется результатом солидарных действий целой коалиции из трех политических сил.<sup>1</sup> Однако, личность Диопифа (имея в виду то, что было сказано о ней выше), — слишком шаткий фундамент для выстраивания подобных конструкций. Высказываемое рядом исследователей предположение об объединении против Анаксагора столь разных политических сил, как *почти* олигарха Фукидида и радикала Клеона, да еще при посредничестве клерикала Диопифа, и их организованном выступлении единым фронтом мы считаем маловероятным.

Другие отрицают достоверность сообщения либо Сотииона,<sup>2</sup> либо Сатира.<sup>3</sup> Предлагалось и такое толкование (Дж. Дэвисоном): было два процесса и два обвинителя (никакого «единого фронта», совместного обвинения быть не могло). Первый (о нем повествует Сатир), в котором обвинителем был Фукидид, состоялся примерно в 456/5 г., приговор — смерть *in absentia*; через несколько лет философ был амнистирован и вернулся в Афины. Второй (о нем вспоминает Сотиион) — по псефизме Диопифа, вскоре после её принятия (433/2 г. до н.э.), обвинитель — Клеон.<sup>4</sup> Данная реконструкция, естественно, не подкреплена никакими источниками (кроме вышеупомянутых рассказов Сатира и Сотииона): нам ничего не известно ни о «втором» процессе, ни о какой-либо амнистии.

Более приемлемой представляется версия Сотииона — не случайно у Диогена Лаэртция она идет первой: убедительнее наказание — штраф

<sup>1</sup> Шмидт А. Перикл и его время. С. 220–221, 226–228; Бузескул В.П. Перикл. С. 97; он же: История Афинской демократии. С. 257.

<sup>2</sup> Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 827; Taylor A.E. On the Date of the Trial of Anaxagoras // ClQu. Vol. 11. 1917. P. 81–87; Bowra C.M. Periclean Athens. P. 191, 195–197 (вдохновитель и руководитель этого и других обвинений против окружения Перикла — Фукидид, но приговор Анаксагору английский исследователь дает «по Сотииону» — 5 талантов)

<sup>3</sup> Frost F. Pericles, Thucydides, son of Melesias and Athenian Politics before the War // Historia. Bd. 13. 1964. P. 393; Bauman R. Political Trials... P. 40.

<sup>4</sup> Davison J.A. Protagoras, Democritus, and Anaxagoras // ClQu. Vol. 3 (n. s.). 1953. P. 41–45. Версию о двух процессах Анаксагора принимает также: Meiggs R. The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 283, 435–436.

(см. ниже); предпочтительнее Клеон в качестве обвинителя (вряд ли Фукидид, в тот момент только что вернувшийся из ссылки по остракизму, проявлял большую активность и был в состоянии организовать голосование в народном собрании за декрет Диопифа); сомнительно (хотя возможно) обвинение в мидизме (как у Сатира).<sup>1</sup> Компрометирует Сатира и его легковерие: он, например, принимает аристофановские «Фесмофориазусы» («Женщины, справляющие Фесмофории») за подлинную историю (РОху. 1176, fr. 39, X, 23–XII, 16). Не исключен и такой вариант: в виду отсутствия точной информации Сатир и Сотийон (или их источники) просто приписали роль обвинителей на процессе Анаксагора наиболее «логичным» противникам Перикла и его политики.<sup>2</sup>

Немало копий сломали исследователи, пытаясь датировать процесс и соответственно псефизму Диопифа. По версии Плутарха (Рег., 32) и Диодора (Эфора) (XII, 38), как уже было сказано, все известные нам процессы, затронувшие лиц из ближайшего окружения Перикла и самого «Олимпийца», связаны между собой и произошли примерно в одно время — незадолго до Пелопоннесской войны. Суд над Анаксагором датируется примерно 433 или 432 г.<sup>3</sup> Помимо указаний источников и общих соображений, дополнительный аргумент находят в двух пассажах из «Меден» Еврипида (292–301 и 214–224), в которых усматривают намек «по горячим следам» на процесс Анаксагора («Медее» была поставлена весной 431 г.).<sup>4</sup> Особенно эти строки: *Ведь если ты невежд чему-нибудь, / Хоть мудрому, но новому обучишь, / Готовься*

---

<sup>1</sup> Нетривиальное объяснение приводится у Э. Деренна (Les procès d'impiété. P. 27–28, со ссылкой на: *Parmentier L.* Euripide et Anaxagore. P., 1893. P. 35): основанием для обвинения Анаксагора в мидизме могли быть космополитические идеи философа, для которого, по его собственному утверждению, отечеством было небо (Diog. L., II, 7), и который на сетования о том, что ему приходится умирать на чужбине, отвечал: «Спуск в Аид повсюду одинаков» (Diog. L., II, 11).

<sup>2</sup> См.: *Donnay G.* La date du procès... P. 29; *Prandi L.* I processi contro Fidia... P. 20.

<sup>3</sup> Эту датировку принимают: *Никитюк Е.В.* Процессы по обвинению в нечестии... С. 123; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. III. S. 827; *Derenne E.* Op. cit. P. 21, 35–38 (убедительные аргументы против ранней датировки); *Morrison J.S.* The Place of Protagoras in Athenian Public Life // *ClQu.* Vol. 35. 1941. P. 5; *Wade-Gery H.T.* Essays... P. 260; *Davison J.A.* Op. cit. P. 45; *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse im Athen. S. 139–140; *Bauman R.* Op. cit. P. 40.

<sup>4</sup> Впервые на это обратил внимание: *Parmentier L.* Euripide et Anaxagore. P. 14sq. Затем — *Derenne E.* Op. cit. P. 38; *Carter L.B.* The Quiet Athenian. Oxford, 1986. P. 146–147.



*между них не мудрецом / Прослыть, а тунеядцем. Пусть молвою / Ты умников, которых город чтит, / Поставлен хоть на палец выше будешь — / Ты человек опасный* (299–305 — пер. И. Анненского). Данная датировка устроила далеко не всех, к тому же Диоген Лаэртский предоставил на выбор еще несколько вариантов истории о судебном преследовании Анаксагора. Те, кто склонен принимать версию Сатира и соответственно Фукидида в качестве обвинителя, допускают возможность поместить процесс до остракизма политика, т.е. *terminus ante quem* — 444/3 г., предположительно 450 г.<sup>1</sup> или начало — середина 40-х гг.<sup>2</sup>

Источники не сходятся во мнении и относительно того, как закончился процесс Анаксагора. По Плутарху, Перикл помог своему учителю бежать из Афин (Рег., 32, 5). Из Диогена Лаэртского узнаем, что по Сотиюну, философ был приговорен к штрафу в 5 талантов и ссылке; по Сатиру, осужден на смерть *in absentia*; по словам же Иеронима Родосского (III в. до н.э.), Перикл привел Анаксагора в суд таким дряхлым и исхудалым, что судьи оправдали его из жалости (Diog. L., II, 14). По свидетельству Иосифа Флавия, мудрец был осужден на смерть небольшим большинством голосов (Adv. Ар., II, 265). Самую невероятную историю рассказывал Гермипп Смирнский (III в. до н.э.): в ожидании казни Анаксагора бросили в тюрьму; Перикл вымолил ему прощение у народа; философа отпустили, но он, не вынеся обиды, лишил себя жизни (Diog. L., II, 13). Примерно такая же фантастическая картина представлена у Свида: с помощью Перикла Анаксагор бежал из Афин; уже будучи в Лампсаке, он уморил себя голодом, оскорбленный пережитым в Афинах арестом (*s.v.* Αναξαγόρας).

Отыскать истину при таком обилии противоречивых версий крайне сложно, более того, их обилие и противоречивость бросают тень на весь

<sup>1</sup> Предложил А. Тейлор, привязавший эту дату к предполагаемому приезду Анаксагора в Афины, который он отнес не к 456 г. (архонтство Каллия), как большинство исследователей (следуя Diog. L., II, 7), а к 480 г. (архонтство Каллиада), отсчитав от этого года тридцать лет (по Диогену, столько прожил в Афинах философ — Diog. L., II, 7): Taylor A.E. On the Date of the Trial of Anaxagoras // ClQu. Vol. 11. 1917. P. 81–87 (особенно с. 82, 86). (Трудно представить себе менее подходящий год для прибытия на постоянное местожительство в Афины любителя мудрости, чем год нашествия Ксеркса и разорения Афин персидской армией! — Т.К.). С датировкой Тейлора согласны: Cornford F.M. Mystery Religions and Pre-socratic Philosophy // C.A.H. Vol. IV. P. 569–570; Bury J.B. The Age of Illumination // C.A.H. Vol. V. P. 382.

<sup>2</sup> См.: Fornara Ch., Samons L.J. II. Athens from Cleisthenes to Pericles. P. 30.

сюжет о судебном процессе над Анаксагором. Попробуем все же найти некие опорные моменты, которые позволили бы хоть как-то прояснить картину. Практически во всех рассказах утверждается или подразумевается, что против философа были выдвинуты обвинения и процесс так *состоялся* (очно или заочно, с тем или иным исходом). Нетрудно заметить (и это очень похоже на правду), что почти всегда отмечается ключевая роль, которую играл в деле защиты учителя и друга (вариант: помощи в бегстве) Перикл. Образ темницы, присутствующий у некоторых авторов (помимо Гермиппа о ней упоминает и Плутарх – Nic., 23), может быть не случаен: если Анаксагор был обвинен по исангелии, предварительное заключение не исключено. Отбросив как маловероятные мелодраматические версии с сентиментальным (Иероним) или трагическим (Гермипп, Свида) уклоном, выразим сомнение в достоверности и версии Плутарха, Сатира и Иосифа Флавия: едва ли осужденный на смерть или только привлеченный к суду, но в любом случае, беглый от афинского правосудия философ мог найти спасительный приют в Лампсаке – городе, союзном с Афинами.<sup>1</sup> Наиболее правдоподобным кажется наказание в виде штрафа (версия Сотииона) – Периклу должно было понадобиться все его влияние и ораторское искусство, чтобы добиться у дикастов столь «мягкого» приговора для своего учителя. Усомнимся только в том, что Анаксагор отправился в изгнание *по приговору* суда: ведь в афинской архэ в случае подобного приговора запрещалось пребывание на территории всего союза,<sup>2</sup> и тогда непонятно, как мог престарелый философ поселиться в союзном Лампсаке и проживать там в необыкновенном почете (о почестях – Aristot. Rhet., 1398b15; Diog. L., II, 14–15).<sup>3</sup> Скорей всего, оскорбленный Анаксагор по своей воле покинул Афины – недаром в некоторых версиях фигурируют его переживания и отъезд в обиду на афинян, правда, доведенной до крайности (т.е. до суицида).

Трудности датировки и имеющиеся в источниках противоречия в «деле Анаксагора» способствуют тому, что некоторые исследователи объявляют как декрет Диопифа, так и всю историю о процессе философа

<sup>1</sup> Данное обстоятельство отмечает Э. Деренн (Les procès d'impiété. P. 40).

<sup>2</sup> См.: Ste. Croix G.E.M., de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire // CIQu. Vol. 11. 1961. P. 269 (приговор гелиэи распространялся автоматически на всю территорию архэ). О том, что Лампсак входил в союз и платил форос – см.: ATL. Vol. I. P. 326.

<sup>3</sup> Здесь наша позиция расходится с мнением Э. Деренна, также считавшим версию Сотииона наиболее приемлемой, но полагавшим, что приговор был и штраф, и изгнание (Op. cit.. P. 40–41).

фа сфабрикованными (по «образцу» процесса Сократа).<sup>1</sup> Подозрительным им кажется то, что о псефизме Диопифа говорит только Плутарх, но умалчивают другие авторы, особенно Диодор (т.е. его источник – Эфор), Ксенофонт, схолиасты к Аристофану (к тем местам его комедий, где упоминается Диопиф).<sup>2</sup> Заявляется, что сведения о процессах Анаксагора и Аспасии могли быть почерпнуты из не критического прочтения или недобросовестного использования Аристофана (имеется в виду *Acharn.*, 535–539; *Pax*, 603–614).<sup>3</sup> Наконец, если сам факт возможных преследований Анаксагора и не отрицается, предполагается, что философ покинул Афины добровольно и заблаговременно до начала суда.<sup>4</sup> Нетрудно заметить, что побудительным мотивом для некоторых скептиков является желание обелить афинский демос и демократию, дезавуировав обвинения в преследовании «инакомыслящих».

Мы убеждены в том, что оснований отвергать достоверность процесса у нас нет. Сократ прямо намекает в «Апологии» Платона на процесс Анаксагора: обращаясь к своему обвинителю, он иронически замечает: «не думаешь ли ты, дорогой Мелет, обвинять Анаксагора» (*Ἀναξαγόρου οἷεῖ κατηγόρεῖν* – 26d).<sup>5</sup> Что касается *argumentum ex*

<sup>1</sup> См., например: *Dover K.J.* The Freedom of the Intellectual in Greek Society // *Talanta*. Vol. 7. 1976. P. 31–32, 39; *Stone I.F.* The Trial of Socrates. Boston, 1988. P. 241–242; *Wallace R.W.* Private Lives and Public Enemies: Freedom of Thought in Classical Athens // *AICI*. P. 136–138; *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? S. 103–109.

<sup>2</sup> *Dover K.J.* Op. cit. P. 39; *Stone I.F.* Op. cit. P. 241–242; *Wallace R.W.* Op. cit. P. 137–138.

<sup>3</sup> *Dover K.J.* Op. cit. P. 28.

<sup>4</sup> *Jacoby F.* *Diagoras δ' Ἀθῆος* // *Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. № 3. 1959. P. 21, 41 (note 149) (правда, автор не оспаривает историчность псефизмы Диопифа, но считает, что она была нацелена против всех философов и софистов, особенно Диагора Мелосского); *Raaflaub K.* Op. cit. S. 104 (Перикл убедил Анаксагора покинуть Афины еще до суда); *Бергер А.* Анаксагор и афинская демократия // *ВДИ*. 1960. № 3. С. 71–74 (автор допускает преследование философа олигархами во главе с Фукидидом; не уверен в том, что процесс состоялся; категорически отвергает возможность вынесения Анаксагору смертного приговора; выражает также сомнение в историчности процесса Фидия). Советский исследователь доходит до того, что приписывает афинскому демосу религиозный скепсис: «В целом демократическая масса в известной мере должна была относиться к олимпийским богам, как к наследию олигархического прошлого» (с. 82).

<sup>5</sup> О том, что данная острота не имела бы смысла, если бы не было процесса Анаксагора – см.: *Mansfeld J.* The Chronology..., II. P. 82; *Brickhouse T.C., Smith N.D.* Socrates on Trial. Princeton, 1989. P. 32–33. Скептики либо игнори-

silentio (молчание о псефизме Диопифа других авторов, кроме Плутарха), стоит ли говорить, сколько сведений и фактов из античной истории мы должны были бы отвергнуть, если бы всерьез решили ему следовать и каждый раз требовали бы, чтобы эти сведения подкреплялись несколькими источниками!<sup>1</sup> Теоретически Аристофан мог измыслить в качестве «горючего материала» для Пелопоннесской войны преследования близких к Периклу лиц, начиная с Фидия, но вполне мог и передать в комически-издевательской форме бытовавшие в афинском обществе домыслы относительно начала войны, повторить соответствующие обвинения в адрес Перикла, вышедшие в том числе из оппозиционного лидеру демократии лагеря.<sup>2</sup> Не может служить основанием для опровержения информации о процессе Анаксагора и ее противоречивость, и проблемы хронологии: в конце концов, хронологические трудности и неясности вызывает *вся* биография Анаксагора (в том виде, в каком она предстает перед нами из источников)<sup>3</sup> — но никому же не приходит в голову по этой причине ставить под сомнение сам факт существования философа.

Сведения о следующем процессе, в котором обвиняемый принадлежал к «кружку Перикла», а это процесс Аспасии, — очень скудные (фактически только Plut. Per., 32; Athen., XIII, 589e; schol. Aristoph. Equit., 969). Плутарх сообщает, что комический поэт Гермипп обвинил возлюбленную Перикла в нечестии и сводничестве («к ней ходят свободные женщины, которых она принимает для Перикла» — Per., 32, 1). Поводом для обвинения в сводничестве мог послужить тот нетипичный для афинянки свободный образ жизни, который вела Аспасия, принимавшая вместе с Периклом его гостей, участвовавшая на равных в беседах на самые разнообразные темы и т.п. (Plat. Menex. 235e, 249d; Plut. Per., 24). Эти изысканные приемы делали подругу Перикла кем-то вроде хозяйки литературно-политического салона (определение Э.Д. Фроло-

---

ругают этот пассаж (как К. Довер), либо ссылаются на то, что прямых указаний на состоявшийся процесс здесь нет (Jacoby F. Op. cit. P. 41, n. 159; Wallace R. W. Op. cit. P. 137).

<sup>1</sup> Конечно, чем больше параллельных свидетельств, тем лучше; ясно также, что не стоит слепо доверять *любому* свидетельству древних, применять при работе с источниками критический метод и проч.; но это очевидные для любого исследователя вещи, и посему мы опускаем их — sapienti satis.

<sup>2</sup> См.: Prandi L. I processi contro Fidia... P. 15–16.

<sup>3</sup> Об этих трудностях с подробным анализом античных источников и современной дискуссии по ним — см.: Mansfeld J. The Chronology of Anaxagoras'..., I. P. 39–69.

ва).<sup>1</sup> Можно представить себе, как поведение прекрасной уроженки Милета раздражало и даже шокировало общественное мнение Афин, предписывающее женщине в качестве главной её добродетели незаметность и молчаливость.<sup>2</sup>

С асебией дело обстоит сложнее: Плутарх, как и Афиней (XIII, 589е – со слов Антисфена), ничего не говорят о сути обвинения. Херонейский историк называет иск  $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ , не уточняя частный ли он ( $\text{id}\acute{\iota}\alpha$ ), или государственный ( $\delta\eta\mu\sigma\iota\alpha$ ). Обвинение в нечестии, возможно, мотивировалось законом, о котором мы знаем из ораторов IV в., запрещавшим женщинам, виновным в адюльтере, и проституткам посещать священные места и участвовать в публичных священных обрядах (Dem., LIX, 85–86, 113–114; Is., VI, 49–50).<sup>3</sup> Поздний схолиаст представляет свою весьма сомнительную версию: обвинение в нечестии было вызвано тем, что Аспасия нарекла своих подопечных «девушек» именами Муз (schol. ad Hermog. – Walz,<sup>4</sup> VII, 165). О голосовании в гелиэе Плутарх (ссылаясь на Эсхина Сократика) сообщает, что только слезы, пролитые Периклом перед дикастами, спасли его неофициальную супругу от обвинительного приговора ( $\acute{\alpha}\phi\epsilon\iota\varsigma\ \acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\ \alpha\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma\ \delta\acute{\alpha}\kappa\rho\upsilon\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \delta\epsilon\tau\eta\theta\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omega\upsilon\ \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\omega\upsilon$  – 32, 3).

Тех, кто выражает сомнение в аутентичности истории о судебном преследовании Аспасии или вовсе её отвергает, – еще больше, чем скептиков по процессам Анаксагора и Фидия. В обосновании своей позиции они указывают на то, что нападки в комедии Гермиппа были приняты за его судебный донос.<sup>5</sup> Показательна позиция К. Раафлауба, высказывавшего подозрения относительно процессов Фидия и Анаксагора, но по меньшей мере, не отрицавшего возможности неких судебных преследований в этих случаях: процесс скульптора, по его мнению, протекал совсем не так, как это описывается у Плутарха, ибо никакого обвинения в асебии быть не могло, а процесс философа не состоялся в виду его отъезда из Афин. Процесс же Аспасии немецко-американский ис-

<sup>1</sup> Фролов Э.Д. Кружок Перикла. С. 309.

<sup>2</sup> См. подробнее: *Loroux N.* Aspasia, l'étrangère, l'intellectuelle // *Clio HFS* (Histoire, femmes et sociétés). № 13. 2001. (Intellectuelles). P. 17–42.

<sup>3</sup> См.: *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 195; *Stadter Ph.* A Commentary on Plutarch's "Pericles". Chapel Hill, 1989. P. 297–298.

<sup>4</sup> *Rhetores Graeci* / Ed. Ch. Walz. L.; Stuttgart; Tübingen. V. I–IX. 1823–1836.

<sup>5</sup> *Fornara Ch., Samons L. J. II.* Athens... P. 165, note 11; *Donnay G.* La date du procès... P. 29–30; *Dover K.J.* The Freedom... P. 28; *Stone I.F.* The Trial of Socrates. P. 233–236; *Wallace R.W.* Private Lives and Public Enemies... P. 131–132.

торик считает просто анекдотом пополам со злонамеренной выдумкой Эсхина Сократа.<sup>1</sup> У нас не вызывает сочувствия подобное часто голословное или малоубедительное опровержение традиции и подмена её собственными произвольными реконструкциями; об их идеологической ангажированности (снять вину с афинской демократии за преследование инакомыслящих, потому что при демократии такого быть не должно и не может быть) мы уже писали выше.<sup>2</sup> Заметим также: да, Гермипп издевался над Периклом и Аспасией *в комедии*, но это не исключало того, что автор комедии мог выступить с доносом *в суде*.<sup>3</sup>

Несомненна политическая подоплека всех трех процессов, направленных против членов «кружка Перикла» — друга, учителя, жены — и метивших в самого лидера афинской демократии. Фактически эти процессы носят «заказной» характер: их инициаторы, кем бы они ни были, стремились не изобличить и покарать виновных в преступном деянии, а подорвать позиции «первого мужа». Чрезмерная популярность лидера афинской демократии и непопулярность в определенных кругах его «военной политики» послужила катализатором для реанимации оппозиции как «слева», так и «справа» — консервативной и радикально-демократической. Будучи не в силах организовать остракизм Перикла, не решившись выступить против все еще могущественного лидера в открытую, его противники предпочли оппонировать ему и его политике не (или: не столько) в жарких политических дебатах в экклесии (опасаясь его исключительного ораторского дара и влияния на массы), а наносить удары по близким и дорогим людям в гелиэе.

---

<sup>1</sup> *Raaflaub K. Den Olympier herausfordern? S. 101–109* (о процессе Аспасии — S. 107).

<sup>2</sup> Особенно ярко это проявляется в: *Stone I.F. Op. cit.. Passim; Wallace R.W. Op. cit. P. 127–146*. По мнению К. Раафлауба, «враждебные демократии философские круги позднее систематически раздували миф о враждебности к интеллектуалам в Афинах», измышляя соответствующие процессы (*Op. cit. S. 110*).

<sup>3</sup> Немало и тех исследователей, кто не сомневается в процессе Аспасии (мы специально отобрали работы относительно недавние — второй пол. XX в., когда скептики активно заявили о себе): *Глушкина Л.М.* Расцвет афинской рабовладельческой демократии // История Древнего мира. Под ред. И.М. Дьяконова и др. Т. 2. С. 180; *Ehrenberg V. From Solon to Socrates. P. 242–243; Wade-Gery H.T. Essays... P. 260; Prandi L. I processi contro Fidia... P. 19; Bowra C.M. Periclean Athens. P. 194; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 195; Stadter Ph. A Commentary on Plutarch's "Pericles". P. 297; Loraux N. Aspasia, l'étrangère, l'intellectuelle (<http://clio.revues.org/document132.html> — C. 13).*

Насколько серьезно обвинения против членов «кружка Перикла» поколебали положение последнего в качестве фактического главы Афинского государства и подвигли его к форсированию войны – вопрос сложный. Молчание Фукидида, проигнорировавшего рассматриваемые процессы и их возможные политические последствия, свидетельствует скорее о том, что власти и авторитету Перикла не был нанесен значительный ущерб и соответственно у него не было личного мотива торопить военные приготовления.<sup>1</sup> Но не исключено, что молчание это было умышленным: ничто не должно было омрачать ту картину безусловного превосходства и признанного лидерства «первого мужа» в Афинах, которую рисует великий афинский историк.

Последнее из громких дел 30-х гг. приходится уже на начало Пелопоннесской войны – это процесс самого Перикла, лидера афинской демократии, бессменного стратега на протяжении 15 лет. Он произошел во второй половине 430 г. или в самом начале 429 г.<sup>2</sup> по обвинению в хищении общественных средств (κλοπή – *Plat. Gorg.*, 516a). Перикл был отстранен от должности стратега специальным голосованием – апохиротонией; предположительно, против него была подана исангелия в собрание<sup>3</sup>, и он был приговорен к штрафу (*Thuc.* II, 65, 3; *Diod.* XII, 45; *Plut. Per.* 35, 4). Херонейский историк называет сумму штрафа, почерпнутую им в его источниках: минимальная – 15 талантов, максимальная – 50.<sup>4</sup> Сообщает он и имена обвинителей: по Идомею – Клеон, по Феофрасту – Симмий, по Гераклиду Понтийскому – Лакратид (*Ibid.*) (О последних двух ничего не известно).<sup>5</sup> У версии Идомея о том, что именно Клеон стоял за обвинениями против Перикла, могли быть какие-то основания,<sup>6</sup> но это также могло быть и ложным умозаключением, почерпнутым у комических поэтов.

<sup>1</sup> На это обстоятельство обращают внимание: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 818, 828–829; *Gomme A.W.* HCT. Vol. II. P. 184–185.

<sup>2</sup> Обсуждение хронологии – см.: *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 73.

<sup>3</sup> *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 71. Что было в подобных случаях первым – отстранение от должности или предъявление обвинения по исангелии – вопрос сложный и спорный (см. подробнее главу «Исангелия»).

<sup>4</sup> По Диодору Сицилийскому, штраф составил 80 талантов (XII, 45, 4) – сумма немыслимая, скорее всего, это описка (*Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? S. 99); Фукидид, к сожалению, не называет точной суммы (II, 65, 3).

<sup>5</sup> Дж. Робертс предполагает, что они входили в клеоновскую «партию войны», недовольную военной политикой Перикла (*Accountability...* P. 32). Курт Раафлауб полагает, что это случайные имена, взятые из комедии (*Op. cit.* S. 99).

<sup>6</sup> См.: *Connor W.R.* The New Politicians... P. 104, note 26; *Roberts J.T.* *Op. cit.* P. 61; *Raaflaub K.* *Op. cit.* S. 99.

Историки, писавшие о процессе Перикла, делятся на две группы. Одни считают, что был только один процесс Перикла; он проходил в соответствии с декретом Драконтида с поправкой Гагнона (см. ниже), принятым в конце лета – осенью 430 г.<sup>1</sup> Другие исходят из того, что было два процесса Перикла: тот, который был в конце 430 г., второй по счету, а первый случился еще до Пелопоннесской войны, в связи с делом Фидия. Их доводы: Плутарх помещает рассказ о принятии декрета Драконтида, в соответствии с которым стратег должен был представить отчет в расходах пританам, в тот раздел биографии Перикла, где рассказывается о процессах Фидия, Анаксагора и Аспасии (Per., 31–32), а процедура, описываемая в этой псефизме, более соответствует обвинению в краже священных предметов (ιεροσυλία), чем отстранению от должности по обвинению в «обычном» хищении, или растрате (κλοπή).<sup>2</sup> О том, что Перикла обвинили именно в ιεροσυλία и это было связано с делом Фидия, свидетельствует и Эфор (Diod., XII, 39, 2 = Ephor., FgrHist., 70 F 196). «Дело Перикла» рисуется следующим образом: Перикл как эпистат, надзирающий за возведением статуи Афины (Philochor., FgrHist., 328 F 121), был обвинен «по делу Фидия» в потворстве воровству (золота или слоновой кости, или того и другого) после осуждения или бегства скульптора. По предложению Драконтида, принятому экклесией, лидер Афин должен был предоставить финансовый отчет пританам и предстать перед судом на Акрополе; голосовать судьи должны были камешками, освященными на алтаре богини (Plut. Per., 32, 2).

О Драконтиде нам известно слишком мало для определенного вывода о мотивах, которыми он руководствовался: он был членом Совета в 446/5 г. и он был одним из стратегов, отплывших в 433/2 г. на Керкиру. Но так как его имя встречается в той ветви рода Этеобутадов, у которой было наследственное жречество в культе Афины Полиады, в его действиях можно усмотреть мотивы, связанные с религией.<sup>3</sup> Последнюю часть декрета Драконтида предложил отменить Гаггон (отец

<sup>1</sup> Это мнение наиболее подробно было обосновано Свободой (Swoboda H. Über den Prozess des Perikles // Hermes. Bd. 28. 1893. S. 536–598). Его разделяют: Бузескул В.П. Перикл. С. 116–117; Beloch K.J. Die Attische Politik seit Perikles. S. 330–335; Adcock F.E. The Attacks on the Friends of Pericles. P. 478; Gomme A. HCT. Vol. II. P. 187; Hansen M.H. Eisangelia. P. 71–73; Wedel W. von. Die politischen Prozesse im Athen. S. 141–142.

<sup>2</sup> Frost F. Pericles and Dracontides. P. 69–72; Donnay G. La date du procès... P. 33; Mansfeld J. The Chronology..., II. P. 17–95; Roberts J.T. Accountability... P. 59–61; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 192–195; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 177–178.

<sup>3</sup> Ostwald M. Op. cit. P. 193.



Ферамена, сторонник Перикла).<sup>1</sup> Он внес поправку: слушать дело перед 1500 дикастами, оставив открытой формулировку обвинения – хищение, лихоимство или должностное преступление (*κρίνεσθαι δὲ τὴν δίκην ἔγραψεν ἐν δικασταῖς χιλίοις καὶ πεντακοσίοις, εἴτε κλοπῆς καὶ δώρων εἴτ' ἀδικίου βούλοισι τις ὀνομάζειν τὴν δίωξιν* – Plut. Per., 32, 2). Гагنون действовал в интересах Перикла, выдвинув «светские» альтернативы обвинению в *ἱεροσυλία* и светский суд гелиастов вместо священного Ареопага.<sup>2</sup> Плутарх, который рассказывает обо всех этих приготовлениях и принятии псефизмы, далее ничего не сообщает о том, состоялся ли процесс на самом деле.

Некоторые исследователи предположили, что каким-то образом, воспользовавшись внешнеполитическим кризисом, Периклу тогда удалось замять процесс; но его недруги (возможно, Клеон и К<sup>о</sup>) дождались удобного момента и через несколько лет вытащили «скелет из шкафа», псефизму Драконтида.<sup>3</sup> (Сторонники мнения о двух процессах полагают, что обвинение Перикла на фоне неудачной кампании 430 г. и чумы никак не было связано со старым делом.) По нашему мнению, версия о двух процессах все же не находит достаточной поддержки в источниках, но то, что какие-то неприятности, а возможно, и официальные обвинения Перикл претерпел еще во время процесса над Фидием (как повели нам Эфор и Плутарх), — вполне возможно. Однако, едва ли дело тогда дошло до суда — если верить Плутарху, и для самого Фидия обвинения в *ἱεροσυλία* были сняты и заменены на асебию. Но даже если допустить некую вероятность процесса афинского лидера в связи с делом Фидия, сомнительно, что он окончился обвинительным приговором,<sup>4</sup> — ведь в том же году Перикл был в очередной раз избран стратегом.

Для Фукидида и Плутарха история с осуждением и последующим переизбранием Перикла была еще одним поводом порассуждать о непостоянстве афинского демоса (Thuc., II, 65, 4–5; Plut. Per. 36, 1). Соображения прагматизма, невозможность найти достойную замену Периклу

<sup>1</sup> См.: Davies J.K. Athenian Propertied Families. Oxf., 1971. P. 227–228. О демократических симпатиях и деятельности Гагнона — см. Xen. Hell., II, 3, 30.

<sup>2</sup> См.: Swoboda H. Über den Prozess. S. 556–560.

<sup>3</sup> Шмидт А. Перикл и его время. С. 236, 245 (немецкий ученый датирует декрет Драконтида 432 г., а процесс Перикла, разумеется, 430 г.); Bauman R. Political Trials... P. 44–45. По мнению Баумэна, поправка Гагнона была принята позже самого декрета, т.е. тогда же, когда состоялся процесс Перикла, а именно в 430 г. до н.э.

<sup>4</sup> Возможность того, что первый процесс Перикла не только состоялся, но и окончился обвинительным приговором (штрафом), допускает М. Оствальд: Op. cit. P. 194.

естественным образом дополняли отмеченные авторами психологические особенности толпы, принимающей необдуманные решения, а потом раскаивающейся в этом, — все это в совокупности и привело к возвращению опального стратега во власть.

Подводя итоги сюжету о «громких делах» 30-х гг. V в. до н.э., особо отметим использование религиозного консерватизма, моментами переходящего в мракобесие, как оружия в этой политической борьбе в судебном камуфляже,<sup>1</sup> — все процессы против членов «кружка Перикла» были обвинениями в нечестии, против самого лидера афинской демократии также выдвигалось обвинение в религиозном преступлении (ιεροσυλία), хотя ему и удалось избежать вердикта. Не исключена связь между всеми этими обвинениями и требованием спартанского посольства (зима 432 г. до н.э.) изгнать из Афин виновных в кошунстве против богини (τὸ ἄγρος ἐλαύνειν τῆς θεοῦ) — запятнанных «Килоновой скверной» Алкмеонидов, т.е. Перикла (Thuc., I, 126–127).<sup>2</sup> В Афинах, как и в других греческих полисах, религиозные чувства и интересы были тесно связаны и смешаны с политическими: принятие судебных и политических решений исходя из религиозных соображений было в порядке вещей. Как заметил Ж. Рудхардт, город и его институты были в такой же степени объектом εὐσεβεία («благочестие»), как храмы и боги.<sup>3</sup> Боги отвечали за безопасность гражданской общины и вправе были ждать должного почитания; а любое посягательство на божественный порядок или сомнение в нем, будь то вольность художника, философский скепсис ученого или чересчур свободное, ποῦρος μαίωσις вопреки, поведение подруги политика, — могли стать чьей-то картой в политической игре и поводом для серьезных обвинений в государственном преступлении (вплоть до исангелии).

## § 5. Судопроизводство и архэ

Locus communis современной историографии — тезис о тесной связи между афинским империализмом<sup>4</sup> и афинской демокра-

<sup>1</sup> Об использовании религиозных мотивов в борьбе с политическими противниками см.: Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян... С. 91.

<sup>2</sup> Эту связь отметила: Prandi L. I processi contro Fidia... P. 21–22.

<sup>3</sup> Rudhardt J. La définition du délit d'impiété d'après la législation attique // МН. Vol. 17. 1960. P. 104. См. также его рассуждения о «солидарности политики и религии» в связи с декретом Диопифа.

<sup>4</sup> Понятие «империализм» (в применении к античности) исследователи определяют примерно в одном ключе. К примеру: политика вмешательства, экспансии, навязывание своей гегемонии и строительство державы (Raaflaub K.

тей.<sup>1</sup> Естественно было бы предположить связь между таким важным составным элементом демократического устройства афинского государства, как народный суд, и афинской державной политикой.

Неуклонное возрастание могущества гелиэи на протяжении всего V в. до н.э. шло рука об руку с ростом архэ и установлением афинской гегемонии и в какой-то степени являлось его следствием, так сказать, побочным продуктом. После греко-персидских войн Афины первыми среди греческих полисов примерили на себя роль «мировой державы». Афинская держава, четко структурированная и управляемая, растянувшаяся на огромную территорию, повлияла прямо или косвенно на жизнь всей Эллады, да и всего Средиземноморья. Естественным результатом существования архэ стало количественное и качественное расширение деятельности демоса:<sup>2</sup> создаваемая державная административная система требовала привлечения дополнительных сил, создания новых «рабочих мест», стимулировала рост политической активности рядовых афинян.

Осуществление «имперской» политики не могло не внести коррективы и в работу политических органов Афинского государства, в том числе такого важного, как народный суд. Выстраивая свои отношения с союзниками, афиняне рано или поздно неминуемо должны были столкнуться с проблемой урегулирования спорных вопросов, выливающихся в судебные тяжбы. Это касалось как конфликтов в межполисных отношениях, в отношениях между гражданами разных полисов, так и тех внутренних распрей, которые могли повредить афинским интересам, создать в союзном городе нестабильную обстановку, наконец, нанести

---

Democracy, Power, and Imperialism // *APTRAD*. P. 104, note 2). Или: «Государство можно назвать империалистическим, если оно в какой-то период осуществляло власть над другим государством (или сообществом людей) для собственных целей и выгоды, какими бы они ни были» (*Finley M.I. Empire in the Greco-Roman World* // *G&R*. Vol. 25. № 1. 1978. P. 1).

<sup>1</sup> См., например: *Кондратьев М.А.* Архэ и афинская демократия. С. 327, 354–365; *Шулер В.* Афинская демократия и афинский морской союз. С. 49–59; *Фролов Э.Д.* Античная демократия (К оценке исторического феномена) // *Парадоксы истории – парадоксы античности*. С. 160–161; *Will É., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde Grec et l'Orient. T. 1: Le V-e siècle (510–403). P., 1972. P. 173; *Finley M.* Democracy Ancient and Modern. P. 84–87; *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes. S. 205–208; *Pečirka J.* Die athenische Demokratie und das athenische Reich // *Klio*. Bd. 57. 1975. S. 307–311; *Eder W.* Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy // *Democracy 2500?* P. 109; *Kallet-Marx L.* Money Talks... P. 227–251.

<sup>2</sup> *Шулер В.* Указ. соч. С. 55; *Raaflaub K.* The Thetes and Democracy. P. 98.

урон тем лицам, которые были помощниками, защитниками Афин и проводниками их политики, т.е. афинским прокседам.

Судопроизводство в архэ, роль, которая отводилась в нем афинской гелизе, – тема настоящего раздела, важным источником для которого (наряду с достаточно скудными сведениями греческих авторов) являются надписи – договоры с союзными городами, регулирующие в том числе вопросы, связанные с рассмотрением судебных дел, и декреты о налогообложении союзников.<sup>1</sup>

Героями (или антигероями) судебных тяжб могли становиться те афиняне, которые привлекались для работы в «административном аппарате», обслуживающем архэ. Одно из немногих судебных дел в первой половине V в., информация о котором до нас дошла, относится как раз к этой категории, – это дело эллинотамиев.

Эллинотамии – коллегия из десяти человек, принимавшая форос (Thuc., I, 96) и ведавшая казной морского союза на Делосе. После переноса казны в Афины круг их деятельности расширился: они принимали дань союзников, вели её списки, передавали казначеям Афины на хранение, на основании псефизм экклесии выдавали из нее деньги. Процесс эллинотамиев известен нам по одному-единственному упоминанию в речи Антифонта «Об убийстве Герода» (V, 69–71). Когда точно он имел место – неизвестно. Оратор, для которого Антифонт написал речь, обращаясь к дикастам, говорит: «я думаю, те из вас, кто постарше, сами помнят это дело, а молодые слышали о нем, как и я сам» (71). Речь «Об убийстве Герода» датируется где-то между 416 и 414 г., т.е. рассказываемый оратором случай имел место, по-видимому, в 50-е или 40-е годы.<sup>2</sup> Коллегия эллинотамиев была несправедливо обвинена в хищении (τοῦτο δὲ περὶ χρημάτων αἰτίαν ποτὲ σχόντες οὐκ οὔσαν), «все они были преданы смерти, скорее в гневе, чем по разуму, кроме одного» (ἐκεῖνοι μὲν ἅπαντες ἀπέθανον ὀργῇ μᾶλλον ἢ γνώμῃ, πλὴν ἑνὸς – 69). «Впоследствии обстоятельства дела прояснились» (τὸ δὲ πράγμα ὕστερον καταφανὲς ἐγένετο – 69), «стало понятно, каким образом пропали деньги» (καὶ ἐν τούτῳ ἐδηλώθη τῷ τρόπῳ ἀπωλώλει τὰ χρήματα – 70 – к сожалению, оратор не раскрывает нам подробностей этой детективной истории). К этому моменту в живых оставался последний из пригово-

<sup>1</sup> Мы старались по возможности давать ссылки на надписи по последнему капитальному эпиграфическому изданию – IG I<sup>3</sup> (Inscriptiones Graecae. Editio tertia. V. I: Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores / Ed. D.M. Lewis. Berlin. 1981). Копирование цитат осуществлено с сайта: <http://epigraphy.packhum.org/inscriptions/>

<sup>2</sup> См.: Meiggs R. The Athenian Empire. P. 246. Оствальд датирует предположительно 440/39 г. (Ostwald M. From Popular Sovereignty. P. 66).

ренных, некий Сосий, которого просто не успели казнить (70). Оратор заканчивает на патетической ноте: «И муж этот, уже отданный в руки Одиннадцати, был спасен (букв. «уведен») вашим (т.е. — афинским — Т.К.) народом, тогда как другие погибли, будучи совершенно невинными» (καὶ ὁ ἀνὴρ ἀπήχθη ὑπὸ τοῦ δήμου τοῦ ἡμετέρου παραδεδομένος ἤδη τοῖς ἑνδεκα, οἱ δ' ἄλλοι ἐτέθνασαν οὐδὲν αἵτιοι ὄντες — 70). Судя по выражению «ὑπὸ τοῦ δήμου», понадобилась особая псефизма экклесии для того, чтобы остановить казнь и освободить счастливого Сосия. О том, какие последствия имела эта история, остается только гадать: едва ли она привела к коррекции афинской системы судопроизводства, в которой приговор был всегда окончательным и не допускал ни обжалования, ни проволок с приведением его в исполнение. По предположению Р. Мейгза, «дело эллиноتامиев» могло побудить к некой реорганизации и переосмыслению финансовой ответственности данной коллегии.<sup>1</sup>

Одним из несомненных положительных последствий существования архэ было оживление средиземноморской торговли и вообще деловой жизни Эгеиды, при том что Афины превратились в ее главный центр. В связи с этим важное место в межполисных отношениях внутри союза играло урегулирование спорных вопросов в виде δίκαι ἀπὸ συμβολῶν — процессов по особому рода договорам. Судя по определению у Гарпократиона, σύμβολα — это соглашения между городами, которые устанавливали процедуру разрешения спорных вопросов между гражданами двух полисов (σύμβολα· τὰς συνθήκας, ἃς ἂν ἀλλήλαις αἱ πόλεις θέμεναι τάττωσι τοῖς πολίταις ὥστε διδόναι καὶ λαμβάνειν τὰ δίκαια).<sup>2</sup> Эти споры чаще всего, разумеется, возникали в связи с торговыми или финансовыми (долговыми) контрактами и обязательствами, но фрагменты уцелевших σύμβολα свидетельствуют, что в них могли включаться и другие дела.<sup>3</sup> Где именно происходил суд, т.е. какой принцип действовал в процессах, возбуждаемых в связи с нарушением таких соглашений: actio sequitur forum rei (в городе ответчика), что являлось общепринятой греческой и римской практикой<sup>4</sup> и кажется

<sup>1</sup> Meiggs R. Ibid. P. 246.

<sup>2</sup> συμβόλαιον (σύμβολα) — понятие, имеющее достаточно широкую коннотацию (см. подробнее: Ste. Croix G.E.M., de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire. P. 95–106, со ссылками на соответствующие источники и литературу), но здесь мы имеем в виду то значение, которое оно имеет в выражении δίκαι ἀπὸ συμβολῶν.

<sup>3</sup> См.: Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit. P. 95; Meiggs R. Op. cit. P. 229. Мейгз ссылается, например, на договор между Афинами и Трезеной (IG II2, 46), включавший дела по оскорблению действием.

<sup>4</sup> См.: Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 966; Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit. P. 106.

наиболее соответствующим соображениям здравого смысла, или принцип *actio sequitur forum contractus* (т.е. дело рассматривалось по месту заключения договора), — приходится говорить только в модусе возможного. Данных для твердых выводов у нас явно недостаточно, что и видно из идущей в историографии дискуссии.

Надписи мало чем могут помочь в решении данного вопроса. В митиленском (IG I<sup>3</sup>, 66, 14–16) и самосском декретах (IG I<sup>3</sup>, 127, 17–18) сказано, что любые споры должны решаться в соответствии с существующими договоренностями,<sup>1</sup> т.е. афиняне не меняли общепринятой практики, а она, судя по всему, предусматривала процесс в городе ответчика (*actio sequitur forum rei*). Декрет о Фаселиде гласит: «Если какой-либо судебный спор случится в Афинах, касающийся фаселита, в Афинах пусть процесс будет у полемарха, как с хиосцами, и ни в каком другом месте» (ὁ τι ἄμ με[ν] Ἀθ[η]νησι ξ[υ]μβόλαιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλιτ[ῶ]ν τινα, Ἀθ[η]ν[η]σι τὰς δίκας γίγνεσθαι παρ[ὰ τῷ πολ]εμάρχῳ, καθάπερ Χ[ι]οις, καὶ ἄλλοι μηδὲ ἄμῳ — IG I<sup>3</sup>, 10, 6–11). Такое понимание данного места предложил Ж. Сен-Круа, полагавший, что *συμβόλαιον* здесь означает не «контракт» или «соглашение», а некое правовое действие, вытекающее из соответствующих обязательств. Декрет, явно по общему тону и духу намеревающийся облагодетельствовать жителей Фаселиды, предоставляет им *привилегию* (которую уже имеет такой важный и верный союзник, как Хиос) судиться в суде у полемарха, менее загруженном.<sup>2</sup> Однако, если понять *συμβόλαιον* в «прямом» смысле, получится, что в случае заключения контракта в Афинах, там же происходит разбирательство, т.е. действует принцип *actio sequitur forum contractus*, и на бонус для фаселитов это совсем не похоже.

Другим камнем преткновения, вызвавшим различные интерпретации, является пассаж из речи Гегесиппа (?) (из Демосфенова корпуса) «О Галоннесе» (Dem., VII, 9–13). Оратор в ней в частности вспоминает, что во времена архэ *σύμβολα* между Македонией и Афинами не было: «Нецелесообразно было им заключать соглашения, чтобы не плавать им для суда из Македонии в Афины, а нам — в Македонию» (οὐκ ἐλυσιτέλει σύμβολα ποιησάμενους οὐτ' ἐκ Μακεδονίας πλεῖν Ἀθήναζε δίκας ληψομένους, οὐθ' ἡμῖν εἰς Μακεδονίαν — 13). Ж. Сен-Круа и другие исследователи

<sup>1</sup> Вот, например, цитата из декрета о Митиле: καὶ ἀπὸ χσυμβολ[ῶ]ν δίκας διδόν[τα]ς πρὸς Ἀθεν[α]ίος καὶ δεχομέν[ω]ς κατὰ τὰς χσυμβολ[ῶ]ν αἱ ἔσαν [πρὸ τῷ — скк. 14–16.

<sup>2</sup> Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit. P. 101–108. То, что *συμβόλαιον* может означать «legal right of action», или «legal action», английский ученый показал на ряде примеров.

видели здесь еще одно доказательство действия принципа *actio sequitur forum rei*,<sup>1</sup> — и нам их аргументы кажутся *in toto* более убедительными, чем их оппонентов. А, например, А.Е. Паршиков на основании своего варианта перевода текста декрета о Фаселиде и толкования все того же пассажа из [Dem.], VII, 9–13 отстаивал принцип *actio sequitur forum concursus*.<sup>2</sup>

В любом случае, суд происходил вовсе не обязательно в Афинах:<sup>3</sup> в речи афинян в первой книге Фукидида они ставят себе в заслугу то, что в делах ἀπὸ σιμβολῶν суд творится по законам, одинаковым для них и их союзников (I, 77, 1). Как отмечал В.П. Бузескул, союзник стоял здесь совершенно на равной ноге с афинским гражданином, более того афинянину приходилось в определенных случаях отстаивать свое дело перед судом союзного города, и этот суд имел одинаковую компетенцию с судом афинским.<sup>4</sup>

Что касается прочих гражданских и уголовных дел, возникающих внутри союзных общин или между афинянами и их союзниками (если они не были оговорены в σίμβολα), — какого-либо единого закона или правила, регулирующего порядок их рассмотрения, не было. Эти правила, судя по дошедшим до нас надписям, устанавливались в отдельных договорах, заключаемых афинянами с той или иной союзной общиной, но видимо, не греша особо против исторической истины, мы можем экстраполировать их на судопроизводство в афинской державе в целом.

Всё же, если попытаться сформулировать некий общий принцип, с большой долей уверенности можно заметить: все дела, касающиеся только союзников и не предусматривающие серьезных наказаний, разбирались в местных судах. Исключение составляли афинские проклены: в декретах в их честь сказано, что их не имели права наказывать без ведома афинского народа и не в Афинах. Такая привилегия дается, например, Аполлонофану из Колофона и его потомкам (IG I<sup>3</sup>, 65, 20–23), Ахиллесу и его сыну с Хиоса (IG I<sup>3</sup>, 70). Иногда прокленам предостав-

<sup>1</sup> См., например: *Harrison A.R.W. Demosthenes. De Halonneso*, 13 // *ClQu.* Vol. 10. 1960. P. 248; *Gomme A.* НСТ. Vol. I. P. 241–243; *Ste. Croix G.E.M., de.* Op. cit. P. 106, 111 (Appendix C, в котором разбирается отрывок Ps.-Dem., VII, 9–13); *Meiggs R.* The Athenian Empire. P. 230.

<sup>2</sup> *Паршиков А.Е.* Организация суда в Афинской державе // ВДИ. 1974. № 2. С. 57–64.

<sup>3</sup> Вопреки мнению С.Я. Лурье, считавшего, что *все* процессы, в которых одной из сторон были афиняне, должны были разбираться в афинских судах (*Лурье С.Я.* Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. № 2. С. 19–21).

<sup>4</sup> *Бузескул В.П.* История Афинской демократии. С. 250.

ялось право суда в Афинах, право выступать обвинителем или обращаться за защитой в суд полемарха, будь то афинянин или союзник учинил вред (IG I<sup>3</sup>, 55, 5–7 – Аристону из Ларисы, предусматривается быстрый суд, в 5-дневный срок; IG I<sup>3</sup>, 19 – Ахелойю; IG I<sup>3</sup>, 91, 20–24 – Проксениду, без выплаты судебной пошлины; другие примеры – IG II<sup>2</sup>, 38; IG I<sup>3</sup>, 91; IG I<sup>3</sup>, 164).<sup>1</sup> Убийство проксена или евергета («благодетеля») приравнивалось к убийству афинского гражданина, и город, где это убийство произошло, должен был выплачивать изрядный штраф – 5 талантов (IG I<sup>3</sup>, 19; IG II<sup>2</sup>, 38; II<sup>2</sup>, 32, 9–14; IG I<sup>3</sup>, 91; 156; 161; 162; 164 etc.).<sup>2</sup> Неясно, правда, назначался ли штраф во всех случаях или только, если убийца не был найден. За убийство проксена (а в некоторых случаях, за его арест – IG I<sup>3</sup>, 164, 25–26; II<sup>2</sup>, 32, 11) декреты угрожают наказанием (τιμωρία), как если бы он был афинским гражданином.<sup>3</sup> Какое именно наказание, не указывается, но очевидно, что в этом случае подразумевается по меньшей мере процесс в Афинах.<sup>4</sup>

Подобными мерами афиняне пытались обезопасить своих друзей и по совместительству, очевидно, лидеров демократических группировок (προστάται τοῦ δήμου) от пристрастия местных судов, в которых вполне могли доминировать граждане состоятельные и сочувствующие олигархии.<sup>5</sup> Большое количество проксенических декретов, где упоминаются наказания в случае, если проксен пострадает «ἐν τῷ πόλει ὧν Ἀθηναῖοι κρατοῦσιν», показывает, что такая защита афинским благодетелям в городах союза была далеко не лишней. Псевдо-Ксенофонт

<sup>1</sup> Суд полемарха был менее загружен делами, чем гелиэя фесмофетов, и в нем можно было выступать самому, без простата. См.: *Wade-Gery H.T. Essays...* P. 188, note 2; *Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit.* P. 101.

<sup>2</sup> Штраф в 5 талантов упоминается в IG I<sup>3</sup>, 19, 7–11 и IG II<sup>2</sup>, 38 (правда, здесь текст очень испорчен), а также у Аристофана (Рак, 169–172).

<sup>3</sup> Интересно, что в тех строках проксенических декретов, где речь идет о праве для проксенов возбуждать иски в афинском суде, не говорится «как если бы кто-то из афинян» (καθάπερ εἰν τις Ἀθηναῖων) (в отличие от тех строк, в которых речь идет о возможном наказании за убийство проксена). Это является косвенным свидетельством того, что афиняне не имели права принуждать граждан союзных городов судиться в афинских судах (см.: *Meiggs R. The Athenian Empire.* P. 228), и еще одним аргументом против «крайнего» мнения С.Я. Лурье.

<sup>4</sup> См.: *Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit.* P. 275.

<sup>5</sup> См.: *Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit.* P. 274–278; *Meiggs R. Op. cit.* P. 227–228; *Паршиков А.Е. Указ. соч.* С. 65–66. Едва ли оплата судей, позволяющая пополнять дикастерии малоимущими, существовала в это время где-либо за пределами Афин.



писал со знанием дела: союзники, «если бы суды были у них дома (εἰ δὲ οἴκοι εἶχον ἑκάστοι τὰς δίκας), тяготясь афинским господством (ἀτὲ ἀχθόμενοι Ἀθηναίοις), тех бы из своих граждан уничтожили, которые в наибольшей степени дружественны афинскому демосу» (τούτους ἀν σφῶν αὐτῶν ἀπώλλυσαν οἵτινες φίλοι μάλιστα ἦσαν Ἀθηναίων τῷ δήμῳ – I, 16).

Особняком стояли также дела, по которым предусматривались в качестве наказания смерть, ссылка (подразумевалось из границ архэ), потеря гражданских прав – такие приговоры находились в ведении афинской гелиэи.<sup>1</sup> Иногда добавлялись дела со штрафом более 100 драхм, т.е. местные суды могли налагать только мелкие штрафы (об этом, кажется, идет речь в декрете о Милете (450/49 г.) – IG I<sup>3</sup>, 21, 46–47)<sup>2</sup>. Наказание в виде конфискации имущества также подпадало под афинскую юрисдикцию: об этом (наряду со смертной казнью и ссылкой) упомянуто в афинском декрете о Самосе (ὁ Σαμίον θάνατον ἔφυγεν ἔδέμευσιν χρημάτων, κύριον ἔστο... – IG I<sup>3</sup>, 96, 7), да и «Старый олигарх» сетует на то, что его сограждане знатных союзников «подвергают атимии, лишают денег, изгоняют и убивают» (τοὺς χρηστοὺς ἀτιμοῦσι καὶ χρήματα ἀφαίρουσι καὶ ἐξελάνονται καὶ ἀποκτείνουσι – I, 14).

В литературе не раз отмечалось, что благодаря требованию о передаче важных дел для рассмотрения в гелиэю, афиняне установили над союзными полисами свой судебный и, как следствие, политический контроль.<sup>3</sup> Проблема заключается в том, как конкретно осуществлялся этот афинский контроль. В речи Антифонта сказано: «Вы, осудив на смерть, убили человека – а ведь без [согласия] афинян наказывать кого-либо смертью даже полису не позволено» (αὐτοὶ καταγόνιτες τὸν θάνατον τοῦ ἀδρός ἀπεκτείνετε ὃ οὐδὲ πόλει ἔξεστιν, ἀνευ Ἀθηναίων οὐδένα θανάτῳ ζημιῶσαι – V, 47). То, что смертный (или иной тяжкий) приговор требовал афинского разрешения, могло подразумевать как суд не-

<sup>1</sup> Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 971–973; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 314–317; Ste. Croix G.E.M., de. Op. cit. P. 270–272; Паршиков А.Е. Указ. соч. С. 64–68.

<sup>2</sup> Строка декрета сильно испорчена: ... τελε[σθα]ι τὰς δὲ υπὲρ εκατῶν δραχμᾶς ...

<sup>3</sup> См., например: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 248–249; Кондратюк М.А. Архэ и афинская демократия. С. 327, 363; Строгоцкий В.М. Греческая историческая мысль... С. 63; Walker E.M. Athens and the Great Powers, 462–445 B.C. // CAH. Vol. V. P. 94–96; Bonner R.J., Smith G. Ibid.; Balogh E. Political Refugees in Ancient Greece from the Period of the Tyrants to Alexander the Great. Johannesburg, 1943. P. 22–26.

посредственно в Афинах,<sup>1</sup> так и некую апелляцию, подаваемую в афинскую гелиэю, или обязательное подтверждение гелизей вынесенного местными судьями вердикта. Первый вариант сомнителен: ведь в этом случае *все* дела, по которым *может быть* вынесен смертный приговор должны были слушаться в гелиэе. Нам известно, что в афинском судопроизводстве процессы делились на такие, в которых наказание (τιμνη) было предусмотрено в существующих законах (постановлениях) или было оговорено заранее, в том числе по предварительному соглашению между сторонами (δύωιες ἀτίμητοι), а также на такие, в которых наказание назначал суд (δύωιες τιμητοι) по предложению сторон. Вариантом первого рода процессов являлись случаи, когда наказание было определено частично, и по требованию одной из сторон после специального голосования суд налагал дополнительное наказание (προστίμηνα) (Lys., X, 16). Если допустить, что та же система существовала и в судах союзников, то в значительной части процессов (некоторых δύωιες ἀτίμητοι и во всех δύωιες τιμητοι) требование крайней меры или любого другого тяжелого наказания формулировалось обвиняющей стороной, а мы знаем из дошедших до нас судебных речей, с какой легкостью ораторы IV в. просили о смерти для своих противников.<sup>2</sup> Неужели все дела в союзных городах, по которым высказывались такие требования, немедленно отправлялись в афинскую гелиэю? Не говоря уж о полной неясности технических деталей процедуры: на каком этапе формулируется потенциальное наказание, имеющее следствием перенос дела в Афины, — при подаче иска или при предварительном рассмотрении, — в конце концов, необязательно каждый чреватый смертным приговором процесс им и заканчивался. Суд мог счесть претензии истца необоснованными, мог оправдать обвиняемого, наказать не столь тяжело и т.п. Едва ли афинские дикасты рассматривали *все* случаи, по которым обвинители в союзных городах требовали смерти, или крайняя мера являлась *возможным* наказанием.

Эти общие соображения в пользу второго варианта (гелиэя рассматривала лишь апелляции или утверждала уже вынесенный приговор) подкрепляются аргументами, извлекаемыми из халкидского декре-

<sup>1</sup> Многие исследователи именно так и понимали: дела, чреватые тяжким приговором, *передавались* на суд в Афины. См., например: Белох Ю. История Греции. Т. 1. С. 392–393; Бузескул В.П. Указ. соч. С. 248–249; Кондратьев М.А. Указ. соч. С. 364; Gomte A. HCT. Vol. I. P. 242; Will É., Mossé C., Goukowsky P. Le monde Grec et l'Orient. T. 1. P. 201; Rhodes P.J. The Athenian Empire. Oxford, 1985. P. 39.

<sup>2</sup> Некоторые примеры: Lys., III, 44; XII, 37; XIII, 69; XIV, 23; XXII, 2; XXVIII, 1; Dem., XVIII, 198; XIX, 3, 101, 131; XXI, 12, 21; XXIV, 104; LIV, 22; Lyc., I, 131–134, 150.

та (IG I<sup>3</sup>, 40). Речь идет о толковании одной из его статей, предложенном Ж. Сен-Круа и Г. Уэйд-Джери, которое нам представляется весьма убедительным. В декрете говорится, что судебные процессы по должностным преступлениям халкидян (ἐῖθυναί) будут слушаться в Халкиде, кроме обвинений, по которым подразумевается наказание в виде изгнания, смерти и атимии (πλὲν φυγῆς καὶ θανάτου καὶ ἀτιμίας – 73–74) – в этом случае происходит апелляция (ἔφεσιν) в гелиэю. Сен-Круа и Уэйд-Джери утверждают: ἔφεσις здесь именно апелляция, а не «передача дела ab initio» в Афины.<sup>1</sup> Резонно предположить, что если «тяжкий» приговор был объявлен или, наоборот, последовало оправдание, сторона, будь то истец или ответчик, недовольная местным вердиктом, могла обратиться в Афины и обжаловать его.

Все дела, касающиеся выплаты податей, также слушались в Афинах. Этому посвящено несколько афинских декретов. Одной из первых псефизм такого рода, дошедших до нас, является псефизма Клиния (IG I<sup>3</sup>, 34 – начало 40-х гг. или 30-ые гг. V в. до н.э.), предусматривающая определенные меры для полной и своевременной выплаты союзниками фороса. В ней в том числе говорится: «если какой-нибудь афинянин или союзник чинит помехи форосу (ἀδικεῖ περὶ τὸν φόρον) ... , пусть будет обвинен перед пританами любым желающим из афинян или союзников (ἔστω αὐτὸν γράφεσθαι πρὸς [τὸς] πρυτάνες τοι βολομένο[ι] Ἀθηναίων καὶ τοὺς ἑταίρους); пусть пританы внесут в буле жалобу, какую кто напишет, или их привлекут к ответственности за взяточничество и назначат штраф в тысячу драхм; что до того, кто обвиняется в буле, вынесение приговора для него пусть будет не в его (Совета – Т.К.) ведении, а пусть будет передано тотчас же в гелиэю ([ὁ δ' αὖν] καταγνοὶ ὅτι βολέ, μὲ τιμὰν αὐτοῖσι κυρία ἔστω [ἀλλ' ἐσ]φερέτω ἐς τὴν ἐλιαίαν εἰδυς);<sup>2</sup> если он будет признан виновным, пританы выскажут мнение относительно подходящего для него наказания или штрафа»<sup>3</sup> (ὅταν δὲ δόχῃ [ἀδικεῖν, γινώσκας ποιεῖσθαι] οἱ πρυτάνες ὅτι αὐτὸς δοκεῖ αὐτοῖσι παθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι – 31–41).

<sup>1</sup> См.: Wade-Gery H.T. Essays... P. 192–195; Ste. Croix G.E.M., de. Notes on Jurisdiction... P. 271–272. С ними солидарен: Meiggs R. The Athenian Empire. P. 226. Правда, Мейгз предполагает, что в годы Пелопоннесской войны принцип апелляции был заменен на обязательный перенос (reference) дела в гелиэю.

<sup>2</sup> Т.е. получается что-то вроде двухступенчатого рассмотрения дела: первое слушание в буле; если Совет признает ответчика виновным, дело переносится в гелиэю, в которой пританы организуют обсуждение относительно наказания.

<sup>3</sup> «Наказание или штраф» (παθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι) – стандартная формула. Под «παθεῖν» обычно подразумевались т.н. «телесные наказания» – чаще всего смерть, изгнание, атимия; под ἀποτεῖσθαι – денежные.

Декрет Клеонида (IG I<sup>3</sup>, 68 – 426/5 г. до н.э.), регулировавший сбор дани по податным городам (πόλες φόρον φέρον[ι – 6), предусматривал жесткие меры против возможного саботажа. Если кто-то замыслил объявить декрет недействительным или хотел воспрепятствовать отправке форося в Афины, против него любой желающий мог выдвинуть обвинение в измене (43–46); эпимелеты передавали такое дело в афинский суд (δοί δὲ ἐπιμελεῖται ἑσαγόντων ἔμμενα ἐς τὸ δικάστέριον – 47–48). Если обвиняемый признавался виновным, дикасты присуждали его к штрафу или надлежащему наказанию (ἐὰν δὲ το κατὰ νόον τὸ δικάστέριον τιμᾶν ὃ τι χρὲ αὐτὸν παθεῖν ἔ[ἀπ]οτεῖσαι – 50–52).

Судя по декрету Фудиппа о переобложении союзников (IG I<sup>3</sup>, 71), принятому в 425/24 г. в связи с возросшими затратами на ведение Пелопоннесской войны, гелиэя принимала непосредственное участие в новой раскладке форося и принимала претензии по этому поводу. Иски, возникающие в связи с налогообложением, после предварительного рассмотрения исагогом (ἑισαγωγεὺς – специальное должностное лицо) и полемархом передавались в гелиэю (ἑσαγογέον δὲ δο λαχὼν καὶ ὁ πολέμαρχος ἀνακρίναντων τὰς δίκας ἐν τ[ε]ῖ ἐλιαίαι καθάπερ τὰς δίκας τὰς ἄλλας τῶν ἐλιαστων – 13–14). Для решения всех вопросов, касающихся взимания нового форося, учреждался специальный суд из 1000 дикастов (δοί δὲ νομοθέτα[ι δικάστέριον] νέον κα[θ]ιστάντων χιλίος δικάστας – 16). Сумму и расклад форося определяли Совет и гелиэя: судьи должны были выразить свое одобрение (51–54).

О том, что союзники пользовались своим правом оспорить декрет о новом обложении и даже обращались с этой целью за помощью к афинским ораторам, мы знаем благодаря сохранившимся фрагментам из речей, написанных Антифонтом для родосского Линда (fr. 25–33, *Thalheim*) и Самофракии (fr. 49–56, *Thalheim*). Из первой дошло лишь несколько слов и коротких фраз, фрагменты из речи для самофракийцев — более значительные. В них жители города пытаются обосновать невозможность платить повышенный форося, апеллируя к своему прошлому (их полис основали бежавшие от тирании самосцы — fr. 49) и ссылаясь на недостаток и скудность (из-за каменистости и скалистости) их земли (fr. 50).

Дополнительный свет на роль афинских судов в архэ проливает так называемый «Монетный декрет» (IG I<sup>3</sup>, 1453), фрагменты которого были обнаружены в различных городах, входивших в морской союз. В

<sup>1</sup> Восстановление νομοθέτα[ι, предлагаемое в ATL и приводимое в третьем издании *Inscriptiones Graecae*, вызывает сомнение, поскольку номофеты появились в Афинах позже и с другими функциями.

историографии давно ведется полемика относительно датировки и смысла отдельных положений данного декрета, которую мы не будем касаться и отошлем любопытствующих к специальной литературе.<sup>1</sup> Декрет обязывает союзников пользоваться афинской серебряной монетой, весом и мерами; местная монета должна посылаться в Афины для перечеканки. За выполнением данного постановления в союзных городах следят специальные афинские должностные лица – архонты;<sup>2</sup> если таковых там нет, ответственность возлагается на местных магистратов, также именуемых архонтами.<sup>3</sup> Если как те, так и другие не действуют в соответствии с декретом, они предстают перед судом в Афинах; наказанием может быть потеря гражданских прав, конфискация имущества, десятая часть которого отходит богине ([ἀτ]μ[ος] ἔστω καὶ τὰ χρῆ[μα]τα δημόσια ἔ[σ]τω καὶ τῆς θεοῦ τὸ ἐπιδέκατον – IG I<sup>3</sup>, 1453 B/G, 3.1).

С.Я. Лурье и вслед за ним Л.А. Сахненко высказали предположение о существовании в союзных городах неких судебных коллегий из афинских граждан, возглавляемых будто бы епископами.<sup>4</sup> Эта версия основана на двух отрывках из Аристофана. Клеон во «Всадниках» утверждает, что Демосу суждено в прорицаньях: «*Стать в Аркадии дивной присяжным судьей, пять грошей всякий день получая*» (797–8 – пер. А. Пиотровского). Его соперник Колбасник обещает еще боль-

<sup>1</sup> Основными на сегодняшний день являются две датировки: 449 г. до н.э. и вторая половина 20-х гг. Из весьма обширной литературы см., например: *Стрелков А.В.* Афинский монетный декрет // НЭ. XVI. 1999. С. 25–49 (самое обстоятельное исследование на русском языке о Монетном декрете и связанных с ним проблемах); *Паршиков А.Е.* О времени монополизации чеканки серебра в афинской державе // НЭ. X. 1972. С. 64–73; *Mattingly H.B.* The Athenian Coinage Decree // Historia. Bd. 10. 1961. P. 148–188; *Meiggs R.* The Athenian Empire. P. 167–172; *Lewis D.M.* The Athenian Coinage Decree // Coinage and Administration in the Athenian and Persian War: the Ninth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History / Ed. I. Carradice. Oxford, 1987. P. 53–63; *Vickers M.* Fifth Century Chronology and the Coinage Decree // JHS. Vol. 116. 1996. P. 171–174.

<sup>2</sup> Эти архонты, имевшие как гражданские, так и военные полномочия, посылались в города союзников, чтобы контролировать местные органы власти, защищать афинских проксенов и т.п. См.: *Кондратюк М.А.* Архэ... С. 359–360; *Стрелков А.В.* Указ. соч. С. 29; *Meiggs R.* Op. cit. P. 211–215.

<sup>3</sup> ἀρχοντες ἐν ταῖς πόλεσι – собирательное обозначение различных представителей местной власти в городах союзников. Подробнее см.: *Leppin H.* Die ἀρχοντες ἐν ταῖς πόλεσι des Delisch-Attischen Seebundes // Historia. Bd. 41. 1992. S. 257–271.

<sup>4</sup> *Лурье С.Я.* Эксплуатация афинских союзников. С. 20, 23; *Сахненко Л.А.* Аристофан и афинские союзники // ВДИ. 1979. № 3. С. 30, 32. М.А. Кондратюк (Архэ и афинская демократия. С. 360) считает это возможным.

ше: *«Будешь судить в Экбатанах, кормиться коврижкой и медом»* (1089). Лурье и Сахненко не смущает, что ни Аркадия, ни тем более Экбатаны не входили в состав архэ; их упоминание толкуется как риторическое преувеличение (обещание присоединить их в будущем). Однако из аристофановского текста понятно, что речь идет не о каком-либо существующем институте, пусть даже в гиперболизированном виде, а о, так сказать, «мечте народа». Она предстает сначала в посулах Кожевника-Клеона, намекающего на увеличение оплаты судьям с реальных трех до виртуальных пяти обол, а потом в обещаниях Колбасника. Последний старается перещегоолять своего соперника и конкурента Клеона, отправляя в своем «пророчестве» дикастов в сытую и богатую Персию.

Малоубедительной следует признать и гипотезу о том, что эти пресловутые судебные коллегии возглавлялись афинскими епископами. Стоит ли говорить, что нет абсолютно никаких данных на этот счет в наших источниках (как впрочем, и о самих коллегиях), кроме того, что в одной из сцен аристофановских «Птиц» (1032, 1053) появляется епископ с урнами для голосования (τὼ κἀδω). Но сама же Л.А. Сахненко признает, что τὼ κἀδω может являться просто «опознавательным» признаком афинского магистрата, символом Афин, каковым дикастерии и все, что с ними связано, часто являются в комедии Аристофана.<sup>1</sup> И уж совсем беспочвенным выглядит мнение С.Я. Лурье: судей для этих афинских судебных коллегий в союзных городах набирали из афинских клерухов<sup>3</sup> — тут уж даже малейшего намека или зацепки в источниках, будь то литературные или эпиграфические, не обнаружить.

Так было в общих чертах организовано судопроизводство в архэ. Можно предположить, что судебные отношения в рамках морского союза по мере превращения его в державу прошли определенную эволюцию. Поначалу подразумевалось, что союзники автономны и, очевидно, сами разбирают свои судебные дела, без участия или вмешательства афинской гелиэи. В одном из «ранних» афинских постановлений — декрете об Эрифрах (50-е гг.) сказано, что если один эрифреец убьет другого, в случае признания его вины, он будет казнен; если он будет приговорен к изгнанию, то он лишается права пребывать также на территории всего союза, а его собственность будет конфискована (IG I<sup>3</sup>, 14, 29–31). Нет никакого упоминания о том, что такого рода дела должны рассматриваться в Афинах, а ведь пройдет немного времени, и это, как мы видели, станет правилом. Судопроизводство в морском союзе видоизменялось

<sup>1</sup> Сахненко Л.А. Указ. соч. С. 32.

<sup>2</sup> Лурье С.Я. Указ. соч. С. 23.

в сторону увеличения в нем афинского участия и контроля, и это совершенно соответствовало главной тенденции – усилению афинской гегемонии. В державной политике поэтапно и последовательно все большая роль отводилась афинской гелиэе, хотя утверждение о том, что союзники изнывали под судебным гнетом афинян, было бы чрезмерным. В исках по торговым и финансовым делам ( $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota \ \acute{\alpha}\pi\omicron \ \sigma\upsilon\mu\beta\omicron\lambda\omega\acute{\nu}$ ) афиняне, видимо, сохранили принятую практику, и формально не имели преимуществ перед неафинянами. Гелиэя разбирала львиную долю важных дел из союзных полисов – тех, которые были чреваты тяжким приговором; все иски, касающиеся афинских простатов; различные жалобы в связи с выплатой и сбором фороса. Некоторые договоры с союзниками, судя по декрету о Халкиде, скреплялись клятвой гелиастов ( $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha} \ \tau\acute{\alpha}\delta\epsilon \ \tau\omicron\nu \ \acute{\omicron}\rho\kappa\omicron\nu \ \acute{\omicron}\mu\omicron\sigma\alpha\iota \ \text{Ἀθηναίων} \ \tau\acute{\epsilon}\nu \ \beta\omicron\lambda\acute{\epsilon}\nu \ \kappa\alpha\iota \ \tau\omicron\varsigma \ \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\acute{\alpha}\varsigma$  – IG I<sup>3</sup>, 40, 3–4); важная роль отводилась народному суду в осуществлении мер, предписанных Монетным декретом. Для гелиэи последствием возникновения и развития морской державы, очевидно, стало увеличение количества тяжб и дней заседания судов, да и количества самих дикастов: во времена Пелопоннесской войны (а, может быть, и раньше) ежегодно избиралось 6000 судей, а гелиэя заседала, если верить Аристофану, чуть ли не 300 дней в году (Vesp., 662–663).

Псевдо-Ксенофонт так рисует те выгоды, которые афинские дикасты и демос в целом получали от организации судопроизводства в архэ: из судебных пошлин, которые платят союзники, они целый год получают жалованье ( $\acute{\alpha}\pi\omicron \ \tau\omega\acute{\nu} \ \pi\upsilon\tau\alpha\upsilon\epsilon\acute{\iota}\omega\nu \ \tau\omicron\nu \ \mu\iota\sigma\tau\omicron\nu \ \delta\iota' \ \acute{\epsilon}\nu\iota\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \ \lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota\nu$ ); «сидя дома» и не выезжая в море, афиняне властвуют над союзниками ( $\omicron\iota\kappa\omicron\iota \ \kappa\alpha\theta\acute{\eta}\mu\epsilon\nu\omicron\iota \ \acute{\alpha}\nu\epsilon\upsilon \ \nu\epsilon\omega\acute{\nu} \ \acute{\epsilon}\kappa\tau\lambda\omicron\upsilon \ \delta\iota\omicron\iota\kappa\omicron\upsilon\sigma\iota \ \tau\acute{\alpha}\varsigma \ \pi\acute{\omicron}\lambda\epsilon\iota\varsigma \ \tau\acute{\alpha}\varsigma \ \sigma\upsilon\mu\mu\alpha\chi\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma$ ); афинские присяжные имеют возможность высказывать свою благосклонность к тем «из народа», кто их поддерживает в союзных городах, и уничтожать своих противников ( $\kappa\alpha\iota \ \tau\omicron\upsilon\varsigma \ \mu\acute{\epsilon}\nu \ \tau\omicron\upsilon \ \delta\acute{\eta}\mu\omicron\upsilon \ \sigma\acute{\omega}\zeta\omicron\upsilon\sigma\iota, \ \tau\omicron\upsilon\varsigma \ \delta' \ \acute{\epsilon}\nu\alpha\upsilon\tau\acute{\iota}\omicron\upsilon\varsigma \ \acute{\alpha}\pi\omicron\lambda\lambda\omicron\upsilon\omicron\upsilon\sigma\iota\nu \ \acute{\epsilon}\nu \ \tau\omicron\iota\varsigma \ \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\eta\rho\acute{\iota}\omicron\iota\varsigma$  – I, 16). Афинская гелиэя таким образом являлась весьма эффективным средством удержания союзников под контролем, внося свою лепту в превращение симмахии в архэ.

## § 6. Судопроизводство в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны

В заключительном разделе данной главы мы не будем касаться конкретных судебных дел, имевших место в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны, – о некоторых из них мы поговорим в главе, посвященной политическим процессам по исангелии и жалобе на противозаконие.

Скажем несколько слов о том, как драматические события, случившиеся в те годы, прежде всего два олигархических переворота, повлияли на развитие и функционирование афинской судебной системы.

В первые годы войны серьезных изменений в этой системе не наблюдалось, если не считать случившегося скорей всего именно тогда повышения оплаты труда дикастов до трех оболов по инициативе демагога Клеона (schol. Aristoph. Vesp., 88, 300). Возможно, в эти же годы или несколько позже была учреждена процедура «жалобы на противозаконие» – первый известный нам процесс по ней имел место в 415 г.<sup>1</sup>

Определенный интерес представляет собой то, как использовали суды заговорщики, готовившие олигархический переворот 411 г. до н.э., и судебная деятельность сформированного ими правительства Четырехсот. Фукидид так рассказывал о деятельности тайных политических клубов (ξυνωμοσταί), замысливших ниспровержение демократии: это их совместное мероприятие координировал Писандр, «обойдя» (ἐπελτών) все клубы, но, как специально подчеркивает историк, эти клубы существовали и прежде (αἴπερ ἐτύχαιον πρότερον). Их члены были связаны взаимной клятвой, и они помогали друг другу в судах и при соискании должностей (ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς) (Thuc., VIII, 54, 4). Не исключено, что такого рода дружеское взаимодействие и взаимопомощь в судах, осуществляемое членами аристократических гетерий, было связано среди прочего и с активизацией сикофантов в конце V в. Придя к власти, олигархи среди первоочередных мер отменили жалобу на противозаконие и выплату жалованья должностным лицам (Thuc., VIII, 67).

Четыреста присвоили себе право выносить приговоры: Фукидид сообщает, что за несколько месяцев пребывания у власти они нескольких человек казнили, кого-то бросили в тюрьму, иных изгнали (VIII, 70, 2). Как происходил скорый суд олигархического правительства, мы можем судить из рассказа Андокида. Он доставил (для продажи) афинскому войску на Самос бревна для весел, хлеб и медь, об этом прознал кто-то из Четырехсот, к этому моменту уже рассорившихся с флотом, стоявшим у Самоса (And., II, 12–13). Андокид был схвачен и приведен в Совет, Писандр (один из лидеров олигархов) высказал обвинения в его адрес (торговля с врагом). По шуму, поднявшемуся среди членов Совета, почувствовав, что дела его плохи, горе-торговец бросился к алта-

<sup>1</sup> Так полагают, например: *Wolff H.J.* «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff in der attischen Demokratie. S. 15–22; *Sealey R.* On the Athenian concept of law // CJ. 1982. V. 77. P. 300; *Connor W.R.* The New Politicians... P. 125–126, п. 66; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 205. О жалобе на противозаконие – см. главу VI; там же – более подробный список историографии.



рю. Это, по его словам, спасло ему жизнь, но он не избежал заключения в темницу (14–15).

После свержения тирании Четырехсот в переходный период бразды правления перешли к умеренному правительству, инициатива создания которого принадлежала Ферамену (Diod., XIII, 38, 2). Власть была передана тем, кто способен вооружиться за свой счет (εἶναι δὲ αὐτῶν ὁπόσοι καὶ ὅπλα παρέχονται – Thuc., VIII, 97, 1). Следовательно, все должностные лица должны были иметь статус не ниже гоппитского. Относилось ли это к дикастам – неизвестно, но отсутствие судейского жалования (отмененного олигархами и пока еще не восстановленного) едва ли делало дикастерии желанным местом службы для афинских фетов. Через какое-то время, уже при восстановленной демократии (410/9 г.) был принят известный декрет Демофанта, призванный защитить демократические институты и не допустить новых попыток их ниспровержения. Закон отныне гласил: «Если кто станет ниспровергать демократию в Афинах или станет исполнять какую-либо должность после ниспровержения демократии, то пусть он считается врагом афинян и пусть он будет убит безнаказанно, имущество же его пусть будет конфисковано, и десятая часть пусть будет выделена богине» (And., I, 96 – пер. Э.Д. Фролова).

Однако этот декрет не уберег Афины от новой и куда более суровой тирании олигархов, последовавшей за поражением в Пелопоннесской войне. Тридцать тиранов, пришедшие в 404 г. до н.э. к власти по спартанскому благословению, с удовольствием приняли целый ряд мер, по сути парализовавших деятельность народных судов в Афинах. Они отменили ограничения власти Ареопага, введенные Эфиальтом (Ath. pol., 35, 2): как показывают археологические раскопки, тексты демократических законов были соскоблены со стены, соседней с Царской Стоей.<sup>1</sup> Аристотель говорит, что тираны уничтожили власть, которая заключалась в дикастах (τὸ κῦρος δὲ τῆς ἐν δικάσταϊς κατέλυσαν – Ibid.), – что конкретно имеется в виду, не совсем ясно. Перевод, предлагаемый С.И. Радцигом: «отменили предоставленное судьям право окончательного разрешения спорных вопросов», – один из возможных вариантов понимания, не более того. Некоторые исследователи пришли к выводу, что народный суд вообще перестал функционировать.<sup>2</sup> Высказывалось

<sup>1</sup> См.: Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 480. Оствальд ссылается на работу: Fingarette A. A New Look at the Wall of Nikomakhos // Hesperia. Vol. 40. 1971. P. 330–335.

<sup>2</sup> Например: Ostwald M. Ibid.; Пельман фон Р. Очерк греческой истории...: «Палладиум демократии, народный суд, был уничтожен, и вся юрисдикция перешла к назначенному Тридцатью и совершенно затерроризированному Совету» (с. 250).

предположение, что даже если тираны и не уничтожили дикастерии, Совет фактически узурпировал их функции.<sup>1</sup>

Ксенофонт говорит, что новоявленные тираны «первым делом арестовали и казнили тех, о которых... было известно, что они промышляют сикофантией (ἀπὸ σικοφαντίας ζῶντας – Hell., II, 3, 12)». Видимо, это было единственное мероприятие Тридцати, получившее общественную поддержку: «Совет с чувством удовлетворения приговорил их [сикофантов] к смерти, да и все прочие граждане, сознавая, что они сами отличны от тех, нисколько не опечалились» (καὶ ἡ τε βουλὴ ἡδέως αὐτῶν κατεψήφιστο οἱ τε ἄλλοι ὅσοι συνήδεσαν ἑαυτοῖς μὴ ὄντες τοιοῦτοι οὐδὲν ἤχθοντο – Ibid.). Аристотель утверждает даже, что «город радовался» этому (ἐχαιρον ἡ πόλις) (Ath. pol., 35, 3). О том, что очищение города от сикофантов не вызывало поначалу возражений, пока под предлогом оно не стали казнить ни в чем не повинных граждан, свидетельствует и Лисий (XXV, 19). Какого рода процесс был задействован против сикофантов, из источников неясно. Не исключено, что это была исангелия; в некоторых случаях использовалась процедура «ἐνδειξις» – письменное заявление, или донос, сделанный официальному лицу, который затем производит арест правонарушителя.<sup>2</sup>

Одно из новшеств, введенных тиранами, – открытое голосование (суд происходил в Совете, председательствовали Тридцать). Лисий так описывает его в речи против Агората: «Тридцать сидели на скамьях, где теперь сидят пританы; два стола были поставлены перед Тридцатью (δύο δὲ τράπεζαι ἐν τῇ πρόσθεν τῶν τριάκοντα ἐκείσθην); камешек надо было класть не в урны, но открыто на эти столы; обвинительный – на тот, который дальше (τὴν δὲ ψῆφον οὐκ εἰς καδίσκους ἀλλὰ φαυερὰν ἐπὶ τὰς τραπέζας ταύτας ἔδει τίθεσθαι, τὴν μὲν καθαιροῦσαν ἐπὶ τὴν ὑστέραν). Как при таких обстоятельствах мог кто-нибудь из них спастись? Словом, все кто приходил на суд в булевтерий, были приговорены к смерти, и никто не был оправдан, кроме Агората (ὅσοι εἰς τὸ βουλευτήριον εἰσῆλθον κριθησόμενοι, ἀπάντων θάνατος κατεγινώσκετο καὶ οὐδεὶς ἀπεψήφισαντο, πληρ' Αγοράτου τουτοῦ)» (XIII, 37–38 – пер. наш<sup>3</sup>).

Очевидно, в Совете происходили и другие процессы – не только против сикофантов, и осуждались на смерть не только последние (о

<sup>1</sup> См.: Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 72.

<sup>2</sup> См.: Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 332.

<sup>3</sup> В переводе Соболевского ошибка. Лисий говорит: τὴν μὲν καθαιροῦσαν [ψῆφον] ἐπὶ τὴν ὑστέραν [τραπέζαν]. Переводчик: «обвинительный [камешек] на передний, а оправдательный (у Лисия про него вообще ничего не говорится, sap. sat. – Т.К.) на задний [стол]».

смертных приговорах, вынесенных буле, — см. Lys., XIII, 38; And., I, 115; Isocr., XVII, 42; Xen. Hell., II, 3, 24). Еще в самом начале правления Тридцати Советом были осуждены на смерть арестованные ранее стратеги и таксиархи, возражавшие против заключения Фераменом мира на спартанских условиях, хотя изначально в соответствии с псефизмой их должен был судить суд из 2000 дикастов. Среди них были Стромбихид, Дионисидор, Каллиад, Евкрат и др. (Lys., XIII, 13, 34–38; 58–60).<sup>1</sup> Вероятно, рассматривались и иски с различными имущественными и финансовыми претензиями. Косвенное подтверждение этому находим в истории, поведанной Исократом (XVIII, 5–6). Она происходила в краткое правление Десяти, которые на непродолжительное время сменили Тиранов, но вполне может быть экстраполирована в недавнее прошлое. Архонт-басилевс Патрокл встретил своего недруга Каллимаха, несущего деньги; остановил его и заявил, что деньги принадлежат государству. Появившийся во время их перебранки Ринон (один из Десяти) отвел спорящих к своим коллегам (видимо, для предварительного рассмотрения); затем дело в виде *φάσις* (донос на незаконное владение собственностью) было передано в Совет, который присудил деньги казне.

Тридцать и сами осуществляли судебные функции. Они проводили *ἀνακρισις* (предварительное рассмотрение дела) и председательствовали на процессах. Один из их «новых законов» (*καὶνοὶ νόμοι* — Xen. Hell., II, 3, 51) давал им право приговаривать к смерти любого афинянина, чье имя не было внесено в список Трех тысяч. И не только «невнесенных» — как видно на примере одной из самых известных жертв террора, члена правительства Тридцати, «умеренного» Ферамена. Сначала он предстал перед Советом, но когда Критий засомневался в вердикте буле, он самолично вычеркнул своего бывшего товарища из списка граждан, и Ферамен был осужден на смерть (Xen. Hell., II, 3, 23, 50–56; Diod., XIV, 4, 5–6). Согласно другому циничному и жестокому закону, принятому тиранами, каждый из них мог арестовать одного метека, убить его и присвоить имущество казненного (Xen. Hell., II, 3, 21–22; Diod., XIV, 5–6).

Нам неизвестно ни о каких частных исках (*δίκαί*) в период правления тиранов — вероятно, они не рассматривались, и обычные суды из-за гражданской войны и проч. не заседали (по крайней мере, в конце правления Тридцати). Об этом говорят слова клиента Исократа: «когда в городе было неспокойно и процессов не было, было бесполезно выступать с обвинениями...» (*ἀκαταστάτως ἔχοντων τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ*

<sup>1</sup> Подробности этой трагической истории нам хорошо известны благодаря речи против Агората, написанной Лисием.

δικῶν οὐκ οὐσῶν τῷ μὲν οὐδὲν ἦν πλεον ἐγκαλοῦντι... — Isocr., XXI, 7). Возможно, тираны и планировали какое-то дополнение в виде судов к Совету; скорей всего, в них заседали бы граждане из списка Трех тысяч, но было ли осуществлено это намерение, неизвестно.<sup>1</sup> Наконец, еще один удар по судам, нанесенный тиранами, — запрещение преподавать искусство слова (λόγῳ τεχνῇ). По уверению Ксенофонта, этот закон внес Критий из ненависти к Сократу (Мет., I, 2, 31). Этот удар — хоть и не прямой, но действенный, ибо лишал работы тех, для кого подготовка судебных речей, различного рода помощь, содействие в тяжбе были источником доходов.

После восстановления демократии по специальному решению народного собрания все решения по гражданским процессам и решения третейских судов, принятые при демократическом режиме, сохраняли силу, а все акты и судебные приговоры, вынесенные в период правления Тридцати тиранов, считались недействительными (And., I, 85–89; Dem., XXIV, 56). Работа народного суда возобновилась в полном объеме.

— — —

Итак, важнейшей реформой Солона (594 г. до н.э.) было создание народного суда — гелиэи (ἡλιαία), которая первоначально рассматривала апелляции на приговоры должностных лиц. Это нововведение афинского законодателя обладало огромным политическим потенциалом; дальнейшее развитие народного суда было самым тесным образом связано с утверждением демократии в Афинах. За V в. до н.э. судопроизводство в Афинах претерпело принципиальные изменения. Еще до реформы Эфиальта гелиэя стала делиться на судебные коллегии-дикастерии, примерно в то же время из суда по апелляциям она превратилась в суд первой инстанции. Благодаря преобразованиям, осуществленным Эфиальтом и его сторонниками, гелиэя стала играть также важную роль в осуществлении контроля над должностными лицами (докимасия, принятие отчетов); наряду с собранием она рассматривала теперь дела по государственным преступлениям (исангелии), а в последней четверти V в. в ней начали проходить процессы по жалобе на противозаконие. Значительно возросло количество судей (во второй половине V в. оно составило 6000); была введена оплата должности судьи, что делало весьма привлекательным участие в судебных заседаниях для выходцев из малоимущих слоев афинского населения. В результате развития системы судопроизводства, осуществляемого на протяжении всего V в. до

<sup>1</sup> См.: Bonner R. J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 332–333.

н.э., афинская гелиэя стала одним из наиболее эффективных механизмов осуществления власти суверенного демоса – и не только в судебных, но и в политических делах; а благодаря своей массовости и представительности гелиэя стала почти тождественна самому понятию «суверенный демос». Гелиэя играла также важную роль в афинской державной политике, являясь средством осуществления судебного, а как следствие, и политического контроля над союзниками. Внешняя политика Афинской архэ творилась также не без участия гелиэи: она участвовала в ратификации некоторых договоров и в раскладе форося, она же рассматривала жалобы союзников.

О том, что гелиэя играла теперь важную роль в политике свидетельствует то внимание, которое стали уделять народным судам лидеры демоса: и то поколение афинских политиков, которые в источниках именуются «простаты демоса» (προστάται τοῦ δήμου), самым ярким представителем которых был Перикл, и пришедшие им на смену демагоги, начиная с одиозного Клеона (Thuc., IV, 21, 3; Aristoph. Equit., 191–193, 214–219; Aristot. Ath. pol. 28, 3).<sup>1</sup> О пристрастии к тяжбам Гипербола говорится в «Ахарнянах» (843–847) и «Облаках» (874–876) Аристофана. «Всадники» Аристофана полны заявлениями и угрозами Клеона подать в суд и намеками на то, что из-за этих запугиваний стратеги и другие должностные лица афинского государства находятся под контролем демагога (165–167, 258–265, 300–305, 441–444); а в знаменитой сцене собачьего процесса из «Ос» (836–1008) пародируется судебное преследование стратега Лакхета, осуществляемое по инициативе Клеона. Клеон и другие демагоги – главные покровители дикастов, – это стало почти *locus communis* древней комедии, особенно аристофановских «Ос» (240–245; 590–601; также – Equit., 255–257). Но об этом, как и о том, какие сведения о гелиэе мы можем извлечь из аристофановской комедии, мы поговорим подробно в следующей главе.

---

<sup>1</sup> Об этой смене поколений – см. ставшую классической работу Коннора: Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971. Конечно, разделение на «простатов» и «демагогов» во многом условно, и последние в источниках могли именоваться «простатами» (см.: Reverdin O. Remarques sur la vie politique d'Athènes au V-e siècle // МН. Vol. 2. 1945. P. 204), но различие между политиками двух поколений (в происхождении, манере поведения, методах политической борьбы, отношении к занятию должностей и проч.), прослеживаемое в источниках, большинством современных исследователей все же признается.

## Приложение

Судопроизводство за пределами народного суда<sup>1</sup>

До Солоновой реформы в ведении должностных лиц, прежде всего архонтов, очевидным образом находились все судебные дела (Aristot. Ath. pol., 3, 5). Их власть была ограничена с появлением гелиэи, ставшей апелляционным судом. Через какое-то время архонты перестали выносить приговоры, когда именно это произошло – точно неизвестно, но к середине V в. до н.э. они уже лишились своих полномочий, не в последнюю очередь из-за разделения гелиэи на дикастерии. В их ведении оставалось только предварительное слушание (ἀνάκρισις) – принятие жалобы, приготовления к слушанию дела в дикастериях, где они председательствовали. Архонт-эпоним вел семейные дела, включая дела по наследствам; басилевс – дела, касающиеся религии, и убийства (непредумышленное убийство, убийство негражданина, поджог), полемарх – частные иски (δίκαι) метеков или проксенов. Фесмофеты готовили для дикастов все прочие дела и председательствовали в дикастериях, а также ведали докимасией. Председательствующий в суде архонт не имел права вмешиваться в ход процесса и каким-либо образом влиять на решение судей.

Должностные лица сохранили право накладывать небольшой штраф на тех, кто мешал осуществлению их административных или судебных функций (Lys., IX, 6–9): так, в IV в. проэдры Совета могли оштрафовать на сумму до 50 драхм тех, кто скверно ведет себя на заседании Совета или экклесии (Aeschin., I, 35). Если виновный заслуживал большего штрафа или оштрафованный платить отказывался, дело передавалось в суд (IG I<sup>2</sup>, 84, 26–30; Dem., XLIII, 75; Aeschin., I, 35).<sup>2</sup>

По некоторым делам магистраты по-прежнему имели полную судебную власть. Так, Одиннадцать могли карать без суда пойманных на месте и сознавшихся воров, ночных грабителей, святотатцев, похитителей людей для продажи в рабство, разбойников (κακοῦργοι – Aristot. Ath. pol., 52, 1).<sup>3</sup> Судопроизводство они осуществляли в суде, называемом Παράβυστος (Pollux, VIII, 121).

<sup>1</sup> Сюжеты «Приложения» изложены бегло и кратко, хотя любой из них сам может быть объектом для специального исследования. Мы посчитали необходимым дать представление об афинской системе судопроизводства в целом, обозначив её некоторые особенности.

<sup>2</sup> Подробнее – см.: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 53–54; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 279–280; *MacDowell D.M.* The Law... P. 236–239.

<sup>3</sup> См.: *Hansen M.H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes // OUCS. Vol. 6. 1976. P. 18, 114.

Ареопаг выносил приговоры по делам по преднамеренному убийстве (φόνος ἐκούσιος) и нанесению телесных повреждений, а также по делам об отравлении и поджоге (Aristot. Ath. pol., 57, 3; Dem. XXIII, 22<sup>1</sup>). Судебные полномочия этого древнего совета, по сути, были частью его религиозных полномочий:<sup>2</sup> ведь убийство навлекало скверну на всю общину. По преданию, которым воспользовался Эсхил в своих «Эвменидах», суд Ареопага был установлен Афиной для разбора дела матери-убийцы Ореста; обвинительницами выступали на том процессе Эринии, а защищал подсудимого Аполлон. В мифологической традиции представлена и иная версия: этот суд был основан, когда Посейдон обвинил Ареса в убийстве своего сына Галлирофия (Eurip. El., 1258–1263; Iph. T., 945–946).

Заседания происходили на холме Ареса, под открытым небом (чтобы не оскверниться, находясь под одной крышей с убийцей) и были обставлены целым рядом архаических обрядов и ритуалов (Ant., V, 10–11; Aristot. Ath. pol., 57, 4). Иногда заседали даже ночью (Luc. De domo, 18). Обвинитель и обвиняемый приносили особо торжественную присягу, произнося каждый по две речи, они стояли: первый — на «камне непреклонности» (или «непрощения») (λίθος ἀναιδέας), второй — на «камне обиды» (λίθος ὕβρεως) (Dem., XXIII, 67–68; Paus., I, 28, 5). После первой речи обвиняемый мог избежать осуждения, удалившись в добровольное изгнание (Dem. XXIII, 69). Выступающие должны были говорить только относящееся к делу, избегая риторических прикрас и слезных просьб (Lys., III, 46; Aristot. Rhet., 1354a23; Pollux, VIII, 117), — этим выступления сторон в Ареопаге кардинальным образом отличались от аналогичных презентаций в дикастериях.

Считалось, что вынося приговор, ареопагиты руководствовались главным образом своим внутренним чутьем, а не речами или свидетельскими показаниями,<sup>3</sup> может быть, поэтому этот суд имел репутацию «высокочтимого и справедливого» (ἐν τῷ σεμνιότατῳ καὶ δίκαιότατῳ δικάστηρίῳ

<sup>1</sup> Демосфен цитирует закон об убийстве: «Совету Ареопага надлежит рассматривать дела об умышленном убийстве, умышленном нанесении увечий, поджоге и отравлениях, если кто-либо погубит человека, дав ему яд» (пер. В.Г. Боруховича). Подробнее: Sealey R. The Athenian Courts for Homicide // CPh. Vol. 78. 1983. P. 288–289. Сили полагает, что древнейшим судом по убийствам был суд эфетов, позднее «поделившийся» с Ареопагом частью своих функций.

<sup>2</sup> См.: Коршунков В.А. Религиозные, судебные и политические полномочия афинского Ареопага // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Межвуз. сб-к научных трудов. Н. Новгород, 1991. С. 39.

<sup>3</sup> Латышев В.В. Очерк... Ч. I. С. 239.

— Lys., VI, 14). Если голоса судей делились поровну, обвиняемый оправдывался, так как за него подавала голос Афина (ψήφος Ἀθηνᾶς — память о процессе Ореста — Aesch. Eum., 735). Ареопаг во второй половине V–IV вв., как и прежде, пекся о священных оливковых деревьях и имел юрисдикцию в делах, их касающихся (Aristot. Ath. pol., 60, 2). В исключительных случаях (в момент кризиса или олигархической реакции) его полномочия могли быть расширены, как это было в 338 г. после битвы при Херонее, когда Ареопаг судил и приговорил к смерти как предателей (ὡς προδοῦντες τῆς πατρίδος) нескольких человек, бежавших из города (Aeschin., III, 252; Лys. I, 52). Соответствующий декрет о том, чтобы Ареопаг судил нарушителей закона, внес тогда Демосфен (Dip., I, 62).

Четыре судебные палаты принадлежали эфетам.<sup>1</sup> Их было 51 и они выбирались по жребию — предположительно из ареопагитов.<sup>2</sup> В суде при храме Паллады (ἐπὶ Παλλάδιῳ) разбирались дела по непредумышленным убийствам (φόνος ἀκούσιος), подстрекательствам к убийству или увечью и убийствам метека или раба. В суде при храме Аполлона Дельфиния (ἐπὶ Δελφινίῳ) рассматривались обвинения в так называемом дозволенном убийстве (φόνος δικάϊος) (например, вора или прелюбодея, застигнутых на месте, при самозащите, нечаянное и т. п.). Во Фреатто (ἐν Φρεαττοῖ) судили изгнанников, осужденных раньше за непредумышленное убийство и совершивших новое убийство. Судьи сидели на берегу моря, а обвиняемый говорил речь в свою защиту, стоя в лодке. Если его оправдывали, он продолжал отбывать изгнание, если признавали виновным, казнили. Возле Пританея (ἐν πρυτανείῳ) суд происходил, когда преступник был неизвестен, или смерть причинил какой-либо неодушевленный предмет (камень, дерево) или животное. Виновные предметы удалялись с территории Аттики, а животные предавались казни. (О суде эфетов — Aristot. Athen. pol., 57, 2–4; Dem. XXIII, 37, 71–78; Pollux, VIII, 118–120; Paus. I, 28). Все эти суды, строго говоря, не относились к гелиэе, или народному суду.

<sup>1</sup> Об эфетах и судах по убийствам: Sealey R. The Athenian Courts... P. 275–296.

<sup>2</sup> См.: MacDowell D. Athenian Homicide Law. Manchester, 1963. P. 52–58; Harrison A.R.W. The Law of Athens. V. II. P. 37–42. Раньше предполагалось, что ареопагиты в конце V в. до н.э. (Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 40) или даже раньше, при Перикле (Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. 1. P. 270–275), были заменены на дикастов. Ссылались на речь Исократа против Каллимаха (XVIII, 52, 54), но, как показал МакДауэлл, предложенное толкование о коллегии дикастов, заседающей в Палладии, не бесспорно.



Множество мелких дел также находилось в ведении должностных лиц. В V в. до н.э. тридцать судей по демам (δικαστὰι κατὰ δῆμους), выбираемых, вероятно, по одному от каждой триттии, разбирали частные иски по всей Аттики. Судей по демам, как известно, придумал Писистрат (Aristot. Ath. pol., 16, 5), а как коллегия тридцати этот институт вновь был учрежден в 453/2 г (Ibid., 26, 3). Вскоре после падения Тридцати тиранов количество судей по демам возросло до 40 (по четыре от филы), и их обычно так и называли — «Сорок» (οἱ τετταράκοντα — Ibid., 53, 1–3).<sup>1</sup> Большинство δίκαι попадало к ним, за исключением некоторых специальных категорий, которые рассматривали архонты. Если заявленная претензия не превышала сумму в 10 драхм, судьи по демам выносили решение сами; если сумма была большей — дело переходило к третейскому судье (δαιτητής).

Институт третейских судей, или посредников, был введен в 399 г. до н.э.,<sup>2</sup> как обстояло дело ранее — передавалось ли в этом случае дело в народный суд, неизвестно<sup>3</sup>. Каждый гражданин на 60-м году жизни мог быть призван к исполнению обязанностей посредника, если он не занимал другую должность. Диэтет был одновременно и арбитром, пытавшимся решить дело миром и согласием, и судьей первой инстанции, выносящим приговор, если стороны не шли на компромисс (διαλλακτήс и δικαστής).<sup>4</sup> Процедура арбитража имела ряд преимуществ для тяжущихся: она была быстрой — судья-арбитр одновременно расследовал дело и выносил приговор; она была дешевой — каждая из сторон платила небольшой взнос (драхму) и такую же сумму в качестве залога (Нагр., s.v. παράστασις; Pollux, VIII, 39, 127). Решение, выносимое диэтетом, считалось окончательным, если обе стороны были со-

<sup>1</sup> Создание коллегии Сорока обычно относят к 401 г. до н.э. — см.: Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 348. Вероятно, число тридцать было скомпрометировано правлением тиранов, поэтому после воссоздания этого института численность была увеличена до 40 (это предположение высказывали многие, например: Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change // AD. P. 305).

<sup>2</sup> Соответствующий закон, который упоминается в одном из фрагментов Лисия (fr. XXXVII, Gernet/Bizos), был принят в 400/399 г. до н.э., а первые посредники приступили к своим обязанностям в 399/98 г. См.: Gernet L. Droit et société... P. 105–106.

<sup>3</sup> См.: MacDowell D. M. The Law... P. 203–206; Stockton D.L. The Classical Athenian Democracy. P. 98. Родс считает, что ранее иски на сумму более 10 драхм рассматривались в народном суде (Rhodes P.J. Athenian Democracy after 403 B.C. P. 316.).

<sup>4</sup> Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. II. P. 237; Gernet L. L'institution des arbitres publics a Athènes // Droit et société dans la Grèce ancienne. P. 103–119.

гласны. Если нет — можно было апеллировать к гелиэе (ἐφεῖναι εἰς τὸ δικάστηριον — Dem., XL, 31). В этом случае четыре судьи по демам (т. е. из Сорока) из филы ответчика выносили дело на рассмотрение дикастов: 201 судья (из общего количества в 6000) рассматривали жалобы до 1000 драм, 401 — на большие суммы. Заявления истца и ответчика, собранные ими доказательства прибывали от третейского судьи в гелиэю в запечатанных глиняных урнах (ἐχίνοι), отдельно для документов обвинителя, отдельно — подзащитного, и никакие дополнительные материалы не допускались при рассмотрении иска дикастами (Aristot. Ath. pol., 53, 2–3; об ἐχίνοι — см. также: Dem., XXIX, 17; XLV, 17, 57–58, XLVII, 16, XLIX, 65).

Определенные судебные функции выполнял Совет. Аристотель в «Афинской политике» довольно туманно говорит о том, что «прежде Совет имел право наказывать денежным штрафом, заключать в тюрьму и казнить» (ἡ δὲ βουλὴ πρότερον μὲν ἦν κυρία καὶ χρήμασιν ζημιῶσαι καὶ δῆσαι καὶ ἀποκτεῖναι), а затем (когда, опять же непонятно — Т. К.) народ отнял у него эти права (ὁ δὲ δῆμος ἀφείλετο) (Ath. pol., 45, 1). Разные исследователи по-разному определяли, когда же имело место это аристотелевское «прежде» (πρότερον). У. Виламовиц полагал, что эти полномочия принадлежали Совету в период между 386 и 352 гг.<sup>1</sup>; П. Клоше считал, что они были утрачены около 501 г. до н.э., когда была введена клятва булевтов, обретены вновь после падения Тридцати тиранов и окончательно потеряны в промежуток до 387 г. (т. е. до Анталкидова мира);<sup>2</sup> М. Хансен предложил датировать последнее событие 403/2 г.<sup>3</sup> Р. Боннер и Г. Смит полностью соглашаются с Клоше, но допускают, что лишенный вышеперечисленных полномочий Совет в каких-то случаях пытался действовать *ultra vires*, переступая через конституционные ограничения, наложенные на его власть (как в случае с предложением осудить на смерть хлебных торговцев — Lys., XXIV, 2).<sup>4</sup> Кардинальное решение проблемы предложил П. Родс: британский историк полагает, что Аристотель ошибся, и Совет вообще никогда не имел подобной власти; иллюстрирующая же этот пункт в «Афинской политике» история об осуждении на смерть Лисимаха и его последующем оправдании — выдумка.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Wilamowitz-Mollendorff U. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 195–197.

<sup>2</sup> Cloché P. Le conseil athénien des Cinq Cents et la peine de mort. P. 1–50; также: Glotz G. The Greek City and its Institutions. P. 199.

<sup>3</sup> Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 255.

<sup>4</sup> Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 336–345.

<sup>5</sup> Rhodes P.J. A Commentary... P. 538; подробнее — The Athenian Boule. P. 179–207.

Определенно можно утверждать, что роль Совета в судопроизводстве заключалась в следующем:<sup>1</sup> 1) он имел полную власть накладывать штраф до определенного предела (500 драхм), а если наказание предполагалось большим, дело передавалось на суд дикастов; один или несколько булевтов выступали в роли обвинителя (*Lys.*, XXII, 3; *Dem.*, XLVII, 43; *IG I<sup>3</sup>*, 105, 32);<sup>2</sup> 2) в Совет вносились исангелия против членов Совета или должностных лиц;<sup>3</sup> он выносил предварительное заключение и мог вынести также окончательный вердикт по исангелии, если наказание ограничивалось штрафом до 500 драхм<sup>4</sup>; 3) по решению Совета мог быть заключен в тюрьму обвиненный в государственном преступлении по исангелии (*Dem.*, XXIV, 63, 144–146), также — некоторые категории государственных должников (*And.*, I, 92–93; *Dem.*, XXIV, 98, 144–146); 4) в Совете происходила докимасия будущих булевтов и архонтов (точнее ее первая стадия, вторая — в гелиэе); 5) в каких-то особых случаях Совету (возможно, специальным постановлением народного собрания)<sup>5</sup> поручалось рассматривать определенные дела (например, в связи со сбором дани с союзников — *IG I<sup>3</sup>*, 34, 31–43; 69, 38–40, 48–50; относительно морского снаряжения — *IG II<sup>2</sup>*, 1631, 398–401).

---

<sup>1</sup> Об этих и проч. функциях Совета 500 подробнее всего изложено в монографии П. Родса: *The Athenian Boule. Ch. IV. Jurisdiction. Appendix: The Punitive Powers of the Boule.* P. 145–207.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 147.

<sup>3</sup> Родс полагал, что *все* исангелии вносились сначала в Совет (т.е. он был первой инстанцией для данной процедуры); с ним согласен: *Ostwald M. From Popular Sovereignty.* P. 53–54.

<sup>4</sup> См.: *Hansen M.H. Eisangelia.* P. 21–28.

<sup>5</sup> См.: *Sealey R. Ephialtes, Eisangelia, and the Council.* P. 321–323.



## Глава II. Народный суд и судьи по комедии Аристофана

### § 1. «Осы» — постановка, герои, содержание

Все комедии Аристофана — прекрасный источник о быте, нравах, политической борьбе, интеллектуальных спорах в Афинском государстве конца V в. до н.э. Помимо этого, в них без труда прослеживается и собственная главная тема, исходящая из наболевших вопросов политической и общественной жизни Афин: проблемы войны и мира в «Ахарнянах» и «Мире»; софисты, Сократ и новомодное воспитание в «Облаках»; демос и безответственные демагоги во «Всадниках» и т.д. Представление этих сюжетов в комической форме гарантированно вызывало в аудитории и смех, и интерес, и сочувствие. В «Осах», одной из самых смешных комедий Аристофана, главной темой является афинский народный суд — гелиэя.

Конечно, о суде есть много упоминаний и в других комедиях древнегреческого автора. Когда Стрепсиаду в «Облаках» ученик показывает на карте Афины, тот заявляет: *«Пустяки, не верю я: присяжных здесь не видно заседателей»*<sup>1</sup> (οὐ πείθομαι, ἐπεὶ δικάστας οὐχ ὁρῶ καθήμενους – 207–208). В «Птицах» два афинянина покидают город и ищут тихого пристанища подальше от суеты, чтоб основать новый город, ибо: *«Ведь только месяц или два кузнечики гудят в садах, но целый год афиняне галдят в судах, всю жизнь не зная устали»* (Ἀθηναῖοι δ' αἰεὶ ἐπὶ τῶν δικῶν ᾄδουσι πάντα τὸν βίον)» (39–41). Когда они встречают Удода и тот узнает, что путники из Афин, он восклицает: *«Неужели гелиасты!»* (μῶν ἡλιαστά; – 109), а узнав, что нет, удивленно спрашивает: *«Разве сеется у вас такое семя?»* (σπεύρεται γὰρ τοῦτ' ἐκεῖ τὸ σπέρμ;). И получает в ответ: в селах, поискав, немного найдешь (ὀλίγον ζιτῶν ἂν ἐξ ἀγροῦ λαβοῖς – 111–112). В «Мире» Гермес заявляет, что афиняне ничего другого делать не умеют, а только судить-

<sup>1</sup> Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, перевод А. Пиотровского. Стихотворный перевод Пиотровского (или Корнилова) мы даем либо специальным стилем «стихи», либо курсивом; в прочих случаях – наш прозаический перевод.

рядить (οὐδὲν γὰρ ἄλλο δρᾶτε πλὴν δικάζετε — 505). А вот, так сказать «мечта народа», предстающая в посулах Клеона из «Всадников». Демагог утверждает, что Демосу суждено в прорицаньях: *«Стать в Аркадии дивной присяжным судьей, пять грошей всякий день получаю...»* (797–8). Его соперник Колбасник, дабы переплюнуть Клеона, обещает еще больше: *«Будешь судить в Экбатанах, кормиться коврижкой и медом»* (1089). В тех же «Всадниках» Колбасник выражает желание закрыть суды, которым «город радуется» (τὰ δικάσθηρια συυκλείειν, οἷς ἡ πόλις ἦδε γέυθηεν — 1317). В схолиях к «οἷς ἡ πόλις» читаем знаменитое: Οἱ φιλόδοκοι ἦσαν Ἀθηναῖοι («потому что афиняне были любителями тяжб»).

Эти примеры, список которых можно еще долго продолжать, показывают, что Аристофан считал гелиэю важнейшим органом в политической системе Афин, в немалой степени олицетворяющую собой весь афинский демос. Когда Клеон ищет помощи у народа против избивающих его всадников, он обращается к толпе: *«О старейшины, о судьи! Трехгрошевые друзья! (φράτερες τριωβόλου) Я ли правдой и неправдой не растил вас, не кормил?»* (255–256)

И у комедиографа были все основания для такого мнения: к последней трети V в. до н.э. гелиэя не только разбирала судебные дела граждан и союзников, будучи судом последней и высшей инстанции. После реформы Эфиальта, как уже было сказано, народный суд участвовал в докимасии выбранных должностных лиц, утверждал отчеты магистратов, слагающих с себя полномочия по истечении срока пребывания в должности. Суд занимал важное место и в частной жизни граждан: страсть к сутяжничеству афинян вошла чуть ли не в поговорку (Ps.-Хеп., III, 2; Thuc., I, 77, 2; Хеп. Мет., III, 5, 16 etc.), и гелиэя превратилась в одно из главных народных развлечений. Надо также учесть, что гелиэя была самым массовым народным органом (ежегодно в нее выбиралось 6 тыс. судей), и многие афиняне при желании исполняли обязанности судьи. Особенно это касалось представителей последнего имущественного класса — фетов, которые были способны прельститься судейским заработком в три обола в день, чем легко могли пренебречь граждане более состоятельные и знатные.

Нам известно, что постановка «Ос» имела место на празднике Ленея в 422 г. до н.э. Аристофан к этому времени был уже известным комедиографом: 6 или 7 его пьес были поставлены и, по крайней мере, три из них завоевали первую награду. Среди наиболее успешных были «Ахарняне» (425 г.) и «Всадники» (424 г.). Обе касались политических вопросов и содержали сатирическую атаку на «поджигателей» Пелопоннесской войны, особенно на ненавистного Аристофану демагога Кле-

она. В 423 г. «Облака» с более интеллектуальным сюжетом потерпели относительную неудачу, заняв третье место в театральном агоне, и возможно, поэт, решил вернуться к политической теме, чтобы восстановить былую популярность<sup>1</sup>.

Некоторые детали агона, в котором участвовали «Осы», дает гипотеза (ὑποθέσις) — предисловие к пьесе, написанное каким-то эллинистическим филологом. В подобных вступлениях обычно излагалось краткое содержание и давались сведения о постановке. Но, к сожалению, текст гипотезы к «Осам» испорчен, обрывается и содержит по меньшей мере одну ошибку и поэтому не может рассматриваться как достоверный источник. По общему мнению, ошибочным является утверждение о том, что эта пьеса Аристофана была поставлена Филонидом. О Филониде известно, что он был автором нескольких комедий и что иногда он действительно ставил пьесы для Аристофана, в частности им были поставлены «Амфиарай» и «Лягушки».<sup>2</sup> Но едва ли это относится к «Осам»: строки 1017–1022 парабасы, в которых автор обращается к зрителям, подразумевают, что им прекрасно известно, кто написал пьесу; если бы комедия ставилась под чужим именем, такое публичное объявление было бы неуместным. На этих же Ленеях Филонид поставил от своего имени пьесу «Репетиция» (Προαίω), и по уверениям гипотезы, эта комедия выиграла первую награду, «Осам» было присуждено второе место, а сочинение некоего Левкона «Послы» (Πρέσβεῖς) было третьим. Известно, что у Аристофана была пьеса с названием «Репетиция»; от нее дошло несколько фрагментов<sup>3</sup>. Возможно, именно эту пьесу и поставил Филонид на Ленеях 422 г., тогда Аристофан на этих состязаниях одержал сразу две победы — одну под собственным именем, другую — под чужим<sup>4</sup>, но с точностью утверждать или доказать ничего нельзя: Филонид мог сочинить собственную комедию под таким же названием или поставить для какого-то третьего неизвестного нам автора. Некоторые ученые поправляют гипотезу с расстановкой наград, как источник путанный, местами порченный и потому ненадежный, и ставят на первое место «Осы»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Это предположение высказывает английский исследователь Дуглас Мак-Дауэлл, автор подробнейшего комментария к изданию аристофановской пьесы. См.: MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. Oxford, 1976. P. 1.

<sup>2</sup> Ibid. P. 124.

<sup>3</sup> Fr. 478–483 по изданию: Poetae Comici Graeci / Ed. R. Kassel et C. Austin. V. III, 2. Aristophanes. Testimonia et Fragmenta. B.; N.-Y., 1984.

<sup>4</sup> См.: Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957. С. 164.

<sup>5</sup> См., например: Leeuwen J. van. Prolegomena / Aristophanis Vespae. Cum proleg. et comm. J. van Leeuwen. Lugduni, 1893. P. XXXVI; Murray G. Aristophanes. A Study. Oxford, 1933. P. 72; Соболевский С.И. Указ. соч. С. 164.

Главными действующими лицами комедии являются старик Филоклеон (его имя означает «Клеонолюб», в переводе Пиотровского — Клеонослав), его сын Бделиклеон (буквально «Тот, кого тошнит от Клеона», варианты в русских переводах — Мстиклеон<sup>1</sup>, Клеонагрыз<sup>2</sup>) и, конечно, хор ос, т.е. судей. В соответствии с греческой практикой Филоклеон передал управление семейной собственностью сыну, который теперь несет ответственность за содержание отца. Ответственность эта лежит на нем тяжким бременем, ибо Филоклеон страдает от особого рода помешательства: у него всепожирающая страсть к сутяжничеству — днем и ночью он рвется исполнять обязанности судьи:

В суды влюблен он до смерти, находит мир,  
Лишь сидя на скамейке заседателей,  
Не спит он вовсе, ночью не смыкает глаз,  
А если и задремлет, и во сне летит  
К судам, к часам, к решетке<sup>3</sup> беспокойный дух. (89–93)

Иную ночь он вообще проводит в суде: *«Эй, туфли мне!» — кричит он, встав от ужина; и в суд бежит, и там уж досыпает ночь, к столбу, к углу улиткою притиснувшись»* (103–105).

Сын, опечаленный болезнью отца, сначала пытался уговорить его по-доброму «судейский плащ не надевать и из дому не выходить» (117) — бесполезно. Тогда он начал лечить Филоклеона: послал на праздник корибантов (пляски с тимпанами жрецов фригийской богини Кибелы считались хорошим средством избавления от порчи), но тот, как был, с тимпаном, убежал снова в суд (119–120); возил на о-в Эгину ночевать в святилище Асклепия — *«и что ж, наутро снова у решетки тот!»* (122–124). Отчаявшись, Бделиклеон запирает своего отца в доме, а тот все норовит вырваться из плена — *«то в трубу скользнет, то в сточную канаву»*, то вскарабкается по стене, которую сын с рабами опутал сетями (126–132), то пытается пролезть через дымоход, а когда сын замечает сей маневр, говорит, что он — дым (καπνός), летящий к облакам (143–145). На вопрос Бделиклеона: «Какого же дерева?» (ξύλου τίνος

---

В последнем полном русском издании Аристофана, для которого были переведены В.Н. Ярхо гипотезы, принята эта же конъектура и утверждается, что «Осы» завоевали первую награду и были представлены публике под именем Филонида. См: Аристофан. Комедии. Фрагменты / Издание подгот. В.Н. Ярхо. М., 2000. С. 905.

<sup>1</sup> Так в переводе Адриана Пиотровского.

<sup>2</sup> Гусейнов Г. Аристофан. М., 1988. С. 130.

<sup>3</sup> Имеется в виде решетка у здания суда. См. ниже.

σύ), — Филоклеон отвечает: «Смоковницы». Его сын называет этот дым «самым едким из дымов» (δριύτατος καπνῶν). Греч. σῳκίος — «смоковничий» — однокоренное со словом σῳκοφάντης — «сикофант» (доносчик). Плоды смоковницы — деревья Деметры — были запрещены к вывозу из Аттики<sup>1</sup>, поэтому «смоковничать» (σῳκοφαντέω), т.е. сообщать о нарушении запрета, стало означать «ябедничать», «шантажировать»<sup>2</sup>. Такие судьи, как Филоклеон, которым милы были обвинительные приговоры, в общественном мнении были неразлучны с сикофантами, подобно горящему дереву и дыму — такой смысл имел этот обмен репликами<sup>3</sup>.

Филоклеон заявляет, что хочет продать на рынке осла. Сын соглашается исполнить просьбу, а когда осла выводят со двора, у него из-под брюха извлекают спрятавшегося à la Одиссей старика (169–189). Также безуспешно окончилась попытка выломать дверь, которую подпирают сын с двумя рабами (198–202). Ко всему прочему еще ночью, не дождавшись рассвета, являются приятели Филоклеона — такие же старики-судьи, одолеваемые такой же страстью к сутяжничеству. Это хор, одетый осами, с посохами-жалами. «Осы» побуждают Филоклеона присоединиться к ним: Клеон, покровитель гелиастов, велел прийти им пораньше на суд над проворовавшимся стратегом Лакетом. В конце концов их товарищ прогрызает сеть, накинутую на стену, пробирается на крышу и спускается по веревке (366–395). Бделиклеон просыпается, тащит отца обратно; происходит перебранка с хором, который называет сына «городоненавистником» (411 — ἀνδρα μισόπολιν) и «врагом народа» (474 — ὁ μισόδης) и обвиняет в том, что он хочет закрыть суды. Перебранка перетекает в потасовку; хозяин с рабами пытается отогнать «ос», а старики заявляют, что в город пробралась тирания (465).

<sup>1</sup> Об этом запрете сообщает аттидограф Истр (III в. до н.э.) (FgrHist., 334 F 12).

<sup>2</sup> Такую этимологию (σῳκον + φαίω) предлагает Плутарх (Sol., 24) и некоторые другие античные авторы (Athen., III, 74d–e; schol. Plat. Rep., 340d; schol. Aristoph. Plut., 873 etc). Другую античную версию: сикофанты — те, кто сообщал о краже фиг со священных деревьев, — находим у Свида (Suidas, s.v). О различных вариантах этимологии данного слова среди ученых начиная с А. Бёка, в том числе весьма неоднозначных (апеллирующих к известному во многих языках выражению «показать фигу»), см.: *Lofberg O. Sycophancy in Athens. Introd. VII*. Также: *Chantraine P. Dictionnaire étymologique...* Т. IV–1. Р. 1069; *Boisacq E. Dictionnaire étymologique...* Р. 924. Надо учитывать, что слово «фига» (σῳκον) имеет широкий спектр всевозможных ассоциаций: агрикультурных, ритуальных, мифических и сексуальных (*Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 49*).

<sup>3</sup> См.: *MacDowell D.M. Aristophanes. Wasps. P. 143*.



Уязвленный Бделиклеон сокрушается: *«Видят боги, лишь за то, что родителя хочу я вот от этой отучить беготни, вставаний ранних, сплетен, клеветы, судов<sup>1</sup>, ... так за это — я мятежник, заговорщик и тиран? (503–507), — и берется доказать старикам свою правоту. Бделиклеон и Филоклеон устраивают меж собой агон; это одна из ключевых сцен пьесы.*

Первым произносит речь Филоклеон; главная мысль, которую он проводит в ней: *«Кто блаженней, скажи, и счастливее кто, кто грозней из живущих на свете, и взлелеяней кто, чем присяжный судья» (550–551).* Все ему угодяют, просители (ответчики) развлекают — кто позабавит рассказом о своих бедствиях, кто сказку скажет, кто басню Эзопа, кто сострит, актер сыграет сцену, флейтист усладит слух музыкой и т.п. (560–582). Демагоги ему льстят: один губкой спешит отереть обувь, а *«сам Клеон-горлопан на одних только нас крокодиловой пасти не щерит, нас лелеет и холит, у сердца хранит и от лысины мух отгоняет» (597–597).* Но приятнее всего, получив плату (три обола) и неся ее за щекой, приходиться домой — вся семья высыпает навстречу, жена и дочь всячески ублажают, ноги моют, маслом натирают, потчуют (605–618). Вывод, к которому приходит в конце своей речи Филоклеон: власть судей такая же, как у Зевса; все ее боятся, в том числе и Бделиклеон (620–630).

Бделиклеон признает весомость аргументов отца. Задача перед ним стоит посему нелегкая, но он с ней успешно справляется. Он показывает, как мнимые благодетели народа — демагоги — обманывают Филоклеона и ему подобных. Реальная власть находится в руках политиков, которые играют судьями, натравливают их на собственных врагов, а сами между делом набивают себе карманы. Он предлагает вычислить сумму доходов Афинского государства, подсчитав и взносы, поступающие от союзников, и таможенные пошлины, и доходы с рынков, рудников, пристаней, аренды, аукционов, и получает в итоге 2000 талантов (655–660). Из этой суммы в год на «зарплату» 6000 судьям уходит 150 талантов. На вопрос обескураженного Филоклеона: *«А куда же, скажи, остальное уходит богатство?»*, — он отвечает, что тем, кто кричит:

.... «Никогда не предам бедняков и матросов афинских.

За беднейший народ буду биться всегда». Вот на них. И, поверив их лести, Сам же ты, мой родитель, на выборах им над собою вручаешь господство.

А они торжествуют, и взятки берут, и крадут у народов союзных...

(667–669)

<sup>1</sup> У Аристофана здесь шутливо-издевательское прилагательное: ὀρθροφωτοσυκοφαντο-δικο-τάλαπύρων τρόπων.

Почему же демагоги держат в черном теле афинский народ? — и на это есть ответ у Бделиклеона (773–775):

Им на пользу, на радость твоя нищета. Почему? Объясню тебе тотчас:  
Чтобы хлыст укротителя ты признавал, чтоб по первому крику и зову:  
“Эй, куси их, куси!”, словно бешеный пес, на врагов господина кидался.

Бделиклеон, конечно, лукавит и примитивизирует финансовую систему Афин: огромные средства шли на войну, на содержание флота, строительные работы и проч.; немало затрат требовало управление таким огромным полисом. Но цель достигнута: хор убежден аргументами Бделиклеона, и даже вроде бы Филоклеон ими тронут, но судебная лихорадка не покидает беднягу, и он рвется теперь судить Клеона за лихоимство. Тогда Бделиклеон, чтобы утолить этот зуд, предлагает отцу устроить домашний суд. Вносятся все необходимые аксессуары: кружки в качестве урны для голосования; горшок, выполняющий роль клепсидры; петух, чтобы будить Филоклеона, когда он уснет, слушая защиту; изображения Лика.<sup>1</sup> Старик требует также раздобыть плетеную ограду на манер той, которой был огражден суд. Вводят и обвиняемого — пса Лабета, укравшего на кухне сицилийский сыр, и начинается одна из самых комичных сцен пьесы — прямая пародия на заседание афинского суда. Суд начинается с молитвы богам и возлияний. Бделиклеон вызывает к Аполлону: *«От сварливости жестокой избавь старика, исцели от дубового нрава, ...чтоб отныне он добрым и ласковым стал и людей полюбил. Чтобы он подсудимых щадил и жалел, не суровых истцов»* (877–881)<sup>2</sup>. Растроганные судьи после этой молитвы объявляют Бделиклеона народолюбцем (889–890).

Председательствующий (Бделиклеон) оглашает текст жалобы, которую приносит другой пес — из дема Кидафин (откуда родом Клеон): *«Эксонский пес Лабет меня обидел тем, что сицилийский сыр он съел один. Карать ремнем смоковничным»*<sup>2</sup> (895–896).

Causa canina представляет из себя не только пародию на афинское судопроизводство, но и сатиру на конфликт между демагогом Клеоном и полководцем Лакхетом (родом, как и пес Лабет, из Эксонейского дема), и проливает свет на некоторые детали тогдашней политической борьбы в Афинах. О Лакхете известно, что он в качестве стратега в 427 г. до н.э. с небольшим отрядом отправился в Сицилию и вел там операции

<sup>1</sup> Суд, где заседал Филоклеон, находился по соседству со святилищем афинского героя Лика (см. ниже).

<sup>2</sup> Здесь и далее в сцене собачьего суда — перевод Н. Корнилова под редакцией В. Ярхо.

против Сиракуз и других городов без заметного успеха, но и без очевидного поражения. Весной 425 г. он был отозван в Афины (Thuc., III, 86–115). В 423 г. Лахет предложил заключить со спартамцами перемирие на год, а в 421 г. был главным сторонником Никия при заключении известного мира (Thuc., IV, 118; V, 43). В 418 г., будучи стратегом, он погиб в сражении при Мантинее (Thuc., V, 61; 74). «Осы» указывают на несомненную вражду, существовавшую между Клеоном и Лахетом. Вероятно, Клеон хотел привлечь стратега к суду по обвинению в растрате или присвоении денег, собранных на проведение операции в Сицилии («украден сицилийский сыр» — 896).<sup>1</sup> Произошло ли судебное разбирательство по этому поводу, или нет — точно неизвестно. По мнению МакДауэлла, будущее время: «давайте поспешим, мужи, чтобы стать [судьей] Лахету нынче» (ἀλλ' ἔγκοιμ' ἐν, ὃ ἄνδρες, ὥς ἔσται Λάχητι νῦν — 240), — указывает на то, что полководец еще не был обвинен, когда ставились «Осы», и нет никаких свидетельств того, что процесс состоялся после. Возможно, сатирическая сцена собачьего суда в пьесе Аристофана побудила Клеона не выдвигать «взаправду» обвинение против Лахета.<sup>2</sup> Некоторые исследователи полагают, что процесс таки имел место, ссылаясь на указание схолий к 240 стиху «Ос» о том, что Лахет был отозван из Сицилии для суда.<sup>3</sup> Тогда, вероятнее всего, Клеон обвинил его после сдачи стратегом отчета (εἰθύνα) в 425 г.; Лахет был оправдан, предположительно, на основании свидетельских показаний и из-за сочувствия к его заслугам. Р. Баумэн (вслед за Л. Постом) считает, что вызов в качестве свидетеля сыротерки и ее «показания» в пользу ответчика, озвученные Бделиклеоном (938, 963–965), отражают реальное свидетельство, данное сицилийским городом Катанией в пользу Лахета.<sup>4</sup> М. Ландфестер также придерживается мнения, что суд состоялся, но стратег был осужден.<sup>5</sup> Вопрос о предполагаемом процессе Лахета следует признать открытым (тем более, Фукидид ничего о нем не сообщает), но сам факт вражды между влиятельным демаго-

<sup>1</sup> *Leeuwen J van*. Prolegomena / *Aristophanis Vespae*. P. XXXV; *Cloché P*. Les procès des stratèges athéniens. P. 103.

<sup>2</sup> *MacDowell D.M.* / *Aristophanes*. Wasps. P. 249.

<sup>3</sup> См.: *Busolt G*. Griechische Geschichte. Bd. II. S. 1083; *Wilamowitz-Mollendorff U. von*. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 245; *Bauman R*. Political Trials... P. 57.

<sup>4</sup> См.: *Post L.A*. Catana the Cheese-Grater in Aristophanes' Wasps // *AJPh*. Vol. 53. № 3. 1932. P. 265–266; *Bauman R*. Op. cit. P. 57.

<sup>5</sup> *Landfester M*. Beobachtungen zu den *Wespen* des Aristophanes // *Mnemosyne*. Vol. 29. 1976. S. 26–32.

гом и стратегом,<sup>1</sup> возможно, вылившейся в некие судебные преследования, не подлежит сомнению.

В сцене собачьего суда<sup>2</sup> Аристофан блестяще (прежде всего через поведение и реплики Филоклеона) показывает два главных порока афинских судов — предвзятость и безответственность. Еще до того, как стороны появились, старик решает, что обвиняемый будет осужден (893); он «прочитывает» вину Лабета по его физиономии («*смотрит воровски*» — ὥς δὲ καὶ κλέπτον βλέπει — 900); он верит во все, что сказано против ответчика и не верит в то, что говорится «за». Подвергаются критике и мотивы обвинителей к подаче жалоб: речь Кидафинского пса показывает, что он движим не патриотизмом, а эгоистической досадой на то, что Лабетка «*стел один*» (μόνος κατήσθην — 896). Бделиклеон вызывает далее свидетелей: «*бадейка, пестик, ступка, сыротерочка, и вся другая утварь приглашенная*» (938–939), — толку от которых, естественно, мало.<sup>3</sup> Но лучшее в этой сатире — речь в защиту обвиняемого, которую произносит Бделиклеон, ибо сам Лабет говорить в свою защиту не может (или не хочет). В ней осмеиваются все трюки, которыми пользовались ответчики или защитники в своих речах: упоминание о прошлых заслугах перед государством («*он славный, добрый пес, волков гоняет прочь ... огромным стадом он умеет управлять ... грызется за тебя, у двери сторожит*» — 952–959); совершенно не связанное с делом извинение («*кифарой не владеет он*» — 959)<sup>4</sup>; встречная атака на обвинителя («*отбросы разные Лабетка должен жрать — А этот [указывая на Кидафинца] годен лишь жилище сторожить, лежать в дверях, следить, что в дом к тебе несут, и долю требовать, — а не дадут — кусать*» — 970–972); наконец, попытки разжалобить судей («*о, сжался, милый мой, над горемычным псом*» — 967), кульминация которых — появление рыдающих детей (щенят)<sup>5</sup>:

<sup>1</sup> Причиной этой вражды могла быть и склонность Лакхета к миру со Спартой. См.: Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 213, note 59.

<sup>2</sup> Интересно, что у Аристофана участники тяжбы зовутся то собаками, то людьми — «мужами» (ἀνδρες — 918, 923, 933, 1000).

<sup>3</sup> Л. Пост (Post L.A. Catana the Cheese-Grater... P. 265–266) обратил внимание на то, что название сицилийского города Катана на местном диалекте означает «сыротерка» (Plut. Dion, 58, 2); из этого не обязательно следует, что и прочие кухонные предметы символизируют сицилийские города. Вероятно, Лакхет и вправду потратил деньги на содержание войска в Катане, которая могла быть и тогда афинской базой, как позднее в 415–413 гг., поэтому «сыротерка» появляется в качестве свидетеля защиты.

<sup>4</sup> Мюррей считает, что здесь может содержаться намек на недостаточную культурность (образованность) Лакхета. См.: Murray G. Aristophanes. A Study. P. 77.

<sup>5</sup> См.: MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. P. 249.

О, пожалей же пса, молю тебя, отец!  
 Не погуби его! Собачьи дети где?  
*[приносят щенят]*  
 Несчастные, войдите. Умоляйте,  
 Просите, плачьте, визгом одолейте. (975–978)  
*[поднимается визг]*

Любопытно, что защитник не сомневается в вине ответчика, «усицилившего»<sup>1</sup> сыр, как видимо, и сам Аристофан в вине «настоящего» Лахета (958, ср. 836–838). Современный адвокат едва ли отважился бы дать понять, что он считает своего подзащитного виновным (если, конечно, тот не «взят с поличным»); современные присяжные вынуждены были бы признать обвиняемого виновным, если бы сочли доказанным сам факт воровства. Но, судя по нашему источнику, в Афинах, если судья полагал, что человек совершил преступление, но по каким-то причинам заслуживает снисхождения, «правильное поведение» в таком случае — оправдать ответчика.<sup>2</sup> Поэтому Бделиклеон, перечисляя достоинства обвиняемого и призывая суд к милости, замечает: *«А украл немножечко, так ты прости!»* (ἐὶ δ'ὕφεῖλετο, σύγγνωθι — 958–959).

Филоклеон, на которого произвела впечатление защита, проявляет некоторые признаки сострадания — слезы наворачиваются на глаза, но все же он намерен осудить несчастного пса. Тогда Бделиклеон обманым путем (закружив отца) показывает ему не на ту урну, и вместо того, чтобы опустить камешек в урну для обвинения, Филоклеон опускает его в урну для оправдания. Узнав, что он оправдал подсудимого, старик падает в обморок, а очнувшись заявляет, что ему теперь незачем больше жить. Бделиклеон, утешая, рисует ему заманчивые перспективы будущей жизни: *«Ты у меня, отец, отлично будешь жить: везде водить тебя я буду на пиры, на зрелища с собой, остаток жизни ты приятно проведешь»* (1003–1005). Филоклеон уныло соглашается.

Далее следует парабаса — прямое обращение хора к зрителям. Вторая часть парабасы в предыдущих пьесах Аристофана («Ахарняне», «Всадники», «Облака») содержала описание хора, то же самое мы видим и в «Осах». Комедиограф подробно объясняет здесь, почему хор его комедии состоит из ос: как судьи толпятся в судах, так роятся осы (1107); судьи ведут себя как осы, потому что *«ни одно создание в мире в раздражении своем не ведет себя так злобно, ни так яростно, как мы. Все осиньи привычки мы усвоили себе... Жалим всякого и этим*

<sup>1</sup> Как утверждает раб Ксанфий, Лабет утащил сыр в угол и «усицилил» (κατεσικέλλυε — 911) его там.

<sup>2</sup> См.: MacDowell D.M. Aristophanes. Wasps. P. 256.

*добываем хлеб себе»* (1106–1112). В то же время, когда пришел враг и хотел изгнать их из «осинового гнезда», «осы» храбро защитили свою отчизну (имеется в виду персидское нашествие); героические старики противопоставляются современным молодым трутням. Этот пассаж, обрисовывающий «ос» с явной симпатией, проливает новый свет на облик стариков-судей (1060–1090). Неприкрытой гордостью за поколение «марафонских бойцов» звучат слова поэта: *«Оттого-то и доселе чужеземцы говорят: «Ос аттических храбрее никого на свете нет»* (1089–1090).

В заключительной части комедии Бделиклеон облачает отца в новый плащ и башмаки, при этом Филоклеон с комическим ужасом отнекивается (дорогой плащ — персидский, а башмаки — по лаконской моде, следовательно, носить их непатриотично). После краткого урока хороших манер, преподанного сыном, старик отправляется на пир. Из рассказа раба в следующей сцене мы узнаем, что Филоклеон бросился в светскую жизнь с таким же пылом и энтузиазмом, как раньше в судейскую. На пиру он *«...шумел всех больше и бесчинствовал. Как только брюхо переполнил кушаньем, вскочил, заржал и затрубил, запрыгал он»* (1303–1305).<sup>1</sup>

После учиненного безобразия старик отправился домой, избивая по пути всех, кто под руку подвернется. Наконец, появляется сам Филоклеон — пьяный и нахальный, он, шатаясь, тащит за собой рабыню-флейтистку, которую «прихватил» с собой. За ним следует толпа обиженных, грозящих подать на него в суд. В уме Филоклеона произошел решительный переворот: про суд он больше слышать не желает (1346–1348), а желает предаваться любовным утехам с украденной флейтисткой. Появившийся Бделиклеон уносит старика в дом, спасая от наседających пострадавших, с которыми тот норовит вступить в перепалку. В заключительной сцене Филоклеон пускается в пляс и вызывает потягаться с ним других танцоров (сыновей Каркина). Танцуя, хор и актеры покидают сцену.

Таково содержание пьесы и некоторые соображения, которые приходят на ум по мере ее прочтения. Теперь более подробно о том, какими предстают перед нами народные судьи и вообще суд в данной комедии и других пьесах Аристофана.

---

<sup>1</sup> Перевод здесь и далее А.Пиотровского.

## § 2. Работа суда и народные судьи в комедиях Аристофана

Состав гелиэи — 6 тыс. человек (Vesp., 662), количество дней заседаний — 300. Последняя цифра получается из подсчетов Бделиклеона (663), если исходить из того, что 6 тыс. судей получают в год 150 талантов, и за дни, когда они не заседают, им не следует оплата. Вероятно, суды не заседали в дни, когда проводилось народное собрание (примерно 40 дней), и по большим праздникам.<sup>1</sup> Видимо, Бделиклеон приводит максимально возможную цифру, и вовсе не обязательно, что все судьи работали столько дней в году. Судьи составляли один постоянный суд, к которому они приписывались на год: поздняя практика, когда судьи ежедневно распределялись жребием по дикастериям (Aristot. Ath. pol., 64) еще не была введена; Филоклеон и его товарищи точно знают с самого утра, где они будут заседать. Но гелиасты не знали до того, как дойдут до суда, будет ли в этот день заседание или нет.

Филоклеон заседал в суде, который располагался у святилища Лика. «О владыка Лик, о сосед-герой», восклицает старик (389). Этот Лик обычно отождествляется с древним афинским героем Ликом, сыном Пандиона.<sup>2</sup> Где именно находилось это святилище и, следовательно, суд Филоклеона, неизвестно. Исходя из собственной интерпретации упоминаний о Лике (Vesp., 387–394), А. Беджхолд счел, что героон Лика находился по соседству со святилищем Аполлона, и на этом основании идентифицировал местонахождение суда с развалинами на западной стороне агоры близ теменоса Аполлона.<sup>3</sup> От постройки, относящейся примерно к сер. V в. до н.э., сохранилось 4 длинных скамьи, которые могли вместить до 500 человек. Крыши не было, что, кажется, было нередким явлением в афинских судах. Бделиклеон, указывая на преимущества домашнего суда упоминает о том, что дома можно спрятаться от дождя под крышей (772–774). Однако доводы Беджхолда о некой намеренной игре словами (Λίκε и Λίκεϊ) и связи Лика с Аполлоном все же слабы, поэтому и его идентификация развалин не может быть признана неоспоримой.<sup>4</sup> Несомненно, что

<sup>1</sup> «Старый олигарх» тоже утверждал, что в Афинах судят круглый год (Ps.-Xen., III, 6), но Р. Боннер и Г. Смит считают, что цифра 300 дней — все же преувеличение. См.: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 233; также — Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 25. О подсчетах М. Хансена см. в главе III.

<sup>2</sup> См.: MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. P. 184–185.

<sup>3</sup> См.: Boegehold A.L. Philocleon's Court // Hesperia. Vol. XXXVI. 1967. P. 111–120.

<sup>4</sup> См., например, критику его концепции у МакДауэлла (MacDowell D.M. Ibid.

святилище было ограждено плетеной оградой (αἱ κάνναι), с которой во время продолжительных заседаний судьи обращались весьма непочтительно и справляли у нее нужду. В мольбе, обращенной к Лику, Филоклеон божится: «*Пожалей же меня и соседа спаси, а за это, клянусь тебе честью, заходить я не буду в ограду твою ни за малой нуждой, ни за большей*» (393–394).

Заседание начиналось утром. При входе в суд у деревянной решетки или перегородки (ἐπὶ τοῖς δρυφάκτοις) гелиастов ожидали заискивающие перед ними участники тяжбы (Vesp., 552–558).

В сцене собачьего суда заседание предваряет жертвоприношение (возлияние, воскуривание ладана) с молитвой, с которой сначала хор судей-«ос», а затем и Бделиклеон обращается к Аполлону (860–890). Высказывалось мнение, что действительно заседание в афинском суде начиналось таким образом<sup>1</sup>, но нет никаких данных, что подобная процедура имела место в обычных судах (суд Ареопага и некоторые специальные суды по убийствам, связанные с религией, — не в счет), да и стихи 824–825, 851, 891–892 в «Осах» вроде бы подразумевают, что между прибытием судей на место и началом слушания ничего не происходило. Д. МакДауэлл объясняет это противоречие следующим образом: Аристофан решил в длинной сцене собачьего суда (760–1088) развлечь притомившегося зрителя музыкальной интермедией, а наиболее подходящим для этой цели было жертвоприношение.<sup>2</sup> Объяснение возможное, хотя и не бесспорное. Предположение А. Боуи, о том, что жертвоприношение открывает следующую стадию ритуала, переводящего Филоклеона из гражданского мира судов в домашний мир, т.е. это своеобразная инициация<sup>3</sup>, — кажется чересчур экстравагантным. Любопытно мнение К. Сидвелл: жертвоприношение вместе с молитвой, обращенной к Аполлону (с намеком на его целительскую функцию), было необходимо Аристофану как преамбула к сцене домашнего суда, которую он собирался превратить в новый ритуал для исцеления Филоклеона.<sup>4</sup> Однако весьма произвольных интерпретаций текста не достаточно для доказательства того, что Аристофан вкладывал в сцену собачьего разбирательства именно идею исцеления Филоклеона от его

<sup>1</sup> Ловягин А.М. Очерки древнеафинского суда // Гермес. 1910. Т. 6. С. 253; Lipsius J.H. Das attische Recht. Bd. III. S. 904.

<sup>2</sup> MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. P. 245.

<sup>3</sup> Недаром действие происходит перед дверьми дома — границы между двумя мирами (и т.п.) — см.: Bowie A.M. Aristophanes. Myth, Ritual and Comedy. Cambr., 1995. P. 89–90.

<sup>4</sup> Sidwell K. The Sacrifice at Aristophanes, Wasps, 860-90 // Hermes. Bd. 117. 1989. S. 277.



мании. Следует признать, что загадка жертвоприношения Бделиклеона остается нерешенной.

Прибывшие судьи стараются занять места получше — первую, т.е. ближайшую к ораторам и урнам, скамью. В комедии упоминается всё судебное «снаряжение»: клепсидра, урны для голосования (οἱ καθίσκοι) с коническим верхом типа воронки (ὁ κηρός) из плетенки для опускания баллотировочных камешков (αἱ ψῆφοι) или раковин (αἱ χοίριναί), а также камень для подсчета голосов. В начале заседания фесмофет провозглашал: «Если кто из судей за дверьми, пусть войдет!» (εἴ τις θύραςιν ἡλιαστής, εἰσίστω — 891). С этой фразы начиналось слушание; далее после подачи сигнала о начале дела (τὸ σημεῖον)<sup>1</sup>, опоздавших не пускали (892); заветные три обола им не платили (ὥς ὅστις ἂ ὑμῶν ὑστερος ἔλθῃ τοῦ σημείου τὸ τριώβολον οὐ κομῆται — 689–690; см. также Eccl., 381–382).

Вызывались стороны, вносилась и зачитывалась жалоба, или обвинительный акт (γραφή). Затем следовало выступление обвинителя, по окончании которого председательствующий вызывал свидетелей ответчика, чьи показания чередовались с защитной речью; с этого же момента в ход шли все ухищрения, призванные разжалобить судей (562–574, 578–582). Искусную речь Бделиклеона — собачьего адвоката — его отец прерывает возгласом Κατάβα! (979 — т.е. «сходи!» в смысле «кончай, завершай!»), — видимо, таким образом афинские судьи выражали свое нежелание больше слушать выступающего.

Было две урны для голосования — одна для оправдания, другая для обвинения. Судьи проходили мимо них и могли, видимо, при желании опускать руки в обе урны, так что никто не мог понять, куда именно они опустили свой голос (Lexicon Rhetoricum Cantabrigiense, s.v. κηρός).<sup>2</sup> Другой возможный вариант реконструкции момента голосования: плетеная «воронка» с отверстием для руки покрывала горла сразу двух урн, и какой именно воспользовался голосующий, со стороны было не видно.<sup>3</sup> Камешки или раковины для голосования мог выдавать архонт, а могли приносить из дома сами дикасты. Так, Филоклеон держал у себя целую кучу раковин — «боясь, что камешков не хватит на суде, он берег у себя морской в доме завел» (109–110 — пер. Н. Корнилова). После окончания голосования ψῆφοι (или χοίριναί) высыпались на специальный камень (332–333, 993) и считались. Известно, что в случае

<sup>1</sup> Никто не знает, каким образом этот сигнал подавался и что он из себя представлял.

<sup>2</sup> См.: MacDowell D.M. Aristophanes. Wasps. P. 143.

<sup>3</sup> Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 28–29.

равенства голосов, обвиняемый считался оправданным.<sup>1</sup> За многие правонарушения наказание не было определено и решалось в индивидуальном порядке. Истец называл предполагаемый штраф (или другое наказание), подзащитный в ответ приводил приемлемую для него сумму, очевидно, меньшую. Если судья соглашался с последней (т.е. минимальной) суммой, он ставил на восковой табличке (πίνακτον τιμητικόν) короткую черту, если желал максимальную — длинную (schol. in Aristoph. Vesp., 106, 167)<sup>2</sup>. Во время разбирательства судьи не могли уходить и очевидным образом испытывали определенные неудобства, если дело затягивалось. Деньги за участие в заседании — вождеденные три обола — раздавал колакрет, т.е. специальный чиновник, выплачивающий жалованье занятым на государственной службе (695), отсюда выражение «молоко колакрета» (κολακρέτου γάλα — 724).

Какие же дела разбирают гелиасты? Если судить по комедиям Аристофана, им чуть ли не постоянно приходится иметь дело с обвинениями в государственных преступлениях (измена на войне, растрата казенных денег, стремление к тирании, ниспровержение существующего строя, участие в заговоре), большинство из которых совершенно безосновательны (Vesp., 417, 463–507, 555–556, 953; Av., 1074; Lys., 619, 630; Thesm., 338, 1143). Бедняга Бделиклеон, на которого набрасываются судьи, приятели его отца, с криком «враг народа», «приверженец монархии» (μοναρχίας ἐραστή — 473), отбиваясь, говорит: у вас всякий тиран или заговорщик (ἄπανθ' ὑμῖν τυραννίς ἐστὶ καὶ συνομόται — 488). Очевидным образом прослеживается тенденция афинской жизни, характерная особенно для времен Пелопоннесской войны и засвидетельствованная другими источниками (Thus., VI, 27; 28; 60; And. I, 36): при любом удобном случае обвинять политиков (и не только!) в заговоре для ниспровержения демократии или в намерении установить тиранию. В числе дел, рассматриваемых судьями, в «Осах» упоминаются также дела, связанные с докимасией юношей (588) и пересмотром завещаний (582–586).

Теперь взглянем пристальней в тех, кто вершит суд. Главный герой «Ос», он же пламенный присяжный, Филоклеон, одевается бедно, носит короткий потертый плащ τριβάχιον (116, 1123–1126, 1131), обувается в башмаки ἐμβάδες (103, 275), которых, кажется, у него одна пара.<sup>3</sup> Очевидная бедность Филоклеона — явное сюжетное несоответствие

<sup>1</sup> См., например: *Gagarin M.* The Vote of Athena // *AJPh.* V. 96. 1975. P. 121–127.

<sup>2</sup> См.: *Leeuwen J. van.* Commentarii / *Aristophanis Vespae.* P. 17.

<sup>3</sup> См. *Ловягин А.М.* Очерки древнеафинского суда. С. 195.

(каких немало в пьесах Аристофана): ведь, судя по всему, его сын, Бделиклеон — человек достаточно состоятельный. Отчасти таким же сюжетным несоответствием оказывается пресловутая старческая дряхлость нашего героя. В ст. 165 Филоклеон норовит перегрызть удерживающую его дома сеть, а раб Ксанфий напоминает ему, что он давно без зубов. Но в дальнейшем по ходу действия зубы у старика чудодейственным образом вырастают и в ст. 367–371 он таки перегрызает сеть. Лихость и юношеский задор демонстрирует Филоклеон в последних сценах «Ос», когда он кутит, буянит и ввязывается в драки с прохожими. Апофеозом этого комического омоложения героя становится увещание флейтистки, в котором отец как бы меняется ролями с сыном (1352–1359):

Тебя, моя щетинка, только сын умрет,  
Освобожу я и подружкой сделаю.  
Сейчас не господин я над добром своим:  
Еще я молод и на воспитании.  
Мой сын следит за мною, он суров и строг.  
Бойся страшно, чтоб не развратился я.  
А у него ведь я отец единственный.

В пору одержимости «судебной горячкой» мысли Филоклеона всегда были только об одном — об осуждении обвиняемых. Он испытывает стойкое отвращение к оправдательным приговорам. Удерживаемый сыном, он рвется вон, чтоб не ушел оправданным некий Драконтид, а на вопрос сына «тебе какое дело?», отвечает: *«Так знайте ж, прорицание дано мне в Дельфах, если оправдаю я хоть одного, иссохну щепкой сохлою»* (158–160).

Все его помыслы связаны с судом, суд для него — дом родной, там он хочет пребывать (κεῖνῳ ἔραται, κεῖθι γενοίμαν — 752); Бделиклеон называет эту тягу «любовью к своему месту» (φιλοχորία — 834). Филоклеона неудержимо тянет туда, где можно безнаказанно вредить, — «придя к урнам, сделать что-нибудь злое» (ἐλθὼν ἐπὶ τοὺς καθίσκους κακὸν τι ποιῆσαι — 322).<sup>1</sup> Интересно, что даже когда Филоклеон оставляет судейство в заключительной части пьесы, творить безнаказанно вред и бесчинство остается его главной радостью (1263, 1335–1340 etc).<sup>2</sup> К мольбам подсудимых он глух, его разжалобить — все равно, что закипятить камень (λίθον ἔψεις — 277–280); более того, просьбы, закли-

<sup>1</sup> Об этой же тяге ко злу см. также: 340 — *«быть судьей не позволяет, делать зла мне не велит»*.

<sup>2</sup> См.: Sommerstein A.H. Notes on Aristophanes. Wasps // ClQu. Vol. 27. n.s. 1977. P. 270.

нанья, плач лишь веселят его (389–390). Когда он определяет наказание, он делает это по максимуму — *«всех наказать он рад чертою длиною»* (τιμῶν τὴν μακρὰν — 106), поэтому у него вечно воск под ногтями (ὑπὸ τοῖς ὀνυξί κηρὸν — 108).

Под статью Филоклеону его товарищи-судьи. Одолеваемые все той же судебной горячкой, они встают еще до зари, поэтому идут с фонарями (улицы темны и грязны) и распевают «сладкие песни времен Фриниковых» (μελισσιδιοφρυνίχρατα — 220), т.е. очевидно, своей молодости. Возраст их весьма почтенен, раз они ровесники и остатки того поколения, которое участвовало в греко-персидских войнах<sup>1</sup>. Они бедны: с маслом в фонарях они очень экономны, и когда мальчик, светящий им, неосторожно выжимает пальцем фитиль, они бьют его, так как масло дорого стоит (251–253). Заработок судьи для них — главный источник средств существования (300–310; также Ach., 460–461). Предводитель хора, обращаясь к сыну, говорит: *«Из того, сын, что сегодня получу, на троих нам надо хлеба, надо щепок, надо мяса»* (ἄλφита δεῖ καὶ ξύλα κ' ὥψον<sup>2</sup>). На свое судейское жалованье он содержит семью из трех человек и настолько беден, что у него нет даже раба. Мальчик вторит ему: *«Ах, отец мой, если б судьи не сидели в гелиее, где б добыл ты нам на завтрак, нам на ужин, что б ты сделал? Что б придумал? В чем спасенье? Или в воду головою»* (305–310)

Их любимец, заступник и кормилец (конечно, до разоблачений Бделиклеона) — Клеон, который поднял им оплату до трех оболов за заседание (ср. Equit. 255–256). Он снабжает их работой, поставляя обвиняемых, да еще дает в запас на трое суток *«едкой злости»* (ἡμερῶν ὀρυγὴν τριῶν ποιητὰν — Vesp., 243).<sup>3</sup> Клеон и подобные ему демагоги покорили судей (а в их лице — и весь афинский народ) лестью, вниманием и услужливостью (596–601). Именно Клеона и товарищей-судей призывает на защиту против домохозяев, тащавших его в дом, Филоклеон (ὦ ξυνδικασταὶ καὶ Κλέων, ἀμύνετε — 197); к нему взывают судьи (409), собираясь пожаловаться на «врага народа» Бделиклеона, который якобы хочет прогнать судей и закрыть суды (410–412). Кажется, вот-вот драматург выведет на сцену самого демагога, как это было во «Всадниках». Но наши (и зрителей) ожидания напрасны: Клеон действительно появится, но... в виде собаки в сцене собачьего суда.

<sup>1</sup> О старческом возрасте судей см. также указания во «Всадниках» (979 — «старички-ворчуны») и «Ахарнях» («старцы дряхлые», шамкающие зубами — 671–691).

<sup>2</sup> ὥψον — «прикусок» — все, что служит добавкою к хлебу: мясо, овощи, особенно рыба.

<sup>3</sup> Как солдатский паек, который также давался на три дня (ср. Aristoph. Pax, 312).

Таким образом вырисовывается следующая малоприятная для афинского судопроизводства картина. Судят в Афинах по преимуществу дряхлые старики, не способные к трудовой жизни, и занимаются они этим не из-за гражданского долга или соображений престижа и достоинства, а чтобы заработать себе на пропитание. Заседая в суде, они дают выход своей немощной злобе, ибо помимо платы их привлекает сознание того, что от них зависит судьба подсудимого, нередко человека богатого, знатного (552, 576). Дать почувствовать такому человеку власть доставляет гелиасту огромное наслаждение (552–558). Он упивается просьбами и мольбами участников тяжбы (560–572); он не краснея хвастается тем, что может, так сказать, злоупотреблять своим положением, когда тяжущиеся начинают его всячески ублажать и развлекать (560–582) или когда красивые мальчики проходят перед судьями докимасию.<sup>1</sup> Если судьям будет угодно, они даже могут оспорить завещание относительно наследницы-эпиклеры (582–586). Неподотчетность (судьи — ἀνιπτεύουσιν — 587) и вытекающая отсюда безнаказанность рожают у судей ощущение вседозволенности и могущества, равного божественному (619–625)<sup>2</sup>. В то же время непомерная власть и сомнение судей — следствие злокозненности демагогов, которые, принимая вид благодетелей, развращают их своими подачками и лестью, а те, опьяненные, не замечают их грабежей, — таков смысл тех обличений, которые Аристофан вложил в уста Бделиклеона.

Дикасты предпочитают в любом случае выносить обвинительные приговоры. Дикеаполь в «Ахарнях» свидетельствует: *«И стариков я знаю нравы жесткие, для них одна потеха — засудить врага»* (374–375). Особо яркое тому свидетельство — пример Филоклеона и его товарищей. Старики судьи, бредущие спозаранку, сокрушаются, что

<sup>1</sup> Когда афинский юноша достигал 18-летнего возраста, его имя вносилось в списки демотов. Для того, чтобы в них случайно не попали младшие по возрасту, юноши проходили докимасию перед Советом. Так как свидетельств о рождении не было, никаких записей рождений не велось и сам факт такового устанавливался только благодаря свидетельским показаниям (см.: *Scafuro A.L. Witnessing and False Witnessing: Proving Citizenship and Kin Identity in Fourth-Century Athens* // AICI. P. 157–159), булевты, очевидно, рассматривали юношей нагими, чтобы судить об их возрасте по физическому состоянию. Если они приходили к выводу, что кто-то младше 18 лет, они накладывали на дем штраф (Aristot. Ath. pol., 42, 2). Демоты могли обжаловать это решение в суде, и судя по «Осам» (578) и схолиям к ним (schol. in Aristoph. Vesp., 578) судьи в этом случае сами рассматривали мальчиков. См.: *Leeuwen J van. Commentarii / Aristophanis Vespae*. P. 68; *MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps*. P. 210.

<sup>2</sup> О неподотчетности и безнаказанности судей и протекающем отсюда ощущении всевластия см. также: Vesp. 518, 546, 571, 575, 577, 604, 635сл.

вчера не удалось осудить одного самосца, обвиненного в заговоре — он «ускользнул» (διεδύετ') — и предполагают, что этот факт мог расстроить Филоклеона до горячки (283–284). Теперь же они в хорошем настроении и призывают приободриться и Филоклеона: день обещает быть удачным, ибо сегодня они будут судить «мешок с деньгами» (буквально «улей» — σίμβλος χρημάτων) Лакета (241) и еще одного толстосума (ἀνὴρ παχὺς) из фракийских предателей (287–289)<sup>1</sup>.

В подобных делах судьи руководствовались не только злобой и завистью к богатым, но, видимо, и вполне меркантильными соображениями. На это указывает реплика Колбасника во «Всадниках», спрашивающего Демоса, как он поступит с тем оратором, который скажет ему: *«Не будет судьи хлеба вам, коль обвинением дела не закончите!»* (οὐκ ἔστιν ὑμῖν τοῖς δικάσταῖς ἄλφита, εἰ μὴ καταγνώσεσθε ταύτην τὴν δίκην — 1358–1360). Получается, гелистам иногда прямо говорили, что, не осудив обвиняемого, очевидно, человека состоятельного, не наложив на него штраф или не конфисковав его имущество, они не получат заработной платы.<sup>2</sup> О том, что жертвы обвинительных приговоров предпочтительнее выискивались среди богатых граждан, говорит и следующий пассаж из «Всадников», героем которого является всё тот же Клеон (к нему обращается предводитель хора):

Ты ведь шупаешь, как смоквы, у ответчиков бока,  
Что, созрели уж для взятки или пусть ещё растут.  
Ты ведь ищешь среди граждан побогаче дурачков,  
Почестнее, поглупее выбираешь простака,  
С херсонесского надела вызываешь и в суде  
Мигом скрутишь, на лопатки опрокинешь и с сумой  
Пустишь по миру скитаться. (259–263)

Афинские судьи были представителями суверенного демоса, но представителями особого толка — их нельзя было призвать к ответу, нельзя было обжаловать их вердикт, и в этом отношении они были сами суверенны. Не случайно, ораторы в судах говорили, обращаясь к судьям — ὑμεῖς («вы»), когда имелись в виду Афины или афинский народ, а гелиа-

<sup>1</sup> Фракией в данном и других случаях именуется та часть Афинской державы, которая располагалась на севере Эгеиды и близлежащих островах. См.: MacDowell D.M. Op. cit. P. 179.

<sup>2</sup> См.: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 295. Ср.: Lys. XXVII, 1: «...они заявляли, как вы много раз слышали, что если вы не осудите тех, кого они велят, то не хватит денег на жалованье вам» (пер. С.И. Соболевского). Подробнее об этом «конфискационном» мотиве при вынесении дикастами приговора — см. гл. IV, § 5.

стов называли ὁ ἄνδρες 'Αθηναῖοι (Lys., XII, 42, 87; Plat., Apol. 30d; Dem., XVIII, 1; XIX, 1; XX, 1; XXVI, 5 etc.). Судьи отождествляли себя с демосом, комедии Аристофана — еще одно тому доказательство. Во «Всадниках» афинский народ назван «трехгрошевой братией» (944), т.е. народ и суд предстают как единое целое. Филоклеон в «Осах» говорит (917): οὐδὲν μετέδωκεν οὐδὲ τῷ κοινῷ γ' ἐμοί — «он не дал ничего государству, т.е. мне» (комичность предмета — съеденный Лабетом сыр — не умаляет весомости сопоставления). Бделиклеон также воспринимает своего отца как воплощение всего демоса и в своей речи, изобличающей воровство демагогов, он несколько раз говорит «ты» (σύ, σοί и проч.), обращаясь к Филоклеону и имея в виду весь народ (672, 675, 678, 684 etc.).

### § 3. Сикофант в комедии Аристофана

Много внимания в своих пьесах Аристофан уделяет антигерою афинской судебной системы — сикофанту — профессиональному доносчику, ябеде, шантажисту. Эта «профессия», вероятно, появилась в Афинах примерно в середине V в. до н.э. как следствие усилившегося значения народного суда:<sup>1</sup> во всяком случае, комедиограф утверждает, что в старые добрые времена, когда марафонские ветераны были молоды и полны сил, этим не занимались (οὐδὲ σικοφαντήσῃν τινὰ φρόντις — Vesp., 1097). Ко времени Аристофана слово «сикофант» (σικοφάντης), бывшее либо новым изобретением, либо новым употреблением бытовавшего выражения, успело войти в моду: в дошедшей до нас литературе оно впервые встречается в одном из фрагментов нашего комедиографа<sup>2</sup> (из «Пирующих», 427 г. до н.э. — Aristoph., fr. 228), а затем в «Ахарнях» (425 г.) и в других его комедиях.<sup>3</sup> Но, по утверждению самого Аристофана, в его дни повсюду распевали на симпозионах песенку из комедии «Эвмениды» его старшего современника Кратина — «Взятка, обутая в смоквы» (Δωροῖ σικοπέδιλε — Equit., 529). Те, кто промышляли доносом, к последней четверти V в. до н.э. уже вполне осознали свою «самость». Сикофант из «Птиц» представляется: «я — островной глашатай и доносчик» (κλητὴρ εἰμι νησιωτικὸς<sup>4</sup> καὶ σικοφάντης —

<sup>1</sup> См.: Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 7; Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 49.

<sup>2</sup> Слово с корнем σικοφάνт — используется также в Псевдо-Ксенофоновой политике (I, 14), которая, по мнению большинства исследователей, появилась в 20-х гг. V в. до н.э., хотя есть версия и о 40-х гг.

<sup>3</sup> См.: Christ M.R. Op. cit. P. 49, 242 (note 7).

<sup>4</sup> «Островной» он потому, что «порхает» на о-ва Афинской архэ, выискивая там для себя поживу среди союзников (для этого он и хочет приладить себе

1422), — и так объясняет Писфетеру, зачем ему понадобились крылья: «Я — кляузник. А крылья мне нужны, чтобы, порхая, звать к суду ответчиков» (καὶ πρᾶματοδίφης. εἴτα δέομαι πτερὰ λαβὼν κύκλῳ περισσοβεῖν τὰς πόλεις καλούμενος — 1424). Напротив, антипод сикофанта — мирный виноградарь Тригей — знакомясь, говорит: «Я не сикофант и не любитель [чужих] дел» (Ραχ, 190 — οὐ' σικοφάντης οὐδ' ἔραστὴς πρᾶμάτων).

Доказательство вездесущности сикофантов, отслеживающих свои жертвы, находим в сценах из «Ахарнян» (818–835). Только мегарец приступил к торговле с Дикеополем, тут как тут грозящий доносом сикофант. Мегарец в сердцах: «Вот оно — то самое, в чем несчастье наше испокон веков» (τοῦτ' ἐκεῖν, ἵκει πάλιν ὄθεν περ ἀρχὰ τῶν κακῶν ἄμιν ἔφν — 821 sq.). И далее (829): «что за напасть у вас в Афинах выросла» (οἶον τὸ κακὸν ἐν ταῖς Ἀθήναις τοῦτ' ἔνι). Первые два слова (τοῦτ' ἐκεῖν) весьма показательны: то, чего ожидали и опасались, так произошло. Об избытке подобного «добра» в Афинах свидетельствует комический эпизод с беотийцем (904–958). Беотиец желает поменять свой товар на то, что есть в Афинах и чего нет в Беотии. Дикеополь предполагает, что это фалерская сельдь или керамика, но когда получает отрицательный ответ, радостно восклицает: «А, догадался, купишь ты доносчика». Взаимоприятную беседу беотийца и Дикеополя прерывает появление сикофанта — «большого подлеца» Никарха, пришедшего «промышлять» и тут же объявляющего товары беотийца «военной контрабандой». В конце сцены беотиец с Дикеополем «упаковывают» сикофанта и делают из него горшок (926–928) на радость хору. Горшок-сикофант сохраняет присущие исходному «материалу» качества: «сосуд бед, вместилище тяжб, поставка для светильника — выявлять тех, кто подлежит отчету» (κратτὴρ κακῶν, τριπτὴρ δικῶν, φαίνειν ὑπευθύνους λυχνούχος — 937–938). Дикеополь отдает его беотийцу в счет уплаты за деликатесного угря, избавляя заодно родной город от доносчика (952–958).

Обвинитель в комедиях Аристофана нередко предстает в образе прыткого молодого человека (Acharn., 713–718; Vesp., 685–690; Av., 1431). Хор в «Ахарнянах» жалуется на то, что стариков отдают под суд на потеху мальчишкам-риторам (680 — ὑπὸ νεανίσκων ἔατε καταγελασθαὶ ρητόρων):

крылья); κλητήρ — мог обозначать и свидетеля обвинения, и того, кто передает вызов в суд (так сказать, «судебный приглашатель»). Л.А. Сахненко определяет «островного обвинителя» как того, кто «устанавливает состав преступления, возбуждает дело в афинском суде, вызывает ответчиков и участвует в исполнении решения суда» (Аристофан и афинские союзники. С. 31).



А мальчишка-обвинитель, подобрав себе друзей,  
 Быстро ранит нас речами, душит в петлях острых слов,  
 Хлещет градом из вопросов, ставит всюду западни  
 И беззубого Тифона колет, рубит, режет, бьет. (684–688)

В качестве примера хор далее приводит обвинение, выдвинутое юными демагогами Евафлом и Кефисодемом против почтенного Фукидида<sup>1</sup> (702–716), и высказывает пожелание, чтобы в будущем *«обвиняли и карали бы в судах стариков — седые старцы, молодого — молодежь»* (717–718). Помимо словоблюдов — обвинителей Фукидида<sup>2</sup> — упоминается еще один юный «болтун» (λάλος) — Алкивиад (716). В акценте на молодость доносчиков можно усмотреть не столько конфликт поколений<sup>3</sup>, сколько противопоставление моральных ценностей: отвага «марафонских бойцов» vs новомодной риторики, куда относится умелое, но скользкое ведение дела в суде.<sup>4</sup> В пародийном описании софистических премудростей судебной риторики во «Всадниках» мастерство одного из таких новоявленных ораторов — Феака — представлено следующим образом: *«Искусен, смел в суждениях силлогических, отличен риторически, типически, критически остер и полемически»* (1376–1380).

Пыл сикофанта подогревает то, что он беден: доносчик в «Птицах» появляется в рваном плаще (1416); друг Сократа Херефон именуется сикофантом и бедняком (πέντης — Aristoph., fr. 552). Сикофанты занимались своим делом с полной отдачей и профессионально, не помышляя о других возможных заработках; сикофантство превратилось в настоящую науку, ремесло — τέχνη (Av., 1423). Когда Праксагора из «Женщин в народном собрании» заявляет, что теперь женщины контролируют правительство и никому не будет позволено заниматься вымогательством, её муж восклицает: «не отнимай у меня жизнь!» — μηδ' ἀφέλῃ μου τὸν βίον (562–3). Поэт утверждает, что в некоторых семьях профессия сикофанта передавалась от отца к сыну. Сикофант из «Птиц» (1410–1469), который появляется в Тучекукуевске, знает только один способ заработать на жизнь. На вопрос Писфетера: *«Зачем живешь доносами?»*, — он отвечает: *«Как быть? В земле копать не умею*

<sup>1</sup> Очевидно, сына Мелесия, в прошлом — подвергнувшегося остракизму лидера афинских консерваторов.

<sup>2</sup> О Кефисодеме больше ничего неизвестно, а вот Евафл упоминается в качестве записного обвинителя и в «Осах» (592).

<sup>3</sup> См.: Carter L.B. The Quiet Athenian. P. 119–123 — Youth versus Age; также — Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 231 (generation gap).

<sup>4</sup> См.: Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 110.

я» (1431–1432). Заняться каким-либо честным делом он не желает — это значит опозорить свою семью, в которой ремесло сикофанта практикуется уже несколько поколений: «*Не посрамлю семьи своей! От дедов повелось у нас сутяжничать*» (1453 — τὸ γένος οὐ κατασχυνῶ. παππῶς ὁ βίος σικοφαντεῖν ἐστὶ μοί). Даже если «сикофантские династии» — поэтическая гипербола, похоже, что для некоторых афиняниниция исков становилась их занятием, работой — ἔργον (Av., 1430).

Из конкретных проявлений профессиональной активности шантажистов особенно часто упоминается в комедии преследование ими магистратов в связи с их отчетами (εἰθυιαί). Как известно, афинские должностные лица помимо регулярных отчетов в каждую пританию должны были в конце служебного года проходить итоговую проверку, во время которой любой гражданин мог выдвинуть против них обвинения, рассматриваемые потом в суде. Эта практика предоставляла удобный повод для шантажа сикофантов: многие готовы были заплатить им, дабы избежать неприятной процедуры в непредсказуемых дикастериях. Когда Филоклеон просыпается слишком поздно, он сердится на петуха, подкупленного теми, кто должен сдавать отчет (ὑπεύθυνοι — Vesp., 101–102). Дикеополь предлагает использовать сикофанта как лампу, указывающую на проходящих проверку (Ach., 938 — φαίνειν ὑπεύθυνους λυχνιοῦχος). Во «Всадниках» Клеон представлен как специалист по собиранию созревших ὑπεύθυνοι (259–60, ср. 824–826). В «Ахарнях» речь идет также о таком излюбленном виде доносов как φάσις — заявление о нарушении финансовых интересов государства (в том числе контрабанда). Именно такого рода доносчиков «негодных и лживых», охочих до «мегарских сумок» клеймит главный герой пьесы (517, 519); именно их безымянный представитель предстает в момент продажи предприимчивым мегарцем «свинок» (т.е. дочек) Дикеополю (818–829); а затем уже является известный сикофант Никарх, пытающийся вчинить φάσις беотийцу (908–958).

Поле деятельности сикофантов простиралось далеко за пределы Афин — в союзные города, благодаря существующему в афинской архэ правилу, по которому важные судебные тяжбы союзников с предполагаемым наказанием в виде смертной казни, изгнания или атимии (или апелляции по ним) рассматривались афинской гелизеей. Сикофантов ненавидит вся Эллада — утверждается в «Богатстве» (878). В «Мире» шантажисты-демагоги «трясли толстосумов и богачей из числа союзников» (τῶν δὲ συμμάχων ἔσειον τοὺς παχεῖς καὶ πλουσίους), угрожая им обвинениями в том, что они заодно со спартанским военачальником Брасидом (т.е. в измене) (αἰτίας ἄν προτιθέντες, ὥς φρονεῖ

τὰ Βρασίδου — 639–640). Удод в «Птицах» предлагает Эвельпиду основать идеальный город, свободный от тяжб и сикофантов (147–148) на берегу Красного моря, на что афинянин испуганно отвечает: «О, только не на море! Тотчас вынырнет с глашатаем судебным «Саламиния». Сикофант, забредший в Тучекукуевск, желает крылья, «чтоб в суд позвать я мог бы чужеземца, засадить его и полететь за новыми» (ὥς ἂν τοὺς ξένους καλεσάμενος κᾶτ' ἐγχεκλήκῳς ἐνθαδὶ κατ' αὐτὸ πέτωμαι πάλιν ἐκεῖσε — Av., 1455–1456). Сей «островной обвинитель» (κλητὴρ νησιωτικός) не скрывает своего корыстного намерения поживиться имуществом своей жертвы (ἀρπασόμενος τὰ χρήματα αὐτοῦ — 1460). В конце этого комического диалога вместо крыльев Писфетер наделяет ябедника побоями.

Интересно, что те аристофановские герои, кто насмехается над сикофантами, яро критикует их и мнёт им бока, — как правило, простые люди скромного или среднего достатка, и очевидным образом, поэт рассчитывал на сочувственное отношение публики к посрамлению доносчиков. Это свидетельствует о том, что не только элита была недовольна деятельностью сикофантов: критический настрой в отношении профессиональных ябед, которых становилось все больше и больше, был весьма силен среди афинян. Жертвами сикофантов предстают бедный мегарец из «Ахарнян», хор ахарнянских «угольщиков» из той же комедии, жалующийся на преследования доносчиков (674–691); любого из афинян может «задушить, запугать, обобрать» главный сикофант — Клеон (Equit., 773–776). Но самая «вкусная» добыча — богачи (Equit., 1139–1140). В «Мире» рой доносчиков треплет богача Каллия (285). Сикофанты терзали очень состоятельного, но робкого Никия: Плутарх приводит соответствующие отрывки из Аристофана и недошедшей до нас комедии Евполида (Plut. Nic., 4, 4–5: Aristoph., Equit., 58; Eur., fr. 193). Во «Всадниках» типично сикофантская активность Клеона описывается как направленная именно против богатых простачков (261–265).

В «Плутосе», последней из аристофановских комедий, Доносчик — одно из главных действующих лиц; в этой же пьесе содержится несколько намеков или даже указаний на связь сикофантства с самими устоями афинского общества. Сикофант, сетуя на то, что из-за прозревшего Богатства он лишился работы и разорился (не стало богатых «клиентов»), грозитя:

.....поплатится

Еще сегодня бог ваш неотесанный!

Он покусился на устои древние

Народоправства, не спросив о мнении  
Совета и народного собрания. (946–950)

Одна из самых великолепных аристофановских сцен с участием сикофанта — диалог Справедливого человека и Доносчика (902–920):

*Справедливый человек:* Ты — землепашец?

*Доносчик:* Дураком ты счел меня!

*Справедливый человек:* Торговец, значит!

*Доносчик:* Как придется, да и нет.

*Справедливый человек:* Учился ты ремеслам?

*Доносчик:* Видят боги, нет.

*Справедливый человек:* Так чем живешь?

Праздношатаем шляешься?

*Доносчик:*<sup>1</sup> «Я попечитель (ἐπιμελητής<sup>2</sup>) по всем делам города — и государственным и частным». *Справедливый человек:* «Чего это вдруг?». *Доносчик:* «Я так желаю (βούλομαι)». *Справедливый человек:* «Как же можешь ты быть порядочным, мошенник, если делаешь то, что не подобает, ненавистен всем (εἰ σοι προσῆκον μηδὲν εἶτ' ἀπεχθάνει;)»? *Доносчик:* «Разве мне не подобает благодетельствовать родному городу, о простофиля, сколько хватает сил? (οὐ γὰρ προσήκει τὴν ἑμαυτοῦ μοι πόλιν εὐεργετεῖν ὧς κέπφει καθ' ὅσον ἂν σθένω;)». *Справедливый человек* уточняет: «Благодетельствовать — это совать нос в чужие дела (εὐεργετεῖν οὖν ἔστι τὸ πολυπραγμονεῖν;)»? *Доносчик:* «Это значит поддерживать установленные законы и не позволять, чтобы кто-то нарушал их (τὸ μὲν οὖν βοηθεῖν τοῖς νόμοις τοῖς κειμένοις καὶ μὴ πιτρέπειν ἄν τις ἐξαμαρτάνῃ)». *Справедливый человек:* «Да разве не предостаточно судей выставляет наш город, чтобы управлять? (οὐκοῦν δικαστὰς ἐξέπιττῃδες ἢ πόλις ἀρχεῖν καθίστησιν;)» Следует важный обмен репликами. *Доносчик:* «Кто ж обвиняет? (κατηγορεῖ δὲ τίς;)» *Справедливый человек* вынужден произнести ключевое слово: «Кто пожелает (ὃ βουλόμενος)». *Доносчик* — тут же: «Да разве я не такой желающий, так что города дела — в моем ведении (οὐκοῦν ἐκεῖνος εἰμ' ἐγώ, ὥστ' εἰς ἐμ' ἵκει τῆς πόλεως τὰ πράγματα)». *Справедливому человеку* остается лишь горестно воскликнуть: «Клянусь Зевсом, негодный же заступник у города! (νῆ Δία ποιηρόν γ' ἄρα προστάτην ἔχει)».

<sup>1</sup> Далее мы вынуждены давать свой прозаический перевод, ибо поэтический перевод Адриана Пиотровского местами расходится с текстом Аристофана, а в данном отрывке нам важно более точно передать содержание оригинала.

<sup>2</sup> Видимо, неспроста сикофант прилагает здесь к себе наименование «эпимелет», которое часто использовалось по отношению к афинским должностным лицам. Ср. ниже еще хлеще — «евергет».

И хотя сцена заканчивается, как часто в комедии (см. «Ахарняне», «Птицы») и редко в жизни, посрамлением и избием ябедника, в словах сикофанта даны серьезные (с точки зрения афинской судебной практики) обоснования существования этого малоприятного явления общественной жизни. Истоки сикофанства коренятся в отсутствии государственного обвинения в Афинах, когда любой желающий мог выступать в качестве истца по государственным искам. В этой поощряемой возможности таился соблазн злоупотребления: далеко не каждый, инициируя обвинение, руководствовался общественным благом, многие стали искать выгоду для себя. Афинская судебная система также благоприятствовала развитию сикофанства: мы наблюдали в «Осах», как афинские судьи вождели обвинительных приговоров и как легко были готовы по мановению демагога преследовать очередную жертву. Доносительство как общественное явление, появление профессиональных и даже наследственных шантажистов несомненно связаны с утвердившимся после персидской войн и реформы Эфиальта всевластием гелиэи, расцвет же сикофанства приходится уже на следующий, IV в. до н.э.

#### **§ 4. Политические взгляды Аристофана и достоверность изображенной им картины афинской судебной системы**

Прежде чем делать окончательный вывод о ценности и достоверности рисуемой Аристофаном картины народного суда, несколько слов по поводу ведущейся в историографии дискуссии на тему: какие политические взгляды выражал комедиограф и выражал ли вообще какие-либо; и в какой мере они повлияли на изображение им афинской действительности. Со времен выхода в свет книги М. Круазе «Аристофан и партии в Афинах» в научной литературе стало преобладать мнение о том, что Аристофан не был оппозиционер демократии, не хотел менять афинский государственный строй, но был врагом демагогов и особенно «завоевательных амбиций народа Пирея». <sup>1</sup> Комедиограф занимал как бы среднюю позицию: он придерживался умеренно демократических или, если угодно, консервативных воззрений, характерных для поколения «марафонских бойцов» и аттического крестьянства, которые равно отвергали и олигархические, и демократические крайности. <sup>2</sup> Поэт

<sup>1</sup> Croiset M. Aristophane et les partis a Athènes. Paris, 1906. P. 41.

<sup>2</sup> Ibid.

был приверженцем доперикловой демократии («отеческого государственного строя»), которая в эпоху Пелопоннесской войны воспринималась как идеальная. Некоторые делают акцент на традиционализме Аристофана — верного защитника устоев и ценностей уходящего «золотого века», решительного противника новых веяний.<sup>1</sup> Считается, что несмотря на использование элементов олигархической критики в духе «Старого олигарха» и неприязни к демагогам, Аристофан в целом был лоялен к существующему в Афинах политическому строю: «политическое кредо комедиографа соединяет аристократический кодекс поведения с конституционными рамками демократии».<sup>2</sup>

Схожим образом высказывались по данной проблеме и другие исследователи<sup>3</sup>. А. Гомм, правда, иронизировал на счет сторонников этой концепции: «A good, comfortable, essentially British position».<sup>4</sup> Если в литературе XIX в. и попадались утверждения о твердых аристократических убеждениях Аристофана,<sup>5</sup> то в современной историографии подобная позиция почти маргинальна. В смягченном варианте она встречается у Ж. Сен-Круа, который, указывая на вхожесть Аристофана в некие высшие круги афинского общества, считает, что поэт выражал присущие им консервативные (не олигархические!) взгляды «кимоновского» толка.<sup>6</sup> Её современная радикальная разновидность представлена в недавней монографии Х. Туманса: комедиограф осуждает *всю* афинскую политическую систему (курсив наш — Т.К.), считает демократию негодным политическим строем и предлагает ему альтернати-

<sup>1</sup> См.: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания афинян... С. 232.

<sup>2</sup> *Spielvogel J.* Die politische Position des athenischen Komüdiendichters Aristophanes // *Historia*. Bd. 52. 2003. S. 21.

<sup>3</sup> См., например: *Бузескул В.П.* История Афинской демократии. С. 307; *Толстой И.И.* Драматургия Аристофана // *История греческой литературы*. Т. I / Под ред. С.И. Соболевского и др. М.; Л., 1946. С. 471–473; *Соболевский С.И.* Аристофан... С. 87–88; *Ярхо В.Н.* Комедия Аристофана и афинская демократия // *ВДИ*. 1954. № 3. С. 8; *Лурье С.Я.* К вопросу о политической борьбе в Афинах в конце V в. до н.э. («Андромаха» и «Лисистрата») // *ВДИ*. 1954. № 3. С. 130–131; *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. Cambr. Mass., 1951. P. 48; *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. P. 170.

<sup>4</sup> *Gomme A.W.* Aristophanes and Politics // *More Essays*... P. 72.

<sup>5</sup> Например: *Couat A.* Aristophane et l'ancienne comédie attique. P., 1902. (3-ème éd.)

<sup>6</sup> *Ste. Croix G.E.M.*, de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972. P. 358–361, 371. О связях Аристофана с завсегдатями аристократических фиасов — см. также: *Dow S.* Some Athenians in Aristophanes // *AJAH*. Vol. 73. 1969. P. 234–235.

ву — аристократическую республику.<sup>1</sup> Модернизированная версия о консервативных воззрениях Аристофана появилась в современной историографии в рамках нового дискурса об «элитах» и «массах», вошедшего в моду с легкой руки Дж. Обера.<sup>2</sup> В соответствии с ней, комические поэты, симпатизируя взглядам меньшинства — элиты, вынуждены были «адаптировать» их, делать привлекательными для большинства, подстраиваясь под официальную идеологию, идеологию державного демоса.<sup>3</sup>

Что касается А. Гомма, то британский ученый полагал, что не следует преувеличивать политическую тенденциозность Аристофана: для драматурга не было ни правой, ни виноватой стороны. Каковы бы ни были его политические взгляды (а они у него, конечно, были), он достигает своей цели как художник и дает «аккуратную картину афинской политики в его время», т.е. то, чего другими средствами добивался историк Фукидид.<sup>4</sup> Напротив, о несерьезности рисуемой Аристофаном-шутником картины афинской жизни, рассуждал Й. Шмидт<sup>5</sup>. Словацкий историк М. Окал считал, что поэт стоял на позициях аттического крестьянства и слишком зависел от мнения последнего, а на него в свою очередь велико было влияние местных олигархов. Поэтому следует избирательно подходить к его свидетельствам, а картина афинской действительности, вышедшая из-под его пера, в общем неверна<sup>6</sup>. Еще более

<sup>1</sup> *Туманс Х.* Рождение Афины. На стр. 471 — это аристократическая республика эпохи Клизфена, на стр. 472 — образца греко-персидских войн, когда, по мнению автора, «демократии еще в помине не было» (с. 464). Выразим свое сомнение по поводу существования в Афинах первой половины V в. не исономии или умеренной «гоплитской» демократии (как у некоторых современных авторов), а именно аристократического государства. Что касается имеющегося якобы у Аристофана осуждения афинской демократии как политической системы, процитируем В.Н. Ярхо, с которым мы здесь полностью солидарны: «Ни в одной комедии, ни в одном стихе Аристофан не выражает сомнения в правильности тех основных принципов, на которых покоилась афинская демократия» (Комедия Аристофана и афинская демократия. С. 14).

<sup>2</sup> *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens. Passim.

<sup>3</sup> См.: *Henderson J.* The Demos in the Comic Competition // *Nothing to Do with Dionysos? Athenian Drama in its Social Context* / Ed. by J. J. Winkler and F.I. Zeitlin. Princeton, 1990. P. 274, 284, 313; *Christ M.R.* The Litigious Athenian. P. 104–105.

<sup>4</sup> *Gomme A.W.* Aristophanes and Politics. P. 89.

<sup>5</sup> См.: *Schmidt J.* Aristophanes und Euripides. Ein Beitrag zur Frage der Tendenz des Aristophanes. Greifswald, 1940. Сходным образом, а именно, о том, что единственной целью поэта было развлечь зрителей, высказывался Виламовиц: *Wilamowitz-Mollendorff U.* Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 35.

<sup>6</sup> *Okál M.* Problémy Aténskej demokracie a Aristofanes. Bratislava, 1969. P. 458.

решительно идет вперед в обсуждении проблемы соотношения действительности и ее изображения у Аристофана Малкольм Хит. Комедиограф зачастую изображает общественную жизнь в Афинах не просто «в черном свете», а совершенно безумной; если он действительно так её воспринимал, удивительно, как он вообще писал столь смешные пьесы. Но на самом деле он так не думал; все это, мягко говоря, комическое преувеличение. Поэт предпочитал изображать жизнь в Афинах в нелицеприятном свете, ибо его аудитория, зная, что это неправда, смеялась, когда он это делал.<sup>1</sup> Пьесы Аристофана так были созвучны предубеждениям и ожиданиям большей части афинской публики, в них настолько доминировало народное мнение, что едва ли можно обнаружить в них собственные взгляды поэта.<sup>2</sup>

Не углубляясь в дальнейшую дискуссию, хочется заметить следующее. Трудно, можно сказать, абсурдно было бы представить себе, что у великого художника, мастера разящего без пощады слова, не было политических убеждений, или что он эти политические убеждения из неких эстетических и иных соображений скрывал, или они были не интересны зрителю — и все это в условиях демократического государства, создающего благоприятные условия для выражения своей позиции, да еще ограниченного рамками одного полиса, где все (или многие) друг друга знали. Свои политические взгляды, касающиеся афинской демократии и её лидеров, комедиограф открыто выражал в своих пьесах: в комической форме подавались самые серьезные наблюдения и идеи.<sup>3</sup> Комедия Аристофана, конечно, комедия *политическая*: политизирована была сама театральная аудитория — афинский демос; несомненно связь между Древней афинской комедией и афинской демократией.<sup>4</sup>

Проблема определения политических пристрастий Аристофана и их влияния на его творчество преломляется в контексте нашего сюже-

---

<sup>1</sup> Heath M. Political Comedy in Aristophanes. Göttingen, 1987. P. 22–23.

<sup>2</sup> Ibid. P. 40, 42.

<sup>3</sup> См. рассуждения на эту тему в: *Маринович Л.П.* Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 1998. С. 361; *Ste. Croix G.E.M., de.* The Origins... Appendix XXIX: The political outlook of Aristophanes. P. 355–371. *Passim.* Дж. Обер называет аргументы тех, кто утверждает, будто Аристофан отделял свои политические взгляды от своих литературных произведений «химерическими»: *Ober J.* Political Dissent... P. 124.

<sup>4</sup> Таково преобладающее мнение исследователей. Помимо упомянутых М. Круазе, В. Бузескула, С.И. Соболевского, В. Эренберга, Д. МакДауэлла, Ж. Сен-Круа, Дж. Обера, Й. Шпильфогеля из работ последних лет сошлемся, например, на: *Carey Ch.* Comic Ridicule and Democracy // RFP. P. 69.



та следующим образом: как рассматривать изображение гелиэи в «Осах» и других комедиях — как подлинную картину судебных нравов или как карикатуру (злую, умеренную, ироничную и проч.), и если последнее — как она соотносится с действительностью и с какой целью поэт создал эту карикатуру. Первую позицию напрямую отстаивать не решается никто из исследователей<sup>1</sup>, а вот по поводу второй и вытекающих из нее вопросов, существуют различные мнения и оттенки мнений. Вот несколько характерных точек зрения.

Российский дореволюционный классицист А.М. Ловягин, посвятивший «Осам» несколько очерков в журнале «Гермес», полагал, что эта комедия — злая карикатура, искажающая действительность. И такой пример искажения исторической правды не единственный: будь Аристофан нашим единственным источником, какое бы представление было у нас о Перикле и Сократе, — вопрошает автор статьи.<sup>2</sup> Достоверной информации о суде извлечь из комедии можно немного — она касается некоторых технических моментов судебного заседания, а также того, что гелиастом мог сделаться любой желающий, и жалование судьи получали в зависимости от факта заседания. Все остальное — преувеличение и карикатура: сюда относится и состав судей из одних только стариков, и их склонность к карающим приговорам, не говоря уж об их смехотворных сборах в суд.<sup>3</sup> Приговор, выносимый исследователем комедиографу суров: «К счастью для исторической правды, Аристофан для большинства событий современной ему афинской истории является только побочною иллюстрацией».<sup>4</sup>

Осторожно-скептическую позицию занимал и Э. Ланге, автор статьи «Афины в зеркале комедии Аристофана».<sup>5</sup> Он считал, что афинское судопроизводство не было столь скверно, как в этом пытается убедить нас поэт: уровень образования у афинских граждан был высок; они неплохо разбирались в юридических вопросах. Из Аристофана мы можем вынести общее представление о политическом положении в

---

<sup>1</sup> Разве что — А. Гомм, не сомневающийся в достоверности изображаемого Аристофаном (*Gomme A.W. Aristophanes and Politics. P. 70–91*).

<sup>2</sup> Ловягин А.М. Очерки древнеафинского суда. С. 194. Почти в тех же словах — И.Е. Суриков: «Если бы мы знали о классических Афинах только из Аристофана..., можно сказать, что мы не знали бы о них ничего определенного. К счастью, это не так» (Остракизм в Афинах. С. 300).

<sup>3</sup> Ловягин А.М. Указ. соч. С. 223.

<sup>4</sup> Там же. С. 194.

<sup>5</sup> «Athen im Spiegel der Aristophanischen Komödie». Её перевод см. в книге: История Греции со времен Пелопоннесской войны // Сб-к статей / Пер. под ред. Н.Н. Шамонова и Д.М. Петрушевского. М., 1896. Т. I.

Афинах, но при этом мы только тогда избежим грубых ошибок, когда будем относиться к сказанному с большой осторожностью<sup>1</sup>. Позиция Ланге близка к высказанному ранее мнению Г. Мюллер-Штрюбинга о возможности использования вообще комедии Аристофана в качестве исторического источника. Немецкий ученый предлагал ограничиться извлечением из нее отдельных фактов и быть осторожным в общих выводах и оценках, особенно в области политики<sup>2</sup>.

Современный немецкий филолог Л. Ленц, сопоставляя в своей статье Аристофана-критика с Аристофаном-комиком, убежден в том, что комическое «дионисийское» начало преобладает в пьесе, а во второй части бесспорно доминирует: критик подчинен комику; бурлеск призван был веселить зрителей, а не утомлять их политическими намеками.<sup>3</sup> Афинская действительность преломляется в комедии следующим образом: поэт берет отдельные ее элементы, подает их однобоко, нагружает деталями, внося комический эффект.<sup>4</sup> Вместе с тем, признает Ленц, «Осы», представляющие собой сатиру на афинское правосудие, глубже в политической инвективе и острее, чем «Всадники»: старики-судьи, в прошлом славные марафоновские бойцы, «часть жизненной аттической силы», теперь отравляют внутреннюю политику, умело направляемые негодными демагогами.<sup>5</sup>

Английский исследователь К. Довер, хоть и считает, что кое-какие детали афинского судопроизводства нашли отражение в комедии (в частности, предвзятость и неподотчетность судей), полагает, что с образом главного героя автор явно переборщил. Правда, что греки не так ценили сострадание и прощение, как мы, но признавали все же их за добродетели, о чем свидетельствует и драма, и речи ораторов. Разгадка «ненормальной» безжалостности Филоклеона, его глухоты к мольбам и глумления над просящими — в его имени. Он такой скверный не потому, что все афинские судьи были так беспощадны и непорядочны, а потому что «любит Клеона», а этот демагог взывает к худшему в людях, и его сторонники должны быть людьми без чести и совести. Что касается задачи, которую ставил перед собой Аристофан, то комедиограф не только не призывает к уничтожению судов (в том виде, как они

<sup>1</sup> Ланге Э. Афины в зеркале аристофановской комедии. С. 117–118, 124.

<sup>2</sup> Müller-Strübing H. Aristophanes und die historische Kritik. Leipzig, 1873. S. 1–5, 72–73.

<sup>3</sup> Lenz L. Komik und Kritik in Aristophanes "Wespen" // Hermes. Bd. 108. Ht. 1. 1980. S. 15–44, passim.

<sup>4</sup> Ibid. S. 20.

<sup>5</sup> Ibid. S. 42.

предстают в комедии), он даже не подразумевает каких-либо принципиальных усовершенствований в их наборе, составе, компетенции. Комедия Аристофана, как и в большинстве своем вся греческая комедия, была направлена не на изменения в структурах, а на раскрытие человеческого характера. Ее общий подтекст — морализаторство, а не политика.<sup>1</sup> Иное мнение у Сен-Круа: Аристофанова карикатура на суды — «очень умная атака на систему, которая позволяла многим простым людям, обманутыми демагогами, творить суд над лучшими».<sup>2</sup>

Подведем некоторые итоги. Если рассуждать о политической направленности критики гелиэи, бесспорно, Аристофан никогда всерьез не помышлял о закрытии судов, хоть и восклицает его герой Колбасник во «Всадниках»: «...прекратите допросы и тяжбы! Пусть закроют суды, что Народ возлюбил» (1316–1317). Но утверждать, что поэт не хотел исправить их недостатки, а желал лишь улучшить нравы, как считал К. Довер, нам представляется неверным, как и противоположное мнение Ж. де Сен-Круа о том, что сатира на суды — атака на всю политическую систему Афинского государства, которую Аристофан якобы воспринимал как своего рода «народную тиранию» (*popular tyranny*).<sup>3</sup> Разве Бделиклеон бросает вызов политической власти, осуществляемой афинским народом за счет высших классов? Напротив, он изобличает, что той власти, которой хвастается его отец, демос вовсе не имеет — она находится в руках беззастенчивых и жадных демагогов (*Vesp.*, 606 и проч. — см. выше).

Также изысканной, но малоубедительной игрой ума кажется парадокс Хита: комедия Аристофана не была предназначена к тому, чтобы иметь ответный эффект на вскормившую её политическую реальность, и в этом смысле она не была политической.<sup>4</sup> Проецируя на тему судопроизводства это замечание, получим, что Аристофан и не помышлял о том, чтобы как-то воздействовать на афинскую судебную систему, улучшая или устраняя её очевидные пороки. Но это противоречит и логике и здравому смыслу: в конце концов, как и любой гражданин Афин, он мог стать жертвой несовершенства этой системы. Сам поэт в разных своих пьесах давал понять, что его комедия определенным образом влияет на аудиторию, т.е. афинский демос. В парабасе к «Осам» он ставит себе в заслугу свои «добрые дела» (1017), имеющие прямое отноше-

<sup>1</sup> *Dover K.J. Aristophanic Comedy. Berkeley and Los Angeles, 1972. P. 129–131.*

<sup>2</sup> *Ste Croix G.E.M. de. The Origins of the Peloponnesian War. P. 362, note 9.*

<sup>3</sup> *Ibid. P. 362.*

<sup>4</sup> *Heath M. Political Comedy in Aristophanes. P. 42.*

ние к политике: а именно то, что смело нападал на демагогов и самого омерзительного среди них — Клеона (1030–1042), — и называет себя «заступником в зле и беде, очистителем этого края» (1043). От поэта ждут, что он будет говорить правду (εἰπεῖν τὰ δίκαια) (Ach., 645, 655; Equit., 510). Просвещать, поучать демос (διδάσκειν), критиковать его, давать «горькие уроки» — задача автора комедий (Ach., 647–651, 656–658 — «... наставляя добру и закону»).<sup>1</sup> В «Лягушках» заявляется: «Дело праздничного хора — город доброму учить и давать совет разумный» (686–687). Поэтов почитают «за правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумней и лучше они делают граждан родимой страны» (Rap., 1009–1010). В данном отрывке речь идет о поэтах трагических, но нигде Аристофан не дает понять, что перед комическими поэтами стояла какая-то иная цель.

Наша собственная позиция близка к том средней, на наш взгляд, взвешенной точке зрения, которой придерживались многие исследователи.<sup>2</sup> «Осы» и замечания об афинском суде и судьях в других комедиях — бесспорно, карикатура и местами весьма злая. Наверное, не все гелиасты были так злобны и мелочны, не все были нищими дряхлыми старцами. У того же Аристофана упоминается в «Облаках», что Стрепсиад был судьей, когда его сыну было 6 лет, т.е. в достаточно молодом возрасте (Nub., 863–64), да и у предводителя хора сын — мальчик, что как-то не вяжется с престарелым возрастом славных ветеранов греко-персидских войн. Впрочем, перевес в составе гелиастов вполне возможно был на стороне людей пожилых, свободных от воинской службы, особенно во времена Пелопоннесской войны, когда многие граждане «призывного» возраста (т.е. до 60 лет) находились во флоте или армии,

<sup>1</sup> См. некоторые замечания на этот счет в статье Т. Гельцера «Аристофан: Комедия демоса афинян» // Древний мир и мы. Вып. III. СПб., 2003. С. 62–64, 72–74. См. также рассуждения о том, что афиняне ждали от критики комедикографа помощи в деле образования и воспитания сограждан в: Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий... С. 359–360; Ober J. Political Dissent in Democratic Athens. P. 125–126.

<sup>2</sup> См., к примеру: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 295–296; Соболевский С.И. Аристофан и его время. С.87; Сахненко Л.А. Аристофан и Афинская демократия. Автореферат дисс. ... к.и.н. Л., 1983. С. 20 — общий вывод об отражении афинской действительности в комедии Аристофана; Croiset M. Aristophane et les parties à Athènes. P. 162; Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 18; Ehrenberg V. The People of Aristophanes. P. 9, 37 (о соотношении комедии Аристофана и афинской реальности вообще), 53 (суд и афинская демократия в целом не являются объектом атаки поэта); MacDowell D.M. / Aristophanes. Wasps. P. 2–4; Spielvogel J. Die politische Position... S. 10–13, 19–20.

за пределами Аттики. Судейское жалование этих стариков, на чьем благосостоянии не могли не сказаться тяготы войны, становилось своеобразной пенсией по старости.<sup>1</sup> Граждане состоятельные, деловые люди, процветающие ремесленники едва ли стали бы тратить свое время на выслушивание бесконечных кляуз тяжущихся. Дневной заработок в это время составлял около драхмы<sup>2</sup>, т.е. в два раза больше, чем судейская плата, и более молодые и физически крепкие афиняне, конечно, должны были стремиться к более высокооплачиваемой работе. Но преувеличивая, осмеивая, пародируя, Аристофан подмечал действительно существующие черты в облике и характере гелиастов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, и в афинском судопроизводстве в целом, имеющем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров. Вину за эти неприглядные стороны афинской судебной системы комедиограф возлагал прежде всего на демагогов, беззастенчиво использующих суды и судей в своих корыстных и политических целях.

Утверждения некоторых исследователей о серьезном искажении действительности у Аристофана, вплоть до откровенной лжи, скорей всего, несправедливы. Карикатура должна была иметь сходство с оригиналом: если бы в своей насмешке и пародии комедиограф заходил слишком далеко за пределы реальности в мир фантазии и сидящие на скамьях зрители не узнавали бы в героях, выведенных на сцене, своих соседей, родственников, самих себя, комедия не производила бы желанного эффекта и едва ли пользовалась такой популярностью.

Аристофан, конечно, не был ниспровергателем устоев: как заметил В. Йегер, поэт вел борьбу не против государства, а за государство<sup>3</sup>. Его критика зачастую подразумевала дружеский совет. Не желая уничтожить гелиэю, он желает её улучшить, избавить от очевидных и малопривлекательных недостатков. Главный объект его атаки — не гелиэя как институт, а личность судьи; не идея народного суда, а её искажение. Борьба против демагогов и недобросовестных и предвзятых судей

---

<sup>1</sup> См.: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 232; MacDowell D.M. Op. cit. P. 2.

<sup>2</sup> См.: Jones A.H.M. Athenian Democracy. P. 51; Sinclair R.K. Democracy... P. 128.

<sup>3</sup> Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. I. М., 2001. С. 423. По мнению немецкого ученого, высокая воспитательная миссия пронизывает все понимание Аристофаном сущности его искусства и делает его комедию равноценной современной ему трагедии (там же, с. 417). Также Дж. Обер: Аристофан развлекал и наставлял демос, но никак не стремился к его низвержению (Ober J. Political Dissent... P. 153.)

оборачивается борьбой за независимость судов и справедливые приговоры.<sup>1</sup> Поэт одновременно выражает и свою озабоченность существующими пороками афинского судопроизводства и шире — афинской демократии, и свою заинтересованность в их сглаживании или исправлении. Преобладание «черной краски» в изображении народного суда могло иметь и превентивный характер. Драматург как бы предостерегал соотечественников: смотрите, какие безобразия творятся в судах и что может произойти, если дать этим тенденциям развиваться.<sup>2</sup>

Комедия Аристофана (прежде всего — «Осы») — единственный источник, который дает нам детальное описание гелиэи V в. до н.э. По этой великолепной сатире, мастерской карикатуре на действительность мы можем представить себе, какой она была, эта действительность, мы можем воссоздать целый ряд черт, характерных особенностей и народного суда, и народных судей, и восприятия их в афинском обществе. Благодаря тому, что Древняя комедия была политической и злободневной, мы можем реконструировать по ней с той или иной степенью достоверности афинскую реальность. Нам никогда не удалось бы добиться такого результата по Новой комедии — это все равно что восстанавливать современную жизнь по голливудским фильмам или латиноамериканским сериалам.

---

<sup>1</sup> Последнее предложение — вольный пересказ мысли В. Эренберга (*The People of Aristophanes*. P.54). Справедливость здесь, конечно, следует понимать в тогдашнем, а не современном смысле (см. выше).

<sup>2</sup> Такое предположение высказал МакДауэлл (*Aristophanes. Wasps*. P. 4.)



### Глава III. Дикасты и сикофанты: основные действующие лица афинской судебной системы

#### § 1. Понятие «гелиэя», «гелиасты» и «дикасты» в V–IV вв., места заседания судов

Как уже было сказано, в конце VI в. до н.э. или, скорее, в первой половине V в. до н.э. единый судебный орган — гелиэя — оказался разделенным на судебские коллегии — дикастерии, однако слово «ἡλιαία» и производные от него из употребления не вышли. В наших источниках *гелиэей* называется либо суд, либо здание для судебных заседаний. В законах и декретах, выбитых на камне<sup>1</sup> или цитируемых в судебных речах, преобладает первое значение, а в литературных источниках — второе.<sup>2</sup> В V–IV вв. «гелиэя» употреблялось как синоним к более распространенному «дикастерию», а «гелиаст» — к «дикасту».<sup>3</sup> Правда, между этими понятиями есть некая стилистическая разница.<sup>4</sup> Слово «гелиэя» использовалось более в официальных документах и торжественной обстановке, в ритуальных формулах. Например, при открытии суда глашатай возвещает: «если какой-то судья у дверей, пусть войдет» (εἴ τις θύραςιν ἡλιαστής, εἰσίτω — Aristoph. Vesp., 890), при открытии собрания он проклинает обманщиков: «если кто своими речами обманывает совет, народ или гелиэю...» (εἴ τις ἐξαπατᾷ λέγων ἡ βουλὴν ἢ δῆμον ἢ τὴν ἡλιαίαν — Dem., XXIII, 97). Торжественная клятва судей называлась «клятвой гелиастов» — ὁ τῶν ἡλιαστῶν ὄρκος, или ὁ ἡλιαστικὸς ὄρκος (Hyp., IV, 40).

<sup>1</sup> Первое известное нам употребление слова «гелиэя» в надписях — в дополнении Архестрата к декрету о Халкиде, относящемуся к 446/5 г (IG I<sup>3</sup>, 40, 70–76). Речь идет о том, что судебные дела халкидян, обвинения по которым подразумевают наказание в виде ссылки, смерти, потери гражданских прав (φυγὴς καὶ θανάτου καὶ ἀτιμίας), будут рассматриваться в Афинах, как указано в 75 (с переходом на 76) строчке: ἐς τὴν ἡλιαίαν τὴν τῶν θεοποθετῶν.

<sup>2</sup> Hansen M.H. The Athenian Heliaia. P. 10.

<sup>3</sup> За исключением того, что судей в судах по убийствам называли только «дикастами» и никогда — «гелиастами». См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 4.

<sup>4</sup> См.: Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 155–156.

Существительное «ἡλιαστής», как и прилагательное «ἡλιαστικός», неоднократно встречается в комедиях Аристофана и, по-видимому, в обыденной речи применялось чаще, чем «гелиэя» (Equit., 255; Nub. 863; Vesp., 88, 195, 206, 891, 1341; Lys., 381; в то же время: Equit., 898 – ἐν ἡλιαίᾳ, 798 – ἡλιασσασθαι, Vesp., 772 – ἡλιάσει). В законах, декретах, клятвах, объявлениях и проч. «гелиэя» используется как принятое официальное обозначение народного суда в целом и единственно недвусмысленное обозначение (IG I<sup>3</sup>, 40, 75; SEG, XXX, 74, 103–104; Dem., XXI, 47; XXIII, 28; XXIV, 63, 105 etc.), ибо «дикастерий» мог относиться и к Ареопагу, и к другим уголовным судам по убийствам (Dem., XXIII, 65 – к Ареопагу, Aristot. Pol., 1300b24–30 – к суду эфетов во Фреатто; Pollux, VIII, 117–121 – и к Ареопагу, и к суду эфетов). Чаще всего «гелиэей» называется именно суд (дикастерии) под председательством фесмофетов (ἡ ἡλιαία τῶν θεσμοφетῶν). Очевидно, это не случайно: предполагается, что суд фесмофетов по крайней мере в первой половине V в. до н.э. продолжал заседать там, где в более раннее время собиралась как единый орган гелиэя.<sup>1</sup> В IV в. до н.э. гелиэей назывались также судебные коллегии, состоящие не менее, чем из 500 (Pollux, VIII, 123), а скорее из 1000 и 1500 судей (Aristot. Ath. pol., 68, 1; Гарпокр., s.v. ἡλιαία). Но как правило, и в текстах, и в надписях «гелиэя» все же обозначает именно суд в целом, а не отдельные его секции.<sup>2</sup> В схолиях к аристофановским комедиям гелиэя обычно называется «большим» или «самым большим судом» (ἀπὸ τοῦ μεγάλου δικαστηρίου τῆς ἡλιαίας – schol. in Aristoph. Av., 109; μέγιστον δικαστήριον – schol. in Aristoph. Equit., 255, то же самое – schol. in Aristoph. Vesp., 88, 772e; τὸ μέγα δὲ δικαστήριον – schol. in Aristoph. Equit., 898). Такое же определение гелиэи как самого большого суда встречаем у Павсания (I, XXVIII, 8) и поздних лексикографов: Гарпократиона, Свида, в Lexicon Patmense (s.v. ἡλιαία).

Гелиэей называется также место или здание, где заседают судьи (Dem., XLVII, 12; schol. in Dem., XXIV, 21; Aristot. Ath. pol., 68, 1). Древнейшее здание гелиэи обычно отождествляют с остатками постройки, воздвигнутой еще в VI в. до н.э. на юго-западе агоры, – это прямоугольный перибол, 26,5 x 31 м, без крыши, площадью около 800 м<sup>2</sup>.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 156.

<sup>2</sup> См.: MacDowell D.M. Heliaria // OCD. P. 493.

<sup>3</sup> Thompson H.A. Excavations in the Athenian Agora: 1953 // Hesperia. Vol. 23. 1954. P. 33–39; Thompson H.A., Wycherley R.E. The Agora of Athens: The History, Shape and Uses of an Ancient City Center / The Athenian Agora. Vol. XIV. Princeton, 1972. P. 62–65; Camp J. McK. Square Peribolos // Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens. P. 99–103.



В середине V в. до н.э., по предположению американского археолога Алана Беджхолда, гелиэя заседала в суде Μητιχέιον, который мог вместить большое количество судей (Pollux, VIII, 21 – δικαστήριον μέγα).<sup>1</sup> Метихейон назван был так в честь некоего Метиха (Μήτιχος) или Метиха (Μητιόχος), которого Поллукс и поздние лексикографы именуют архитектором или оратором (Anecd. Gr., I, 309, 17–19; Phot., s.v. Μητιχέιον, Μητιχος). Скорее всего, это политик времен Перикла, вероятно, даже его друг, судя по упоминанию у Плутарха (Mog., 811f).<sup>2</sup> В IV в. до н.э. Гелизей (Ἡλιαία) называлось либо это же здание, либо вновь построенное так, чтобы туда помещалось несколько объединенных судебных палат.<sup>3</sup> Здание гелиэи находилось на агоре или вблизи неё,<sup>4</sup> где именно — точно неизвестно, хотя некоторые предположения у археологов имеются. Вероятно, оно было без крыши — иначе непонятна аристофановская игра словами в «Осах» — ἡλιάσει πρὸς ἥλιον (772)<sup>5</sup>, а также исходя из его размеров — судя по словам Аристотеля, гелиэя должна была вмещать в себя 1500 дикастов и более (Ath. pol., 68, 1). На рубеже V – IV вв. до н.э. в северо-восточном углу агоры было возведено, вероятно, новое здание гелиэи, так называемое здание «А», — тоже без крыши, 41 x 22 м, площадью около 900 м<sup>2</sup>. На том месте, где были найдены его остатки, американские археологи обнаружили различные предметы, имеющие отношение к работе судов (бронзовые диски для голосования, жетоны и т.п.).<sup>6</sup>

<sup>1</sup> Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 5, 177–178.

<sup>2</sup> В «Моралиях» Метих назван стратегом, смотрителем дорог и пекарен. См. также: Androtion, FgrHist. F 59, Commentar. P. 152; Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 5, 177–178. Не исключено, что он был родственником Кимона (Hdt., VI, 41) — об этом подробнее: Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. P. 61.

<sup>3</sup> Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 4–6.

<sup>4</sup> О том, что здание гелиэи и другие судебные помещения, используемые дикастами, находились на агоре или рядом с ней следует из прямых и косвенных указаний в: Aristoph. Ecccl., 675–690; Lys., XIX, 55; Plat. Theat., 173c-d; Athen., XIV, 640d-c; schol. in Aristoph. Plut., 227 и других источниках.

<sup>5</sup> Видимо, именно эта аристофановская игра словами породила известную этимологию «ἡλιαία» от «ἥλιος» («солнце»); она же является первоисточником для многочисленных упоминаний в схолиях и у лексикографов о том, что гелиэя была без крыши и гелиасты подвергались воздействию солнца (стандартная формула – schol. in Aristoph. Vesp., 88: ...τῆς ἡλιαίας, ὅπερ οὕτω καλεῖται διὰ τὸ ἐν ὑπαίθρῳ εἶναι καὶ ἡλίῳ βάλλεσθαι, также: schol. in Aristoph. Equit., 255; Nub., 862, Vesp., 772; Av., 109; schol. in Dem., XXIV, 21; Suid., s.v. ἡλιαστής; Etym. Magn., s.v. ἡλιαία и т.д. См.: Hansen M.H. The Athenian Heliastia. P. 16-17.

<sup>6</sup> Townsend R. The Square Peristyle and Its Predecessors // Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens. P. 104–105.

Среди прочих помещений для заседаний народного суда – Одеон, в котором рассматривались иски о пособиях ( $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota \sigma\acute{\iota}\tau\omicron\upsilon$  – Dem., LIX, 52, Pollux, VIII, 33); заседания вел архонт-эпоним. Судебные процессы происходили также в Расписной Стое ( $\Sigma\tau\omicron\acute{\alpha} \Pi\omicron\iota\kappa\acute{\iota}\lambda\eta$ ) (IG II<sup>2</sup>, 1641, 28–30; IG II<sup>2</sup>, 1670, 34–35). Поллукс упоминает некий «Каллиев суд» со ссылкой на Андротиона (VIII, 121), Фотий замечает, что назван он был так в честь Каллия (s.v.  $\text{Κάλλιον}$ ), но более о нем ничего не известно. В список афинских судов у Поллукса был включен также суд у Лика (видимо, у святилища в честь этого древнеафинского героя). Этот тот самый суд, где судил герой аристофановских «Ос» Филоклеон (Vesp., 389). Греческие авторы приводят также бытовавшее выражение «отряд Лика» ( $\text{Λύκου δεκάς}$ ) – как по отношению к той судебной братии, которая собиралась возле героона и получала там свои три обола (schol. in Aristoph. Vesp., 389a–c), так и по отношению к тем, кто приходил туда, чтобы подкупить судей (Pollux, VIII, 121 –  $\pi\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota \delta' \epsilon\kappa\epsilon\iota \sigma\upsilon\nu\eta\acute{\iota}\epsilon\sigma\alpha\nu \omicron\iota \sigma\upsilon\nu\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\zeta\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\acute{\alpha} \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\alpha$ ). Гарпократион (s.v.  $\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\zeta\omega\nu$ ) приводит замечание Эратосфена (первая половина III в. до н.э.) из его работы о Древней комедии: «Лик – герой в виде зверя<sup>1</sup> у суда в Афинах, возле которого берущие взятки околачивались группами по 10, откуда выражение «десяток [т.е. отряд – Т.К.] Лика» ( $\text{Λύκος \acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}\nu \eta\acute{\rho}\omega\varsigma \pi\rho\acute{o}\varsigma \tau\omicron\iota\varsigma \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\eta\rho\iota\omicron\iota\varsigma \acute{\epsilon}\nu \text{Αθ\eta}\nu\alpha\iota\varsigma \tau\omicron\upsilon \theta\eta\rho\acute{\iota}\omicron\upsilon \mu\omicron\rho\phi\eta\nu \xi\chi\omega\nu, \pi\rho\acute{o}\varsigma \delta\upsilon\nu \omicron\iota \delta\omega\rho\omicron\delta\omicron\kappa\omicron\upsilon\iota\tau\epsilon\varsigma \kappa\alpha\tau\acute{\alpha} \iota' \gamma\iota\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\iota \acute{\alpha}\nu\epsilon\sigma\tau\rho\acute{\epsilon}\phi\omicron\nu\tau\omicron, \delta\theta\epsilon\nu \epsilon\acute{\iota}\rho\eta\tau\alpha\iota \text{Λύκου δεκάς}$ ). Эратосфен, несомненно, играет словами:  $\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\varsigma$  («десяток») –  $\delta\epsilon\kappa\acute{\alpha}\zeta\epsilon\iota\nu$  («подкупать»), – и эта соблазнительная этимология вполне могла подстегнуть его фантазию, посему его объяснение известного выражения вызывает определенные сомнения.<sup>2</sup>

Во времена Аристотеля афинские суды были сведены в один комплекс, который отождествляется археологами с остатками пяти строений на северо-восточной стороне агоры: вокруг уже упомянутого здания «А» выросло еще несколько построек.<sup>3</sup> По описанию в «Афинской политике», туда вело десять входов (Aristot. Ath. pol., 63–65). Помимо свидетельства Аристотеля, указания на существование такого комплекса ( $\tau\acute{\alpha} \delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\eta\rho\iota\alpha$ ) можно найти у ораторов, во всяком случае из контекста их слов следует, что несколько судов стояли рядом: «прогуливаясь

<sup>1</sup> Имеется в виду изображение Лика в виде неназванного зверя, очевидно, волка.

<sup>2</sup> См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 188.

<sup>3</sup> Townsend R.F. The East Side of the Agora: The Remains beneath the Stoa of Attalos / The Athenian Agora. Vol. XXVII. Princeton, 1995. P. 41–45; Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 10–15.

перед судами» — περὶ τῶν ἐμπροσθεν τῶν δικαστηρίων (Din., II, 13; см. также: Dem., XXI, 4). Высказывалось предположение, что комплекс был сооружен около 340 г. до н.э. и здание гелиэи (здание «А») было включено в него или соединялось с ним:<sup>1</sup> в двух надписях 40–30-х гг. упоминается Первый и Средний из новых судов (Аgoга, Vol. XIX, no. 26, 365–366; 461–462<sup>2</sup>; SEG, XXV, 13–14 — δικαστήριον πρῶτον τῶν καινῶν, δικαστήριον μέσον τῶν καινῶν). По реконструкции А. Беджхолда, несколько зданий стояли достаточно близко друг к другу — так, чтобы их можно было обнести изгородью (δρυφάκτοι), дабы отсечь досужую публику.<sup>3</sup> В период упразднения демократии комплекс был разрушен, а вскоре, на исходе IV в. до н.э., на том же месте стали строить огромный квадратный перистиль (58,56 x 58,56 м; S<sup>2</sup> ≈ 3400 м<sup>2</sup>), судя по его колоссальным размерам, намереваясь свести туда *все* суды. Впрочем, достроено это здание так никогда и не было, хотя какое-то время использовалось по назначению, опять же судя по находкам там судебного инвентаря. В начале II в. до н.э. оно было разобрано в связи с воздвижением Стои Аттала.<sup>4</sup>

## **§ 2. Судьи: клятва, судейская табличка (πίνακλον), оплата, численность, распределение судей по дикастериям**

В «Афинской политике» так сказано о тех, кто мог быть афинским судьей: «Судьями могут быть люди, имеющие свыше тридцати лет от роду (δικάζειν δ' ἔξεστιν τοῖς ὑπὲρ λ' ἔτη γεγενημένοις), при условии если они не состоят государственными должниками или не лишены гражд-

<sup>1</sup> См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 36, 206.

<sup>2</sup> Lalonde G.V., Langdon M.K., Walbank M.B. Inscriptions: Horoi, Poletai Records, Leases of Public Lands / The Athenian Agora. Vol. XIX. Princeton, 1991.

<sup>3</sup> Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 36–37. Автор считает, что Зеленый (Βατραχίου) и Красный (Φοικιλίου) суды, упоминаемые у Павсания (I, 18, 8–9) можно соотнести с Первым и Средним судом. Третьим зданием комплекса мог быть Тригонон (Τρίγωνον), названный так за свою треугольную форму или местоположение на участке, похожем на треугольник (P. 8–9, 19).

<sup>4</sup> Townsend R. The Square Peristyle... P. 108–113. Остроумное (но, естественно, недоказуемое) объяснение, почему этот афинский долгострой так и не был никогда достроен, дал в своей рецензии на книгу А. Беджхолда и др. И.Е. Суриков (ВДИ. 1999. № 1. С. 220–225): по конструкторско-архитектурным задумкам в этом здании обыгрывалась цифра 10 — столько было афинских фил, когда его начинали строить; затем их стало 12, что не могло не внести некий хаос в процесс строительства.

данской чести (ὅσοι αὐτῶν μὴ ὀφείλουσιν τῷ δημοσίῳ ἢ ἄτιμοί εἰσιν)» (63, 3 – пер. С.И. Радцига; ср. Dem., XXI, 182; XXIV, 50, 123, 151). Вступая в должность, будущие гелиасты в начале года близ панафинейского стадия на возвышенности героя Ардетта приносили присягу – ὁ τῶν ἡλιαστῶν ὄρκος, или ὁ ἡλιαστικὸς ὄρκος (Anecd. Gr., I, 443, 23; Suid., s.v. ἡλιαστικής).<sup>1</sup>

Клятва гелиаста в изложении Демосфена (XXIV) звучит следующим образом: «(149) Я буду подавать свой голос в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета пятисот. Я не окажу поддержку тирании или олигархии, и, если кто попытается упразднить демократию афинян или станет против нее выступать или вносить предложения, направленные против нее, я не стану им подчиняться. Я не буду поддерживать требования отмены частных долгов или передела земли и домов афинян. Я не стану возвращать на родину изгнанных или тех, кто приговорен к смертной казни. Я не буду изгонять граждан, живущих здесь, в нарушение существующих законов и постановлений народа и Совета афинян, я не буду делать этого сам и не допущу, чтобы так поступали другие. (150) Я не буду утверждать в должности тех, кто не отчитался за свою прежнюю должность, будет ли это один из девяти архонтов, или гиеромнемон, или один из тех, кто избирается по жребию в тот же день вместе с девятью архонтами, будь это глашатай, посол или синедр. Я не допущу того, чтобы один и тот же человек занимал дважды одну и ту же должность или чтобы один человек занимал в течение одного года две должности. Я не буду брать взятку, используя должность судьи, сам или кто-нибудь другой от моего имени по сговору со мной, прибегая к каким-либо уловкам или хитростям. (151) Возраст мой – не менее 30 лет. Я буду одинаково беспристрастно выслушивать выступление как обвинителя, так и обвиняемого, и голос свой буду подавать по существу рассматриваемого дела. Поклянись же Зевсом, Посейдоном,<sup>2</sup> Деметрой и призови погибель как на себя, так и на дом свой, если ты в чем-то нарушишь эту клятву; если же ты будешь её соблюдать, да выпадут тебе на долю многие блага» (пер. В.Г. Боруховича).

<sup>1</sup> По крайней мере, изначально было именно так; как долго, мы не знаем – Гарпократион (s.v. Ἀρρηττός) со ссылкой на книгу Феофраста «О законах» говорит, что этот обычай был отменен.

<sup>2</sup> Высказывалось мнение со ссылкой на Поллукса (VIII, 122), что Ποσειδῶ – ошибка и здесь должен быть Аполлон. См., например: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 153.

Существует общее мнение о том, что текст клятвы из речи Демосфена «Против Тимократа», процитированный выше, — не точная и не подлинная судебная клятва, хотя и содержащая настоящие её фрагменты; возможно, каким-то поздним античным редактором текст был реконструирован и вставлен в манускрипт.<sup>1</sup> Вероятно, текст клятвы менялся, и в IV в. до н.э. в него были внесены какие-то изменения, однако какие именно и как часто они вносились, — нам неизвестно. Попытки реконструировать текст клятвы, предпринимаемые ещё с XIX в.<sup>2</sup>, следует признать произвольными и от того уязвимыми, а иногда и малоубедительными. Так, Р. Боннер и Г. Смит полагают, что пункт о ниспровержении демократии и тирании потерял актуальность в IV в. до н.э. и был исключен, т.е. исходя из собственного видения о целесообразности толкуют содержание клятвы.<sup>3</sup> Все же, судя по настойчивому упоминанию судебными ораторами, в клятве должно было присутствовать обязательство судить в соответствии с наивысшей справедливостью (γνώμη τῆ δικαιοσύνης) (Dem., XX, 118; XXIII, 96; XXXIX, 40; LVII, 63; ср. Lys., XV, 8).<sup>4</sup>

После принесения присяги в IV в. до н.э. каждый судья получал персональный «билет», или табличку (τὸ πινάκιον — Aristot. Ath. pol., 63, 4), около сотни таких «билетов» было найдено при раскопках.<sup>5</sup> Он пред-

<sup>1</sup> См., например: *Lipsius J.H.* Op. cit. S. 153, 1154; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. II. P. 153; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. II. P. 48; *Johnstone S.* Disputes and Democracy. P. 34.

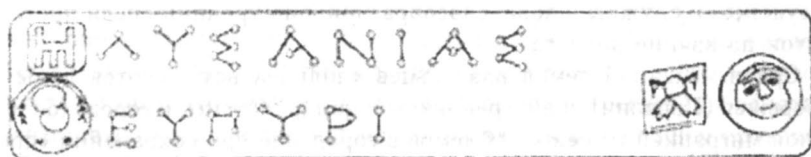
<sup>2</sup> См., например: *Westermann A.* Commentationes de iurisurandi iudicium Atheniensium formula. Lipsiae, 1858; *Fränkel M.* Der attische Heliasteneid // *Hermes*. Bd. 13. 1878. S. 452–466; *Ott L.* Beiträge zur Kenntnis des griechischen Eides. Leipzig, 1896. S. 98–100; *Lipsius J.H.* Op. cit. S. 152.

<sup>3</sup> *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. P. 155. Кстати, в 337/336 г. был принят очередной антитираннический закон — стелу с его текстом, украшенную известным рельефом с изображением Демократии, венчающей Демос, нашли на агоре в 1952 г. (см.: *Raubitschek A.E.* Demokratia // *Hesperia*. Vol. 31. 1962. P. 238–243).

<sup>4</sup> По предположению многих исследователей, — с оговоркой, встречающейся иногда у Демосфена (XX, 118; XXXIX, 40): в случаях, не предусмотренных законом (περὶ δ' ὧν ἂν νόμος μὴ ᾖσι). См.: *Латышев В.В.* Очерк... Ч. I. С. 231; *Fränkel M.* Op. cit. S. 458; *Lipsius J.H.* Op. cit. S. 152; *Harrison A.R.W.* Op. cit. P. 48; *MacDowell D.M.* The Law... P. 44; *Sealey R.* The Athenian Republic. P. 159, n. 12.

<sup>5</sup> См. подробнее обо всем, что связано с этими находками: *Kroll J.H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Каталог — С. 106–258; изображения (plates) — С. 295–350. Американский археолог полагает (С. 7), что наиболее вероятное время появления бронзовых pinakia — 378/7 гг. до н.э., когда был осуществлен целый ряд преобразований в афинской судебной системе (судебная реформа 378 г. — гипотеза Калхуна, поддержанная многими исследователями — см.: *Calhoun G.M.* Oral and Written Pleading in Athenian Courts // *TAPhA*. Vol. 50. 1919. P. 192).

ставляет собой небольшую бронзовую пластину, на которой выгравировано (вырезано) полное имя её обладателя (т.е. имя собственное, патронимик и демотик) и стоит печать — «сова», как на реверсе трехболовой монеты. Её размеры: 11 см длина, 2 см ширина и толщина примерно 2 мм, — соответствуют ячейкам в клеротерии — «машине для голосования», куда вставлялись таблички (см. ниже). Встречаются пластины также с печатью в виде головы Горгоны, а на некоторых находках сразу две печати — совы и головы Горгоны.<sup>1</sup> Высказывалось предположение, что пластины с совой использовались при ежедневном отборе судей, с Горгоной — на выборах магистратов, а с двойной печатью давались тем, кто хотел быть и судьей, и должностным лицом.<sup>2</sup> Отдельная буква на судейской табличке (из первых десяти букв алфавита — от А до К) обозначала дикастерий, к которому в начале служебного года прикреплялся судья.



Τὸ πινάκιον. В левом углу — буква, обозначающая дикастерий, и печать «сова» = «три обولا». В правом — клеймо, обозначающее год (?)<sup>3</sup>, и печать «голова Горгоны».

Между 350 г. и 330 г. до н.э. бронзовые таблички дикастов сменили самшитовые (τὸ πινάκιον πύξινον);<sup>4</sup> ни один образец последних до нас не дошел. Видимо, после этого остававшиеся в употреблении бронзовые пластины лишились печатей, ибо применялись теперь только

<sup>1</sup> Всего в каталоге Кролла: pinakia с трехболовой печатью («совой») — пп. 1–19; pinakia с Горгоной — пп. 20–45; pinakia с «совой» и Горгоной — пп. 61–113; pinakia без печатей (использовались для выборов должностных лиц, когда дикасты пользовались уже деревянными табличками) — пп. 114–143; фрагменты, не поддающиеся достоверной классификации, — пп. 144–183.

<sup>2</sup> См. обстоятельное изложение дискуссии и собственные наблюдения Джона Кролла в его книге: *Kroll J.H. Op. cit.* P. 51–68.

<sup>3</sup> Предположение Дж. Кролла. О других попытках объяснить значение этого клейма см.: *Ibid.* P. 56–59.

<sup>4</sup> От 348 до 330 гг. — датировка М. Лэнг (*Lang M. Pinakia // Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens.* P. 59); ок. 350 г. — Кролла (*Op. cit.* P. 63).

при выборах должностных лиц и надобность в их распознавании отпала. Все наиболее хорошо сохранившиеся таблички найдены в могилах, что, по остроумному замечанию М. Хансена, является выразительной характеристикой афинского менталитета в классическую эпоху: в архаику в могилу брали оружие.<sup>1</sup> Возможно, эти упокоившиеся афинские граждане были так захвачены своей судейской деятельностью «на этом свете», что рассчитывали, прихватив с собой таблички в царство Аида, обеспечить себе и там местечко среди присяжных Радаманта.<sup>2</sup> Изучение судейских «билетов» показывает, что 5 из 6 являются палимпсестом, т.е. имя прежнего обладателя стиралось и замещалось новым. Примерно у половины *πινάκια* было 3 или более хозяина, а некоторыми табличками пользовалось не менее 5 или даже 6 владельцев — по мнению Кролла, если бы не естественные препятствия (изнашиваемость материала и мода брать судейские таблички в могилу), их могло быть еще больше.<sup>3</sup> Очевидно, этот факт свидетельствует о популярности судейской службы и даже своеобразной конкуренции среди претендентов на звание дикаста.

Среди названий демов владельцев табличек встречаются демы и побережья (Паралии), и внутренних районов (*μεσούρεια*), и города (*ἄστυ*). Одной миграцией из сельских демов в городские при сохранении «прописки» в первых (в соответствии с клисфеновским административным устройством) этот факт не объяснить. Можно предположить, что «география» участия в судах была достаточно разнообразна и не ограничивалась одними лишь городскими обитателями.<sup>4</sup>

Что касается количества дикастов, для V в. до н.э. несколькими источниками ясно указывается численность гелиэи в 6000 судей (Aristoph., *Vesp.*, 662; And., I, 17; Aristot. *Ath. pol.*, 24, 3 — *δικασταί ... ἥσαν ἑξακισχίλιοι*). Однако в подробном описании работы дикастериов в конце «Афинской политики» (63–69) эта цифра отсутствует, что породило сомнение у части исследователей, — была ли вообще в IV в. до н.э. фиксированная численность гелиэи. Говорили, что 6000 годится только для эпохи архэ;<sup>5</sup> что сколько граждан после тридцати приноси-

<sup>1</sup> Hansen M.H. *The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes*. P. 182.

<sup>2</sup> См.: Cartledge P. *Fowl Play: A Curious Lawsuit in Classical Athens* // *Nomos*. P. 43.

<sup>3</sup> Kroll J.H. *Op. cit.* P. 71. Кролл полагает, что из-за многократного использования подавляющее большинство *πινάκια* дошли во фрагментах.

<sup>4</sup> См.: Hansen M.H. *Op. cit.* P. 184.

<sup>5</sup> Мищенко Ф.Г. Суд присяжных в Афинах... С. 135. А. Гомм вообще предположил, что эта цифра — риторическое преувеличение (Gomme A. *Review of Hommel H. Heliada* // *CR*. Vol. 44. 1930. P. 66).

ли судейскую клятву, столько и было судей (без ограничений); что членство в гелиэе было чуть ли не пожизненным (только каждый год надо было «обновлять» клятву).<sup>1</sup> К дружному стану скептиков примкнул и И.Е. Суриков и даже продвинулся еще дальше по пути ниспровержения традиции, ибо исходя из разделяемого им постулата, что экклесия и гелиэя — «две ипостаси одного «феномена», он считает цифру 6000 приблизительной и условной как для V, так и для IV в. По мнению московского историка, «избрание 6000 тыс. судей с помощью жребия — не более чем историографическая фикция»; исследования пинакиев якобы подтверждает этот вывод (ровно наоборот! — Т.К.), а число 6000 у Аристотеля было некритически заимствовано им из «Ос». <sup>2</sup> Однако, как уже было сказано, многие судейские таблички неоднократно меняли своих хозяев, т.е. несомненно, была ротация судей, что не очень-то согласуется с пожизненным членством. <sup>3</sup> Если в «Афинской политике» в главах 63–69 и не воспроизводится вновь цифра 6000, приведенная в 24 главе, так ведь ни в этом источнике, ни в каком другом она и не опровергается для IV в., а *argumentum ex silentio* не является безусловно надежным. Утверждение о том, что судей вообще никто не считал и было их столько, сколько желающих «регистрировалось» в качестве дикастов, принося присягу, находится в вопиющем противоречии со всей судебной практикой: делением гелиэи на дикастерии (тах 10) с *определенным* количеством дикастов (в среднем — 200–400 в палате) и системой распределения по палатам (об этом — см. ниже), которая подразумевает все же *конечное* число действующих судей и просто не смогла бы функционировать, если б вдруг большое количество афинян (ведь все желающие запаслись, по версии Сурикова, фактически пожизненным судейским «билетом») вдруг вздумало явиться, чтобы отобраться, например, на какой-нибудь громкий процесс.

<sup>1</sup> См.: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 138–140; *Hommel H.* Heliäia: Untersuchungen zur Verfassung und Prozessordnung des athenischen Volksgerichts // *Philologus. Supplementband XIX.* Ht. II. Leipzig, 1927. S. 36–37, 49–50, 120–121; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 372; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. II. P. 48 (осторожно); *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. S. 170.

<sup>2</sup> Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиэи. С. 16–17; он же. Остракизм в Афинах. С. 254–255.

<sup>3</sup> Исследование *pinakia*, проведенное Кроллом, убедило многих в том, что гелиэя и в IV в. до н.э. состояла из 6000 ежегодно избираемых граждан. См. замечание П. Родса в: *Rhodes P.J.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens... // AD. P. 308, а также: *Lotze D.* Die Teilhabe des Bürgers... S. 401, 407.



Некоторые ученые, разделяющие мнение о неизменности численного состава гелиэи в IV в. до н.э. (мы его также поддерживаем), полагают, что если в начале года добровольцев-кандидатов в гелиасты оказывалось больше, чем требовалось для полного состава, либо оставались те, кто первыми заявил о своем желании, либо проводилась жеребьевка<sup>1</sup> — ни тот, ни другой вариант не исключал возможности того, что какие-то дикасты исполняли свою обязанность два года или даже более лет подряд. Списки судей составлялись предположительно по филлам, по 600 человек от каждой. Внутри филы, видимо, существовали определенные квоты для демов в зависимости от их размеров и численности населения.<sup>2</sup>

Как уже говорилось, примерно с середины V в. судьи получали жалованье. Размер вознаграждения больше не менялся и, когда Аристотель писал «Афинскую политику» (320-е гг.), он по-прежнему составлял три обола. В IV в. народный суд стоил государству где-то между 22 и 37 талантами в год<sup>3</sup>, правда, какая-то часть затрат компенсировалась за счет судебных пошлин (πρυταεῖα). В тяжелые времена для бюджета эти расходы были изрядной ношей и могли привести к временной приостановке судебных заседаний. Если верить Демосфену, в конце 70-х — начале 60-х гг. рассмотрение частных исков было отложено на несколько лет (XLV, 4). Также суды на короткое время были закрыты в 348 г., так как после эвбейской кампании в казне не было денег (Dem., XXXIX, 17). Очевидным образом эти ограничения не касались государственных преступлений.

Хватало ли скромной суммы в три обола, чтобы покрыть дневной заработок и сделать привлекательным участие в суде? Некоторые исследователи выражали в этом сомнение. Так, Г. Глотц отмечал, что эта

---

<sup>1</sup> См., например: *Jones A.H.M.* Athenian Democracy. P. 124; *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P. 6–7; *Kroll J.H.* Athenian Bronze... P. 71–86; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 181–182; *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 703; *Lotze D.* Op. cit. S. 409. Наиболее основательные аргументы в пользу жеребьевки см.: *Wilamowitz-Mollendorff U.* Aristoteles und Athen. Bd. I. S. 200–204. А. Ланни, соглашаясь с тем, что ежегодно 6000 тыс. присяжных приносили клятву, полагает, что процедура их отбора «unclear» (*Lanni A.M.* Law and Justice... P. 38, n. 106).

<sup>2</sup> См.: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 135; *Wilamowitz-Mollendorff U.* Op. cit. S. 201; *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. P. 230.

<sup>3</sup> Подсчеты М. Хансена, с учетом дней заседаний и количества судей. См.: *Hansen M.H.* Op. cit. P. 189. А. Беджхолд указывает, что если 2000 судей в среднем заседали 200 дней в году, получается 33 таланта (The Lawcourts at Athens. P. 30.)

сумма была сущим пустяком и позволяла просто добавить к вечерней трапезе некий деликатес, а домашним — не смотреть на старика-судью как на бесполезного едока, поэтому упреки в том, что судейское жалование плодило тунеядцев и бездельников, несправедливы.<sup>1</sup> М. Маркл, исследовавший проблему жалования судьи и епископа, напротив, убежден, что три обола были существенным подспорьем.<sup>2</sup> Алкивиад у Фукидида (VIII, 45, 2) утверждает, что афиняне платят своим воинам по три обола в день. Если сопоставить цены на предметы первой необходимости и дневной рацион (ячмень, пшеница, оливковое масло, вино и т.д.), окажется, что на три обола судья мог прокормить в день себя, свою жену и двоих детей (ср. Aristoph. Vesp., 300–303).<sup>3</sup> Судя по строительным счетам из Эрехтейона (IG I<sup>3</sup>, 475) дневной заработок квалифицированного рабочего в конце V в. до н.э. составлял 1 драхму (т.е. 6 оболов) за рабочий день. Правда, надписи, относящиеся к 20-м гг. IV в. показывают, что в это время заработок неквалифицированного рабочего доходил до 1,5 драхмы в день, а квалифицированного — до 2,5 (IG, II<sup>2</sup>, 1672), т.е. зарплата за век возросла в 2 или даже 2,5 раза, однако цены на основные продукты практически не поднимались, за исключением сезонных колебаний, периодов войн, кризисов и неурожаев<sup>4</sup>, так что на судейское жалование по-прежнему можно было прожить день (правда, очень скромно) небольшой семье.

Большое внимание в афинском судопроизводстве уделялось системе распределения судей по дикастериям. Несколько раз она претерпевала изменения, становясь все более изощренной. Сначала (в V в.) судья в начале срока пребывания в должности приписывался к одной судебной комиссии (дикастерии<sup>5</sup>) и в одном суде, в одном помещении, находившемся в ведении определенного архонта, заседал целый год

<sup>1</sup> Glotz G. The Greek City and its Institutions. P. 253. Также: Глускина Л.М. Проблемы кризиса полиса. С. 36.

<sup>2</sup> Markle M.M. Jury Pay and Assembly Pay at Athens // Athenian Democracy. P. 107.

<sup>3</sup> См.: Markle M.M. Op. cit. P. 108. В своих расчетах пищевых рационов (P. 108–112, appendix – P. 125–131) он опирается на статью: Foxhall L., Forbes H.A. Σιτοεργεῖα: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. Vol. 12. 1982. P. 41–90. Например, дневной рацион ячменной муки стоил 0,6 оболов для мужчины, 0,45 — для женщины и 0,6 — для двоих детей; дневной рацион оливкового масла (1/8 котилы) стоил 1/16 обола; 4 котилы вина (примерно литр) — пол-обола и т.д.

<sup>4</sup> См.: Markle M.M. Op. cit. P. 116, 126.

<sup>5</sup> Возможный перевод δικαστήριον в этом значении: комиссия, коллегия, секция, палата (последнее может означать также помещение для заседания).

(как Филоклеон и его товарищи — Vesp., 303–306; 1107–1110), так что он мог знать наперед, какого рода дела будет разбирать и даже имена некоторых обвиняемых (Aristoph. Vesp., 156–157; 240–244; 288–289; 303–306; Ant., VI, 21, 23). Вероятно, дикастериев было десять, хотя первоначально могло быть и меньше — когда и как осуществился переход от одной-единственной гелиэи к нескольким дикастериям неизвестно (мы предположили, что в 80–60-х гг. V в.); очевидно, создание архэ, укрепление демократии и рост населения после персидской войны должны были повлиять на увеличение количества судебных исков и соответственно судов (см. § 2, 5 гл. I). Заседать могло одновременно 1000, 1500, 2000 и даже 6000 судей, обычные дела рассматривались: государственные иски — 500 дикастами, частные — 200–400 (And., I, 17; Lys., XIII, 35; Plut. Per., 32, 2). Большое количество судей в дикастериях должно было затруднить коррупцию — именно так объясняет многочисленность дикастов Псевдо-Ксенофонт (III, 7). Никакого распределения в день заседания не было: потенциальные дикасты выстраивались с утра пораньше в очередь перед судом, запускались в порядке прибытия, пока не набиралось необходимое количество, после чего двери закрывались (Aristoph. Vesp. 233–234, 240, 303–305, 400, 689–90; Ant., VI, 21–23).<sup>1</sup>

В самом конце V в. (обычная датировка — архонтство Евклида — 403/2 г. до н.э.) система распределения усложнилась.<sup>2</sup> Произошло это, по-видимому, из-за случаев подкупа, все-таки имевших место. Самым громким скандалом была история с Анитом (одним из будущих обвинителей Сократа), умудрившимся подкупить целый дикастерий (Aristot. Ath. pol., 27; Diod., XIII, 64, 5–7 — процесс имел место в 409 г. до н.э.<sup>3</sup>). Десять судебных комиссий (дикастериев) обозначались буквой алфавита (от А до К) — они даже назывались иногда *ура́цмاتا* (Aristoph. Plut., 1167); к ним «приписывались» судьи, вытянувшие жребий с соответствующей буквой. Эта буква проставлялась также в табличку (*πινακίον*) судьи. В дикастерий входило примерно равное количество представителей от каждой из 10 фил.<sup>4</sup> Утром в день заседания созыва-

<sup>1</sup> См.: *Hommel H.* Heliaia. S. 110–115; *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 137–139; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 183.

<sup>2</sup> См., например: *Hommel H.* Heliaia. S. 115; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 372; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. II. P. 240; *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. S. 170. По другим предположениям, вскоре после 410 г. до н.э. — см.: *Boegehold A.L.* The Lawcourts at Athens. P. 22, 155–156 (со ссылкой на схолии к Аристофану: Schol. in Plut., 972).

<sup>3</sup> Анит был обвинен в измене (*προδοσία*) за то, что не смог выручить мессенский гарнизон в Пилосе, атакуемый спартанцами.

<sup>4</sup> *Harrison A.R.W.* Op. cit. P. 240; *Boegehold A.L.* The Lawcourts... P. 32.

лись все коллегии-дикастерии, и жребием выбиралась буква коллегии (или, по необходимости, нескольких коллегий), которая будет работать в этот день; одновременно жребием же определялось то помещение (палата), в котором (или которых, если требовалось несколько) будет проходить суд — палаты обозначались буквами от Α до Υ. Наконец, жребий решал, кто из фесмофетов будет на нем председательствовать.<sup>1</sup>

Главный источник наших сведений о том, как происходила жеребьевка в начале IV в. до н.э., — комедия Аристофана «Женщины в народном собрании» (поставлена около 390 г.). Намеревающаяся отменить суды и вместо них устроить народное угощение Праксагора (673–675), рассказывая, как она собирается все организовать, пародирует тогдашнюю систему распределения дикастов. На вопрос своего супруга Блепира, куда она поместит клеротерии (машины для голосования — см. ниже), Праксагора отвечает: «поставлю их на агоре, рядом с Гармонием, и распределю всех жребием (κῆτα στήσασα παρ' Ἀρμονίῳ κληρώσω πάντας), пока каждый, получив его, не уйдет, радостный, зная, под какой буквой он обедает (ὥς ἂν εἰδῶς ὁ λαχὼν ἀπὴν χαίρων ἐν ὁποίῳ γράμματι δεῖται<sup>2</sup>), и глашатай провозгласит, что те, кто из [секции] «Β», следуют на обед в Царскую стою, «Θ» — в стою рядом, а те кто из «Κ» — отправляются на хлебный рынок» (683–686).

Дикасты, которым не повезло — жребий на их коллегию не выпал, расходились домой не солоно хлебавши, о чем свидетельствует вопрос Блепира: «а те, кто не вытащили букву, чтобы пообедать, — их все будут гнать?» (ὅτῳ δὲ τὸ γράμμα μὴ ἐξέλκυσθῃ καὶ ὃ δεῖται<sup>2</sup>, τοῦτους ἀπελῶσιν ἄπαντες; — 687). Но в счастливом обществе, обустроенном женщинами, никаких обиженных не будет, и Праксагора уверяет, что изобилие гарантировано всем (πᾶσι γὰρ ἄφθονα πάντα παρέξομεν — 690).

Вероятно, тогда же количество судей в дикастериях было сделано нечетным, чтобы уменьшить число случаев, когда голоса делятся поровну (schol. Dem. XXIV, 9). Впрочем, судя по «Афинской политике» (69, 1) и замечанию Эсхина в речи «Против Ктесифонта» (252), старое правило, действующее в V в., согласно которому в случае равенства голосов, обвиняемый оправдывался (Aesch. Eum., 741, 752–753; Ant., V, 51; Aristoph. Ran., 685), отменено не было, то ли по инерции, то ли потому что и в IV в., случалось, голосовало четное количество дикастов.

<sup>1</sup> См.: *Hommel H.* Heliaia. S. 115–126; *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 139–141; *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. P. 372–373.

<sup>2</sup> Липсиус считает, что «под какой буквой он обедает» (ἐν ὁποίῳ γράμματι δεῖται) относится не к букве секции, а к букве судебного помещения (Op. cit. S. 141).

Новая система распределения всё же полностью не предохраняла от возможности подкупа. Лисий приводит слова (якобы) Филократа о том, что приятели Эргокла подкупили 2100 судей (XXIX, 12–13), — правда, это не помогло, и Эргокл был осужден на смерть. Исократ упоминает о Ксенотиме, некоем агенте по подкупу судей (XVIII, 11–12); Эсхин напоминает об обвинениях в подкупе в собрании и суде, инициированных Демофилом (I, 86–87). Кстати, судьи, повинные во взяточничестве, были тогда казнены, несмотря на «смягчающие обстоятельства», толкнувшие их на это преступление, — старость и бедность (Aeschin., I, 88). Афиней (XIV, 640b–c) цитирует отрывок из пьесы Евбула (представитель среднеаттической комедии, первая пол. IV в.), в котором тот упоминает о некоем месте в Афинах (очевидным образом, это агора), где продается все скопом (πάνθ' ὅμου). Среди прочего в изобилии представлены предметы и персоны, имеющие непосредственное отношение к судопроизводству: «фиги, глашатаи (κλητῆρες — также этим словом обозначались те, кто вызывал на суд), виноград, репа, груши, яблоки, свидетели (μάρτυρες), розы, мушмула, потроха, соты, горох, тяжбы (δίκαι), молоко, молоко, мирт, приспособления для голосования (κληρωτήρια), гиацинты, ягнята, водяные часы (κλεψύδραι), законы (νόμοι), иски (γραφαί)». Суды располагались в разных местах, судья отправлялся туда, куда ему выпал судить жребий, — это было еще одним обстоятельством, облегчавшим воздействие на него: по дороге тяжущиеся или их приятели могли попытаться его улестить, подкупить или, наоборот, запугать.<sup>1</sup>

Предположительно в начале 70-х гг. IV в.<sup>2</sup> система распределения судей еще более усложнилась. В последние годы против традиционной датировки выступил А. Беджхолд. По его мнению, реформа произошла скорее всего в 40-х гг., когда был сооружен единый комплекс судебных зданий: дикасты находились в «охраняемой» зоне, тяжущимся и их сторонникам было до них не добраться до начала суда, и та изощренная процедура отбора судей, которая описана Аристотелем, могла быть задействована.<sup>3</sup> Казалось, судьи теперь были полностью избав-

<sup>1</sup> См.: *Boegehold A.L.* The Lawcourts at Athens. P. 34.

<sup>2</sup> Подавляющее большинство исследователей придерживается данной датировки, чаще всего с уточнением — 378/7 г. (организация второго морского союза и проведение комплексной реформы судопроизводства), например: *Colin G.* Les sept dernières chapitres de l' *Ἀθηναίων Πολιτεία* // REG. T. 30. 1917. P. 82–84; *Calhoun G.M.* Oral and Written Pleading... P. 192 (автор гипотезы о комплексной реформе); *Hommel H.* Heliada. S. 129–131; *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. I. P. 373; *Harrison A.R.W.* Op. cit. P. 241; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 183; *Sealey R.* The Athenian Republic. P. 59.

<sup>3</sup> *Boegehold A.L.* Op. cit. P. 22.

лены от искуса мздоимства, впрочем, судя по остроте в одном из фрагментов Менаандра (fr. 537, Kock) преодолеть его до конца так и не удалось: «что желаешь? — все получишь... — друзья, судьи, свидетели (φίλοι, δικάσταί, μάρτυρες)». Поистине, коррупция бессмертна...

Во второй половине IV в. численность судебных коллегий, разбиравших частные иски, составляла по-прежнему 201 или 401 человек (Aristot. Ath. pol., 53, 2), государственные иски рассматривали 500 (501) дикастов, а для более важных дел собирался двойной или тройной состав в 1000 (1001), 1500 (1501), а иногда — даже 2500 (2501) судей; заседание тогда происходило в Гелиэе (Aristot. Ath. pol., 68, 1; Dem., XXI, 223; XXIV, 9; Din., I, 52, 107; Pollux, VIII, 123).

Что же представляла из себя эта новая система распределения судей по дикастериям? Главный источник информации — подробный рассказ Аристотеля из «Афинской политики», однако с ним связан целый ряд проблем. Описание жеребьевки судей и вообще организации работы дикастериев находится на последнем свитке Лондонского папируса с текстом «Афинской политики», опубликованного Ф. Кенионом в январе 1891 г. Заключительная часть труда Аристотеля, содержащая главы с 64 по 69, дошла до нас в не очень хорошем состоянии: столбцы текста неполные и трудночитаемые (особенно ст. XXXIV, содержащий главы 67, 3–68, 2),<sup>1</sup> неоднократно предпринимались попытки их восстановления — все это, несомненно, создает дополнительные трудности для понимания и так непростого текста, подробно рассказывающего о маловразумительных для современного читателя деталях всевозможных процедур и устройств. Большим подспорьем для исследователей являются материалы археологических раскопок на афинской агоре, результаты которых на протяжении уже многих лет обобщаются и представляются в серии «Афинская агора», издаваемой Американской школой классических исследований в Афинах. Для нашей реконструкции мы будем использовать том 28 «Суды в Афинах: местоположение, здания, оборудование, процедура и свидетельства», основным автором которого является Алан Беджхолд. Ныне историки могут представить себе, как происходила жеребьевка судей во времена Аристотеля, — важную роль сыграли здесь изыскания профессора Гарвардского университета Стерлинга Доу. В 1937 г. он идентифицировал таинственный клеротерий (κλρωτήριον), несколько раз упоминаемый Аристотелем<sup>2</sup>, с каменными

<sup>1</sup> См.: Rhodes P.J. A Commentary... P. 699.

<sup>2</sup> О других упоминаниях клеротерия в надписях (в том числе не афинских, из Смирны и Кирены) и литературе, в частности в приведенном выше фрагменте Евбула (Athen., XIV, 640b–c) и прелестной загадке того же комедиографа (Athen., X, 450b–c) — см. подробнее: Dow S. Aristotle, the Kleroteria and the Courts // Athenian Democracy. P. 70–76.

стелами с прорезями, фрагменты которых были обнаружены при раскопках на агоре; восстановил его внешний облик и дал описание его работы.<sup>1</sup>

Суд во времена Аристотеля, как уже было сказано, имел 10 входов, по одному для каждой филы (Aristot. Ath. pol., 63, 2). Перед каждым входом стояло десять ящиков, или коробок (κιβώτια) (т.е. всего их было 100), с буквой от А до К; в эти ящики прибывающий судья опускал свой πινακίον (самшитовую табличку с именем и «своей» буквой); в каждой филе было примерно одинаковое количество судей под каждой из 10 букв. Еще несколько специальных ящиков (с буквой от Λ) — столько, сколько намечалось на этот день судебных заседаний, — предназначались для табличек тех судей, на которых в этот день падет жребий. Рядом (по обеим сторонам от входа) находились две машины для голосования (κλήρωτήριον) (т.е. всего их 20 — по две на каждую филу).<sup>2</sup> Клеротерий представлял из себя каменную или деревянную стелу с пятью вертикальными столбцами (κανοίδεις)<sup>3</sup> прорезей (щелей), располагавшимися под определенной буквой (Ath. pol., 64, 2); длина клеротерия — примерно с человеческий рост, ширина — около 60 см.<sup>4</sup>

У каждого из входов дежурил архонт, а у десятого — секретарь фесмофетов. После того, как все судьи прибыли, архонт берет из 10 ящиков наугад по одной табличке — так выбирают первых 10 (всего 100) судей. В дальнейшем они будут помощниками (раскладчиком — ἐμπήκτης) в процедуре жеребьевки. Каждый из них берет ящик со «своей» буквой (буквой своей секции) и подходит к соответствующему клеротерии (первый — от А до Е; второй — от Ι до Κ). В щели (ячейки) клеротерия по вертикали раскладчик кладет под каждую из пяти букв таблички из ящика. К «машине для голосования» прикреплена сбоку вертикальная труба с воронкой наверху — туда закладываются

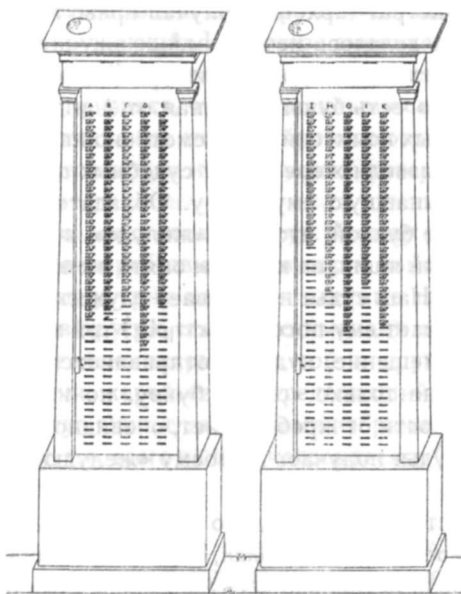
<sup>1</sup> Dow S. Aristotle, the Kleroteria and the Courts // HSCIPh. Vol. 50. 1939. P. 1–34; статья перепечатана в: Athenian Democracy / Ed. by P.J. Rhodes. P. 62–94.

<sup>2</sup> В русском переводе — неправильно «баллотировочные помещения». Реконструкция клеротерия С. Доу ныне общепризнанна. Прискорбно, что издатель «Античной демократии в свидетельствах современников» Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко не поправили и не откомментировали старый перевод С.И. Радцига. Переводчик, конечно, не знал о работе Доу — она появилась три года спустя после выхода в свет его перевода, но Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко утверждают, что пользовались новейшим комментарием к «Афинской политике» П. Родса, следовательно, владели всей информацией.

<sup>3</sup> Как убедительно показал С. Доу, словом «κανοίς» в клеротерии обозначался именно вертикальный ряд (раньше полагали, что оно может означать только горизонтальную линейку) (Dow S. Op. cit. P. 65–69).

<sup>4</sup> См.: Dow S. Op. cit. P. 62.

белые и черные шары (κύβοι). Допустим, в этот день нужно отобрать 1000 судей, т.е. 100 дикастов от каждой филы и 10 от каждой секции. Архонт кладет в трубу 9 белых шариков (10 минус один — надо учесть уже отобранных раскладчиков) и докладывает черные в соответствии с количеством табличек в самом коротком из вертикальных столбцов (Ath. pol., 64, 3).<sup>1</sup> Если, скажем, в этом столбце (как на рисунке слева) табличками заняты 28 ячеек, то черных жребиев будет положено 28 минус 9 = 19. Затем архонт выбрасывает с помощью какого-то механизма из трубы один шар, другой и т.д. Если он оказывается белым, обладатели первых пяти табличек в горизонтальном ряду (под всеми пятью буквами данного клеротерия) считаются избранными, если черный — их обладатели в это день без работы; следующий шар относится ко второму горизонтальному ряду и т.д.



### Τὰ κληρωτήρια. Реконструкция С. Доу.

<sup>1</sup> См.: Dow S. Op. cit. P. 87–89; Rhodes P.J. A Commentary... P. 708. В переводе С.И. Радцига — неправильно «кубики»; может быть, когда-нибудь в каких-то иных приспособлениях для жеребьевки и использовались «кубики», но судя по найденным фрагментам клеротерия, эта машина был предназначена именно для «шариков».



Естественно, те судьи, чьи таблички оказались ниже последнего полностью заполненного горизонтального ряда (из пяти ячеек-прорезей), шансов на избрание в этот день вообще не имели. Раскладчики теоретически имели возможность для злоупотребления: увидев знакомые имена, они могли облагодетельствовать своих коллег, поместив их таблички вверх, или напакостить, разместив вниз. Таким образом, процедура была несовершенной, но корректирование её в сторону большей справедливости потребовало бы больше времени для проведения жеребьевки, а впереди был еще долгий судебный процесс.

Мы не знаем, как и в какой момент выбирали того судью, благодаря которому четное количество дикастов, на которых пал жребий клеротерия, делалось нечетным. А. Беджхолд предположил, что именно этот «добавочный» судья потом вручал своим коллегам жетоны (σύμβολα) (Ath. pol., 65, 2)<sup>1</sup>, но даже если это и так, ситуация с его избранием все равно непонятна. П. Родс не исключает возможности, что председательствующий магистрат (архонт) получал право голоса и таким образом число дикастов делалось нечетным.<sup>2</sup>

Отобранные счастливицы достают из урн (ὀδρίαι) «желуди» (βάλανοι) На каждом «желуде» есть буква, начиная от Α и далее — сообразно с тем, сколько судебных комиссий предусмотрено на этот день. Фесмофеты еще раньше произвели жеребьевку судебных помещений и прикрепили к каждому выпавшую ему букву. Владелец «желудя» идет в помещение с той же буквой, что и на «желуде», а его табличку архонт кладет в специальный ящик, на котором опять же значится та же буква, что и на «желуде». Наш судья показывает служителю (ὑπρέτης) свой «желудь» и тот вручает ему посох (βακτηρία) той же окраски, которую имеет судебное помещение, куда он отправляется (т.е. каждое такое помещение имеет не только «свою» букву, но и «свой» цвет; буква меняется в зависимости от жребия, цвет, очевидно, постоянный).<sup>3</sup> Войдя в помещение, судья получает к своему «желудю» и посоху еще жетон (σύμβολον).

Из текста Аристотеля неясно, что это за жетон и для чего он предназначался. По версии А. Беджхолда, σύμβολον обозначал место судьи. Он идентифицировал несколько десятков найденных при раскопках на агоре монетообразных бронзовых жетонов с головой льва или Афины

<sup>1</sup> Boegehold A.L. Aristotle and the Dikasteria // HSClPh. Vol. 63. 1958. P. 526–528.

<sup>2</sup> Rhodes P.J. Op. cit. P. 729.

<sup>3</sup> См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 38.

на одной стороне и буквой от Α до Ω (и еще одной буквой — похожей на Γ<sup>1</sup>) на другой — с жетонами дикастов и интерпретировал их как знак распределения судей по секторам (или скамьям) судебного помещения, обозначаемыми по буквам алфавита. (К ним была добавлена одна «imported» буква, чтобы получилось 25 — кратное судебским коллегиям в 200, 400, 500, 1000 и т.д. человек).<sup>2</sup> Беджхолд считает, что это нововведение относится к концу V в. Он ссылается на схолии к аристофановскому «Плутосу» (schol. in Plut., 972), содержащие отрывок из Филохора: «Филохор говорит, что в архонтство Глаукиппа и Совет впервые сел по буквам» (φῑσι γαρ Φιλόχορος, ἐπὶ Γλαυκίππου, καὶ ἡ βουλὴ κατὰ γράμματα τότε πρῶτον ἐκαθέζετο — FgrHist., F 140). Так как выше речь шла о дикастах, получается, что филохоровское καὶ можно толковать «как и судьи». А. Беджхолд указывает, что подобная мера, положившая конец прежней судебской вольнице в занятии мест, призвана была помешать образованию «блоков» друзей или родственников, сидящих рядом и разогревающих друг друга эмоциями, которые потом выплескиваются на окружающих.<sup>3</sup> Гипотеза американского ученого остроумна, логична и проливает свет на одно из «темных» мест Аристотеля. Но следует все же признать, что письменными свидетельствами она фактически не подкреплена (не считая смутного отрывка из Филохора) и основывается прежде всего на недоказуемой интерпретации археологического материала.

Вернемся вместе с Аристотелем в суд. Между должностными лицами также проводится жеребьевка, кто в каком помещении будет председательствовать. В одну урну кладутся цветные шарики (цветов судебных помещений), в другую шарики с именами магистратов, затем достаются последовательно шарики из той и другой урны и т.д. В заключительной стадии жеребьевки определившийся в каждом суде председатель, встряхнув ящик с табличками избранных судей, доставал из него одну табличку, т.е. всего их получалось десять (у каждой филы —

<sup>1</sup> В позднегреческом называемая в другой форме (λ) sampi; эта буква встречается в ранних ионийских надписях; известно также, что афинские ремесленники иногда обозначали ею образец в серии. См.: Boegehold A.L. Op. cit. P. 69.

<sup>2</sup> Boegehold A.L. Aristotle's *Athenaion Politeia* 65, 2: The «Official Token» // *Hesperia*. Vol. XXIX. 1960. P. 393–401.

<sup>3</sup> Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 34, 71. Известный пример эффективности группы единомышленников: политик Фукидид, собравший своих сторонников в одном месте экклесии и усиливший таким образом их вес (Plut. Per., 11, 2).

свой ящик). Из этих десяти, возможно, тот, чья табличка была вытащена первой,<sup>1</sup> ведал клепсидрой, четверо следующих отвечали за баллотировочные «камешки», пятеро получали от председателя инструкции, в каком месте будет производиться расчет с каждой из фил и, очевидно, должны были следить за порядком и помогать в выплате денег.

Так заканчивается жеребьевка судей, описанию которой Аристотель посвятил четыре главы своей «Афинской политики». Такая скрупулезность и въедливость неспроста, и если мы представим себе, как изо дня в день, из года в год афиняне предавались с энтузиазмом этой забаве (а ведь это только начало — главное развлечение впереди), воистину, придешь к выводу, что суд для них — не просто государственный институт, а *modus vivendi*. Как подметил один современный исследователь, в пропорции к численности населения афиняне потратили на организацию работы и саму работу своих судов более человеко-часов, чем любой другой народ во всемирной истории.<sup>2</sup> Символично, что именно дикаст и дикастерии стали опознавательным знаком Афинского государства в комедии (Aristoph. *Nub.*, 207–208; *Pax*, 505; *Av.*, 41; 109–112 etc), а Лукиан, отправивший своего героя, философа-киника Мениппа в заоблачный полет, вложил в его уста такую шутливую характеристику «национальных занятий» лицезреемых сверху народов: «финикийцы путешествовали, киликийцы совершали разбойничьи набеги, спартанцы сами себя бичевали, афиняне судились» (*Icaromenip.*, 16).

### § 3. Состав афинского суда в «век Демосфена»

Примерно до середины XX в. в историографии господствовало мнение, основанное прежде всего на аристофановских «Осах», о том, что афинский судья был дряхл, беден и жаден до трех заветных обол.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Предположение Родса (*Commentary...* P. 716); у Аристотеля (66, 2) это не оговорено.

<sup>2</sup> MacDowell D.M. *The Law in Classical Athens*. P. 40.

<sup>3</sup> Белох Ю. История Греции. Т. 2. С. 19 («пролетариат присяжных»); Pickard-Cambridge A.W. *Demosthenes and the Last Days of Greek Freedom*. L., 1914. P. 89–90; Bonner R., Smith G. *The Administration of Justice...* Vol. I. P. 231–233 (с акцентом на возрасте); Glotz G. *The Greek City*. P. 241 (с 20-х гг. V в. большинство судей — городские обитатели из средних и низших слоев); P. 312–314 (в IV в. бедняки стремятся в суд ради жалованья — источника пропи-

Возмутителем спокойствия выступил Арнольд Джонс, выпустив в 1957 г. свою «Афинскую демократию». Правда, английский ученый не покушался на достоверность картины, изображенной в «Осах», и признавал, что тогдашние (т.е. последней четверти V в.) дикасты были пожилыми людьми из низших классов, но совсем другая картина наблюдалась в «Демосфеновы дни» — судьи теперь были представителями преимущественно среднего или даже высшего класса.<sup>1</sup> А. Джонс приводил ряд аргументов, ссылаясь на речи ораторов IV в. до н.э. Так, Демосфен находит необходимым извиняться, представляя в речи «Против Мидия» свидетеля — третейского посредника Стратона — «человека бедного..., но впрочем неплохого, скорее даже порядочного» (XXI, 83; 95 — пер. В.Г. Боруховича). В речах против Андротиона и Тимократа он говорит о злоупотреблениях при взимании эйсфоры, надеясь на сочувствие аудитории как потенциальных и актуальных пострадавших<sup>2</sup> (XXII, 47–49; XXIV, особенно 197); речь против Лептина, где говорится о законе касательно литургий, звучала бы странно перед бедной публикой. Указывает А. Джонс и на ремарку Динарха в речи против Демосфена: оратор обращается к тем судьям, которые были членами группы трех сотен *προεσιφέρουτες* (вносящих проэйсфору), т.е. обладающих изрядным состоянием (Din., I, 42).<sup>3</sup>

Среди шести тысяч судей, бесспорно, могли попадаться люди не бедные и даже богатые, но доводов, приводимых Джонсом, явно недостаточно для вывода о преобладании в дикастериях состоятельных граждан. Любопытно, что в другой своей статье, вошедшей в его книгу «*Athenian Democracy*», — «Афинская демократия и её критики» («*The Athenian Democracy and its Critics*») — Джонс смягчает свою позицию и говорит, что «на менее значимых должностях, в Совете и судах, бедные, несомненно, доминировали, хотя, кажется, даже отсюда в четвертом веке состоятельные никоим образом не были вытеснены». Три обола в день — примерно половина среднего рабочего заработка в V в. и треть в IV в. до н.э., поэтому, если картина, рисуемая Аристофаном в «Осах» верна, то в V в. эта плата привлекала пожилых людей, не способных к

---

танья); *Ehrenberg V. The People of Aristophanes*. P. 53–54, 161 (бедные, а вот насчет пожилых Аристофан несколько преувеличил); *Hignett C. A History of the Athenian Constitution*. P. 221 (бедные).

<sup>1</sup> *Jones A.H.M. Athenian Democracy*. P. 124. Также — P. 36–37, 81.

<sup>2</sup> Правда, сам Джонс неоднократно указывал, что эйсфору платила изрядная часть афинян — от четверти до трети всех граждан (в середине IV в. до н.э. — 6000 тыс.) и среди тех, кто платил налог, были люди весьма скромного достатка (P. 14, 28, 56, 84).

<sup>3</sup> *Ibid.* P. 36–37 (статья «*The Athens of Demosthenes*»).

тяжелому физическому труду, а в IV в., когда экономические условия стали хуже, — безработных (если верить Исократу — VII, 54; VIII, 130).<sup>1</sup> Но в последней из статей сборника — «Как работала афинская демократия» («How did the Athenian Democracy Work?») — Джонс вновь категоричен (может быть, потому что это не научная статья, а лекция, читанная в Кембриджском Филологическом обществе): «Во времена Демосфена, по-видимому, стали преобладать судьи из среднего или высшего класса (middle or upper class)».<sup>2</sup>

Книга А. Джонса породила бурную дискуссию. С мнением английского ученого о составе суда в IV в. согласились А. Гаррисон, Ш. Перлман, Ф. Уолбэнк<sup>3</sup> и К. Довер.<sup>4</sup> Й. Бляйкен, хотя и допускает, что судьи могли рекрутироваться из неимущих слоев и среди них могли преобладать старики, тут же отмечает наличие у ораторов намеков на то, что в середине IV в. немало зажиточных, а скорее обладающих средним достатком афинян числилось среди дикастов.<sup>5</sup> Среди отечественных специалистов выводы англичанина поддержал А.И. Зайцев.<sup>6</sup> Однако большинство коллег А. Джонса выступило с той или иной степенью решительности против его концепции.

Одной из первых свое несогласие высказала К. Моссе, утверждавшая, что суды пополнялись бедными гражданами (*sans travail et sans ressources*), в основном городскими жителями пожилого возраста.<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Ibid. P. 51, 55 (цитата).

<sup>2</sup> Ibid. P. 124.

<sup>3</sup> Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 49; Perlman S. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. // La parola del passato. V. 22. 1967. P. 163–166; Walbank F.W. The End of Athenian Democracy // CR. Vol. 13. № 3. 1963. P. 318 (рецензия на книгу: Mossé C. La fin de la démocratie athénienne).

<sup>4</sup> Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 34–35. Большинство — зажиточные (но не богатые!), представители среднего класса, в которых можно пробудить негодование против зарвавшихся «денежных мешков».

<sup>5</sup> Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 166.

<sup>6</sup> В докладе «Das "griechische Wunder" und sein Ende im Hellenismus» на Берлинском коллоквиуме по эллинизму в марте 1994. Его русский перевод: «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII — V вв. до н.э. СПб., 2000. С. 279–292. Главный аргумент для Александра Иосифовича — насмешки Демосфена в речи перед судьями над проведенным в бедности детстве Эсхина (с. 285) (см. об этом ниже).

<sup>7</sup> Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du decline de la cite grecque au IVe siècle avant J.C. P., 1962. P. 260. Eadem: Les institutions grecques a l'époque classique. P. 75. (1-e éd. — 1967).

М. Финли отмечал, что в составе судов могло быть непропорциональное количество городских обитателей, людей пожилого возраста и бедняков,<sup>1</sup> соблазнившихся платой; тем не менее афиняне рассматривали большие судебские коллегии как достаточно представительные, чтобы видеть в них сам демос за работой.<sup>2</sup> Дж. Обер придерживался сходного мнения о репрезентативности состава дикастериев, но с некоторыми оговорками: крестьяне-фермеры предпочитали проводить свое ограниченное «городское время» в собрании, чьи решения были важнее, а оплата за участие выше; те же предпочтения могли быть у квалифицированных ремесленников, которым было жаль терять целый рабочий день на судебный процесс (заседания собрания были гораздо короче), так что в суде, возможно, по сравнению с экклесией и Советом было больше людей пожилых.<sup>3</sup> А. Эдкинс говорил о судебских выплатах как о пособии для бедных, которое богатые избегали получать, чтобы не запятнать себя.<sup>4</sup> Д. Стоктон, исходя из того, что судебское жалованье (три обола) в IV в. не повышалось и в связи с инфляцией становилось все более незначительным, делал вывод, что в судьи шли либо те, кто мог им удовольствоваться, либо люди пожилого возраста, которые активным трудом не могли заработать больше.<sup>5</sup> Развернутую и аргументированную критику концепции А. Джонса представил в своей статье М. Маркл: он привел убедительные доводы, извлеченные из речей афинских ораторов, в пользу того, что большинство судей были людьми бедными, — но не в смысле нищими люмпенами (οἱ πτωχοί), а теми, кто вынужден был зарабатывать себе на жизнь (οἱ πενήτες).<sup>6</sup> Твердого мнения о том, что большинство судей составляли люди бедные и пожилые придерживался М. Хансен.<sup>7</sup> Р. Синклэр также полагал, что в судах доминировали малосостоятельные и пожилые граждане.<sup>8</sup> Богатых людей (εὐποροί, πλούσιοι), т.е. тех, кто исполнял литургии, было в Афинах порядка 1000–1200, плательщиков эйсфоры — скорее 2000, чем 6000

<sup>1</sup> В таких же словах о составе афинского суда высказалась А. Ланни: *Lanni A.M. Law and Justice...* P. 38.

<sup>2</sup> *Finley M. Democracy Ancient and Modern.* P. 118.

<sup>3</sup> *Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens.* P. 144.

<sup>4</sup> *Adkins A.W.H. Moral Values and Political Behavior in Ancient Greece.* P. 120.

<sup>5</sup> *Stokton D.L. The Classical Athenian Democracy.* P. 100.

<sup>6</sup> *Markle M.M. Jury Pay...* P. 95–131. *Passim*, особенно с. 113–121.

<sup>7</sup> *Hansen M.H. The Athenian Democracy...* P. 184–186.

<sup>8</sup> *Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens.* P. 123–135, 194.

(ср. у Джонса)<sup>1</sup>, и они не очень-то стремились участвовать в заседаниях экклесии или суда, где едва ли могли повлиять на исход голосования. Более привлекательным для них было участие в Совете 500. В то же время австралийский профессор подчеркивал, что у нас нет достаточных оснований утверждать, что люди состоятельные в массовом порядке воздерживались от участия в политической жизни. Если сравнивать народное собрание и народный суд по составу, то больше людей зажиточных (тех, кто платил эйсфору) было в экклесии.<sup>2</sup>

Доводы как про, так и contra предположения о преобладании в судах IV в. малоимущих исследователи черпают главным образом из речей афинских ораторов, особенно Лисия и Демосфена. Любопытно сопоставить две речи Лисия фактически на одну и ту же тему (присвоение соратниками погибшего стратега Фрасибула общественных денег), созданные примерно в одно время (около 388 г.) – против Эргокла (XXVIII) и против Филократа (XXIX).<sup>3</sup> Дело Эргокла рассматривалось в народном собрании – обвинение было выдвинуто по исангелии. Лисий рассказывает, что сторонники Эргокла чувствовали себя достаточно уверенно, заявляя, будто они подкупили 500 человек из Пирея и 1600 из города (XXIX, 12). Потраченные деньги не помогли: обвиняемый был осужден на смерть за измену, растрату и подкуп (пробοοία, κλοπή, δωροδοκία), имущество конфисковано, но 30 талантов, полученных от городов Малой Азии и якобы присвоенных Эргоклом, не нашли. Тогда предположили, что деньги эти были утаены кем-то из близких к ответчику лиц, и против его свойственника и друга Филократа, служившего во время похода в должности триерарха и бывшего личным казначеем Эргокла, было выдвинуто обвинение в форме апографэ (ἀπογραφή – жалоба на несправедливое владение частным лицом принадлежащим государству имуществом); дело слушалось в гелиэе.

<sup>1</sup> М. Хансен снижает планку до 1200, считая, что исполнители литургий и плательщики эйсфоры — одни и те же люди (Isocr., XV, 145) (*Hansen M.H. Op. cit.* P. 112–115). Датский ученый не одинок в этом мнении — см.: *Rhodes P.J. Problems in Athenian Eisphora and Liturgies // AJAH. Vol. 7. 1982. P. 1–19; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 205.* Дж. Обер принимает подсчеты Дж. Дэвиса (*Davies J.K. Wealth and Power of Wealth in Classical Athens. N.Y., 1981. P. 34–35*): 300–400 исполняющих литургию, от 1200 до 2000 плательщиков эйсфоры (*Ober J. Mass and Elite... P. 128*). Изучением важнейших аспектов эйсфоры в отечественной историографии занималась Л.М. Глускина — см.: *Глускина Л.М. Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // Проблемы... С. 119–143.*

<sup>2</sup> *Sinclair R.K. Op. cit. P. 122–123, 127.*

<sup>3</sup> Наиболее подробный анализ этих речей (из участников дискуссии) — *Ibid. P. 124–126.*

Главные обвинения в изложении Лисия, выдвинутые против Эргокла, звучали следующим образом: «Он предавал врагам города, оскорблял ваших проксенов и граждан, из бедняков стал богачом на ваши деньги» (XXVIII, 1 – пер. Лисия зд. и далее в этом параграфе С.И. Соболевского). Он и ему подобные, «бывшие при отправлении в плавание бедными, неимущими, так скоро стали обладателями огромного состояния, какого нет ни у кого из граждан» (2). При этом оратор (обвинитель, для которого Лисий написал речь) обращается к своей аудитории как к плательщикам эйсфоры: «...получилось бы странное противоречие, если бы теперь, сами страдая от военных налогов (αὐτοὶ πεζόμενοι ταῖς εἰσφοραῖς), вы оказали бы снисхождение ворами и взяточниками» (3). Фрасибул довел их до бедности военными налогами, а Эргокла и других своих приспешников обогатил (4). Вероятно, потеря полученных от малоазийских городов денег, которые должны были попасть в казну, косвенно усилила налоговое бремя: ниже замечается, что такие люди, как Эргокл, «обогащают свой дом за ваш счет» (τοὺς δὲ ἰδίους οἴκους ἐκ τῶν ὑμετέρων μεγάλους ποιοῦσι – 13).

В речи же против Филократа, произнесенной в гелиэе перед дикастами, аудитория никак не отождествляется с плательщиками налогов, более того она предстает как отличная от них, противопоставляется им: «Если вы, господа судьи, негодуете на тех, кто не может платить налоги из своих собственных средств, и конфискуете имущество у них, как у преступников, то было бы странно с вашей стороны не наказывать расхитителей вашего достояния» (XXIX, 9). Из этого не следует, что налогоплательщиков вообще не было в составе суда, но их там определенно было не очень много. Таким образом, Лисий, составляя речи для произнесения в народном собрании и суде, счел полезным звать к плательщикам эйсфоры в экклесии, но не в гелиэе. Это не означает, что они преобладали в народном собрании: безусловно, большинство приходящих на Пникс принадлежало скорее к бедноте, чем к налогоплательщикам (Isocr., VIII, 130; XV, 152; Dem., XXIV, 123), и чтобы пробудить в них негодование, достаточно было указать на растрату денег и нехорошее поведение Эргокла. Но можно предположить, что какую-то часть аудитории составляли плательщики эйсфоры, для убеждения которых понадобились особые аргументы, в том числе намеки на то, что нечистоплотность Эргокла аукнется усилением для них налогового бремени. В суде же обвинитель, для которого Лисий писал речь, не выделяет особо налогоплательщиков, видимо, за нецелесообразностью: если они и были среди судей, то в количестве ничтожном.

Косвенное подтверждение вышесказанному находим в речи против Эпикрата, в которой плательщики эйсфоры даже противопостав-



ляются судьям: «А мы уже дошли до того, что те, которые прежде, во время мира, даже себя прокормить не могли, теперь вносят **вам** [выделение наше — Т.К.] военные налоги ( $\nu\upsilon\nu\ \dot{\iota}\mu\iota\nu\ \epsilon\iota\sigma\phi\omicron\rho\acute{\alpha}\varsigma\ \epsilon\iota\sigma\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\varsigma$ ), исполняют хорегии, живут богато» (Lys., XXVII, 10). В этой же речи Лисия есть знаменитый пассаж: оратор напоминает слушателям, что нынешний обвиняемый в прошлом не раз выступал обвинителем; он и ему подобные заявляли судьям, что те не получают жалованья, если не осудят, кого они велят (XXVII, 1). Очевидно, что успех такая «агитация» могла иметь при условии кровной заинтересованности судей в своих трех оболах.

Что касается речей Демосфена, разбираемых А. Джонсом, — на них можно взглянуть с другой стороны, иначе расставить акценты, в результате чего мы получим картину, ставящую под сомнение доводы английского ученого. Одна из речей, на которую ссылается А. Джонс, — речь против закона Лептина, предложившего не предоставлять больше ателию — освобождение от общественных повинностей, в том числе литургий. Демосфен пытается убедить афинян, что народу от предложения Лептина особой пользы не будет, количество хорегов не увеличится, зато закон лишает его суверенного права предоставлять награды, кому он пожелает (XX, 2–4, 18, 20). Оратор предостерегает: «Исполнять литургии будут еще многие, пока существует наше государство, и они не станут уклоняться от обязанностей. А вот оказывать нам благоденствие никто не захочет, когда увидит, как обижены люди, сделавшие нам доброе дело» (XX, 22 — пер. В.Г. Боруховича). Текст речи вполне позволяет истолковать намерение Демосфена следующим образом: он хочет помешать Лептину притворными выгодами от принятия его закона ввести в заблуждение членов суда, очевидно, людей небогатых, — тех, кто получает благоденствия в виде литургий, а не оказывает их.

Речь Демосфена против Мидия постоянно вызывает к чувствам, которые могут испытывать бедные против богатых. Оратор твердит о том, что Мидий пользовался своим богатством нагло, разнузданно и постыдно, для собственного удовольствия, а не на пользу народу, как сам Демосфен (XXI, 66, 67, 154–159, *passim*). Откровенно кичась роскошью и богатством, Мидий бросал вызов большинству ( $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\omicron\lambda\lambda\omicron\upsilon\varsigma$ ). Прямо указывается, что причина его наглого поведения — богатство (98), оно — причина насилия по отношению к другим людям и оно же причина того, что жертвы насилия опасаются выступать против Мидия (137); заявляется, что «между большинством народа и богачами не существует равенства или хотя бы подобия равенства» (112), и выражается надежда, что все-таки злодей «понесет наказание наравне со всеми остальными гражданами» (138). Очевидно, все эти аргументы призваны

были вызвать сочувствие «большинства народа», а не «богачей». Судьи описываются как люди достаточно скромных средств, «живущие в меру своих возможностей» (ὅπως δύναται ζῶντι — 140), они противопоставляются богачам типа Мидия (183, 210). Здесь же оратор вспоминает об истории, случившейся с неким Пирром из рода Этеобутадов, который стал судьей вопреки закону, ибо был государственным должником. Его уличили, осудили и казнили, пошел же бедняга на это правонарушение «не из-за наглости» (οὐ δι' ὕβριν), а «из-за нужды» (δι' ἐνδεϊαν) — он польстился на судейское жалованье (182). Следующий пассаж из Демосфена заставляет вспомнить столь любимые историками-марксистами ссылки на непримиримую классовую вражду и ненависть между бедными и богатыми: «Вы должны учесть, граждане афинские, что если эти люди вместе с Мидием и им подобными станут господами положения в государстве (дай бог, чтобы этого не произошло ни сейчас, ни в будущем), и если простой человек с демократическими взглядами провинился бы перед кем-либо из них..., то сможет ли он, по вашему мнению, надеяться на сочувствие или на речь в свою защиту при разборе его дела в суде, переполненном такими людьми?» (210 — пер. В.Г. Боруховича).

Что же касается любимого примера Джонса о бедном (πένης), но порядочном (οὐ πομπρός, ἀλλὰ καὶ πάνυ χρηστός — Демосфен специально это подчеркивает) свидетеле Стратоне (83, 95), то во-первых, из слов оратора не вытекает толкование бедности как порока, во-вторых, акцент на плачевном имущественном состоянии свидетеля объясняется тем, что в это жалкое свое состояние он впал по вине Мидия, а раньше, судя по словам того же Демосфена, он исправно участвовал в военных походах, т.е. обладал собственностью, достаточной для покупки гоплитского вооружения (95–96)<sup>1</sup>. Таким образом, вывод, к которому пришел Джонс, определив, что речь Демосфена «Против Мидия» предназначена была для аудитории, состоящей из зажиточных и состоятельных слушателей (well-to-do propertied persons)<sup>2</sup>, не представляется обоснованным: вообразить себе, что эта аудитория сочувственно внимает инвективе против богачей, — немыслимо.

В речах против Андротиона и Тимократа Демосфен хочет вызвать возмущение гнусными методами собирающих налоги, когда они врываются в дома, хватают людей и проч., а не тем, что насилью подверглись

<sup>1</sup> На это обращает внимание М. Маркл (*Markle M.M. Jury Pay... P. 119, note 40*).

<sup>2</sup> *Jones A.H.M. Athenian Democracy. P. 36.*

люди состоятельные<sup>1</sup> (XXII, 53–55; XXIV, 197). Андротион взыскивал недоимки по эйсфоре, и Демосфену пришлось использовать всё своё мастерство, чтобы судьи сочувствовали не первому, а его жертвам.<sup>2</sup> Он подчеркивает, что он вовсе не против взыскания недоимок, но грубые, насильственные действия Андротииона попирают гуманность – принцип, господствующий в демократическом государстве в отличие от олигархического (XXII, 51); его произвол одинаково неприемлем как для богатых, так и для бедных. Очевидно, солидарное негодование и тех, и других на наглецов и сочувствие их жертвам должна была вызывать картина типа нижеследующей: «В самом деле, граждане афинские, что вы можете подумать о таком случае, когда бедный человек (или даже богатый, но израсходовавший большие средства и не располагающий по каким-то причинам наличными деньгами) станет пытаться проникнуть в дом соседа через крышу, или будет прятаться под кровать, чтобы избежать ареста и заключения в тюрьму, или же попытается прибегнуть к другому недостойному способу, который приличествует рабу, а не свободному человеку» (XXII, 53 – пер. В.Г. Боруховича). Недаром Демосфен, описывая, что именно Андротион с Тимократом вынесли из домов должников, упоминает только двери да подстилки и одну-единственную рабыню-служанку (XXIV, 197), т.е. то, что можно было найти в самом скромном доме,<sup>3</sup> и ничего не говорит о дорогих кубках, изысканной утвари, драгоценностях и проч., – тем самым он сближает жертв репрессий не в меру активных мытарей со своими слушателями, помогая последним отождествить себя с первыми.

Да, в одном месте в речи «Против Тимократа» оратор говорит о взыскании денег, «которые он требовал со всех вас» (πάντας εἰσέπραξεν ὑμᾶς – XXIV, 160), и о том, что сборщики двинулись «по вашим домам» (ἐπὶ τὰς ὑμετέρας οἰκίας – 162), а в речи против Андротииона о последнем сказано, что он «стал взыскивать недоимки с вас» (ὑμᾶς δ' εἰσέπραττεν – XXII, 50). Если понимать эти слова буквально, можно прийти к абсурдному выводу, что все 6000 тыс. судей были плательщи-

<sup>1</sup> Так толковал эти речи А. Джонс: Jones A.H.M. Op. cit. P. 37.

<sup>2</sup> Среди его должников – жертв Андротииона, названных по имени (XXII, 60), по крайней мере двое – Лептин и Калликрат – были весьма состоятельными людьми, ибо привлекались к триерархиям (IG II/III<sup>2</sup> 1609 1.72; 1622 1.361 sq.; 375; 1622 Bl. 165 sq. – см. Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории... С. 137).

<sup>3</sup> Такие рабыни не представляли большой ценности и имелись даже у бедных граждан.

ками налогов — на это даже Джонс не решился. Очевидно, данную фразу Демосфена следует воспринимать как чисто риторический прием, и допустимы различные её толкования. Так, М. Маркл считает, что таким способом оратор побуждает большинство судей проникнуться чувствами меньшинства и т.п., а Дж. Обер полагает, что в таких случаях оратор пытается связать себя с аудиторией узами общих интересов, создать чувство групповой солидарности против злоупотреблений сборщиков налогов.<sup>1</sup> Стоит также заметить, что по мнению некоторых исследователей, плательщиков эйсфоры было гораздо больше, чем 6000 или тем более 2000;<sup>2</sup> в этом случае среди них неизбежно были люди весьма скромного достатка. Недаром суммы задолженностей, взимаемые ретивыми Андротионом и Тимократом, были невелики — ни одна из них, по словам Демосфена, не превышала мины (100 драхм), а в приведенных им примерах (XXII, 60) фигурируют 34 и 70 драхм.<sup>3</sup> Если исходить из такой трактовки, то среди судей действительно могло оказаться немалое количество плательщиков эйсфоры, — только людьми состоятельными их назвать никак нельзя, и жилища их должны были выглядеть примерно так же, как описывались у Демосфена дома бедолагодолжников, жадно и тщетно обыскиваемые Андротионом в поисках, чем бы поживиться.

В речи, которую Демосфен составил для Евксифея, исключенного из списка граждан по настоянию некоего Евбулида и подавшего апелляцию в народный суд, оратор не раз упоминает о своей бедности и стесненных обстоятельствах, вероятно, рассчитывая на сочувствие и понимание судей (Dem., LVII, 25, 30–31, 35–36, 40–42, 44–45, 58). Подтверждением того, что суды привлекали афинскую бедноту, является и замечание Демосфена в речи «Против Тимократа»: некоторые ἀττοί, чтобы получать вознаграждение, стремятся проникнуть в собрание или суд и делают они это вследствие нужды (πείνα) (Dem., XXIV, 123).

---

<sup>1</sup> Markle M.M. Jury Pay... P. 114; Ober J. Mass and Elite... P. 224.

<sup>2</sup> Т.е. все имущественные классы, кроме фетов. См., например: Cloché P. La démocratie athénienne. P. 234; Глускина Л.М. Проблемы... С. 135–138, 142; она же: Эйсфора в Афинах IV в. до н.э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 31 (не более 9 тыс., а скорее меньше). В расчетах Руди Томсена приводится фантастическая цифра — 22 тыс. граждан-пательщиков для середины IV в. до н.э. (Thomsen R. Eisphora. A Study of Direct Taxation in Ancient Athens. København, 1964. P. 162–164; 170–172 — эти сведения мы почерпнули из рецензии на его книгу: Глускина Л.М. Разрешены ли загадки афинской эйсфоры? // ВДИ. 1967. № 2. С. 263–264)

<sup>3</sup> Этот аргумент приводит Л.М. Глускина: Эйсфора в Афинах... С. 33–35.

К. Довер, согласившийся с А. Джонсом в оценке состава суда, приводил еще один пример из Демосфена, «пропущенный» английским ученым. В речи «О венке» оратор противопоставляет свое изысканное воспитание и благополучие бедности, в которой довелось провести свое детство и юность Эсхину, и эта бедность выступает здесь как явный порок: «У меня, Эсхин, была возможность, когда я был мальчиком, ходить в подходящие мне школы и иметь в своем распоряжении все, что необходимо человеку, которому не приходится из-за нужды делать ничего унижительного... А ты, смотри, какова в сравнении с этим твоя судьба: ...ты воспитывался в большой нужде, сидел бывало вместе с отцом, выжидая у школы, растирал чернила и вытирал губкой скамьи, подметал помещение педагогов, исполняя таким образом обязанности домашнего раба, а не свободного человека [далее в том же духе о юных годах – Т.К.] (XVIII, 257–262 – пер. С.И. Радцига).<sup>1</sup> Как мог Демосфен, нападая на бедность Эсхина, рассчитывать на сочувствие судей, если материальное положение большинства из них было скорее, как у семьи Эсхина, чем как у Демосфена?

Дело не в том, что судьи принадлежали к одному с Демосфеном имущественному классу весьма состоятельных людей, высокомерно смотрящих на малоимущих сограждан, а в том, что в афинском обществе косо смотрели на внезапно и быстро разбогатевших граждан (Aristot. Rhet., 1387a21–26). Такое богатство вызывало подозрение, а может быть, и презрение, и ораторы часто этим пользовались.<sup>2</sup> Демосфен был далеко не единственным, кто пытался извлечь выгоду из этого предубеждения. Афинские ораторы нередко заявляли, что их оппоненты начинали свою карьеру как бедные (πεινῆτες) или даже нищие (πτωχοί), а затем внезапно становились богачами (πλοῖστοι) (Lys., XXV, 26, 30; XXVIII, 1, 4, 7; Dem., XIX, 146; XXIII, 209; XXIV, 124; Din., I, 111; ср. Aristoph. Av., 30–31). Это подозрительное богатство могло иметь своим источником казнокрадство (Lys., XXVIII, passim), взяточничество и подкуп (Aeschin., III, 173; Dem., XIX, 314), сикофанство (Lys., XXV, 26) и прочие предосудительные или преступные способы преуспевания. Демосфен в речи «О венке» и «О преступном посольстве» обвиняет Эсхина не столько в том, что тот был беден, сколько в том, что он был неблагодарен

<sup>1</sup> Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 34. Довер однако не исключал, но считал в свете других примеров, почерпнутых у Джонса, маловероятным и другое объяснение: плутократический пафос Демосфена (в данном отрывке) мог быть лестным для судей-бедняков, к которым богач Демосфен вызывает как к ровне.

<sup>2</sup> Об этом подробнее – см. у Дж. Обера: Mass and Elite... P. 234–235.

(ἀχάριστος): обогатившись за счет народа, он предал его, вступив в заговор с его врагами (македонским царем) (XVIII, 131; XIX, 313–314). О таких «отъевшихся» ораторах, в прошлом бедняках, писал еще Аристофан: *«Но откормятся чуть на казенных хлебах – подлецами становятся сразу, бедноту продают, и народ продают, и плюют на него и клеветают»* (Av., 569–570 – пер. А. Пиотровского).

Подчеркивание Демосфеном превосходства своего происхождения, образования и социальной среды по сравнению с Эсхиновыми, можно объяснить и тем, что ораторы-политики в отличие от ораторов ἰδιῶται в своих выступлениях нередко выставляли на вид свое обладание качествами, необходимыми для успешного осуществления их деятельности, как то: образование, красноречие, богатство, происхождение, – и стремились умалить или отрицать их наличие у противника (см., например: Lys., XX, 12; Dem., XVIII, 128, 320; XXII, 75; Aeschin., I, 166; III, 117, 169–170 – список качеств, необходимых оратору – «другу народа» (δημολικός – 241)).<sup>1</sup> Плохо образованный ритор не сможет дать народу хороший совет, а бедного легко соблазнить взяткой и т.п. Обличая прошлое Эсхина и низкую среду, в которой тот воспитывался, Демосфен приобретал дополнительные очки в состязании афинских политиков-ораторов за благосклонность народа.

Наконец, этот пассаж из речи Демосфена можно интерпретировать и следующим образом: здесь проявился конфликт между эгалитаристской идеологией и компетивно-иерархическими ценностями, унаследованными демократией от аристократического прошлого и никогда окончательно ею не изжитыми.<sup>2</sup> В духе квази-ритуализированных актов агонистических обществ Демосфен унижал и оскорблял своего противника, чтобы лишить того права на настоящее соперничество, в котором могут участвовать только равные, и чтобы доказать свое право на особую почесть (венок) в силу обладания всеми необходимыми для почетного положения качествами – опять же происхождением, богатством, авторитетом, заслугами перед афинянами.<sup>3</sup> Заметим также, что очернение противника, его поношение (ψόρος) (и неважно за что – сгодится любой повод!) входили в число обязательных приемов греческой риторики, о чем мы еще будем говорить ниже (см. гл. IV).

<sup>1</sup> См.: Ober J. Mass and Elite... P. 182–187, 310, 324–326.

<sup>2</sup> Такое толкование предложил Д. Коэн: Cohen D. Law, Violence... P. 75.

<sup>3</sup> См.: Cohen D. Op. cit. P. 78–83 (с примерами из средневековой Исландии и прочих «status honor» обществ).

Итак, речи Лисия и Демосфена, произнесенные перед судьями, указывают скорее на то, что в дикастериях доминировали малоимущие граждане, чем обратное. Еще одно подтверждение этому – выразительное свидетельство Исократ в «Ареопагитике» о толпящейся перед судом толпе бедняков, для которых жребий должен решить, достанется ли им дневное пропитание: кого не опечалит, «когда видишь многих из граждан из-за нужды перед дикастериями тянувших жребий, [чтобы знать] будут ли у них, или нет [средства к жизни]» (VII, 54 – ὅταν ἴδῃ πολλοὺς τῶν πολιτῶν αὐτοὺς μὲν περὶ τῶν ἀναγκάων, εἴθ' ἔξουσιν εἶτε μὴ, πρὸ τῶν δικαστηρίων κληρουμένους). В другой своей речи – «О мире» – Исократ вновь говорит о «тех, кто живет за счет судов и собраний» (τοὺς δ' ἀπὸ τῶν δικαστηρίων ζῶντας καὶ τῶν ἐκκλησιῶν) и по бедности своей (διὰ τὴν ἔνδειαν) раболепствует перед демагогами и сикофантами и «радуется исангелиям, искам и прочим сикофантским штучкам, от них происходящим (πολλὴν χάριν ἔχοντας ταῖς εἰσαγγελίαις καὶ ταῖς γραφαῖς καὶ ταῖς ἄλλαις σικοφαντίαις ταῖς δι' αὐτῶν γιγνομέναις)» (VIII, 130). Горькие замечания Исократ из «Речи об обмене имуществом»: судьи, снедаемые завистью, благоволят сикофантам, клеветущим на состоятельных граждан (XV, 24–31); «для человека стало гораздо более опасным, если о нем подумают, что он богат, чем если его уличат в явном преступлении» (160 – пер. В.Г. Боруховича), – вообще невозможно понять, если в судах в действительности не преобладали бедные.<sup>1</sup> Эсхин, вспоминая в речи «Против Тимарха» случай, когда обвинения в подкупе были выдвинуты против некоторых судей, объясняет недостойное поведение последних таким образом: «Ведь несчастные не могли противиться двойному натиску старости и бедности, этих величайших зол в мире» (I, 88 – пер. Э.Д. Фролова).

Косвенные доводы в пользу гипотезы о скромном статусе большинства дикастов дает археологический материал (с учетом всех сложностей, связанных с его недостаточной репрезентативностью и условностью интерпретации). Дж. Кролл, исследуя обнаруженные в некоторых погребениях персональные бронзовые таблички (πινάκια), которые использовались при распределении судей, высказал такое предположение: существовала конкуренция для занятия судейской должности (одни и те же таблички принадлежали разным «хозяевам»); состав дикастов постоянно менялся и никогда не был пожизненным и постоянным; судя по дошедшим до нас именам с табличек, за редким исключением дикасты были людьми в большой политике неизвестными и родом из захудалых

<sup>1</sup> См.: Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. P. 266.

семей, а судя по погребениям тех, кто пожелал захватить табличку с собой в царство мрачного Аида, – людьми более чем скромного достатка и городскими обитателями (большинство *πινάκια* обнаружены на некрополе близ Пирея).<sup>1</sup>

К раздобытым у ораторов аргументам и данным археологических раскопок добавим еще цитату из «Политики» Аристотеля о так называемом четвертом виде демократии, в котором легко узнается афинский прототип: «Вследствие увеличения государства по сравнению с начальными временами и вследствие того что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. И такого рода народная масса особенно пользуется досугом; забота о своих собственных делах нисколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах. Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам» (1293a1–10 – пер. С.А. Жебелева). К выводу о том, что среди судей в Афинах преобладали бедняки, ибо люди зажиточные отлынивали от такого рода деятельности, подталкивают и следующие слова Стагирита. Философ рассуждает о финансовых проблемах демократии и советует: «Там, где доходных статей нет, следует созывать народные собрания редко [потому что надо платить их участникам – *Т.К.*], а судебные заседания устраивать с большим количеством судей, но в течение небольшого числа дней... Судебное разбирательство будет вестись гораздо лучше: ведь состоятельные не желают отрываться на много дней от своих частных дел, но охотно соглашаются на короткое время» [выделение наше – *Т.К.*] (*οἱ γὰρ εὖποροι πολλὰς μὲν ἡμέρας οὐκ ἐθέλουσιν ἀπὸ τῶν ἰδίων ἀπεῖναι, βραχὺν δὲ χρόνον ἐθέλουσιν*) (Pol., 1320a23–29 – пер. С.А. Жебелева). В Афинах же дней, когда происходили судебные заседания, было предостаточно (по подсчетам М. Хансена, в IV в. до н.э. – от 175 до 225 дней заседания в году<sup>2</sup>), т.е. следуя логике Аристотеля, люди состоятельные должны были чураться дикастериев.

<sup>1</sup> Kroll J.H. Athenian Bronze Allotment Plates. P. 9, 71–83, 261–263. Впрочем, Кролл допускает, что выходцы из высшего класса не очень-то жаждали захватить с собой в могилу свой судейский «билет» (с. 9). Следует учесть также, что образцов дошедших до нас *πινάκια* не так уж много и выборка их случайна.

<sup>2</sup> Hansen M.H. How Often Did the Athenian Dicasteria Meet // GRBS. Vol. 20. 1979. P. 243–246.



Подведем некоторые итоги. Определенная репрезентативность различных имущественных категорий граждан в афинском народном суде, конечно, была, но в основном судьи были людьми скромного достатка. Удачный компромисс, на наш взгляд, нашел для решения проблемы состава афинской гелизии Гоммель: бедные дикасты доминировали на рядовых заседаниях, а в дни, когда слушались дела, вызывающие общественный интерес, на утреннюю жеребьевку являлось гораздо больше, чем обычно, граждан из состоятельных слоев, следовательно, их процентное представительство в составе суда повышалось.<sup>1</sup> Преобладание граждан малоимущих в дикастериях не означает, что там заседали люмпены. Ораторы достаточно осторожны, когда прямо или косвенно высказываются по поводу благосостояния самих судей (Dem., XXI, 183). Вспомним и Демосфена, извиняющегося (пусть даже притворно или с намеком на злодейства Мидия) за бедность своего свидетеля (XXI, 83; 95). Исократ в речи против Лохита, ища сочувствия для бедняка, изображает судей вовсе не такими обездоленными, как жертва, а обыкновенными гражданами, принадлежащими, как бы мы сказали, к среднему классу (XX, 15–21). Можно допустить, что внимающим ораторам слушателям, среди которых большинство едва ли могло похвастать большим достатком, было лестно, когда их относили к категории состоятельных граждан.<sup>2</sup> С другой стороны, тот же Демосфен (XXI, 182) или Исократ (VII, 54; VIII, 130; XV, 152) совсем в духе Аристофана изображают судей как бедняков, зависящих от платы в три обола. Надо учесть, что для греков «бедный» (ἄπορος, πένης, в отличие от πτωχός — «нищий») не означал человека, вовсе лишенного собственности; «бедный» — это тот, кому приходится работать, чтобы иметь средства к существованию и кто не имеет вовсе или имеет мало досуга.<sup>3</sup>

Очевидно, в судах заседали дикасты разного возраста. Андокид в своей речи на процессе, происходящем в 399 г. до н.э., просит судей — очевидцев событий 415 г. — вспомнить их и подтвердить истинность его слов тем, кто не осведомлен так хорошо, т.е. очевидно, более молодым коллегам (I, 69). Оратор LIX речи Демосфенова корпуса обращается к своей аудитории: «как помнят более старшие из вас» (30 — ὡς ἱμῶν

<sup>1</sup> *Hommel H.* Heliaia. S. 47–48. С гипотезой Гоммеля хорошо согласуется цитируемое выше замечание Аристотеля о том, что богатые охотно согласились бы изредка посещать судебные заседания (Pol., 1320a 23–28).

<sup>2</sup> См.: *Markle M.M.* Jury Pay and Assembly Pay at Athens. P. 112–113, 115.

<sup>3</sup> См., например: *Aristot.* Pol., 1273a24, 1291b17–30; *Aristoph.* Plut., 537–554; а также примеры и рассуждения в: *Davies J.K.* Wealth and the Power of Wealth... P. 10–13; *Markle M.M.* Op. cit. P. 97–102.

οἱ πρεσβύτεροι μιμηνοῦσιν), — подразумевая, что есть и достаточно юные дикасты, не помнящие былых (примерно двадцати пяти лет давности) проказ Неэры и ее любовников. В речи «О преступном посольстве» (343 г.) Демосфен вопрошает: «вы, сыновья тех людей, а частью даже сами остающиеся еще в живых из тех людей [которые помнят в том числе осуждение где-то в начале 80-х гг. (конец Коринфской войны) Эпикрата — Т.К.], допустите все это?» (280 — пер. С.И. Радцига). Судейские скамьи, конечно, не были заняты сплошь дряхлыми старцами, но сутяжничество обладало особой привлекательной силой по ряду и психологических, и практических, и материальных причин для афинян пожилого возраста. Что касается «социально-профессионального» состава судей, то наши источники не позволяют сделать однозначного вывода, были ли завсегдатаи дикастериев в подавляющем большинстве крестьянами (в том числе, проживающими в городе)<sup>1</sup> или преимущественно ремесленниками и торговцами.<sup>2</sup> Нам ничто не мешает в данном случае со спокойной душой последовать принципу «*aurea mediocritas*» («золотой середины») и провозгласить, что в афинских судах был представлен весь профессиональный и социальный спектр афинского гражданства.

#### § 4. Иски; инициатива «желающего» (τοῦ βουλομένου)

В Афинах было иное различие между тем, что мы называем гражданскими и уголовными делами или гражданским и государственным правом. Иски, как уже было сказано, делились на две большие категории — *δίκαι* и *γραφαί*.<sup>3</sup> Между ними была следующая процедурная раз-

<sup>1</sup> То, что судейское жалованье обладало большей привлекательностью для живущих вне денежного хозяйства крестьян, противостоящих в социальном смысле как немногим «денежным мешкам» типа Мидия, так и торгово-ремесленному населению Афин, в своей статье доказывал Стивен Тодд (*Todd S. Lady Chatterly's Lover and the Attic Orators: the Social Composition of the Athenian Jury* // JHS. Vol. 110. 1990. P. 146–173, особенно — с. 167–169). Его выводы, основанные на оценках аттического сельского хозяйства как примитивно-натурального и находящегося вне «cash-economy», не кажутся убедительными.

<sup>2</sup> См.: *Glottz G. The Greek City...* P. 241; *Burnford A. Craftsmen in Greek and Roman Society*. L., 1972. P. 154.

<sup>3</sup> Кроме того, по некоторым преступлениям задействовались особые процедуры: *ἀπαγωγή*, *ἐνδειξις*, *ἐφήγεσις*. Они имели общим то, что в соответствии с

ница: частный иск можно было уладить путем договоренности или благодаря диэтету; если все же он доходил до суда, истцу ничего не угрожало в случае проигрыша. В случае же если истец по государственному иску отзывал свою жалобу до суда (но после вывешивания объявления об иске на *σπίδες* у эпонимов – см. ниже) или набирал менее 1/5 голосов судей, ему угрожал штраф до 1000 драхм (Dem., XXI, 47; LVIII, 6) и (или) поражение в правах (атимия).<sup>1</sup> Последнее могло вылиться в запрет на будущее выдвигать иски или вообще по государственным преступлениям, или по тому типу иска, в котором он потерпел неудачу (And., I, 76; Dem., XXVI, 9; LIII, 1).<sup>2</sup> Атимия не была неотвратима: проигравший свободно осуществлял свои гражданские права, пока кто-либо не возбуждал против него особый иск (*ἐνδειξις*).<sup>3</sup> По некоторым частным искам истец, не получивший на свою сторону 1/5 голосов, должен был выплатить ответчику шестую долю (обол с драхмы) суммы иска (*ἐπὶ ὅβελια*) (Dem. XLVII, 64), причем победоносный ответчик сам, своими усилиями, добивался этой уплаты.<sup>4</sup> За день работы суда слушалось несколько частных исков, но не более одного дела государственного характера (*γραφή*) (Aristot. Ath. pol., 67, 1). В государственных процессах истец, как правило, не получал никакой материальной выгоды,<sup>5</sup> выиг-

ними виновные в определенных преступлениях («полный список» не очень ясен, но определено: воры, грабители, взломщики, застигнутые на месте преступления; похитители людей) вначале оказывались в руках Одиннадцати, которые предавали их казни, а в случае заpiresательства – отправляли в дикастерии (Aristot. Ath. pol., 52, 1; Dem., XXIV, 113–114; см. подробнее: Hansen M.H. *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes*; о процедуре исангелии и апофасисе – подробнее см. главу V).

<sup>1</sup> Тот, кто подвергся атимии, не мог занимать должности, лишался права выступать в экклесии и суде, ему запрещалось входить в храмы или на агору, плавать в Геллеспонт или Ионию (And., I, 76). Атимии подвергались государственные должники, обвиненные по некоторым преступлениям (воры, насильники, плохо обращающиеся с родителями), проигравшие государственный процесс обвинители (Dem., XXV, 31).

<sup>2</sup> См.: Lipsius J.H. *Das attische Recht*. S. 449; MacDowell D.M. *The Law...* P. 64. Некоторые виды исков были безопасны для обвинителя: *γραφή κάκωςις ὀρφάνου* (о плохом обращении с опекаемыми сиротами), *γραφή ξενίας* (о присвоении прав гражданства), исангелия (см. ниже).

<sup>3</sup> *ἐνδειξις* – обычная форма исков против *ἀτιμοί* (Hansen M.H. *Op. cit.* P. 94–96).

<sup>4</sup> См.: Lipsius J.H. *Op. cit.* S. 937; Harrison A.R.W. *The Law of Athens*. Vol. II. P. 183–185.

<sup>5</sup> За исключением некоторых видов государственного процесса: например, *φάσις* (донос о нарушении финансовых интересов государства), *ἀπογραφή* (жалоба на незаконное владение государственным имуществом) – см. ниже.

рав же частное дело, он получал предмет спора или штраф, уплачиваемый проигравшим. Частично различие между *δίκα* и *ὑραφαί* соответствует нашему различию между гражданскими и уголовными делами, но именно частично. Например, убийство подпадало под *δίκτη φόρου*, а кража – *δίκτη κλοπῆς*.

За одно и то же преступление можно было оказаться в разном суде, в зависимости от того, какой был подан иск. В речи против Андротииона Демосфен так рассуждает по этому поводу: «Возьмем для примера воровство. Ты силен и уверен в себе? Отведи [вора к чиновнику]<sup>1</sup>, – опасность в тысяче [драхм штрафа]. Ты слишком слаб? Приведи (*ἐφῆγου*) чиновников и они это сделают. Ты боишься и этого? Начни государственный процесс (*ὑράφου*). Ты не уверен в себе и, будучи беден, не можешь заплатить 1000 драхм? Судись у диэтета и не подвергнешься риску» (XXII, 26 – пер. В.В. Латышева). Одно и то же преступление можно было толковать как угодно широко. Леократа, уехавшего из Афин после Херонеи и затем вернувшегося, обвиняет Ликург. Сомнительна сама подсудность этого поступка, но Ликургу мало одного обвинения в измене и он описывает, под какие «статьи» подпадает ответчик: «Всем должно быть ясно, что Леоkrat является виновным в предательстве [это *πρόδοσις* – Т.К.], так как оставил город на произвол врага, в ниспровержении демократии [*δήμου κατάλυσις*], так как он не подвергал себя опасности за свободу, в святотатстве [*ἀσέβεια*], так как по его вине разорялись святилища и уничтожались до основания храмы; в преступлении по отношению к родителям [*τοκεῶν κάκωσις*], так как тайно увез их изображения, лишив их установленных обычаев; в дезертирстве и уклонении от военной службы [*λιποταξία, ἀστρατεία*], так как он не явился в распоряжение стратега» (I, 147 – пер. Т.В. Прушакевич).

От типа процесса зависели виды наказаний: обвиненный во взяточничестве по *ἀποῦραφῇ* мог лишиться только взятки; если он попадал под суд посредством *εἵθυνα* (во время сдачи отчета), сумма могла возрасти в 10 раз; если его обвиняли по исангелии или по *ὑραφῇ δώρων* (обвинение во взяточничестве), он мог поплатиться жизнью. Соответственно обвинитель ничем не рисковал в случае исангелии или *εἵθυνα*, а если он проигрывал дело по *ἀποῦραφῇ* или *ὑραφῇ δώρων*, ему грозил штраф и атимия.<sup>2</sup> Таким образом, сам обвинитель выбирал вид иска,

<sup>1</sup> В тексте – *ἀπαγε*; *ἀπαγυγή* – отведение пойманного на месте преступника в тюрьму.

<sup>2</sup> Этот пример приводит: Hansen M.H. *The Athenian Democracy...* P. 193–194.

решая на какой личный риск готов он пойти и какого рода наказание он желал уготовить своему противнику.

В Афинах, чтобы возбудить дело, необходима была частная инициатива. Первоначально эта инициатива признавалась только за потерпевшей стороной (или родственниками), Солон же ввел правило, когда любой гражданин (*ὁ βουλόμενος*) мог выступать в качестве обвинителя за потерпевших обиду (*Aristot. Ath. pol.*, 9, 1 – *τὸ ἐξεῖναι τῷ βουλομένῳ τιμωρεῖν ὑπὲρ τῶν ἀδικουμένων*).<sup>1</sup> В классических Афинах *ὁ βουλόμενος* выступал чаще всего обвинителем именно по государственным искам – *γραφαί*. Частные же иски – *δίκαι* – могла подавать только потерпевшая сторона или, в случае смерти, – родственники в строго определенном порядке. Вносить иски мог только совершеннолетний и не ущемленный в правах (*ἄτιμος*) гражданин, т.е. за женщину и несовершеннолетнего иск вчинял муж, отец или опекун (*κύριος*), за раба – его хозяин, за метека (в некоторых видах процессов, прежде всего государственных) – простат, за чужеземца – гостеприимец (*ξένος*).

Ликург считал инициативу добровольных обвинителей одним из трех оснований, на которых покоится афинская государственность (наряду с законами и судебной системой), отмечая, что «и законы, и голосование судей бессильны без того, кто передает им правонарушителей» (*ὥστ' οὐθ' ὁ νόμος οὐθ' ἡ τῶν δικάστων ψῆφος ἄνευ τοῦ παραδῶσαντος αὐτοῖς τοὺς ἀδικοῦντας ἰσχύει* – I, 4). Обвинители, делая эту важную общественную работу, выполняли свой долг патриота и гражданина – такие рассуждения мы встречаем и у других ораторов. «Я считаю, что хороший гражданин обязан сам идти навстречу опасности ради интересов народа; сознание, что он может возбудить в себе ненависть в отдельных лицах, не должно удерживать его от участия в делах государства», – оправдывает истец свой иск против Алкивиада<sup>2</sup> (*And.*, IV, 1 – пер. Э.Д. Фролова). «Я решил, что будет величайшим позором не выступить на помощь всему нашему государству, законам, вам и себе», – объясняет Эсхин, почему он решил выступить с обвинением против Тимарха (I, 1 – пер. Э.Д. Фролова).

Существовало несколько вариантов обвинения по инициативе частного лица. Во-первых, *ὁ βουλόμενος* мог инициировать дело в том слу-

<sup>1</sup> О важности этого закона для афинской демократии – см. выше, гл. I, § 1.

<sup>2</sup> Большинство исследователей полагает, что Андокид не был автором этой речи, некоторые вообще видят в ней политический памфлет. Подробнее о дискуссии – см. *Суриков И.Е.* О IV речи корпуса Андокида // Остракизм в Афинах. С. 429–442 (сам Игорь Евгеньевич считает, что Андокид вполне мог написать эту речь, точнее памфлет).

чае, если потерпевший по тем или иным причинам не мог выступить обвинителем сам, т.е. действовать в пользу третьего лица. Таковым вряд ли бывал взрослый дееспособный мужчина, способный постоять за себя сам; речь могла идти о женщинах, детях, стариках, метеках, нуждающихся в поддержке своего простата из граждан. Возможным примером такого рода исков была исангелия о дурном обхождении с родителями, сиротами, наследницей, о нанесении ущерба сиротскому имуществу (Aristot. Ath. pol., 56, 6). Нам известно лишь несколько конкретных исков, инициированных в пользу третьей стороны (Dem., XXXVIII, 23; LVIII, 30–34)<sup>1</sup>, что привело некоторых исследователей к выводу о нераспространенности и непопулярности у афинян данного вида обвинения по частной инициативе в позднеклассическую эпоху.<sup>2</sup>

Во-вторых, пострадавший от какого-либо правонарушения мог в качестве *ὁ βουλόμενος* инициировать государственный процесс (*γραφή*) против своего обидчика. Очевидно, большинство жертв преступных деяний подавали частные иски, ибо в случае выигрыша дела штраф, который должен был уплатить ответчик, причитался истцу (в государственном процессе он шел в казну) (Dem., XXI, 28); в случае же проигрыша истцу ничего не грозило (опять же в отличие от тяжб по *γραφή*). Однако в некоторых случаях, когда дело получало, так сказать, общественный резонанс, в него были вовлечены известные персоны, были какие-то особые отягчающие обстоятельства, истец возбуждал государственный процесс. Самый известный – процесс предположительно по *γραφή ὑβρέως*,<sup>3</sup> который затеял в 347/6 г. против Мидия Демосфен (XXI). Поводом к нему послужило событие, случившееся весной 348 г.

<sup>1</sup> Осборн приводит два примера *ἐσαγγελία κακώσεως ὀρφανῶν* – против Феопомпа (Is., XI) и против Полиекта (Dem., LXIII), оба иска были скорее в интересах обвинителя, чем сироты (Osborne R. *Law in Action in Classical Athens*. P. 48–49).

<sup>2</sup> См.: Osborne R. *Op. cit.* P. 52. О возможных причинах данной непопулярности рассуждает: Christ M. *The Litigious Athenian*. P. 119–130.

<sup>3</sup> См., например: Bonner R., Smith G. *The Administration of Justice...* Vol. I. P. 173; Rudhardt J. *La définition du délit d'impieété...* P. 100–101; Harris E.M. *Demosthenes' Speech against Meidias* // HSCIPh. Vol. 92. 1989. P. 125, 130). Гаррисон считает обвинение Демосфена *γραφή ἀσεβείας* (Harrison A.R.W. *The Law...* P. 62–63). МакДауэлл, к которому присоединяется Де Броу, — процессом по *προβολή*, считая последнюю двухэтапной процедурой (голосование в собрании – суд) (*De Brauw M.* «Listen to the Laws Themselves»: Citations of Laws and Portrayal of Character in Attic Oratory // CJ. Vol. 97. 2001/2. P. 166). (Обычно *προβολή* понимают только в узком смысле — как жалобу в экклессию). В любом случае, это был государственный процесс и *αὐτὸν τίμητός* (Dem., XXI, 25).

до н.э.: на празднике Диониса произошла ссора между оратором, исполнявшим обязанности хорега, и его давним недругом, известным афинским богачом Мидием; последний в ярости разорвал на Демосфене священную одежду и дал ему пощечину. Сначала Демосфен подал в народное собрание (через архонта) *πρόβολή*<sup>1</sup> – жалобу против Мидия, обвинив того в святотатстве и оскорблении, а после благоприятного для себя голосования, перенес процесс в суд. Оратор особенно подчеркивал, что пощечину от Мидия он получил во время праздника в честь Диониса (т.е. праздник был осквернен), преступление было тяжким и прилюдным, а сам он, исполняя обязанности хорега, был официальным должностным лицом, поэтому: «Мидий совершил преступление не только против меня, но и против вас [судей – Т.К.], и против законов, и против остальных людей» (7, ср. 28, 31–34).

Весь процесс против Мидия и его исход – большая загадка. Эсхин сообщает, что получив от Мидия «отступное» в виде 30 мин, Демосфен отозвал свой иск, продав и учиненное ему оскорбление, и голосование народа (III, 52; также: *Plut. Dem.*, 12). Большинство исследователей, *volens nolens* следуя этому сообщению, полагают, что знаменитая XXI речь Демосфена («Против Мидия») никогда не была произнесена. Но сразу же встают вопросы: во-первых, Демосфен рисковал быть подвергнутым штрафу и атимии за отзывание иска – при его публичности и обилии врагов обязательно нашелся бы какой-нибудь недоброжелатель и внес соответствующую жалобу<sup>2</sup>; во-вторых, его репутация сильно пострадала бы от столь постыдного сговора со старинным врагом; в-третьих, какой смысл был после такого одиозного конца многолетней вражды публиковать произнесенную речь, содержащую массу нелепых обвинений в адрес Мидия, который уплатив, вроде бы тем

<sup>1</sup> *πρόβολή* – обвинение, представляемое по определенной процедуре собранию, если дело, по мнению обвинителя, имело общественный интерес. Выступали и обвинитель, и обвиняемый; затем экклесия голосовала поднятием рук, и, по мнению большинства исследователей, это голосование правовых последствий не имело. Но если дело затем оказывалось в суде, тот, для кого голосование в собрании было неблагоприятным, шансов выиграть его практически не имел. *Probole* можно было внести по поводу правонарушений на главных праздниках, по обвинению в сикофантии (см. ниже) и в связи с обманом народа (классический случай *πρόβολή* на основании *ἀπάτη τοῦ δήμου* – против Калликсена, обвинителя стратегов-победителей). Подробнее см.: *Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 211–215; Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 59–64; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 179–181.*

<sup>2</sup> Как Эсхин внес иск против союзника Демосфена Тимарха за то, что тот выступает в собрании и суде, будучи *ἄτιμος* (*Aeschin.*, I).

самым поставил точку в этом деле? К тому же в тексте Демосфена несколько раз указывалось на твердость и непреклонность обвинителя, его желание идти до конца (например: 3; 120) – подобные пассажи выглядели бы комично в публикации речи, «выкупленной» обвиняемым. Некоторые ученые вслед за А. Бёком думают, что речь была оставлена Демосфеном в черновом варианте, а опубликована его друзьями *post mortem* оратора.<sup>1</sup> Не легче ли предположить, что Эсхин, к тому же спустя 16–17 лет после данной истории (речь «О венке» была произнесена в 330 г.), мог каким-то образом исказить происшествие с Мидием или просто солгать – циничность судебной и политической инвективы поистине безгранична.<sup>2</sup>

В-третьих, ὁ βουλόμενος мог возбудить государственный процесс в интересах всего народа, следуя принципу: «когда наносят обиду государству, пострадавшими оказываются все граждане» (Plat. Leg., 768a – пер. А.Н. Егунова), – и это был самый распространенный вариант обвинения по инициативе частного лица. Иски такого рода подавались нередко против видных общественных деятелей – стратегов или ораторов – или в надежде на крупную поживу (одно другое не исключало, разумеется).<sup>3</sup> Так, внося ἀπογραφὴ – жалобу на владение частным лицом принадлежащим государству имуществом (например, конфискованным)<sup>4</sup> – в случае успеха жалобщик получал часть конфискуемой

<sup>1</sup> Böckh A. Von der Zeitverhältnissen der Demosthenischen Rede gegen Meidias // Abhandlungen der Berliner Akademie. Bd. 5. 1818. S. 60–100; Blass F. Die attische Beredsamkeit. Leipzig, 1887–1898. Bd. III/1. S. 328; Lavency M. Aspects de la logographie judiciaire attique. P. 165; MacDowell D.M. The Law... P. 196–197.

<sup>2</sup> Еще Дж. Грот предположил, что процесс таки был, но это был ἀὐτὸν τμήτος (т.е. состоял из двух частей – сначала судьи голосовали по вердикту, а затем в случае обвинительного приговора определяли меру наказания), и перед вторым голосованием судей Демосфен договорился с Мидием, предложил в качестве наказания тому незначительный штраф – за это его соперник и заплатил ему (A History of Greece. L., 1869. Vol. XI. P. 148, note 1). В последнее время с критикой традиционной версии о непроизнесенной речи выступали: развернуто – Harris E.M. Demosthenes' Speech... P. 117–134; кратко – Ober J. Power and Oratory in Democratic Athens: Demosthenes 21, Against Meidias // The Athenian Revolution. P. 93–94; Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 132.

<sup>3</sup> О привлекательности материального вознаграждения для беззастенчивых обвинителей, особенно в процессах φάσις, ἀπογραφὴ, γραφὴ ξενίας – см., например: Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 26–32.

<sup>4</sup> Это наиболее известная, но не единственная разновидность ἀπογραφὴ. Подробнее – см.: Osborne R. Law in Action in Classical Athens P. 44–47.



собственности.<sup>1</sup> Если суд признавал справедливым *φάσις* – донос о нарушении финансовых интересов государства (неуплата податей, контрабанда, злоупотребления в хлебной торговле и проч.), истец мог рассчитывать на половину стоимости конфискованного имущества. Гиперид именно эти два вида процессов (*φάσις* и *απογραφή*) выбрал как типичные примеры деятельности профессиональных доносчиков (IV, 33–36). В делах о незаконном присвоении гражданства (*υπαφάει ξενίας*) обвинитель мог рассчитывать на 1/3 штрафа или дохода от продажи имущества обвиняемого и продажи его самого в рабство.

Естественно, в обществе подозрительно относились к тем, кто выдвигал (особенно не единожды) иски, сулящие материальную выгоду. Ликург в той же речи против Леократа, в которой он восхваляет частную инициативу как одну из основ афинской государственности, упрекает своих сограждан за их предубежденность против добровольных обвинителей: «теперь так обернулось, что те, кто идет на личный риск и вызывают к себе ненависть [ответчиков – Т.К.] ради общественных дел (*τὸν ἰδία κινδυνεύοντα καὶ ὑπὲρ τῶν κοινῶν ἀπεχθανόμενον*) кажутся не любящими город (*οὐ φιλόπολιν*), но любящими тяжбы (*ἀλλὰ φιλοπράγμονα δοκεῖν εἶναι*). Это и несправедливо, и невыгодно городу (*οὐ δικάως οὐδὲ συμφερόντως*)» (I, 3). Предубежденность афинян можно понять. В доступности для любого желающего выступать в качестве обвинителя таился соблазн злоупотребления: далеко не каждый руководствовался при этом общественным благом, многие преследовали собственные интересы. Так родился еще в прошлом, V в. до н.э., антигерой афинской судебной системы – сикофант – профессиональный доносчик и шантажист. Его повивальной бабкой и были материальные выгоды, которые получали в процессах определенного рода победоносные обвинители.

## § 5. Сикофанты и их деятельность

Какого-либо узаконенного определения, что такое сикофант, видимо, не существовало. Античные авторы описывали сикофантов и их дея-

<sup>1</sup> Демосфен (или Аполлодор) (LIII, 2) говорит о трех частях – непонятно 3/4 или 3/8. См.: Латышев В.В. Очерк... Ч. I. С. 228. Предполагалось также, что здесь вкралась ошибка и вместо *τὰ μὲν τρία μέρη* надо читать *τρίτα*; тогда обвинителю полагалась треть. См.: Osborne R. Law in Action in Classical Athens. P. 45 (со ссылкой на надпись сер. IV в. до н.э. и статью D. Lewis'a).

тельность разнообразно, не скупясь на эпитеты.<sup>1</sup> В широком смысле слова сикофантство – это вообще любое недобросовестное, злокозненное поведение обвинителей и тех, кто им помогает (синегоров и свидетелей – Dem., LI, 16; Isocr., XVIII, 55–56). Судя по нашим источникам, краткий перечень сикофантских функций выглядит следующим образом: они шантажируют богатых и влиятельных людей, угрожая выдвинуть против них иски, например, при сдаче отчета (Isocr., XXI, 5, 8; Dem., XXV, 52; LIX, 43; Нур., I, 2); они инициируют такие иски, по которым обвинитель получает часть штрафа (Dem., LVIII, 13, 64; Нур., IV, 34); они обвиняют за деньги (Dem., XXI, 103; LI, 16; LIX, 43; Aeschin., I, 20).<sup>2</sup> В последнем случае сикофанта чаще всего нанимали в качестве агента третьи лица, чтобы он возбудил контр-иск против потенциального истца, как например, это сделал Филократ против хорега из речи Антифонта (VI).<sup>3</sup> Другой пример – Евктемон, нанятый Мидием для того, чтобы тот возбудил обвинение против Демосфена в дезертирстве. Сикофант в этом случае и не собирался доводить дела до суда, главное было бросить тень на оратора, выставив на всеобщее обозрение текст обвинения перед статуями эпонимов (Dem., XXI, 103).

Сикофанты не заинтересованы в том, чтобы установилась истина или восторжествовала справедливость, – ими движет корыстный расчет; деньги – вот что побуждает их к действиям.<sup>4</sup> Лживость сикофантских обвинений – почти *locus communis* в судебных речах (Aeschin., II, 5, 39; Dem., XVIII, 95; LVIII, 30–31; также Diod. I, 77, 92); не случайно лексикографы определяют *συκοφαντεῖν* и *συκοφάντης* как «обвинять к.-л. ложно», «лживый обвинитель» (Suid.; Hesychius, s.v.). Зло сикофантства – в том, что оно дает возможность беззастенчивому негодяю нападать на и преследовать ни в чем не повинного человека (Lys., VII, 1; XXV, 3).<sup>5</sup> Исократ

<sup>1</sup> О трудностях с выбором какого-то конкретного одного определения – см.: Harvey D. The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition? // *Nomos*. P. 106–107.

<sup>2</sup> См.: Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 26–59; Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 54–55; Harvey D. Op. cit. P. 110–114; Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 50.

<sup>3</sup> Хорег собирался обвинить за незаконное присвоение общественных денег при сдаче отчета неких должностных лиц, которые и наняли Филократа, заявившего, что хорег виновен в смерти одного мальчика из хора. Подробнее о других примерах (Dem., XXI, 103; LXIX, 9–10) и о деятельности сикофантов как платных агентов – см.: Lofberg O. Op. cit. P. 48–52.

<sup>4</sup> Харвей перечисляет 34 примера из источников того, как сикофанты за деньги «улаживали» дело; 5 случаев открытого вымогательства и проч. (Op. cit. P. 111).

<sup>5</sup> См.: Lofberg O. Op. cit. P. 7.

отмечал, что сикофанты, проявляя свою власть над честными людьми, извлекают еще больше денег из виновных (XV, 24–25). Для афинян профессиональное доносительство имело несомненный отрицательный моральный смысл, поэтому все коннотации слова «сикофант» несут на себе этот пейоративный груз.<sup>1</sup> Как только не бичевали сикофантов афинские авторы! Они клеймили сикофанта и зверем (λύκος – Xen. Mem., II, 9, 1–2; θηρίον – Dem., XXV, 8), и дикарем (ἄγριος – Dem., XXV, 63), и злодеем (κακοπράγμων – Isocr., XV, 224), и святотатцем (ιερόσυλος – Aristoph. Plut., 30), и чумой (λοιμός – Dem., XXV, 80), и варваром (Aeschin., II, 183), и всеобщим врагом (κοινὸς ἐχθρὸς – Dem., XXV, 82; Isocr., XX, 14). Слово «ποῦερὸς» («дурной, подлый») вообще чуть ли не устойчивый эпитет.<sup>2</sup>

Лисий прямо возлагал ответственность за два олигархических переворота и отпадение союзников на профессиональных доносчиков, скомпрометировавших демократию (XXV, 19, 27). Сходные обвинения выдвигал и Исократ (XV, 319). Настоящую инвективу против сикофантов и сикофантства находим в его речи «Об обмене имуществом», написанную престарелым оратором (ему было тогда 82 года) поистине с юношеской страстью. Сикофанты преследуют ни в чем не повинных людей, тащат в суд богатых граждан, выдвигают обвинения, которые судьи охотно принимают (24–26). Наглые и бесцеремонные доносчики, нападают на самых именитых (ἐνδοξότατοι) и наиболее способных принести пользу государству людей; обвиняют их в лаконофильстве и олигархических пристрастиях и в результате чинимой несправедливости превращают этих изначально ни в чем таком не повинных людей в олигархов-предателей (318). Они – причина настоящего упадка государства; из-за них отпали союзники, случилась Пелопоннесская война; погибло множество граждан, дважды уничтожалась демократия (319).

Жертвой сикофанта может оказаться любой: и тот, кто держится в стороне от общественной жизни (ἀπράγμων), «богатый квиетист»<sup>3</sup> и

<sup>1</sup> В отличие от «софиста» и «демагога», которые, как заметил Харвей, начинали свой путь достаточно респектабельно (Op. cit. P. 107).

<sup>2</sup> Харвей приводит около 50 ссылок на него; у него же см. множество других «лестных» эпитетов из источников по адресу сикофантов (правда, в английском переводе): Op. cit. P. 107–109.

<sup>3</sup> О «богатых квиетистах» – см. подробно в: Carter L.B. The Quiet Athenian. P. 31, 99–130. Замечательное описание такого ἀπράγμων – в «Государстве» Платона: «хороший человек, живущий в неважно устроенном государстве и потому избегающий почестей, правительственных должностей и всякой такой суеты... не дает отпора оскорбителям ни в судах, ни на собраниях, но беспечно все это сносит» (549c–d – пер. А.Н. Егунова).

активный политик.<sup>1</sup> Герой одной из речей Лисия сетует: «Прежде я думал, что всякий может избежать суда и кляуз, если будет держаться в стороне от общественной деятельности. Но теперь я так неожиданно подвергся обвинению и попал в руки подлых сикофантов, что, кажется мне, даже младенец в утробе матери уже должен бояться за будущее» (Lys., VII, 1 – пер. С.И. Соболевского). Младенец, содрогающийся в утробе матери при виде сикофанта, от которого нет никому спасения, – конечно, гипербола, но какой запоминающийся образ! Излюбленная добыча доносчиков – богачи: по замечанию Исократ, – те, кто слаб в речах, но достаточно богат, чтобы платить (τοὺς ἀδυνάτους μὲν εἶπεῖν, ἱκανοὺς δὲ χρῆματα τελεῖν – XXI, 5). Никий, известный политик и владелец многих копий в Лаврийских рудниках, непрестанно терроризируемый сикофантами, был мишенью насмешек для афинских комедиографов, отмечавших его запуганность и зависимость от профессиональных ябед (Plut. Nic., 4 – отрывки из комедий Телеклида, Евполида, Аристофана и Фриниха). Плутарх утверждает, что избегая общения с доносчиками, Никий чурался трапез и общения с согражданами, приходил первым и уходил последним из Совета, а когда общественных дел не было, сидел дома взаперти (Nic., 5).

Постоянной жертвой сикофантов ощущал себя Исхомах из Ксенофонта «Домостроя», поэтому он стал практиковаться в красноречии и устраивать дома судебные инсценировки со слугами и женой, дабы уметь защитить себя (Oecon., XI, 21–25). В «Меморабиях» Ксенофонт рассказывает еще одну историю: отчаявшийся Критон, которого затаскали по судам сикофанты, следуя совету Сократа завести себе человека, который подобно собакам, отгоняющим волков от овец, будет отгонять от него доносчиков, находит некоего Архедема,<sup>2</sup> бойкого, но бедного. Тот (за вознаграждение, конечно) начинает преследовать сикофантов, ранее досаждавших его покровителю, их же методами, так что теперь они платят Архедему. Многие друзья Критона после этого стали просить его одолжить им Архедема для защиты «от волков» – Архедем с удовольствием услужил и им (Mem., II, 9).

В речах судебных ораторов перед нами предстает целая галерея профессиональных вымогателей: Агорат (Lys., XIII), Каллимах (Isocr.,

<sup>1</sup> См., например, анекдот, рассказанный в «Моралиях»: Гиперид, обвиненный в том, что откупался от сикофантов, воскликнул: «Во всяком случае, меня поймали за тем, что я даю деньги, а не беру их» (Plut. Mor., 541f2–6).

<sup>2</sup> Видимо, тот самый демагог Архедем, который выступил с обвинениями против Эрасинида, одного из стратегов-победителей. См.: Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 57.

XVIII), Феокрин (Dem., LVIII, 6, 8, 32), Аристон (Нур., I, 2). Деятельность последнего Гиперид описывает следующим образом: «идя от одного к другому, он всех вызывает в суд. Тех, кто не дает ему денег, он привлекает к суду и обвиняет; тех, кто согласен платить, оставляет в покое» (пер. Л.М. Глускиной). Сикофанты, сплачивая свои усилия, даже объединялись в своего рода клубы (Dem., XXXIX, 2; XL, 9 – ἐργαστήρια σικοφαντῶν).<sup>1</sup> В речи против Феокрина (ее авторство приписывается либо Демосфену, либо Динарху) деятельность таких неформальных сикофантских объединений описывается следующим образом: «Ведь вам часто приходилось видеть, как они в судах и на ораторской трибуне заявляют о своей вражде, а частным образом обделяют одни и те же делишки и делят взятки, как они сначала бранятся, а немного спустя справляют вместе праздники и участвуют в общих культах» (Dem., LVIII, 40 – пер. А.Я. Тыжова). Эпихар, произносящий эту речь, указывает на такие виды козней Феокрина и его сподручных: они отговорили синегоров Эпихара помогать ему (4, 42); угрозами и убеждениями они заставили свидетелей не давать показаний (7); они собираются помогать на суде Феокрину (44).

Познакомимся с некоторыми из сикофантов поближе. Агорат появился на политическом небосклоне в 411 г. до н.э. Он был рабом, получившим права гражданства за то, что якобы принимал участие в убийстве Фриниха, одного из лидеров свергнутых олигархов. Но, как утверждает оратор в речи, написанной для него Лисием, это неправда: Агорат подкупил некоего чиновника, и его имя появилось на стеле в надписи, прославляющей убийц Фриниха (Lys., XIII, 64, 70–76). Несколько лет, с 411 по 404 гг., Агорат «работал» сикофантом, внося бесконечные иски – δίκαι, γραφαί, ἀπογραφαί; в конце концов, был осужден за злостное доноительство и вынужден был уплатить 10000 драхм штрафу (XIII, 65). Свою полную беспринципность он, который получил гражданство за будто бы убийство лидера олигархов, продемонстрировал после поражения Афин в Пелопоннесской войне, поступив на службу к олигархам и став исполнителем их гнусного плана. В соответствии с этим планом приятель и сообщник Агората Феокрит обвинил того пе-

<sup>1</sup> Эту проблему подробно исследовал Калхун (*Calhoun G.M. Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin, 1913. P. 79–81; 95–96*), а вслед за ним и Лофберг (*Sycophancy in Athens. P. 59–68*). Кажется все же, американские ученые преувеличили размах этого явления, изыскивая повсюду «сикофантские эргастерии». Более осторожный подход, с указанием на принципиальную разницу между аристократическими гетериями и ἐργαστήρια σικοφαντῶν – см. *Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 909*.

ред Советом в заговоре против заключения мира со Спартой (18–19); Агорат притворно сел у алтаря в Мунихии, причем некоторые достойные граждане, приняв этот фарс за чистую монету, выступили за него поручителями и предлагали свою помощь (18–25). Далее он добровольно явился в Совет и назвал имена своих поручителей, некоторых стратегов, таксиархов и других граждан как заговорщиков. Все они были посажены в тюрьму, вскоре спартанский военачальник Лисандр вошел в Пирей, к власти пришли Тридцать тиранов, и все эти бедняги были казнены (29–35). Почувствовав, куда дует ветер, Агорат в очередной раз «поменял ориентацию» и примкнул к сторонникам демократии в Филе (77), и вместе с ними победоносно вернулся в Афины. Через несколько лет родственник одного из казненных по вине Агората сторонника демократии привлек сикофанта к суду.<sup>1</sup>

Карьера Агората во многом типична для профессионального доносчика. О его собрате по профессии, тоже «перевертыше» и столь же бесстыжем, не гнушающимся ни заведомой ложью, ни подкупом, ни вымогательством, — Каллимахе — рассказывает в одной из речей Исократ (XVIII). Этот сикофант затевал дело, а потом в общественных местах жаловался на дурное обхождение с ним обвиняемого. Через какое-то время приспешники Каллимаха задушевно беседовали с намеченной жертвой, объясняя ей судебные риски и капризность фортуны и предлагали избавиться от тяжких обвинений за скромную сумму (XVIII, 9–10).

Но, пожалуй, самый запоминающийся образ сикофанта предстает перед нами в речи Демосфена «Против Аристогитона».<sup>2</sup> (Тот же сикофант Аристогитон — «герой» одной из речей Динарха (II), в которой он

---

<sup>1</sup> За свой преступный донос, повлекший гибель многих афинян, а том числе родственника оратора XIII-й речи Лисия, Агорат скорее всего не был осужден. Аргументы в пользу оправдательного приговора по его делу (иной вердикт был бы нарушением амнистии и противоречил бы соглашению пирейской и городской партий) см.: *Cloch  P. La restauration d mocratique   Ath nes en 403 avant J.-C. P., 1915. P. 338–341.*

<sup>2</sup> Относительно принадлежности этой речи Демосфену высказывались сомнения (см., например: *Romilly J. de. La loi dans la pens e grecque. P. 155–158*); нам лично кажутся более убедительными доводы защитников авторства великого оратора (например: *Blass F. Die attische Beredsamkeit. Bd. III/1: Demosthenes. S. 408–417*). Не углубляясь в дискуссию (некоторые её подробности см., например, в комментариях к XXV речи в: *Демосфен. Речи / Отв. ред. Е.С. Голубцова и др. Т. I. М., 1994. С. 560–562*), заметим, что для нашего сюжета вопрос о том, был ли автором речи «Против Аристогитона» сам Демосфен или другой афинский оратор, не является принципиальным.

назван худшим человеком в Афинах). «Итак, что же такое этот Аристогитон? Клянусь Зевсом, собака демоса (*kúwv τοῦ δήμου*), как говорят некоторые. Какого же рода? А такого, что он не кусает тех, кого называют волками, а пожирает овец, которых, как он сам заявляет, он стережет. Ибо кому из ораторов-профессионалов Аристогитон причинил такое большое зло, какое причинил людям из народа, выступал повсюду против них, на чем и был пойман. Кого же из ораторов он обвинил с тех пор, как начал выступать? Никого. Но он обвиняет многих частных людей, которых обманывает как сикофант... Он терзал людей, избранных на государственные должности. Он угрожал им, требовал денег, и вообще какое только зло не причинил им!... Он проходит через рыночную площадь подобно змее или скорпиону, подняв жало, озираясь по сторонам и выбирая, кого бы оклеветать, кому бы причинить горе, кого ввергнуть в страх, у кого выманить деньги... Ни к присутствующим здесь детям обвиняемых, ни к их старухам матерям Аристогитон не испытывал жалости» (Dem., XXV, 40, 50, 52, 84 – пер. здесь и далее А.Я. Тыжова). Сикофантство – постыдное занятие, ведь Аристогитон «не занят ни ремеслом, ни земледелием, ни какой-либо другой полезной деятельностью»<sup>1</sup> (51), «его кормят беды других» (82). Всевозможные преступления совершил этот злодей: бросил своего отца в тюрьму и даже не похоронил его, а против тех, кто оплатил похороны, возбудил иск (54); продал свою сводную сестру (55); предал свою возлюбленную (56–57); будучи в тюрьме как государственный должник, украл у своего сокамерника важный документ и откусил ему нос (60–62).

Профессиональное сутяжничество – зло, которое затрагивает всех. Жертвами Аристогитона стали «и несчастный фокидянин, и кузнец из Пирея, и кожевник» (38), и торговец оливами Агафон (последний, правда, откупился от «собаки демоса» – 47).<sup>2</sup> Он же возбуждал дела против известнейших афинских политиков: Демада (за взятку отказался от обвинения – XXV, 47), Гиперида (XXVI, 11).<sup>3</sup> Негодование оратора про-

<sup>1</sup> О разнице между сикофантами и честными афинскими тружениками см. Dem., LIX, 43; Aeschin., I. 20. Ср. с такой же оценкой сикофантского занятия у Аристофана.

<sup>2</sup> О том, что обвинения сикофантов касались многих – см. также Dem., LVII, 32–34; LVIII, 2; Isocr., XV, 23. Со своим младенцем, из-за подлых сикофантов страшась за свое будущее в утробе матери (см. выше), Лисий довел эту идею до впечатляющего абсурда (VII, 1).

<sup>3</sup> Знаменитая жалоба на противозаконие по поводу предложенного Гиперидом после Херонеи декрета об освобождении рабов, предоставлении метекам гражданских прав и возвращении изгнанников (Hyp., fr 18 (contra Aristog.), 1–3).

тив Аристогитона тем сильнее, что этот сикофант, будучи платным агентом промакедонской группировки, семь раз обвинял Демосфена и еще дважды при подаче отчета (XXV, 37). Демосфен дает свой рецепт, как надо поступать с такими доносчиками, как Аристогитон: «Подобно тому как врач отсекает часть тела, пораженную раковой опухолью, злокачественным нарывом или какой-нибудь другой неизлечимой болезнью, так и всем нам следует отсечь от себя эту бестию, выбросить его за пределы государства» (95).<sup>1</sup> Неоднократно против Аристогитона выдвигались обвинения. Однажды он был осужден за сикофантию, дважды по жалобе о противозаконии его присуждали к уплате штрафа в пять талантов (17, 19, 68). Периодически он оказывался в тюрьме как государственный должник — по уверению Динарха, он провел в ней больше времени, чем вне её (II, 2). Его последним преступлением стала взятка в 20 мин, которую он принял от бежавшего казначея Александра Гарпала. За это он был обвинен Динархом, осужден и умер в тюрьме.

Нельзя сказать, что против профессиональных ябедников и шантажистов не применялись никакие меры. Были косвенные, но очевидно, малоэффективные механизмы, призванные приструнить доносчиков: штраф за отозванный или проигранный государственный иск.<sup>2</sup> Против сикофантов можно было возбуждать разного рода иски: *υραφῆ σικοφαντίας* (Isocr., XV, 314; Aristot. Ath. pol., 59, 3), жалоба в собрание — *προβολή* (Isocr., XV, 314; Aeschin., II, 145; Aristot. Ath. pol., 43, 5, причем только раз в году, в шестую пританию, и с лимитом — три *προβολαί* против граждан и три против метеков)<sup>3</sup> — и, если прав Исократ (он

<sup>1</sup> Л.П. Маринович (Греки и Александр Македонский (к проблеме кризиса полиса). М., 1993) явно преувеличивает степень враждебности Демосфена к гелизе вообще, исходя из его неприязни к профессиональным обвинителям в частности. Инвектива против сикофантов в XXV речи направлена прежде всего против Аристогитона. Утверждения Людмилы Петровны типа: «Демосфен активно выступает против судебных преследований граждан» или «у Демосфена заметно явно неприятие судов» (с. 82–83), — едва ли могут быть приложимы к тому, кто и сам неоднократно выступал в суде, и речи обвинительные писал клиентам, не жалея черной краски для противников. Можно вспомнить и упреки, которые Демосфен бросал Андротиону, в том, что тот за долгие годы своей политической активности не пожелал выступать обвинителем в судах против стратегов и ораторов, очевидно, *implicite* подразумевая собственное рвение по этой части (XXII, 66).

<sup>2</sup> Об их малоэффективности — см.: Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 86–89.

<sup>3</sup> Напомним, что голосование в собрании по *προβολή* носило рекомендательный, а не окончательный характер, и недовольный его исходом мог далее обращаться в суд. Высказывалось предположение, что *προβολαί* могли быть пред-



один сообщает об этом<sup>1</sup>), исангелия перед Советом (XV, 314).<sup>2</sup> Из источников нам известны только два случая, когда сикофанты были осуждены за свой промысел (что, впрочем, не уменьшило их сутяжнической ретивости) – Агорат (Lys., XIII, 65)<sup>3</sup> и Аристогитон (Dem., XXV, 19). Поймать сикофанта за руку было непросто; его жертва должна была быть сильно мотивирована, решительно настроена и влиятельна, чтобы отважиться на открытый процесс. Успех этот последний мог иметь, если деятельность доносчика повредила не только личным, но и общественным интересам. Существовала проблема и с определением того состава преступления, который подпадал под понятие «сикофантия»: слишком зыбкой была порой грань, отделяющая «желающего», тем более «сторожевого пса демократии» (κύων τοῦ δήμου), от «сикофанта».<sup>4</sup>

Сладить со злом сикофантства афинская демократия так и не захотела, но даже если бы захотела, вряд ли смогла бы: чтобы искоренить его, надо было менять всю судебную систему, построенную на добровольной инициации иска и добровольном обвинении. Профессиональное доносительство удачно вписывалось и в контекст социально-политических отношений: демос утверждал таким образом свою власть над элитой, осуществлял своеобразный контроль над нею, заставляя её богатых и знатных представителей трепетать при виде выискивающих свою добычу сикофантов. С социально-психологической точки зрения, активность сикофантов давала выход чувству зависти и вражды к силь-

---

ставлены на любой *kuría êkklhσία* (главном собрании) (см.: *Rhodes P.J. A Commentary...* P. 527, со ссылкой на Gilbert'a). Что касается метеков-сикофантов, упоминание их Аристотелем вызвало бурную дискуссию (подробности см., например, в: *Bonner R., Smith G. The Administration of Justice...* Vol. II. P. 66–69). В любом случае, если афинская демократия и использовала помощь доносчиков-неграждан в изобличении преступных элементов, то произошло это не ранее IV в.

<sup>1</sup> νόμος εἰσαγγελτικός (закон об исангелии), который приводит Гиперид (IV, 7), не содержит упоминания об обвинении против сикофантов

<sup>2</sup> То, что сикофантия рассматривалась как преступление – серьезный довод против концепции Р. Осборна (см. ниже), на что справедливо обращает внимание Д. Харвей (*The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition?* P. 106).

<sup>3</sup> Оратор в речи, написанной для него Лисием, заявляет «вы все и в собрании и в суде признали его [Агората] виновным в сикофантии» (ὅπερ ἅπαντες καὶ ἐν τῷ δήμῳ καὶ ἐν τῷ δικαστηρίῳ σικοφαντίας αὐτοῦ κατέγνωτε – XIII, 65). Слова ἐν τῷ δήμῳ наводят на мысль, что обвинение против Агората в злостном доносительстве развивалось по следующему сценарию: сначала была жалоба (προβολή) в собрании, затем – иск (γραφή) в дикастерии.

<sup>4</sup> На это обращал внимание: *Crawley L.W.A. Γραφή σικοφαντίας*. P. 79, 85–93.

ным мира сего,<sup>1</sup> являясь, как теперь принято говорить, средством компенсации фрустрации.<sup>2</sup> Знаменитую горько-ироническую инверсию, иллюстрацию к перемене ролей в структуре отношений демос — элита, представил Хармид, один из сотрапезников Ксенофонта «Пира»: когда он был богат, ему приходилось постоянно нести расходы на литургии и ублажать сикофантов; он знал, что они скорее могут навредить ему, чем он им. Теперь же, после того как он разорился и всего лишился, — «город мне доверяет; никто мне больше не грозит, а я уже грожу другим...; передо мной уже встают с мест и уступают дорогу на улице богатые. Теперь я похож на тирана, а тогда, несомненно, был рабом. Тогда я платил налог народу, а теперь город платит мне подать и содержит меня» (Sympr., IV, 29–32 — пер. С.И. Соболевского). Аналогичное «переворачивание» (правда, «в другую сторону») подмечает и Лисий: доносчики (оратор упоминает поименно Эпигена, Демофанта и Клисфена), разорившие и сгубившие многих неповинных состоятельных людей, воспользовавшись благоприятной ситуацией после низвержения олигархов, «из бедняков сделали богачами» (ἐκ πενήτων πλούσιοι ἐγένοντο — XXV, 25–26).

Так случилось, что сикофанты стали в каком-то смысле неразлучны с демократией — подобным образом эта напасть воспринималась античными интеллектуалами. Плутарх в биографии Тимолеонта замечает: вероятно, не только у всякого жаворонка должен появиться хохол (ссылка на Симонида), но и во всякой демократии — сикофант (ἐπεὶ δὲ χρὴν ὡς ἔοικεν οὐ μόνον πασι κορυδαλλοῖς λόφον ἐγγίνεσθαι, ката Σιμωνίδην, ἀλλὰ καὶ πασῇ δημοκρατίᾳ σικοφάντην... — Tim., 37, 1). Многие современники афинской демократии, очевидно, согласились бы с Аристотелем, утверждавшим: всякий ненавидит сикофанта (Rhet., II, 1382a7 — μισεῖ τὸν σικοφάντην ἅπας), — и с удовольствием отправили бы доносчиков на край земли, памятуя об истории, поведенной Феопомпом: будто Филипп Македонский основал во Фракии город — Ποιηρόπολις, намереваясь собрать туда и поселить там «сикофантов, подделывателей завещаний, синегоров<sup>3</sup> и прочих злодеев численностью до 2000» (FgrHist., 115 F 110).

<sup>1</sup> См.: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 299.

<sup>2</sup> В своей последней работе именно в таких словах характеризует остракизм И.Е. Суриков (Остракизм в Афинах. С. 353). Нам кажется сомнительной карнавальная природа остракизма (с. 351–352), в доказательство которой автор и рассуждает о «переворачивании» и «фрустрации», но мы не могли не обратить внимание на некоторые точки соприкосновения у данной процедуры и расцветшего сикофанства: и то, и другое — средство утишить зависть и компенсировать недовольство собой и положением вещей, направленное на того, кто эту зависть вызывал.

<sup>3</sup> Здесь имеются в виду общественные обвинители.

Долгое время в историографии господствовало мнение, основанное на традиции; его суть: сикофант — это тот, кто злоупотребляет правами τοῦ βουλομένου.<sup>1</sup> В новейшей литературе наблюдается новое веяние в духе «О бедном сикофанте замолвите слово...». Почин положил Артур Эдкинс, утверждавший в статье «Polu pragmosune и “Заниматься своим делом”», что образ сикофанта был искажен «недружественными» писателями, представлявшими высший класс (agathoi); на самом деле сикофант — не только (а, может быть, и не столько) тот, кто обвиняет невиновного по низкому умыслу или пустяшному поводу, но и тот, кто обвиняет виновного (или того, в чью вину он верит) по патриотическим и гражданским мотивам.<sup>2</sup> Робин Осборн пошел еще дальше: сикофанты «осложняли жизнь тем богачам, которые отказывались принимать участие в демократической работе общества»; «жалобы сикофантов были важным демократическим механизмом социального регулирования; с их помощью богачам не давали использовать их богатство анти-социальным образом»; вывод — «у сикофантов была своя структурная роль в демократии».<sup>3</sup> Сикофанты — всего лишь неудобные, назойливые обвинители, а не продажные доносчики, заводившие процессы ради личной выгоды.<sup>4</sup> Эти идеи подхватил Мэтью Храйст: сикофантство —

<sup>1</sup> См., например: Белох Ю. История Греции. Т. 2. С. 20–21; Латышев В.В. Очерк... Ч. I. С. 229; Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 297–301; Соболевский С. И. Комментарии // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб., 1993. С. 343–345; Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. С. 163; Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики. С. 57; Reinach S. Sycophantes // REG. T. XIX. 1906. P. 335–358; Lipsius J. H. Das attische Recht. S. 448–451; Lofberg O. Sycophancy in Athens. Passim; Glotz G. The Greek City. P. 251, 335–336; Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 39–74; Cloché P. La démocratie athénienne. P. 221, 243–244, 253; Ehrenberg V. The People of Aristophanes. P. 343–347; MacDowell D.M. The Law... P. 62–66; 225–226; Carter L.B. The Quiet Athenian. P. 82–84, 105–106, 111–116; Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 60–62, 219–221; Will É., Mossé C., Goukowsky P. Le monde Grec et l'Orient. T. 1. P. 455; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 81, 209; Rhodes P. J. A Commentary... P. 444–445; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 316, 320–321; Humphreys S.C. Public and Private Interests in Classical Athens // Athenian Democracy. P. 233–234; Lanni A.M. Law and Justice... P. 35. Естественно, в литературе понятие «сикофант» рассматривается гораздо шире (как было показано выше), не говоря уж об определениях, которыми авторы охотно снабжают сей однозвучный концепт.

<sup>2</sup> Adkins A.W.H. Polu pragmosune and “Minding One’s Own Business”: A Study in Greek Social and Political Values // CIPh. Vol. 71. 1976. P. 307–311, 316–318.

<sup>3</sup> Osborne R. Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sykophant // Nomos. P. 98–99.

<sup>4</sup> Ibid. P. 83–102. Passim.

«часть афинского дискурса о гражданской идентичности»; с его помощью «афиняне сообщали друг другу о нарушениях закона и правовых злоупотреблениях».<sup>1</sup> Сикофант, по М. Храйсту, — это особый социальный тип (но не группа и не профессия!), штатный аутсайдер, козел отпущения в афинском обществе, «отрицательная модель», призванная отвести критику от демократии.<sup>2</sup>

Эта новейшая концепция, естественно, вызвала неприятие у историков, мыслящих не столь революционным образом, — например, Дэвид Харвей представил её развернутую критику.<sup>3</sup> Воспользовавшись его доводами, присовокупив к ним некоторые собственные соображения, заметим следующее.

Деятельность сикофантов отнюдь не вела к большему участию в демократической политике: доносчики скорее исторгали из нее состоятельных и именитых граждан, чем включали. Можно вспомнить, например, Диогнета, брата Никия, который бежал прочь из Афин, так как, по утверждению Лисия, не мог больше выносить бесконечных наветов сикофантов (XVIII, 9). Леосфен, по утверждению Эсхина, также вынужден был покинуть город из-за происков сутяг (II, 124). В одной из своих речей Лисий вспоминает о горестных событиях после олигархии Четырехсот, когда доносчики убедили афинян кого-то приговорить к смерти, других изгнать, у многих конфисковать имущество (XXV, 25–26). Оратор в одной из речей Демосфенова корпуса заявляет, что его противники своими сикофантскими происками изгоняют его из дема (LV, 35). Аристогитон, по словам Демосфена, часто требовал смерти для своих жертв (XXV, 83); и как саркастически замечает Д. Харвей, результатом такого наказания был бы мертвый афинянин, который едва ли смог бы принять живейшее участие в общественных делах.<sup>4</sup>

Многочисленные доносчики, наподобие Аристогитона, запугивали и терзали афинских должностных лиц, особенно при сдаче ими отчета, что вряд ли способствовало повышению эффективности деятельности последних (Dem., XXV, 49–50). Сикофанты настраивали состоятельных афинян против демоса, превращали их в олигархов — такую метаморфозу обрисовал Исократ (XV, 318). А вот как Платон описывает переход от «тимократического» человека к «олигархическому»: сын видит, как его отец (достойный человек, т.е. тимократического склада)

<sup>1</sup> Christ M. R. The Litigious Athenian. P. 48.

<sup>2</sup> Ibid. Passim. Особенно: P. 50, 59–60, 68–70.

<sup>3</sup> Harvey D. The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition? P. 103–121.

<sup>4</sup> Ibid P. 118.

«был стратегом или занимал другую какую-либо высокую должность, а затем попал под суд по навету клеветников и был приговорен к смертной казни, к изгнанию или к лишению гражданских прав и всего имущества»; сын отказывается идти по стопам отца и любовь к почестям превращается у него в любовь к деньгам (Res., 553b–d — пер. А. Н. Егунова). Деятельность сикофантов ввергала государство в раздоры и смуты (στάσις — Lys., XXV, 26; Dem., XXV, 50). На языке политической философии Стагирита её результат выглядит следующим образом: «В демократиях перевороты чаще всего вызываются необузданностью демагогов, которые, с одной стороны, путем ложных доносов по частным делам на состоятельных людей заставляют этих последних сплотиться, а с другой стороны, натравливают на них народную массу» (Pol., 1304b20–24 — пер. С.А. Жебелева). И сведения наших источников, и рассуждения большинства древних и современных исследователей относительно сикофантов и их деятельности, приводят нас к однозначному выводу: ни о какой позитивной роли сикофантов для афинской демократии говорить не приходится.<sup>1</sup> В то же время, профессиональное доносительство, обусловленное некоторыми принципиальными особенностями афинской судебной системы, было в определенном смысле и порождением античной демократии, и неизбежным злом, сопутствующим ей.

---

<sup>1</sup> Если не считать таковыми возможность выплеснуть отрицательные эмоции (зависть и ненависть к элите).



## Глава IV. Судебный процесс в Афинах в IV в. до н.э.

### § 1. Инициация иска, подготовка к процессу

Одной из главных особенностей афинского судопроизводства было то, что на всех его этапах истец должен был проявлять личную инициативу и следовать принципу самопомощи: на стадии инициации иска, расследования, представления дела в суде, выполнения приговора.

Жалобу, будь то *díktē* или *uraφḗ*, необходимо было подавать лично. В V и начале IV в. до н.э. для инициирования судебного дела надо было сначала устно сделать заявление (подать жалобу) соответствующему должностному лицу – магистрату или его помощнику, который сам записывал её текст.<sup>1</sup> Во времена же Демосфена стандартной практикой стал письменный иск (обычная формула: *uraφḗν ἀποφέρειν* – Dem., XIX, 257; XXIII, 5; XXVII, 12, etc.; Aeschin., III, 217, 219, 227) – предположительно, это нововведение относится к началу 70-х гг. IV в. до н.э.<sup>2</sup>

Дело своё надо было отстаивать самому, но позволялось разделить отводимое на выступление в суде время с другом или родственником, сотоварищем по фиасу, гетерии<sup>3</sup> или земляком, а в политических процессах «коллективная» защита или обвинение были обычной практикой (And., I, 92–95, 133, 150; Lys., VIII, 18; Dem., XXXII, 31; Нур., II, 20; IV,

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом, с многочисленными примерами из источников (пьес Аристофана, речей Антифонта, Андокида, Лисия, Исея, Демосфена и др.) и анализом судебного лексикона – см.: Calhoun G.M. Oral and Written Pleading in Athenian Courts. P. 177–193.

<sup>2</sup> Дж. Калхун приурочивает его к образованию Второго афинского морского союза и считает частью большой судебной реформы, включавшей в себя и распределение судей по дикастериям (Oral and Written Pleading... P. 190–193). Доказательная база этой смелой гипотезы представляется недостаточной; несмотря на это, как уже было сказано в предыдущей главе, мнение Калхуна получило поддержку многих исследователей.

<sup>3</sup> Еще Фукидид, описывая деятельность гетерии (синомосии) конца V в. до н.э., выделил взаимопомощь и давление в судах и на выборах должностных лиц (*ἐπὶ δίκαις καὶ ἀρχαῖς* – VIII, 54, 4).

13). Такого рода «адвокат» назывался синегором (συνήγορος).<sup>1</sup> Восхождение подобной практики можно найти у Гиперида: «Разве среди многочисленных прекрасных установлений нашего города есть лучшее или более демократичное, чем такое, [согласно которому], если какой-то простой человек, подвергшийся опасности судебного преследования, не может защитить себя сам, то дозволяется любому желающему из граждан, выступив в суде, помочь ему?» (IV, 11 – пер. Л.М. Глускиной). Добровольная помощь была бесплатной: синегор, взявший за свои услуги мзду, сам подлежал судебному преследованию – соответствующий закон цитируется в одной из речей Демосфенова корпуса (XLVI, 26). Услугами таких помощников пользовались далеко не только «простые» или неумелые, неискушенные граждане, а практически все участники тяжб, причем состоятельные афиняне, несмотря на запрет, часто *нанимали* синегоров. Демосфен утверждает, что когда судятся богачи, «и свидетели у них имеются в изобилии, и все синегоры готовы [выступить] против нас» [т.е. тех, кто судится с богачами – Т.К.] (XXI, 112 – καὶ μάρτυρές εἰσιν ἑτοίμοι τοῦτοις καὶ συνήγοροι πάντες καθ' ἡμῶν ἐτρέπεῖς – ср. Dem., LI, 16; Lys., I, 138). Помощь, оказываемая синегорами, могла быть весьма и весьма существенной: в нескольких известных нам случаях именно они несут основное бремя по отстаиванию интересов «своего» тяжущегося, как например, оратор, произносящий речь по встречному иску в защиту Формиона в деле Аполлодора против Формиона,<sup>2</sup> или сам Аполлодор, представляющий своего шурина и зятя Фемонеста в иске против обольстительной Неэры (Dem., LIX).<sup>3</sup> Можно было обратиться за помощью в составлении речи к профессионалу-логографу (λογογράφος); его услуги были платными.<sup>4</sup> Предположительно первым, кто стал писать судебные речи за деньги, а потом публиковать их, был Антифонт (около 480–411 гг.) (Ps.-Plut. Mor. (Vita X orat.), 832b–833; Philost. Vit. Sophist., 499).<sup>5</sup> По мнению американского исто-

<sup>1</sup> Тем же термином – «синегорами» – именовались общественные обвинители, избираемые афинянами в некоторых процессах, например, в качестве помощников логистов при приеме отчетов – ἐϋνοῖαι (Aristot. Ath. pol., 54, 2) или в делах по апофасису (см. гл. V).

<sup>2</sup> Эта речь была написана Демосфеном – Aeschin., II, 165; Din., I, 111.

<sup>3</sup> О синегорах в делах по общественным и частным искам, об их участии в выработке стратегии тяжбы – см. Rubinstein L. *Litigation and Cooperation: Supporting Speakers in the Courts of Classical Athens*. Stuttgart, 2000.

<sup>4</sup> О роли логографов см. подробнее: Dover K.J. *Lysias and the Corpus Lysiacum*. P. 148–174; Lavency M. *Aspects de la logographie judiciaire attique*. Passim.

<sup>5</sup> Свидетельства о его первенстве собраны у Бласса: Blass F. *Attische Beredsamkeit*. Bd. I. S. 95–96. Мы не можем утверждать, что до Антифонта

рика М. Гагарина, автора последнего монографического исследования об Антифонтe, начало этой деятельности относится к 430–425 гг.<sup>1</sup>

Тяжба начиналась следующим образом. Истец или обвинитель в присутствии «понятых» (κλῆτῆρες) вызывал в суд ответчика, т.е. призывал его в определенный день явиться к тому начальству, которому было подсудно возбуждаемое дело (Dem., XXXIV, 13; XL, 28). Этот этап так и назывался — призыв (πρόσκλησις). Далее соответствующему должностному лицу (архонту, стратегу, члену коллегии Одиннадцати и проч.) подавалась в письменном виде жалоба. Это должностное лицо назначало предварительное следствие — ἀνάκρισις (Dem., LVIII, 8); текст иска выставлялся перед памятниками героев-эпонимов (Dem., XXI, 103). По большинству частных исков стороны должны были внести судебную пошлину (τὰ πρῆτανα) — 3 драхмы по мелким делам и 30 по крупным (за иски от 1000 драхм); проигравший впоследствии компенсировал удачливому сопернику эту трату (Dem., XLVII, 64; Pollux, VIII, 38). В случае «государственных» исков (γραφαί) обвинитель вносил залог — παράστασις, который ему возвращали, если он выигрывал дело (Aristot. Ath. pol., 59, 3).<sup>2</sup>

Некоторые участники тяжб, желая, видимо, увеличить свои шансы, вызывали к богам посредством особых «судебных» молитв за божественной помощью или отмщением, а также прибегали к проклятиям, объектом которого бывали и противники (ἀντίδικοι), и их помощники (συνήγοροι, σύνδικοι), и свидетели (μάρτυρες), и даже сами судьи. Проклятие представляло из себя обращение к Гермесу, Гекате, Деметре, Персефоне и проч. с просьбой обезоружить такого-то, наслав оцепенение на его ум, язык, речь, конечности, детородные органы (т.н. связующее проклятие — κατὰδεσμός).<sup>3</sup>

никто не занимался составлением речей для других; очевидно то, что Антифонт первым стал *публиковать* такие речи, став в какой-то степени основоположником нового литературного жанра.

<sup>1</sup> Gagarin M. Antiphon the Athenian. P. 2.

<sup>2</sup> См.: Harrison A.R.W. The Law of Athens. V. II. P. 92–94; MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 239. Сумма (и способ исчисления) залога неизвестна.

<sup>3</sup> Каталоги: Wunsch R. Defixionum Tabellae [=IG III<sup>3</sup>]. Berlin, 1897. Index IV; Audollent A. Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in corpore Inscriptionum Atticarum editas. Paris, 1904. Index IIB3; новонайденные в Аттике образцы: Jordan D. Survey of Greek Defixiones Not Included in the Special Corpora // GRBS. Vol. 26. 1985. P. 151–197 (№ 6, 9, 19, 42, 48, 51); *idem*. New Greek Curse Tablets // GRBS. Vol. 41. 2000 (№ 1, 2(?), 5(?), 9, 11 (?) – фигурка, 12 (фигурка), 13 (?) – фигурка, 14, 15); *idem*. Curse Tablet against Opponents at Law // Boegehold A.L. et al. The Lawcourts at Athens. P. 56. См. также: Curse Tablets and Binding Spells from the Ancient World / Ed. by J. Gager. N. Y., 1992. P. 116–150 (проклятия); P. 175–199 (молитвы).



Вероятно, первоначально связующее заклинание исполнялось устно, в виде некоего напева вроде того, о котором упоминают у Эсхила Эринии, собирающиеся обвинить Ореста в убийстве матери в суде Ареопага. «Ты услышишь связующую песнь», — говорит Оресту предводительница хора (ῥμνος δ' ἀκούσῃ τόνδε δέσμιον — Eum., 306).<sup>1</sup> Впоследствии устное проклятие стало для большего эффекта дополняться «письменными» чарами. Самый популярный способ оформления такого «послания»: начертать имя на свинцовой табличке, свернуть в трубочку, проткнуть гвоздем (там, где имя жертвы колдовства) и бросить в колодец или положить в чью-то могилу, желательно безвременно почившего (ἄωρος).<sup>2</sup>

Около 200 подобных табличек, относящихся в основном к позднеклассическому периоду, было найдено в могилах Пирея или Керамика. Не все из них имеют в виду соперников в судебной брани, некоторые очевидным образом принадлежат к «любовой магии», но большинство из тех, чей социальный контекст можно выявить, относятся именно к предстоящему процессу.<sup>3</sup> То, что первые из известных нам «судебных табличек» датируются концом V в. до н.э.,<sup>4</sup> скорей всего не случайно и связано как с возрастанием роли и активности афинских судов на протяжении последних десятилетий, так и с некоторыми конкретно-историческими обстоятельствами афинской жизни в тот период: еще Э. Доддс отмечал, что рост популярности агрессивной черной магии приходится на годы Пелопоннесской войны и сразу после, в чем немалую роль сыграл кризис «наследственной системы верований» и реакция на рационализм «просвещения» Перикловой эпохи.<sup>5</sup>

Типичное судебное проклятие выглядело следующим образом: «Я связываю Феагена — язык, душу и речь, которую он делает» (καταδῶ

<sup>1</sup> Подробную аргументацию в пользу понимания этой реплики именно как связующего судебного проклятия — см. в статье: Faraone C.A. Aeschylus' ῥμνος δέσμιος (Eum. 306) and Attic Judicial Curse Tablets // JHS. Vol. 105. 1985. P. 150–154.

<sup>2</sup> См.: Faraone C.A. Op. cit. P. 151, 153; Jordan D. A Curse Table... P. 55–57. Конкретные инструкции по изготовлению defixiones сохранились в магических «справочниках» III–IV вв., например: PGM V, 304; VII, 394, 417; IX; XXXVI, 1–35, 231. См. в них также примеры «совместного действия» устных и письменных проклятий — PGM IV, 325–35; V, 314 ff; VII, 429 ff; XXXVI, 161 ff.

<sup>3</sup> Faraone C.A. Curses and Social Control in the Law Courts of Classical Athens // Dike. Vol. 2. 1999. P. 111.

<sup>4</sup> См.: Faraone C.A. Aeschylus' ῥμνος δέσμιος... P. 153; ссылки на обсуждение проблемы датировки в более ранней литературе — см. note 19.

<sup>5</sup> Доддс Э. Греки и иррациональное. М.; СПб., 2000. С. 199–200, 209.

Θεαγένην γλῶτταν καὶ ψυχὴν καὶ λόγον ὅμ μελεταῖ – DT, 49). Далее перечисляются прочие участники процесса: мясники (как, очевидно, и Феаген) Пиррий, его жена, Керкион и Докимос, помощник Киней (συμμελεταὶ Θεαγένει), свидетель Ферекл (Θεαγένει μαρτυρεῖ) и еще двое – Севт (?) и Ламприй, чьи языки, души и речи также связываются. Заклятие налагается именно на те органы, которые отвечают за мыслительную и вербальную деятельность, т.е. оно призвано помешать противнику ясно думать и говорить в суде<sup>1</sup> (ср.: γλῶσσαν καταδίδωμι...καὶ τὸν νοῦν καὶ τὰς φρένας – DT, 69). Обращает на себя внимание, что у супруги Пиррия связывается только душа и язык, о речи не упоминается — женщины не могли свидетельствовать или выступать в суде, но, видимо, могли вдохновлять и наставлять своих супругов, поэтому насылающий порчу не забыл на всякий случай упомянуть и жену одного из своих противников.<sup>2</sup> В конце следует еще одно общее для всех проклятие: «Всех их я связываю, упрячиваю, зарываю, протыкаю (τοῦτους ἅπαντας καταδῶ ἀφανίζω κаторύττω καταπατταλέω). Если они будут соперничать [со мною] в дикастерии или перед диэтетом, пусть нигде не проявятся ни в слове, ни в деле» (т.е. пусть сгинут – Т.К.) (καὶ ἐπὶ δικαστηρίου καὶ παρὰ διαιτητῆϊ ἐὰν ἀντιποιῶσι μηταμοῦ φαίνεσθαι μήτε ἐν λόγῳ μήτε ἐν ἔργῳ).

Таблички обычно предназначались для грядущего процесса, но бывали проклятия и пролонгированного срока действия — на много процессов вперед. Так, на одной из них после традиционных призывов связать язык и ум (τὴν γλῶτταν καὶ τὰς φρένας) соперника по тяжбе (ἀντίδικον) Диокла и его помощников со свидетелями следует: «и все жалобы, которые приготавливаются против меня, пусть не удастся Диоклу и его помощникам, и пусть Диокл будет побежден мною в любом суде» (DTA, 94).

Существовал и более изысканный способ наведения порчи: делалось свинцовое изображение со скрученными или связанными конечностями, подписывалось, вставлялось в коробочку с проклятием («гроб») и помещалось в могилу; для большей действенности на крышке «гро-

<sup>1</sup> См.: Faraone C.A. Aeschylus' ὕμνος δέσμιος... P. 151.

<sup>2</sup> Faraone C.A. Curses and Social Control ... P. 112. На другой аттической табличке (IG III<sup>3</sup>, 106, Wünsch) также упоминается женщина в качестве объекта судебного проклятия: вызывающий именем Гермеса и Гекаты связывает Аспасию и Сократа (её супруга?) и их помощников: καταδε[δέ]σθω Ἀσπασία πρὸς τὸν Ερμ[ῆ]ν τὸν χθόνιον κα[ὶ] τὴν Ἑκάτην τὴν χθόνιαν καταδε[δέ]σθω Σωκράτης πρὸς τὸν Ερμῆν τὸν χθόνιον καὶ τ[ῆ]ν Ἑκάτην τ[ῆ]ν χθόνιαν καταδε[δέ]σθωσαν οἵτινες πρὸς τοῦτων εἰσὶν σύνδικ[οι]...

ба» делалась соответствующая надпись. Одна из таких «композиций» была найдена примерно 50 лет назад в одном из погребений Керамика. На правой ноге фигурки начертано имя Мнесимаха, на коробочке приведены имена девяти человек (включая злополучного Мнесимаха) и надпись, насылающая проклятие на любого его помощника (σύνδικος) или свидетеля (μάρτυς).<sup>1</sup> Три похожие по технике исполнения и примерной датировке изделия были найдены в другой могиле — в нескольких метрах от той, в которой было спрятано проклятие по адресу Мнесимаха. Одно из них было подписано именем Феохара (на левой руке), а на его «упаковочной» коробочке упоминались еще три персоны и «другие противники по процессу» (ἀντίδικοι). Надпись на второй «кукле» два раза повторяет имя Феозотида и еще три имени; те же имена, начиная с Феозотида, приведены на внутренней стороне крышки «гроба». Третья фигурка не подписана, но на дне коробки содержится список из пяти имен, первое из которых — Микин, — видимо, он и был главной мишенью.

Дэвид Джордан, исследующий эти находки, отметил, что хотя в отсутствие патронимика и демотика идентифицировать трех основных фигурантов проклятия (Феохара, Феозотида и Микина) непросто, все же в силу редкости имен их можно соотнести с известными политиками, которые были привлечены к суду (около 402 г.), причем речи для обвинителей составил Лисий (fr. VI, 1–3 — Gernet/Bizos; Papug. Hibeht., 4). Он предположил также, что эта магическая активность — дело рук определенной политической группировки, нанявшей как профессионального колдуна для наведения порчи на соперников, так и профессионального логографа для написания речей, — видимо, в целях дополнительных гарантий успешности затеваемых процессов.<sup>2</sup> Тайные группировки — вполне подходящий субъект для тайных ритуалов: в соответствующих обрядах могли быть задействованы члены гетерий, наряду с легитимными методами поддержки своего гетайра в суде не отказывающиеся и от примитивной магии.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> *Trumpf J.* Fluchtafel und Racheuppe // *AM.* Bd. 73. 1958. S. 94–102.

<sup>2</sup> *Jordan D.* New Archaeological Evidence for the Practice of Magic in Classical Athens // *Πρακτικὰ τοῦ XII Διεθνoῦς Συνεδρίου Κλασσικῆς Ἀρχαιολογίας, Αθήνα, 4–10 Σεπτ. 1983.* Athens, 1988. P. 276–277.

<sup>3</sup> См.: *Никитюк Е.В.* Политические сообщества (гетерии) в классической Греции // *Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б.* Альтернативные сообщества в античном мире. СПб., 2002. С. 86. Е.В. Никитюк полагает, что после официального запрещения гетерий при восстановленной в 403 г. демократии и принятия нового закона об исангелии деятельность подобных сообществ в Афинах «стала ограничиваться чуть ли не исключительно тайным влиянием на ход судебного процесса, в который были вовлечены их чле-

Современные эксперты по греческой черной магии единодушны в том, что рынок платных услуг специалистов по наведению порчи существовал, и услугами этими особенно охотно пользовались афинские богачи.<sup>1</sup> Платон писал о нищенствующим прорицателях, которые околачиваются у дверей богачей, рекламируя свои унаследованные от богов особые способности и предлагая либо загладить посредством особых заклинаний и жертвоприношений лежащую на ком-либо или на его предках вину, либо нанести вред врагу (Rep., 364c).

Магическое оружие стороны применяли тайно, в открытую же затеянный процесс развивался по следующему сценарию. В ходе предварительного следствия — ἀνάκρισις — магистрат прежде всего определял, годится ли представленное дело для суда, было ли оно εἰσαγώγιμος. Для этого надо было выяснить, правомочен ли был истец подать иск и мог ли ответчик сам отстаивать свое дело в суде; правильно ли составлено обвинение и выбран его тип; подсудно ли оно; внесено ли оно в надлежащее время; подпадает ли оно под юрисдикцию данного должностного лица и т.п.<sup>2</sup> Само слово «ἀνάκρισις» показывает, что на предварительном следствии архонт вопрошал тяжущиеся стороны (ἀντιδίκου) (Dem., XLVIII, 31); вопросы могли задавать противной стороне и участники тяжбы, как это делал один из клиентов Исея (Is., VI, 12), и по закону надо было обязательно отвечать (καὶ τοῦ ἀρχοντος κελεύοντος ἀποκρίνασθαι κατὰ νόμον).

Если ответчик на предварительном следствии признавал жалобу — все равно, соглашаясь с её содержанием или нет, то процесс шел «прямым путем» (εὐθδικία). Но обвиняемый мог подать письменный протест о неправильности жалобы — παραγραφή. Например, он мог заявить, что стороны заключили раньше соглашение об отказе от претензий, или истек срок давности, или суд уже раньше рассматривал его дело и оправдал его, или истец обратился не к тому должностному лицу, в чью компетенцию входит данное дело, или он выбрал не тот тип процесса (иска).<sup>3</sup> Впервые эта процедура была введена в 403 г. по

---

ны» (с. 86); см. также с. 93 — о готовности гетайров лжесвидетельствовать в суде.

<sup>1</sup> Например: Jordan D. New Archaeological Evidence... P. 275–277; Farao-ne C.A. Curses and Social Control ... P. 116, 118.

<sup>2</sup> Об ἀνάκρισις см. подробнее в: Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 829–844; Bonner R.J., Smith G. The Administration... Vol. I. P. 283–293; MacDowell D.M. The Law... P. 240–242.

<sup>3</sup> См.: Lipsius J.H. Op. cit. S. 846–856; Wolff H.J. Die attische Paragraphe. Ein Beitrag zum Problem der Auflockerung archaischer Prozessformen. Weimar, 1966; Harrison A.R.W. The Law of Athens. V. II. P. 106–124. Из отечественных работ — наиболее подробный обзор в.: Глускина Л.М. Социальные институты,

инициативе Архина для того, чтобы остановить поток доносов, обрушившийся после восстановления демократии, и способствовать таким образом национальному примирению и осуществлению на деле объявленной амнистии (Isocg., XVIII, 2). Чиновник передавал параграфы ответчика в суд, на котором податель жалобы выступал первым, т.е. из обвиняемого он превращался в обвинителя и получал возможность произвести столь важное первое впечатление на судей.

Если решение суда благоприятствовало ответчику, первоначальное обвинение отклонялось, и дело таким образом закрывалось. Бывший ответчик волен был теперь сам возбуждать иск против бывшего обвинителя или его свидетелей. Но источники не дают прямого ответа, что происходило, если суд отклонял параграфы, а именно: выносил ли суд после этого отклонения своим вторым голосованием окончательное решение по сути данного дела или оно возвращалось к соответствующему должностному лицу, который по завершении предварительного следствия передавал его в дикастерии. Последний вариант отстаивал, в частности, Г. Вольф<sup>1</sup>, а первый – вслед за итальянским исследователем У. Паоли Л.М. Глускина. Главный аргумент советской исследовательницы: в речах ораторов, представлявших параграфы, столько подробностей, столько деталей по сути дела, что «вряд ли суд... стал повторно слушать длинные, насыщенные фактами речи сторон и воспроизводить всю процедуру сначала».<sup>2</sup> Нам кажется, Лия Менделевна недооценивает пресловутую афинскую φιλοδικία; мы вполне можем представить себе, как судьи увлеченно внимают доводам сторон по второму кругу. Впрочем, согласимся с Л.М. Глускиной в том, что окончательно решить все вопросы, связанные с параграфом, возможно будет лишь при появлении новых источников.

Магистрат либо сам вел предварительное следствие (по важным делам и по государственным искам – γραφαί), либо передавал дело диэкету. Если слушания шли по первому варианту (у должностного лица), стороны подтверждали свои иски клятвенными заявлениями (δωμοσία) и представляли все нужные доказательства своей правоты. После завершения предварительных слушаний, или другой вариант – если стороны не удовлетворялись решением третейского судьи, – дело передавалось в суд фесмофетам, которые должны были назначить день заседания. При этом все показания, документы и другие доказательства запечатывались в бронзовые или глиняные сосуды – ἑχίνοι; их содержимое значилось на крышке сосуда вместе с именами должностного

экономические отношения... С. 455–465; с многочисленными примерами из речей Демосфена и других ораторов.

<sup>1</sup> Wolff H.J. Die attische Paragraphe. S. 18–23, 81–86.

<sup>2</sup> Глускина Л.М. Социальные институты, экономические отношения... С. 460.

лица, ведущего дело, и того участника тяжбы, к которому относился данный *ἐχίνοσ*.<sup>1</sup>

Все там же, на агоре, у изображений эпонимов вывешивалось объявление на беленой деревянной доске (*σπίδες*) (Aeschin., III, 199–200). Оно включало в себя текст иска (в котором помимо формулировки обвинения могло быть предложено наказание) и помещенный рядом ответ обвиняемого. Несколько примеров находим у Демосфена: «Евктемон лусиец обвинил в дезертирстве Демосфена пэанийца» (*Εὐκτῆμων Λουσιεύς ἐγύραψατο Δημοσθένειν Πααγνιέα λιποταξίου* – Dem., XXI, 103); или: «Аполлдор, сын Пасиона, ахарнянин, обвиняет Стефана, сына Менекла, ахарнянина в лжесвидетельстве. Претензии оценивает в один талант. Стефан свидетельствовал против меня лживо, подтвердив своими показаниями то, что написано в документе». И здесь же ответ обвиняемого: «Я Стефан, сын Менекла, ахарнянин, свидетельствовал истину, подтвердив своими показаниями то, что написано в документе» (Dem., XLV, 46 – пер. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева). Помимо текста иска в объявлении значилось, где и когда будет слушаться дело.

Что касается дней заседания, суды не заседали в дни, когда собиралась экклесия (Dem., XXIV, 80), в запретные дни, когда Ареопаг судил дела по убийствам (*ἀποφράδες ἡμέραι*), в годовые праздничные дни (Dem., XLII, 5). Всего, по подсчетам М. Хансена, получалось от 175 до 225 дней заседания в году.<sup>2</sup>

## § 2. Свидетели

Заседание начиналось с заслушивания письменных иска и ответа подзащитного (Aeschin., I, 2). Стороны приносили присягу говорить по существу дела (Aristot. Ath. pol., 67, 1); после чего произносили речи, сначала – истец, потом – ответчик. Время регулировалось клепсидрой. *Κλεψίδρα* – буквально «водяной вор» – представляла из себя терракотовый сосуд с отверстием в днище, куда вставлялась бронзовая трубочка, опущенная в другой сосуд, стоящий ниже (schol. in Aristoph. Acharn.,

<sup>1</sup> См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 79–81 и plate 14. Такой глиняный *ἐχίνοσ* IV в. до н.э. с предварительного слушания (*ἀνέκρισις*) был найден американскими археологами при раскопках на агоре (подробнее: Boegehold A.L. A Lid with Dipinto // Studies in Attic Epigraphy, History and Topography Presented to Eugene Vanderpool. Hesperia Suppl. 19. Princeton, 1982. P. 1–6).

<sup>2</sup> Hansen M.H. How Often Did the Athenian Dicasteria Meet. P. 243–246. Из аттического года в 354 дней надо вычесть 40 дней для заседаний собрания, несколько «запретных дней» и 60 годовых праздников.

693; Suid., s.v. Κλεψύδρα). Она наполнялась определенным количеством воды, измеряемой в хоях<sup>1</sup>, в соответствии с тем, сколько полагалось для данного вида речи (Aristot. Ath. pol., 67, 2). При слушании государственных преступлений судебный день длился примерно 9–9,5 часов.<sup>2</sup> По свидетельству Эсхина, на речи отводилось 11 амфор (т.е. 132 хоя), что составляет 6 часов 36 мин.: треть времени предоставлялось обвинению, треть – защите и треть речам сторон о мере наказания (Aeschin., II, 126; III, 197). Сюда еще надо присовокупить время на жеребьевку судей, голосование по вердикту, окончательное голосование, получение судьями жалованья. При рассмотрении частных исков время, отводимое на речи, зависело от важности и весомости иска: в среднем речи длились около сорока минут и какое-то время оставлялось на вопросы и спор (обмен репликами) сторон (Aristot. Ath. pol., 67, 2).<sup>3</sup> Время, в течение которого секретарь (γραμματεὺς) по просьбе тяжущегося зачитывал документы (законы, свидетельские показания, контракты) из «его» εἴσιος, не считалось (Aristot. Ath. pol., 67, 3), и выступающий просил приставленного к клепсидре судью «остановить воду» (ἐπιλαμβάνειν τὸ ὕδωρ – см., например, Dem., XLV, 8). По утверждению Аристотеля (Ath. pol., 67, 1), за одно судебное заседание слушалось одно дело по государственно-му иску<sup>4</sup> и четыре по частным искам.<sup>5</sup>

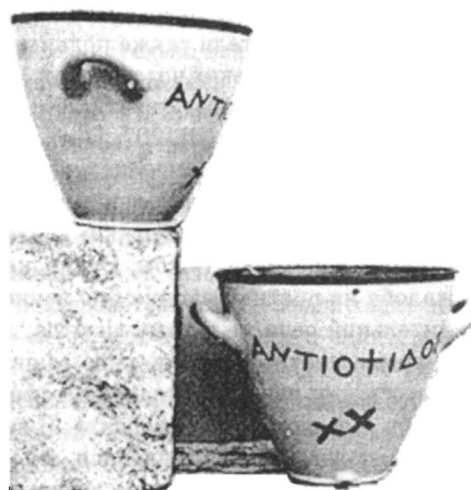
<sup>1</sup> Хой (3, 276 л) соответствовал 3 минутам. Сколько составляет один хой, экспериментально проверено на клепсидре, найденной на агоре (вместимость 2 хоя = 6 мин). Впервые опубликована: Young S. // *Hesperia*. Vol. 8. 1939. P. 274–284. См.: Rhodes P.J. A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. P. 720–721.

<sup>2</sup> См.: Hansen M.H. The Athenian Democracy... P.187.

<sup>3</sup> См.: Rhodes P.J. Op. cit. P. 719–728 (подробный разбор всех древних свидетельств и современных суждений, относящихся к продолжительности процесса).

<sup>4</sup> Это утверждение и communis opinio современных исследователей пытались оспорить Й. Уорthingтон (Worthington I. The Duration of an Athenian Political Trial // *JHS*. Vol. 109. 1989. P. 204–207), предположив, что иногда дела, имеющие большой политический резонанс (как show-trials «О венке» или «О преступном посольстве») и подразумевающие нескольких общественных обвинителей (как процесс Демосфена по апофасису в связи с делом Гарпала), могли длиться 2–3 дня. Но сам австралийский ученый признает, что при таком толковании открытым остается вопрос о взятках – мы знаем, как афиняне трепетно относились к этой проблеме и какую сложную систему распределения судей по дикастериям они придумали, чтобы не допустить подкупа судей, вероятность которого при повторном судебном заседании значительно возросла бы.

<sup>5</sup> Текст испорчен, поэтому с четырьмя δίκαι не все ясно. Гоммель полагал, что имеются в виду дела, которые «стоили» не менее 1000 драхм и которые разбирали коллегии из 401 дикаста (Hommel H. *Heliaia*. S. 22, 79–83); Гарри-



Клепсидра

Если кто-то из тяжущихся не смог прибыть на заседание суда по причине болезни или отсутствия в Афинах, он мог попросить отсрочки, послав вместо себя друга (родственника), который клятвенно (*ὑπομοσία*) подтверждал уважительную причину отсутствия. В случае если его противник оспаривал отсрочку, судьи голосовали, отложить ли дело или решить его в пользу присутствующего (*Dem.*, XLVIII, 25–26; LVIII, 43). Очевидно, что иногда отсрочка была спасительной уловкой для того, кто хотел отложить разбирательства дела, чувствуя слабость своей позиции.<sup>1</sup> Комические поэты придумали шутивное название для сложного дела с сомнительным исходом — «скиросское», — поскольку тот, кто хотел избежать суда, часто придумывал в качестве извинения, что он был в отлучке на Скиросе или Лемносе (*Pollux*, VIII, 81). Заочное осуждение называлось *ἐρήμη*, или *ἐρημος δίκη*; если проигравший в течение двух месяцев предъявлял убедительные доказательства того, что он отсутствовал по делу, процесс возобновлялся (*Dem.*, XXXII, 27; *Pollux*, VIII, 61).

сон предположил, что «четыре» — это средняя цифра, а судей могло быть и 201 (*Harrison A.R.W.* *The Law of Athens*. Vol. II. P. 47, 156); Родс, поддержав осторожно Гоммеля, заметил, что данная цифра — максимум (*Rhodes P.J.* *Op. cit.* P. 718, 721).

<sup>1</sup> См.: *MacDowell D.M.* *The Law in Classical Athens*. P. 248.



Выступали тяжущиеся с каменного возвышения (помоста) — τὸ βῆμα (Aristoph. Plut., 382–384); свидетели также поднимались туда, т.е. там было достаточно места для нескольких человек (Lys., XX, 29; Aeschin., II, 59, 143; III, 257). В IV в. до н.э. один помост (βῆμα) был у обвинителя, другой — у подзащитного (Aeschin., III, 207; Dem., XLVIII, 31; schol. in Dem., XIX, 120). Как уже говорилось, тяжущийся мог поделиться временем выступления с одним или даже несколькими синегорами: в некоторых процессах выступление «группы поддержки» длилось гораздо дольше, чем непосредственного участника тяжбы. Эсхин на процессе против Ктесифонта по жалобе на противозаконие («О венке») посвятил большую часть обвинительной речи не своему vis-à-vis, а Демосфену; а ответчик, в свою очередь, кратко сказав в свою защиту, весь изрядный остаток полагавшегося ему времени отдал Демосфену, произнесшему весьма длинную речь в поддержку Ктесифонта. В деле «Аполлодор vs Формиона» Формион, подавший встречный иск, говорит лишь несколько слов, после чего уступает бему синегорам, которые на всякий случай, обращают внимание дикастов на неискушенность в красноречии их подопечного (Dem., XXXVI, 1).

В своей «Риторике» Аристотель разделил способы убеждения, или доказательства, используемые в суде участниками тяжб, на две группы: безыскусственные (ἄτεχοι πίστεῖς), т.е. свидетели (μάρτυρες), клятвы (ὄρκoi), показания рабов под пыткой (βάσανοι), законы (νόμοι), документы (договоры, завещания и проч. — συγγραφαί, συμβήκαι), и искусственные (ἔτεχοι), т.е. такие, которые судебные ораторы создают с помощью своего мастерства и метода (Rhet., 1355b35–39, 1375a23–24). Рассмотрим более подробно некоторые из этих способов.

Обе стороны старались представить свидетелей, хотя судебные дела в Афинах выигрывались или проигрывались не из-за качества и количества свидетелей и их показаний, а из-за качества произнесенной речи<sup>1</sup> (не считая других, конечно, обстоятельств и соображений, о чем мы еще поговорим). Раньше свидетельские показания принимались в устной форме. В пародии на афинский процесс в аристофановских «Осах» Бделиклеон говорит своему отцу-судье: «выслушай свидетелей» (ἀκούσθαι...τῶν μαρτύρων), — а «свидетелю»-сыротерке: «поднимись и важно говори» (ἀνάβηθι... καὶ λέξον μέγα — 962–963). В речах Андокида, Исократы и Лисия употребляются схожие выражения (например, And., I, 18, 69; Lys., XXXII, 28), а в речи Андокида «О мистериях» приводится целый

<sup>1</sup> Так заметил Лайзи, автор одной из фундаментальнейших работ о свидетелях в афинском судебном процессе (Leisi E. Der Zeuge im attischen Recht. Frauenfeld, 1907. S. 113).

диалог между оратором и отвечающим на его вопросы свидетелем Диогнетом (I, 14). Предположительно начиная с 378/77 г. до н.э. показания свидетелей представлялись только в письменном виде и зачитывались секретарем, но требовалось и личное присутствие, чтобы при необходимости свидетель подтвердил верность показаний.<sup>1</sup> В одной из своих речей Демосфен цитирует этот закон и объясняет его цель: «закон предписывает свидетельствовать в письменном виде, чтобы невозможно было ни прибавить, ни отнять что-либо из написанного» (XLV, 44 – пер. М.Н. Ботвинника и А.И. Зайцева).

Современные исследователи высказывали такие догадки о причинах этого перехода: в нем были прежде всего заинтересованы участники тяжб – неискушенному тяжущемуся трудно было извлекать из темпоре важные факты, выпрашивая свидетелей, или контролировать их свободную речь; это новшество значительно упрощало работу логографов, составляющих речи; облегчало доказательство лжесвидетельства; наконец, оно сокращало время судебных заседаний и таким образом экономило деньги, идущие на оплату судьям, которые за день заседания теперь могли рассматривать больше дел.<sup>2</sup> Если свидетель был болен или отсутствовал в городе, его показания записывались при свидетелях, а затем зачитывались в суде; присутствующие при снятии этих показаний (чем больше – тем лучше – Is., III, 20–21) подтверждали их подлинность перед дикастами (Dem., XLVII, 7). Такие показания назывались *ἐκμάρτυρα*.

Свидетели (*μάρτυρες*) в афинском суде не просто должны были подтверждать истинность заявлений «своей стороны» в тяжбе (как в современном суде), они выступали в качестве своеобразной «группы поддержки», и у судей не меньший интерес вызывал «кто свидетель», чем «что он говорит».<sup>3</sup> Если верить судебным ораторам, свидетели часто

---

<sup>1</sup> Переход от устной к письменной форме дачи свидетельских показаний впервые подробно рассмотрел Боннер, он же определил примерную дату, когда это произошло: после 380 г. (окончание карьеры Лисия) – середина 70-х гг. (до появления основной массы речей Исея) (см.: *Bonner R.J. Evidence in Athenian Court*. Chicago, 1905. P. 46–48). Уточнил эту дату Калхун, связав в одно переход к подаче письменных исков и письменных свидетельских показаний и предложив в качестве даты год архонтства Навсиника (образование Второго афинского морского союза) – 378/7 г. (*Calhoun G.M. Oral and Written Pleading ...* P. 181). Боннер с этим согласился (*Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I*. P. 362). Лайзи датировал данное изменение примерно 390 г. до н.э. (*Der Zeuge im attischen Recht*. S. 87).

<sup>2</sup> См.: *Leisi E. Op. cit.* S. 87; *Bonner R., Smith G. Op. cit.* P. 354–362.

<sup>3</sup> На эту нетипичную для современного судопроизводства функцию свидетелей впервые обратила внимание Салли Хамфриз (*Humphreys S.C. Social Re-*

лгали, выгораживая «свою» сторону (Is., V, 8; Isocr., XVIII, 57; Dem., XLV, 37–38; XLIV, 31–35). По утверждению Адель Скафуро, особенно часто лжесвидетельствовали в процессах по незаконному присвоению афинского гражданства (ξείνα) и оспариванию наследования (κλήρων): вследствие несовершенства афинской бюрократии не велось никаких записей рождений или браков, и идентификация личности и обоснование ее права на наследование происходили исключительно по свидетельским показаниям.<sup>1</sup>

Демосфен в одной из своих речей приводит, видимо, наиболее распространенные мотивы лжесвидетельствующих: они либо, нуждаясь, надеются извлечь из этого прибыль, либо дают нужные показания по дружбе или из-за вражды к противникам (ἢ κέρδεσιν δι' ἀπορίαν ἐπαπομένους ἢ δι' ἐταίριαν ἢ καὶ δι' ἔχθραν τῶν ἀντιδίκων – XXIX, 22). В другой речи – «Против Конона» – Демосфен саркастически рассуждает от имени таких лжесвидетелей: «Почему бы нам и не свидетельствовать в пользу друг друга? Разве это не принято среди товарищей и друзей? Что ужасного в тех обвинениях, которые будут выдвинуты против тебя? Какие-то люди утверждают, что видели, как ты его бил? А мы засвидетельствуем, что ты до него не дотронулся. С него сдернули плащ? А мы покажем, что они это сделали первыми. У него защита губа? А мы скажем, что у тебя была разбита голова или еще что-нибудь» (LIV, 35 – пер. Л.М. Глускиной).

В речи Исократ «Против Каллимаха» рассказывается, как во время потасовки между зятем Каллимаха и Кратином досталось одной рабыне. Женщину спрятали и заявили, что Кратин убил её. На суде этот «факт» подтвердило 14 свидетелей со стороны обвинения. Однако Кратину удалось разыскать спрятанную «покойницу» и во время заседания он предъявил её дикастам целую и невредимую, к полному посрамлению обвинителя (XVIII, 52–54). Примечательным для нас в данном случае является то, сколько лжесвидетелей удалось мобилизовать Каллимаху и К°. По нашему мнению, не исключено, что под впечатлением именно этого случая Аристофан в недошедшей до нас комедии «Аисты» заметил: «Подашь на негодя в суд, а он тебе и выставит двенадцать лжесвидетелей из собственных нахлебников» (пер. М.Л. Гас-

lations on Stage: Witnesses in Classical Athens // History and Anthropology. V. 1. 1985. P. 313–369); её идею подхватил Стивен Тодд, заявив что «выступление в качестве свидетеля ... было ритуализированным социо-политическим актом поддержки» (Todd S. The Purpose of Evidence in Athenian Courts // Nomos. P. 27).

<sup>1</sup> Scafuro A.L. Witnessing and False Witnessing. P. 172–180.

парова).<sup>1</sup> В сенсационной эпифании во время суда над Кратином «воскресшей» рабыни чувствуется умелая рука режиссера. Можно привести еще примеры, когда представление публике свидетелей было обставлено с театральным вкусом. Демосфен, перечислив все гнусные преступления сикофанта Аристогитона, в том числе откушенный нос сокамерника, в качестве свидетеля вывел именно этого беднягу (XXV, 61–61) – можно представить себе, какой эффект вызвало появление безносой жертвы! Аполлодор в известном деле против Неэры пригласил в качестве свидетеля глашатая, помогающего при жертвоприношениях жене архонта-басилевса, коей некоторое время была Фано, дочь Неэры, обманным образом сосватанная за Теогена, исполнявшего данную должность. Глашатай прочитал священную клятву, к делу, естественно, не имеющую никакого отношения, но слова из неё: «я благочестива, чиста, непорочна» (Dem., LIX, 78), – должны были стать драматическим фоном и контрастом для развратного поведения бывшей гетеры и ее дочери<sup>2</sup>.

Судя по нашим источникам, в процессах по частным искам (δίκαι) свидетели появлялись гораздо чаще, чем в процессах по государственным преступлениям, а самая низкая явка наблюдается в разбирательствах по жалобам на противозаконие (роль свидетелей в них выполняли декреты и законы).<sup>3</sup> Свидетелями могли быть как граждане, так и метеки с чужеземцами (свободными)<sup>4</sup>; женщины, несовершеннолетние и близкие родственники к даче показаний не допускались.<sup>5</sup> Правда, женщина в исключительных случаях могла дать показания под клятвой (Dem., XXXIX, 3–4; LV, 27), что и было фактически завуалирован-

---

<sup>1</sup> Речь против Каллимаха предположительно датируется самым началом IV в. до н.э. (400/399 г.), к этому же времени относят постановку «Аистов». Цитируемый фрагмент – № 452 в изданиях: Poetae Comici Graeci / Ed. R. Kassel et C. Austin. Vol. III, 2; Aristophanes. Testimonia et fragmenta. B.; N.Y., 1984; № 328 в: Аристофан. Комедии; Фрагменты. М., 2000 (там же, с. 1023 – комментарий В.Н. Ярхо о времени постановки).

<sup>2</sup> См.: Hall E. Lawcourt Dramas. P. 51.

<sup>3</sup> Все упоминания о свидетелях в различного рода процессах подсчитал С. Тодд: The Purpose of Evidence in Athenian Courts. P. 31–32, 39 (таблица).

<sup>4</sup> Примеры собраны у Лайзи: Der Zeuge im attischen Recht. S. 7.

<sup>5</sup> Высказывалось мнение, что женщины и рабы могли свидетельствовать в делах по убийствам (Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 874; с некоторыми колебаниями – Leisi E. Op. cit. S. 12–18, 20–26), однако в последующих работах это предположение было отвергнуто (Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... P. 223–229; Harrison A. The Law of Athens. Vol. II. P. 136 и др.).

ным свидетельством.<sup>1</sup> Подобная дискриминация женщин объяснялась не тем, что им не верили «по определению», но тем, что женщину, как и раба, нельзя было привлечь к суду за лжесвидетельство.<sup>2</sup>

Участники процесса сами должны были обеспечивать явку свидетелей на суд; государство не вызывало их *sub roepa*. С этим у тяжущегося могли быть проблемы, как свидетельствует Ликург: «Вы ведь, граждане, хорошо знаете об ухищрениях обвиняемых и стремлении их к оправданию, и вам прекрасно известно, что с помощью денег или услуг им удавалось убедить многих из свидетелей забыть о происшедшем, или не прийти на следствие, или найти какой-то другой предлог. Потребуйте поэтому, чтобы свидетели вышли (*ἀξιοῦτε οὖν τοὺς μάρτυρας ἀναβαίνειν*) и чтобы они не медлили, и чтобы взятки не были для них дороже, чем вы или государство. И пусть они сообщат отечеству всю истину и правду и не покинут своего места... Или потребуйте, чтобы они, согласно закону, коснувшись святынь, клятвенно отрицали свою осведомленность в этом деле.<sup>3</sup> Если же они не пожелают сделать ни того, ни другого, то во имя вас, законов и демократии мы заставим их (*κλήτευσσιν*)» (I, 20 – пер. Т.В. Прушакевич).

Процедура и содержание *κλήτευσις* – принуждения к дачи показаний и наказания за неявку – не совсем ясна. В приведенном отрывке из Ликурга, а также в речи Демосфенова корпуса против Феокрина (LVIII, 8) обвинитель вызывает именно к судьям, чтобы те помогли ему и принудили свидетеля дать показания; в то же время этот призыв мог и не иметь в виду какого-то конкретного вмешательства с их стороны, будучи средством психологического воздействия на отлынивающего свидетеля. Если и были какие-то санкции в подобных случаях, они почти наверняка имели форму штрафа (*ἐπιβολή*). У нас есть одно упоминание

<sup>1</sup> См.: *Foxhall L. The Law and the Lady: Women and Legal Proceedings in Classical Athens // Greek Law and Its Political Setting: Justifications and Justice / Eds. L. Foxhall and A.D.E. Lewis. Oxford, 1996. P. 143.* Саймон Голдхилл отметил, что крайняя редкость подобных примеров указывает на их исключительный характер (*Goldhill S. Representing Democracy: Women at the Great Dionysia // RFP. P. 357–358.*

<sup>2</sup> См.: *Todd S. The Purpose of Evidence... P. 28, 33.* Д. МакДауэлл предположил, что женщина не могла быть свидетелем, так как «социально неприлично» было ей появляться в суде (*MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 243*), но, как резонно возражал ему С. Тодд, клятву она приносила публично, и это было прилично (Op. cit. P. 26).

<sup>3</sup> Из десяти случаев, когда была предложена такая альтернатива, только три раза свидетели предпочли под клятвой отрицать свою осведомленность – *Leisi E. Op. cit. S. 68; Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. II. P. 137.*

о таком штрафе — в речи Эсхина против Тимарха; сумма его — 1000 драм (I, 46). Э. Лайзи, Р. Боннер и Г. Смит, а затем А. Гаррисон реконструировали процедуру следующим образом: по требованию одной из сторон, свидетель вызывается занять свое место (κλῆτεύειν); если он отказывается и если он раньше не принес клятву о своей неосведомленности (ἐξωμοσία), глашатай объявляет официально, что его вызвали (ἐκκλήτευσεν); дальнейшее его отсутствие влечет за собой штраф.<sup>1</sup> Видимо, применялась такая мера достаточно редко и преимущественно в процессах по государственным преступлениям (γυραφαί)<sup>2</sup>. Участнику тяжбы в гражданских процессах (δίκαί) было выгоднее выдвинуть специальный иск против не явившегося или отказывающегося давать показания свидетеля — δίκη λιπομαρτυρίου, и в отличие от идущего в казну штрафа в связи с κλῆτευσις, получить для себя хоть какую-то компенсацию. Но и об этом иске мы имеем только одно прямое свидетельство в речи Аполлодора против Тимофея из Демосфенова корпуса (Dem., XLIX, 19); в этом случае он использован против свидетеля (Антифана), который сначала пообещал свою помощь, а затем не явился.<sup>3</sup>

Бывало, что в своей речи одна из сторон заявляла о подкупе свидетелей противником: так он заручался лжесвидетелями (Dem., XXI, 112; XXIX, 28; XLIII, 3; XLV, passim; LVII, 52) или обеспечивал неявку в суд опасных свидетелей (Dem., XXI, 20, 137). Естественно, услуги платных свидетелей (точнее, лжесвидетелей) стоили недешево и доступны были прежде всего толстосумам, как Мидий, обидчик Демосфена (XXI, 112; ср. XXIX, 28; XIX, 216<sup>4</sup>; XLIV, 3); кроме того, у влиятельных лиц было достаточное количество зависимых от них людей, которые могли быть

<sup>1</sup> Leisi E. Op. cit. S. 54; Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. II. P. 139; Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. 2. P. 140. Сомнение в существовании процедуры κλῆτευσις выражает Стивен Тодд: Op. cit. P. 24–25.

<sup>2</sup> Из семи случаев (Aeschin., I, 46; II, 68; Dem., XIX, 176; XXXII, 30; LVIII, 7, 42; LIX, 28; Лис., I, 20), в которых упоминается или подразумевается κλῆτεύειν, только один частный иск (δίκη).

<sup>3</sup> Поллукс утверждает, что данный иск применялся именно против таких свидетелей (λιπομαρτυρίου δὲ (δίκη) κατὰ τῶν ἰδόντων μὲν καὶ μαρτυρήσειν ὁμολογησάντων, ἐν δὲ τῷ καιρῷ τὴν μαρτυρίαν ἐκλιπόντων — VIII, 36), а вслед за ним и Тодд (Op. cit. P. 25). Точка зрения о том, что иск применялся против всякого отлынивающегося свидетеля представлена: Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 785, 878; Bonner R., Smith G. Op. cit. Vol. II. P. 140–141; MacDowell D.M. The Law... P. 243, — они указывают на неохотных свидетелей (например, родственников противной стороны), принужденных появиться в суде по требованию истца (Dem., XXIX, 19–20).

<sup>4</sup> Здесь Демосфен обвиняет своего противника Эсхина в покупке свидетелей на деньги Филиппа Македонского.

использованы в этих целях.<sup>1</sup> Демосфен уверял, что Мидий сорганизовал что-то вроде гетерии из своих наемных свидетелей (XXI, 139). Если существовали подозрения в том, что свидетели куплены, можно было возбудить *δίκη κακοτεχνίων*, т.е. обвинить противника в обмане и предоставлении ложных свидетелей (Dem., XLVI, 10; XLVII, 1). Встречаются в судебных речах утверждения, что потенциальных свидетелей «обхаживали» и то угрозами, то убеждением удерживали от участия в процессе (Dem., LVIII, 7).

После окончания процесса проигравший мог подать иск против лжесвидетелей (*δίκη ψευδομαρτύριων*); лжесвидетелю в этом случае угрожали штраф и атимия, а после третьего осуждения – полное лишение гражданских прав (And., I, 74; Dem., XXIX, 16; Нур. II, 12). Официальное заявление о намерении подать такой иск (*ἐπίσκηψις*) делалось до того, как судьи начнут подавать голоса (Dem., XLVIII, 45; Aristot. Ath. pol., 68, 4). На самом процессе это заявление никаких правовых последствий не имело, будучи чем-то вроде способа воздействовать на умонастроение дикастов, – голосование шло своим чередом. Что же касается дальнейшей процедуры, – здесь много неясного, и видимо, она отличалась в зависимости от вида процесса и назначенного наказания.<sup>2</sup>

Схолиаст к «Законам» Платона (937c–d) утверждает, что 1) если более половины свидетелей обвинялись по завершении дела в лжесвидетельстве, производился его пересмотр (*δίκη ἀνάδικος*); 2) (со ссылкой на «Законы» Феофраста) процесс возобновлялся не во всех случаях (*οὐκ ἐπὶ πάντων δὲ τῶν ἀγώνων*), а только по делам о присвоении гражданства, о лжесвидетельстве и о наследовании земельной собственности (*ἐπὶ μόνης ξενίας καὶ ψευδομαρτύριων καὶ κλήρων*). Многие исследователи полагали, что этот перечень не полон, и по все искам, которые угрожали проигравшему потерей гражданских прав, продажей в рабство или утратой ойкоса (т.е. такими карами, которые нельзя финансово компенсировать), в случае установления судом факта ложных показаний можно было возобновлять слушание.<sup>3</sup> Естественно, это только предположение, основанное на здравом смысле; доказать здесь ничего невозможно, никаких других данных источников мы не имеем,

<sup>1</sup> См.: Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин... С. 86.

<sup>2</sup> См.: Leisi E. Der Zeuge... S. 125–126; Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 192–193; MacDowell D.M. The Law... P. 244.

<sup>3</sup> См., например: Leisi E. Op. cit. S. 133; Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 955–957; Berneker E. *Ψευδομαρτύριων δίκη* // RE. 1959. Bd. XXIII. Hlbd. 46. Sp. 1371.

и есть историки, которые приемлют список схолиаста — Феофраста и находят в этом свои резоны.<sup>1</sup> Скепсис вызывает и сообщение схолиаста о том, что лжесвидетелей должно было быть не меньше половины. Так как именно такое их количество Платон считает основанием для пересмотра дела (937c–d), высказывалось мнение, что схолиаст мог здесь что-то напутать, приняв философский конструкт за афинскую действительность.<sup>2</sup> К тому же в одной из речей Исея тяжущийся ссылается на закон о том, что если хотя бы один уличается в лжесвидетельстве, дело слушается вновь (XI, 46 — κελεύει δ' ὁ νόμος, ἐὰν ἀλῶ τις τῶν ψευδομαρτυρίων, πάλιν ἐξ ἀρχῆς εἶναι περὶ αὐτῶν τὰς λήξεις). И опять же следует констатировать, что в виду скудности информации, мы не можем определенно сказать, каким образом использование δίκη ψευδομαρτυρίων приводило к возобновлению изначального дела.

### § 3. Свидетельская пытка рабов

Свидетельские показания от раба принимались судом только, если были получены под пыткой (за исключением дел, связанных с торговлей, по которым рабы, будучи порой их важными участниками, давали показания так же, как и свободные свидетели<sup>3</sup>). Согласие на пытку должен был дать владелец раба и обе стороны, участвующие в процессе; предложение о таком допросе имело форму вызова от одной из сторон (πρόκλησις εἰς βάσανον).<sup>4</sup> Свидетельство под пыткой могло быть получено и от государственного раба: если вызов принимался, допрос проводился в присутствии членов Совета или коллегии Одиннадцати

---

<sup>1</sup> Например: *Scafuro A.L. Witnessing and False Witnessing*. P. 170–179, 195 (именно дела такого рода, как перечислялось у Феофраста, были особенно уязвимы в случае лжесвидетельства, ибо в них практически все зависело от показаний свидетелей).

<sup>2</sup> Так, Лайзи, Боннер и Смит полагали, что достаточно было осудить хотя бы одного лжесвидетеля (ссылаясь на Is., XI, 46); главное — не количество, а весомость оспариваемого свидетельства: *Leisi E. Op. cit. S. 134; Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 268–269.*

<sup>3</sup> См.: *Cohen E.E. Ancient Athenian Maritime Courts*. Princeton, 1973. P. 116–121.

<sup>4</sup> πρόκλησις — предложение со стороны тяжущегося своему противнику принять от него или дать ему решительное доказательство по спорному делу: чаще всего — дать клятву, предоставить рабов для пытки, передать дело на рассмотрение посредников-арбитров. Подробнее о вызове: *Johnstone S. Disputes and Democracy*. P. 71–92.



(Dem., LIII, 23).<sup>1</sup> Судебные ораторы охотно описывали процедуру допроса рабов под пыткой (βάσανος), хвалили эту меру как чрезвычайно эффективную, верный способ выяснить истину,<sup>2</sup> а Ликург даже назвал её самой справедливой и демократичной (πολὺ δίκαιον καὶ δημοτικώτατον – I, 29). Вызывающий формулировал вопрос(ы), на который(-ые) должен был ответить раб («да» или «нет»), определял место и время допроса; факт вызова записывался и засвидетельствовался. Противная сторона могла принять или отвергнуть вызов, принять с изменениями, выступить с контр-вызовом, предлагая других рабов или другие условия. Если стороны достигали соглашения, пытку раба в присутствии его хозяина должен был производить его соперник по тяжбе или специальный «дознатель» (пытальщик – βασανιστής).<sup>3</sup> Владелец раба мог остановить пытку и забрать его у допрашивающего, если усматривал в действиях последнего нарушение процедуры (Dem., XXXVII, 42). Раб мог быть покалечен в результате пытки: если его показания не подтверждали выдвигаемых обвинений или претензий, то сторона, потребовавшая допроса, должна была в этом случае уплатить возмещение владельцу раба; если подтверждали, – никакой компенсации, так сказать, «за порчу имущества» не полагалось (Dem., XXXVII, 40; LIX, 124 – ср. Aristoph. Pax, 624).

С пытками рабов – много неясного.<sup>4</sup> Бывало, что пытали (или грозились пытать) рабов, подозреваемых в преступлении или в знании о преступлении (Ant., I, 20; IV, 30; Lys., I, 16; Dem., XLVIII, 16)<sup>5</sup>, но это другой случай, и на это либо не требовалось согласия хозяина, либо требовалось только его согласие, а не какой-то еще стороны. Пытать же свидетеля, если он ничего преступного не совершил, кажется совер-

<sup>1</sup> Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. 2. P. 150.

<sup>2</sup> Например: «Вы же и по частным, и по государственным делам считаете допрос под пыткой вернейшим из всех доказательств, и там, где очевидцами оказываются рабы и свободные, а должно быть найдено искомое, вы не к свидетельствам свободных обращаетесь, но именно подвергая рабов допросу под пыткой стараетесь найти правду» (Dem., XXX, 37 – пер. Г.А. Тароняна). Также: Is., VIII, 12; Isocr., XVII, 54.

<sup>3</sup> Самое подробное изложение «правил» πρόκλησις εἰς βάσανον см. в: Thür G. Beweisführung vor den Schwurgerichtshöfen Athens: die Proklesis zur Basanos. Vienna, 1977. S. 59–203.

<sup>4</sup> О многочисленных проблемах, связанных с пыткой рабов и их обсуждении в историографии, из самых последних работ см.: Todd S. The Purpose of Evidence... P. 33–35. В отечественной историографии – см. статью Э. Казакевич: Grace (Kazakevich) E. "Word" and "Deed" in the Athenian Dikasterion. С. 96–105.

<sup>5</sup> О пытках рабов в связи с расследованием государственных преступлений – см.: And., I, 64; Lys., I, 112.

шенно иррациональным: что такого он может сказать под пыткой, чего бы не сказал и так. Можно понять недоумение и возмущение Д. Мак-Дауэлла, заметившего: «Пытать человека в качестве наказания за преступление — логично, даже если нежелательно; пытать человека, чтобы заставить его сознаться в собственном преступлении или в соучастии — понятно, хотя и прискорбно; но пытать невинного мужчину или женщину, чтобы проверить правдивость информации о чем-то еще правонарушении, представляется нам актом беспричинного и бесполезного варварства».<sup>1</sup> Неразумность данного действия кажется очевидной: с большой долей вероятности раб наговорит все, что угодно, лишь бы удовлетворить вопрошающих и прекратить пытку; из мести за скверное обращение он охотно оговорит хозяина и т.п. На шаткость свидетельских показаний рабов обращал внимание еще Антифонт, подчеркивая, что раб может давать лживые показания в надежде получить свободу (V, 31). Доводы *contra* приводил и Аристотель, указывая на то, что во время допроса под пыткой ложь говорится так же легко, как правда; пытка не включает в себе ничего надежного и потому не может способствовать обнаружению истины (Rhet., 1377a1–8). Тем не менее, мы неоднократно (42 раза) встречаем в судебных речах призывы «можешь пытать моих рабов» или «дай мне пытать твоих»;<sup>2</sup> сорок раз они были отвергнуты (самый популярный предлог: хозяин раба уверяет, что тот отпущен на волю и потому не может быть допрошен под пыткой — Lys., IV, 12; Isocr., XVII, 14; Dem., XXIX, 25–26, 39; XLIX, 55). Два раза приглашение на пытку было принято, но не осуществлено, так как в последний момент принявшая вызов сторона выдвигала какие-то возражения и выражала несогласие (Isocr., XVII, 15–16; Dem., XXXVII, 42) — получается «много шума из ничего», и закрадывается вопрос, использовалась ли вообще данная негуманная и сомнительная процедура.

Высказывалось мнение, что призыв пытать рабов как форма вызова использовался для того, чтобы быть отвергнутым: например, он навязывался противнику в максимально неудобном или даже оскорбительном виде, задавался вопрос малозначущий, жертвой выбирался какой-нибудь особо доверенный слуга и т.п., — а затем этот просчитанный отказ использовался как аргумент в свою пользу в суде, ведь текст предложенного и отвергнутого вызова зачитывался и подтверждался свидетелями.<sup>3</sup> Как например, Аполлодор в деле против Неэры исполь-

<sup>1</sup> MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 246.

<sup>2</sup> Подсчитал Г. Тюр, у него же см. список: Thür G. Beweisführung... S. 59.

<sup>3</sup> См., например: Thür G. Op. cit. S. 233–261 (die kalkulierte Ablehnung); Todd S. Op. cit. P. 33–36; Gagarin M. The Torture of Slaves in Athenian Law // CIPh. Vol. 85. 1996. P. 1–18.

зовал отказ её сожителя Стефана предоставить для пытки рабынь и получить сведения о детях Неэры (Dem., LIX, 124).<sup>1</sup> Получается, что инициирующий *πρόκλησις εἰς βάσανον* и не ждал, что его вызов будет принят, он хотел этим ходом получить не показания, а риторическое преимущество перед своим соперником.<sup>2</sup> По парадоксальному замечанию М. Гагарина, *βάσανος* (вызов на пытку) «был придуман как процедура для предоставления в суде свидетельских показаний рабов посредством отклоненного вызова»<sup>3</sup> (т.е. свидетельством становилось отсутствие свидетельства). В одной из речей Исей устами своего клиента так и заявляет, что отказ предоставить раба для пытки — свидетельство в пользу требующей стороны: «И мой противник, из всех людей наибесстыднейший, избегая столь точных доказательств, рассчитывает, — что вы поверите вымышленным речам и свидетелям, говорящим неправду (*οὗτος... λόγοις πεπλασμένοις καὶ μάρτυσιν οὐ τάληθῃ μαρτυροῦσιν ἀξιώσει πιστεύειν ὑμᾶς, φεύγων οὕτως ἀκριβεῖς ἐλέγχους*). Мы, раньше предложившие осуществить пытку ради получения необходимых сведений с помощью свидетельских показаний, тогда как тот её избегает, будем думать, что вы должным образом поверите нашим свидетелям (*ἀλλὰ πρότερον ὑπὲρ τῶν μαρτυρηθῆσεσθαι μελλόντων ἀξιῶσαντες εἰς βασάνους ἐλθεῖν, τοῦτου δὲ φεύγοντος, οὕτως οἰησόμεθα δεῖν ὑμᾶς τοῖς ἡμετέροις μάρτυσι πιστεύειν*)» (VIII, 13; ср. Ant., I, 11–13).

Казалось бы, проблема решена, но остается некоторое недоумение. Непонятно, как объяснить тогда пышные славословия в адрес правдивости «пыточных» показаний рабов у судебных ораторов, если по некоему молчаливому сговору, никто и не рассчитывал услышать эти показания, — это уже какое-то запредельное лицемерие. И коллективное — ведь получается, что дикасты внимали этим восхвалениям и одновременно понимали, что отыскание истины с помощью *βάσανος* — фигура речи или мистификация. Как справедливо замечает Э. Грейс, и сам вызов (*πρόκλησις*) и его отклонение были бы бессмысленны как «правовые уловки», если бы допроса под пыткой не существовало в реальности.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Если бы выяснилось, что это дети не от матери-афинянки, а от чужестранки Неэры и афинского гражданина Стефана, Неэра должна была бы быть продана в рабство, а её дети были бы признаны чужестранцами.

<sup>2</sup> Thür G. Op. cit. S. 261.

<sup>3</sup> Gagarin M. Op. cit. P. 14. Также: «это правовая фикция, чьей функцией и целью не было (и не могло быть) извлечение правды из рабов» (Р. 16).

<sup>4</sup> Grace (Kazakevich) E. «Word» and «Deed» in the Athenian Dikasterion. С. 102. Сама исследовательница считает, что пытка рабов была устоявшейся практикой, ссылаясь в том числе на появление профессиональных «пытчиков» (*βασανισταί*) и разговорных оборотов, восходящих к специальной терминологии допроса под пыткой (С. 101–105).

Не исключено, что когда свидетельская пытка рабов только появилась и укоренилась в обычном праве (в V в. до н.э. ?), согласие на неё давалось чаще и охотнее, чем в IV в., — иначе неясно, откуда вообще взялась данная норма и похвалы в её честь. Предположим, что все же иногда вызов на пытку принимался и позже — т.е. в тот период, к которому относятся большинство дошедших до нас судебных речей. Далее возможны два варианта: 1) судебное разбирательство тогда прекращалось, а в источниках сохранились сведения лишь об отвергнутых вызовах. Мысль о том, что исполненный допрос-пытка (βάσανος) автоматически прекращал дело, будучи чем-то вроде «божьего суда» (ordeal), потому нам и неизвестны такие случаи (ибо информацию мы получаем из речей, произнесенных на процессах), — высказал еще в конце XIX в. Дж. Хедлэм.<sup>1</sup> Его категоричность была подвергнута серьезной критике. В частности, приводились убедительные примеры того, что данные, полученные от пытаемого раба, в обязательном порядке представлялись суду наряду с прочими документами (e.g. Dem., LIV, 27–29).<sup>2</sup> Случаи, когда дело улаживалось таким образом (при согласии обеих сторон), теоретически могли быть, но правило об обязательном прекращении дела вряд ли существовало.

Другое объяснение загадки βάσανου: 2) полученное от раба под пыткой свидетельство обладало огромной ценностью, представлялось дикастам и фактически решало исход дела. Тогда доведение до конца «вызова на пытку» должно было иметь место *крайне редко*: ведь только уверенный в своем безусловном преимуществе тяжущийся шел на βάσανος,<sup>3</sup> а его противник, понимая это, вряд ли делал ему подарок в виде добровольного согласия на осуществление данной процедуры. Логично предположить, что последний стремился во что бы то ни стало избежать свидетельской пытки, придумывая оговорки, встречные предложения и проч. Но в любом случае, πρόκλησις, принятый или отклоненный, призван был придать правдивость и убедительность речи того, кто инициировал допрос. В этом смысле «вызов на пытку» действительно был частью судебной игры, как справедливо подмечали Г. Тюр, С. Тодд,

<sup>1</sup> Headlam J.W. On the πρόκλησις εἰς βάσανον in Attic Law // CR. Vol. 7. 1893. P. 1–5. Недавно точку зрения Хедлэма (с некоторыми модификациями) поддержал Д. Мирхэди: Mirhady D. C. Torture and Rhetoric in Athens // JHS. Vol. 116. 1996. P. 119–131.

<sup>2</sup> Сразу же точку зрения Хедлэма раскритиковал Томпсон (Thompson C.V. Slave Torture in Athens // CR. Vol. 8. 1894. P. 136–137 — и здесь же ответ Headlam'a); позже наиболее основательно — Thür G. Op. cit. S. 205–214.

<sup>3</sup> См.: Thür G. Reply to D.C. Mirhady: Torture and Rhetoric in Athens // JHS. Vol. 116. 1996. P. 134.

М. Гагарин и др., — все те, кто пытался решить загадку феномена «свидетельской пытки», кстати уникального, и кроме Афин, насколько нам известно, в таком виде нигде и никогда не применявшегося в античном мире.<sup>1</sup>

## § 4. Речи сторон

За ложные показания свидетелей еще можно было с помощью описанной выше процедуры привлечь к ответственности, хотя нередко заявление о намерении подать иск против лжесвидетеля — *δίκη ψευδομαρτυρίων* — было не чем иным, как тактической уловкой, рассчитанной на то, чтобы произвести впечатление на судей.<sup>2</sup> Однако сами тяжущиеся стороны были вольны искажать и фабриковать факты, сочинять, клеветать, лгать и проч., сколько им вздумается и ничего не опасаясь, ибо обвинить их в лживых показаниях было невозможно, — такой процедуры не существовало вовсе. Ограничить их фантазию могли только осведомленность внимающей им аудитории и необходимость создавать хотя бы видимость правдоподобия. Оппоненту позволялось задавать вопросы и даже требовать на них ответа (см. ниже),<sup>3</sup> но никакого перекрестного допроса тяжущихся, как и свидетелей, разумеется, не было. Отстаивая свою позицию, стороны ссылались на законы (в цитатах или вольном переложении), контракты, завещания и другие документы. Правда, письменные документы привлекались достаточно ограниченно и нечасто в качестве доказательств, и свидетели все равно должны были появиться в суде и лично удостоверить подлинность договора, контракта, завещания, брачного соглашения и проч., подтвердив, например, свою подпись под документом или присутствие в момент составления (*Dem.*, XXXV, 10–14; LXII, 7, 18–19; LIX, 40 etc.).<sup>4</sup> Афинская судебная практика подтверждает истинность давно замеченной особенности древнегреческой жизни (по крайней мере, в классическую эпоху): документы в ней обладают меньшей доказательной силой, чем живое слово.<sup>5</sup> В то же время отметим определенную тенден-

<sup>1</sup> См.: *Thür G.* Beweisführung... S. 25–27; *Gagarin M.* The Torture of Slaves... P. 3.

<sup>2</sup> См.: *Rhodes P.J.* A Commentary... P. 732.

<sup>3</sup> См.: *Caravan E.M.* Erotesis: Interrogation in the Courts of Fourth-Century Athens // *GRBS.* Vol. 24. 1983. P. 209–226.

<sup>4</sup> См.: *Humphreys S.C.* Social Relations on Stage: Witnesses in Classical Athens. P. 324–325 (многочисленные примеры); *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. P. 137–138.

<sup>5</sup> См., например: *Глускина Л.М.* Проблемы... С. 87.

цию: в IV в., с переходом к письменному иску и письменным свидетельским показаниям, афинское общество стало чуть менее устным и чуть более «документированным».<sup>1</sup>

В историографии не раз афинские судебные заседания сравнивались с театральным агонем и самой драмой.<sup>2</sup> Действительно, таких точек соприкосновения было предостаточно: и в том, и в другом случае устраивалось представление перед публикой; решение о победителе принималось голосованием демократически избранных судей; конфликт между героями облекался в слова и речи; иногда совпадал сам сюжет («преступление и наказание» — тема вины и возмездия). Важно было, кто и как исполнял роль (речь), сила и красота его голоса;<sup>3</sup> схожи были манера исполнения, средства воздействия на публику, к которым прибегали в том и другом случае действующие лица. Главное различие: было два сценария, и перед участником судебной драмы стояла задача убедить присяжных выбрать из двух именно его вариант события, составившего предмет агона.

Когда именно по мере развития афинского судопроизводства участники процесса стали готовить и записывать текст будущих выступлений заранее, неизвестно. По уверению Свида (s.v. Περικλῆς), первым это стал проделывать Перикл. Едва ли ожидалось, что все тяжущиеся будут произносить речи полностью наизусть — для человека неопытного и необученного это было бы непосильным требованием, но успешное выступление в суде зависело и от способности заучить свою роль и выступать с ней, как актер, по памяти.<sup>4</sup> Пафлагонец издевательски замечает своему конкуренту-Колбаснику, что тот целую ночь зубрит речь для процесса, бормочет ее на улице и протрубил друзьям все уши (Aristoph. *Equit.*, 347–349).

---

<sup>1</sup> П. Родс приводит еще такие примеры данной тенденции: более широкое привлечение профессиональных секретарей к государственному делопроизводству; более подробные преамбулы декретов; издание официальных текстов пьес Эсхила, Софокла и Еврипида: *Rhodes P.J. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens*. P. 311.

<sup>2</sup> Например: *Garner R. Op. cit.* P. 95–130 (Ch. 4. Law and Drama); *Osborne R. Law in Action in Classical Athens*. P. 52; *Hall E. Lawcourt Dramas*. P. 39–58; *Goldhill S. Programme Notes // PCAD*. P. 25; *Ajootian A. The Civic Art of Pity // Pity and Rower in Ancient Athens / Ed. by R.H. Sternberg. Cambr., 2005*. P. 223–225; *Todd S. Law and Oratory at Athens // CCAGL*. P. 111.

<sup>3</sup> См. подробнее: *Easterling P. Actors and Voices: Reading between the Lines in Aeschines and Demosthenes // PCAD*. P. 154–166.

<sup>4</sup> См.: *Hall E. Op. cit.* P. 47.

Обвинитель, который говорил первым, не имел возможности ответить на или опровергнуть слова обвиняемого, его свидетелей и синегоров (он мог даже не знать, кто именно ими будет), поэтому он старался в своем выступлении предугадать доводы и доказательства противника, пользуясь той информацией о них, которая у него имелась. Кроме того, что стороны узнавали о тактике друг друга и собранном материале на предварительном слушании (Dem., XX, 98) или у третейского судьи (Dem., XXVII, 53; XXXIX, 22), это могли быть и слухи (ἀκοή – Aeschin., I, 117), зачастую почерпнутые с агоры (Dem., XXIV, 15), и намеки, и чистые предположения (ὥς ἔοικε – Aeschin., I, 125), и догадки (Lys., XIII, 49, 70, 77; Dem., XXI, 160; Aeschin., III, 17), и сведения, полученные каким-то образом из вражьего стана, в том числе в результате предательства.<sup>1</sup> Так, Аполлодор обвинил своего приятеля Никострата в сотрудничестве с противной стороной во время судебного процесса (Dem., LIII, 14); Эпихар сообщил, что он предан теми, кому доверял, – они переметнулись к его противнику Феокрину (Dem., LVIII, 4); а Эсхин так даже заявил, что Демосфен, написавший речь для банкира Формиона, показал её Аполлодору, с которым судился его клиент (II, 165)<sup>2</sup> (другие примеры сбора данных о намерениях противника – Dem., XIX, 155, 332; XX, 105; Aeschin., II, 155).

Содержанием речи и той, и другой стороны были не только конкретное дело, факт, поступок, которые и привели к тяжбе, но вся предшествующая частная и общественная жизнь, а также моральный облик оратора и его противника.<sup>3</sup> Выступающий (точнее составитель его речи) пытался выставить свои поведение и характер в максимально выгодном свете, действия – правильными и справедливыми, и одновременно опорочить притязания и моральный облик противника (риторический топос – πτότις ἐκ βίου); от того, насколько он успешно и убедительно исполнит свою партию в этом драматическом действе, зависел исход его дела. Тяжущиеся старались завоевать симпатии судей, вербализируя принятые в обществе представления о «желательном поведении», содержащиеся как в писаных законах, так и в неписаном моральном кодексе, и стремились максимально соответствовать им в своем выступлении.<sup>4</sup> Во

<sup>1</sup> См.: *Dorjahn A.P.* Anticipation of Arguments in Athenian Courts // *TAPhA*. Vol. 66. 1935. P. 274–295.

<sup>2</sup> В данном случае нам интересна не достоверность этих обвинений, а сам их факт.

<sup>3</sup> См.: *Маринович Л.П.* Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов. С. 20.

<sup>4</sup> О том, как опасно было не соответствовать принятым в обществе нормам поведения, свидетельствует пример Алкивиада. Как уверяет Фукидид, именно

имя чего нередко приносилась в жертву истина: ораторы скорее изображали то, что дикасты хотели бы услышать, чем то, что произошло на самом деле.<sup>1</sup> Своими успешными речевыми актами (*felicitous speech acts*)<sup>2</sup> они не только создавали нужную для себя реальность, но и воспроизводили, а кое в чем и корректировали систему ценностей афинской демократии.

Истец обычно начинал свое выступление с заверений, что он не искусен в речах, в судах раньше не выступал etc. (*Ant.*, I, 1–4; III, 2; V, 1–7; *Lys.*, XVII, 1; XIX, 1–2; *Dem.*, XXVII, 2; XLI, 2; LXIII, 3 etc.), а противник его, наоборот, умелый оратор, хорошо разбирается в законах (*Lys.*, XIX, 2; *Is.*, IX, 35; X, 1; *Dem.*, XXII, 4; XXIII, 4–5; XLI, 2; LVIII, 24; *Нур.*, I, 19), нисколько не смущаясь при этом, если вдруг его утверждение оказывалось откровенно лживым (как например, *Dem.*, XXIX, 6). На самом деле, все дошедшие до нас речи, в том числе и те, в которых произносящий жалуется на свою неопытность и необученность в риторике, — лучшие образцы, шедевры афинского красноречия. Топос «я не умею хорошо говорить» (*μη δύναμαι λέγειν*) пользовался, вероятно, таким успехом у судей, что они закрывали глаза на эту фикцию по сути: среди судей, как и вообще среди афинян, было укоренено представление о том, что искусный, особенно прошедший специальное обучение вития может обмануть аудиторию, сбить её с толку, заставить неправильно проголосовать.<sup>3</sup> Однако это предубеждение не мешало судьям предвкушать и получать наслаждение от мастерски произнесенной речи, и не в интересах оратора было разочаровывать их. Разновидностью (и развитием) данного топоса являлось заявление тяжущегося о том, что ранее его

---

в противоречащем демократическим нормам образе жизни Алкивиада (*ἐς τὰ ἐπιτηδεύματα οὐ δημοτικὴν παρὰ νομίαν*) его противники видели доказательство (*τεκμήρια*) его причастности к осквернению мистерий и изуродованию герма, т. е. (как следующий шаг), к ниспровержению демократии (VI, 28, 2).

<sup>1</sup> См.: *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // *AD.* P. 44–45; *idem.* How Violent Was Athenian Society // *RFP.* P. 106.

<sup>2</sup> Понятие, широко используемое в социолингвистике, занимающейся изучением речевой деятельности (*performance studies*), например в известной работе: *Austin J.* How to Do Things with Words. Oxford, 1975.

<sup>3</sup> Об этом предубеждении против риторики — см. подробнее, с примерами из источников: *Dover K. J.* Greek Popular Morality... P. 23–26; *Ober J.* Mass and Elite... P. 166–182; *Hesk J.* The Rhetoric of Anti-rhetoric in Athenian Oratory // *PCAD.* P. 207–218. Иногда аудитория «позволяла» ораторам, говорящим от своего имени, хвалиться своим умением, образованностью и доблестью (например, *Dem.*, XVIII, 256–267, 320), ибо эти качества служили интересам демоса — демократии время от времени нужны были высокообразованные эксперты и их советы (см.: *Ober J.* Mass and Elite... P. 182–191).



никто и никогда не обвинял; можно было добавить, что и сам он не выступал с исками (Lys., XII, 4, 20; XVI, 10; XXI, 19; Is., X, 1; Dem., XXXIV, 1).

Обвинители, инициировавшие государственный процесс, любили ставить на вид свой патриотизм (Lys., I, 3; Dem., XXIII, 190), выражали негодование по поводу творимых бесчинств в отношении государства и его законов (Dem., XXIV, 8; Aeschin., I, 2) – стыдно в такой момент стоять в стороне и хранить молчание (Dem., XXIII, 5). Ответчик ссылался на свою безупречную жизнь (военная служба, общественные обязанности и повинности, образцовый семьянин); впрочем те же аргументы приводил обвинитель (Dem., XXVIII, 19, 24; XXXVI, 39; XXXVIII, 25, 28; LIV, 14). И та, и другая сторона могла претендовать на победу на основании не своей предполагаемой правоты, а своих заслуг и безупречного исполнения обязанностей гражданина.<sup>1</sup> С другой стороны, охотное и щедрое служение обществу использовалось как доказательство невозможности совершения противоправного деяния (Lys., VII, 30–32), очевидно, исходя из представления о неизменности человеческой природы (Lys., XIX, 60–61).

Богатый тяжущийся всячески подчеркивал те благодеяния, которые он и его предки оказали народу; не жалея воды в клепсидре, подробно перечислял все собственные и отеческие литургии и заслуги, указывая на свою щедрость (Ant., II, 2, 12; Lys., VII, 31; XXI, 1–10; XIX, 57–59; Is., V, 41–42; Dem., XLII, 23; L, 7). Хорошо было напоминать время от времени судьям, что и в будущем он не покусится, поэтому выигрыш его дела – в интересах всего народа (Lys., XXI, 12–14; Is., V, 37). Так, Демосфен в речи против одного из своих опекунов, обещая выполнять общественные повинности («я заменю его вам в выполнении литургий» – ἐμὲ δ' ἡμῖν διάδοχον ἀπὸ αὐτοῦ τῶν λητουργιῶν ἐσόμενον), тут же просит судей помочь ему «ради и справедливости, и вас самих, и нас, и покойного отца» (βοηθήσατε, καὶ τοῦ δικαίου καὶ ἡμῶν αὐτῶν ἑνεκα καὶ ἡμῶν καὶ τοῦ πατρὸς τοῦ τετελευτηκότος – XXVIII, 19–20).

Ударное исполнение литургий и прочих повинностей, во-первых, положительно характеризовало тяжущегося, во-вторых, участник процесса мог рассчитывать на благодарность (χάρις) судей как представителей демоса за все оказанные народу услуги, и он прямо об этом заявлял. Вот типичное описание служения народу с запланированной надеждой на его благодарность: «Я снаряжал триеры пять раз, четыре раза участвовал в морских сражениях, налогов во время войны я платил много и вообще все повинности исполнял не хуже других граждан. Но я нес расходы в большем размере, чем требовало государство, с той

<sup>1</sup> См.: *Garner R. Law and Society in Classical Athens*. P. 63.

целью, чтобы заслужить в ваших глазах славу доброго гражданина и, в случае какого несчастья, выступить на суде с большой надеждой на успех» (Lys., XXV, 12–13 – пер. С.И. Соболевского; также – XX, 30). Одно из самых проникновенных воззваний к  $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$  – в XIV речи Лисия, когда подсудимый после перечня всех своих свершений, говорит: «За это я прошу у вас теперь заслуженной мною благодарности ( $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ )... Помните, что для нас [т.е. обвиняемого и его детей, которых он привел с собой в суд – Т.К.] будет несчастьем, а для вас позором, если нам придется лишиться гражданских прав, впасть в бедность и ходить по городу в большой нужде, терпя судьбу не заслуженную нами и не достойную оказанных нами вам услуг» (25 – пер. С.И. Соболевского). Обращая внимание на свою щедрость, тяжущийся тем самым демонстрировал, что его богатство служит обществу и находится в гармонии с одним из важных постулатов демократии – равенством.<sup>1</sup>

Истец нередко подчеркивал, что у него были личные причины возбудить дело (неприязнь, вражда, ссора, месть), очевидно, для того чтобы не заподозрили в сикофанстве или корысти (Lys. XV, 12; Dem., XXII, 1–3; LIX, 1–13). Все это вполне вписывалось в рамки греческой этики, в которой еще со времен Гомера справедливость и честь требовали оказывать помощь друзьям и вредить врагам (Хеп. Мем., II, 6, 35; Plat. Rep., 332d–335c). В одной из речей Лисия эта максима повторяется дважды: «так уж заведено, чтобы врагам делать зло, а друзьям добро» (IX, 14 и 20).<sup>2</sup> О действенности такого рода аргумента говорит то, что порой участники тяжбы, которые не имели личного мотива, пытались его измыслить (Lys., XXIV, 2). В некоторых случаях истец оправдывал отсутствие мотива личной вражды ( $\xi\chi\theta\epsilon\alpha$ ) при внесении иска особыми соображениями, например, внешнеполитической целесообразностью (Dem., XXIII, 1) или множественностью преступлений ответчика (Lys., XXXI, 2).

Отомстить ( $\tau\iota\sigma\omega\epsilon\iota\nu$ ) врагу в допустимых, естественно, пределах<sup>3</sup> была делом чести для афинянина (Lys., XIV, 2), порой даже наследуемым

<sup>1</sup> См.: Mossé C. Politique et société... P. 118. Несколько иное толкование у: Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. С. 317–320: ссылки в рядах на исполненные литургии и выплаченные налоги – проявления «архаической системы мышления... воплощенной в концепции дара и взаимных обязательств дарителя и реципиента, возникающих в результате акта дарения». (Автор ссылается на теорию «дара» как социальной категории французского социолога М. Мосса).

<sup>2</sup> Об этой этической установке – см. подробнее, с примерами из источников: Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 180–184.

<sup>3</sup> Судьи не стали бы благосклонно взирать на неспровоцированную агрессию или непропорциональное возмездие (Isocr., XVIII, 38; Dem., LIV, 1, 17–19).

моральным обязательством (Lys., XXXII, 22), а судебный иск был вполне социально приемлемой формой возмездия (Dem., XXII, 3; LIII, 2; LIX, 12).<sup>1</sup> Обвинитель доносчика Агората, по вине которого погибло множество людей во время тирании Тридцати, в том числе Дионисодор, родственник оратора, заявляет дикастам: «И человеческий, и божеский закон требует от меня и от вас всех посильного мщения; такой образ действий, я думаю, возвысит нас в глазах и богов и людей» (Lys., XIII, 2 — пер. С.И. Соболевского). Лучше всего было, когда личная месть совмещалась с общественной пользой: «и государству помощь оказать, и за себя наказать» (ἄμα τῇ τε πόλει βοηθεῖν... καὶ δίκην ὑπὲρ αὐτοῦ λαβεῖν — Dem., XXII, 1; ср. Lys., XII, 2; XIII, 2–4; Dem., XXIV, 8; Aeschin., I, 2). В свою очередь, ответчики утверждали, что их недругами (истцами и их присными) движет зависть и злоба (Dem., XVIII, 279, 315; XXI, 29; LVII, 49; Plat. Apol., 23a–24a). В отличие от оправданного желания отомстить зависть (φθόρος) воспринималась как нечто низкое и пагубное.<sup>2</sup> Поэтому так важно было убедить судей, что она-то и есть подлинный мотив судебного преследования со стороны противника, а не, например, личная вражда (Lys., XXIV, 2–3): последняя могла подвести под обвинение некую моральную основу, зависть — никогда.

Порой участники тяжбы использовали антитезу «любящий спокойную жизнь — сикофант» (ἀπραγμων — σικοφάντης, варианты: φιλόδικος, φιλοπράγμων), противопоставляя своё миролюбие, готовность к улаживанию конфликта даже вопреки собственной выгоде агрессивному и враждебному поведению противника (Ant., III, 2, 1; Dem., XLI, 1; XLIII, 3; LIV, 24; LV, 1). Как сказано в одной из речей Демосфенова корпуса, «лучше в чем-то уступить и договориться, чем показаться сутягами» (δεῖν ἐλάττωσθαι τι καὶ συγχαρεῖν μὴ δοκεῖν φιλόδικοι εἶναι — LVI, 14; ср. Lys., X, 2). Ярлык «сикофант» легко приклеивался к противнику (Lys., VII, 1; Dem., XVIII, 32; XXIX, 25; XXXVI, 53; XLVIII, 35; LV, 28; LVIII, 27; Aeschin., I, 1). Тяжущиеся не упускали случая указать на то, что действия их противников — вызов общепринятым ценностям и правилам поведения в социуме; ради сомнительного барыша ими попираются родственные чувства, дружба — т.е. то, что включает в себя понятие φίλια (Is., IX, 25; Dem., XLV, 53–54; XLVIII, 46; LX, 23–24). Сами они не желали выяснять отношения с родственниками (друзьями, соседями) в суде (Lys., XXXII, 1–2; Isocr., XV, 27; Is., I, 6; Dem., XXX, 2); хотели ула-

<sup>1</sup> См.: Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 154, 192.

<sup>2</sup> О зависти — см.: Aristot. Rhet., 1388a–b или Dem., XX, 140: «зависть — непременный признак скверной натуры»; тот порок, которого следует избегать больше всего.

дить дело миром через посредничество близких (Lys., XXXII, 2); однако их противники презрели эту возможность (ведь близкие сразу изобличат их ложь, а судьи, может быть, и не заметят — Dem., XLVIII, 40; LX, 9). В некоторых случаях истец или ответчик пытались представить свои отношения с противником как дружеские, очень близкие, хотя, по всей вероятности, они таковыми не были. Так, Аполлодор (Dem., LIII) обвиняет Никострата в предательстве их дружбы, но из его рассказа ясно, что последний скорее работал на Аполлодора, и их отношения едва ли были отношениями равных (LIII, 4)<sup>1</sup>; он же пытается описать сугубо деловые отношения между прославленным афинским стратегом Тимофеем и своим отцом, банкиром Пасионом, как дружеские (XLIX). Вероятно, тяжущиеся полагали, что судьи не оставят без внимания извращение общественных идеалов (в данном случае — дружбы) и накажут виновников.

Противника старались опорочить, не гнушаясь насмешками над его характером, внешностью, манерой поведения, походкой, голосом, одеждой (And., I, 100; Dem., XXXVI, 45; XXXVII, 52–56; XLV, 68–69, 77; Aeschin., I, 131–132; II, 157). Очернение противника (διαβολή) входило в обязательный набор приемов судебного красноречия, как впрочем греческой риторики in toto.<sup>2</sup> Доставалось и его родственникам, и друзьям (Ant., V, 79; Dem., XIX, 237; XXIV, 6; XXV, 79–80). Стороны не брезговали очернительскими выпадами против предков, особенно родителей противника (Lys., XIV, passim; XXX, 6; Dem., XVIII, 126–131; XXIV, 200–201). От эпохи аристократического правления афинская демократия унаследовала веру в наследственность личных качеств:<sup>3</sup> стоило доказать порочность предков и тем самым легко заронить мысль о порочности их потомка. Намеки на рабское или чужеземное происхождение противника (Lys., XXX, 2, 5–6 — δοῦλος ἐκ δοῦλων; Dem., XXI, 149–150; LVII, 18; Din., I, 15) также должны были настроить судей против него.<sup>4</sup> Известен обмен колкостями между Демосфеном и Эсхином: Эсхин прохаживался насчет скифских предков Демосфена и называл своего противника

<sup>1</sup> Разбор это речи — см. Christ M.R. The Litigious Athenian. P.176–177.

<sup>2</sup> См.: Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. С. 111; Schuller W. Der Kranzprozeß des Jahres 330 v. Chr. oder: Der Abgesang auf die klassische Polis // GP. S. 194–195.

<sup>3</sup> Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 438; Ober J. Mass and Elite... P. 251–254.

<sup>4</sup> Подобными обвинениями (естественно, ложными) усыпана древняя комедия: Клеон именуется Пафлагонцем в аристофановских «Всадниках»; Гипербол называется Лидийцем (Plato Com., fr. 170); намекается на то, что его отец был иностранцем и рабом (Schol. Aristoph. Vesp. 1007; Plato Com., fr. 166–167).

скифом (Aeschin., II, 78; III, 171–172), а тот в ответ измыслил рабское прошлое отца Эсхина и то, что последний якобы хитростью добился внесения себя в списки граждан (Dem., XVIII, 130–131, 261). Судьи, естественно, не воспринимали такие намеки всерьёз: тогда надо было бы немедленно лишать обвиняемого незаконно присвоенного гражданства и наказывать смертью. Но определенный отрицательный фон подобные нападки, являющиеся частью традиционной политической инвективы в риторике и комедии, все же создавали, рождая сомнение в наличии должного патриотизма и доблести, наследуемых от чистокровных предков.<sup>1</sup>

Современного читателя не может не поражать беззастенчивая ложь многих обвинений и нападок в дошедших до нас речах афинских судебных ораторов: их чрезмерность выглядит сюрреалистическим абсурдом; зачастую они противоречат не только здравому смыслу, но и предшествующим словам самих ораторов, что, впрочем, отнюдь не смущало последних. Словесная дуэль между Демосфеном и Эсхином, о которой мы только что упоминали, — один из ярких примеров. В более ранней речи «О преступном посольстве» (343 г. до н.э.) Демосфен, насмехаясь над родителями противника, говорил, что отец Эсхина, Атромет, был школьным учителем, а его мать, Главкофея, — жрицей какого-то мистического культа (XIX, 281). Однако в своем выступлении в защиту Ктесифонта («О венке») на процессе, состоявшемся в 330 г., он дал волю своему воображению, сочинив историю о рабе Тромете, носившем колodки и деревянный ошейник, который прибавил к своему имени два лишних слога, чтобы его имя звучало по-афински, и о распутнице по прозвищу Эмпуса (с подробным «объяснением» его этимологии), назвавшейся Главкофеей (XVIII, 129–131). Фантазию Демосфена, видимо, питало то, что к этому времени число людей, лично знавших родителей Эсхина, поубавилось... Остается предположить, что подобный «черный юмор» (ведь не могли же судьи принимать весь этот бред за чистую монету!), помогал оратору через смех и улыбку аудитории сохранять её внимание,<sup>2</sup> кроме того, разделяя с оратором насмешку, публика становилась своего рода со-участницей его речи и дела.

<sup>1</sup> Известный миф об автохтонности афинян (Hdt., I, 56–58; Thuc., I, 2,4; Aristoph. Vesp., 1076–1077; Lys., II, 17; Dem., LX, 4–5 etc.) породил у афинян убеждение в особом, передаваемом по наследству, благородстве происхождения (εὐγένεια), свойственном их полису. См. подробнее: Ober J. Mass and Elite... P. 261–266.

<sup>2</sup> См.: Harding P. Rhetoric and Politics in Forth-Century Athens // Phoenix. Vol. 41. 1987. P. 31.

Интересно, что примеров чистого юмора и остроумия в дошедших до нас речах не так-то много, причинами чему могло быть несколько обстоятельств. Страсти во время тяжб раскалялись не на шутку, сыпались взаимные оскорбления, а сердитый или разгневанный выступающий редко бывает забавным. Возможно также, профессиональные логографы, пишущие для серьезных клиентов, не всегда включали шутки или остроумия в варианты для печати<sup>1</sup> — тем ценнее сохранившиеся тексты *cum grano salis*. Так, в речи, написанной Лисием против философа Эсхина, в прошлом — ученика Сократа, в юмористическом духе описываются последствия его патологического нежелания отдавать долги (многие ссужали его, проникшись его рассуждениями о добродетели и справедливости): бакалейщики и кабатчики поблизости закрывают магазины; соседи съезжают куда подальше; кредиторы с утра стекаются к его дому в таком количестве, что прохожие принимают эту толпу за похоронную процессию и т.п. (Lys., XXXVI=Athen., XIII, 611 e–f). В одной из речей Исея рисуются алчные претенденты на наследство Никострата, умершего за границей: кто только не облачился в траур и не остриг волосы, когда весть о его смерти дошла до Афин, собралась целая толпа «родственников» и «сыновей», кто-то появился перед архонтом с «сыном усопшего» трех лет от роду, хотя Никострат одиннадцать лет не появлялся в городе (IV, 7). Своеобразным грубоватым юмором, бурлеском, язвительными насмешками наполнена речь, которую Лисий написал для лишенного пенсии ветерана (XXIV).<sup>2</sup> Афинские Филоклеоны, с нетерпением ожидающие шуток (Aristoph. *Vesp.*, 579), пожалуй, чаще, чем в громких процессах, могли слышать их в процессах незначительных, в незамысловатых речах, которые составляли сами тяжущиеся, приправляя их острым словом и дионисийским раздольем, о которых мы можем только догадываться. В любом случае, у Демосфена были основания упрекать дикастов: «Вы, афиняне, оправдываете тех, чья вина в величайших преступлениях со всей очевидностью доказана, если они произнесут в суде одну или две остроумные шутки или если члены их филы, избранные защитниками, просят вас о снисхождении. А

<sup>1</sup> Эти предположения высказал Р. Боннер, специально исследовавший судебные речи на предмет содержащегося в них юмора: *Bonner R.J. Wit and Humour in Athenian Courts* // *CIPh.* Vol. 17. № 2. 1922. P. 97–103.

<sup>2</sup> Из-за чрезмерной веселости, фарсовости и необычности данной речи не так давно С. Ашер высказал предположение, что это — шутка, *jeu d'esprit*, «первая дошедшая до нас пародия из жанра судебного красноречия» (*Usher S. Greek Oratory: Tradition and Originality.* Oxford; N.Y, 2001. P. 106–110). Аргументы против этого несимпатичного нам мнения можно найти в: *Carey C. Structure and Strategy in Lysias 24* // *G&R.* Vol. 37. 1990. P. 44–51.

если вы и осуждаете кого-либо, то наказываете штрафом в 25 драхм»<sup>1</sup> (XXIII, 206 – пер. В.Г. Боруховича, с нашими изменениями).

Бывало, что стороны упрекали друг друга в скупости, уклонении от литургий, нежелании жертвовать часть своего богатства на нужды народа (Dem., XVIII, 312; Aeschin., III, 240), замечая, что если противник и выполнял литургию, то делал он это неохотно, недостаточно и не так щедро, как мог бы (Dem., XXI, 154, 156; Dip., I, 21, 69). Другой излюбленный прием: противопоставить свою бедность богатству оппонента, преувеличивая и то, и другое; выставить себя бедняком, преследуемым богачом (Dem., XXVII, 53–54; XXXVIII, 19–20; XLIV, 3–4; L, 59–62). Порой подобные заявления звучали из уст весьма богатых людей. Едва ли судьи, например, всерьез воспринимали сетования Аполлодора, сына известного банкира Пасиона, одного из самых состоятельных афинян, с размахом и щедростью выполнявшего триерархию, на то, что он живет в «крайней нужде», а его дочери останутся старыми девами, потому что у них нет приданого (Dem., XLV, 73–74). В этом и других случаях мы имеем дело с такой же фикцией, как «неопытный оратор». Судьи, тем не менее, с удовольствием принимали участие в этой игре. Дж. Обер, на наш взгляд, предложил убедительное объяснение данному феномену: богатый тяжущийся, добровольно берущий на себя роль бедняка, спускался (точнее, опускал себя) до уровня среднестатистического дикаста; он как бы символически уменьшал долю неравенства, проистекавшего из его богатства; своим самоуничижением он показывал, что разделяет интересы своих сограждан и их предубеждение против чрезмерного богатства.<sup>2</sup> «Оратор, который был прекрасно образован или купил мастерски составленную речь у логографа, просил прощение за недостаток красноречия. Богатый литургист жаловался на свою бедность... В других случаях, выступающий представитель элиты обращался к судьям как к товарищам-обладателям атрибутов элиты: судьи становились высокообразованными, налогоплательщиками, благородными от рождения. Опуская себя и поднимая судей в статусе, оратор помещал себя на тот же социальный уровень, что и у его аудитории».<sup>3</sup>

Обращает на себя внимание то, как часто тяжущиеся в своих выступлениях ссылались на «общественное мнение», приводя в качестве аргумента (видимо, весьма действенного) слова «вы все знаете» или

<sup>1</sup> «Величайшие преступления» (τὰ μέγιστ' ἄδικαίητες) – скорее всего риторическое преувеличение; незначительный штраф в 25 драхм показывает, что речь идет о достаточно тривиальных делах (Bonner R.J. Wit and Humour... P. 102).

<sup>2</sup> См.: Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 223–225; 241–242.

<sup>3</sup> Ibid. P. 306.

«кто не знает» (τίς οὐκ οἶδεν), — когда, например, речь шла о «моральном» облике самого оратора или его соперника (Lys., XXIX, 6; Is. III, 19; Dem., XVIII, 10; XIX, 119; XXI, 149; XL, 53<sup>1</sup> etc.; Aeschin., I, 127–130 — рассуждение о значении Молвы в общественной жизни полиса с цитатами из Гомера и Гесиода; Нур., IV, 22 — не только все афиняне, но даже дети знают ораторов на содержании у македонян). Дж. Обер полагает, что успешность употребления подобных выражений и ссылок на Φήμη (Молву) объясняется их связью с эгалитарной идеологией:<sup>2</sup> то, что знает весь народ — по определению справедливо и демократично. Судя по судебным речам, афинская демократия с успехом побуждала все социальные группы разделять общепринятые ритуалы и ценности, что приводило хотя бы к внешней демонстрации единого гражданского мировоззрения и чувства всеобщей идентичности.

Оратор мог задавать вопросы своему оппоненту,<sup>3</sup> «расставляя ему словесные ловушки» (ἐρωτᾷ, σκανδάλῃθ' ἵστας ἐπ' αὖν — Aristoph. Ach., 687). Отвечать надо было обязательно — на этот счет существовал специальный закон, цитируемый в речи из Демосфенова корпуса (XLVI, 10)<sup>4</sup>: «противникам по тяжбе необходимо отвечать друг другу на вопросы, свидетельствовать же — нет» (τοῖν ἀντιδικοῖν ἐπανάγκης εἶναι ἀποκρίνασθαι ἀλλήλοις τὸ ἐρωτώμενον, μαρτυρεῖν δὲ μὴ). Ответы, полученные таким образом, не считались свидетельскими показаниями, против них не могло быть выдвинуто обвинение в лжесвидетельстве (μαρτυρεῖν δὲ μὴ). В дошедших до нас речах — около дюжины примеров ἐρώτησις. Лисий, например, учинил Эратосфену целый допрос, начинающийся, по-видимому, обычными в таких случаях словами: «Взой-

<sup>1</sup> Пример из этой речи Демосфена весьма интересен своей критикой использования данного топоса: оратор (Мантифей) предупреждает судей, что его противник (Беот) будет заявлять «вам это и так известно», а на самом деле, — это обманный трюк, способ «убежать от правды» (ἀποδιδράσκειν τὴν ἀλήθειαν), к которому прибегают те, кто не в состоянии привести основательных и честных доводов. Этот пассаж как образец «мета-дискурсивной стратегии ораторов» и «анти-риторического топоса» подробно разбирает Дж. Хеск: Hesk J. The Rhetoric of Anti-rhetoric in Athenian Oratory. P. 201–230.

<sup>2</sup> См.: Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 149–151.

<sup>3</sup> Р. Боннер и Г. Смит считали такой допрос пережитком досолонового судебного разбирательства перед магистратом (The Administration of Justice... Vol. II. P. 122), а Э. Кэревэн (Erotesis. P. 210) полагал, что допрос и дебаты были «существенными чертами самых ранних форм правового процесса в Греции», ссылаясь на сцену на шите Ахилла (Il., XVIII, 506) и процесс Ореста в Эсхиловых «Эвменидах» (585–610).

<sup>4</sup> Как убедительно показал Э. Кэревэн, сомневаться в подлинности этого закона нет оснований (Erotesis. P. 211).



ди [на возвышение, с которого выступает говорящий – Т.К.] и отвечай мне, что бы я тебя не спросил (ἀνάβηθι οὖν μοι καὶ ἀποκρίναι, ὃ τι ἂν ἐρωτῶ)» (XII, 25 – в кратких ответах Эратосфен признался, что отвел Полемарха в тюрьму, но действовал из страха перед тиранами и не хотел смерти брата оратора). В речи XIII призывается к ответу обвиняемый сикофант Агорат (30), в XXII приводится диалог с хлебными торговцами (5). В речи «О преступном посольстве» ответа от своего противника Эсхина требует Демосфен (XIX, 120), а спустя несколько лет уже самому Демосфену задавал на суде вопросы как обвиняемому Динарх (I, 83). Знаменитая фраза Гиперида, сказанная им по поводу обвинения в противозаконии, выдвинутого Аристогитоном из-за того, что он предложил после херонейского поражения дать свободу рабам и гражданство метекам, гласившая: «Не я написал псефизму, а битва при Херонее» (Ps.-Plut. Mor., 849a – οὐκ ἐγὼ τὸ ψήφισμα ἔγραψα, ἡ δὲ ἐν Χαίρωνε(α μάχη), – на самом деле – часть ἐρώτησις на процессе по ὑραφῇ παρανομίῳν, судя по приводимому у Рутилия Лупа отрывку из речи оратора (fr. 32). «Ты написал [псефизму – Т.К.], чтобы дать рабам свободу? – Написал, чтобы свободные не испытали рабства. – Ты написал, чтобы изгнанников восстановить в правах? – Написал, чтобы никто не отправился в изгнание. – Разве ты не читал законы, которые это запрещали? – Я не мог, потому что их буквы загораживало выставленное оружие македонян (non poteram, propterea quod litteris eorum arma Macedonum opposita officiebant)».

Можно вспомнить и лукавый допрос, которому Сократ подвергнул своего обвинителя Мелета, – замечательный образчик сократовской иронии (Plat. Apol., 24c–28). По ходу диалога афинский мудрец, задавая своему оппоненту хитрые, с подковыркой, вопросы, ставит того в тупик и приводит к противоречивым утверждениям, над которыми потом насмехается: «Сократ нарушает закон тем, что не признает богов, а признает богов» (ἀδικεῖ Σωκράτης θεοὺς οὐ νομίζων, ἀλλὰ θεοὺς νομίζων – 27a). Мелет, конечно, был бы не прочь отказаться от этого вопроса, но, как указывает Сократ, закон повелевает отвечать на вопросы (25d). Конечно, пойти на такой диалог с противной стороной отваживался обычно тот, кто сам составлял свою речь; для тех, кто пользовался услугами логографов, был риск попасть впросак,<sup>1</sup> который, впрочем, останавливал не всех, как показывают вышеприведенные примеры из Лисия (XIII, XXII). Выспрашивание было не столько способом получить дополнительную важную информацию, сколько еще одной риторической улов-

<sup>1</sup> Впрочем, логограф мог проконсультировать своего клиента относительно технических приемов ex tempore.

кой, средством психологического воздействия на противника (смутить, сбить с толку) и на судей.

Судьи достаточно эмоционально реагировали на выступления сторон, прерывая их возгласами, свистом, криками одобрения и неодобрения.<sup>1</sup> Судейский шум (ὄρυβος) мог не только перебивать, но и заглушать слова тяжущихся (Dem., XIX, 23; 113), поэтому они призывали иногда судей «не шуметь» — μὴ θορυβεῖτε (Нур., I, fr. 2; Лус., I, 52; ср. Xen. Apol., 14). Приметный образ экспансивной по-южному, галдящей толпы заседающих афинян, будь то народное собрание, суды, театр, военный лагерь, рисует Платон: «... с превеликим шумом частью отвергают, частью одобряют чьи-либо выступления или действия, переходя меру и в том, и в другом; они кричат, рукоплещут, и вдобавок их брань или похвала гулким эхом отражается от скал в том месте, где это происходит, так что шум становится вдвое сильнее» (Rep., 492b–c — пер. А.Н. Егунова). В свою очередь, выступающие могли обратиться к судьям с вопросом, ожидая немедленного ответа и заранее просчитанной реакции, — как в известной речи Демосфена «О венке», когда оратор вопрошает, кем является его противник Эсхин, наймитом (μισθωτός) македонского царя или его ксеном (ξένος), а далее замечает: «Слышишь, что они говорят» (очевидно, судьи дружно возопили «наймит!») (XVIII, 52). В некоторых своих речах Демосфен (или его клиент) побуждает судей задавать вопросы противной стороне, требовать у неё предъявления каких-либо доказательств (документов, постановлений и проч.) (Dem., XX, 131; XXII, 40; XXIII, 219; XXVII, 51; XXXIII, 35–36 и т.д.) и даже не давать ей говорить (Dem., XIX, 75; XXIII, 219). Очевидно, умелый оратор был способен ловко манипулировать судейским шумом, используя его как элемент своей риторской стратегии.<sup>2</sup>

Поблизости от того места, где происходил суд, присутствовала (стояла) публика — просто зеваки и любопытствующие и, конечно, группы поддержки сторон. Ораторы обращаются к ним, как к περὶεστῆκοτες<sup>3</sup> («стоящие вокруг» — Aristoph. Acharn., 915; Aeschin., II, 5; III, 55–56; Dem., XVIII, 196; XIX, 309; XX, 165; Din., I, 66). Они могли слышать то, что происходило на заседании, и выражать криками одобрения или возму-

<sup>1</sup> См. подробное исследование судейского шума (ὄρυβος) с многочисленными примерами из источников в статье Виктора Берса: Bers V. Dikastic Thorubos // Cruik: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix / Ed. P. Cartledge and F.D. Harvey. L., 1985. P. 1–15.

<sup>2</sup> См.: Bers V. Op. cit. P. 8–9.

<sup>3</sup> В римской судебной практике присутствующая на суде публика называлась согона (Cic. Flac., 69; Brut., 289–290).

шения свое отношение к этому, создавая свой *όρος* (Dem., XX, 156; Dip., I, 30). В крайне редких, исключительных случаях, если присутствие публики было нежелательным, принимались особые меры. Со слов Поллукса известно, что при слушании дел, касающихся мистерий, натягивали веревочный барьер (*περισχοίοντα*) на расстоянии примерно 50 футов (15 м) от места судебного заседания, чтобы не дать возможность непосвященным слышать происходящее (Pollux, VIII, 123, 141). Особой популярностью у афинской публики пользовались процессы, на которых выступали знаменитые ораторы и политики. Так, Эсхин утверждает, что на процесс Ктесифонта («О венке») пришло огромное количество народу — и афинян, и греков из других городов (III, 56).

По предположению А. Ланни, согопа могла играть важную роль в подготовке к судейской работе тех, кто не достиг еще нужного возраста (30 лет)<sup>1</sup> и, так сказать, в повышении квалификации потенциальных судей: через лицезрение и выслушивание того, что происходило на судебных заседаниях, они постигали искусство судебной риторики, учились оценивать аргументацию, знакомились с какими-то законами и т.п. (ср. Lys., X, 15). Во всяком случае, политики (Lys., XXVII, 7), профессиональные риторы и изучающие ораторское мастерство регулярно посещали дикастерии: Эсхин в речи против Тимарха заметил, что сам он часто слушает речи в судах (I, 77), а его противник Демосфен привел на процесс своих учеников, чтобы они послушали его выступление (156). Сам великий вития еще мальчиком пробрался на процесс знаменитого в те времена политика Каллистрата (по делу об Оропе), и по словам херонейского биографа, на отрока так повлияла, с одной стороны, слава и восхищение, снисканные оратором, а с другой, — красота речи последнего, что именно с тех пор он твердо решил сделаться ритором, забросил все детские игры и стал предаваться упражнениям в произнесении речей (Plut. Dem., 5).

Иногда ораторы в судах адресовали публике вопросы (требующие, естественно не вразумительного ответа, а эмоциональной «шумовой» реакции), как, например, Динарх: «Может ли кто из вас [судей] или из стоящих вокруг (*τῶν περιστῆκόντων*) сказать, какие дела, частные или общественные, не погубил этот человек [Демосфен], как только принимался за них?» (I, 30 — пер. Т. Прушакевич). Выступавшие, обращая внимание на присутствие зрителей как на представителей «общественного мнения», пытались таким образом повлиять на судей, оказать на них

<sup>1</sup> Lanni A.M. Spectator Sport or Serious Politics? Oi periesthkotes and the Athenian Lawcourts // JHS. Vol. 117. 1997. P. 186.

давление.<sup>1</sup> «Сейчас вы выйдете из суда, и на вас будут смотреть стоящие вокруг чужестранцы и граждане. Они будут рассматривать каждого проходящего мимо мужа и догадываться по выражению лиц, кто же подал свой голос в оправдание Аристогитона... С каким лицом и какими глазами вы будете смотреть на каждого из них», — вопрошал судей Демосфен (XXV, 98 — пер. А.Я. Тыжова; ср. Aeschin., III, 247; Din., II, 19).

Тяжущиеся пытались во что бы то ни стало пробудить в судьях жалость и сочувствие (ἔλεος, οἶκτος), они апеллировали к их благосклонности и милости (εὐνοία) (Dem., XXVII, 68; Lys., I, 150). Особенно усердствовали обвиняемые: они могли выставить себя жертвами судебного преследования и уже в силу этого обстоятельства заслуживающими жалости (Ant., III, 2, 2; Lys., III, 48); кроме того, они рисковали гораздо большим в случае проигрыша, чем обвинители.<sup>2</sup> Ответчик ссылался на то, что выступает после обвинителя, который уже настроил против него дикастов (Lys., XIX, 11; Dem., XVIII, 6–7). Бывало, тяжущиеся претендовали на судейскую благосклонность из-за своей молодости или неопытности (Dem., XXVII, 3; XXXIV, 1; LVIII, 3), в другой раз они указывали на свой преклонный возраст (Ant., III, 2, 11) или престарелых родителей (Lys., XX, 35). Зачастую пускали в ход такое сильное средство воздействия на судейские эмоции, как слезы: рыдали тяжущиеся (Lys., XXVII, 12; Dem., XXX, 32; Din., I, 110),<sup>3</sup> их синегоры — друзья и земляки (Lys., XXVII, 12; Dem., XXXVII, 48), приведенные на процесс дети (Dem., XIX, 281).

Взывание к состраданию судей, сопровождающееся соответствующими жестами, мимикой, стенаниями, специально приведенной в беспорядок одеждой, «живыми картинками» (Aristot. Rhet., 1386a–b), как никакая другая составляющая часть процесса, театрализовывало судебное действо. Приводили рыдающих и умоляющих друзей, родственников и детей (τοὺς φίλους παρακαλεῖν καὶ τὰ παῖδια ἀναβιβάζεσθαι — Lys., XXVII, 12; Dem., XXI, 99, 186; XXV, 84; Hyp., IV, 41), как в пародийном

<sup>1</sup> Мнение А. Ланни о том, что присутствие зрителей было неформальной εὔνοια (формой отчета) для судей, своего рода общественным контролем, компенсировавшим неподотчетность дикастов (Op. cit. P. 189), кажется несомненным преувеличением: в конце концов, судейское голосование было тайным — в отсутствие поименных списков судьи могли чувствовать себя в полной безопасности.

<sup>2</sup> Статистику, сколько раз взывали к милосердию обвиняемые, сколько — обвинители (соотношение 10:1) — см.: Johnstone S. Disputes and Democracy. P. 111.

<sup>3</sup> Или их противники предупреждали судей, что такие рыдания возможны (Dem., XXI, 99, 186, 194–195; XXXVIII, 19, 27; XXXIX, 35; LIV, 43).

«собачьем процессе» у Аристофана. Защитник обвиняемого пса Лабета, Бделиклеон, пускает в ход *ultima ratio*: *О, пожалей же пса, молю тебя, отец! Не погуби его! Собачьи дети где?* [приносят щенят] *Несчастные, войдите. Умоляйте, просите, плачьте, визгом одолейте*» (Vesp., 975–978 — пер. Н. Корнилова). Интересно, что об умоляющих женщинах говорится гораздо реже, одно из редких — упоминание о несчастных «старухах матерях» в речи Демосфена против Аристогитона (XXV, 84), что очевидно, связано с намеренной удаленностью женщины от сферы публичного.<sup>1</sup> Ораторы в судебных речах избегали даже называть порядочных женщин по именам, идентифицируя их по родственникам-мужчинам; исключение составляли особы дурной репутации, те, кто был связан с противником по процессу, усопшие. Порядочная женщина появлялась в суде в исключительных случаях.<sup>2</sup> Известные нам случая женского присутствия в суде относятся к бывшей гетере Неэре (Dem., LIX, 115) и действующей Фрине (см. ниже).

Эсхин, отбиваясь от обвинений Демосфена в «предательском посольстве», выстроил на беме всю свою семью: «Со мной пришли к вам просители: мой отец — не отнимайте же надежду его старости! — мои братья, которые расставшись со мною вряд ли захотят жить, мои родственники и эти малые дети, еще не сознающие грозящих опасностей, но достойные жалости, если мне придется пострадать» (II, 179 — пер. С. Ошерова). Предвидя мольбы Эсхина, его неумолимый противник так готовил к ним судей: «Слезы он лить будет о самом себе, совершившем в посольстве такие дела, и, может быть, даже приведет и покажет вам своих детей; но вы, судьи, при виде его детей имейте в виду, что дети ваших союзников и друзей скитаются и бродят нищими, что они, терпя по его вине такие беды, куда больше заслуживают вашей жалости, чем дети отца — преступника и предателя» (Dem., XIX, 310 — пер. С. Ошерова). В тот раз судьи, несмотря на рациональные доводы жестокосердного Демосфена, проявили снисходительность к умоляющему Эсхину и незначительным большинством голосов оправдали его.

Вообще, обычная тактика обвинителей — не подвергать сомнению право судей на жалость, а указывать на то, что именно в данном случае

<sup>1</sup> См.: *Shaps D. The Woman Least Mentioned: Etiquette and Women's Names* // *ClQu.* Vol. 27 (n. s.). 1977. P. 323–330.

<sup>2</sup> С. Голдхилл предположил, что упоминание об упрашивающих старухах-матерях в речи против Аристогитона — риторическое преувеличение; плачущих женщин в отличие от детей в суд не приводили, и вообще женское участие в судебной процедуре было строго регулируемо и серьезно ограничено (*Goldhill S. Representing Democracy... P. 358–359*).

из-за особой злокозненности обвиняемого или тяжести (неслыханности) его преступления для сострадания нет оснований (Ant., I, 26; Dem., XXI, 100–101; XXV, 81–83; Din., II, 11; Лис., I, 141). Выигрышной для обвинителя была и антитеза жалость — общественные интересы. Ликург выражал надежду, что сострадание к обвиняемому Леократу и его слезы не окажутся для дикастов сильнее, чем «сохранение законов и демократии» (οὐ πλεον ἰσχύει παρ' ὑμῖν ἔλεος οὐδὲ δάκρυα τῆς ὑπὲρ τῶν νόμων καὶ τοῦ δήμου σωτηρίας — I, 150). Динарх, призывая судей не обращать внимания на рыдающего Демосфена, просит пожалеть страну, которую он как бы выводит на бему в качестве просительницы и истицы: «Это она взывает теперь к вам, возвращенным ею, и молит, поставив рядом с собой ваших детей и жен, чтобы вы покарали предателя» (I, 109 — пер. Т.В. Прушакевич). Троп «оставьте жалость» почти также часто использовался судебными ораторами, как «пожалейте».<sup>1</sup>

Несмотря на все ухищрения обвинителей, *argumentum ad misericordiam*, особенно подкрепленный видом рыдающих детей, был весьма действенным. Право на жалость и сочувствие дикастов обосновывалось не только и не столько предполагаемой невиновностью, а именно ссылками на неминуемые в случае обвинительного приговора страдания невинных домочадцев. «Мы видим, господа судьи, — говорит оратор в одной из речей Лисия, — что если подсудимый, приведя своих детей, плачет и жалуется, то вы жалеете детей... и прощаете проступки отцов ради детей» (XX, 34 — пер. С.И. Соболевского). Оратор одной из речей Демосфенова корпуса (предположительно, Аполлодор) утверждает, что отстаивающие свои права на имущество стараются раздобыть сирот, или дочерей-наследниц, или нуждающихся в пропитании и заботе престарелых матерей, чтобы пробудить в судьях сострадание и выиграть таким образом дело (Dem., LIII, 29).

Упрашивать начинали еще до открытия судебного заседания, на подходе к месту, где оно происходило. Для V в. до н.э. помимо комической сцены об обхаживании просителями Филоклеона в аристофановских «Осах» (Vesp., 552–556), есть свидетельство Псевдо-Ксенофонта: приехавшие в Афины на суд союзники молят и хватают за руку каждого входящего в дикастерии (I, 18). Во времена Демосфена, хотя порядок распределения судей по судам изменился и далеко не все, кто приходил с утра пораньше в здание суда, там оставались, практика обхажива-

<sup>1</sup> По подсчетам Рэйчел Стернберг призывы «оставить жалость» встречаются примерно в 19% дошедших до нас судебных речей, а зывания к жалости — в 21% речей. См.: Sternberg R.H. The Nature of Pity // Pity and Rower in Ancient Athens. P. 42.

вания потенциальных дикастов сохранялась. Об этом упоминает и Демосфен (XXI, 4 – намек на подобные действия со стороны Мидия; XIX, 1 – о сторонниках Эсхина, докучавших только что избранным судьям), и Эсхин (III, 1 – об уговорах «группы поддержки» Демосфена).

В недошедшей до нас комедии Посидиппа «Эфесянки» (нач. III в. до н.э.) неизвестная Фрина добивается своего оправдания, рыдая и хватая за руку каждого судью<sup>1</sup> (τῶν δικαστῶν καθ' ἕνα δεξιούμενῃ μετὰ δακρύων διέσωσε τὴν ψυχὴν μόλις — Athen., XIII, 591e–f). С этой прелестной гетерой связан еще один рассказ о психологической атаке на судейские эмоции. В биографии Гиперида из «Жизнеописания десяти ораторов» Псевдо-Плутарха сказано, что знаменитый оратор выиграл процесс своей возлюбленной, привлеченной к суду за святотатство, с помощью следующей уловки: он вывел её на середину, порвал её одежду, обнажив грудь, и когда судьи воочию убедились, как неотразимо прекрасна Фрина, они помиловали её (Morf., 849e). (В поздних риторических трактатах инициатива по обнажению прелестей приписывается самой гетере — например: Quintil. II, 15, 9; Sext. Emp. Adv. Math., 2, 4).

Афиней, более подробно пересказывающий эту же историю,<sup>2</sup> добавляет, что Гиперид при этом еще жалобно стenal, и что будто бы после этого случая было принято постановление, запрещающее ораторам стелания и плач перед судьями, а судьям — глядеть на обвиняемого или обвиняемую при голосовании (μηδὲνα οἰκίζεσθαι τῶν λεγόντων ὑπὲρ τινος μηδὲ βλέπεμεν τὸν κατηγορούμενον ἢ τὴν κατηγορούμενην κρίεσθαι — XIII, 590d–e). Существование подобной псефизмы сомнительно и не находит подтверждения в других источниках.<sup>3</sup> Не говоря о трудности претворения в жизнь такого постановления и о том, что взывание к судейскому состраданию посредством слезных просьб, — обычная риторская уловка (ἐπὶ τινος ἐλεεινοῦ σχήματος), едва ли демос в лице и дикастов и зрителей решился бы лишиться себя одной из главных услад афинского судебного процесса. Сама история, возможно,

<sup>1</sup> Заметим, что прикосновение к таким частям тела судьи, как колени, руки, подбородок, автоматически превращало мольбу в религиозный обряд. См.: Gould J. Hiketeia // JHS. Vol. 93. 1973. P. 76–77.

<sup>2</sup> Рассказ и Афиней, и Псевдо-Плутарха восходит к одному и тому же первоисточнику — биографу III в. до н.э. Гермиппу, который в свою очередь адаптировал повествование Идомена из Лампсак (около 300 г. до н.э.), называемое предположительно Περί τῶν Ἀθηνῶν δῆμαγωγῶν. См.: Cooper C. Hyperides and the Trial of Phryne // Phoenix. Vol. 49. № 4. 1995. P. 304–305.

<sup>3</sup> Раубичек считал, что декрет подлинный и предложен был самим Гиперидом (Raubitschek A.E. Phryne // RE. 1941. Hlbd. 39. Sp. 906–907).

и приукрашенная традицией,<sup>1</sup> стала любимым топосом в работах по риторике, на этом примере демонстрирующих, что искусство убеждения заключается не только в словесных, но и в некоторых других безотказно действующих аргументах «языка тела» (Quintil. II, 15, 9; Sext. Emp. Adv. Math., 2, 4; Philodem. Rhet., I, 20, 4).<sup>2</sup>

Обращение к судьям с мольбой и заклинаниями о жалости — обычный способ заканчивать речь (δέομαι, ἀντιβολέω, ἱκετεύω — например: Lys., IV, 20; VI, 55; XVIII, 27; XXI, 21; XXII, 21; Dem., XXVII, 68; XXXVIII, 28; XLIII, 49 etc.). Также в конце своего выступления истец или ответчик в последней попытке повлиять на исход голосования напоминали судьям почти всегда о справедливости и часто о законе, которыми они должны руководствоваться, как Мантифей, судившийся со своим сводным братом Беотом, в речи, написанной для него Демосфеном: «Поэтому я, опираясь на справедливейшие доводы (κατὰ τὴν δικαιοτάτην γνῶμην), на законы (τοὺς νόμους), на данную вами клятву (τοὺς ὅρκους), на признание другой стороны (κατὰ τὴν τοῦτου προσομολογίαν), обращаюсь к вам, афиняне, с умеренной и, думаю, справедливой просьбой...» (XXXIX, 41 — пер. Л.М. Глускина). Также: Ant., I, 31 — «вам надлежит судить по справедливости (πρὸς ὑμᾶς αὐτοὺς καὶ δικάζειν τὰ δίκαια); Lys., III, 46 — «вынесите справедливый приговор (τὰ δίκαια)»; Dem., XX, 167 — «то, что вы полагали справедливым, сохраните в душе и помните, пока голосуете (ἀλλ' ἂν δίκαι' ἐγνώκατε, ταῦτα φυλάξατε καὶ μνημονεύετε, ἕως ἂν ψηφίσῃσθε)»; XXI, 227 — «накажите этого человека [Мидия], как того требуют... благочестие и справедливость (τὴν ὁσίαν καὶ δίκαιαν)» — пер. В.Г. Боруховича; XXXIII, 38 — «вы решайте по справедливости в соответствии с законами (ὑμεῖς οὖν κατὰ τοὺς νόμους γινώσχετε τὰ δίκαια)»; XLVI, 28 — «накажите... ради вас самих, ради меня, ради справедливости и ради закона (τιμωρήσασθαι... ὑπὲρ τε ὑμῶν αὐτῶν καὶ ἐμοῦ καὶ τοῦ δικαίου καὶ τῶν νόμων)»; к справедливости оратор взывает в: XXXV, 56, XXXVI, 61; XXXVII, 60; XL, 61; XLVII, 82; XLVIII, 57; LII, 33; LIX, 126; Aeschin., III, 260 — «вынесите приговор, справедливый и полезный для государства» (τὰ δίκαια καὶ τὰ συμφέροντα ὑπὲρ τῆς πόλεως ψηφίσασθε).

Итак, в горьких словах Ксенофонта: «Часто судьи, раздраженные речью, выносят смертный приговор людям ни в чем не виновным; часто, напро-

<sup>1</sup> Крег Коопер полагает, что Идомений неправильно истолковал *perogatio* из речи Гиперида *Περὶ Φρόνης*: оратор вовсе не обнажал свою «подзащитную», а описывал её жалкое состояние в приведенной в беспорядок одежде, бьющей себя в грудь — в духе трагических героинь (Op. cit. P. 312–313).

<sup>2</sup> Эти и другие примеры см.: Cooper C. Op. cit. P. 313–314, 317–318.



тив, оправдывают виновных, потому что они своими речами разжалобят их, или потому, что они говорят им приятные вещи (πολλὰ κίς δὲ ἀδικούντας ἢ ἐκ τοῦ λόγου οἰκτίσαντες ἢ ἐπιχαρίτως εἰπόντας ἀπέλυσαν)» (Хеп. Apol., 4 – пер. С.И. Соболевского), – могла быть доля истины, особенно в отношении второй части реплики Гермогена. Ритуал упрашивания – не просто форма воздействия на судейские эмоции, но и форма донесения до судей определенной информации. Упрашивающий покорно вверял свою судьбу и подчинял себя тому (тем), к кому он взывал. Можно представить себе, что чувствовали судьи, в подавляющем большинстве своем люди самого простого звания, когда смиренным и униженным представал перед ним какой-нибудь афинский богач и бретер вроде Мидия (Dem., XXI, 186) или очаровательная (и весьма дорогая) гетера Фрина. Мольбы, просьбы, слезы – собственные и близких – принижали личность (особенно, когда эта личность была из элиты) и подчеркивали коллективное превосходство и коллективную власть народа в лице судей, и в этом смысле, они воспроизводили и умножали афинскую демократию: через раболепство тяжущихся демос осознавал свою власть.<sup>1</sup>

Не случайно Платон запретил в судах своего идеального государства «некрасивые мольбы» и «женские вопли» (Leg., 949b). В то же время его собрат по «философскому цеху» Аристотель часть своей «Риторики» посвятив анализу различных эмоций (гнев, страх, стыд, жалость и т.п.), в помощь ораторам уделил большое внимание жалости и средствам ее возбуждения (Rhet., 1385b–1386b). Этому же искусству, или точнее, технике вызывания сострадания, был посвящен не дошедший до нас трактат «Ἐλεοί» софиста и ритора Фрасимаха из Халкедона (конец V в. до н.э.), одного из собеседников Сократа в платоновском «Государстве».<sup>2</sup>

Сознательное отступление от общепринятого жанра судебных речей могло дорого обойтись ответчику. Пример – Сократ, который в своей речи<sup>3</sup> несколько раз «дразнил» публику, заступая в традиционное поле, а затем быстро покидая его: начав с обычных заверений, что он простой афинянин, в судах не выступал, речам соответствующим не обучен (Plat. Apol., 17a–d), он далее вместо того, чтобы уповать на народную, стал восхвалять собственную мудрость (20d–21e), подчеркивая свое превосходство над согражданами. Вместо того, чтобы приписать выдвинутые против него обвинения злокозненности и продажности

<sup>1</sup> См.: Johnstone S. Disputes and Democracy. P. 110, 122–125.

<sup>2</sup> См.: Sternberg R.H. The Nature of Pity. P. 41.

<sup>3</sup> Естественно, в том виде, в котором она изложена в «Апологии Сократа» Платона.

обвинителей, он напомнил судьям о всеобщем и несправедливом предубеждении против него (19b–e, 28a–b), тем самым поставив под сомнение коллективную *σωφροσύνη* (здравомыслие).<sup>1</sup> Наконец, он заявил, что справедливый человек, занимаясь государственной деятельностью, в Афинах долго не проживет, ибо за критику беззаконий неминуемо поплатится жизнью (31e–32a), и противопоставил свое поведение в деле стратегов-победителей безрассудству демоса, судившего незаконно и вопреки справедливости (32b–d). Вместо того, чтобы просто сказать «я не стал приводить трех моих сыновей», он объяснил судьям, что те, кто уповает на их жалость, упрашивает и умоляет [т.е. большинство, если не все тяжущиеся – *Т.К.*], поступают бесчестно и позорят город (*αἰσχύνει τῇ πόλει περιίπτειν*), ибо увидев такое слезное представление, «какой-нибудь чужеземец может заподозрить, что у афинян люди, которые отличаются доблестью и которых они сами выбирают на главные государственные и прочие почетные должности, ничем не отличаются от женщин» (34c–35b – пер. М. Соловьева)<sup>2</sup>. Еще более серьезный аргумент: судья «клялся не в том, что будет прощать того, кто ему угоден, но что будет судить по законам» (*ὁμώμοκεν οὐ χαριεῖσθαι οἷς ἂν δοκῇ αὐτῷ, ἀλλὰ δικάσειν κατὰ τοὺς νόμους*), и если бы Сократ попытался известными способами вызвать у дикастов жалость, это означало бы, что он побуждает их нарушить присягу (35c–35d). Такую пощечину устоявшейся практике афинские судьи не простили, и в своем последнем слове, объясняя причины обвинительного приговора, Сократ утверждал, что осужден он потому, что не пожелал сказать судьям то, что им «всего приятнее было бы слышать, вопия, рыдая и говоря... еще многое недостойное» его – все то, что дикасты привыкли слышать от других (38d–e – пер. М. Соловьева).<sup>3</sup>

Так описывает поведение Сократа на суде Платон. Ему вторит другой ученик афинского мудреца – Ксенофонт: «Когда Сократ был при-

<sup>1</sup> Подробный разбор такого рода провокаций в апологии Сократа – см. Ober J. *Political Dissent in Democratic Athens*. P. 166–179.

<sup>2</sup> Очевидно, высоко ценя поведение Сократа на суде, Платон и запретил в своем идеальном государстве «постыдные мольбы» и «женские вопли» (*μήτε ἱκετείας χρῶμενον ἀσχημόσιν μήτε οἴκοις γυναῖκεσις* – Leg., 949b).

<sup>3</sup> Речь Исократ «Об обмене имуществом» тоже грешит отступлениями от общепринятых клише, а местами явно имеет аллюзии, указывающие на платоновскую «Апологию» (32 – Apol. 18a–b; 33–35 – Apol. 33d; 95 – Apol. 36d–e; 321 – Apol. 34c–d и т.д. – см.: Ober J. Op. cit. P. 260–261). Но, как известно, эта речь – литературная фикция и никогда не произносилась в суде: никакого обвинения с требованием смертной казни никакой «Лисимах» против ратора не выдвигал.

влечен к суду Мелетом, он не захотел прибегнуть к обычным в дикастериях вещам – говорить судьям приятное, льстить, просить вопреки законам<sup>1</sup> (τῶν ἄλλων εἰωθότων ἐν τοῖς δικάστηρίοις πρὸς χάριν τε τοῖς δικάσταῖς διαλέγεσθαι καὶ κολακεύειν καὶ δεῖσθαι παρὰ τοὺς νόμους... οὐδὲν ἠθέλησε), хотя из-за таких уловок многие часто оправдываются дикастами (καὶ διὰ τὰ τοιαῦτα πολλῶν πολλὰκις ὑπὸ τῶν δικάστων ἀφιεμένων); но Сократ, которого судьи оправдали бы без затруднения, если бы он хоть в малой степени воспользовался этими средствами, предпочел соблюдать законы и умереть, чем преступать их и жить (προεἶλετο μάλλον τοῖς νόμοις ἐμμένων ἀποθανεῖν ἢ παρανομῶν ζῆν)» (Мет., IV, 4, 4 – пер. С.И. Соболевского, с нашими изменениями).

Подводя итоги, заметим. Главные действующие лица судебного разбирательства не стремились к прояснению технических деталей законов, уточнению правовых норм и отрицанию или утверждению правомерности их отнесения к разбираемому делу. Изложение тяжущимися материала дела и аргументация строились таким образом, чтобы максимально учитывать нормы, ценности, взгляды, предрассудки, верования, принятые в афинском обществе, поэтому такое важное место в речах сторон занимали соответствующие топосы.<sup>2</sup> Видимо, и от судей стороны ожидали, что при вынесении приговоров они, особенно не вникая в тонкости законов и формальности права, будут оценивать участников тяжбы и её предмет с точки зрения общественной морали, политических пристрастий и социальных предпочтений. (Так ли это, или нет, мы попробуем разобраться в следующем параграфе.) В этом – одно из принципиальных отличий афинского судебного процесса от современной системы судопроизводства.

#### **§ 4. Голосование: чем руководствовались афинские судьи, вынося приговор**

Когда точно было введено секретное голосование, источники умалчивают; по предположению современных исследователей, это произош-

<sup>1</sup> В суде Ареопага действительно запрещалось воздействовать на судей мольбами и слезами, в гелизе, в которой судили философа, – нет, но, может быть, Сократ видел тут противоречие духу законов, закону нравственному. См. Соболевский С.И. Примечания // Ксенофонт. Сократические сочинения. С. 382.

<sup>2</sup> См.: Cohen D. The Rule of Law ... // AD. P. 243.

ло вскоре после реформы Эфиальта, между 462 и 458 гг.<sup>1</sup> Где-то между 405 г. и серединой IV в. до н.э. изменилась процедура голосования, и вместо прежнего камешка стали использоваться диски двух видов (IG II<sup>2</sup>, 1641, 25–33; Aeschin., I, 79).<sup>2</sup> Судьи выносили решение сразу же после произнесения речей сторонами, без всякого обсуждения или промедления; обмен мнений считался нежелательным (Aristot. Pol., 1268b8–11). Когда прения сторон заканчивались, те судьи, кому выпало по жребию состоять при баллотировочных «камешках» (λαχόντες ἐπὶ τὰς ψήφους), выдавали своим коллегам два бронзовых диска около 5 см в диаметре, через центр которых проходило что-то вроде короткой трубочки, у одного – просверленная (с дыркой), у другого – цельная (Aristot. Ath. pol., 68, 2).



Это и были «камешки» (ψήφοι) – сохранившееся название напоминало о том, что когда-то при голосовании использовались настоящие камни. Судьям вручали также еще один жетон (σύμβολον), то ли вместо того, который они получили при входе, то ли вместо своего посоха – в тексте здесь лакуна, и её разные исследователи восстанавливают и толкуют по-своему.<sup>3</sup> По этому жетону после голосования дикасты получали свои долгожданные три обولا.

Итак, глашатай объявляет о том, что просверленный «камешек» (τέτρυπμένη) – за истца, цельный (πλήρης) – за ответчика, и начинается голосование (Aristot. Ath. pol., 68, 4; Aeschin., I, 79). Для голосования используются две амфоры – бронзовая (κύριος ἀμφορεύς, т.е. главная амфора) и деревянная (ἄκυρος ἀμφορεύς). Бронзовый сосуд покрыт чем-то вроде крышки с дыркой, куда можно протолкнуть только один диск, – как объясняет Аристотель, чтобы никто не кинул оба (Ath. pol., 68, 3). В бронзовую амфору судья кидает «камешек», выражающий его приговор, а в деревянную – оставшийся. При этом судья держит свои диски за трубочку, так что никому со стороны не видно, каким именно диском он голосует. Служители высыпают содержимое главной амфоры на спе-

<sup>1</sup> См.: Boegehold A.L. Towards a Study of Athenian Voting Procedure // Hesperia. V. XXXII. 1963. P. 366–374.

<sup>2</sup> См.: Boegehold A.L. The Lawcourts at Athens. P. 21.

<sup>3</sup> См.: Rhodes P.J. A Commentary... P. 730–731.

циальную счетную доску (ἄβαξ, или ἀβάκιον) с углублениями, в которые вставляются своими трубками диски. Глашатай объявляет победителя. Как и прежде, в случае равенства голосов, обвиняемый оправдывается (Aristot. Ath. pol., 69, 1).

Процессы делились на такие, в которых наказание (τίμνη) было предусмотрено в существующих законах (постановлениях) или было оговорено заранее, в том числе по предварительному соглашению между сторонами (ἀγῶνες ἀτίμητοι), а также на такие, в которых наказание назначал суд (ἀγῶνες τιμητοί). Вариантом первого рода процессов являлись случаи, когда наказание было определено частично, и по требованию одной из сторон, после специального голосования, суд налагал дополнительное наказание (προστίμνη) (Lys., X, 16). В процессах второго рода (ἀγῶνες τιμητοί) после голосования по вердикту, если он был обвинительный, проходило второе голосование относительно наказания (будет ли оно телесным или денежным – τιμᾶν ὃ τί χρῆται πεθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι)<sup>1</sup> и его меры (Aristot. Ath. pol., 69, 2). Судьи, которые в этот раз могли совещаться, должны были выбирать между наказанием, предлагаемым истцом (τίμησις) и ответчиком (ἀντιτίμησις). И тот, и другой произносили короткие речи. Обвинитель опять говорил первым, обосновывая свое предложение. Обвиняемый, естественно старался его смягчить, но ему было невыгодно просить для себя слишком маленькое наказание, потому что раздосадованный суд в этом случае мог пойти на поводу у обвинителя. В IV в. вторично судьи голосовали таким же образом, как и в первый раз, а в V в. они проводили на навощенной табличке (πίνακιον τιμητικόν) короткую или длинную черту, в зависимости от того, поддерживали ли они более мягкий или суровый вариант приговора (Aristoph. Vesp., 106; schol. in Aristoph. Vesp., 106, 167).

Самый известный пример ἀγῶν τιμητός – процесс Сократа (Plat. Apol., 36–38). Как известно, обвинители требовали смерти, а философ иронически предложил судьям «наказать» его бесплатным обедом в Пританее, т.е. самой большой привилегией, которой награждались, например, олимпийцы (Plat. Apol., 36d). И хотя в конце своей речи, уступая просьбам друзей, Сократ согласился на штраф в 30 мин (Plat. Apol., 38b)<sup>2</sup>, судьи отреагировали на его неслыханную дерзость и согласились

<sup>1</sup> См.: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 930.

<sup>2</sup> Этот факт показывает, что ответчик мог изменить предлагаемое наказание, если первый вариант оказывался неприемлемым. Из слов Аполлодора (Dem., LIII, 18), следует, что истец мог поступать аналогичным образом: оратор утверждает, что судьи уже склонялись к смертному приговору, но он пожалел своего противника Арефузия и согласился на предложенное им наказание в один талант.

на смертный приговор гораздо большим количеством голосов, чем получил обвинительный вердикт (360 за смерть против 280 (281) за виновность — Plat. Apol., 36a; Diog. L., II, 41).

Процесс Сократа лег пятном на афинское правосудие и скомпрометировал афинскую демократию, как ни пытались её современные апологеты объяснить и оправдать действия гелиастов, кидавших свои «обвинительные камешки». Этот процесс, как впрочем и многие другие, выявляет, пожалуй, главное отличие афинского судопроизводства от современного. Вопрос, который решали для себя дикасты, был не столько: «Совершил ли этот человек то, в чем его обвиняют, или нет?», — сколько: «Как следует поступить с человеком, обвиняемым в данном правонарушении?»<sup>2</sup> Гелиэя представляла собой суверенный афинский народ, именно он был источником закона, он мог простить или покарать за его нарушение. Не отыскание истины — главная цель судебного разбирательства, а реализация права миловать просящего или того, кого гелиасты сочтут достойным, и демонстрация карательной силы демоса в отношении того, кто своими действиями или поведением вызвал его недовольство.

В одной из своих речей Демосфен призывал афинских судей: «судите по делам, на основании того, что знаете сами, не обращайтесь ни на мои слова, ни на его [Эсхина — Т.К.], ни на свидетелей (ἀλλὰ δ' ἄφ' ὧν ἴστ' αὐτοὶ τὰ πράγματα κρῖναι, μὴ τοῖς ἑμοῖς λόγοις μηδὲ τοῖς τοῦτου προσέχειν, μηδέ γε τοῖς μάρτυσιν)» (XIX, 216 — пер. С. Ошерова, с некоторыми изменениями); и далее — «вам не ораторов и не речи судить подобает (οὐδὲ γὰρ ῥητόρων οὐδὲ λόγων κρίσιν ἡμᾶς... προσήκει ποιεῖν)» (217). Последнее пожелание — явно из числа «*piogium desiderium*» (благих пожеланий), судя по тому, каких высот достигло в позднеклассических Афинах судебное красноречие и с каким виртуозным мастерством и тщанием судебные ораторы составляли речи, Демосфен в первых рядах. Но все же, отталкиваясь от слов великого оратора, зададимся вопросом: действительно, на основании чего выносили дикасты свое решение (κρίσις), чему следовали они, голосуя за обвинительный или оправдательный вердикт?

Дошедшие до нас судебные речи показывают, что судьи, отдавая свой голос, руководствовались как правовыми, так и внеправовыми (в англоязычной литературе — *extralegal*, в немецкой — *außerrechtlich*) критериями.<sup>2</sup> Речи сторон зачастую готовили их именно к последнему:

<sup>1</sup> Так формулирует эти вопросы К. Довер: *Greek Popular Morality...* P. 292.

<sup>2</sup> См.: *Adkins A.W.H. Moral Values...* P. 201–203; *Hardcastle M. Some Non-legal Arguments in Athenian Inheritance Cases // Prudentia. Vol. 12. 1980. P. 11–22; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 177–178, 316; Cohen D. Law,*

призывая на помощь себе *ἔθος* и *πάθος*, судебное красноречие пыталось задеть судей за живое, пробудить в них чувство и сочувствие. Готовность судей принимать во внимание внеправовые соображения объяснялась и устоявшимся мнением о том, что законами можно злоупотреблять и исказить их.<sup>1</sup> Имели, конечно, значение излагаемые сторонами (в выгодном для каждой свете) факты, а также ссылки на закон, случилось и так, что спор шел вокруг даже не сути, а буквы закона. Например, оратор из десятой речи Лисия привлек Феомнеста к суду за оскорбление словом (*κακῆγορία*), так как тот заявил, что он (оратор) убил своего отца; защиту свою ответчик построил на том, что закон наказывает за употребление слова «человекоубийца» (*ἀνδροφόνος*), а он запрещенных слов (*τὰ ἀπόρητα*) не произнес. В качестве правового аргумента фигурировал и почтенный законодатель (чаще всего Солон), которому приписывался соответствующий закон (e.g. Dem., XX, 90; XXII, 25, XXIV, 142); причем личность его использовалась не столько для того, чтобы подчеркнуть справедливость закона, сколько для того, чтобы прояснить, истолковать (в выгодном для себя свете) его содержание.<sup>2</sup> Взывая к авторитету законодателя, оратор увиливал от дотошного внимания в суть закона.<sup>3</sup>

Однако не толкование законов или юридические доктрины были главными. Интересно, что Аристотель в своей «Риторике» хотя и обсуждал соотношение правовой аргументации и справедливости в судебном красноречии (например, 1373b–1375a20), однако большее внимание уделил необходимому для последнего *τοπος*, не имеющим ничего общего с законом. Так, вторая книга посвящена в основном чувствам (страстям), которые оратор должен внушить аудитории, и манере его выступления. К внеправовым аргументам, к которым так умело прибегали прошедшие риторскую выучку ораторы, относятся все те бесконечные излияния тяжущихся об их личных качествах, достоинствах, заслугах перед семьей, родом и отечеством, о которых говорилось выше, и в подтверждение которых также призывались свидетели, как и для под-

---

Violence... P. 61; *Carey Ch.* Nomos in Attic Rhetoric and Oratory. P. 43; *Christ M.R.* The Litigious Athenian. P. 40; *Lanni A.M.* Relevance in Athenian Courts // CCAGL. P. 112–128. Признает наличие таковых (скрепя сердцем и преимущественно в политических процессах) Г. Мейер-Лаурин (*Meyer-Laurin H.* Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 34).

<sup>1</sup> Об этом — подробнее см. в гл. VII.

<sup>2</sup> О личности законодателя как о правовом аргументе — см.: *Johnstone S.* Disputes and Democracy. P. 26–33 (с многочисленными примерами); *Thomas R.* Law and Lawgiver in the Athenian Democracy // RFP. P. 119–133.

<sup>3</sup> *Thomas R.* Op. cit. P. 130.

тверждения фактов дела. Стороны старались показать и доказать, что они разделяют те знания и ценности, которыми обладали судьи как простые граждане. Для тяжущихся возвысить собственную репутацию в глазах судей и очернить противника — не менее важное дело, чем доказать чужую или опровергнуть свою вину.

Лисий, призывая судей принимать во внимание такого рода соображения, ссылается на устоявшуюся в дикастериях практику: «[Бывало], когда неких, привлеченных к суду, полагали виновными, но они, выставляя на показ доблести предков и свои собственные благодеяния, получали от вас прощение (ἦδη... τινὲς εἰς κρίσιν καταστάντες ἀδικεῖν μὲν ἔδοξαν, ἀποφαίνοντες δὲ τὰς τῶν προγόνων ἀρετὰς καὶ τὰς σφετέρας αὐτῶν εὐεργεσίας συγγνώμης ἔτυχον παρ' ὑμῶν). Поэтому, тогда как вы внимаете ответчикам, если оказывается, что они сделали что-то хорошее для полиса, то вам подобает прислушиваться и к обвинителям, если они показывают, что обвиняемый издавна был негодяем» (XXX, 1). В той же речи (против Никомаха) обвинитель, риторически вопрошая судей, перечисляет те причины, по которым они могли бы оправдать подсудимого (естественно, в данном случае он их не обнаруживает): (26) «За что же оправдать Никомаха? Может быть за то, что он выказал храбрость в сражениях с врагами и участвовал во многих битвах на суше и на море... Или, может быть, за то, что он давал деньги и делал много пожертвований?... (27) Или, может быть, за предков? Ведь и за это некоторые получали от вас снисхождение (ἦδη γὰρ τινὲς καὶ διὰ τοῦτο συγγνώμης ἔτυχον παρ' ὑμῶν)<sup>1</sup> ... Или, может быть, за то, что если теперь вы пощадите его, то в будущем он воздаст вам должную благодарность (ἀποδώσει τὰς χάριτας)?» (пер. С.И. Соболевского). Заметим, что все эти и подобные им обстоятельства рассматривались не как смягчающие вину обвиняемого, а как снимающие её, гарантирующие в той или иной степени оправдание.

Судьи могли оправдать обвиняемого или смягчить наказание из жалости и сострадания, откликаясь на его слезы, мольбы или проникшись сочувствием при виде его близких, прежде всего детей, которых, как уже было сказано, ответчики частенько приводили с собой в суд (Хен. Apol. 4; Лys., I, 33; etc — см. § 3); жалость могла перевешивать соображения законности и справедливости приговора (Lys., XX, 34; Dem., XXXVIII, 20). В упомянутой выше речи Лисия «Против Феомнеста» сказано, что на состоявшемся ранее судебном процессе по обвинению Феомнеста в том, что тот бросил щит в сражении, судьи его пожалели,

<sup>1</sup> Такое же утверждение о том, что судьи проявляют снисходительность и оправдывают обвиняемого из-за заслуг предков — см.: Lys., XIV, 18.



невзирая на его вину (οὗτος οὖν ἔνοχος μὲν τῇ αἰτίᾳ... οὐ μόνον ὑφ' ἡμῶν ἡλεήθη – Х, 22).<sup>1</sup> Примечательно здесь то, что «пожалели» (ἡλεήθη) употреблено именно в смысле «оправдали». Демосфен утверждает, что афинянам вообще свойственна жалость к слабым (XXIV, 171 – ср. XXII, 57; XXV, 21), и даже вынося приговор о конфискации имущества, дикасты из сострадания оставляют какую-то его часть жене и детям осужденного (XXVII, 65). Последнее утверждение не обязательно истинное, но главное здесь то, что оратор счел его приятным для судейских ушей.<sup>2</sup>

Можно предположить, что судьи столь охотно брали в расчет вышеперечисленные внеправовые критерии при вынесении приговора, так как возможности установить истину, понять была ли вина (преступление) и в чем она (оно) состояла, были у них весьма ограничены. Время процесса кратко; само разбирательство сводится к выслушиванию двух речей – истца и ответчика – и как из риторической паутины пафоса, искажений, фальсификаций, полуправды, лжи, вероятности, общих мест извлечь факты и понять, что в действительности произошло? Перекрестного допроса свидетелей или сторон нет; показания свидетелей часто к сути дела не имеют отношения, а нередкое лжесвидетельство еще более сбивает с толку; доказательства малочисленны или ненадежны, никакой экспертной оценки их не существует; методы расследования преступления в зачаточном состоянии; возможности и времени для изучения материалов дела, совещания, обмена мнениями у судей-присяжных не существует.<sup>3</sup> При таких обстоятельствах первейшее значение для дикастов приобретал поиск ответа на вопрос: «Какая из двух сторон может быть права?»<sup>4</sup> Не оценив личность и жизнь тяжущегося, его поведение на суде, его окружение и семью, – найти правильный ответ на этот вопрос было невозможно. Не случайно Эсхин, желая показать, что значит правильное судейство, приводит такой отрывок из трагедии Еврипида «Феникс»:

Судьей неоднократно избирался я  
И отмечал, что на одно и то же взгляд

<sup>1</sup> «Не только пожалели» (οὐ μόνον ὑφ' ἡμῶν ἡλεήθη), потому что далее сказано, что судьи подвергли атимии свидетельствовавшего против Феомнеста Дионисия (ἀλλὰ καὶ τὸν μαρτυρήσαντα ἡτίμωσεν).

<sup>2</sup> См.: *Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 200.*

<sup>3</sup> На эти особенности афинского судебного процесса, которые не могли не затруднять установление истины, обращают внимание: К. Довер (*Greek Popular Morality... P. 294*), Э. Рушенбуш (*Δικαστήριον πάντων κύριον. S. 262*) и больше всего, пожалуй, Д. Коэн (*Law, Violence... P. 105, 107, 130*) и Г. Тюрп (*Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? S. 324–326*).

<sup>4</sup> *Dover K.J. Ibid.*

Совсем не сходен часто у свидетелей.

Так вот, как всякий мудрый человек, и я,

Чтоб истину установить, смотрю теперь

На образ жизни и на человека нрав.

(fr. 809, A. Nauck – пер. Э.Д. Фролова)

Замечено было, что словно в спортивном состязании, судьи были более благосклонны к победителю в прошлом, и такой участник тяжбы имел больше шансов на победу<sup>1</sup>, напротив, проигравший один процесс, рисковал неудачей в следующем (Lys., III, 20). Как и в любом агоне, в судебном многое зависело от Случая: «скорее по удаче, чем по справедливости вершится у вас правосудие» (τύχη μᾶλλον ἢ τῷ δίκαιῳ κρίνεται τὰ παρ' ἡμῖν – Isocr., XVIII, 10). Схватка между ответчиком и истцом носила ярко выраженный индивидуализированный характер, и агональная природа гораздо сильнее проступала в афинском процессе, чем в современном, в котором обвиняет не личность, а государство.<sup>2</sup> Если обвиняемый был стратегом или видным ритором (политиком), суд порой преображался в собрание – судебское голосование одновременно демонстрировало политические симпатии судей, их согласие или несогласие с проводимой политикой, признание лидерства за тем или иным политиком.<sup>3</sup> Поражение в суде в этом случае было политическим проигрышем; недаром после разгромного поражения в процессе о венке Эсхин навсегда покинул родной город.

В наших источниках встречаются намеки или даже указания на то, что вынося обвинительный вердикт, судьи руководствовались и соображениями выгоды и пользы – συμφέρον (λυσίτελον) τῇ πόλει. Еще Псевдо-Ксенофонт утверждал, что афинский демос в судах больше заботится не о справедливости, а о своей выгоде (ἐν τε τοῖς δικαστηρίοις οὐ τοῦ δίκαιου ἀντὶ τοῦ μᾶλλον μέλει ἢ τοῦ αὐτοῖς συμφέρου – I, 13). Но если эту реплику можно списать на счет злоязычности «Старого олигарха», то от похожих по сути, но не столь категоричных, может быть, по форме высказываний в речах судебных ораторов так просто не отделяться.

<sup>1</sup> См.: *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. P. 63–64, 68.

<sup>2</sup> Об агональной природе афинского судопроизводства в современной литературе подробнее всего см.: См.: *Gernet L.* Droit et société dans la Grèce ancienne. P. 63–65; *Cohen D.* Law, Violence... Passim. Также: Зайцев А.И. Культурный переворот... С. 163; *Loraux N.* The Divided City: on Memory and Forgetting in Ancient Athens. N.Y., 2002. P. 233–235; *Hesk J.* The Rhetoric of Anti-rhetoric... P. 219.

<sup>3</sup> См.: *Glotz G.* The Greek City and its Institutions. P. 252; *Christ M.R.* The Litigious Athenian. P. 42; *Cohen D.* Op. cit. P. 185.

В процессах, в которых тяжущиеся выдвигали претензии на владение той или иной собственностью (или им угрожала её потеря), они указывали, например, на то, что если судьи оставят поместье в их руках (или вернут собственность), они будут управлять им в их интересах (идентифицируя судей с демосом) и еще с большим рвением будут выполнять литургии (Lys., XIX, 61–62; Is., VI, 61; ср. Is., IV, 27–29; V, 36–42; Dem., XXVIII, 24). В одной из речей Лисия анонимный обвиняемый рассуждает следующим образом: «Если вы последуете моему совету [т.е. приговор будет оправдательным и имущество не будет конфисковано – Т.К.], то и решение постановите справедливое, и свою выгоду соблюдете (τὰ λυσιτελοῦντα)... Следует считать самым верным доходом государства имущество лиц, готовых исполнять литургии... Я думаю, вы все понимаете, что я буду у вас гораздо лучшим управляющим своего состояния, чем управляющие у вас государственным хозяйством. А если вы сделаете меня бедным, то и себе повредите; а другие поделят между собой и это, как и все другое» (XXI, 12–14 – пер. С.И. Соболевского). В речи против Алкивиада Младшего из корпуса Лисия прямо говорится: «Вы, судьи, оправдали некоторых, хотя и полагали их виновными, думая, что в будущем они окажутся вам полезными (οἰόμενοι δ' εἰς τὸ λοιπὸν χρησίμους ἡμῖν ἔσσεσθαι)», – а далее оратор вопрошает по поводу своего противника: «Так есть ли какая-то надежда, что государство получит от него что-то хорошее (τίς οὖν ἐλπὶς ὑπὸ τοῦτου τί ἀγαθὸν πείσσεσθαι τὴν πόλιν)?» (XIV, 43). Пользы никакой не будет, ибо Алкивиад – человек безнравственный, «труслив, *беден* [курсив наш. – Т.К.], ни на что не способен» (δειλὸς ὢν καὶ πένης καὶ πρᾶττειν ἀδύνατος – 43–44), т.е. ни эффективной общественной службы, ни щедрых литургий от него ждать не приходится. Эсхин призывает судей проголосовать так, как того требует справедливость (δίκαια), клятвы (εὐορκία) и польза (συμφέροντα) – «и для вас самих и для всего государства» (ἡμῖν αὐτοῖς... καὶ πάσῃ τῇ πόλει – III, 8; также III, 260). Довод о пользе, на котором настаивали некоторые участники тяжбы, очевидно, производил впечатление на судей (Dem., XXIII, 100–101), и под «справедливым» вердиктом разумелся «выгодный».<sup>1</sup>

В некоторых случаях меркантильная основа судебных решений проступает особенно отчетливо, хотя в ином, чем в предыдущем абзаце, ключе, что дает повод поставить проблему так называемых конфискационных приговоров, – в этом случае «польза» (συμφέρον), несомненно, расходилась со «справедливостью» (δίκαιον). Так, Лисий, в речи против Никомаха (примерно 399 г.) говорит: «Когда у Совета есть деньги

<sup>1</sup> См.: Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 309–310.

для управления, он не прибегает ни к каким предосудительным мерам; а когда попадает в безвыходное положение, то бывает вынужден принимать исангелии, конфисковать имущество у граждан и склоняться на самые скверные предложения ораторов» (XXX, 22 – пер. С.И. Соболевского). В другой речи (против Эпикрата, предположительно начало 80-х гг.) сказано: «Когда они [Эпикрат и бывшие с ним послы, которых оратор выдает за сикофантов – *Т.К.*] добивались чьего-нибудь осуждения незаконным образом (*ὁπότῃ βοῦλοιντό τινα ἀδίκως ἀπολέσαι*), они заявляли, как вы [т.е. судьи – *Т.К.*] много раз слышали, что если вы не осудите тех, кого они велят (*ὅτι, εἰ μὴ καταψηφιεῖσθε ὧν αὐτοὶ κελεύουσιν*), то не хватит денег на жалование вам (*ἐπιλείψει ὑμᾶς ἡ μισθοφορά*)» (XXVII, 1 – пер. С.И. Соболевского). В речи в защиту имущества Аристофана (конец 388 или начало 387 г.) ответчик сокрушается о том, что «трудно защищаться ввиду мнения, которое составили себе некоторые о состоянии Никофема, и ввиду теперешнего недостатка средств у государства» (XIX, 11). Демосфен в Четвертой филиппике также свидетельствует о тяге судов к обвинительным приговорам, когда в государстве финансовые затруднения (X, 44–45). В речи «О делах в Херсонесе» он говорит, что народу любезен тот, кто привлекает граждан к суду и отбирает их имущество в казну (т.е. предлагает конфискационный приговор) (VIII, 69).

Правда, Гиперид в речи «За Евксениппа» вроде бы выражает гордость за бескорыстие афинских судей и приводит конкретные примеры одного (IV, 33–36). Некий Тисид заявил, что поместье Евфикрата, стоящее более 60 талантов, подлежит конфискации как якобы общественная собственность, а после этого пообещал выдвинуть аналогичную претензию к поместьям Филиппа и Навсикла, утверждая, что они приобрели имущество благодаря разработке незарегистрированных рудников; суд же лишил лживого обвинителя гражданских прав, не дав ему пятой части голосов (34). Или: Лисандр притяжал на рудник богача Эпикрата и пообещал добыть таким образом для города 300 талантов, но судьи не поддались на посулы обвинителя, следовали только справедливости и оставили рудник в частной собственности (35–36).

Но и в этой благостной картине можно уловить горький подтекст. Гиперид возмущается тем, что обвинитель, дабы повлиять на судей, выпячивает богатство ответчика Евксениппа: «Большое ли состояние у Евксениппа или малое — это, разумеется, не имеет никакого отношения к этому процессу, но говорить это — злонамеренно создавать у судей несправедливое предубеждение (*τοῦ δὲ λέγοντος κακοῦθια καὶ ὑπόληψις εἰς τοὺς δικάστας οὐ δικάια*), чтобы они вынесли решение на основании не самого дела, а чего-то другого, независимо от того, провинился ли

в отношении вас подсудимый или нет» (32 — пер. Л.М. Глускиной, с нашими изменениями). Из слов оратора вытекает, что большое состояние обвиняемого могло превратиться для него в «отягчающее обстоятельство»; злокозненные обвинители ловко этим пользовались; а настроенные ими соответствующим образом судьи могли рассматривать богатство ответчика как аргумент (по крайней мере, один из аргументов) в пользу обвинительного приговора.<sup>1</sup> Очевидно, этот пассаж можно истолковать в том духе, что печальные прецеденты, когда судьи руководствовались соображениями наживы от конфискационных приговоров, все же имели место. Далее оратор еще более откровенен: он указывает на выгоду в долгосрочной перспективе (возрастут доходы города), которую получит демос от успешных подрядчиков рудников, по сравнению с кратковременной и бесчестной прибылью от поддержки сикофантских исков против богачей (36–37). Кстати, аналогичный довод использует и Демосфен: в иске в защиту Формиона он убеждает судей, что выгоднее оставить имущество в умелых руках хозяина, чем отдать на разор (XXXVI, 58). Наконец, если восхваление альтруизма афинских присяжных у Гиперида принять за чистую монету, то примирить его с противоречащими ему утверждениями других ораторов можно лишь ссылаясь на конкретную ситуацию (как это делает А. Джонс): справедливые приговоры афиняне позволяли себе в спокойные времена, а «конфискационные» преобладали в момент кризисов и затруднений.<sup>2</sup> Однако в виду того, что последних в конце V–IV вв. до н.э. было предостаточно, общая картина должна была иметь перекося в сторону корыстного фискального интереса.

Можно согласиться с А. Джонсом: «Богатые афиняне вполне могли плести измену или предавать интересы государства; например, невероятно, чтобы государственный деятель такой исключительной честности, как Ликург, добивался бы конфискации огромного состояния (с доходом в 160 талантов) Дифила, если последний действительно не был виновен в серьезном нарушении законов о рудниках (Plut. Mor., 843d–e=Ps.-Plut. Vita X orat., Lyc., 44)».<sup>3</sup> Труднее согласиться, когда

<sup>1</sup> На бытование такого рода аргументов указывает Л.П. Маринович: Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов. С. 30.

<sup>2</sup> См.: Jones A.H.M. Athenian Democracy. P. 59–60. Признавая справедливость упреков Лисия, Джонс указывает на то, что его речи произносились в сложный для Афин период после поражения в Пелопоннесской войне и тирании, когда государство было почти банкротом. (Заметим, что две из трёх вышеупомянутых речей отделяют от этого периода десять лет).

<sup>3</sup> Ibid. P. 59. Дифила обвинили в том, что он добывал руду из опорных столбов, всегда делаемых из самой породы (по причине бедности Лаврия ле-

оспаривается сама тенденция и все сводится к случайным или вынужденным эксцессам.<sup>1</sup> О том, что проблема конфискационных приговоров существовала, помимо вышеприведенных отрывков из речей ораторов и упоминаний в комедии (Aristoph. Eq., 1357–61, Vesp., 300–306), свидетельствует и замечание Аристотеля в «Политике»: «Нынешние же демагоги в своей угодливости пред народом часто прибегают к конфискации имущества посредством возбуждения судебных дел (οἱ δὲ νῦν δημαγωγοὶ χαρίζονται τοῖς δήμοις πολλὰ δημεύουσι διὰ τῶν δικαστηρίων)». Далее философ дает рекомендации, как помешать этому злу. «Поэтому пекущиеся о сохранении государственного строя должны противодействовать этому путем издания законов, в силу которых имущество осужденных по судебному приговору ни в коем случае не должно подлежать конфискации в пользу государства и становиться общественной собственностью, но должно становиться собственностью священной. Совершающие преступления не станут от этого смелее (ведь они всё равно подвергнутся наказанию), а чернь будет менее склонна выносить обвинительные приговоры подсудимым, так как сама она от этого не получит никакой выгоды» (1320a5–12 – пер. С.А. Жебелева).

Итак, выбор, который судьям предстояло сделать при голосовании, был нелегким: результат всевозможных расчетов и соображений, он являлся своеобразным сплавом правосудия, собственных интересов гелии и интересов демоса. Многие мотивы, которыми при этом руководствовались судьи, были довольно далеки от современной идеологии судопроизводства и «царствования закона». Большую роль играла сама личность фигуранта (или фигурантов) дела – репутация, заслуги, семейное и имущественное положение, преданность демократии и её ценно-

---

сом) и оставляемых для крепления. Это было серьезным нарушением, чреватым обвалом, который грозил гибелью работавшим в рудниках людям и приостановкой всех работ. Дифила осудили (в специальном дикастерии, где слушались дела по δίκη μεταλλική – Dem., XXXVII, 35–36; Aristot. Ath. pol. 59, 5), казнили, а его огромное имущество было поделено между гражданами (по 50 драм на человека). См. подробнее: *Глускина Л.М.* Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах // ВДИ. 1967. № 1. С. 57; она же: Проблемы... С. 161–162.

<sup>1</sup> См.: *Jones A.H.M.* Athenian Democracy. P. 58–60; *Pertman S.* Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. P. 165; *Ober J.* Mass and Elite... P. 201. Ссылка на то, что демократические Афины были не одиноки, и конфискации как средство пополнения казны пользовались и римские императоры, и афинские Тридцать тиранов (*Jones A.H.M.* Ibid.), – естественно, не аргумент.

стям etc.<sup>1</sup> На решение судей, — отмечает Аристотель, — влияли и те эмоции, которые вызывали в них рассматриваемые дела, — любовь, ненависть, сознание собственной выгоды; философ приходит к неутешительному выводу: «так что судьи не могут с достаточной ясностью видеть истину» (ᾧστε μηκέτι δύνασθας θεωρεῖν ἱκανῶς τὸ ἀληθές), чувство собственного удовольствия или неудовольствия затемняет суждение (ἀλλ' ἐπισκοτεῖν τῇ κρίσει τὸ ἴδιον ἢδὲ ἢ λυπηρόν — Rhet., 1354b8–11).

Подытоживая, приведем еще одну цитату, на этот раз из Гиперида (II, 10), в которой перечисляются все те поводы для оправдания, которые, по-видимому, находили наибольший отклик у афинских гелиастов (в данном случае оратор пытается доказать, что ответчик не может на них рассчитывать): «За что бы вы могли его [Филиппида — Т.К.] пощадить? Может быть за то, что он предан демократии (δημοτικός)? Но вам известно, что он предпочел быть в рабском подчинении у тиранов, а над народом считал возможным господствовать. Может быть, он честный (ἡρετός) человек? Но ведь вы дважды осудили его за правонарушения (ἀδικία). Или он приносит пользу (χρήσιμος)? Но если вы теперь признаете полезным человека, которого раньше осудили как дурного, то получится, либо вы судите плохо, либо вам по душе дурные люди» (пер. Л.М. Глускиной, с нашими изменениями). Если тяжущийся убеждал судей и одновременно присяжных в том, что он δημοτικός, ἡρετός, χρήσιμος, в отличие от противника или в гораздо большей степени, чем тот, — у него были хорошие шансы на оправдательный приговор.



Исполнив свой долг до конца, судьи получали долгожданные три обола. Их выбранные по жребию товарищи (те самые, которые объявляли, где какая фила получает деньги) брали ящики с табличками (πίνακτα) дикастов из каждой филы, выкликали судей по именам и выдавали им их жалованье и именную табличку в обмен на тот самый «трехобольный» жетон (σύμβολον), который те получили в момент голосования.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> В современном демократическом судопроизводстве вердикт выносится на основании доказанности (или недоказанности) факта (события) преступления, а личность обвиняемого и его жизненные обстоятельства, если и принимаются в расчет, так только при назначении наказания в случае признания вины подсудимого.

<sup>2</sup> См.: Rhodes P.J. A Commentary... P. 734–735.

Участие в заседаниях суда в позднеклассических Афинах скорей всего было более популярным среди простых афинян, чем участие в заседаниях собрания. Об этом говорит и то, что плата за посещение экклесии, введенная в начале IV в. до н.э., выросла с трех оболов в конце 390-х гг. до шести-девяти оболов в 320-х гг., а судейская плата за это время не повышалась. Очевидно, находилось достаточное количество желающих стать судьями, и смысла дополнительно стимулировать их не было. Р. Синклер объясняет данное обстоятельство тем, что одним из преимуществ судов было тайное голосование: таким образом, можно было сводить счеты и давать выход своей ненависти и злобы без боязни узнавания и разоблачения<sup>1</sup> — объяснение, отнюдь не красящее афинян, но имеющее подтверждение в источниках (Aristoph. *Vesp.*, 560–561; *Isocr.*, XV, 142–3). По мнению М. Маркла, оплата судьям не повышалась, ибо афиняне с большим удовольствием участвовали в работе суда, чем собрания, потому что заседания гелиэи были куда более интересными и волнующими, чем скучные заседания экклесии, а речи специально составлялись ораторами так, чтобы вызывать любопытство, понимание и отклик у дикастов.<sup>2</sup> Афинским судьям нравилось, когда их развлекали — как тут не вспомнить аристофановского Филоклеона, предвкушающего удовольствие от увлекательного времяпровождения в суде, обеспечиваемого усилиями тяжущихся: здесь и мольбы, и шутки, и речитация басен Эзопа, и зачитывание трагических монологов, и выступление флейтиста (*Vesp.*, 551–582). Быть не просто зрителем, а участником нередко захватывающей драмы, на кону которой могла быть жизнь и смерть, — участником, от решения которого зависит исход этой драмы и участь её героев, — было интересно и волнительно. Это действо могло становиться то комедией, то трагедией, то фарсом, или даже мыльной оперой<sup>3</sup>; особую остроту придавало ему ощущение опасности, риска, игры, — словом, присущий судебному поединку агональный дух.

<sup>1</sup> Sinclair R.K. *Democracy and Participation in Athens*. P. 133.

<sup>2</sup> См.: Markle M.M. *Jury Pay and Assembly Pay at Athens*. P. 107, note 21. Правда, Дж. Обер объясняет повышение платы за посещение экклесии (при неизменном жалованье судьям) более практическими соображениями: это был способ распределения доходов Афинского государства, изрядно возросших в 30-е гг. IV в., между значительным количеством активных граждан (*Mass and Elite in Democratic Athens*. P. 143.).

<sup>3</sup> Картледж именует афинский судебный процесс «античным эквивалентом мыльной оперы»: Cartledge P. *Fowl Play: A Curious Lawsuit in Classical Athens* // *Nomos*. P. 41.



## § 5. Наказание

Вслед за вынесением приговора наступал момент расплаты за совершенное правонарушение — наказание или даже казнь. Рассмотрим некоторые моменты, связанные с данным сюжетом.

Для большинства преступлений телесное наказание исключало денежное (παθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι). Совокупное наказание (и телесное, и денежное) предусматривалось, например, для святотатства и измены, которые наказывались одновременно смертью и конфискацией. Наказание зависело от социальной принадлежности (гражданин, метек, раб) и от того, было ли намеренным преступление и несет ли обвиняемый за него ответственность: безумие, гнев, принуждение, незрелый возраст и проч. были смягчающими обстоятельствами. Совершение преступления во время государственных или религиозных церемоний, напротив, рассматривалось как отягчающее обстоятельство.<sup>1</sup> Телесными наказаниями были: смерть, изгнание (часто — замена крайней меры<sup>2</sup>), атимия, продажа в рабство, тюремное заключение (редко), для рабов — бичевание. Денежным наказанием была полная или частичная конфискация, штраф, возмещение ущерба. Дополнительно могло накладываться позорящее наказание: отказ в погребении (для святотатцев или предателей — Xen. Hell., I, 7, 22; Diod., XVI, 25, 2); запрет носить украшения и входить в храмы (например, уличенным в адюльтере); очерняющая (проклинающая) надпись на стеле. Аресту подвергались те, кто был задержан по специальной процедуре (ἀπαγωγὴ, ἐνδειξις, ἐφήγουσις); осужденные на смерть или продажу в рабство; государственные должники и те, кто не уплатил назначенный судом штраф (по некоторым делам, например по обвинению в ὕβρις).<sup>3</sup>

В своем исследовании греческой морали Кеннет Довер заметил: «Сегодня мы склонны ассоциировать демократию с терпимостью, забывая, что большинство вполне способно создавать и проводить в жизнь гораздо более репрессивные законы, чем добродушный (easy-going) автократ. Мы склонны также воображать, что демократии по природе снисходительны в наказаниях и неохотно отбирают жизнь у своих граждан. Если мы сделали такое допущение, поведение афинской демократии доставит нам порой удивление».<sup>4</sup> Судя по нашим источникам,

<sup>1</sup> См.: Glotz G. The Greek City and its Institutions. P. 249.

<sup>2</sup> Судя по рассуждению Платона, изгнание могло восприниматься как даже более суровое наказание, чем смерть (Leg., 881a–d).

<sup>3</sup> См.: MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 256–257.

<sup>4</sup> Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 288–289. То, что в демократических Афинах высшая мера применялась за целый ряд преступлений, не считаю-

афинская община могла распоряжаться собственностью и жизнью тех индивидов, из которых она состояла, практически без ограничений. Не будем вспоминать писанные кровью, по меткому выражению оратора Демада, древние Драконтовы законы, по которым даже незначительное преступление каралось смертью (Лус., I, 65; Plut. Sol., 17).<sup>1</sup> Посмотрим, кому могла угрожать смертная казнь в классических Афинах.

Смерти подлежали<sup>2</sup> совершающие преступления против государства: предатели (Лус., I, 117, 130)<sup>3</sup> – кара настигала их и *post mortem* (посмертно);<sup>4</sup> злоумышляющие против демократии (And., I, 96–98); вводящие в заблуждение народ (Dem., XX, 135);<sup>5</sup> казнокрады (Лус., XXIX, 2; XXX, 25); те, кто подкупали судей и других должностных лиц и те, кто брал взятки (Isocr., VIII, 50; Aeschin., I, 87); послы, действующие вопреки постановлениям народа,<sup>6</sup> сообщившие неправильные сведения, не говоря уже о принявших подарки (Dem., XIX, 137, 278–279); должностные лица, ведущие себя недостойно (например, архонт, застигнутый в нетрезвом виде – Diog. L., I, 57) или нерасторопно выполняющие свои обязанности (например, ситофилаки – надзиратели за привозом и про-

---

щихся по современным меркам особо тяжкими, отмечал в своей статье и И.Е. Суриков: О некоторых особенностях правосознания афинян... С. 34–36 (там же некоторые примеры).

<sup>1</sup> Правда, некоторые исследователи оспаривают суровость «драконовых законов» исходя прежде всего из того, что Драконт, вероятно, различал умышленное и непредумышленное убийство, назначая за них разное наказание (Dem., XXI, 43): во фрагменте дошедшего до нас в копии конца V в. его закона о неумышленном убийстве (IG I<sup>3</sup>, 104) в качестве наказания предлагается не смерть, а изгнание. См., например: Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян... С. 36; он же: Из истории греческой аристократии... С. 127–128; Пальцева Л.А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон. Вып. 6. СПб., 2007. С. 205.

<sup>2</sup> Подробно о преступлениях, подлежащих смертной казни, – Barkan I. Capital Punishment in Ancient Athens / Diss. Chicago, 1935. P. 5–40.

<sup>3</sup> Ссылки на авторов приводятся выборочно, в качестве примеров.

<sup>4</sup> Как например, Фриниха, *post mortem* осужденного за измену, – его останки были выкопаны и выброшены за пределы Аттики (Лус., I, 113).

<sup>5</sup> Под достаточно расплывчатое понятие *τρομοσία* (измена) подпадало множество государственных преступлений: сдача крепости или корабля, изменнические сношения с врагом, шпионаж, военная контрабанда etc., и даже бегство из города во время опасности (Лус., XXXI, 26–27; Лус., I, 8, 121, 131). Подробнее о государственных преступлениях, подпадающих под *исангелию* и карающихся смертью – см.: Barkan I. Op. cit. P. 6–11 и главу V данной книги.

<sup>6</sup> Если верить Элиану, афинские судьи однажды приговорили к смерти послов в Аркадию, успешно справившихся с поручением, за то, что те направились не тем путем, каким им было предписано (VH, VI, 5).

дажею зерна, не углядевшие за хлебными спекулянтами – Lys., XXII, 16); и даже те, кто участвовал в жеребьевке с двумя табличками (Dem., XXXIX, 12).

Преднамеренное убийство каралось смертью и конфискацией имущества (Ant., V, 10; Dem., XXI, 43) – правда, еще до окончания процесса убийца мог удалиться в изгнание, и никто не имел права препятствовать ему в этом (Dem., XXIII, 69; исключение – паррициды, т.е. убийцы близких родственников: Pollux, VIII, 117). Если убийца (или сосланный за непредумышленное убийство) по своей инициативе возвращался из ссылки, фесмофеты могли немедленно предать его смерти (Dem., XXIII, 31, 726–80). Вор (κλέπτης), грабитель (λωποδύτης) похититель рабов (άνδραποδιστής), одним словом, злодей (κακούργος), пойманный на месте преступления, передавался Одиннадцати (процедура άπαγωγή), и в случае признания вины, немедленно предавался смерти (Aeschin., I, 91, 113; если он запирался – дело шло на рассмотрение дикастам – Aristot. Ath. pol., 52, 1). Казнь грозила поджигателям (Dem., XXIII, 22; Pollux, VIII, 40), а в некоторых случаях – обвиненным в оскорблении (γραφή ύβρεως) (Dem., XXI, 49; LIV, 23) или насильственным удержании в заточении (γραφή έίρωμοϋ) (Din., I, 23). Смертный приговор мог быть вынесен и за кражу, совершенную с отягчающими обстоятельствами, пусть даже и не «in flagrante delicto»:¹ за ночной грабеж; за кражу в особо крупных размерах (частного имущества – на сумму свыше 50 драхм, государственного – свыше 10); если вещь, даже незначительной стоимости, была украдена в гимнасиях или в гаванях (Dem., XXIV, 113–114), а возможно, и в других общественных местах (Ps.-Aristot. Problem., XXIX, 14). Аналогичная кара поджидала подвергшихся атии или изгнанию и дерзнувших осуществлять те права, которых они были лишены.

Тяжелейшим преступлением, влекущим за собой самое суровое наказание, была άσέβεια — обвинение в религиозном нечестии.² Судьи (гелиэи или за некоторые преступления — Ареопага) могли приговорить к смерти святотатца, как то: покусившегося на имущество божества (Xen. Hell., I, 7, 22; Dem., XIII, 14; Isocr., XX, 6); уродующего изображения богов; кощунствующего над мистериями или раскрывающего мистерияльные тайны непосвященным (Thuc., VI, 37; And., I, passim; Diod., XIII, 5;

¹ «При горящем преступлении», т.е. на месте преступления.

² Асебия – столь же многозначное понятие, как и продосия. О действиях, которые могли повлечь подобное обвинение, см. подробнее: *Derenne E. Les procès d'impiété... P. 9–12; Rudhardt J. La définition du délit d' impiété... P. 87–105.* Некоторая информация есть также в статье: *Никитюк Е.В. Виды судебных процессов и наказаний за религиозное нечестие (άσέβεια) по афинским законам V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 2. С. 117–134.*

Plut. Alcib., 22); нанесшего ущерб священной маслине (Aristot. Ath. Pol. 60, 2; Lys., VII, 15, 26); кладущего ветвь просящего на алтарь в Элевсинском храме во время мистерий (And., I, 110–112)<sup>1</sup>; ударившего своего недруга во время праздничной процессии (Dem., XXI, 180); жреца, приносящего жертвы богам с нарушением установленных обрядов (Dem., LIX, 116–117); изготовившего магические снадобья (Dem., XXV, 79).

Повинных в экономических преступлениях также могла ожидать высшая мера наказания: фальшивомонетчиков (Dem., XXIV, 212); направивших корабль с зерном не в Афины, а в другой порт (Dem., XXXIV, 37; Lys., I, 27) или одолживших денег для осуществления такой перевозки (Dem., XXXV, 50); скупивших хлеб сверх определенной меры (Lys., XXII, 5-6, 13); нарушивших правила эксплуатации рудников (Plut. Mor., 843d-e); взявших в долг под залог уже заложенного имущества (Dem., XXXIV, 50).

Кроме того, рисковал быть осужденным на смерть тот, кто ссылался на несуществующий закон (Dem., XXVI, 24); внесший закон, противоречащий существующему (Dem., XXIV, 138); дурно обращающийся с родителями (Lys., XIII, 91); занимающийся сводничеством (Aeschin., I, 184); поместивший свободную девушку в публичный дом (Din., I, 23); соблазнивший свободную женщину (именно за соблазнение, а не за насилие!) (Lys., I, 33).<sup>2</sup>

Обычным делом было требовать для противника смертную казнь, заявлять, что он заслуживает смерти (лишь некоторые из примеров: Lys., III, 44; XII, 37; XIII, 69; XIV, 23; XXII, 2; XXVIII, 1; Dem., XVIII, 198; XIX, 3, 101, 131, 335 XXI, 12, 21; XXIV, 104; LIV, 22; Lys., I, 131–134, 150). Впрочем, не только деяния, но даже взгляды, речи или поведение, которые оратор не одобрял, описывались как «заслуживающие смерти (ἀξιοθάνατον)» (Dem., XIX, 16).<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Правда, судя по той же речи Андокида (I, 115–116), древний закон (νόμος πατριός), на который ссылался обвинитель Андокида Каллий, был в конце V в. до н.э. (вероятно, во время ревизии законов в 403/2 г.) заменен на более мягкий (на его текст на стеле указывал выступавший в защиту Кефал). По новой версии, нарушителю грозил штраф в 1000 драхм.

<sup>2</sup> Соображения, по которым соблазнитель заслуживает смерти, а насильник — штрафа (в полном противоречии с современным взглядом на второе как на серьезнейшее преступление, а на первое как в лучшем (или худшем!) случае предмет морального укора), изложены у Лисия так: «Человек, достигающий своей цели путем насилия, возбуждает ненависть в своей жертве; а кто действует убеждением, до того развращает душу, соблазненную им, что чужая жена становится принадлежащей ему более, чем своему мужу, весь дом переходит в его власть, и дети бывают неизвестно чьи, — мужа или любовника» (I, 33 — пер. С.И. Соболевского).

<sup>3</sup> См.: Dover K.J. Greek Popular Morality... P. 289–290.

Конечно, последнее слово было за судьями (в некоторых случаях – народным собранием) – они решали, заслуживает ли совершенное преступление смерти или может быть назначена другая кара. Так как приговор гелизии (или экклесии в делах по исангелии) был окончательным и обжалованию не подлежал, – возможности исправить ошибку и отменить несправедливый или ошибочный приговор за редким исключением не было. Наиболее известные примеры такого рода непоправимых «судебных ошибок»: процесс коллегии эллиноتامиев (см. гл. I, § 5 – лишь последний из 10 казначеев, приговоренных к смерти за преступление, которое они не совершали, избежал казни) и дело стратегов-победителей, о котором пойдет речь в следующей главе.

Смертный приговор содержал фразу о том, что осужденный передается Одиннадцати (Xen. Hell., I, 7, 10; Lys., XIV, 17); непосредственно казнь осуществлялась палачом – δῆμιος (обычно – государственный раб, но вовсе не обязательно таковой).<sup>1</sup> После вынесения приговора казнь, как правило, следовала немедленно (Xen. Hell., I, 7, 34; Plat. Apol., 34a–b). Только в двух случаях была возможна отсрочка: в момент священного посольства на Делос, пока не вернулся корабль (Plat. Phaedo, 58a–b) – это обстоятельство и было причиной, почему Сократ провел некоторое время в тюрьме между вынесением приговора и приведением его в исполнение. Также казнь откладывалась в случае беременности осужденной до родов (Aelian. VH, V, 18). Случались и неофициальные задержки, как та, о которой рассказал Плутарх в биографии Фокиона. В темнице иссяк запас цикуты, и палач отказывался готовить новый раствор «за свой счет». Фокион вынужден был попросить одного из друзей заплатить требуемые 12 драхм, саркастически заметив при этом, что человек в Афинах не может даже умереть, не заплатив за эту привилегию (Plut. Phoc., 36).

За казнью мог наблюдать обвинитель (Dem., XXIII, 69), по поводу чего сетовал Эсхин: «Не смерть страшна, а ужасно надругательство над кончиной (οὐ γὰρ ὁ θάνατος δεινόν, ἀλλ' ἡ περὶ τὴν τελευτὴν ὕβρις φοβερή). Разве не прискорбно видеть лицо насмехающегося врага и своими ушами слушать его поношения?» (II, 181–182 – пер. С. Ошерова). Тела казненных, как правило, выдавались родственникам (Lys., XII, 18; XIX, 7; Plat. Phaedo, 115d) (если приговор не отягчался запретом погребения).

Общеизвестный, достаточно гуманный (насколько это слово вообще уместно в данном контексте) и действительно распространенный в

<sup>1</sup> См.: MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 254.

классических Афинах вид казни — чаша с цикутой (κώϊετον)<sup>1</sup> — был далеко не единственным. В источниках упоминаются и иные способы узаконенной расправы с осужденными на смерть.

Судя по мифо-поэтическим примерам (Гомер, трагедия), в ранний период греческой истории общепризнанным наказанием был такой вид казни, как побивание камнями.<sup>2</sup> В источниках встречаются упоминания о случавшихся время от времени побиваниях камнями в греческих полисах и в классический период, однако в отношении Афин, как убедительно показал в своем специальном исследовании Ирвинг Баркан, мы уверенно можем утверждать, что подобные случаи были выплеском эмоций или актом мести разъяренной толпы, линчеванием, но ни в коем случае не узаконенной формой наказания.<sup>3</sup> Самый известный пример подобной расправы фигурирует в рассказе Геродота об одном из булевтов, Ликиде, который перед Платейской битвой (479 г. до н.э.) посоветовал афинянам передать на рассмотрение собрания персидское предложение о сепаратном мире на выгодных условиях, — то ли потому, «что был подкуплен Мардонием, или оттого, что считал его действительно правильным» (Hdt., IX, 5, 1–3 — пер. Г.А. Стратоновского). По словам Геродота, его тотчас окружила разгневанная толпа и побила камнями; аналогичным образом разъяренные афинянки расправились на Саламине с женой и детьми Ликиды.<sup>4</sup>

Еще один вид казни — баратр(он) (τὸ βάραθρον), низвержение в пропасть, — практиковался у множества народов, начиная с древнейших времен, греки (как впоследствии и римляне) не были здесь исключением. Что касается Афин, такие авторы, как Геродот (VII, 133), Ксенофонт (Hell., I, 7, 20), Аристофан (Equit., 1362; Nub., 1450, Plut., 431), Платон (Gorg., 516e) и Плутарх (Aristot., 3) упоминают этот, очевидно, древний

<sup>1</sup> Несколько приукрашенное описание смерти от яда цикуты — Plat. Phaedo, 117e–118b. Чашу приносил ὑπρέτης — слуга на службе у коллегии Одиннадцати (Ibid. 116b–117b; Plut. Phoc., 36).

<sup>2</sup> Подробнее, с примерами — см.: *Barkan I. Capital Punishment...* P. 41–44.

<sup>3</sup> Ibid. P. 45–53. Толпа нередко бросалась в ярость, подогреваемая истерией войны или возмущенная страшным святотатством, бросавшим вызов общинному благочестию.

<sup>4</sup> Мы согласны с теми историками, которые полагают, что в похожей истории, рассказанной Демосфеном о некоем Кирсиле (XVIII, 204; у Ликурга упоминается та же история, но без имени булевта — I, 122), речь идет об одном и том же персонаже. Аргументы — см.: *Barkan I. Op. cit.* P. 45. Веррэлл предположил, что Ликид — это патронимик Кирсила (Λυκίδης = ὁ Λύκου): *Verrall A. W. The Death of Cyrsilus, Alias Lycides: A Problem in Authorities // CR. Vol. 23. 1909. P. 40.*

вид казни, повествуя или упоминая о событиях, происходящих в V в. до н.э. Схолиаст к аристофановскому «Плутосу» (431) и лексикографы (Поллукс, Свида, Фотий, Гарпократион, s. v. βάραθρον) живописали баратр как зловещую яму, стены которой были утыканы копьями, рвущими на части тела бросаемых (живыми) жертв. Ораторы IV в. до н.э. говорят о некоей яме — ὄρυγμα, кажется, отличной от старого баратра<sup>1</sup> (Din., I, 62; Lys., I, 121). Единого мнения среди современных исследователей о том, бросали ли преступников живыми в пропасть или только их бездыханные тела, не существует, хотя первое представляется более правдоподобным исходя из текста псефизмы Каннона, приводимой у Ксенофонта. В ней сказано: «предать смерти [преступника — Т.К.] бросаая в баратрон» (ἀποθανεῖν εἰς τὸ βάραθρον ἐμβληθέντα — Hell., I, 7, 20).<sup>2</sup> После процесса стратегов-победителей (406 г. до н.э.) мы больше не слышим о баратре, из чего напрашивается вывод о том, что вскоре после этого события практика низвергания в пропасть живых преступников сошла на нет. Мертвые тела тех, кто в качестве дополнительного наказания карался еще и ἀταφία (оставлением без погребения), после казни сбрасывались в упомянутую выше яму (ὄρυγμα).<sup>3</sup>

Вид казни, практикуемый в архаических и классических Афинах, упоминаемый в наших источниках как ἀποτυπτατισμός (Lys., XIII, 56, 67; Dem., VIII, 61; XIX, 137; Aristot. Ath. Pol., 45, 1; Rhet., 1382b–1383a), трактуется по-разному. Прежде — чаще всего в смысле «побить палками»<sup>4</sup> или «запороть на колоде».<sup>5</sup> Современные толкования основаны на материале археологических раскопок греческого археолога А. Керампулоса (1915 г., в р-не древнего Фалера), во время которых было обнаружено коллективное захоронение, датируемое предположительно VII в. до н.э., с останками 17 человек с железными браслетами на стопах и кистях и «воротником» на шее. В браслетах (зажимах), которыми кре-

<sup>1</sup> Таково мнение Л. Жерне, И. Баркана и многих других. См.: *Gernet L.* Sur l'exécution capitale: a propos d' un ouvrage récent // REG. T. 37. 1924. P. 267–269; *Barkan I.* Op. cit. P. 58–59. Contra: *Hager H.* How Were the Bodies of Criminals at Athens Disposed of after Death? // Journal of Philology. Vol. 8. 1879. P. 11.

<sup>2</sup> О дискуссии — см.: *Barkan I.* Op. cit. P. 59–61.

<sup>3</sup> См.: *Gernet L.* Op. cit. P. 269; *Barkan I.* Op. cit. P. 62.

<sup>4</sup> См., например: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 77. Такое понимание основано на сообщениях лексикографов: Фотий и Гезихий утверждали, что τύπταον — что-то вроде дубинки.

<sup>5</sup> Так в переводе Демосфена С.И. Радцига. См. также: *Thalheim Th.* Ἀποτυπτατισμός // RE. 1895. Hlbd. 3. Sp. 190–191. По утверждению Поллукса (VIII, 71), τύπταια — доска, на которую помещалась для экзекуции жертва

пились конечности жертв, сохранились фрагменты древесины. Было высказано поддержанное подавляющим большинством исследователей предположение, что это и есть жертвы данного вида казни: с помощью железных приспособлений их «растягивали» на вертикально поставленной доске (врытом в землю столбе) (τύμπαλον), где они медленно, в течение нескольких дней, испускали дух; не исключено, что свою лепту в агонию вносил и удушающий «воротник».<sup>1</sup> Косвенным подтверждением данной гипотезы являются и сведения источников – рассказ Плутарха об ужасной кончине мятежных самосцев (со ссылкой на Дурида – Рег., 28) и шутивное описание наказания Мнесилоха «на колоде» у Аристофана (Thesm., 930–1210).<sup>2</sup> Вероятно, ξύλον πεντεσύριγγος – «колодка с пятью отверстиями» (для шеи, рук и ног), которую предрекает Колбасник во «Всадниках» Клеону, намекает на этот же вид казни (Aristoph. Equit., 1049). Столь жестокому виду казни подвергались злодеи-какоῦροι – те категории, которые перечислены у Аристотеля, как подлежащие аресту и передаче Одиннадцати (процедура ἀπαγωγή) в случае поимки in flagrante delicto (Dem., IV, 47; Sext. Emp. Math., XXX, 295), а также предатели и прочие особо злостные преступники.<sup>3</sup>

Исполнение приговоров, по которым надлежало выплачивать штраф, лишь отчасти брало на себя государство в лице особых чиновников. По завершении государственного процесса приговор передавался компетентным должностным лицам, например, Одиннадцати или полетам (ответственным за продажу конфискованной собственности). Если он имел политическое значение, его отправляли на хранение в архив. В процессах по государственным искам штраф шел в казну (Dem., XXIV, 50). Председательствующее в суде должностное лицо сообщало о наложенном штрафе судебным приставам (πράκτορες) (Dem., XLIII, 71), и если осужденный не платил сразу, приставы вносили его в список государственных должников (Dem., XXV, 4, 28). Должники, как уже было сказано, подвергались атимии, некоторые категории должников могли подвергаться аресту по решению Совета (And., I, 92–93; Dem., XXIV, 98, 144–146; Aristot. Ath. pol., 63, 3). Наследники наследовали и обязательства, и наказание за невыплату долга (Dem., XXIV, 200–201).

<sup>1</sup> Gernet L. Op. cit. P. 261–293; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 279–287; Barkan I. Op. cit. P. 63–72.

<sup>2</sup> В этой сцене скифский лучник сторожит наказываемого и не позволяет никому подходить к нему (Aristoph. Thesm., 932).

<sup>3</sup> См. (примеры): Barkan I. Op. cit. P. 70–72. О какоῦροι как о субъектах данного вида казни par excellence см.: Gernet L. Op. cit. P. 272–285.



Если иск был частным, государство участвовало в осуществлении приговора, только если имело в этом интерес (например, если 1/10 часть имущества осужденного предназначалась Афине), а так его реализация отдавалась полностью на откуп заинтересованной стороне. В порядке «самопомощи» выплаты штрафа должна была добиваться та сторона, которая выиграла процесс, что было сопряжено с большими трудностями, ибо официальных механизмов принуждения отлынивающего от уплаты осужденного, кажется, не существовало.<sup>1</sup> Считается, что данная практика свидетельствует о неразвитости и известной примитивности афинской правовой системы.<sup>2</sup> Например, Демосфен, выигравший процесс против своего опекуна Афоба, так и не смог получить присужденные ему судом 10 талантов; попытка захватить в обеспечение долга поместья ответчика также не удалась – их, якобы, заложили для возврата приданого бывшей жены Афоба (Демосфен утверждает, что этот брак и фиктивный развод – часть заговора против его семьи с целью лишить причитавшегося ему и его близким наследства) (Dem., XXX–XXXI). Конечно, против задолжавшего противника можно было подавать следующий иск – например,  $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\ \acute{\epsilon}\xi\omicron\upsilon\lambda\eta\varsigma$  (о неисполнении приговора по имущественному делу – штраф по таким искам шел в казну<sup>3</sup>), продолжая в следующей «серии» многосерийную судебную драму с элементами фарса.

Как уже указывалось, приговор гелиэи как выражение народной воли был окончательным, суверенным ( $\kappa\acute{\iota}\rho\iota\omicron\varsigma$ ) и совершенным ( $\acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\tau\acute{\epsilon}\lambda\eta\varsigma$ ), обжалованию не подлежал, ибо был он, по словам Лисия, «высшей властью в государстве» ( $\alpha\upsilon\tau\eta\ [\psi\eta\phi\omicron\varsigma]\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \acute{\epsilon}\sigma\tau\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\eta\ \pi\acute{o}\lambda\epsilon\iota\ \kappa\upsilon\rho\iota\omega\tau\acute{\iota}\tau\eta$  – Lys., I, 36). Единственным органом, который мог отменить решение народного суда был сам народ, т.е. народное собрание. Когда в 403 г. экклесия приняла закон, утверждавший, что те вердикты, которые были вынесены во времена правления Тридцати недействительны, а те,

<sup>1</sup> Исключение составляли иски по торговым делам ( $\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\ \acute{\epsilon}\mu\tau\omicron\rho\iota\kappa\alpha\iota$ ): осужденный должен был оставаться под арестом, пока не выплатит то, к чему его присудили (Dem., XXXIII, 1). Это отступление от обычной практики можно объяснить тем, что многие тяжущиеся по таким искам были иностранцами, а благополучие Афин в значительной степени зависело от заморской торговли и доставки хлеба, поэтому государство обеспечивало участвующим в этом бизнесе режим наибольшего благоприятствования (см., например: *Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 188*).

<sup>2</sup> *Глукина Л.М.* Социальные институты, экономические отношения... С. 464. О принципе self-help см. также: *Glötz G. The Greek City and its Institutions. P. 249; Gernet L. Droit et société... P. 69–75; Harrison A.R.W. Op. cit. P. 187–190.*

<sup>3</sup> См.: *Harrison A.R.W. Op. cit. P. 188–189.*

которые были вынесены при демократии, действительны, — она ясно показала, что как верховный орган имеет право определять, обладают или нет законной силой приговоры дикастов (And., I, 87; Dem., XXIV, 56).<sup>1</sup> В годы Пелопоннесской войны несколько раз народное собрание принимало решения об аннулировании вынесенных приговоров или назначенного наказания: был отменен приговор Алкивиаду за профанацию мистерий, родосскому атлету Доризю (Xen., I, 5, 19; Paus., VI, 7, 4–5), а в 405 г. декрет Патроклида амнистировал тех, кто был присужден к атимии (And., I, 73–74). Во время ревизии законов в конце V в. до н.э. была принята специальная процедура: со слов Демосфена известно, что за восстановление в гражданских правах подвергшихся атимии, за освобождение от уплаты долга или отсрочку по нему должно было проголосовать не менее 6000 афинян тайным голосованием (XXIV, 45; ср. — And., I, 77). Фактически это была ἀδεια — освобождение от наказания — процедура, известная еще с V в.,<sup>2</sup> в которой на юридическом языке было зафиксировано право демоса карать и миловать. Полный суверенитет в афинском государстве, какие бы комплименты не отпускали в адрес судей и народного суда во время процессов судебные ораторы, мог принадлежать только всему гражданству, воплощением которого и была эkklesia.

<sup>1</sup> См. подробнее: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 953; *Glötz G.* Op. cit. P. 250; *Harrison A.R.W.* Op. cit. P. 199; *MacDowell D.M.* The Law... P. 258.

<sup>2</sup> См.: *Lipsius J.H.* Op. cit. S. 963–964; *Harrison A.R.W.* Op. cit. P. 199.



## Гл. V. Политический процесс в классических Афинах: исангелия

### § 1. Закон об исангелии; исангелия как процедура

В последующих главах мы рассмотрим важнейшие виды политического процесса в классических Афинах, которые, как правило, использовались против политиков и являлись средством политической борьбы. Уточним сначала, кого мы имеем в виду, говоря об афинских «политиках» и соответственно фигурантах «политических» процессов. Мы согласны с М. Хансеном в том, что наиболее приближена к современному понятию «политик» греческая формула  $\rho\eta\tau\omicron\rho\epsilon\varsigma$  καὶ  $\sigma\tau\rho\alpha\tau\eta\gamma\omicron\iota$  («риторы и стратеги»).<sup>1</sup> Слово «ритор» ( $\rho\eta\tau\omicron\rho$ ) – «тот, кто говорит» (от  $\epsilon\rho\epsilon\omega$ ) – стало популярным обозначением политика, для которого ораторское мастерство было необходимым качеством, уже к 20-м гг. V в. до н.э.: так обозначаются политики в комедии (Aristoph. Ach., 38; 680; Eurpol. Frs. 98, 99 – о Перикле, его соперниках и преемниках), встречается оно и в надписях (IG I<sup>2</sup>, 45, 21).<sup>2</sup>

Клод Моссе предпочитает выделять особый «classe politique»: он, по ее определению, состоял из «игравших ключевую роль в организации решений собрания и судов – или через свое влияние, которое они осуществляли благодаря своему красноречию (ораторы), или через исполнение возложенных на них обязанностей (стратеги и финансовые магистраты)»;<sup>3</sup> в политическом дискурсе этот «класс» позиционировался как  $\omicron\iota$   $\pi\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\upsilon\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\iota$  по контрасту с прочими гражданами —  $\iota\delta\iota\omega\tau\alpha\iota$ .<sup>4</sup> Давно уже стало «общим местом» отмечать разницу между «политическим классом» V в. (за исключением последней четверти) и

<sup>1</sup> Hansen M.H. The Athenian «Politicians» 403–322 B.C. // GRBS. Vol. 24. 1983. P. 33–55; *idem*. Rhetores and Strategoi in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 24. 1983. P. 151–180.

<sup>2</sup> Подробнее о возникновении и развитии этого термина — см.: Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. P. 116–117.

<sup>3</sup> Mossé C. La classe politiques à Athènes au IV-ème siècle // AD. P. 67.

<sup>4</sup> Подробнее: Mossé C. Politeuomenoi et idiôtai: l'affirmation d'une classe politique à Athènes au IV-ème siècle // REA. T. 86. 1984. P. 193–200.

постперикловой эпохой: если раньше политики — как «простаты демоса», так и их оппоненты «καλοὶ καγαβοί» — были представителями старинных аристократических семейств, то «новые политики»<sup>1</sup>, начиная с Клеона, в большинстве случаев — люди незнатного происхождения, хотя, как правило, и весьма состоятельные,<sup>2</sup> чьи деловые интересы связаны с ремесленным производством, финансами и морской торговлей.<sup>3</sup>

В историографии не раз отмечалось, что афинские судебные процессы нередко имели политическую подоплеку, являясь частью борьбы между политиками и различными группировками за политическое лидерство и политическую программу.<sup>4</sup> По словам М. Финли, в афинской политической жизни каждая сторона хотела не просто победить противную, но стремилась разгромить ее, обезглавить, уничтожив лидеров; главным способом, с помощью которого достигалась эта цель, был

<sup>1</sup> С легкой руки У. Коннора (Connor W.R. Op. cit.) ставшее популярным ныне в антиковедении понятие.

<sup>2</sup> Из политиков IV в. до н.э. Эсхин, чей отец одно время был школьным учителем, и Демад, по слухам, сын моряка, провели детство, вероятно, в стесненных обстоятельствах, но, как отмечает К. Моссе, все политики IV в., были ли бедными они от рождения или богатыми, на тот момент, когда они обладали в городе властью, являлись людьми состоятельными; это внезапное обогащение могло иметь источником и коррупцию, и щедрость Филиппа Македонского или Великого царя (*La classe politiques...* P. 75).

<sup>3</sup> О политиках IV в. до н.э. как экспертах в вопросах права, бизнеса и финансов — см. подробнее: *Mossé C. La classe politiques à Athènes...* P. 67–77. Справочный материал в: *Davies J.K. Athenian Propertied Families (600–300 B.C.)*.

<sup>4</sup> См., например: *Поздеева И.В. Политические судебные процессы в Афинах...* С. 72–73; *Залюбовина Г.Т. Политическая борьба в Афинах в 403–387 гг. до н.э.* *Passim*; *Кондратюк М.А. Политическая борьба в Афинах в 324–323 гг. до н.э. и «процесс Гарпала».* С. 159; *Маринович Л.П. Афины при Александре Македонском // Античная Греция: проблемы развития полиса.* Т. II С. 232; *Суриков И.Е. Остракизм в Афинах.* С. 403–408; *Calhoun G.M. Athenian Clubs...* P. 98–107; *Cloché P. Les hommes politiques et la justice populaire dans l'Athènes du IV-e siècle // Historia.* Bd. 9. 1960. P. 80–95; *Pertman S. The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // Athenaeum.* Vol. 41. 1963. P. 342; *Carter L.B. The Quiet Athenian.* P. 129; *Wedel W. von. Die politischen Prozesse...* *Passim*; *Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War.* Ithaca: N.-Y., 1986. P. 13; *Sinclair R.K. Democracy...* P. 211; *Mossé C. La classe politiques...* P. 69; *Bauman R. Political Trials...* *Passim*; *Hansen M.H. The Athenian Democracy.* P. 179, 203–205; *Harris E. M. Aeschines and Athenian Politics.* P. 8; *Cohen D. Law, Violence...* P. 118; *Gagarin M. Antiphon the Athenian.* P. 168; *Raaflaub K. Den Olympier herausfordern?...* S. 111–112; *Todd S. Law and Oratory at Athens // CCAGL.* P. 101 etc.

политический процесс, главными инструментами — обеденные клубы и сикофанты.<sup>1</sup> Борьба между афинскими политиками велась по правилам «игры с нулевой суммой»<sup>2</sup>, т.е. победа требовала полного уничтожения соперника, в том числе и на судебном поле брани; поражение вызвало к мести, а частные ссоры людей, имевших хоть какой-то общественный вес, обычно оборачивались публичным разбирательством. Решение судей зачастую основывалось не на технических или существенных нарушениях закона, а на их восприятии политического лидера и его деятельности. Споры вокруг насущных проблем внутренней и внешней политики нередко выплескивались в стенах гелиэи (через обвинения лидеров соответствующих группировок или тех лиц, которые были ответственны за проведение того или иного политического курса); в приговоре дикастов в этом случае проявлялись политические предпочтения демоса. Напрашивается вывод о том, что судопроизводство и политика в классических Афинах были нераздельны.

Формально *политический процесс* — это процесс не по частному иску ( $\delta\iota\kappa\eta\ \iota\delta\iota\alpha$ ), а по т.н. публичной (государственной) жалобе ( $\delta\iota\kappa\eta\ \delta\eta\mu\acute{o}\sigma\iota\alpha$ ). О разнице между этими процессами рассуждает Демосфен в речи «Против Мидия»: частный иск подается против частных лиц, если в результате их действий кто-то потерпел ущерб, а публичная жалоба вносится в том случае, если ущерб нанесен полису или должностным лицам, ибо в их лице нанесено оскорбление самому государству (XXI, 25–28, 32, 44–45). Ущерб может быть нанесен государству напрямую (например, в случае измены) или косвенным образом (например, когда пострадало лицо, нуждающееся в защите полиса для отстаивания своих интересов, как в случае с  $\gamma\rho\alpha\phi\acute{\eta}\ \kappa\alpha\kappa\acute{\omega}\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \delta\rho\phi\alpha\nu\acute{o}\upsilon$ ).<sup>4</sup>

Главным и самым опасным для обвиняемого видом политического процесса в Афинах был процесс по исангелии. В буквальном и общем смысле  $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$  — «объявление, донесение». Лексикографы указывают на три значения понятия «исангелия», используемых в судебном языке Афин (Harpocr.; Suid., s.v.  $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$ ): публичное обвинение в государственном преступлении ( $\delta\eta\mu\acute{o}\sigma\iota\alpha\ \alpha\delta\iota\kappa\eta\mu\acute{\alpha}\tau\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\gamma\iota\sigma\tau\alpha$ ); обвинение, представленное архонту, в скверном обращении с родителями или опекаемыми ( $\epsilon\iota\sigma\alpha\gamma\gamma\epsilon\lambda\acute{\iota}\alpha\ \kappa\alpha\kappa\acute{\omega}\sigma\epsilon\omega\varsigma$ ); обвинение диэтета в должностном

<sup>1</sup> Finley M. Athenian Demagogues // P&P. Vol. 21. 1962. P. 23 (Repr. in: Democracy Ancient and Modern. P. 71–72).

<sup>2</sup> Zero-sum-game — излюбленное понятие современной исторической антропологии.

<sup>3</sup> Такое обвинение — в скверном обращении опекуна с сиротой — могло быть выдвинуто и в форме исангелии.

<sup>4</sup> См.: Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 203–204.

преступлении, выносимое перед судьями (είσαγγελία κατὰ τῶν διατητῶν) (Aristot. Athen. pol., 53, 6). Когда речь идет об исангелии как о политическом процессе, имеется в виду первое значение данного понятия: είσαγγελία — особого рода жалоба, или донос о государственном преступлении, т.е. тяжком преступлении, угрожавшем безопасности государства.

Источники утверждают, что исангелию ввел еще Солон и сначала дела такого рода разбирал Ареопаг: «он судил тех, кто составлял заговоры для низвержения демократии, в силу того, что Солон издал закон о внесении относительно их чрезвычайного заявления (καὶ τοὺς ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου<sup>1</sup> συνισταμένους ἔκρινεν, Σόλωνος θέντος νόμον είσαγγελίας περὶ αὐτῶν)» (Aristot. Ath. pol., 8, 4 — пер. С.И. Радцига). Наличие подобного закона (может быть, с несколько иной — «антитиранической» — формулировкой, без кажущегося анахронизмом для начала VI в. до н.э. καταλύσει τοῦ δήμου<sup>2</sup>) было вполне в духе эпохи и предназначения Ареопага.<sup>3</sup> Высказывалось даже предположение, что право судить тяжкие преступления против государства Ареопаг имел задолго до Солона<sup>4</sup>: Плутарх упоминает о том, что ареопагиты отпра-

<sup>1</sup> καταλύειν τὸν δῆμον — буквально «уничтожить народ» — типичное выражение для обозначения свержения демократии. См., например: Thuc., I, 107, 6; III, 81, 4; V, 76, 2; VI, 28, 2; VIII, 64, 2; Aristoph. Ecc., 453; Lys., XX, 13; Dem., XV, 14; XIX, 175, 294; XXIV, 144, 149, 152; Lys. I, 147 etc.

<sup>2</sup> Впервые данное понятие в форме καταλύειν τὴν δημοκρατίαν встречается в декрете Демофанта (410/09 г. до н.э. — And., I, 96–98).

<sup>3</sup> См.: Rhodes P.J. Είσαγγελία in Athens. P. 104; *idem*: A Commentary... P. 156. Среди тех, кто признает сообщение Аристотеля достоверным (с теми или иными оговорками): Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 176–178; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. S. 884; Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 169, 298; Vlastos G. Solonian Justice. P. 72, n. 55; Glotz G. The Greek City... P. 201; Balogh E. Political Refugees... P. 9; Hignett Ch. A History... P. 90; Harrison A.R.W. The Law of Athens. V. II. P. 52; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 182, 191; Bauman R. Political Trials... P. 6; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 7–9; Andrewes A. The Growth of the Athenian State. P. 388; Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswesens... S. 16. Напротив, М. Хансен отвергает свидетельство «Афинской политики», считая его отражением политической пропаганды IV в. до н.э. (Hansen M.H. Eisangelia... P. 17–20). С ним солидарны: Sealey R. Ephialtes, Eisangelia... P. 315; Schubert C. Der Areopag. Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // Gp. S. 53, 59–60.

<sup>4</sup> См.: Calhoun G.M. The Growth of Criminal Law in Ancient Greece. Westport, 1973. P. 61–62; Welwei K.-W. Op. cit. S. 16; Суриков И.Е. Афинский ареопаг... С. 30 (Ареопаг судил еще мятежников-сотоварищей Килона).

ляли в изгнание обвиненных в стремлении к тирании (ἄσοι ἐξ' Ἀρείου πάγου... ἐπὶ τυραννίδι ἔφευγον — Sol., 19, 3–4).

В конце VI в., по мнению некоторых исследователей, полномочия (полностью или частично) выслушивать обвинения по исангелии были переданы народному собранию Клисфеном.<sup>1</sup> В авторах данной инициативы фигурирует также Эфиальт.<sup>2</sup> Однако сторонникам последней точки зрения приходится как-то объяснять тот факт, что некоторые судебные процессы еще до Эфиальта<sup>3</sup> слушались в народном собрании.<sup>4</sup> М. Хансен вообще склоняется к тому, что исангелия как особый институт появилась при Клисфене и с самого начала все слушания по ней проходили в экклесии или дикастериях<sup>5</sup>. Наконец, есть мнение, что утрата Ареопагом полномочий по исангелии и передача их экклесии произошла в связи с принятием псефизмы Каннона.<sup>6</sup> Мы, правда, не знаем точно, когда эта псефизма была принята: её стиль и язык указывают на достаточно раннее происхождение (начало V в. до н.э.?).<sup>7</sup> Молчание источников по поводу того, в чьем ведении официально находилась исангелия в VI — нач. V вв. (впрочем, как и по многим другим юридическим тонкостям!), приводит некоторых исследователей к выводу: развитие судопроизводства и «переход юрисдикции» (transfer of jurisdiction) вообще происходили не в результате реформ или изменения статутов, а как следствие практики и прецедента — так и сформировалась постепенно процедура вносить жалобу (исангелию) на особо опасные или

<sup>1</sup> См.: *Lipsius J.H.* Op. cit. S. 179–181; *Busolt G., Swoboda H.* Op. cit. S. 884; *Caravan E.M.* Op. cit. P. 190–191; с оговорками — Ч. Хигнет (право окончательного вердикта по делам, грозящим смертной казнью): *Hignett Ch.* A History... P. 153–154; английский ученый полагал, что полная передача исангелии в ведение собрания произошла в результате реформы Эфиальта (P. 200).

<sup>2</sup> *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. P. 295–296; *Rhodes P. J.* Εισαγγελία... P. 104–105; *idem.* A Commentary... P. 316–317. См. также гл. I.

<sup>3</sup> По крайней мере, один из процессов Мильтиада и процесс Фемистокла. Подробнее — см. гл. I, § 3.

<sup>4</sup> Как это делают, например, Р. Боннер и Г. Смит, предположив, что какие-то процессы по исангелии слушались Ареопагом (Эфиальт отнял потом у него это право), какие-то — собранием и даже — Советом (если предусматривалось наказание не более 500 драхм) (Op. cit. Vol. I. P. 299–300). П. Родс (Εισαγγελία... P. 105–106) дает такое малоубедительное объяснение процессам начала V в., происходящим в собрании: это результат апелляции одного из архонтов к гелиэе, которая на самом деле — судебная сессия экклесии (критику этого, на наш взгляд, неверного представления — см. в гл. I, § 1).

<sup>5</sup> *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 19.

<sup>6</sup> *Суриков И.Е.* Афинский ареопаг... С. 31–32.

<sup>7</sup> О датировке псефизмы мы писали в гл. I, § 3.

дерзкие преступления, затрагивающие интересы общины и грозящие серьезным приговором, сначала (в архаический период) — в Ареопаг, а затем — в Совет 500 и собрание, чему способствовали регулярность и частота их заседаний; никакой закон Солона или Клисфена или другого законодателя не учреждал исангелию и не уполномочивал какой-либо орган принимать такого рода жалобу.<sup>1</sup> Искус присоединиться к последнему мнению, признаемся, велик, но все же, учитывая страсть афинян дотошно оформлять псефизмами решения даже самых незначительных вопросов, стихийное появление и, главное, укоренение процедуры жалобы по государственным преступлениям все же маловероятно. Мы бы все-таки не решились утверждать, что провозглашаемый Р. Сили принцип: «в истории государственного строя обычай предшествует законодательному акту»,<sup>2</sup> — имеет глобальный характер и действует во всех случаях.

Олигархическое правительство Четырехсот приостановило действие чрезвычайных заявлений (как и жалоб на противозаконие) (Aristot. Ath. pol., 43, 4). Но вскоре после его свержения исангелия была не только восстановлена — предположительно именно тогда и был принят особый закон о чрезвычайных заявлениях — νόμος ἐισαγγελτικός<sup>3</sup>, подытоживший многолетнюю практику разбирательства дел по исангелии и институализировавший данную процедуру. Несомненно, какая-то работа с этим законом должна была проводиться после восстановления демократии, когда происходила ревизия и запись всего кодекса (в 403–399 гг.); в текст могли быть внесены какие-то исправления или модификации.<sup>4</sup>

Закон об исангелии в изложении Гиперида в речи в защиту Евксениппа звучит следующим образом: «Если кто попытается ниспровергнуть афинский народ [т.е. демократию — Т.К.] или вступит в заговор

---

<sup>1</sup> См.: Sealey R. Ephialtes, Eisangelia... P. 316–323. О гипотезе Сили — см. подробнее гл. I, § 2. Сочувственно к ней относится Э. Кэревэн (Caravan E.M. Apophasis and Eisangelia: The Role of the Areopagus in Athenian Political Trials // GRBS. Vol. 26. 1985. P. 122).

<sup>2</sup> Sealey R. Op. cit. P. 323.

<sup>3</sup> Предполагаемая датировка (около 411 г. до н.э. после ниспровержения олигархического правительства 400) была предложена Талхаймом (Thalheim Th. Eisangelie-gesetz in Athen // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 304–309) и принята большинством исследователей. Липсиус датировал этот закон серединой IV в. до н.э. (Das attische Recht. S. 44–45, 192); Глотц — архонством Евклида (403 г.) или вскоре после (The Greek City and its Institutions. P. 329); МакДауэлл — 410–403 гг. (The Law in Classical Athens. P. 185).

<sup>4</sup> См.: Sealey R. Op. cit. P. 315.



с другими для ниспровержения [власти] народа или составит гетерику (ἐάν τις τὸν δῆμον τὸν Ἀθηναίων καταλύῃ ἢ συνίῃ ποι ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου ἢ ἑταιρικὸν συναγάγῃ), или предаст какой-либо город или флот, либо сухопутное или морское войско (ἢ ἐάν τις πόλιν τιὰ προδῶ ἢ ναῦς ἢ πεζὴν ἢ ναυτικὴν στρατιάν), или если кто, будучи оратором, не будет говорить наилучшее народу Афин [т.е. будет говорить ему во вред — Т.К.], взяв деньги [т.е. будучи подкупленным] (ἢ ῥήτωρ ὢν μὴ λέγῃ τὰ ἀριστα τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων χρήματα λαμβάνων)» (IV, 7–8). Этот же закон приводится у одного из лексикографов (Lexicon Rhetoricum Cantabrigiense, s.v. εἰσαγγελία), который ссылается на четвертую книгу не дошедшего до нас труда Феофраста «О законах» («Περὶ νόμων»): «...Если кто-нибудь пытается ниспровергнуть [власть] народа или оратор не дает наилучшие советы, взяв деньги (ἐάν τις καταλύῃ τὸν δῆμον ἢ ῥήτωρ μὴ τὰ ἀριστα συμβουλεύῃ χρήματα λαμβάνων), или если кто-нибудь предаст [врагам] какое-либо место, либо флот, либо сухопутное войско (ἢ ἐάν τις πωιδιδῶ χωρίον ἢ ναῦς ἢ πεζὴν στρατιάν), или если кто-нибудь перейдет к врагам или переселится к ним (ἢ ἐάν τις εἰς τοὺς πολεμίους ἀφικνῆται ἢ μετοικῇ παρ' αὐτοῖς), или если кто-нибудь пойдет вместе с ними в поход или возьмет взятку (ἢ στρατεύεται μετ' αὐτῶν ἢ δῶρα λαμβανῇ)». Более сжатая формулировка закона представлена у Поллукса (VIII, 51 — также со ссылкой на Феофраста): «исангелии случались и против ниспроверяющих [власть] народа, или ритором, не дающих народу наилучшие советы, или против перешедших к врагам, или предавших крепость, войско или флот» (κατὰ τῶν καταλύοντων τὸν δῆμον ῥητόρων ἢ μὴ τὰ ἀριστα τῷ δήμῳ λεγόντων ἢ πρὸς τοὺς πολεμίους... ἀπελθόντων, ἢ προδόντων φρούριον ἢ στρατιάν ἢ ναῦς). В тексте закона можно усмотреть намек на существование архэ (πόλιν τιὰ προδῶ) и страх перед олигархическими гетериями (ἢ ἑταιρικὸν συναγάγῃ), что и позволяет датировать его второй половиной Пелопоннесской войны, после первого олигархического переворота. Во всяком случае, Лисий в речи «Против Филона» (между 403 и 394 гг.), видимо, цитирует именно этот закон: если кто предает врагам крепость, или корабль, или лагерь (εἰ μὲν τις φρούριόν τι προῖδωκεν ἢ ναῦν ἢ στρατόπεδόν τι), то к нему применяется смертная казнь (XXXI, 26).<sup>1</sup>

В содержании закона, приводимом в двух источниках (Гиперид и опосредованно — Феофраст), есть расхождение. Можно предположить, что один из них или даже оба цитировали его по памяти. У Гиперида

<sup>1</sup> Эти и другие аргументы в пользу датировки 411/410 г.: *Thalheim Th. Zur Eisangelie in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 339–345; idem. Eisangelie-Gesetz in Athen. S. 306–309.*

более четкое изложение первой части закона, зато у Феофраста (в версии лексикографа) приводится расширенный вариант второй части (об измене). Вероятно, на этот же закон ссылается Демосфен, когда он говорит о суровой каре (смертная казнь) по обвинению в форме исангелии для того оратора, который обманет народ (XLIX, 67 — *ἐὰν τις τὸν δῆμον ὑποσχόμενος ἐξαπατήσῃ, εἰσαγγέλλαν εἶναι περὶ αὐτοῦ*).<sup>1</sup>

Как мы видим, νόμος εἰσαγγελτικός четко формулировал случаи, в которых следовало подавать чрезвычайную жалобу (по крайней мере, с конца V в. до н.э.): попытка ниспровержения демократии и составление заговора (гетерии) с этой целью; измена отечеству и дружественным городам; речи или предложения продажного политика, направленные против блага народа или обманывающие народ. Некоторые лексикографы утверждают также, что исангелия была формой доноса против необычных преступлений, не описанных в существующих законах и требующих немедленного разбирательства (*κατὰ καινῶν καὶ ἀγράφων ἀδικημάτων* — *Lexic. rhet. Cantab.*, s.v. *εἰσαγγέλλω*, со ссылкой на Цицелия, ритор I в. до н.э.; ср.: *Pollux*, VIII, 51). Однако, в источниках V–IV вв. ничего подобного мы не встречаем, и данное свидетельство поздней традиции принимается далеко не всеми исследователями. Г. Бузольт, Дж. Калхун, Р. Боннер и Г. Смит, П. Родс, М. Оствальд считают, что исангелия по необозначенным в законах преступлениям имела место и в V, и в IV в.<sup>2</sup>, а Г. Хагер, А. Гаррисон, Р. Баумэн и М. Хансен, напротив, вообще отвергают версию лексикографов.<sup>3</sup> Компромиссную позицию занимают Ю. Липсиус, Г. Глотц и Э. Бернекер, полагая, что в V в. исангелия допускалась против *καινὰ καὶ ἄγραφα ἀδικήματα*, а в IV в. после принятия специального закона — только против тех преступлений, которые описаны у Гиперида.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> См.: *Hansen M.H. Eisangelia*. P. 14–15.

<sup>2</sup> *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1895. С. 240; *Calhoun G.M. The Growth of Criminal Law...* P. 62; *Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice...* Vol. I. P. 295–296; *Rhodes P.J. The Athenian Boule*. P. 163–164; *idem. Εἰσαγγέλλω...* P. 107–108; *Ostwald M. From Popular Sovereignty...* P. 53, 532.

<sup>3</sup> *Hager H. On the Eisangelia* // *Journal of Philology*. Vol. 4. 1871. P. 77–78; *Harrison A.R.W. The Law...* P. 54; *Hansen M.H. Eisangelia*. P. 19; еще решительнее в: *Eisangelia in Athens: A Reply* // *JHS*. Vol. 100. 1980. P. 92; *Bauman R. Political Trials...* P. 9–10.

<sup>4</sup> *Lipsius J.H. Das attische Recht*. S. 194, Anm. 53; *Glötz G. The Greek City...* P. 329–330; *Berneker E. Εἰσαγγέλλω* // *Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike*. Bd. II. 1967. S. 217–218. В.В. Вальченко полагает (Исангелия в деле Леократа. С. 120), что, если положение об *ἄγραφα ἀδικήματα* и оставалось в тексте закона об исангелии, где-то со второй половины IV в. оно не применялось.

Последнее мнение кажется более обоснованным: иначе придется ломать голову над тем, под какую формулировку подогнать известные нам из V в. обвинения, которые с большой долей вероятности являлись исангелиями, но едва ли могут быть названы в строгом смысле изменами, обманом народа или попыткой ниспровержения демократии. Например, обвинение Митридата в тирании или Алкивиада за профанацию мистерий (And., I, 14, 27), последнее — явная асебия, которую мы не находим в тексте закона об исангелии. В каких-то случаях, если подходящего закона не существовало, он мог быть создан *ad hoc*. Так, псефизма Диопифа одновременно определяла те прегрешения против религии, которые под нее подпадали, и устанавливала исангелию в качестве процедуры для привлечения виновных к ответственности. Вероятно, исангелия в V в. использовалась и для тех преступлений, которые были обозначены в действующих законах (например, продосия), и для тех, которые не были ими определены, но были сочтены Советом или экклесией достаточно серьезными для запуска процедуры чрезвычайной жалобы.<sup>1</sup> Фактически же исангелии и в V, и в IV в. были подсудны все деяния, которым придавалось политическое значение, — если их содержание не вписывалось в закон об исангелии, оно могло быть искусственно подтянуто, переквалифицировано в соответствии с ним.<sup>2</sup>

Доносчик (им мог быть любой — свободный или раб, гражданин или иностранец) заявлял о государственном преступлении либо в Совете (εἰσαγγελία εἰς τὴν βουλὴν), либо непосредственно в экклесии (εἰσαγγελία εἰς τὸν δῆμον) (Нагр., s. v. εἰσαγγελία). В буле обращались, когда обвинения выдвигалось против должностных лиц (Aristot. Ath. pol., 45, 2; стандартное обвинение — в противозаконном поведении — μὴ χρῆσθαι τοῖς νόμοις), а перед собранием можно было обвинять как частное лицо, так и должностное.<sup>3</sup> Не исключено, что до реформы Эфиальта исангелия в связи с должностными преступлениями разбира-

<sup>1</sup> См.: MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 184.

<sup>2</sup> См.: Bonner R.J., Smith G. Op. cit. Vol. I. P. 306; Вальченко В.В. Исангелия в деле Леократа. С. 117, прим. 7.

<sup>3</sup> См.: Lipsius J.H. Op. cit. S. 201–208; Hansen M.H. Eisangelia. P. 22; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 185–186. В источниках точно не прописано различие исангелии перед Советом и перед экклесией (о существовании таких её разновидностей упоминает Гарпократион), поэтому, в отличие от Липсиуса и проч., П. Родс считает, что *всякая* исангелия начиналась с внесения жалобы в Совет, который должен был обсудить её и представить свою пробулевму собранию (Rhodes P.J. The Athenian Boule. P. 167; Εἰσαγγελία... P. 109–112). Реконструкция М. Хансена, поддержанная Э. Кэрвэном, кажется все же более правдоподобной.

лась в суде Ареопага.<sup>1</sup> При выдвижении обвинения перед Советом, он имел право своей властью решать дела не столь значительные (если предполагаемое наказание не превышало штрафа в 500 драхм), т.е. его вердикт в этом случае был окончательным; более важные дела представлялись на решение народа (Dem., XLXVII, 43).<sup>2</sup> Как и в этом случае, так и тогда, когда исангелия подавалась прямо в собрание, народ прежде всего решал, следует ли принять донос или нет. Если решение оказывалось утвердительным, то собрание поручало Совету представить предварительное заключение (пробулевму). На следующей экклесии пробулевма обсуждалась и принималась (возможно, с изменениями, в смягченной форме etc.). В соответствии с решением собрания дело либо рассматривалось в нем, либо передавалось суду гелиастов. Судя по имеющейся у нас информации, в серьезных делах (обычно — измена, заговор против демократии), грозящих смертью или изгнанием, требовалось именно голосование народа.<sup>3</sup> Кстати, исангелия — единственный вид процесса, в котором собрание было правомочно выносить приговоры, все остальные судебные разбирательства проходили строго в суде. По Ксенофону, во время процесса стратегов-победителей (см. ниже) голосовали по филам с использованием двух урн: в одну клали камешки для оправдания, в другую — для осуждения (Hell., I, 7, 9). Однако складывается впечатление, что в других случаях голосовали, как обычно бывало в экклесии, — поднятием рук (Lys., XXIX, 2 — *Ερυσκλῆος... ἵμεῖς θάνατον κατεχεῖροτονήσατε*; ср. Dem., XLIX, 10).<sup>4</sup>

Исангелия могла быть запущена и через механизм, известный в классических Афинах под названием апохиротония (*ἀποχεῖροτονία* — букв. «отклонение, смещение поднятием рук»). По сути, это был импичмент, который народ объявлял должностному лицу особым голосованием на *kuría êkklēsia* (главном народном собрании), обвиняя того в коррупции, измене, злоупотреблениях во время исполнения должностных обязанностей. Такое голосование вело к принятию постановления о передаче дела на судебное разбирательство. Немало процессов, описываемых в источниках как исангелии или процессы в связи со сдачей отчета (этины), в V–IV вв. начинались именно таким образом.<sup>5</sup> Как

<sup>1</sup> См. доводы в пользу данного предположения в: *Caravan E.M.* Op. cit. P. 185–191.

<sup>2</sup> См.: *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 22–27.

<sup>3</sup> См.: *Hansen M.H.* Ibid.; *Caravan E.M.* Op. cit. P. 170.

<sup>4</sup> См.: *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. II. P. 58.

<sup>5</sup> Например, процессы Эргокла, Тимофея; по всей вероятности, Леосфена (стратега 362/1), Автокла, Кефисодота. Обсуждение процедуры апохиротонии и исангелий, инициированных через данную процедуру — см.: *Hansen M.H.* Op. cit. P. 24, 41–44; *Roberts J.T.* Accountability... P. 14–29.

заметил Э. Кэрвэн, благодаря данной процедуре демос брал дела по должностным преступлениям под свой контроль, который обычно составлял прерогативу Совета или (когда-то) Ареопага.<sup>1</sup>

В некоторых случаях, в частности, когда речь шла об измене или заговоре против демократии (ἐπὶ καταλύσει τοῦ δήμου), Совет проводил предварительное расследование, результаты которого передавались в экклесию, и та принимала постановление о процессе. Так, например, происходило разбирательство по делу о профанации мистерий и об осквернителях герм (Thuc., VI, 27–28; Andoc., I, 36; Diod., XIII, 2) или в делах по доносу (μήνσις) Агората (Lys. XIII, 19–38).<sup>2</sup>

В период с 403 по 362 г. до н.э. большинство дел по исангелии рассматривалось в народном собрании, между 361 г. и 324 г. — ни одного. Последние процессы, о котором нам известно, что они слушались в экклесии, имели место в 362 г. (процесс Каллисфена и Эргофила). После этой даты все дела по исангелии, о которых мы имеем сведения из источников, разбирались в народном суде.<sup>3</sup> Еще Талхайд и Липсиус предположили, что примерно в середине IV в. до н.э. νόμος εἰσαγγελτικός был изменен.<sup>4</sup> М. Хансен решительно поддерживает эту точку зрения, которая прекрасно вписывается в его концепцию о перераспределении власти в IV в. до н.э. от народного собрания к народному суду.<sup>5</sup> Версия об изменении закона не лишена смысла, хотя стопроцентно доказать что-либо невозможно, когда главный аргумент — *argumentum ex silentio*. Неясны и причины подобного новшества (если оно вообще имело место). Возможно, главную роль сыграли соображения экономии: процесс по исангелии в народном собрании занимал весь день, т.е. покрывал всю повестку дня, и должен был стоить примерно 1 талант (из расчета, что присутствовало около 6000 экклезиастов, а 1 драхма — плата за посещение экклесии), в суде же процесс стоил бы 250 драхм (при судебной комиссии в 501 человек и трех оболов оплаты). Побудить афинян к экономии могло и то, что в конце Союзнической войны государство было фактически банкротом.<sup>6</sup> Если

<sup>1</sup> *Caravan E.M.* Eisangelia and Euthyna. P. 177.

<sup>2</sup> *Ibid.* P. 182–185. В деле о гермокопидах именно в результате расследования Совета информация Диоклида была опровергнута, а подозреваемые освобождены.

<sup>3</sup> См.: *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 53–55.

<sup>4</sup> *Thalheim Th.* Zur Eisangelie... S. 351–352; *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 191–193.

<sup>5</sup> *Hansen M.H.* *Ibid.*

<sup>6</sup> См.: *Hansen M.H.* Op. cit. P. 55; *idem.* The Athenian Democracy... P. 159; *Stockton D.L.* The Classical Athenian Democracy. P. 82.

«экономическая причина» выглядит достаточно разумной, то совершенно абсурдными являются намеки М. Хансена на некую идеологическую подоплеку: эта мера — будто бы еще один сознательный шаг афинян по направлению к умеренной демократии, таким образом они выполняли завет Исократ (VII, 15) вернуться к славным временам древнего государственного устройства.<sup>1</sup>

Все исангелии рассматривались только перед судом в расширенном составе (как и по жалобе на противозаконие), т.е. 501 судьей. В отдельных случаях количество судей возрастало до 1001, 1501 человек (Philoch., FgrHist., F 199) или даже 2501 (Din., I, 52). В отличие от других видов процесса здесь не частное лицо, а сам Народ выступал в качестве истца, поэтому назначались общественные обвинители, которые вели дело от его имени. Лица, подававшие донос в форме исангелии, имели то важное преимущество, что они ничем не рисковали, тогда как обвинитель по другим государственным преступлениям, не привлекий на свою сторону даже пятой части голосов судей, платил штраф в 1000 драхм и подвергался атимии (Нур. II, 8; Pollux, VIII, 52–53). Подзащитные иногда жаловались на то, что заявители выдвигают лживые обвинения по исангелии без всякого для себя риска (Is., XI, 31; Нур., I, 12). Но если выступивший с чрезвычайным заявлением отказывался от обвинения, он должен был заплатить штраф в 1000 драхм, как и при других государственных исках (hypoth. Dem., XXV, 2–3; Лис., fr. 11).

Исангелия рассматривалась как тяжелейшее обвинение, поэтому обвиняемый мог быть даже подвергнут аресту до суда (по решению Совета — Dem., XXIV, 63), что, несомненно, затрудняло для него подготовку к процессу (поиск свидетелей, доказательств etc.). Нередко бывали случаи, когда, оставаясь на свободе, обвиняемый предпочитал процессу бегство и изгнание — это объясняется тем, что наказания по исангелии были очень суровыми, а оправдания случались нечасто.<sup>2</sup>

Процесс по исангелии был ἀὐτὴν τίσις. Если обвиняемый признавался виновным, то следовало еще одно голосование, с помощью которого судьи выбирали между наказанием, предложенным им, и выдвинутым его обвинителем (Dem., XXIII, 167). Собрание (или гелиэя) голосовало один раз, если обвинение по исангелии имело форму декре-

<sup>1</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 56; *idem*. The Athenian Democracy... P. 159. На вероятность «экономического» объяснения и сомнительность «идеологического» указывает также Л. Каллет-Маркс: Kallet-Marx L. Institutions, Ideology, and Political Consciousness in Ancient Greece: Some Recent Books on Athenian Democracy // JHI. Vol. 55. 1994. P. 333.

<sup>2</sup> Длинный список таких беглецов — см.: Hager H. On the Eisangelia. P. 108.

та, в который уже было включено предполагаемое наказание (Pollux, VIII, 51).<sup>1</sup> В случае признания вины обычный приговор на процессах по исангелии — смертная казнь, гораздо реже — штраф<sup>2</sup>. Штраф был столь велик, что осужденный автоматически становился государственным должником и ἀτίμος до конца жизни (Din., I, 14). Обвиняемый мог быть осужден *in absentia*, как это произошло, например, с Фемистоклом.

Если принять версию о том, что юрисдикция по важнейшим государственным преступлениям перешла к Совету и экклесии в эпоху клисфеновских реформ, то первым таким процессом, прообразом будущих исангелий по обвинению в измене и заговоре против демократии, могла явиться процедура, задействованная против Исагора и его сторонников. Правда, в рассказе Аристотеля и Геродота о событиях 508/7 г., связанных с восстанием афинян против Исагора и поддерживавших его спартанцев во главе с царем Клеоменом и бегством «друга тиранов» (φίλος τοῦ τῶν τυράννων — Aristot. Ath. pol., 20, 1), нет прямых указаний на то, что над захваченными приверженцами Исагора состоялся суд (Hdt., V, 72; Aristot. Ath. pol., 20). Геродот говорит только, что «афиняне заключили их в темницу для казни» (Ἀθηναῖοι κατέδησαν τὴν ἐπὶ θανάτῳ — V, 72, 4); один схолиаст уточняет: «присудили к смерти» (αὐτῶν δὲ θάνατον ἐψηφίσαντο — ad Aristoph. Lys., 273). Однако некоторые исследователи полагают, что именно тогда был создан прецедент для будущих чрезвычайных процессов.<sup>3</sup>

По утверждению источников (Dem., VIII, 28–29; XIII, 5; Нур., IV, 27), главной жертвой исангелий были стратеги. Подробный анализ процессов, проведенный М. Хансеном и Р. Синклэром, подтверждает эти сведения<sup>4</sup>; Л. Сэмонс пишет о «шокирующей частоте», с которой привлекались стратеги к суду<sup>5</sup>. Как Дамоклов меч, над головой афинского полководца висела угроза обвинения в государственном преступлении: в случае неудачи, «если бы он потерял хотя бы один город или только

<sup>1</sup> См.: Hansen M.H. Eisangelia. P. 33. Примеры — № 62, 66, 111, 135–137 из его каталога.

<sup>2</sup> В 144 процессах, сведения о которых были собраны Хансеном и обобщены в его каталоге, более 100 раз выносился смертный приговор и только в 15 случаях последовало оправдание: Hansen M.H. Eisangelia. P. 68–120.

<sup>3</sup> Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. S. 1007; Ostwald M. The Athenian Legislation against Tyranny and Subversion // TAPhA. V. 86. 1955. P. 109, note 31; Caravan E.M. Eisangelia and Euthyna. P. 185.

<sup>4</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 59–60, 68–120; Sinclair R. K. Democracy... P. 146–152.

<sup>5</sup> Samons L.J. What's Wrong with Democracy? P. 146. Также: Moss C. Athens in Decline. P. 24.

десяток кораблей... сразу бы на него донесли, обвинив в предательстве», потащили в суд и осудили бы на смерть — эту душераздирающую картину рисует Демосфен (XX, 79 — пер. В.Г. Боруховича). В первой филиппике великий оратор сокрушается: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью, с врагами же ни один из них не имеет решимости сразиться с опасностью быть убитым; смерть охотников за рабами и смерть грабителей они предпочитают почетной смерти: злодею ведь подобает смерть по приговору суда, а полководцу смерть в бою с врагами» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига). Парафразируя Демосфена, можно сказать, что для стратега риск быть приговоренным к смертной казни по обвинению в государственном преступлении был более весом и реален, чем риск погибнуть в бою. Если этот и подобные ему риторические пассажи хоть в какой-то степени основаны на реальных фактах, есть серьезный повод для обвинения в адрес афинской демократии. Из источников нам известны имена 143 стратегов (432–355 гг.), из них более 30 обвинялись по исангелиям, если прибавить сюда другие виды процессов, эта цифра еще более возрастет. Всего из 37 привлеченных к суду стратегов только 5 были оправданы, 6 отделались штрафом, 21 были приговорены к смерти (10 — *in absentia*).<sup>1</sup> За тот же период погибло в сражениях или было казнено врагами 24 стратега (из них 21 в Пелопоннесскую войну).

В следующих параграфах мы остановимся более подробно на некоторых процессах по исангелии последней трети V и IV вв. до н.э. Каталог всех доподлинных и вероятных (иногда — *маловероятных*) процессов по исангелии составил М. Хансен, дав их краткое описание, снабдив комментарием и ссылками на источники.<sup>2</sup> В отличие от датского историка мы не ставим перед собой цель осветить *все* процессы такого рода, а лишь наиболее значимые, любопытные, могущие дать определенную пищу для наших выводов и наблюдений, при этом преимущественное внимание мы будем уделять процессам стратегов, а также тем, в которых были задействованы видные политические фигуры.

<sup>1</sup> Эти 143 «покрывают» 289 стратегий из общего количества 770 (за 77 лет). Подсчеты — М. Хансена: *Eisangelia*. P. 60–63; *idem*. *The Athenian Democracy*... P. 217 (уточнены). Синклер (*Democracy*... P. 148) полагает, что относительно некоторых примеров, приведенных Хансеном, нет уверенности, что обвинение было именно по исангелии; это могли быть и другие процессы, в частности *euthynai*.

<sup>2</sup> *Hansen M.H. Eisangelia*. P. 69–120.



## § 2. Процессы по исангелии во время Пелопоннесской войны

Начало практики привлечения стратегов к суду по исангелии прослеживается еще с V в. до н.э. Правда, существуют большие трудности, о чем мы уже упоминали в I-й главе, с определением точной процедуры, по которой проходили первые из известных нам афинских судебных процессов, — наши источники не балуют нас точной информацией по этому поводу. Не исключено, что первый процесс Мильтиада и процесс Гиппарха проходили по исангелии, очень вероятно, что таковым был второй процесс Мильтиада и почти наверняка — процесс Фемистокла. Жертвами обвинений по чрезвычайному заявлению становились не только стратеги. Судя по Плутарху, обвинение против философа Анаксагора было представлено в форме исангелии; если это так, то это первая известная нам исангелия по обвинению в нечестии — асебии (Per., 32, 2). Однако и в этом случае процесс носил несомненно политический характер (подробнее — см. § 4, гл. I).

Количество известных нам процессов по исангелии резко увеличивается с началом Пелопоннесской войны. Во время тяжелой и продолжительной войны отношения между демосом и его полководцами нередко приобретали весьма драматический характер. Предположительно, исангелией, которая слушалась в экклесии, был процесс самого Перикла в 430 г. (Thuc. II, 65, 3; Plut. Per. 35, 4). Вероятно, по исангелии были осуждены несколько стратегов 425/424, командующих т.н. первой экспедицией в Сицилию. Евримедонт, Пифодор и Софокл заключили мирный договор, афиняне же полагали, что они могли подчинить остров, но не сделали этого, будучи подкупленными (*δῶροις πεισθέντες*). Софокл и Пифодор были приговорены к изгнанию (или бежали до суда), а Евримедонт — к штрафу (Thuc. IV, 65, 3).<sup>1</sup>

Возможно, процесс самого автора «Истории Пелопоннесской войны» был исангелией. По предположению М. Хансена, за неудачу под Амфиполем, в результате которой этот столь важный для афинян стратегический пункт оказался в руках спартанцев (Thuc., IV, 106, 3), против Фукидида, тогда члена коллегии стратегов 424/423 г., была подана в собрание *εἰσαγγελία* *πρόδοσις*.<sup>2</sup> Маркеллин, поздний биограф Фуки-

<sup>1</sup> Так считает М. Хансен (Eisangelia. P. 73); по мнению М. Оствальда (From Popular Sovereignty... P. 314–315), стратеги были обвинены во время сдачи отчета (*euthynai*).

<sup>2</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 74. О том, что Фукидид был обвинен в измене свидетельствуют его поздние биографы: Marc. Vita Thuc., 55; Anon. Vita Thuc., 3.

дида (сер. V в.), называет Клеона обвинителем стратега (Vita Thuc., 46) — некоторые исследователи считают это вполне вероятным,<sup>1</sup> другие отвергают данное свидетельство как анекдотичное.<sup>2</sup> Какие-либо детали процесса и какой именно был вынесен приговор, — неизвестно; в любом случае, неудачливый стратег едва ли присутствовал на своем процессе в Афинах,<sup>3</sup> предпочтя сразу же отправиться в изгнание, обеспечившее его столь драгоценным для исторической науки досугом (σχολή).

Несколько громких процессов в годы Пелопоннесской войны, проходивших по процедуре исангелии, были связаны с обвинением в асебии. В данном разделе нашей работы мы рассматриваем прежде всего процессы *стратегов*, кроме того процессы нечестивцев — гермокопидов и осквернителей мистерий — неоднократно становились предметом исследования,<sup>4</sup> однако совершенно обойти их молчанием представляется неплодотворным: нам важны некоторые процедурные, политические и историко-психологические детали тех событий.

За три или четыре недели до отплытия Сицилийской экспедиции в одну ночь в Афинах были изуродованы почти все гермы. В происшествии, по словам Фукидида, усмотрели дурное предзнаменование и вместе с тем заговор, направленный на свержение демократии (VI, 27, 3). Доносчикам была обещана безнаказанность и награда. Сначала раб Андромах, затем метек Тевкр заявили, что еще ранее компания молодых людей, будучи в состоянии опьянения, повредили какие-то другие святыни и пародировали на пирушках мистерии; в числе участников было

<sup>1</sup> Жебелев С.А. Фукидид и его творение // Фукидид. История. СПб., 1999. С. 411; Фролов Э.Д. Фукидид и становление науки история в античной Греции // Фукидид. История. С. 18; Gomte A. НСТ. Vol. III. Oxf., 1956. P. 585.

<sup>2</sup> Hansen M.H. Op. cit. P. 74.

<sup>3</sup> Высказывалось предположение, что Фукидид вернулся в Афины, предстал перед судом и был приговорен к изгнанию (например: Жебелев С.А. Указ. соч. С. 411; Gomte A. НСТ. Vol. III. P. 585; Bauman R. Political Trials... P. 59–60). Contra: MacDowell D.M. Aristophanes *Wasps*. P. 173; Hansen M.H. Eisangelia. P. 74; Roberts J.T. Accountability... P. 221, note 221.

<sup>4</sup> Упомянем некоторые работы: Нукитюк Е.В. Оратор Андокид и процессы по обвинению в религиозном нечестии... С. 23–36; она же: Сущность и цели кошунства 415 г. до н.э. С. 115–124; MacDowell D.M. Andokides. *On the Mysteries*. Oxf., 1962; Dover K. Excursus on the Herms and the Mysteries // НСТ. Vol. IV. P. 264–288; Marr J.L. Andocides' Part in the Mysteries and Hermae Affairs 415 B.C. // ClQu. Vol. 21. 1971. P. 326–338; Murray O. The Affair of the Mysteries: Democracy and the Drinking group // Sympotica: A Symposium on the Symposion / Ed. O. Murray. Oxford, 1990. P. 149–161; Furley W.D. Andocides and the Herms. A Study of Crisis in Fifth-century Athenian Religion // BICS. Supplement. Vol. 65. L., 1996; Graf F. Der Mysterienprozeß // GP. S. 114–127.

названо имя Алкивиада; в доносе Тевкра речь шла также о разрушителях герм, некоторых из которых он назвал поименно (Thuc., VI, 28, 1; And., I, 11–15). С Алкивиадом все понятно: его политические враги не упустили случая расправиться с ним, к тому же само поведение Алкивиада, его выходки, пренебрежение традициями, высокомерие делали правдоподобными обвинения в кошунстве (Thuc., VI, 28, 2). Гораздо более темная история — с осквернением герм. То, что это было сделано одномоментно (за одну ночь) и массово, показывало спланированный характер акции — это был действительно заговор. С какой целью? Сорвать экспедицию? Некоторые не отрицают, что такое намерение могло быть хотя бы дополнительной целью заговорщиков;<sup>1</sup> другие отбрасывают данную версию, исходя из того, что идея экспедиции пользовалась массовой поддержкой и сорвать её даже таким способом было нереально.<sup>2</sup> Сорвать, может быть, и было нереально, но бросить тень, омрачить, смутить души и тех, кто отплывал, и тех, кто оставался, посеять неуверенность и страх, — это осквернителям было вполне по силам.

Встречается мнение о том, что кошунство было совершено в качестве залога верности (πίστις), — оно основано на передаваемых Андокидом словах лидера гетерии Евфилета, будто бы организовавшего это грязное дело (I, 67). Приводятся как политические мотивы сего действия (неблагоприятным знамением притормозить отплытие экспедиции, сплотить гетерию для будущих акций),<sup>3</sup> так и личные (из-за зависти к Алкивиаду Евфилет предложил своим гетайрам принести ему в такой вот форме залог личной верности).<sup>4</sup> Некоторые делают акцент на религиозной интерпретации кошунства, считая его «политическое прочтение» недостаточным и односторонним и вписывая его в контекст софистического движения: это вызов религиозной традиции, осуществленный преимущественно молодыми интеллектуалами-скептиками.<sup>5</sup> Несомненно одно: мы никогда не узнаем истинных мотивов афинских хулиганов, изуродовавших гермы; удел современных ученых, как и современников тех событий, — исключительно догадки. Кажется маловероятным только, что осквернение герм было просто выходкой пьяной компании и

<sup>1</sup> Aurenche O. Les groupes d'Alcibiade, de Liogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974. P. 173–175.

<sup>2</sup> Marr J.L. Op. cit. P. 337–338; Ostwald M. From Popular ... P. 324–326.

<sup>3</sup> MacDowell D.M. Op. cit. P. 191–193.

<sup>4</sup> Никитюк Е.В. Сущность и цели кошунства 415 г. до н.э. С. 122–123.

<sup>5</sup> Furley W.D. Op. cit. P. 20–22; Graf F. Op. cit. S. 121–122, 126. В рамках своей «религиозной интерпретации» Граф не исключает версию и о «залоге верности».

юношеским вандализмом (и такая трактовка предлагалась), без какой-либо осознанной политической мотивации.<sup>1</sup>

Впечатляющее описание истерии, охватившей в результате неслыханного святотатства афинян, приводится у Фукидида (VI, 60). День ото дня множилось количество доносов,<sup>2</sup> усиливалась подозрительность и нервозность народа, и возрастало число арестованных. Очень быстро подозрение пало на Андокида, поскольку герма филы Эгеиды, стоящая возле его дома, чуть ли не единственная оказалась неповрежденной; к тому же благодаря своим высказываниям он имел репутацию ненавистника демоса и сторонника олигархии (*μισόδημος* и *ὀλιγαρχικός* – And., I, 62; Plut. Alc., 21, 2–3; о его речах и высказываниях, подтверждающих данную репутацию, – Plut. Them., 32, 4; And., fr. 3–5).<sup>3</sup> Против названных в доносах подлинных или мнимых осквернителей герм была применена процедура исангелии.<sup>4</sup> Использование данной процедуры при обвинении в асеебии указывало на то, что по мнению обвинителей, разделявшемуся, очевидно, большинством афинян, данное преступление угрожало не только религиозным, но и политическим устоям государства. Больше всего имен (42) фигурировало в заявлении Диоклида, внесшего исангелию в Совет (And., I, 37; Isocr., XVI, 6). Пожалуй, в момент представления этого доноса панически-истерические настроения среди афинян достигли кульминации: после Диоклида выступил Писандр и предложил отменить давнюю псефизму, запрещающую пытки граждан, а затем попытать перечисленных в доносе еще до наступления ночи; буле выразило полное одобрение этому антигуманному предложению (And., I, 43). Были произведены массовые аресты, в числе задержанных был и Андокид. Его признание и свидетельство (Андокид назвал Совету якобы подлинные имена осквернителей) уличило Диоклида во лжи; последний был передан на суд дикастов и осужден на смерть (And., I, 61).

<sup>1</sup> Возможность этого допускали: Meyer E. *Geschichte des Altertums*. Bd. IV, 2. S. 216 («Ein Bubenstreich»); Dover K. *НСТ*. Vol. IV. Oxf., 1970. P. 285–286; Ostwald M. *Op. cit.* P. 326. См. доводы contra в: Никитюк Е.В. Указ. соч. С. 118–119.

<sup>2</sup> Андокид упоминает помимо доносов Андромаха и Тевкра доносы Агаристы и некоего лидийца, раба Ферекла (I, 16–17); см. также — Isocr., XVI, 7.

<sup>3</sup> Об Андокиде, его полной неожиданных перемен жизни, его роли в деле гермокопидов — см. прекрасный очерк Э.Д. Фролова: «Из истории политической борьбы в Афинах в конце V в. до н.э. (Андокид и процесс гермокопидов) // Андокид. Речи, или История святотатцев / Перевод и комментарии Э.Д. Фролова. СПб., 1996. С. 5–32. В приложениях опубликованы фрагменты недоевших речей Андокида (С. 191–192).

<sup>4</sup> Доводы в пользу того, что данная процедура была задействована против всех, кто был заявлен в доносах, — см.: Hansen M.H. *Eisangelia*. P. 77–81.

Степень виновности Андокида и тех, на кого он донес, — вечно останется под вопросом. Лучше всего сказал по данному поводу Фукидид в своем историко-психологическом резюме: «Итак, один из заключенных убедил другого сознаться, говоря, что хотя он и невиновен, но своим сознанием добудет себе безнаказанность и спасет себя, а государство избавит от царящей в нем подозрительности... Тот и показал по делу о гермах на себя и на других. Народ с радостью ухватился за это показание, которое считал достоверным, тем более, что прежде страшился при мысли: а вдруг ему не удастся открыть заговорщиков против демократии. Обличитель и с ним все другие, на которых не было указано обвинения, были тотчас освобождены, а над обвиненными народ учинил судебное разбирательство. Причем все захваченные были казнены, а бежавшие приговорены к смерти и головы их сверх того оценены. Заслуженно ли понесли наказание потерпевшие, осталось неизвестным, но всему государству, при сложившихся тогда обстоятельствах, это принесло очевидную пользу» (VI, 60, 4–5 — пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева).

Из около 300 человек, вовлеченных в это дело, нам известно поименно 65, которых привлекли или пытались привлечь к суду.<sup>1</sup> Примерно половина бежала и была осуждена *in absentia*; их имена были выбиты на стелах; в некоторых случаях их имущество было конфисковано и продано полетами (соответствующие надписи также были сделаны на стелах).<sup>2</sup> Более подробная информация есть о 27 обвиняемых; большинство из них — люди молодого возраста (21 человек — от 25 до 35 лет); все 27 — из состоятельных и известных семейств; значительная часть из них после 415 г. в той или иной форме выказывала свою антипатию к демократии — от неистовой ненависти у Крития до аристократической сдержанности и отстраненности у Хармида.<sup>3</sup>

Среди рассматриваемых в 415/414 г. дел нечестивцев особое значение благодаря политическим последствиям имел процесс Алкивиада. Еще до отъезда фактического главнокомандующего экспедицией на Сицилию Пифоник пытался организовать импичмент стратега и обвинил его в профанации мистерий, внеся исангелию (And., I, 11; 27 — *είσαγγέλειν*; Isocr., XVI, 6–7). В доносе Андромаха (на него ссылался

<sup>1</sup> Список см. у К. Довера: НСТ. Vol. IV. P. 277–282.

<sup>2</sup> Об этих стелах — см., например: Lewis D. M. *After the Profanation of the Mysteries* // *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg on His 75th Birthday* / Ed. E. Badian. Oxford, 1965. P. 177–191; их публикация и перевод на русский язык — в: Андокид. Речи, или История святотатцев / Пер. Э.Д. Фролова. С. 156–190.

<sup>3</sup> См.: Ostwald M. Op. cit. P. 329–330.

Пифоник) помимо самого Алкивиада фигурировало несколько его друзей и их рабов. Из числа обвиненных один (Полистрат) был схвачен и казнен, прочие же, пустившись в бегство, были осуждены на смерть *in absentia* (And., I, 12–13). Несмотря на требование Алкивиада рассмотреть его дело до отъезда экспедиции, оно было отложено (Thuc., VI, 29; Plut. Alc., 19, 5–7).

В деле Алкивиада обращает на себя внимание пестрый состав его обвинителей. Бурную анти-алкивиадовскую деятельность развил популист и демагог Андрокл.<sup>1</sup> По утверждению Плутарха, он представил нескольких рабов и метеков, которые донесли об участии Алкивиада в деле осквернения герм и пародирования мистерий (Plut. Alc., 19, 1; также — Thuc. VIII, 65, 2; And., I, 27).<sup>2</sup> После отплытия флота против стратега была подана новая исангелия. На этот раз жалобу в Совет внес Фессал, сын Кимона, *ex origine et nomine* должествующий сочувствовать по меньшей мере консервативным воззрениям. Совет передал дело на суд народному собранию (Thuc., VI, 61, 4–5; Isocr., XVI, 6; Diod., XIII, 5; Plut. Alc. 22, 4–5). Любопытно, что хотя Алкивиад был обвинен в нарушении «правил и установлений Эвмолпидов, Кериков и элевсинских жрецов» (Plut. Alc. 22, 4), среди обвинителей не было никого из вышеперечисленных «заинтересованных лиц».

Плутарх приводит текст исангелии: «Фессал, сын Кимона, из Лакиадского дема обвиняет Алкивиада, сына Клиния из Скамбонидского дема, в оскорблении двух богинь, Деметры и Коры, путем подражания мистериям, которые он показывал у себя в доме своим товарищам, надевая церемониальное платье [стола], в котором иерофант показывает священные предметы, и называя себя иерофантом, Политиона — жрецом-факелоносцем [дадухом], Теодора из дема Фегея — глашатаем, других же друзей — мистами и эпоптами в нарушение законов и установлений Эвмолпидов, Кериков и элевсинских жрецов» (пер. Е. Озерецкой, с нашими изменениями). По постановлению экклесии, за Алкивиадом была отправлена триера «Саламиния». Опасаясь обвинительного приговора, он сбежал по дороге (в Южной Италии, в районе Фурий), объявившись через

<sup>1</sup> Андрокл не раз бывал мишенью комедиографов за свое мздоимство и потакание толпе (Aristoph. *Vesp.*, 1187; fr. 570; Telecl., fr. 15; Cratin., fr. 208, 263, 458).

<sup>2</sup> М. Хансен считает, что свидетельство Плутарха “is of no value”, так как он путает доносы Тевкра и Андромаха с обвинениями Андрокла (Eisangelia. P. 76); нам кажется вполне вероятным, что эти последние могли основываться на «материале» прошлых доносов. Заметим, что Фукидид, рассказывая об убийстве Андрокла в 411 г. сторонниками олигархов, назвал его важнейшим виновником изгнания Алкивиада (VIII, 65, 2).

какое-то время в Спарте; процесс над ним *in absentia* завершился вынесением смертного приговора (Thuc., VI, 53, 1; 61, 4–7; Isocr., XVI, 8; Diod., XIII, 5, 2–4; Plut. Alc., 21, 7–22). В качестве дополнительного наказания помимо конфискации имущества было постановлено, чтобы его прокляли все жрецы и жрицы (Plut. Alc., 22, 5).<sup>1</sup> К каким последствиям эта история привела для исхода Сицилийской экспедиции (она лишилась своего идейного вдохновителя и самого деятельного стратега), да и всей войны (Алкивиад одарил спартанцев несколькими весьма полезными советами — Thuc., VI, 90–92), — хорошо известно (ср. Thuc., VI, 15, 3–4).

Еще одним примером процесса против нечестивца, имевшего место, видимо, незадолго до или вскоре после описываемых выше событий, был процесс Протагора. За сомнение в существовании богов<sup>2</sup> популярный софист был привлечен к суду, вынужден был бежать из Афин и умер на пути в Сицилию (Philochor., FgrHist., 328 F 217; Diog. L., IX, 52, 54, 55; Cic. Nat. Deor., I, 23, 63; Sext. Emp. Adv. Math., IX, 55–56; schol. Plat. Resp., 600c). Обвинителем, по словам Диогена Лаэртского (IX, 540), был Пифодор (вскоре — один из членов олигархического правительства Четырехсот — Aristot. Ath. pol., 29, 1; Diog. L., IX, 54; а при Тридцати тиранах — архонт-эпоним — Aristot. Ath. pol., 35, 1; Xen. Hell., II, 3, 1). Ссылаясь на Аристотеля, Диоген называет еще одного обвинителя — Евафла (Ibid.). Последний, видимо, часто выступал в таком качестве в судах (Aristoph. Ach., 710; Vesp. 592; fr. 411).<sup>3</sup>

У нас нет сведений, какого рода обвинения были выдвинуты против Протагора и какой суд судил (или собирался судить) его. Некоторые исследователи полагают, что была задействована процедура *исангелии*, а обвинением являлась *асебия* в соответствии с декретом Диопифа.<sup>4</sup> Не исключен и некий политический мотив в затеянном процессе,

<sup>1</sup> Жрица Феано отказалась подчиниться этому предписанию, заявив, что она стала жрицей, чтобы благословлять, а не проклинать (*φάσκουσαν εὐχῶν, οὐ κатарῶν ἱερέαν γεγυῆναι*) (Plut. Alc., 22, 5).

<sup>2</sup> Знаменитое протагоровское высказывание: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, — и вопрос темен, и людская жизнь коротка» (Diog. L., IX, 51 — пер. М.Л. Гаспарова).

<sup>3</sup> Он же — герой известной истории: Протагор «требовал платы со своего ученика Еватла, а тот ответил: Но я ведь еще не выиграл дело в суде!» Протагор сказал: «Если мы подадим в суд, и дело выиграю я, то ты заплатишь, потому что выиграл я; если выиграешь ты, то заплатишь, потому что выиграл ты.» (Diog. L., IX, 56 — пер. М. Л. Гаспарова).

<sup>4</sup> Rudhardt J. La définition du délit d'impieété... P. 91; MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 201; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 328 (правда, на с. 533 он выражает в этом сомнение в виду скудности информации).

учитывая возможные олигархические пристрастия его инициатора Пифодора и то, что Протагор, в прошлом — друг и соратник Перикла (Plut., Per. 36; Diog. L., IX, 50), судя по всему, был чуть ли не единственным греческим мыслителем, автором демократической *теории* (Plat. Prot., 322 c–d).<sup>1</sup> Т. Гомперц и вслед за ним Э. Деренн датируют процесс 416/15 г.<sup>2</sup>, Р. Баумэн — 415 г.,<sup>3</sup> Д. Дэвисон — 421 г. (или 420 г.);<sup>4</sup> в любом случае он состоялся не позднее 411 г. и не ранее 421 г.<sup>5</sup> Итальянский исследователь А. Капицци, которого поддерживает Е.В. Никитюк, предлагает дату между 420 и 417 гг.<sup>6</sup> Е.В. Никитюк отмечает, что в тот момент, когда события в Пелопоннесе сделали актуальной возможность возобновления Пелопоннесской войны, «возбуждение народной массы способствовало обвинению Протагора».<sup>7</sup> Однако «возбуждение народной массы» в 415/414 г. после того, как разразился скандал в связи с делом об изуродовании герм и осквернении мистерий, было куда большим (см. Thuc., VI, 53–61). По версии Секста Эмпирика, философ был осужден на смерть, но смог спастись перед приведением приговора в исполнение (Sext. Emp. Math., IX, 55–56). По сообщению Цицерона (De nat. deor., I, 65) и Диогена Лаэртца (IX, 52), афиняне устроили публичное сожжение книг Протагора.<sup>8</sup>

<sup>1</sup> О политическом мотиве — см.: Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии... С. 131; Wallace R.W. Private Lives and Public Enemies. P. 133–135. О Протагоре как о творце демократической теории: Бергер А. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. С. 191; Larsen J.A.O. The Judgment of Antiquity on Democracy. P. 1–14; Adkins A.W.H. Arete, Techne, Democracy and Sophists: Protagoras 316b–328d // JHS. Vol. 93. 1973. P. 1–12. Хавелок даже пытался восстановить эту теорию, извлекая её из «Протагора» и убирая платоновские искажения; его попытка вызывает уважение, но реконструкция выглядит всё же очень произвольной (Havelock E.A. The Liberal Temper in Greek Politics. New Haven, 1957. P. 155–190).

<sup>2</sup> Гомперц Т. Греческие мыслители / Пер. с нем. Д. Жуковского и Е. Герцык. СПб., 1999. С. 413, прим. 550–551; Derenne E. Les procès d'impiété... P. 51–54.

<sup>3</sup> Bauman R. Political Trials... P. 67.

<sup>4</sup> Davison J.A. Protagoras, Democritus, and Anaxagoras. P. 36–38.

<sup>5</sup> Евполид упоминает о Протагоре как о проживающем в Афинах в своей пьесе «Льстецы» (Κολακεῖς), поставленной в архонтство Алкея, т.е. в 422/1 г. (Athen. 218b–c).

<sup>6</sup> Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии... С. 130. У нее же — см. ссылку на: Capizzi A. Protagoras. Firenze, 1955. P. 220 sqq.

<sup>7</sup> Никитюк Е.В. Указ. соч. С. 131.

<sup>8</sup> Некоторые исследователи не допускают возможности того, что афинская демократия могла так обойтись с известным философом и его книгами, и сомне-



Еще более опасным, чем удел софиста-скептика, в годы Пелопоннесской войны был удел полководца и политика. Несколько процессов, случившихся в период 411–406 гг., вполне могли быть процессами по исангелии. Самый, пожалуй, курьезный — над покойным Фринихом (конец 411 — начало 410 г.). Один из авторов олигархического переворота 411 г. и член правительства Четырехсот был убит; его убийцы — Аполлодор и Фрасибул — были схвачены и заключены в тюрьму (Лус., I, 112). Тем временем сменившее одиозных Четыреста умеренно-олигархическое правительство 5000 начало расследование, в ходе которого пришли к выводу, что покойный был виновен в предательстве; его убийцы были освобождены, а убиенный олигарх призван к ответу. Замечание Ликурга (его рассказ о знаменитых афинских предателях в речи против Леократа — наш главный источник по данному делу) о том, что процесс был инициирован экклесией по псефизме, внесенной Критием, — «судить мертвого за предательство» (I, 113 — τὸν μὲν ἱερὸν κρίνειν προδοσίας), — позволяет предположить, что задействованная процедура могла быть исангелией по обвинению в измене.<sup>1</sup> По псефизме Крития, в случае установления вины кости Фриниха должны были быть извлечены из земли и выброшены за пределы Аттики, что и было сделано (I, 115). Собственность его была конфискована, а дом снесен (schol. Aristoph. Lys., 313). Было также постановлено, что если кто будет защищать Фриниха, их ожидает та же участь (Лус., I, 114). По словам Ликурга, защитники у Фриниха нашлись — ими были его соратники, стратеги Алексикл и Аристарх; их действительно казнили, запретив хоронить в Аттике (I, 115).<sup>2</sup> Где конкретно проходил процесс над по-

ваются в достоверности процесса Протагора: Бергер А. Указ. соч. С. 185–186 (сведения о процессе — это «порочащие демос в глазах прогрессивного человечества сообщения поздней античной традиции»); Fritz K. von. Protagoras // RE. 1957. Hlbd. 45. Sp. 910–911; Dover K.J. The Freedom of the Intellectual. P. 34–37; Wallace R.W. Op. cit. P. 133–135. Определенный скепсис высказывает и И.Е. Суриков (Эволюция религиозного сознания... С. 101–102).

<sup>1</sup> См.: Hansen M.H. Eisangelia. P. 82–83.

<sup>2</sup> М. Хансен полагает, что оратор напутал с именами защитников, поскольку известно, что Аристарх был казнен позже по обвинению в измене (за передачу Энои фиванцам — см. ниже); по мнению исследователя, за Фриниха вступились некие его наследники (Eisangelia. P. 82–83). Впрочем, возможно и такое объяснение: защищавшие Фриниха Аристарх и Алексикл (кстати, сбежавший вместе с Писандром в Декелию) в конце концов спустя годы попали в руки афинян и были казнены вовсе не обязательно за участие в том процессе (Аристарх точно за сдачу Энои); Ликург же «ради красного словца» их незавидную участь связал именно с защитой Фриниха (см.: Jameson M.H. Sophocles and the Four Hundred // Historia. Bd. 20. 1971. P. 552).

койником — в экклесии или гелиэе, — неизвестно. Все анти-фриниховские декреты, принятые в связи с этим действием, были запечатлены на бронзовой стеле (Ps.-Plut. Vit. Ant., 24; schol. Aristoph. Lys., 313).

Другим громким процессом над лидерами афинских олигархов, псефизма о котором пополнила вышеупомянутую стелу, был процесс Антифонта, Архептолема и Ономакла (конец 411 — начало 410 г.). Центральной фигурой здесь, несомненно, является Антифонт — идейный вдохновитель и теоретик олигархического переворота, великолепный ритор, включенный в канон десяти великих греческих ораторов, большая умница, учитель и предмет восхищения историка Фукидида (Thuc., VIII, 68, 1–2; Ps.-Plut. Mor. (Vita X orat.), 832b–834b).<sup>1</sup> Помимо трех речей (по делам об убийствах), трех риторических упражнений (Тетралогии), до нас дошли фрагменты порядка 20 речей Антифонта, в том числе папирус с отрывками его защитительной речи на его собственном процессе, которую Фукидид считал лучшей из всех бывших до его времени (ἄριστα φαίνεται τῶν μέχρι ἐμοῦ...θανάτου δίκην ἀπολογησάμενος — VIII, 68, 2).<sup>2</sup> Сохранился также важный и аутентичный источник о процессе Антифонта: у Псевдо-Плутарха в конце биографии оратора приводится текст обвинения и вердикт из коллекции Цецилия, позаимствованный в свою очередь из собрания псефизм Кратера (FgrHist., 342 F 5b = Ps.-Plut. Mor. (Vita X orat.), 833e–f–834a–b). Обвинение и соответствующую псефизму внес Андрон,<sup>3</sup> сам в прошлом член правитель-

<sup>1</sup> Из последних работ об Антифонте — см.: Суриков И.Е. Antiphonthea I. Нарративная традиция о жизни и деятельности оратора Антифонта // *Studia historica*. VI. М., 2006. С. 40–68; Heitsch E. Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984; Gagarin M. Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists.

<sup>2</sup> Мы не будем касаться спора, давно идущего в историографии, об идентичности Антифонта-оратора и Антифонта-софиста. Аргументы в пользу того, что это два разных лица — см., например: Bignone E. Antifonte oratore e Antifonte sofista // Antifonte oratore e Antifonte sofista / Ed. B. Gentili, G. Morelli. Urbino, 1974. P. 7–20; Pendrick G. Once Again Antiphon the Sophist and Antiphon of Rhamnus // *Hermes*. Bd. 115. 1987. P. 47–60; одно и то же — Avery H.C. One Antiphon or Two? // *Hermes*. Bd. 110. 1982. P. 145–158; Gagarin M. The Ancient Tradition on the Identity of Antiphon // *GRBS*. Vol. 31. 1990. P. 27–44; *idem*. Antiphon the Athenian. Passim, esp. P. 37–52, 170–182. Как отмечает М. Ггарин, в последние годы преобладает «унитаристский» поход к личности Антифонта (Antiphon the Athenian. P. 7, 38).

<sup>3</sup> М. Хансен считает, что это была ἐισαγγελία πρόδοσις, внесенная в Совет (Eisangelia. P. 114). Определенные сомнения в использовании именно исангелии вызывает тот факт, что придя к власти, олигархи приостановили внесение как чрезвычайных жалоб, так и жалоб на противозаконие. Проблема в том, бы-

ства Четырехсот (Harp.; Suid. s.v. *Ἀνδρων* = Krateros, FgrHist., 342 F 5a).

Антифонту и его соратникам вменялась в вину продосия в связи с посольством в Спарту: «они отправились в Лакедемон в качестве послов в ущерб афинскому государству; отплыли из лагеря на вражеских кораблях и проделали путь пешком через Декелею» (*πρεσβευομένους εἰς Λακεδαίμονα ἐπὶ τῆς πόλεως τῆς Ἀθηναίων κακῶ, καὶ ἐκ τοῦ στραπέδου πλεῖν ἐπὶ πολεμίας νεῶς καὶ πεζεῦσαι διὰ Δεκελείας* – Ps.-Plut. Mor. 833e). Судя по папирусным фрагментам из апологии Антифонта, обвинители говорили также о попытке ниспровержения действующего правительства («насколько правдоподобно то, что я желал олигархии» — *πῶς εἶκος ἐστὶν ἐμὲ ὀλιγαρχίας ἐπιθυμεῖν*; — coll. 1–3). То, что главным пунктом обвинения в псефизме Андрона была измена (посольство в Спарту), а не организация и проведение олигархического переворота, могло объясняться несколькими причинами. Во-первых, некоторые обвинители, как например, Ферамен (о его участии в обвинении — см. Lys., XII, 67), Аполексис (был *συγγραφεὺς*, когда Четыреста пришли к власти – Harp., s.v. *στασιωτής*, *Ἀπόληξις*) или Андрон, сами были активными участниками событий, приведших к установлению правительства Четырехсот; да и закона о ниспровержении демократии (*κατάλυσις τοῦ δήμου*), вполне возможно, тогда еще просто не существовало (знаменитый декрет Демофанта был внесен позже, в первую пританию восстановленной демократии — 410/9 г.). Однако, если участие в олигархическом перевороте и не было формально вменено в вину Антифонту, его значение в исходе процесса, очевидно, осознавалось и обвиняемым, и современниками, и потомками: не случайно апология оратора впоследствии ходила под названием «*Περὶ τῆς μεταστάσεως*» («О перевороте» – Harp., fr. 1, 2–6, Talheim).<sup>1</sup>

Совет 500 (именно такой Совет функционировал в период умеренно-олигархической конституции)<sup>2</sup> постановил, чтобы обвиняемые содержались в тюрьме и были преданы суду (*δικαστήριον*). Обвинение поддерживали стратеги, в том числе Ферамен (Lys., XII, 67), им помогали 10 синегоров из числа булевтов; любому желающему (*ὁ βουλόμενος*)

ла ли уже восстановлена данная процедура к моменту процесса Антифонта. Но даже если и нет, очевидное сходство примененной в нем чрезвычайной процедуры и исангелии позволяет нам рассматривать данное дело в контексте процессов по исангелии.

<sup>1</sup> См.: Jameson M.H. Sophocles and the Four Hundred. P. 551–552; Andrewes A. HCT. Vol. V. Oxf., 1981. P. 176, 198.

<sup>2</sup> То, что Совет, упоминаемый в псефизме, именно Совет 500 – см.: Hignett C. A History of the Athenian Constitution... P. 378; Hansen M.H. Eisangelia. P. 114.

предлагалось выступить с обвинениями в соответствии с законом об измене (Ps.-Plut. Mor., 833e–f). Ономакл, вероятно, спасся бегством до суда — его имя отсутствует в тексте приговора,<sup>1</sup> а Архептолем и Антифонт были приговорены к смерти и переданы Одиннадцати для приведения приговора в исполнение; их собственность была конфискована, дома разрушены, им было отказано в погребении в Аттике, а их потомки лишались гражданских прав (Ibid., 834).

Из процессов стратегов, случившихся после свержения Четырехсот, которые проходили предположительно по процедуре исангелии, отметим процесс Аристарха, о котором вспоминает защитник стратегов-победителей Евриптолем в речи, вложенной в его уста Ксенофонтom (Hell., I, 7, 28). Видимо, Аристарх был обвинен в предательстве (продосии) за то, что выдал Энью (афинское укрепление на границе с Беотией) фиванцам (Ibid.), и приговорен к смерти: Ликург в речи против Леократа упоминает о казни Аристарха (115). Точное время процесса неизвестно: *terminus post quem* — 411 г., эпизод с Энэой (Thuc., VIII, 98), а *terminus ante quem* — 406 г., процесс стратегов-победителей.<sup>2</sup>

Об обвинении в измене Гилона, командовавшего афинским гарнизоном в Нимфее и будто бы предавшего этот город боспорскому тирану, упоминает Эсхин (III, 171), а также Плутарх (Dem., 4 — беотийский историк ссылается на Эсхина и признает невозможность установить, правдивы ли эти сведения, или нет).<sup>3</sup> Гилон бежал и был осужден на смерть *in absentia* (φύγας ἀπ' ἐισαγγελίας — Aeschin., III, 171); вернулся он в Афины после восстановления демократии по объявленной всеобщей амнистии. М. Хансен датирует процесс Гилона 410–405 г.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Ксенофонт упоминает некоего Ономакла среди Тридцати тиранов, скорее всего это один и тот же персонаж (Andrewes A. Op. cit. P. 60; Hansen M.H. Eisangelia P. 115). И.Е. Суриков полагает, что Ономаклу удалось оправдаться на суде (Antifontea. С. 61, прим. 56), иначе относительно него сделали бы приписку «в отсутствии обвиняемого». Странно тогда, что не удалось оправдаться Антифонту несмотря на его гениальную речь, или против обвиняемых были выдвинуты разные обвинения и Антифонта осудили по совокупности? Но об этом нет ничего в псефизме Андрона.

<sup>2</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 83.

<sup>3</sup> Гилон был дедом по матери Демосфену, именно он якобы женился на скифянке (Aeschin., III, 171; Plut. Dem., 4).

<sup>4</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 84. Печально известный массовым подкупом дикастов процесс стратега 409/8 г. Анита (Aristot. Ath. pol., 27, 5; Diod., XIII, 64, 6; Schol. Aeschin., I, 87) датский историк также предположительно относит к исангелиям (Ibid.). Однако из-за отсутствия каких-либо определенных сведений о процедуре данного процесса, кроме упоминания у позднего лексикографа, описывающего его как процесс в связи отчетом (Lex. Seg., 236, 6 — τὰς εἰθύνας

Итак, некоторые из смертных приговоров (процесс Аристарха, Антифонта с Архептолемом), вынесенные на процессах по исангелии в годы Пелопоннесской войны, имели определенные правовые основания и оправдания: с точки зрения восстановленной демократии лидеры и стратеги олигархического правительства Четырехсот были виновными и в государственном перевороте, и в изменнических отношениях со спартанцами и их союзниками. Даже мертвецы призывались к ответу (процесс Фриниха). В то же время приговоры, вынесенные стратегам, повинным в том, что они не справились со своими обязанностями, не выполнили «боевую задачу» или не оправдали чаяний демоса, зачастую носили неоправданно суровый характер (процессы трех стратегов 425/4 г., процесс Фукидида, возможно, Гилона; см. также ниже процессы стратегов в связи со сдачей отчета). Все то, что вменялось стратегам в вину, независимо от содержания их проступка получало стандартное наименование продосии (измены) и было чревато смертной казнью. Разочарование из-за неудач в военной политике, которую они сами же нередко одобряли через свое голосование в собрании, граждане переносили на стратегов.<sup>1</sup> В условиях военного времени также было весьма опасно в той или иной форме ставить под сомнение традиционные народные верования (процесс Протагора).<sup>2</sup> Когда тревожная обстановка усугублялась оскорблением, нанесенным религиозным чувствам демоса, коллективные страх, неуверенность, нервозность, желание мести рождали панические настроения и способствовали открытию «охоты за ведьмами», легко обретавшей в условиях прямой демократии правовую форму через псефизмы народного собрания (процессы гермокопидов и прочих святотатцев). Поспешные и необдуманные решения демоса были чреваты самыми серьезными политическими последствиями и самым существенным образом сказывались на ходе Пелопоннесской войны (процесс Алкивиада). Складывались условия для совершения непоправимых судебных ошибок, могущих обернуться «юридическим убийством». О самом известном примере последнего — в следующем параграфе.

---

διδοὺς τῇς ἐν Πύλῃ στρατείας), мы все же поостережемся солидаризироваться здесь с Хансеном.

<sup>1</sup> См.: Samons L.J. What's Wrong with Democracy? P. 147.

<sup>2</sup> Как заметил Е. Доддс: «Оскорблять богов, сомневаясь в их существовании, было весьма рискованно и в мирное время; но во время войны это была прямая измена: оскорбление богов вело к тому, что они начинали помогать противнику» (Греки и иррациональное. С. 195–196)

### § 3. Процесс стратегов-победителей при Аргинусах

Дело стратегов-победителей — один из самых драматических эпизодов всей афинской истории и одновременно одно из самых подробных в античной традиции описаний политического процесса и судебной процедуры исангелии. Анализ этого процесса, несмотря на его трагическую уникальность в чем-то типичного для афинской демократии, позволяет прийти к некоторым выводам об особенностях последней. Специальная литература по процессу стратегов-победителей в современной западной историографии достаточна обширна,<sup>1</sup> в отечественной же этот сюжет почти не представлен.<sup>2</sup> Конечно, в каждом обзоре истории классических Афин будет обязательно что-то сказано по данному вопросу, но самыми подробными изложениями тех событий остаются до сих пор выразительный рассказ Джорджа Грота, шедевр его риторического искусства, и основательнейшая статья Поля Клоше.<sup>3</sup> Главными источниками являются рассказ Ксенофонта в первой книге его

---

<sup>1</sup> *Cloché P.* L'affaire des Arginuses (406 avant J.-C.) // *RH.* T. 130. 1919. P. 5–68; *Valeton M.* De praetoribus Atheniensium qui victoriam reportaverunt apud Arginusas insulas // *Mnemosyne.* V. 48. 1920. P. 34–79; *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse... S. 159–172; *Andrewes A.* The Arginousai Trial // *Phoenix.* Vol. 28. 1974. P. 112–122; *Adeleye G.* The Arginusai Trial and Theramenes' Rejection at the Dokimasia of 405/404 B.C. // *MA.* 1977/78. Vol. 6. P. 94–99; *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v. Chr. // *ZSSRG.* Bd. 99. 1982. S. 32–80; *Roberts J. T.* Accountability... P. 64–69; *Due B.* The Trial of the Generals in Xenophon's *Hellenica* // *CM.* Vol. 34. 1983. P. 33–44; *Németh G.* Der Arginusen-Prozess. Die Geschichte eines politischen Justizmordes // *Klio.* 1984. Bd. 66. S. 51–57; *Lavelle B.M.* Adikia, the Decree of Kannonos and the Trial of Generals // *CM.* 1988. Vol. 39. P. 19–41; *Bauman R.* Political Trials... P. 69–75; *Buck R.J.* Thrasybulus and the Athenian Democracy. The Life of an Athenian Statesman. Stuttgart, 1998. P. 50–60; *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v. Chr. // *GP.* S. 128–143; *Hunt P.* The Slaves and the Generals of Arginusae // *AJPh.* Vol. 122. № 3. 2001. P. 359–380.

<sup>2</sup> Наиболее подробно он рассмотрен в нашей статье: *Кудрявцева Т.В.* Политический процесс в классических Афинах (на примере процесса стратегов-победителей) // *Клио. Журнал для ученых.* № 2 (8), 1999. С. 74–80. Работа *Е.В. Никитюк* «Процесс стратегов-победителей при Аргинусских островах 406 г. до н.э. и кризис афинской демократии» (*Мнемон.* Вып. 5. СПб., 2006. С. 223–230) во многом повторяет выводы статьи: *Due B.* The Trial of the Generals in *Xenophon's Hellenica*.

<sup>3</sup> *Grote G.* A History of Greece. Vol. V. L., 1862. P. 501–536; *Cloché P.* L'affaire des Arginuses. P. 5–68.

«Греческой истории» и 13-ая книга «Исторической библиотеки» Диодора, точнее, не дошедшее до нас повествование Эфора,<sup>1</sup> которому следует в XI–XVI книгах сицилийский компилятор. Между этими двумя версиями существуют определенные расхождения, причем одни современные историки отдают предпочтение «аттической пчеле» (Ксенофону)<sup>2</sup>, другие — уроженцу малоазийской Кимы (Диодору);<sup>3</sup> упомянутые же выше исследования Грота и Клоше — пример их удачного соединения.

Предыстория процесса такова. После поражения при мысе Нотий (406 г.) и вторичного (на сей раз добровольного) изгнания смещенного с должности Алкивиада, афинским флотом командовал Конон, один из товарищей Алкивиада по стратегии, утвержденный в этой должности при выборах на следующий год. Флот спартанцев и их союзников, увеличенный до 140 триер, под командованием нового наварха Калликратиды переходит в наступление и овладевает Метимной на Лесбосе. Конон, спешивший ей на помощь и опоздавший, едва успел скрыться в гавани другого лесбосского города — Митилены, причем около 30 афинских судов было захвачено, а 40 оставшихся вытаснено на берег под защиту стен (Xen. Hell., I, 6, 12–19; Diod., XIII, 76–78). Калликратид осаждал город с суши и моря, а Конон отправляет в Афины триеру с просьбой о помощи. Ситуация была критической: афинского флота, который так долго господствовал в Эгейском море, более не существовало; с минуты на минуту можно было ожидать падения осажденной Митилены, что, по-видимому, и решило бы исход войны.<sup>4</sup>

В отчаянной попытке не допустить этого вся сила и энергия Афин была брошена на спасение Конона и Митилены. В короткий срок (около месяца) был снаряжен новый флот. Каждый мужчина подходящего возраста становился матросом, в том числе метеки, которым были обе-

---

<sup>1</sup> Общепринятое мнение оспаривает Дж. Дэвис, утверждая, что повествование Диодора о событиях конца Пелопоннесской войны и до 386 г. основано на труде «Оксиринхского историка»: Дэвис Д.К. Демократия и классическая Греция. М., 2004. С. 148.

<sup>2</sup> Лурье С.Я. Комментарий // Ксенофонт. Греческая история. СПб., 1993. С. 314; Valetton M. Op. cit. P. 53; Németh G. Op. cit. S. 51–57; Wedel W. von. Op. cit. S. 160; Bauman R. Op. cit. P. 69.

<sup>3</sup> Andrewes A. Op. cit. P. 112–122; Mehl A. Op. cit. Passim. По мнению немецкого исследователя, речь Евриптолема — ключевая сцена в Ксенофоновом описании процесса стратегов — выдумана Ксенофонтом и выражает его собственное видение этой истории, точнее — мнение Сократова кружка (S. 39–40).

<sup>4</sup> См.: Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 76.

щаны гражданские права, и рабы, которым была обещана свобода<sup>1</sup> (Aristoph. *Ran.*, 33, 190–191, 693–694; Xen. *Hell.*, I, 6, 24; Diod., XIII, 97, 1; schol. in Aristoph. *Ran.*, 693). Для покрытия расходов расплавили все золотые и серебряные жертвенные дары, которые еще оставались в афинских храмах.<sup>2</sup> Так было снаряжено 110 триер, верный Самос выставил 10, из всех частей Эгеиды были созданы рассеянные там эскадры – всего собралось около 150 кораблей (Xen. *Hell.*, I, 6, 24). Калликратид разделил свой флот (к этому моменту он возрос до 170 триер): 50 кораблей оставил у Митилены, а сам со 120 триерами двинулся на встречу неприятелю. При Аргинусских островах, расположенных недалеко от юго-восточного побережья Лесбоса, предположительно в начале августа 406 г.<sup>3</sup> состоялось сражение. Калликратид погиб, около 70 его кораблей были потоплены или захвачены, остальные спаслись бегством на Хиос и Фокею (Xen. *Hell.*, I, 6, 26–33; Diod., XIII, 97–99).

По сведениям Ксенофонта, на совете стратегов по окончании битвы Эрасинид высказался за то, чтобы со всей поспешностью немедленно плыть на выручку Комону, Диомедонт же, напротив, — всем дружно спасать раненых и плавающих на обломках моряков с пострадавших афинских кораблей. Большинство поддержало компромиссное предложение Фрасилла: оставить 47 триер для спасательной миссии, поручив её триерархам, прежде всего Ферамену и Фрасибулу, а остальным судам отправиться к Митилене (Hell., I, 7, 29).<sup>4</sup> В результате Митилена была разблокирована; правда, спартанскую эскадру, оставленную Калликратидом под городом, афиняне упустили, так как несколько задержались

---

<sup>1</sup> Судя по Аристофану (*Ran.*, 693–694), рабы должны были получить гражданские права в том же объеме, что и уцелевшие жители Платей в 427 (о последних – Dem., LIX, 104). Новейшую историографию по данному вопросу и обсуждение некоторых проблем – см. в статье П. Ханта: *Hunt P. The Slaves and the Generals of Arginusae*. P. 359–380. Высказанное американским историком предположение, что на судьбу стратегов повлиял (в негативном отношении) факт предоставления гражданских прав рабам, вызвавший досаду и неприятие у части афинян, на наш взгляд, аргументированно обосновать не удалось. Сам П. Хант признает, что ситуация была исключительной, а решение о предоставлении гражданских прав принимала экклесия, и нет никаких данных, что стратеги инициировали или лоббировали псефизму.

<sup>2</sup> См.: *Aristoph. Ran.*, 720 и схолии к этому месту. Есть и эпиграфическое свидетельство IG I<sup>3</sup>, 316 — см. интерпретацию данной надписи у: *Thompson W.E. The Date of the Athenian Gold Coinage* // *AJPh. Vol. 86. 1965. P. 159–174.*

<sup>3</sup> О датировке – см.: *Cloch   P. L'affaire des Arginus  s*. P. 10.

<sup>4</sup> О дискуссии на совете сообщает и Диодор, не называя поименно сторонников той или иной точки зрения (XIII, 100, 1).



держа совет, к тому же помешала непогода. Но успехи Афин все равно были весьма впечатляющими: Конон и Митилена были спасены, перевес на море восстановлен, победа укрепила престиж Афин и должна была заставить последних союзников отбросить мысли об отпадении. Цена этой блестящей победы была довольно высока: погибло 25 триер, причем экипажи их состояли не из наемных матросов (как бывало иногда), а из афинских граждан.<sup>1</sup> Из-за усилившегося ветра и разыгравшегося шторма спасти тех, кто еще держался на воде, как и подобрать тела павших, не удалось (Xen. Hell., I, 6, 34–35; Diod., XIII, 100, 2–4).

Первая реакция в Афинах при получении известий о победе была восторженной. Но радость вскоре стала омрачаться слухами о том, что тела павших не были преданы погребению<sup>2</sup> и спасавшимся на обломках не была оказана помощь, из-за чего они погибли (Xen. I, 7, 11; Diod., XIII, 100, 1 — Ксенофонт подчеркивает, что не спасли живых, а Диодор — не подобрали мертвых).<sup>3</sup> Голосованием экклесии (апохиротония) стратеги были смещены с должности и вызваны для отчета в Афины. В конце сентября — начале октября 6 командующих прибыли в Аттику: Перикл, Леонт, Диомедонт, Эрасинид, Аристократ и Фрасилл (Xen., Hell., I, 5, 16; у Диодора (XIII, 74, 1) вместо Леонта — Лисий). Архестрат погиб под Митиленой, а Протомах и Аристоклен предпочли проигнори-

<sup>1</sup> По подсчетам А. Меля, погибло около 2500 афинян (Für eine neue Bewertung... S. 65).

<sup>2</sup> По религиозным представлениям греков, души непогребенных скитаются и мучают родственников и сограждан, чей святой долг — исполнить все необходимые обряды (Soph. Antig.; Eur. Suppl., 670–674) (подробнее о долге погребения и культе мертвых см., например: Mehl A. Op. cit. S. 62, 66–75; там же ссылки на соответствующие источники и литературу). Победитель, по праву победы обладавший полем сражения, без промедления хоронил павших, а побежденный признавал свое поражение в том числе тем, что просил выдачи у победителя «своих» убитых: так, в 426 г. Никий пожертвовал честью победы над коринфянами, попросив у врага случайно забытые и оставшиеся без погребения трупы двух сограждан (Plut. Nic., 6).

<sup>3</sup> Большинство историков полагает, что обвинения против стратегов касались главным образом неокказания помощи живым и раненым (например: Белох Ю. Указ. соч. Т. II. С. 77; Grote G. A History of Greece. Vol. V. P. 506–507; Hatzfeld J. Socrate en procès des Arginusai // REA. T. 42. 1940. P. 165; Andrewes A. The Arginousai Trial. P. 115). Акцент на непогребение мертвых делают: Лурье С.Я. Комментарий. С. 461; Németh G. Der Arginusen-Prozess. S. 51–52; Mehl A. Op. cit. S. 66, 80. Некоторые (и на наш взгляд, это самый конструктивный подход) не противоставляют, а соединяют утверждения Ксенофонта и Диодора: Cloché P. L'affaire des Arginusai. P. 5, 35; Wedel W. von. Die politischen Prozesse... S. 159.

ровать требование народа (Хен. I, 7, 1–2; Diod., XIII, 101, 5). Архедем, популярный оратор, заведовавший тогда диобелией, наложил на одного из стратегов (Эрасинида) штраф в пределах своих полномочий магистрата (ἐπιβολή) и обвинил его перед судьями в присвоении общественных денег и в неких должностных проступках. Суд постановил заключить Эрасинида под стражу.<sup>1</sup> После этого стратеги сделали в Совете доклад о сражении, где говорили о буре, помешавшей им подобрать убитых и потерпевших кораблекрушение. По предложению Тимократа, Совет постановил взять всех их под стражу, пока они не предстанут перед народным собранием (Хен. Hell., I, 7, 2–3). Именно там должен был состояться процесс — свидетельство того, что был запущен механизм исангелии. Замечание Ксенофонта показывает, что оставление без помощи потерпевших крушение было расценено как измена, т.е. полностью подпадало под действие закона об исангелии (πρόδοσις κατὰ νόμον — I, 7, 33).<sup>2</sup>

На следующей встрече эkkлeсии стратегов, по утверждению Ксенофонта, обвинял ряд лиц (I, 7, 4). Особенную активность проявил Ферамен, бывший триерархом в Аргинусской битве. О роли этого человека в деле стратегов много было сказано в традиции и много споров было в современной историографии. В весьма неприглядном свете выставляет Ферамена Ксенофонт: стратеги поручили подобрать пострадавших нескольким триерархам во главе с Фераменом и Фрасибулом, те не справились из-за поднявшейся бури. Благородные стратеги, понимая, что главный виновник катастрофы — стихия, и не желая подставлять невинных, ничего не сообщили в своем письме в Афины о порученной триерархам спасательной миссии (в речи Евриптолема говорится, что на этом настояли Перикл и Диомедонт — Хен. Hell., I, 4, 17). Теперь же Ферамен, боясь, что при тщательном расследовании он окажется первым обвиняемым, использовал это письмо как доказательство того, что не было никакого поручения: дескать, сами стратеги винят лишь бурю, и потому только они ответственны за то, что не спасли гибнущих (Хен., I, 7, 4–7).

<sup>1</sup> Эндриус (Op. cit. P. 113) полагает, что не случайно Эрасинид был атакован первым: во время военного совета сразу после битвы именно он предложил отплыть всем флотом к Митилене. Грот (Op. cit. P. 511) и Клоше (Op. cit. P. 41) высказали иное предположение: обвиняя Эрасинида, Архедем хотел на него одного возложить всю вину за невыполнение долга и отвести гнев народа от прочих стратегов.

<sup>2</sup> Кажется, только М. Оствальд выразил сомнение в том, что собрание, на котором рассматривалось дело стратегов (см. ниже), было судом по исангелии. По его мнению, оно просто *обсуждало* это дело (Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 437–439).

Несколько иная версия у Диодора: были письма стратегов в Афины<sup>1</sup>, в которых они обвиняли Ферамена с Фрасибулом в небрежном выполнении возложенного на них поручения (XIII, 101, 2). Таким образом, все дальнейшие действия Ферамена и К° некоторые исследователи, следуя Диодору, рассматривают как своего рода защиту, спровоцированную обвинениями стратегов.<sup>2</sup> Отчасти сам главный обличитель Ферамена — Ксенофонт — признает это. Во второй книге «Греческой истории» он приводит последнюю речь Ферамена, обвиняемого Критием во время террора Тридцати: в ней бывший триерарх заявляет, что как раз стратеги первыми выступили с обвинениями, а он лишь защищался, чтобы спасти себя (II, 3, 35). Правда, перед этим в уста Крития историк вложил следующую инвективу против Ферамена: «Ты не исполнил приказания [стратегов], а затем своими обвинениями привел стратегов к смерти, чтобы самому остаться безнаказанным» (Hell., II, 3, 32). Кстати, Диодор выдвигает еще одну причину провала спасательной операции: нежелание самих экипажей афинских триер, уставших после сражения и воспользовавшихся высокими волнами как удобной отговоркой для бездействия (XIII, 100, 2).

Высказывалась и такая версия: одним из побудительных мотивов Ферамена могло быть желание, обвинив стратегов, расчистить дорогу для возвращения Алкивиада.<sup>3</sup> Или её полный антипод: Ферамен вос-

<sup>1</sup> Эндриус полагал, что такое письмо (или письма) действительно было (Op. cit. P. 114). Грот (Op. cit. P. 516) считал, что в официальном письме стратегов ничего не говорилось о поручении триерархам, но в частных письмах они могли упоминать об этом, и эти неофициальные сообщения и рассказы вернувшихся матросов создавали определенное общественное мнение. Таким образом (хоть и неофициально) стратеги намекали на вину триерархов, что и побудило Ферамена начать атаку. Аделей следует П. Клоше, несколько дополняя его трактовку (Cloché P. Op. cit. P. 36–39): было в действительности два вида писем: в первом (официальном) стратеги возлагали вину на шторм (его и имеет в виду Ксенофонт), во втором (возможно, в частной переписке) — на Ферамена (на него ссылается Диодор). Каждый из двух историков умолчал об одном из видов писем: Ксенофонт из-за неприязни к Ферамену — о втором, а Диодор из-за расположенности к нему же — о первом (Adeleye G. The Arginusai Trial... P. 97).

<sup>2</sup> См.: Cloché P. Op. cit. P. 37; Andrewes A. Op. cit. P. 113–118; Adeleye G. Op. cit. P. 96–98; Mehl A. Op. cit. S. 64; Due B. Op. cit. P. 41; Roberts J. T. Accountability... P. 66; Ostwald M. Op. cit. P. 437, 442; Burckhardt L. Eine Demokratie wohl... S. 138.

<sup>3</sup> Beloch K. J. Die Attische Politik seit Perikles. S. 85–89; McCoy J. W. Thrassylus // AJPh. Vol 98. № 3. 1977. P. 288; Roberts J. T. Ibid. Отдавая должное Ферамену, все же усомнимся в подобном злодейском маккиавелизме, да и

пользовался представившимся случаем для того, чтобы свести счеты с группировкой «друзей Алкивиада» и не допустить возможного возвращения опального политика из изгнания, которое могли лоббировать стратеги-победители; на самом же деле он расчищал дорогу к власти для себя самого.<sup>1</sup> Надо заметить, что ни для той, ни для другой трактовки, связанной с Алкивиадом, у нас явно нет достаточных данных; да и само наличие двух совершенно противоположных версий компрометирует каждую из них в отдельности. Но так или иначе, у стратегов едва ли мог быть более грозный враг, чем Ферамен<sup>2</sup>, — опытный и ловкий политической оратор, яростный обвинитель, ради спасения собственной шкуры, а возможно, и из некоего политического расчета,<sup>3</sup> сделавший всё, чтобы погубить командующих.

Вслед за Фераменом в экклесии выступили стратеги с краткими защитительными речами. Как замечает Ксенофонт, им не было позволено говорить так, как вообще полагается по закону (*οὐ γὰρ πρὸς τὴν σφίσι λόγος κατὰ τὸν νόμον* — I, 7, 5). Что именно имеется в виду под «κατὰ τὸν νόμον»: недостаточное время, отведенное на речи, или какие-то иные процедурные нарушения, — трудно сказать, обычно отдают предпочтение первому.<sup>4</sup> Свидетелями в свою пользу стратеги выставили кормчих и матросов с кораблей. Собрание выслушало эти выступления достаточно снисходительно, тем более многие частные лица заявляли, что готовы взять стратегов на поруки. Однако окончательно

---

то, что самым преданным и красноречивым защитником стратегов оказался кузен и друг Алкивиада Евриптолем (см. ниже), с упомянутой гипотезой как-то не вяжется.

<sup>1</sup> Это версия Г. Немета, насчитавшего среди стратегов-победителей пятирх членов группировки Алкивиада (*Németh G. Der Arginusen-Prozess. S. 55–57*).

<sup>2</sup> Противостояние с Фераменом и попытка его обвинения были, по мнению Диодора, главной причиной гибели стратегов: тот, кто мог бы в судебном процессе быть вместе со своими могущественными друзьями на стороне стратегов, кто мог свидетельствовать в их защиту в качестве очевидца и участника сражения, превратился в их противника и злейшего обвинителя (101, 3).

<sup>3</sup> См., например, пространные рассуждения П. Клоше о возможной политической подоплеке действий Ферамена (Op. cit. P. 37–40, 60–68 etc.).

<sup>4</sup> См. переводы: «for they were not granted the hearing prescribed by the law» (Xenophon. *Hellenica* / Tr. C.L. Browson. Camb. Mass.; L., 1918); «car on ne leur avait pas donné d'avance le temps de parole prévu par le loi» (Xénophon. *Helléniques* / Tr. J. Hatzfeld. P., 1960); «так как имне было позволено говорить столько, сколько полагается вообще по закону» (Ксенофонт. *Греческая история* / Пер. С.Я. Лурье).

го голосования в тот день так и не произошло, ибо стемнело, и это создавало трудности с подсчетом рук при хиротонии. Совету было поручено приготовить пробулевму, каким образом производить суд над стратегами (Хеп. Hell., 1, 7, 7).

Казалось, появлялся реальный шанс избежать торопливого, чреватого трагическими последствиями решения. Но по роковой случайности вскоре после этой встречи экклесии (середина октября) настал праздник Апатурий, мужской семейно-племенной праздник, восходящий еще к доклизфеновским четырем филам. Праздник, в который проводились различные семейные обряды: браки, внесение в списки граждан, усыновления и т.д., — когда чувства недавней утраты близких — сыновей, мужей, отцов — и гнев на невольных виновников их гибели должны были быть особенно острыми. Город наполнился родственниками погибших в траурных одеждах, призывавшими к мести. Ксенофонт считает появление этих плакальщиков неслучайным и усматривает в организации народной скорби и гнева умелую режиссуру Ферамена (Hell., I, 7, 8). Большинство современных историков, следуя здесь Диодору (XIII, 101, 6–7), склонны считать сам процесс стихийным,<sup>1</sup> а Ферамена виновным в коварном умысле, хоть и ловко воспользовавшимся сложившейся ситуацией.<sup>2</sup>

После Апатурий собирается Совет. Его большинство одобрило предложение булевта Калликсена, которое и легло в основу пробулевмы. На встрече экклесии ее зачитал сам автор — Калликсен: «Выслушав на предыдущем собрании выставленные против стратегов обвинения и их защитительные речи, народ постановил: произвести голосование между всеми афинянами по филам, поставить в присутственном месте каждой филы две урны для голосования; пусть глашатай в каждом из

---

<sup>1</sup> Исключение — Г. Немет, считавший Ферамена главным режиссером политической постановки: именно он вырядил в траур псевдо-родственников и организовал выступление якобы спасшегося моряка с последним наказам умирающих (см. ниже): *Németh G.* Op. cit. S. 57.

<sup>2</sup> См.: *Grote G.* Op. cit. P. 522; *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 1603, Anm. 6; *Cloché P.* Op. cit. P. 47–48; *Valeton M.* De praetoribus Atheniensium... P. 58; *Andrewes A.* The Arginousai Trial. P. 118; *Adeleye G.* The Arginusai Trial... P. 97; *Mehl A.* Für eine neue Bewertung... S. 65; *Roberts J.T.* Accountability... P. 67; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 442; *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl... S. 138. П. Клоше полагает, что трюк с фальшивыми людьми в трауре мог быть опасен, так как настоящие родственники погибших распознали бы подложных, однако Ферамен мог организовать явку на собрание своих политических сторонников и клиентов, смешавшихся с «плакальщиками».

сих присутственных мест громогласно приглашает тех, кто полагает, что стратеги виновны в том, что не подобрали победителей в морском бою (ὅτω δοκοῦσιν ἀδικεῖν οἱ στρατηγοὶ οὐκ ἀνελόμενοι τοὺς νικῆσαντας ἐν τῇ ναυμαχίᾳ), бросать свои камешки в первую урну, а тех, кто держится противоположного мнения, — во вторую. Если стратеги будут признаны виновными, то тем самым они будут считаться присужденными к смертной казни; они будут переданы в распоряжении коллегии одиннадцати, а имущество их будет конфисковано в казну, причем десятая часть будет отчислена в казну Афины» (Xen., I, 7, 9 — пер. С. Я. Лурье). Противники стратегов предприняли на этой же встрече эккле-сии такую психологическую атаку на эмоции толпы: перед собравши-мися выступил один из чудом спасшихся, сообщивший им будто бы последний наказ погибающих сограждан: передать народному собра-нию, «что стратеги не подобрали проявивших наибольшую доблесть во имя отечества» (οἱ στρατηγοὶ οὐκ ἀνείλonto τοὺς ἀρίστους ὑπὲρ τῆς πατρίδος γενομένους — Xen., I, 7, 11).

Родственник Перикла Евриптолем<sup>1</sup> и некоторые другие граждане (καὶ ἄλλοι τινές) выдвигают против предложения Калликсена жалобу на противозаконие (παράνομα φάσκοντες συγγεγραφέναι — Xen. Hell., I, 7, 12). Постановление было названо противозаконным, так как противоре-чило установленному порядку: предполагало голосование без суда, стратеги лишались возможности защиты и их должны были осудить «скопом» — одним голосованием (Xen. Hell., I, 7, 20, 23, 26, 28; Mem., I, 1, 8; Plat. Apol., 32bc). Таким образом, были серьезные основания для внесе-ния графэ параномон. Однако, как замечает Ксенофонт, выступление Евриптолема и его сторонников встретило в народном собрании одоб-рение лишь немногих; «толпа же кричала, что возмутительно, если кто не позволяет народу поступать так, как ему вздумается» (τὸ δὲ πλῆθος ἐβόα δεινὸν εἶναι εἰ μὴ τις ἑάσει τὸν δῆμον πράττειν ὃ αὐτὸν βούληται — Xen. Hell., I, 7, 12). Некий Лекиск предложил, чтобы тех, кто поднял вопрос о законности предложения Калликсена, судили вместе со стра-тегами. Толпа одобрительно зашумела, и так было совершено еще одно беззаконие: испугавшийся не на шутку Евриптолем немедленно снима-ет свое предложение (Ibid., 13).

Еще одной проволочкой стал отказ некоторых пританов из дежур-ной филы Антиохида поставить предложение Калликсена на голосова-

<sup>1</sup> Евриптолем — представитель одной из ветвей Алкмеонидов, друг и дове-ренное лицо Алкивиада; также он был близок к Периклу Мл. Подробнее о нем: Davies J.K. Athenian Propertied Families. P. 377–378; Németh G. Op. cit. S. 54–55; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 209–210, 214.

ние под предлогом того, что они не могут предлагать народу противозаконное голосование (Ibid., 14). Тогда Калликсен использовал против них ту же угрозу, что Лекиск против Евриптолема: он предложил включить их в число обвиняемых. И на этот раз она подействовала: все пританы за исключением одного снимают свои возражения. Единственным упрямым был Сократ, который в это время, кажется, первый раз за свою долгую жизнь занимал общественную должность.<sup>1</sup> Противостоя мнению толпы, Сократ ссылаясь не на виновность или невиновность стратегов, а именно на нарушение закона в случае их огульного обвинения (οὐτος δ' οὐκ ἔφη ἀλλ' ἢ κατὰ νόμον πάντα ποιήσειν — Xen. Hell., I, 7, 15; Mem., I, 1, 18; IV, 4, 2; Plat. Apol., 32b). Возражения эти были проигнорированы, и пританы выносят злополучное предложение на обсуждение и голосование собрания.

Евриптолем, воспользовавшись случаем еще раз обосновать свое мнение, а также, по сути дела, говоря за лишенных возможности защиты стратегов, произносит свою знаменитую речь (Xen. Hell., I, 7, 13–34). Он предлагает судить стратегов отдельно в соответствии с псефизмой Каннона, весьма суровой по сути («каждого оскорбившего величество афинского народа надлежит арестовать и он должен представить объяснения народному собранию; если он будет признан виновным, он подвергается смертной казни..., а имущество его конфискуется в казну»), но не лишаящей обвиняемых возможности высказаться в свою защиту. Или: если эта псефизма не устраивает афинян, они могут воспользоваться законом о святотатцах и предателях, по которому процесс происходит в гелиэе; осужденных запрещается хоронить на территории Атики, а имущество их конфискуется в казну (Ibid., 20–23). Важно, что и в том, и в другом случае дело каждого обвиняемого разбиралось бы отдельно (κατὰ ἕνα ἕκαστον — 23). Оратор умело строит речь, отдавая дань демосу, полному хозяину над жизнью и смертью афинян: «Неужели вы думаете, что не в вашей власти будет казнить или миловать кого вам будет угодно (ἢ μὴ οὐχ ἡμεῖς οὖν ἂν βούλομεθα ἀποκτείνητε καὶ ἐλευθερώσητε), выносите ли вы приговор по закону или вопреки закону (ἂν κατὰ τὸν νόμον κρίνητε, ἀλλ' οὐκ ἂν παρὰ τοῦ νόμου), как например, Калликсен убедил Совет предложить народу одним голосованием осудить всех» (ὥσπερ Καλλίξενος τὴν βουλήν ἔπεισεν εἰς τὸν δῆμον

<sup>1</sup> Был ли Сократ эпистатом, как утверждает Ксенофонт в «Меморабилиях» (I, 1, 18) или одним из пританов, как следует из текста его же «Греческой истории» (также Plat. Apol., 32b) — вопрос спорный. Ср. Grote G. A History of Greece. Vol. V. P. 527 (не эпистат) и противоположное мнение — Hansen M. H. Eisangelia... P. 85; Hatzfeld J. Socrate en procès des Arginuses. P. 165–171.

ἐλθεῖν ἐκεῖν μὴ ψήφῳ — I, 7, 26 — пер. С.Я. Лурье, с нашими изменениями). Обратим внимание на то, что по мнению Евриптолема (т.е. Ксенофонта), суверенный демос вполне может действовать вопреки закону (παρὰ τοῦ νόμου), если на то будет его державная воля.

Далее Евриптолем предостерегает сограждан от спешки и напоминает о раскаянии, которое придет тогда, когда это будет уже бесполезно: «и тяжело вам будет, и пятном будет лежать на вашей совести грех смертоубийства» (Ibid., 27 — пер. С.Я. Лурье). Он указывает на абсурдность ситуации: собрание собирается осудить за неоказание помощи одного из стратегов, который сам случайно спасся на обломке затонувшего корабля (Ibid., 32). Пританы ставят на голосование (поднятием рук) предложение Евриптолема и пробулевму Калликсена и после произведенного подсчета заявляют, что большинство поддержало Евриптолема. Однако некий Менекл клятвенно (т.е. принеся ὑπόστυλα) возражает против этого решения, ссылаясь на какое-то несоблюдение формальностей или неправильный подсчет рук<sup>1</sup> (Ibid., 34). Пританы вновь вынуждены поставить предложения Калликсена и Евриптолема на голосование и после нового подсчета признают, что большинство получила пробулевма Калликсена.<sup>2</sup> Происходит голосование по урнам; стратеги были признаны виновными, и шестеро из них, находившиеся в Афинах, были переданы в руки Одиннадцати и испили свою чашу с цикутой.

По словам Диодора (точнее, Эфора), когда вели на казнь Диомедонта, он обратился к согражданам с просьбой исполнить обеты, данные стратегами отеческим богам на случай победы (XIII, 102, 1–2). Горькая ирония заключалась в том, что после сражения именно Диомедонт призывал направить весь флот на спасение людей. Если и были виновны стратеги, то Диомедонт менее всех заслуживал смерти. Диодор говорит,

<sup>1</sup> Едва ли возражение Менекла — графэ параномон, как следует из текста Хансена (Eisangelia... Р. 85). Скорее всего правы Грот и Липсиус: ὑπόστυλα не имела здесь «технического смысла», т.е. не предшествовала обвинению в противозаконии и означала просто возражение по формальным основаниям (например, сомнение в правильном подсчете), подкрепленное клятвой (Grote G. Op. cit. Р. 530; Lipsius J. H. Das attische Recht. S. 393–394). В своей более поздней статье «Как голосовала афинская экклесия?» (How did the Athenian ecclesia vote? // A Collection of Articles, 1976–1983. Р. 103–117) Хансен приходит к такому же мнению: Менекл, подозревая, что пританы неправильно оценили количество проголосовавших за одно и другое предложение, потребовал второй хиротонии (Р. 113).

<sup>2</sup> Грот (Ibid.) полагал, что обвинение Менекла могло иметь основания, но с другой стороны, при голосах, разделившихся примерно поровну, выступление Менекла способно было смутить колеблющихся (тем более, что подсчет велся «на глазок»).



что слова стратега вызвали слезы у лучших, но не остановили казнь, и кончает свой рассказ заявлением о безумии народа и злобности демагогов.

И Ксенофонт, и Диодор свидетельствуют, что очень скоро афинский народ раскаялся в содеянном. Было принято решение призвать к ответу тех, кто «обманул народ» (τὸν δῆμον ἐξηπάτησαν — Хеп. Hell., I, 7, 35; Diod., XIII, 103, 1–2). Их преследование началось с процедуры *προβολή* — жалобы в собрание (Хеп., I, 7, 35). Голосование экклесии по данной жалобе вылилось в постановление о возбуждении дела против Калликсена и его товарищей. Калликсен и еще четверо были арестованы. Им удалось до суда бежать из города, по словам Диодора (XIII, 103, 2), — в Декелею.<sup>1</sup> Позже, после падения Тридцати и амнистии (403 г.), Калликсен вернулся в Афины, где умер от голода, ненавидимый всеми (Хеп. Ibid.). Среди привлеченных «по горячим следам» к ответу бывших обвинителей не было Ферамена, что в значительной степени подтверждает мнение о его действиях, как о вынужденной защите от обвинений стратегов, и вынуждает усомниться в том образе отъявленного негодяя, каким рисует его Ксенофонт. Правда, события 406 г. не прошли бесследно и для Ферамена: осталась недобрая память о его роли в деле стратегов-победителей (см. оправдания Ферамена во время Тридцати). Не исключено, что именно из-за этого он, будучи выбранным в стратеги на 405/404 гг., не прошел докимасию (Lys., XIII, 10).

Можно сказать, что жертвами процесса были не только невинные (во всяком случае, не по вине пострадавшие) стратеги, но и Калликсен с Фераменом также. Каким бы противоречивым не был характер Ферамена, все же он не был лишен принципов, и, как показало его противостояние с Критием во время правления Тиранов, ему претили крайние формы олигархии (Хеп. Hell., II, 49). Желание обезопасить себя, упредить возможный удар и отвести его от себя, могло вполне руководить им. Когда-то в 411 г. он выступал обвинителем своего бывшего коллеги Антифонта, заглаживая свое участие в олигархическом перевороте, теперь обвинял стратегов, избегая ответственности за неисполнение их поручения. По известной характеристике Э. Доддса, классические Афины

---

<sup>1</sup> Это замечание Диодора (Декеlea в это время была в руках спартанцев) позволило П. Клоше сделать предположение о том, что за спиной Калликсена, предложившего роковую пробулевму, могла стоять какая-то олигархическая гетерия (L'affaire des Arginuses. P. 49–51). К. Белох, напротив, исходя из того, что Калликсен вернулся в Афины по демократической амнистии, считал его одним из «радикальных вожаков» (Die Attische Politik seit Perikles. S. 88). Нам ничего более неизвестно о Калликсене, что могло бы подтвердить или опровергнуть эти две антагонистические трактовки его политической деятельности.

были во многом все еще «культурой стыда» (shame culture) (как это свойственно архаическим обществам), а не «культурой вины» (guilt culture); в подобного рода обществах потерпевший неудачу и испытывающий за нее стыд стремится переложить вину за неё на кого-то другого.<sup>1</sup> В рамках данной парадигмы можно толковать и поведение Ферамена, не выполнившего приказ и фактически обвинившего в своем провале своих командиров.<sup>2</sup> В то же время, в известном прозвище, которым нарекли Ферамена современники, — «котурн» (κόθουρνος)<sup>3</sup> (Xen. Hell., II, 31; Plut. Nic., 2, 1; schol. Aristoph. Ran., 47, 541; Suid., s.v. κόθουρνος) — отразились некоторые особенности личности и поведения этого афинского политика. Однако эта отнюдь не похвальная гибкость, умение избегать неприятностей, «подставляя» других, может объясняться и небезопасностью афинской жизни для публичных политиков, частыми и необоснованными обвинениями в их адрес.<sup>4</sup>

Что касается политических и военных последствий осуждения стратегов, то для афинского государства они были самыми плачевными.<sup>5</sup> Плодами великой победы при Аргинусах Афины так и не смогли воспользоваться. Новые стратеги, прибывшие к флоту, стоявшему у Само-са, видимо, пуще врага опасались своих непредсказуемых сограждан, да и выбирали их не по полководческим или лидерским дарованиям, а исходя из преданности демократии.<sup>6</sup> Афинский флот, как отмечают все ис-

<sup>1</sup> Понятия «культура стыда» и «культура вины», разработанные в американской антропологии, Э. Доддс широко использует в своей книге: Греки и иррациональное. С. 27; 36–73 (Гл. 2. «От культуры стыда» к «культуре вины»).

<sup>2</sup> См.: *Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War*. P. 32. Страус приводит другой пример сходного с Фераменовым поведения: Конон в 393 г. обвинил в измене Адиманта, взятого спартамцами в плен при Эгоспотамах и единственного из стратегов избежавшего тогда казни, как бы снимая с себя ответственность за собственное поведение во время этого разгромного поражения двенадцатилетней давности (Dem., XIX, 191).

<sup>3</sup> Т. е. «непостоянным», так как котурн годелся и на правую, и на левую ногу.

<sup>4</sup> См.: *Knox R. A. «So Mischievous a Beast?» The Athenian «Demos» and Its Treatment of Its Politicians* // G&R. Vol. 32. 2. 1985. P. 151.

<sup>5</sup> И эти последствия ещё долго сказывались: в 376 г. до н.э. Хабрий, памятуя, видимо, о печальной участи стратегов-победителей, не стал преследовать спартанский флот после победы при Наксосе, хотя имел прекрасную возможность уничтожить его, а стал подбирать погибших и потерпевших кораблекрушение (Diod., XV, 35, 1). См.: *Roberts J.T. Accountability...* P. 178–179; *Mehl A. Für eine neue Bewertung...* S. 61.

<sup>6</sup> См. подробнее о новых стратегах и принципах их отбора: *Strauss B.S. Aegospotami Reexamined* // AJPh. Vol. 104. 1983. P. 29–31.

следователи, оставался совершенно пассивным в течение примерно года. Зато кипучую энергию проявляет Лисандр — *de facto* новый командующий пелопонесским флотом. Он собирает корабли, получает от дружески расположенного к нему персидского царевича Кира деньги, ставит своих сторонников у власти в Милете и некоторых других городах Ионии, направляется к Геллеспонту и захватывает Лампсак, союзный с Афинами (Diod., XIII, 104; Plut., Lys., 8). Афинский флот направляется к фракийскому побережью. На стоянке у Эгоспотам спартанцы внезапно атакуют и уничтожают беспомощные афинские корабли (Xen. Hell., II, 1, 28–32; Diod., XIII, 106; Plut. Lys., 11). Лавры победителя, сокрушившего в тот день Афинскую державу, по справедливости вместе с Лисандром должен был разделить афинский народ, осудивший другим осенним днем на смерть своих стратегов.

Естественно, в историографии не раз высказывались различные (хотя во многом схожие) мнения в связи с процессом стратегов-победителей. Этот сюжет никого не оставил равнодушным, а выразительность и красочность его оценки определялись риторическим искусством и политическими убеждениями историков. Два полюса, два крайних мнения сформулированы были еще в XIX в. Карл Юлиус Белох (который не любил афинскую демократию) писал об этом так: «Осуждение полководцев возбужденной чернью психологически можно понять, а следовательно и простить; но оно остается позором для Афин, или вернее для того государственного строя, при котором были возможны такие явления».<sup>3</sup> Его антипод, Джордж Грот, спасая реноме любимой афинской демократии, склонен был весьма жестко оценивать поведение стратегов, подвергая сомнению даже самое главное извинение их прегрешения — шторм, точнее его силу, и сравнивая афинских военачальников с бравыми английскими адмиралами, которые ни при каких условиях не оставили бы без помощи своих матросов. Вердикт английского ученого суров: стратеги виновны. Поведение афинского демоса, пославшего стратегов на смерть, Грот считал естественным поведением людей, которые благополучие государства принесли в жертву «семейным чувствам», вспыхнувшим яростным пламенем во время праздника Апатурий. Но английский историк все же признает, что афинский народ вопреки закону лишил стратегов возможности защищаться, осудив их скопом.<sup>2</sup>

Между этими крайностями расположилось множество оттенков мнений современных исследователей, но мало кто из них удержался от упреков в адрес афинского демоса или оспаривал факт нарушения

<sup>1</sup> Белох Ю. История Греции. Т. II. С. 78.

<sup>2</sup> Grote G. A History of Greece. Vol. V. P. 517–518, 531, 535.

закона (процедуры) в решении участи стратегов одним голосованием (μᾶ ψήφῳ).<sup>1</sup> Особняком стоит относительно недавняя статья немецкого историка А. Меля «О новом значении одного юридического скандала», пытавшегося (на наш взгляд, безуспешно) развеять общепринятое мнение о том, что фактически экклесия совершила «юридическое убийство», осудив стратегов с серьезными нарушениями правовой процедуры.<sup>2</sup>

Анализ процесса стратегов-победителей позволяет сделать кое-какие выводы относительно особенностей прямой демократии вообще, не только афинской. Оценку прямой демократии, особенно в сравнении с демократией современной, можно вести с разных точек зрения. Во-первых, с точки зрения демократичности, т.е. оценивая, насколько решения, принятые в условиях прямой демократии, соответствовали интересам народа. Отвечая на вопрос, была ли казнь стратегов-победителей в интересах народа, мы, разумеется, дадим отрицательный ответ. Это вскоре понял и сам афинский демос, да и дальнейшие события подтвердили «антинародность» принятого решения. Следовательно, дело стратегов — пример недемократичности прямой демократии, хотя и нельзя сказать, что современные демократии застрахованы от такого рода ошибок.

Во-вторых, оценивать прямую демократию можно с точки зрения законности. Это предполагает выяснение того, насколько строго соблюдалась судебная процедура: судили ли стратегов за нарушение закона или *ad hoc* (по случаю). Обвинение (исангелия) действительно выдвигалось по закону, но при отправлении правосудия были допущены серьезные нарушения. Фактически процесс не состоялся, ведь стратегам не дали высказаться в свою защиту, и они были осуждены все скопом, на что указывает и Ксенофонт — ἀπολλύντες ἀκρίτους παρὰ τὸν νόμον (I, 7, 25). Причем эти нарушения были далеко не случайными, а стали пря-

<sup>1</sup> Приведем лишь отдельные примеры такого рода замечаний о «противозаконии» или отступлениях от «нормальной процедуры» в данном деле: *Busolt G.* Griechische Geschichte. Bd. III. T. II. S. 1604; *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 185–186; *Cloch   P.* L'affaire des Arginuses. P. 57–58, 67; *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse... S. 163–169; *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. P. 189; *Due B.* The Trial of the Generals... P. 36; *N  meth G.* Der Arginusen-Prozess. S. 51, 56–57; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 440–441; *Bauman R.* Political Trials... P. 70–74; *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl... S. 133.

<sup>2</sup> *Mehl A.* F  r eine neue Bewertung eines Justizskandals. S. 32–80. Contra Меля не только более-менее единодушное мнение исследователей, но и сформировавшаяся почти синхронно с данным событием традиция (Xen., Hell., I, 7; Mem., I, 1, 18; Plat. Apol. 32b; Ps.-Plat. Axioch., 368e–369a; Aristot. Ath. pol., 34, 1; Diod., XIII, 102–103; Athen. 217f–218a).

мым следствием идеи народного суверенитета.<sup>1</sup> Суверенность народа — главный принцип прямой демократии. Как бы благоговейно ни относились афиняне к закону, как бы ни утверждали на словах суверенитет закона, следует признать, что не закон, а народ правил в Афинском государстве (подробнее — гл. VII). Идея суверенности народа противоречит идее суверенности законов, и процесс стратегов — яркое тому подтверждение. Примечательные слова Ксенофонта: «толпа кричала, что возмутительно, если кто не позволяет народу поступать так, как ему вздумается» (Hell., 1, 7, 12), — своеобразная квинтэссенция принципа народного суверенитета, или доведенной до логического конца прямой демократии. Идея народного суверенитета позволила афинскому демосу сосредоточить в своих руках как законодательную, так и судебную власть. Не имея ни в чьем лице противовеса, в отсутствие механизмов, сдерживающих его произвол, народ мог не опасаться, что его лишат власти, и поэтому поступал по принципу «хочу соблюдаю закон, хочу нарушаю». И дело стратегов-победителей — пример такого рода беззакония.

И наконец, оценивать прямую демократию можно с точки зрения либеральности (правда, законность тоже признак либеральности, но формальный). Последнее предполагает выяснение того, был ли совершенный поступок посягательством на жизнь, собственность или свободу человека. И здесь все зависит от того, могли или не могли стратеги подобрать мертвых и спасти тех, кто еще оставался в живых. Почему они не совершили того, что должны были совершить: потому, что пренебрегли долгом, или потому, что не могли исполнить долг из-за разбушевавшейся стихии? Но как известно, принципы либерального судопроизводства требуют, чтобы в случае сомнения дело решалось в пользу обвиняемого. А уж сомнений в деле стратегов было предостаточно, поэтому можно сказать, что вынося обвинительный приговор, эkkлeсия поступила нeлибepaльнo.

Конечно, дело стратегов-победителей — лишь один из эпизодов истории афинской демократии, один из многих судебных процессов, пусть даже из числа самых ярких и запоминающихся. Делать какие-то окончательные выводы на основании одного эпизода или даже нескольких аналогичных эпизодов, не учитывая тенденции развития афинской судебной системы и государства в целом, отслеживаемой на протяжении

---

<sup>1</sup> См. рассуждения на данную тему в: *Burckhardt L. Eine Demokratie wohl...* S. 140–142. Еще раньше Ведель рассматривал аргинусский процесс как столкновение двух противоположных принципов: закон vs суверенной воли народа (*Wedel W. von. Die politischen Prozesse...* S. 164–169).

всего времени существования демократии, — преждевременно и легко-весно, посему вышеприведенные размышления об афинской демократии на данном этапе нашей работы носят предварительный характер. Рассмотрение того, как обстояло дело с политическими процессами, законностью и произволом суверена в позднеклассических Афинах должно будет подтвердить их или опровергнуть.

#### § 4. Исангелия и стратеги в IV в. до н.э.

Занимать командные должности в IV в. до н.э. было не менее, если не более опасным делом, чем в V в.

В 388 г. (или 389) по исангелии был обвинен Эргокл, участвовавший в походе Фрасибула к берегам Малой Азии и, вероятно, бывший стратегом 390/89 г. вместе со своим погибшим другом.<sup>1</sup> Против него были выдвинуты обвинения во взяточничестве, растрате и измене (*δωροδοκία*, *κλοπή*, *προδοσία* — *Lys.*, XXVIII, *passim*). Речь Лисия против Эргокла была предназначена для выступления в экклесии (оратор был логографом у неизвестного обвинителя), следовательно, собрание обсуждало это дело, но принимало ли оно окончательное решение само или передало дело в дикастерий, неизвестно. Своеобразное продолжение данной инвективы, речь Лисия против Филократа (XXIX), приятеля и казначея Эргокла, определенно была написана для произнесения перед дикастами. В ней оратор, обращаясь к дикастам, говорит, что они осудили Эргокла на смерть («вы [= дикасты] осудили» — *ὑμεῖς θάνατον κατ'ἐξουσιᾶς* — 2), но использует глагол *ἡρώτοισιν*, запутывая дело, ибо применяет термин, употребляемый для голосования народного собрания. Либо мы имеем дело с отождествлением народного суда со всем афинским народом в лице собрания, либо Лисий не очень точен в формулировках и путает две стадии процесса по исангелии — предварительное слушание в собрании и окончательный вердикт дикастов.<sup>2</sup> Что же касается Филократа, обвиненного в присвоении 30 талантов из собранных Эргоклом денег (*Lys.*, XXIX), исход его процесса неизвестен.

Два раза под суд попадал стратег Фрасибул из дема Колит — в 387/6 и 382 г.: Демосфен упоминает, что Фрасибул дважды находился в заключении (после отстранения от должности до начала процесса), и

<sup>1</sup> Фрасибул (из дема стирия) был убит нападшими на афинский лагерь жителями малоазийского г. Аспеда, разгневанными грабежами афинских солдат (*Xen. Hell.*, IV, 8, 25). Эргокл вместе с Фрасибулом освобождал когда-то Афины от тирании Тридцати (*Lys.*, XXVIII, 12). О возможной стратегии — см.: *Hansen M.H. Eisangelia*. P. 88.

<sup>2</sup> Предположение Р. Сили: *The Athenian Republic*. P. 86–87.

его судило народное собрание (XXIV, 134). Судя по словам Лисия в речи, написанной им для одного клиента, Фрасибул обвинялся в том, что будучи подкупленным, передал врагам два афинских корабля, за мзду выкупал афинских пленных и опять же за взятку устроил переворот в Фивах (имеются в виду захват спартамцами Кадмеи и приход в Фивах к власти аристократической партии в 383 г.) (XVI, 23–24). Очевидно, что истина здесь плотно упрятана за инсинуациями обвинителя. Во всяком случае, Ксенофонт ни слова не говорит о том, что Фрасибул за взятку передал триеры спартамцам, рассказывая в пятой книге «Греческой истории», как в 387 г. спартанский командующий Анталкид захватил у Абидоса афинскую эскадру, которой командовал Фрасибул (V, 1, 26–27): обвинение в измене на первом процессе стратега вполне возможно явилось следствием данного поражения и потери кораблей. Смехотворно обвинение в устройстве переворота в Фивах (второй процесс), но какие именно действия Фрасибула дали повод связать его с несомненно неприятным для Афин инцидентом в Беотии, — неясно. Скорее всего стратег был дважды оправдан, иначе он не смог бы, как следует из той же речи Лисия, оспорить докимасию Леодаманта и ходатайствовать за своего протеже Евандра (XXVI, 21–23).

Фрасибул был не единственным стратегом, расплывающимся за фиаско у Абидоса. Дионисий, стратег 387/6 г., как вероятно, и его коллеги Деменет, Леонтих и Фаний,<sup>1</sup> был обвинен за неудачные действия против вышеупомянутого Анталкида (об этих действиях — Xen. Hell., V, 1, 26) и приговорен к смерти или к большому штрафу: Демосфен приводит этот пример в своем реестре стратегов, подвергнутых подобной каре (XIX, 180).

Вскоре после исполнения стратегии (около 387) был обвинен в растрате государственных средств известный политик Агиррий,<sup>2</sup> имевший большие заслуги перед демосом, что особенно подчеркивает Демосфен (XXIV, 134) (он восстановил теорикон, ввел плату за посещение народного собрания, увеличил её до трех оболов — Aristot. Ath. pol., 41,

<sup>1</sup> Упоминаний о судебном процессе Деменета, Леонтиха и Фания в источниках нет, но после данной истории они уже никогда не исполняли должности стратегов, поэтому высказывались предположения, что их также привлекли к суду (тогда же или позже): Roberts J.T. Accountability... P. 104.

<sup>2</sup> П. Клоше полагает, что обвинение против политика могло быть и не связано с его стратегией (Les procès des stratèges athéniens. P. 106); напротив, Дж. Робертс не исключает связи между исполнением обязанностей стратега (в частности, ведением боевых действий в Малой Азии) и обвинением против Агиррия, отсюда и предлагаемая ею датировка данного процесса (в источниках прямых сведений о его дате нет) (Roberts J.T. Op. cit. P. 105).

3; schol. Aristoph. Eccles., 102; Harp., s.v. *θεωρικά*). Агиррий был присужден к штрафу и некоторое время провел в тюрьме как государственный должник (Dem., XXIV, 134).<sup>1</sup>

Зимой 379/8 г. два стратега (их имена неизвестны), возглавлявшие афинский контингент на границе Аттики и Беотии, были преданы суду по исангелии за то, что по просьбе фиванских изгнанников помогли восставшим сторонникам демократии изгнать спартанский гарнизон из Кадмеи и освободиться таким образом от спартанской оккупации,<sup>2</sup> — очевидно, не столько за сам факт оказания помощи (действия фиванских демократов не могли не вызвать сочувствие в Афинах), сколько за то, что принимали решение и действовали без санкции демоса. На решение народа мог повлиять и страх перед возможными ответными мерами со стороны спартанцев, для которых афинское содействие в деле изгнания спартанского гарнизона из Кадмеи не осталось незамеченным (Xen. Hell., V, 4, 19).<sup>3</sup> Видимо, дело слушалось в гелиэе (Plut. Pel., 14, 1 — τῶν βοιωτῶν εἰς τὸ δικάστηριον παραγυόντες).<sup>4</sup> Один из стратегов, успевший бежать, спас таким образом свою жизнь, а его коллега был осужден и казнен (Xen. Hell., V, 4, 19).

Одним из лучших афинских полководцев IV в. до н.э. был Тимофей, сын Конона. Он был выбран стратегом в 378 г., а в 375 г. во время известного «западного похода» одержал победу над спартанским флотом в Ионийском море у Акарнании (Nep. Tim., 2). В середине 70-х наряду с Хабрием он был самым популярным стратегом в Афинах. В 373 г. Тимофей по поручению демоса готовил экспедицию на Керкиру (для освобождения её от спартанской осады), но прежде он отправился в Фессалию и на о-ва Эгеиды, чтобы привлечь союзников, набрать экипажи и получить поддержку для этого предприятия. Полководец вынужден был расплачиваться с наемниками из своих собственных средств, полученных в том числе через займы. Все эти приготовления и хлопоты вызвали задержку с отправлением экспедиции, чем воспользовались его противники. Тимофей был отстранен от командования (через процедуру ἀποχεῖροτοίᾳ) и привлечен к суду по обвинению в измене

<sup>1</sup> Демосфен утверждает, что много лет, но возможно, это риторическое преувеличение (см.: Roberts J. T. Ibid).

<sup>2</sup> Группа фиванских демократов во главе с Пелопидом и Мелоном тайно прибыла в Фивы и, убив Леонтиада и других местных олигархов, призвала народ к восстанию; тогда же гонцы были посланы на границу с Аттикой, чтобы заручиться поддержкой стоящего там афинского отряда под командованием двух стратегов (Xen. Hell., V, 4, 2–10).

<sup>3</sup> На этом особенно настаивает: Roberts J. T. Op. cit. P. 82–83, 165–166.

<sup>4</sup> См.: Hansen M. H. Eisangelia. P. 90.



Ификратом (сменившим, кстати, Тимофея в должности стратега) и оратором Каллистратом (Dem., XLIX, 9, 13; Xen. Hell., VI, 2, 11–13; Lys., fr. 228; Diod., XV, 47, 2–4). Решение по исангелии принимала эkkлeсия; к этому времени керкиряне одержали убедительную победу над спартанцами, и опасность для афинского союзника миновала. Тимофей был оправдан,<sup>1</sup> однако его казначей Антимак был приговорен к смерти (по обвинению в κλοπή), а его имущество конфисковано.<sup>2</sup> На оправдательный вердикт мог повлиять тот факт, что свидетельствовать в пользу Тимофея в Афины прибыли Ясон Ферский и эпирский царь Алкет (Dem., XLIX, 9–10).<sup>3</sup> Тимофей покинул Афины и несколько лет, как когда-то его отец, служил наемником за границей (у персидского царя – Dem., XLIX, 25–30).

Афинские посланники, отправляемые с различными дипломатическими миссиями, оказывались в той же «зоне риска», что и стратеги. Так, еще в 392/1 состоялся процесс Андокида и других послов (Эпикрата, Кратина, Евбулида), вернувшихся из Спарты с неприемлемыми условиями мира; по предложению Каллистрата их отдали под суд.<sup>4</sup> Демосфен перечисляет длинный список выдвинутых против них обвинений: действия вопреки постановлениям собрания (XIX, 278 – *παρα τα ὑφ' ἡμῶν ἐπ' αὐτοῖς ἐκείνοις*), неточный доклад в Совет, сообщение неправильных сведений о союзниках и принятие даров (XIX, 279). Не дожидаясь

<sup>1</sup> Аполлодор в своей речи «Против Тимофея о долге» говорит, что Тимофея, за которого просили его близкие и родные, а также царь молоссов Алкет и ферский тиран Ясон, афиняне «с трудом согласились оправдать» (Dem., XLIX, 10). Псевдо-Плутарх, напротив, заявляет, что Тимофей был осужден по обвинению Ификрата (Vita X orat., 836d = Lys., fr. 228, Sauppe). Хансен доверяет больше этому сообщению (Eisangelia. P. 91), что странно – ведь Аполлодор произносил речь лишь лишь примерно 11 лет спустя после процесса Тимофея и едва ли солгал бы относительно бесспорного факта, которого не могли не помнить его слушатели.

<sup>2</sup> Процесс Антимаха вероятнее всего также был начат по исангелии и происходил в эkkлeсии (ἐν τῇ δῆμῳ – Dem., XLIX, 10).

<sup>3</sup> Предположение американской исследовательницы Дж. Робертс о том, что обвинение, инициированное против Тимофея, было делом рук проспартанской мирной партии, возглавляемой Каллистратом, привлечшим Ификрата (Roberts J. T. Accountability... P. 44–45), кажется фантастическим, особенно в виду того, как рьяно Ификрат, избравший себе в помощники Каллистрата (sic!) и Хабрия, отправившись к Керкире, стал воевать со спартанцами (см. Xen. Hell., VI, 2, 14–39).

<sup>4</sup> Подробнее об этом процессе — см.: Perlman S. On Bribing Athenian Ambassadors // GRBS. Vol. 17. 1976. P. 230–231; Roberts J. T. Op. cit. P. 88–93.

решения суда, обвиняемые добровольно удалились в изгнание. In absentia им был вынесен смертный приговор (Dem., XIX, 277, 289; Philoch., FgrHist., F 149A; Ps.-Plut. 835a). (Это было концом бурной политической карьеры Андокида — больше нам ничего неизвестно о нем).

В 367 г. был возбужден процесс против Тимагора, обвиняемого в измене и подкупе во время посольства к персидскому царю (в 368/7 г.); Демосфен называет даже сумму взятки — 40 талантов (Dem., XIX, 137). Возможно, ему инкриминировалось в вину то, что он сговорился с фиванским посланником Пелопидом и действовал в ущерб интересам Афин на этих переговорах (Xen. Hell., VII, 1, 38; Plut. Pel., 30, 9–12). Дело слушалось в собрании (Dem., XIX, 31 — κατήχευρότιμον ὁ δῆμος), что и дает повод отнести его к процессам по исангелии.<sup>1</sup> Тимагор был приговорен к смерти (Dem., XIX, 31, 137; Xen. Hell., VII, 1, 38).

В 366/5 г. Хабрий привлекался к суду как стратег, а Каллистрат — как оратор за сдачу Оропа<sup>2</sup> Фивам; официальным обвинением была продосия (schol. Dem., XXI, 64); обвиняемые были оправданы (Aristot. Rhet., 1364a19–23, 1411b6–10; Dem., XXI, 64; Plut. Dem., 5). Однако в 361 г. до н.э. Каллистрат был обвинен, а когда он самовольно вернулся в 355 г. в Афины, смертный приговор был приведен в исполнение (Нур. IV, 1–2; Лус. I, 93).

Бывали периоды, особенно урожайные на обвинения — тогда, когда афиняне испытывали трудности в осуществлении своей политики. Например, серия неудач во Фракии и северной Эгееде, воспринимавшаяся особенно болезненно после успеха Тимофея на Самосе и возрождения имперских амбиций в середине 60-х гг. IV в. до н.э., повлекла за собой ряд процессов по исангелии в конце 60-х — начале 50-х гг.<sup>3</sup> В речи «О преступном посольстве» Демосфен приводит список тех стратегов, которые не смогли удержать Херсонес Фракийский и были за это наказаны по чрезвычайной жалобе: Эргофил, Кефисодот, Тимомах, еще раньше — Эргокл, Дионисий и другие (ἄλλοι) (XIX, 180). Список стратегов (вместе с риторам), против которых выдвигалось обвинение в исангелии, приводит и Гиперид, правда, его герои не захотели искушать судьбу и удалились в добровольное изгнание (IV, 1): Тимомах, Леосфен, Филон, Феотим (также с пометкой — «и другие»). Что же послужило причиной (или поводом) для выдвижения обвинений против перечисленных в этих двух списках афинских полководцев?

<sup>1</sup> См.: Hansen M. H. Eisangelia. P. 92.

<sup>2</sup> Маленький городок на северо-восточной границе Аттики с Беотией — постоянное яблоко раздора между афинянами и фиванцами.

<sup>3</sup> См.: Cloché P. Les procès des stratèges... P. 108; Sinclair R. K. Democracy... P. 149.

Эргофил, стратег 363/2 г., был смещен с должности и предан суду (в 362 г.) за то, что не помешал отпадению фракийского царя Котиса, но он хотя бы сумел избежать крайней меры наказания. (Dem., XXIII, 104; Aristot. Rhet., 1380b11). Его коллеге Каллисфену, действовавшему в р-не Амфиополя, повезло меньше: он заключил перемирие с македонским царем Пердиккой, которое тот впоследствии нарушил, — за свою излишнюю доверчивость афинский полководец поплатился смертным приговором по исангелии (официальное обвинение — в подкупе) (Aeschin., II, 30–31; Aristot. Rhet., 1380b13). По свидетельству Аристотеля, демос осудил Каллисфена на смерть за день до того, как оправдал Эргофила (αφεῖσιν — Rhet., 1380b10–13) — последнему улыбнулось счастье, ибо афиняне уже удовлетворили свою ярость, отправив первого к палачу.<sup>1</sup> Процесс Эргофила — последний из известных нам, который имел место в народном собрании.

Леосфен, потерпевший поражение от тирана Александра Ферского и потерявший пять трирем, в результате чего 600 афинян попали в плен, был обвинен по исангелии в предательстве, заочно осужден на смерть, а его имущество конфисковано (около 361 г. — Dem., LI, 9; Aeschin., II, 124; Нур., IV, 1; Diod. XV, 95, 2–3). Эсхин намекает на то, что он пал жертвой происков сикофантов (Ibid.). Аналогичная судьба (исангелия, предположительно, смертный приговор in absentia) постигла Филона (Нур., IV, 1).<sup>2</sup>

О незавидной участи Автокла, преемника Эргофила на театре военных действий во Фракии и Геллеспонте (362/1 г.), несколько раз упоминается в речах Демосфенова корпуса (Dem., XXIII, 104; XXXVI, 53; L, 12). Афиняне не решились поддержать Мильтокита, восставшего против фракийского царя Котиса (последний угрожал афинским владениям на Херсонесе; Мильтоkit же предложил афинянам Херсонес в обмен на помощь). Было принято соответствующее постановление, склавшее инициативу Автокла. В результате кампания закончилась

<sup>1</sup> См.: Cloché P. Op. cit. P. 109. Какое все же наказание понес Эргофил — загадка: Демосфен включает его в «черный список» стратегов, наказанных смертью или большим штрафом (XIX, 180), а по Аристотелю выходит, что ему удалось выйти практически сухим из воды (Rhet., 1380b10). Дж. Робертс предположила, что в том и другом случае мы имеем дело с риторическим преувеличением, и стратега, скорей всего, был определен небольшой штраф (Roberts J. T. Op. cit. P. 113, 218, note 27) — суший пустяк по сравнению с той участью, которая постигла Каллисфена. М. Хансен полагает, что штраф был велик (Eisangelia. P. 86).

<sup>2</sup> Филон, вероятно, тоже был стратегом, но неизвестно точно, какого года (см.: Hansen M. H. Eisangelia. P. 95).

неудачно; вина за это была возложена на стратега; он был обвинен Аполлодором и привлечен к суду по обвинению в измене, тогда как авторы рокового постановления остались безнаказанными (Dem., XXIII, 104; Lex. Cap., s.v. ῥητορικῇ). Синегором или, быть может, логографом Автокла был Гиперид (Нур., fr. X, 59–69; Lex. Cap., s.v. ῥητορικῇ). Исход процесса, датируемого М. Хансеном зимой 360 г., неясен.<sup>1</sup> Сменивший Автокла Менон в свою очередь пал жертвой обвинений все того же Аполлодора (Dem., XXXVI, 53; L, 12 – подробности этого дела неизвестны<sup>2</sup>).

Тимомах (стратег в 367/6 и 361/0 гг.) избежал наказания за неудачу во Фракии, отправившись в добровольную ссылку (Dem., XXIII, 115; XXXVI, 53; L, passim; Aeschin., I, 56; Нур., III, 1). В качестве его обвинителя с исангелией выступил Аполлодор, как и против других стратегов конца 60-х гг. Тимомах был заочно приговорен к смертной казни (schol. Aeschin., I, 56). Видимо, данное дело, как и привлечение к суду Феотима примерно в то же время (Нур., III, 1), было связано с занятием фракийским царем Котисом Феста (schol. Aeschin., I, 56), вызвавшим обвинение в измене против афинских военачальников. Как и Тимомах, Феотим предпочел пуститься в бег, чем дожидаться приговора гелиэи (Нур., III, 2).

Стратег Кефисодот осаждал в Алопеконнесе пиратов, которым шел на выручку Харидем. Афинский военачальник заключил с ним договор, условия которого вызвали недовольство демоса. В результате (в 359 г.) он почти чудом — большинством в три голоса — избежал смерти по обвинению в измене и был приговорен дикастами к штрафу в 5 талантов (Dem., XXIII, 167; Нур., s.v. Κηφισόδωτος; schol. Aeschin., III, 51). Судя по реплике Эсхина, Демосфен имел некое отношение к исангелии против Кефисодота — возможно, он был синегором или логографом обвинителя (III, 52).

В 60-х гг. возвращается в Афины Тимофей и вновь становится влиятельной политической фигурой, особенно после того, как из-за потери Оропа были обвинены Хабрий и Каллистрат. Хотя последние были оправданы, их престижу был нанесен урон. Тимофей весьма успешно действует между 365 и 362 гг., устанавливает контроль над Сестом и Критотой на Херсонесе Фракийском и многими городами Халкидики (Nep. Tim., 1). Эти победы, возможно, породили у его соотечественни-

<sup>1</sup> Ibid. P. 96 (там же аргументы в пользу предложенной датировки).

<sup>2</sup> На основании того, что Менон был опять стратегом в 357/6 г., Хансен делает вывод, что он либо был оправдан, либо присужден к небольшому штрафу (Eisangelia. P. 98).

ков завышенные ожидания по поводу возвращения Амфиполя и расширения влияния во Фракии, невольной жертвой которых стал сам полководец. В 360 г. он был обвинен неизвестным Аполлодором, кажется, специализировавшимся на преследованиях неудачливых стратегов (Dem., XXXVI, 53). Результат процесса неизвестен.

В конце 60-х гг. Тимофей породнился со своим старым соперником Ификратом: сын Ификрата Менесфей женился на дочери Тимофея. Все трое были выбраны в коллегию стратегов на 356/5 г. и вместе с Харесом командовали флотом, действующим против мятежных союзников в восточной Эгеиде. У Эмбаты Харес вступил в бой, но его коллеги не поддержали его, сославшись на шторм. Харес (в одиночку одержать ему победу не удалось) отправил в Афины письмо, обвиняя их в продосии.<sup>1</sup> Обвинения были подхвачены оратором Аристофонтом, сотрудничавшим с Харесом на протяжении нескольких лет. Он обвинил Тимофея в измене и в том, что его подкупили хиосцы и родосцы, Ификрата — в измене, Менесфея — в распоряжении деньгами, выплаченными флоту (Lys., fr. XV; Isocr. XV, 129; Din., I, 14; Diod. XVI, 21; Nep. Tim., III; Iphicr., 3, 3). Судя по утверждению Дионисия Галикарнасского, обвинения были выдвинуты в форме исангелии и последовали за отчетом стратегов (Dion. Hal. De Lys., 12, 480; Din., XIII, 667; об *ἐὶς ἀνὰ* упоминает также Исократ — XV, 129). Ификрат и его сын были оправданы, Тимофей — оштрафован на 100 талантов (Isocr. XV, 129). Будучи не в состоянии выплатить эту гигантскую сумму, он удалился на Халкиду, «изгнанный ненавистью неблагодарных сограждан» (*odio ingratae civitatis exactus* — Nep. Tim., 3, 5), где вскоре и умер.

Как объяснить столь различные приговоры фигурантам данного «громкого» процесса? Исократ, бывший когда-то учителем Тимофея, дает понять, что в постигшей того судьбе отчасти виноват сам его ученик, точнее особенности его нрава и поведения: он не угождал афинянам; его мнение по вопросам общегреческой политики и отношений с союзниками часто расходилось с мнением демоса; многочисленные войны он вел на свои средства и на свой страх и риск, без соответствующих псефизм; его дипломатичное и мягкое обхождение с врагами и союзниками разительно отличалось от поведения других стратегов (XV, 116–125). Ритор специально подчеркивает, что Тимофей не был народонена-

<sup>1</sup> Античная традиция рисует Хареса как жестокого, алчного и беспринципного демагога (см., например Diod., XV, 95, 3 — о его поведении на Керкире). Отзыв о нем Тимофея: «Не стратегом ему быть, а носить подстилки за стратегами» (Plut., Изреч. 45, 3). (Цит. по: Трухина Н.Н. Комментарии // Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. М., 1992. С. 53).

вистником (μισόδημος) или высокомерным (ὑπερήφανος), но его отличала μεγαλοφροσύνη (131). Последняя может означать как «величие духа, возвышенный образ мыслей», так и «гордость, надменность». Исократ имеет в виду скорее всего и положительную, и отрицательную коннотацию: μεγαλοφροσύνη в целом достоинство, но иногда неуместное в повседневной жизни полиса, приводящее к неверному представлению о Тимофее как о высокомерном человеке, смотрящем на демос сверху вниз.<sup>1</sup> В целом же, по мнению оратора, мы имеем дело с известной проблемой: народ (οἱ πολλοί) склонен к лести и больше любит тех, кто угождает ему, а не совершает нечто великое (132–133); если бы Тимофеей искал его расположения (εὖνοια), ему бы возносили хвалу и прощали ошибки, а так как он этого не делал, его ставили ниже, чем бездарных и ничего не совершивших полководцев и политиков (134–138).

Похоже, отмечаемую Исократом у Тимофея гордость, нежелание заискивать перед демосом афиняне воспринимали как высокомерное и антидемократическое поведение, что и сыграло свою роль в решении судей наложить на последнего штраф, который а priori невозможно было выплатить.<sup>2</sup> Что касается Ификрата (выходца из низов, его отец — сапожник), ему было легче найти общий язык с афинскими дикастами. Дополнительный штрих в вырисовывающуюся картину добавляет рассказ Полиена, правда, носящий анекдотический характер: будто бы Ификрат запугал судей, расставив рядом с дикастериями молодых людей, ненавязчиво демонстрирующих проходящим мимо дикастам спрятанные кинжалы (Polyaen., III, 9, 15; 29).

В 348 г. был привлечен к суду стратег Гегесилей, посланный на помощь тирану Эретрии на Эвбее и не сумевший её толково оказать; его родственник, известный афинский политик Евбул, отказался свидетельствовать в его защиту (Демосфен это специально подчеркивает); исход процесса неизвестен (Dem., XIX, 290 et schol.)

В 343 г. против Филократа, принимавшего участие во всех трех посольствах к Филиппу Македонскому в 346 г. (Dem., XIX, 13; 229; Aeschin., II, 18; 91), Гиперид выдвинул обвинение в виде исангелии с формулировкой «если кто, будучи оратором, говорит вопреки интересам афинского народа, получая деньги и подарки от врагов демократии» (IV, 29 — пер. Л.М. Глускиной). Дело слушалось в дикастерии, Филократ вынужден был удалиться в изгнание, чтобы избежать смерти; ему был заочно вынесен смертный приговор (Hyp. IV, 29–30; Aeschin., II, 6).

<sup>1</sup> См.: Ober J. Political Dissent in Democratic Athens. P. 271.

<sup>2</sup> См.: Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. P. 168.

В 338/7 г. (после поражения при Херонее) Ликиург обвинил члена коллегии стратегов Лисикла, вероятно, в продосии;<sup>1</sup> стратег был осужден и казнен (Лус., fr. 75–76; Diod., XVI, 88, 1–2). В последние годы существования демократии (336–322 гг.) еще несколько раз случались процессы по исангелии,<sup>2</sup> о некоторых из них будет сказано ниже, однако, насколько можно судить по имеющейся у нас информации, стратегов, осужденных, так сказать, в связи со своей профессиональной деятельностью, среди обвиняемых по чрезвычайной жалобе в этот период не было.

— — —

Возвращаясь к броской фразе Демосфена, предпосланной нашему обзору процессов, в которых по исангелии обвинялись главным образом стратеги: «А сейчас у нас дела дошли до такого позорного состояния, что из военачальников каждый по два, по три раза судится у вас по делам, которые караются смертной казнью...etc.» (IV, 47 — пер. С. И. Радцига), — решимся утверждать, что, хотя великий вития несколько преувеличивал, все же он был очень недалек от истины. Парадоксально, но факт: с особой суровостью афинское народное собрание обходилось со своими стратегами в периоды, когда особенно велика была нужда во взвешенном и квалифицированном руководстве, будь то в годы Пелопоннесской войны или в середине IV в.

Как объяснить такое невероятное количество осужденных стратегов? Иногда указывают на то, что стратеги, недостаточно опытные и искушенные в военном искусстве, допускали серьезные ошибки и поэтому заслуживали смещения и обвинения: «военными любителями» называл афинских стратегов Чарльз Форнара; Дженнифер Робертс посвятила целую главу своей книги промахам и злоупотреблениям смещенных и осужденных военачальников.<sup>3</sup> Подобный тон зададо, пожалуй, первое специальное исследование на данную тему — статья Поля Клоше «Процессы афинских стратегов». Французский историк полагал, что зачастую обвинения, выдвигаемые против стратегов, были обоснованны. Последние допускали и ошибки, и промахи, не брезговали

<sup>1</sup> Наверняка нельзя сказать, был ли этот процесс возбужден по исангелии или в связи со сдачей отчета (euthynai) — см.: Hansen M.H. Eisangelia. P. 104.

<sup>2</sup> Перечень дел (достоверных и не очень) по исангелии за период с 336 по 322 г. — см в «Каталоге» М. Хансена: Eisangelia. P. 104–111.

<sup>3</sup> Fornara C.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Historia, Einzelschriften 16. Wiesbaden, 1971; Roberts J.T. Accountability... Ch. VI. Guilt and Inadequacy. P. 107–123.

мздоимством; правда, наказания бывали неадекватными — слишком суровыми; в то же время есть примеры, когда приговор не очень повлиял на моральное или материальное благосостояние осужденного или его близких и не мешал его дальнейшей карьере.<sup>1</sup>

Однако, если мы посмотрим на обвинения, выдвигаемые против стратегов, то это — государственное преступление, чаще всего измена, но не профессиональная некомпетентность или вызванные ею ошибки. Предлагалось и такое объяснение: афинские военачальники в первые десятилетия IV в. до н.э. частенько испытывали острую нужду в средствах из-за прекращения поступления в казну дани с союзников после распада архэ и необходимости платить наемникам; во время операций вдали от Афин они вынуждены были «просить» о помощи афинских союзников или насильственно изымать деньги в округе, что давало впоследствии повод к обвинению.<sup>2</sup> Поведение афинских полководцев нередко сравнивалось с деятельностью кондотьеров во главе получастных наемнических армий.<sup>3</sup>

Клод Моссе считает участвовавшие процессы стратегов в 362–357 гг. следствием резко обострившейся в этот период политической борьбы в связи с возрождением «империалистической» политики, соответственно, усилением давления на союзников и выводом новых клерухий. Французская исследовательница неоднократно обращала внимание на то, что исангелия в IV в. использовалась как орудие в политической борьбе различных группировок, имеющих противоположные мнения относительно направлений афинской внешней политики: сторонники и противники активной эгейской политики (исангелии против Аристо-

---

<sup>1</sup> *Cloch  P.* Les proc s des strat ges ath niens. P. 97–118, особенно – P. 113–116. В отдельных делах (процессах Мильтиада, Кимона, стратегов 424 г. и отчасти 406 г., Тимофея и Ификрата и некоторых других) автор допускает наличие политической подоплеки (P. 116–117).

<sup>2</sup> См., например: *Hager H.* On the Eisangelia. P. 83; *Moss  C.* Athens in Decline. P. 26; *eadem:* La classe politiques   Ath nes. P. 70. О поборах с купцов из союзнических городов – см. подробнее Dem., VIII, 24–25 с колоритным началом: «все военачальники, какие когда-либо выходили от вас в море (за правильность этого я готов отвечать каким угодно наказанием), берут деньги и с хиосцев, и с эрифрейцев, и вообще со всех, с кого только могут взять...» (пер. С.И. Радцига). С другой стороны, стратеги часто тратили собственные средства на выплату жалованья наемникам и снаряжение: Lys., XIX, 22 (Аристофан, потративший и свои и одолженные деньги); Dem., XVIII, 114 (Навсикл, Диотим, Харидем); XLIX, 6–8 (Тимофей, залезший из-за этого в долги).

<sup>3</sup> См., например: *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 234; *П льман фон Р.* Очерк греческой истории и источниковедения. С. 266.



фана, Эргокла); группировка Каллистрата, считавшая после Левктр главной угрозой не Спарту, а Фивы, и группировка Аристофонта Азенийского, враждебная к лакедемонянам; затем — анти- и промакедонская партии.<sup>1</sup>

Сходного мнения придерживается и Дженнифер Робертс, усматривающая во многих «*impeachment trials*» «партийную» подоплеку.<sup>2</sup> Американская исследовательница объясняет действия демоса также сугубо рациональными соображениями: народ таким образом осуществлял свой контроль над военачальниками, не допуская каких-либо поползновений к власти с их стороны, блокируя угрозу демократическому строю со стороны военных. Она вспоминает Рим, где отсутствие такого контроля и то, что одни и те же люди были и политическими лидерами, и военными героями, привело к вековому кровопролитию в гражданских войнах.<sup>3</sup> Хочется возразить американской коллеге: непонятно, почему контроль подразумевал *уничтожение* стратегов; кроме того в предыдущем веке все афинские политики были по совместительству и стратегами, и судя по тому, что выбирались они в качестве последних именно демосом, перспектива «хунты» последнего тогда не пугала.

Иррациональное, точнее психоаналитическое объяснение политики демоса в отношении своих стратегов (и вообще ярких лидеров) предлагает Эли Саган: он усматривает в ней глубоко укорененную в психе примитивную иррациональную потребность «поедания богов», особенно когда они обманули ожидания насчет своей всемогущности.<sup>4</sup> «Как ребенок, демос стремится вверить себя целиком своим лидерам, приходя в ярость, когда лидерам, как родителям, не удается проявить всемогущество, всезнание или моральное совершенство».<sup>5</sup>

Мы не являемся такими знатоками индивидуальной и коллективной психе, как американский психоаналитик, но и нам кажется, что одними тактическими промахами афинских военачальников или их поборами, а также идеологической или политической борьбой и соображениями «народного контроля» не объяснить столь сурового отношения демоса к своим лидерам. Афиняне всегда ожидали успеха от своих

<sup>1</sup> Mossé C. Athens in Decline. P. 31; *eadem*. Politique et société en Grèce ancienne. P. 164–166.

<sup>2</sup> Roberts J.T. Op. cit. Passim. Особенно — ch. 4 „Factional Strife“ (P. 55–83) и ch. 5 „The Impeachment Trials of the Corinthian War“ (P. 84–106).

<sup>3</sup> Ibid. P. 174.

<sup>4</sup> Sagan E. The Honey and the Hemlock. P. 168–185 (с примерами того, как эта потребность выливалась у разных народов — ацтеков, племен Таити и т.п. — в соответствующие магическо-религиозные обряды; как одно из её проявлений рассматривается остракизм).

<sup>5</sup> Ibid. P. 195.

командиров. Как заметил Р. Синклер: «Склонные к высоким ожиданиям, афинские граждане были далеки от благородства, когда сталкивались с неудачей или поражением».<sup>1</sup> Стратеги отвечали за все, что не соответствовало этим ожиданиям. Демос, осуществляя свою власть и требуя подотчетности от всех должностных лиц, был немилосерден к своим лидерам, за военный или внешнеполитический провал предъявляя стандартное обвинение в измене (*προδοσία*). Таким образом, не только иррационализм и шараханье из стороны в сторону, присущие толпе, а и производные от прямой демократии всевластие и безнаказанность демоса, не несущего ответственности за собственные ошибки, но не прощающего чужие, не терпящего разочарования и склонного к поискам «козла отпущения», — были причиной судебных расправ над стратегами, и неважно осуществлялись ли они на Пниксе или в залах гелиэи.

О пагубности практики, когда только политики отвечали за свои предложения, а народ не нес никакой ответственности за свои решения, писал еще Фукидид (речь Диодота в знаменитых митиленских дебатах, высветивших главные проблемы и пороки афинской прямой демократии): «Если бы тот, кто вас убедил, и тот, кто последовал совету, испытывали одинаково дурные последствия, то вы выносили бы решения более осмотрительные. Теперь же в случае неудачи вы при первой вспышке гнева караете одно только предложение лица, натолкнувшее вас на решение, но не караете ваши собственные решения, хотя бы последние, несмотря на то что они приняты народной массой, оказались также ошибочными» (III, 43, 5 — пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева).

Свою долю ответственности за подобного рода настроения среди афинян несут и афинские риторы — политики, которые в своих речах науськивали демос на своих политических противников, не стесняясь в обвинениях, и таким образом создавали благоприятную обстановку для «охоты за ведьмами». Тот же Демосфен, так сокрушавшийся о беспочвенных преследованиях стратегов, в речи «Против Тимократа», написанной им для Диодора, позволяет себе такие упреки в адрес противников: «Один из вас, Тимократ и Андротион, уже более тридцати лет занимался политической деятельностью. За это время многие стратеги и ораторы, совершившие государственные преступления, были осуждены этими судьями, причем одни из них за свои преступления поплатились жизнью, другие, мучившиеся раскаянием, добровольно ушли в изгнание. Почему же ни один из вас ни разу не проявил и тени негодова-

<sup>1</sup> Sinclair R. K. *Democracy and Participation in Athens*. P. 146.

ния по поводу ущерба, нанесенного государству?» (XXIV, 173 — пер. В.Г. Боруховича). Выходит, что оратор упрекает Тимократа и Андротиюна в недоносительстве и отсутствии рвения в судебном преследовании стратегов и раторов. Стоит ли говорить, что пестуемый Франкенштейн обрушивался прежде всего на своих создателей, и жертвами чрезмерного рвения доносчиков становились в первую очередь афинские риторы и самый великий из них — Демосфен, неоднократно бывший мишенью всевозможных исков и преследований (XVIII, 249–250). Хотя и в меньшей степени, чем стратеги, риторы также могли опасаться обвинений по исангелии.<sup>1</sup> Гиперид утверждает, что исангелия применялась к ораторам, вносящим предложения вопреки интересам народа и выступающим во вред демократии (IV, 4). По подсчетам М. Хансена из примерно 130 обвинений по исангелии, известных нам в период с 492 по 322 гг. до н.э., 17 были направлены против ораторов, выступавших в собрании.<sup>2</sup>

Дилемма, которая неумолимо встает после анализа процессов по исангелии и другим государственным преступлениям, была сформулирована самым видным современным апологетом афинской демократии М. Хансеном: либо мы признаем, что афинский народ выбирал в качестве своих военачальников огромное количество неумелых, вероломных и коррумпированных стратегов, либо признаем, что афиняне осудили огромное количество честных и невинных людей по лживым обвинениям.<sup>3</sup> Выбор предопределен: как ни пытались историки найти хоть какие-то основания для тех серьезных обвинений, которые выдвигались в адрес афинских военачальников, ничего кроме невезения, неопытности, или на худой конец, некомпетентности, обнаружить не удалось.<sup>4</sup> Иначе говоря, неумелые или неуспешные действия стратегов назывались изменой или подкупом и подпадали под действие закона об исангелии. С грустью М. Хансен признает, что, судя по количеству политических процессов, афинская политическая система имела серьезный дефект. Оказывается, прямая демократия может использовать те же судебные методы, что и тоталитарное государство, и афинский демос вел себя подобно тирану не только по отношению к союзникам, но и по отношению к собственным лидерам.<sup>5</sup> Подобное сравнение пришло на ум и К. До-

<sup>1</sup> Более распространенным, т.с., «коронным» обвинением против политика-ритора было обвинение по жалобе на противозаконие — см. следующую главу.

<sup>2</sup> Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 216.

<sup>3</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 65; *idem*. The Athenian Democracy... P. 217.

<sup>4</sup> См.: Knox R. A. "So Mischievous a Beast?" P. 145.

<sup>5</sup> Hansen M.H. Eisangelia. P. 65; *idem*. The Athenian Democracy... P. 217.

веру: «Греческая демократия, знающая из своего опыта о внешних врагах, угрожавших существованию народа, и о том, что демократический строй находится под угрозой свержения как изнутри, так и извне, часто говорила и вела себя таким образом, который напоминает больше тоталитарные государства, чем известные нам парламентские демократии».<sup>1</sup>

## § 5. Последние процессы по исангелии

Вероятно, в конце 30-х гг. IV в. до н.э. в процедуре исангелии произошли некоторые изменения, связанные с возросшим количеством злоупотреблений этим крайне опасным для обвиняемых и безопасным для обвинителей видом политического процесса. Особенно эти злоупотребления участились в третьей четверти IV в., когда обвинители стали выдавать незначительные проступки за подпадающие под νόμος εἰσαγγελτικός. Так, афинянин Леократ, отнюдь не политик, а так сказать, «деловой человек», покинул Афины сразу же после Хероней<sup>2</sup> и уехал сначала на Родос, потом в Мегару, спустя 8 лет вернувшись на родину. Здесь его привлек к суду известный оратор и политический деятель Ликург, расценивший отъезд Леократа в момент, когда после херонейской катастрофы город нуждался в каждом гражданине, как измену. Он выступил с исангелией против обвиняемого (331/330 г.), который в свое оправдание ссылался на то, что покинул город по торговым делам. Уже в этом случае мы имеем дело с очень широкой трактовкой понятия «измена» (προδοσία, προδοτής τῆς πατρίδος — Лус., I, 2, 29, 33, 35, 59 etc.). Процесс чуть было не стоил Леократу жизни: по словам Эсхина, «голоса судей разделились поровну, а если бы один только голос был подан иначе, он был бы выслан за пределы страны или казнен» (III, 252 — пер. Л.М. Глускиной)

Сикофант Аристон, которому помогал Ликург, выступил с исангелией против Ликофрона (предположительно 333 г.), виновного в адюльтере, причем это была εἰσαγγελία καταλύσεως τοῦ δήμου, т.е. обвинение

<sup>1</sup> Dover K.J. Greek Popular Morality ... P. 159–160.

<sup>2</sup> Т.е., очевидно, еще до принятия декрета, по которому Ареопаг мог приговаривать к смерти тех, кто бежал из Аттики после этого поражения (Лус., I, 53). Поэтому едва ли можно утверждать, как это делает В.В. Вальченко (Исангелия в деле Леократа. С. 120–121), что Леократа судили «по закону», исходя из единственного упоминания у Ликурга о данном постановлении. Интересно, что Ликург не просит зачитать текст этого постановления и нигде больше о нем не говорит, хотя оно могло бы стать ключевым, поистине неотразимым, аргументом его обвинения. О деле Леократа и законах — см. также § 1 гл. VII.

в попытке государственного переворота — свержении демократии (Нур. I, 10). Ликофрон в речи, написанной для него Гиперидом, утверждает, что истец выдвинул против него обвинение в государственном преступлении вместо подачи иска фесмофетам, дабы избежать риска, связанного с неудачными обвинениями (т.е. штрафа) (*ἵνα πρῶτον μὲν ἀκίδυνος εἰσιῆς εἰς τὸν ἀγῶνα*), и для того, чтобы иметь возможность включить в речь «трагические рассказы» (*τραγῳδίας γράψαι*)<sup>1</sup> (I, fr. IVb, 12); его противник хочет выставить дело в более серьезном свете, чем оно того заслуживает. Обвинители требовали смерти для ответчика; какое именно решение приняли дикасты, неизвестно.

Еще один возможный пример использования исангелии не «по назначению» — процесс Фрины, получивший большую огласку из-за истории (возможно, значительно приукрашенной) с обнажением прелестей гетеры.<sup>2</sup> Некий Эвтия выдвинул обвинение против Фрины в безбожии (*ἀσεβεία*); гетере грозила смертная казнь, но благодаря умелой защите Гиперида она была оправдана (Ps.-Plut. Mor., 849e; Athen., XIII, 590d-f). Гиперид утверждал в своей речи в защиту Фрины, что обвинитель — отвергнутый возлюбленный гетеры, который затеял процесс в отместку. Содержание обвинения восстанавливается исследователями по сохранившемуся в анонимном трактате по риторике «*Τέχνη τοῦ πολιτικοῦ λόγου*» фрагменту из заключительной части речи обвинителя (I, 390 — Spengel): устройство бесстыдного кутежа в Лицее, попытка введения культа нового божества<sup>3</sup> и организация незаконных фиасов из мужчин и женщин. Не исключена и политическая подоплека процесса:<sup>4</sup> обвинения против гетеры выглядят надуманными; известно, что Аристогитон, обвинявший Гиперида по графэ параномон после Херонеи и бывший его политическим противником, также произносил речь против Фрины (Athen., XIII, 591e).

<sup>1</sup> Этими «трагическими историями» являются обвинения Ликофрона в том, что якобы по его вине многие женщины старятся, не выходя замуж, а многие другие сожительствуют с кем не следует, в нарушении законов (Нур., I, fr. IVb, 12).

<sup>2</sup> О процессе Фрины см.: *Semenov A. Hypereides und Phryne // Klio. Bd. 28. 1935. S. 271–279; Raubitschek A.E. Phryne // RE. 1941. Hlbd. 39. Sp. 893–907; Cooper C. Hyperides and the Trial of Phryne. P. 303–318. См. также гл IV, § 4. Процесс имел место где-то между 350 и 340 гг.*

<sup>3</sup> Возможно, это новое божество — Исодет, отождествляемый с Аидом или Дионисом, — мистериальный культ иноземного происхождения, адептами которого были и мужчины, и женщины, причем особенно женщины скверной репутации (Нагросс., s.v. *Isodaitēs*). См. обсуждение и ссылки в: *Cooper C. Op. cit. P. 306.*

<sup>4</sup> Мнение Коопера: *Hyperides and the Trial of Phryne. P. 306–307.*

В сборнике вымышленных писем известных гетер, принадлежавших ритору Алкифрону (ок. 300 г. н.э.), в одном из писем, по мнению ряда исследователей, содержится отрывок из речи Гиперида. Гетера Бакхида пишет другой гетере — Миринне — и советует ей не просить денег у нового возлюбленного Эвтия, если она не хочет быть обвиненной в поджоге доков и ниспровержении законов (Ер. IV, 4 — ἢ τὰ ἱεῶντα ἐμπροπύλαι ἢ τοὺς νόμους καταλύουσιν).<sup>1</sup> Эта издевательская насмешка Гиперида над своим соперником в суде и любовных делах (если она самом деле из его речи) дает повод предполагать, что обвинение против Фрины было выдвинуто в форме исангелии: поджог доков и ниспровержение законов вполне подпадают под измену и заговор против демократии, и следовательно, под νόμος εἰσαγγελτικός.<sup>2</sup> Данное предположение, высказанное К. Коопером, кажется вполне убедительным, если бы не одно «но»: молчание самого Гиперида об этой смехотворной исангелии против прелестницы-гетеры в его речи в защиту Евксениппа, произнесенной позже и специально касающейся проблемы надуманных обвинений по государственным преступлениям.

В этой речи (IV) Гиперид проводит различие между серьезными делами по исангелиям в прошлом и новой практикой поверхностных обвинений, не имеющих ничего общего с законом о государственных преступлениях, как то было в деле Евксениппа. История, случившаяся с последним, была связана с разделом земли городка Оропа (на границе Аттики и Беотии), возвращенного Филиппом афинянам после Херонеи. Она была поделена между десятью афинскими филами, по одному участку на две филы. После раздела возникли сомнения, не является ли один из наделов священным участком героя Амфиарая. Трем афинянам, в том числе нашему герою, поручено было провести ночь в храме Амфиарая в надежде, что каким-то образом истина прояснится. Евксенипп заявил, что видел сон, по-видимому, благоприятный для тех двух фил, которым достался спорный участок. Некий Полиевкт внес исангелию против сновидца, обвинив его в том, что он был подкуплен заинтересованными филами и потому сообщил о сне в их пользу (Нур., IV).<sup>3</sup>

<sup>1</sup> C. Jensen (Hyperidis Orationes / Ed. Teubner) и Kenyon (OCT) включают этот фрагмент в свои издания Гиперида как фр. 179. См.: Raubitschek A.E. Phryne. Sp. 904; Cooper C. Op. cit. P. 310.

<sup>2</sup> См.: Cooper C. Op. cit. P. 310–312. Фрина могла обвиняться и по γράφῃ δόσεβας; однако Коопер напоминает о случаях, когда исангелия использовалась в делах по асеебии (например, в деле осквернителей мистерий в 415 г.; также псефизма Диопифа подразумевала эту процедуру — Plut. Per., 32, 2).

<sup>3</sup> См. также: Глускина Л.М. Комментарий к речи в защиту Евксениппа // ВДИ. 1962. № 1. С. 219.

Мимоходом обвинитель намекал и на промакедонские симпатии ответчика (Нур., IV, 19–26).<sup>1</sup>

Обвинителю помогал Ликург (Нур., IV, 12), а синегором Евксениппа был Гиперид. Одним из главных аргументов Гиперида было утверждение о том, что ответчик — простой гражданин (*ιδιώτης*), а не ритор или публичный политик, против которых и должна быть направлена исангелия (IV, 1; 4).<sup>2</sup> Оратор перечисляет смехотворные случаи внесения обвинений по исангелии, имевшие место в последнее время: один гражданин и один метек были привлечены за то, что сдавали в наем флейтосток по более высокой цене, чем предписано в законе; другой метек — за то, что был внесен в гражданские списки (IV, 3).<sup>3</sup>

Мы не знаем, насколько действенным оказался данный аргумент в деле самого Евксениппа, но несомненно, что вскоре после этого процесса (и, очевидно, не без влияния этого и подобных ему курьезных обвинений), между 333 и 330 гг.<sup>4</sup> было принято постановление, о котором сообщает Поллукс (он ссылается на Феофраста). Если раньше обвинитель по исангелии был полностью «вне опасности» (*ἀκίνδυνος*), то теперь, получив менее 1/5 голосов судей, он штрафовался на 1000 драхм (без атимии), что можно рассматривать как попытку обуздать злоупотребления процедурой (Poll., VIII, 52–53).

О процессах по исангелии, произошедших в 20-х гг. IV в., информация крайне скупа, а обвинения выдвигались против ничем не примечательных обывателей — *ιδιώται*. Их жертвами становились то взявший займы купец под залог уже заложенного (Dem., XXXIV, 50–51; приговор — смертная казнь), то некий Менесехм, совершивший «частное» жертвоприношение Аполлону Делосскому без санкции властей (Lys., fr. XV, 79–88). Важным делом мог бы стать процесс Каллимедона

<sup>1</sup> Гиперид откровенно насмехается над этими обвинениями: «Разумеется, Евксенипп совершил страшный проступок тем, что разрешил Олимпиаде посвятить фиалу на статую Гигиен» (IV, 19).

<sup>2</sup> Об этих и других исангелиях против малозначительных персонажей — см.: Hansen M.H. *Eisangelia. Catalogue*. № 99, 111, 113–115, 117–119, 122–125, 127, 140–144.

<sup>3</sup> У Гарпократиона сказано, что этот метек — Агасикл — подкупил демонов, чтобы его внесли в список (s.v. *Ἀγασκλῆς*).

<sup>4</sup> О том, что в 330 г. до н.э. обвинитель по исангелии, не собравший одной пятой голосов, должен был уплатить 1000 драхм, косвенно — см. Dem., XVIII, 250. О датировке — см.: Глускина Л.М. Комментарий // ВДИ. 1962. № 1. С. 205; Bonner R., Smith G. *The Administration of Justice*. Vol. I. P. 296–298; Harrison A.R.W. *The Law of Athens*. V. II. P. 52; Sinclair R.K. *Democracy and Participation in Athens*. P. 158; Christ M.R. *The Litigious Athenian*. P. 136.

(324 г.?)<sup>1</sup>: Демосфен внес против него исангелию, обвинив в том, что тот сговорился с изгнанниками в Мегарах свергнуть демократию (Din., I, 94). Но сделав это громкое заявление, по утверждению Динарха, Демосфен тут же взял его обратно (Ibid.).

Исангелия, бывшая на протяжении почти двух веков страшным и грозным оружием политической борьбы, собравшая щедрый урожай невинных (или, по крайней мере, не заслуживших столь сурового приговора) жертв, сделавшая должность стратега почти смертельно опасной для её обладателей, скомпрометировавшая афинскую демократию и фактически исчезнувшая вместе с ней, закончила свое существование почти как фарс.

---

<sup>1</sup> О датировке – см.: *Hansen M.H.* Eisangelia. P. 111.



## Приложение

### Процессы в связи с докимасией, сдачей отчета (εὔθυνα); апофасис (дело Гарпала)<sup>1</sup>

Афинским дикастериям принадлежала окончательная юрисдикция по делам, связанным с докимасией и сдачей отчетов. По всей вероятности, в древности эти функции принадлежали Ареопагу и были переданы дикастериям в результате реформы Эфиальта (подробнее — см. гл. I, § 2).

*Докимасия (δοκιμασία)* — испытание кандидата на должность. Кроме докимасии членов Совета и девяти архонтов, которая происходила в буле (Lys., XXXI, 1–2), все остальные осуществлялись напрямую в судах под председательством фесмофетов (Aristot. Ath. Pol, 55, 2; 59, 4).<sup>2</sup> Отвергнутый кандидат в члены Совета мог обжаловать свою докимасию в дикастериях (Aristot. Ath. pol., 45, 3; 55, 2). Архонты проходили обязательную двойную докимасию — в Совете и дикастериях (Dem., XX, 90; Aristot. Ath. pol., 55, 2). Аристотель имел полное право утверждать: «суд — господин над докимасией» (Ath. pol., 55, 2 — καὶ τοῦτο [τὸ δικάστηριον] κύριόν ἐστι τῆς δοκιμασίας).

Докимасия была не проверкой компетенции и знаний кандидата на должность, а выяснением соответствия претендента неким формальным требованиям и проверкой его гражданских прав и поведения. От кандидата требовалось, чтобы он был афинским гражданином, не моложе 30 лет, не ἄτιμος. Принимались в расчет политические убеждения: подозрения в олигархических симпатиях было достаточно, чтобы отказать кандидату в должности. Эта проблема была особенно актуальной после восстановления демократии в 403 г. и примирения с элевсинцами. Несмотря на объявленную амнистию, оставившую безнаказанными сторонников Тридцати, их старались в последующие годы не допус-

<sup>1</sup> Будучи ограниченными рамками нашей работы и не будучи в состоянии столь же подробно проанализировать другие виды государственного процесса в Афинах, как это мы сделали с исангелией и намерены сделать с жалобой на противозаконие, мы сочли необходимым представить краткий экскурс о процессах в связи с докимасией, эвтинами и апофасисом.

<sup>2</sup> О докимасии — см., например: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 269–278; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. S. 1071–1073; *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. V. II. P. 201–203; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 218–220; *Adeleye G.* The Purpose of the Dokimasia // GRBS. Vol. 24. 1983. P. 295–306.

кать до государственных должностей, «заваливая» на докимасии. Не случайно герои всех дошедших до нас речей по поводу обжалования докимасии (это речи XVI, XXV, XXVI, XXXI из корпуса Лисия) пострадали за свою действительную или мнимую связь с правительством тиранов. От отрицательного вердикта гелиастов на докимасии не были застрахованы даже самые видные политики. Известный пример: Ферамен, выбранный стратегом на 405 г. до н.э., был забаллотирован в суде при проведении докимасии (Lys., XIII, 10).

Докимасия, все равно, перед Советом или судом, начиналась с вопросов, на которые кандидат обязан был отвечать, по необходимости привлекая свидетелей. Требовалось назвать свое имя, дем, имена отца и матери и имена их родителей, затем сказать, чтит ли он родителей и отеческие святыни, исполнил ли военную службу и финансовые обязательства. После того, как кандидат ответит на все вопросы и представит свидетелей в подтверждение своих ответов, с обвинениями в его адрес может выступить любой желающий (Aristot. Ath. pol., 55, 4). Как отмечено в одной из речей Лисия, претендент во время докимасии должен был давать отчет по всей своей жизни, в отличие от других судебных процессов, где он защищался только по поводу предъявленного обвинения (XVI, 9). Обвинитель в процессе по докимасии ничем не рисковал — ни штрафом, ни атимией, т.е. он был ἀκίνδυνος. Слово предоставлялось и для обвинения, и для защиты, а затем производилось голосование: в Совете — поднятием рук (ἐπιχειροτομία), а в суде — «камешками» (ψῆφος). Голосование происходило в любом случае, даже если никто публично не выступал с претензиями (Aristot., ibid.), т.е. если судьи сочли кандидата по каким-либо соображениям недостойным, они могли его отвергнуть «молча», не выдвигая обвинений и не представляя, следовательно, возможности для защиты.

В подавляющем большинстве случаев докимасия была рутиной, занимала несколько минут для одного кандидата. Однако учитывая количество афинских должностных лиц (500 членов Совета, 9 архонтов, около 700 других магистратов<sup>1</sup>), все равно требовалось значительное время для проведения данной процедуры, возможно, даже несколько недель. М. Хансен полагал, что КПД её был невысок: нам известны лишь восемь бесспорных и два вероятных случая, когда кандидата обвиняли при проведении докимасии, и он вынужден был защищать

<sup>1</sup> По сообщению Аристотеля, в Афинах было 700 «местных властей» (ἀρχαὶ δ' ἐνδημοί) и 700 «зарубежных» (ὑπερόριοι) (Ath. pol., 24, 3). Даже если откинуть вовсе или сократить число последних для IV в. до н.э., когда уже не было архэ, все равно количество должностных лиц в афинском полисе впечатляет.

ся.<sup>1</sup> Впрочем, эти сведения получены из дошедших до нас речей, т.е., когда кандидаты оспаривали в гелиеэ отклонение их кандидатуры. Очевидно, что далеко не все отверженные имели охоту и деньги (для оплаты услуг логографа по составлению речи) отстаивать свое дело в суде, это побуждает относиться с большей осторожностью к окончательному суждению об эффективности докимасии. Тем более, что процедура голосования по докимасии, применяемая в гелиеэ, — тайное голосование «камешками», — явно требующая куда больше времени, чем открытое голосование по тому же вопросу в Совете, показывает, что проверка кандидатов на должности не была пустой формальностью.<sup>2</sup> На это же намекают слова Аристотеля, объясняющего, почему была введена такая процедура: если какой-нибудь скверный кандидат сумел избежать обвинителей, его смогут отвергнуть судьи (Ath. pol., 55, 4).

Особый случай докимасии перед судом — докимасия ораторов (δοκιμασία τῶν ῥητόρων). Нарушивший военный закон, неуважительно относящийся к родителям, занимавшийся проституцией не имел права выступать перед народом (Aeschin., I, 28–31). Если судьи находили виновным в этих прегрешениях того, кто проходил проверку, он наказывался постоянной атимией (Aeschin., I, 32).<sup>3</sup> Пример подобного процесса — обвинение, возбужденное Эскином против его политического оппонента Тимарха (346 г.).<sup>4</sup> Как известно, эта инициатива носила упреждающий характер: Тимарх и Демосфен намерены были обвинить Эскина в недобросовестном выполнении обязанностей посла, а фактически — в подкупе (принятии даров от Филиппа Македонского) и измене (hyp., 1–2 ad Aeschin., I; hyp. II, 10 ad Dem., XIX). Эскину надо было лишить старшего из обвинителей — Тимарха — возможности выступать с речами перед народом, для чего он и воспользовался докимасией последнего. Эскин доказывал, что с юных лет ответчик отличался распутством и использовал свое тело для достижения собственных (и весьма постыдных) целей (I. Passim). Судя по исходу процесса (обвинительный вердикт — атимия) (Dem., XIX, 257, 284–287), Эскину вполне удалось очернить Тимарха в глазах дикастов.

<sup>1</sup> Hansen M.H. The Athenian Democracy. P. 220. Источники (речи для процессов по докимасии или упоминания о непрохождении проверки на должность): Lys., XIII, 10; XVI; XXV; XXVI; XXXI; Dem., XXI, 111; XXV, 67; Din., II, 10; fr. 1.

<sup>2</sup> См.: Rihll T.E. Why Ephialtes Attacked the Areiopagus. P. 94–97.

<sup>3</sup> См.: Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 278–282.

<sup>4</sup> Об этом процессе — см.: Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics. P. 95–106.

*Отчет (εὔθυνα)*<sup>1</sup>. Вероятно, вначале магистраты отчитывались перед Ареопагом — это было бы вполне в духе тех контрольных функций, которые имел этот орган (Aristot. Ath. pol., 8, 4).<sup>2</sup>

Специальные контролеры — логисты — впервые в количестве 30 встречаются в списках об уплате союзниками дани, которые они вели (надпись 454/3 гг. — IG, I<sup>2</sup>, 91). Их численность либо сократилась к IV в. с 30 до 10, либо это известные нам по позднеклассическим источникам 10 логистов и 20 помощников-паредров. Об эвтинах (εὔθυνοι), принимающих жалобы по отчетам в V в., мы встречаем упоминание в паре надписей (IG I<sup>3</sup> 133, 18–19; 244, b7–12, 15–21), а также в декрете Патроклида (And., I, 78). Их количество не указывается, и в двух последних случаях вместе с ними фигурируют также паредры. В любом случае, некая практика финансовых отчетов, проводимая особыми должностными лицами, с обязательным рассмотрением серьезных нарушений и злоупотреблений в гелизе, сложилась еще в V в. до н.э.: по предположению ряда исследователей, — в результате реформы Эфиальта;<sup>3</sup> возможно, какая-то реорганизация её произошла в связи с ревизией законов в 403/2 г.,<sup>4</sup> и в «Афинской политике» — нашем главном источнике по данному вопросу — мы наблюдаем систему отчетов (εὔθυναί) в том законченном виде, который она приобрела в IV в. Вкратце она выглядела следующим образом.

Должностные лица отчитывались каждую пританию (т.е. 10 раз за служебный год); отчетность принимали десять контролеров-логистов (λογισταί), избранных из членов Совета (Aristot. Ath. pol., 48, 3).<sup>5</sup> Кроме того, на главном собрании (κυρία ἐκκλησία) ставился вопрос, находит ли народ распоряжения должностных лиц правильными (εἰ δοκοῦσι καλῶς

<sup>1</sup> Подробнее — см.: *Lipsius J.H.* Das attische Recht. S. 286–298; *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. S. 1060–1061, 1069–1088; *Harrison A. R. W.* The Law of Athens. V. II. P. 208–211; *Piérart M.* Les εὔθυνοι athéniens // AC. T. 40. 1971. P. 526–573; *MacDowell D.M.* The Law... P. 170–172; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 222–224.

<sup>2</sup> См.: *Wilamowitz-Mollendorff U.* Aristoteles und Athen. Bd. 1. S. 49; *Bonner R., Smith G.* The Administration of Justice... Vol. 1. P. 165; *Caravan E.M.* Eisangelia and Euthyna. P. 188. Хигнет полагал, что были и специальные эвтины, но они выбирались Ареопагом и из числа ареопагитов (Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution... P. 205).

<sup>3</sup> См., например: *Bonner R.J., Smith G.* Op. cit. Vol. I. P. 268; *Hignett C.* Op. cit. P. 203–205; *Sealey R.* Ephialtes. P. 18–20; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 43–44; *Caravan E.M.* Op. cit. P. 189–190 etc.

<sup>4</sup> *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 57.

<sup>5</sup> См. подробнее: *Schulthess O.* Λογισταί // RE. 1926. Hlbd. 25. Sp. 1012–1019.

ἄρχειν – Aristot. Ath. pol., 43, 4). Все должностные лица должны были по сложению должности представить отчет в своей деятельности и особенно в расходовании государственных средств; в случае растраты они отвечали своим имуществом (Aeschin., III, 17–20). Финансовый отчет сначала принимали десять логистов (на этот раз избранные от всего народа),<sup>1</sup> которым помогало столько же синегоров (Aristot. Ath. pol., 54, 2). Если логисты уличали кого-либо в преступлении или халатности, или кто-либо из частных лиц выступал обвинителем<sup>2</sup>, дело передавалось в суд, на котором в качестве общественных обвинителей выступали синегоры.

Неотвратимое наказание подробно расписывает Аристотель: «И если логисты уличат кого-нибудь в хищении, то судьи признают его виновным в воровстве (κλοπήν οἱ δικάσταὶ καταγυγίσκοουσιν), и сумма обнаруженного хищения уплачивается в десятикратном размере. Если логисты установят, что кто-нибудь принял подарки (δῶρα), и судьи признают его виновным, то определяют его проступок как взяточничество, уплачивается и за это в десятикратном размере. Если логисты признают кого-нибудь виновным в неправильных действиях, судьи определяют его преступление как злоупотребление (ἀδίκησιν), и причиненный ущерб возмещается в настоящей своей стоимости, если виновный выплатит эту сумму до девятой притании; в противном случае она удваивается» (Ath. pol., 54, 2 – пер. С.И. Радцига). Даже если все было в порядке, логисты представляли свой отчет на окончательное утверждение в суд, в котором заседал 501 дикаст, куда должны были являться и ἐπεύθουσι (отчитывающиеся магистраты) (Dem., XVIII, 117; XIX, 211; IG II<sup>2</sup>, 847, 27–30; Lex. Cant., s.v. λογισταὶ καὶ συνήγοροι)<sup>3</sup>. Решение суда было окончательным и не подлежало обжалованию (Dem., XVIII, 250).

После сдачи отчета логистам следовал второй (заключительный) этап εἴθουσι. В действие вступают десять эвтинов (εἴθουσι) — по одному от каждой филы, у каждого из них по два помощника — паредры (παρέδροι). Все 30 выбирались по жребию из членов Совета. Они сидели перед памятниками героев-эпонимов (каждый у эпонима своей филы)<sup>4</sup> и в

<sup>1</sup> См.: Rhodes P.J. A Commentary... P. 560, 597.

<sup>2</sup> По свидетельству Эсхина (III, 23), глашатай логистов провозглашал «по закону и обычаю»: «кто желает выйти обвинителем» (τίς βούλεται κατηγορεῖν)?

<sup>3</sup> См.: Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 104; Rhodes P.J. A Commentary... P. 598.

<sup>4</sup> Судя по декрету Патроклида, в V в. до н.э. эвтины с паредрами сидели не там, а в неких логистериях (ἐν τοῖς λογιστηρίοις – And., I, 78), где предположительно хранили свои записи логисты (см.: Piérart M. Les εἴθουσι athéniens. P. 551, 564).

течение трех дней после завершения работы логистов принимали жалобы (в письменном виде) от любого — будь то гражданин или метек, — пожелавшего высказать претензии в адрес отчитывающихся должностных лиц. На выделенной табличке обвинитель писал свое имя, имя обвиняемого, суть претензии с указанием на нанесенный ущерб, требуемое наказание. Опять же обвинители могли чувствовать себя в полной безопасности. В случае частного иска эвтин передавал его на разбирательство судьям по демам, а дела государственного значения переправлялись фесмофетам для дальнейшего рассмотрения в народном суде, чье решение и было окончательным (Aristot. Ath. pol., 48, 4–5). Иногда очень трудно по скудной информации наших источников различить процесс, затеянный не логистами (там конкретные обвинения), а именно по жалобе эвтинам, от исангелии (см. ниже). Например, процессы Кимона (462/1 г.) или Анита (409 г.), которые описываются как эвтины, были инициированы, возможно, апохиротонией — голосованием по отстранению от должности, — что больше похоже на исангелию.<sup>1</sup> О том, что исангелия могла явиться альтернативой *εἴθυναί*, упоминает и Демосфен (XIX, 103–104).

Судебных процессов по *εἴθυναί* нам известно не очень много — около 15; ни по одному из них не был вынесен смертный приговор.<sup>2</sup> Легко представить себе, насколько уязвимы были должностные лица во время сдачи своего отчета (Dem., XVIII, 249–250; XXV, 37), и малочисленность подобных процессов в дошедших источниках можно объяснить лишь тем, что афинские магистраты не раз становились желанной добычей шантажистов-сикофантов (Aristoph. Acharn., 936–939; Equit., 269–260, 824–826; Dem., XXV, 50). Возможно, процесс престарелого Фукидида, сына Мелесия, о котором с такой горечью и возмущением писал Аристофан (Acharn., 703–712), был именно процессом в связи со сдачей им отчета (правда, непонятно, после исполнения какой должности), так как его обвинители именуются синегорами (*ἑσφιγόρος* – 705, 715).<sup>3</sup> Из речи Антифонта мы узнаем, что один из сикофантов — Филократ — специализировался как раз на вымогательстве денег у сдающих отчет (VI, 43). Другой профессиональный сутяга — Аристогитон — дважды нападал на Демосфена при сдаче им отчета (Dem., XXV, 37). Если верить Эсхину, то даже логисты не брезговали подобного рода вымогательствами. Оратор обвиняет Тимарха в том, что тот, будучи логистом, «нанес городу вред, принимая взятки от тех, кто действовал

<sup>1</sup> См.: Hansen M.H. *Eisangelia*. P. 45–46; Caravan E.M. *Eisangelia and Euthyna*. P. 187–190. Некоторые примеры процессов из каталога исангелий Хансена, которые можно понять и как исангелию, и как *εἴθυναί* – № 5, 6, 65, 102.

<sup>2</sup> См.: Hansen M.H. *The Athenian Democracy*... P. 224.

<sup>3</sup> См.: Ostwald M. *From Popular Sovereignty*... P. 221, note 93.

неподобающим образом при исполнении должности; в особенности же он сикофантствовал в отношении сдающих отчет, ни в чем дурном не замешанных» (τὴν πόλιν ἐβλάψε δῶρα λαμβάνων παρὰ τῶν οὐ δίκαιως ἀρξάντων, μάλιστα δ' ἐσυκοφάντησε τῶν ὑπευθύνων τοὺς μηδὲν ἡδίκηκότας – I, 107). О том, что трепет афинских должностных лиц перед εἶθυναи был оправдан, свидетельствует и комический эпизод в аристофановских «Осах», когда судья Филоклеон сердится на петуха, разбудившего его слишком поздно, ибо его подкупили ὑπεύθυνοι («подотчетные») (101–102).

Обычная процедура сдачи отчета не всегда могла быть применена к стратегам: по своим служебным делам они часто отсутствовали в Афинах в конце служебного года (июль), когда отчитывались должностные лица; при этом они уже могли быть переизбраны на новый срок. Поэтому отчитывались стратеги особым образом, предоставляя свой доклад фесмофетам, а те представляли его непосредственно в гелиэю (Aristot. Ath. pol., 27, 1; 59, 2) – судьи одобряли или осуждали уходящего в отставку стратега.<sup>1</sup>

Стратеги находились под особенно пристальным вниманием демоса. В каждую пританию происходило голосование поднятием рук в народном собрании, правильно ли стратеги исполняют свои обязанности (ἐπιχειροτομία δ' αὐτῶν ἐστὶ κατὰ τὴν πρυτανείαν ἐκάστην, εἰ δοκοῦσιν καλῶς ἄρχειν); если кто-то отвергался голосованием, он предается суду дикастов (καὶν τινα ἀποχειροτομήσωσιν, κρίνουσιν ἐν τῷ δικαστηρίῳ); если он признается виновным, определяют, какое должен понести наказание или сумму штрафа (καὶν μὲν ἀλῶ, τιμῶσιν ὃ τι χρή παθεῖν ἢ ἀποτεῖσθαι); если же оправдывается — продолжает исполнять свою должность (αἶν δ' ἀποφύγη, πάλιν ἄρχει) (Aristot. Ath. pol., 61, 2). Судя по всему, голосованием народного собрания можно было отставить от должности любого магистрата, часто это влекло за собой обвинение в каком-либо преступлении против государства, а это — угроза процесса по исангелии.<sup>2</sup> Апохиротония (ἀποχειροτομία) привела к отставке, на-

<sup>1</sup> См.: Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. S. 1069–1070; Glotz G. The Greek City. P. 228.

<sup>2</sup> См.: Lipsius J. H. Das attische Recht. S. 295–296; Hansen M. H. Eisangelia. P. 41–44; Rhodes P. J. A Commentary... P. 682–683. Вопрос о соотношении между апохиротонией и исангелией является в историографии спорным; из источников не всегда понятно, что предшествовало — голосование по отстранению от должности или предъявление обвинения в виде исангелии. Некоторые мнения по этому поводу: Busolt G., Swoboda H. Op. cit. S. 1008 (исангелия означала автоматическое отстранение от должности и специального голосования по апохиротонии не требовалось); Glotz G. Ibid. (строгого порядка не было); Hansen M. H. Eisangelia. P. 41–45 (сначала апохиротония, потом — внесение жалобы по исангелии).

пример, Фриниха и Скиронида в 412/11 г. (Thuc., VIII, 54, 3–4), Алкивиада (в 407/06 г. — Plut. Lys., 5, 2), Тимофея (373 г. — Dem., XLIX, 9), Автокла (361 г. — Dem., L, 12) и Кефисодота (359 г. — Dem., XXIII, 167–168). Возможно, с помощью этой же процедуры были отстранены от должности перед тем, как быть преданными суду по исангелии, стратеги-победители при Аргинусах (Xen. Hell., I, 7, 1; Diod., XIII, 101, 5) и фигуранты одного из самых громких процессов следующего века — Тимофей, Ификрат и Менесфей (Diod., XVI, 21, 4; Nep. Tim., 3, 5).<sup>1</sup>

Процессы против афинских политиков в связи со сдачей ими отчета случались начиная еще с V в., особенно это касалось стратегов. Плутарх сообщает, что Фемистокл нападал на Аристиду во время *ἐθύμια* последнего (Plut. Arist., 4, 3). О процессе Кимона уже неоднократно нами упоминалось. Формион, блестящий флотоводец, выигравший в 429/28 г. битву при Навпакте (Thuc. II, 83–92, о его репутации — см. Thuc. III, 7) выпал из общественной жизни после своей ссоры с демосом. Андротион сообщает (FgrHist., 324 F 8), что Формион был подвергнут атимии (428 г.?), так как он не смог выплатить большую сумму штрафа после сдачи отчета. Поскольку акарняне требовали именно его в качестве военачальника, демос освободил Формиона от штрафа и соответственно атимии.<sup>2</sup>

Трагическая история произошла со стратегом Пахетом во время сдачи им отчета в 427/6 г.: прямо во время суда он выхватил меч и заколол себя (Plut. Arist., 26, 3; Nic., 6, 1). Плутарх упоминает, что действие происходило в дикастерии (*ἐν τῷ δικάστηρίῳ*) — очевидно, шло судебное разбирательство в связи со сдачей полководцем отчета (*ἐθύμιας δίδου*) (Nic., 6, 1–2). О том, что конкретно довело Пахета до самоубийства, т.е. в чем была суть обвинений, херонейский историк не сообщает. П. Клоше полагает, что они связаны с событиями вокруг города колофян Нотия, о которых повествует Фукидид:<sup>3</sup> изгнанная антиперсидская партия обратилась за помощью к афинскому стратегу, тот взял под стражу явившегося к нему для переговоров начальника гарнизона (аркадского наемника Гиппия); внезапно напав на укрепление, он перебил всех аркадян и варваров, которые там были (III, 34). Есть и другие версии. В одном из стихотворений Агафия, византийского поэта и историка VI в., сохранившегося в Палатинской антологии, рассказывается, что во время кампании на Лесбосе (подавлении митиленского мятежа)

<sup>1</sup> Другие примеры — см.: Roberts J.T. Accountability... P. 21–24.

<sup>2</sup> См.: Cloché P. Les procès des stratèges athéniens. P. 102.

<sup>3</sup> Cloché P. Op. cit. P. 103; Samons L.J. What's Wrong with Democracy? P. 147, 255 (note 18).



Пахет захватил двух свободных женщин, убив их мужей. Жалоба была подана в момент сдачи им отчета, и таков был скандал, что он прямо во время разбирательства покончил с собой (Ant. Palat., 7, 614). Большинство современных исследователей либо вовсе отвергают это весьма позднее свидетельство, либо относятся к нему осторожно, указывая на возможную политическую, а не романтическую подоплеку жалобы: сдержанная политика Пахета по отношению к отложившейся Митилене из-за недостаточной своей агрессивности могла вызвать нарекания со стороны радикальной группировки Клеона.<sup>1</sup>

Самый знаменитый процесс IV в. в связи со сдачей отчета — процесс Эсхина в 343 г.<sup>2</sup> Его недруг и политический оппонент Демосфен в известной речи «О преступном посольстве» (XIX) выдвинул ряд обвинений в адрес Эсхина, главными из которых были: ложные сведения и скверные советы, предоставленные народу (26–29); невыполнение постановлений собрания и неследование полученным инструкциям (157–165); принятие взятки — даров от македонского царя Филиппа (passim; особенно: 106–120; 166–168). В результате из-за Эсхина погибли афинские союзники (фокиядне), и были утрачены афинские владения во Фракии (passim; особенно: 17–101; 155–161). Эсхин с большим искусством защищался от этих обвинений в своей ответной речи (II) (большая редкость, когда до нас дошли две речи противных сторон — обвинительная и защитительная), в его поддержку выступили авторитетные политики Евбул и Фокион (Aeschin., II, 170, 184), и он был оправдан незначительным большинством голосов — тридцатью из 501 или даже 1501 (Plut. Dem., 15, 3; Ps.-Plut. Mor., 840c).

*Апофасис* ( *Ἀποφασίς* ),<sup>3</sup> введенный предположительно в 40-х гг. IV в. до н.э., был, по сути дела, разновидностью исангелии и применялся против тех, кто подозревался в измене, подкупе или попытках ниспровержения демократии (Din., I, 1, 3–4, 14–15, 58, 63, 112; Нур., I, 2). Соот-

<sup>1</sup> См., например: Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. II. S. 1034; Kagan D. The Archidamian War. Ithaca, 1974. P. 167–168. Г. Вестлэйк (Westlake H.D. Paches // Phoenix. Vol. 29. № 2. P. 107–116) и Дж. Робертс вообще отрицают достоверность истории с Пахетом (Roberts J.T. Accountability... P. 139–140); их скептицизм представляется чрезмерным, особенно учитывая, что Плутарх обнаружил данную историю в нескольких источниках (Arist., 26, 3).

<sup>2</sup> См. подробнее об этом процессе: Frazier F. A propos de la disposition du "Sur l'ambassade infidile": Stratégie rhétorique et analyse politique chez Démosthène // REG. T. 107. 1994. P. 414–439; Engels J. "Der Streit um den unbeliebten Frieden". Der Gesandtschaftsprozess 343 v. Chr. // GP. S.174–189.

<sup>3</sup> См.: Caravan E.M. Apophasis and Eisangelia. P. 115–140; Hansen M.H. Eisangelia. P. 39–40; idem. The Athenian Democracy... P. 292–294.

ветствующий декрет был, по словам Динарха, предложен Демосфеном: совет Ареопага получил право, «пользуясь отеческими законами, наказывать того, кто погрешит против законов» (κολλάσαι τὸν παρὰ τοῖς νόμοις πλῆμμελοῦντα, χρωμένην τοῖς πατρίοις νόμοις — I, 62). Новое в этой процедуре было то, что дело инициировалось не гражданином-обвинителем, а Ареопагом (αὐτῇ προελομένη) (Dem., XVIII, 133; Din., I, 50) или чаще собранием (κατὰ πρόσταξιν) (Hyr., fr. in Par. Oxy., 2686, 15; Din., I, 4; 50; 55).<sup>1</sup> Предварительное следствие в любом случае вел Ареопаг; слово «ἀπόφασις», используемое для описания всей процедуры, в узком смысле означало здесь доклад с результатами расследования, который Ареопаг представлял экклесии (Din., I, 1). В докладе заключался также предварительный вердикт по принципу «виновен — невиновен», который потом обсуждался в собрании (Din., I, 54–58). Если вердикт был обвинительный, и экклесия голосованием поднятием рук (καταχειροτονία) с ним соглашалась<sup>2</sup>, ею назначались общественные обвинители (Hyr., I, 38; Din., I, 51, 58), и дело передавалось в народный суд (Din., II, 20). Если Ареопаг возбуждал по собственной инициативе дело против своего члена, в качестве обвинителей на процессе выступали его коллеги-ареопагиты (Din., I, 52–54). Суд проходил обычным порядком, дикасты голосовали дважды: первый раз по поводу виновности или невиновности (т.е. они подтверждали или опровергали вердикт Ареопага), а второй — по поводу наказания (Din., I, 54–60). Динарх указывает, что судьи были настроены гораздо более снисходительно, чем ареопагиты (I, 57).

Апофасис нередко использовался в последние десятилетия существования афинской демократии. Популярности этого способа преследования и обвинения политических врагов должно было способствовать то, что с конца 30-х гг. проигравшие дело обвинители по исангелии наказывались штрафом, а в делах по апофасису такой риск отсутствовал.<sup>3</sup> Возможно также, исангелия к этому времени себя несколько дискредитировала как вид государственного процесса своей очевидной политической ангажированностью и тем, что все чаще по данной процедуре привлекались простые обыватели по ничтожным (с точки зрения закона

<sup>1</sup> По мнению Э. Кэрвэна, Ареопаг инициировал разбирательства только в отношении собственных членов как своего рода внутреннее расследование (ἐθνεύει) (Op. cit. P. 128–131, 135). Однако, судя по всему, именно Ареопаг инициировал дело против Антифонта, который не был булевтом (см. ниже).

<sup>2</sup> Нам неизвестен ни один случай, когда бы экклесия оспорила оправдательный вердикт Ареопага.

<sup>3</sup> См.: Caravan E.M. Op. cit. P. 132.

об исангелии) поводам (см. выше). Идеологическим обоснованием новой процедуры, проходящей под эгидой древнего и почти сакрального совета, были, по-видимому, ссылки на его старинные полномочия по охране государственного строя и законов (ὥς αὐτῇ πατρίῳ ἐστὶν — Din., I, 4).

Среди первых жертв новой процедуры были приговоренные к смерти неизвестные нам отец и сын; был заключен также в тюрьму один из потомков Гармодия — опять же подробности нам неведомы (Din., I, 62–63). Но относительно самого громкого из первых дел с участием Ареопага: апофасис против Антифонта по обвинению в заговоре с целью уничтожить верфи (середина 40-х гг. или 340/39 г.), — у нас есть некоторая информация.<sup>1</sup> Демосфен утверждает, что Антифонт, исключенный из списка граждан (в 346 г. в связи с их пересмотром), обещал македонскому царю Филиппу сжечь верфи (XVIII, 133). Демосфен арестовал его и представил дело в народное собрание, видимо, задействовав процедуру исангелии или ἀπαγωγή.<sup>2</sup> Антифонту с помощью Эсхина удалось оправдаться перед экклесией. «И если бы Совет Ареопага не узнал об этом деле, — восклицает оратор, — ... не разыскал его и, задержав, не представил обратно к вам на суд, тогда такой человек был бы вырван у вас из рук, ускользнув от судебной ответственности» (XVIII, 133 — пер. С.И. Радцига). Злодей был казнен. Кажется, что в данном случае инициатива расследования и последующего доклада экклесии принадлежала именно Ареопагу.<sup>3</sup>

Очевидна связь между делом Антифонта и отстранением Эсхина от миссии поверенного (синдика) афинян в споре об управлении делосским святилищем в совете амфиктионов. Ареопаг, — сообщает Демосфен, — провел расследование и отстранил Эсхина (за его неблагоприятную роль в деле Антифонта), поручив выступить перед амфиктионами Гипериду (XVIII, 134). Таким образом, обвинение и казнь Антифонта — звенья развернутой Демосфеном кампании против сторонников Эсхина (Din., I, 63). Высказывалось предположение, что новая процедура апофасиса была принята по инициативе Демосфена именно тогда и именно в связи с вышеизложенными событиями в качестве еще одного инструмента политической борьбы.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> О датировке апофасиса Антифонта — см.: *Caravan E.M.* Apophasis and Eisangelia. P. 125–126.

<sup>2</sup> ἀπαγωγή — отведение пойманного на месте преступления преступника в тюрьму. М. Хансен склоняется в пользу апагогэ, хотя признает вероятной альтернативой и исангелию: *Hansen M.H.* Apagoge, Endeixis and Ephesis. P. 136.

<sup>3</sup> См.: *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. P. 191.

<sup>4</sup> См.: *Caravan E.M.* Op. cit. P. 127, 139.

Апофасис — не единственный пример расширения судебной компетенции Ареопага во второй половине IV в. Другой пример — полномочия, полученные древним советом на какое-то время после Херонеи по закону о военном положении, в соответствии с которыми он мог производить арест и предавать немедленной казни виновных в измене (это предложение также внес Демосфен) (Aeschin., III, 252; Лус., I, 53; Din., I, 62, 83). Эти новые полномочия Ареопага не были оформлены законом (через практиковавшуюся в IV в. до н.э. процедуру номотесии — см. ниже, гл. VI), и скорее всего, их появление и реализация были обусловлены именно чрезвычайными условиями и носили временный характер. В качестве исторического прецедента могла использоваться традиция специальных расследований по государственным преступлениям, приписываемая Ареопагу со стародавних времен.<sup>1</sup>

В 30-е гг. после битвы при Херонее имели место несколько процессов по апофасису катὰ πρόσταξιν (инициированных собранием) по обвинению в измене (ἐπὶ προδοσίᾳ). Так, было возбуждены дела против Полиевкта и Автолика<sup>2</sup> за то, что они бежали из родного полиса после поражения при Херонее (Din., I, 57–58; Лус. I, 53).

Наиболее шумевший процесс 20-х гг. — Гарпала — проходил также по процедуре апофасиса.<sup>3</sup> В начале 324 г. Гарпал, проворовавшийся казначей Александра, бежал из Вавилона с 5000 талантами, чтобы уберечься от гнева возвращавшегося из индийского похода македонского царя. В середине лета ему был разрешен вход в Пирей. Управлявшие Македонией в отсутствие Александра его мать Олимпиада и военачальник Антипатр потребовали выдачи беглеца, но экклесия по предложению Демосфена приняла декрет о взятии Гарпала под стражу и о передаче на хранение в Акрополь остававшихся у него 700 талантов (Нур., V, 8–9; Din., I, 89). Вскоре Гарпал бежал, а из 700 талантов, находившихся под присмотром специальной комиссии (в её составе был и Демосфен), пропало 350 (Нур., V, 10; Ps.-Plut. Mor., 846b). Никто не сомневался, что исчезнувшие деньги пошли на подкуп афинских должностных лиц, подозрение пало среди прочих и на Демосфена. Именно

<sup>1</sup> См.: *Caravan E.M.* Op. cit. P. 136.

<sup>2</sup> Относительно дела Автолика нет четких указаний в источниках, был ли его процесс исангелией или апофасисом. Хансен предпочитает первую возможность, Кэрвэн — вторую. Доводы последнего кажутся более убедительными (*Caravan E.M.* Op. cit. P. 132).

<sup>3</sup> Об этом процессе см.: *Кондратьев М.А.* Политическая борьба в Афинах в 324–323 гг. до н.э. и «процесс Гарпала». С. 158–180; *Badian E.* Harpalus // *JHS.* Vol. 81. 1961. P. 16–43; *Caravan E.M.* Apophasis and Eisangelia. P. 133–134; *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 293; *Eder W.* Die Harpalos-Affäre // *GP.* S. 201–218.

он, решительно отрицая свою вину, предложил собранию принять декрет о передаче расследования Ареопагу (Din., I, 4, 61, 83–86). Через 6 месяцев Ареопаг представил его результаты:<sup>1</sup> был опубликован список с предполагаемыми взяточниками и обозначением сумм, которые они получили (Нур., V, 6). Среди девяти его фигурантов значились два выдающихся афинских политика — Демосфен (ему приписывалось получение 20 талантов) и Демад (Din., I, 89), а также демагог Аристогитон (Din., II, 1) и Филокл, начальник верфей и гавани Мунихии, который позволил Гарпалу войти в гавань Пирея (Din., III, 1–3). Все девять персональных дел были переданы в суд, состоявший из 1500 дикастов (Din., I, 107); было выбрано 10 общественных обвинителей, в том числе старый соратник Демосфена Гиперид (Нур., V, 38; Din., I, 51; II, 6;). Обвинение, предъявленное ответчикам, — принятие взяток во вред отечеству (*δῶρα λαβεῖν κατὰ τῆς πατρίδος* — Din., I, 60, 64, 67).

Сохранилась часть речи Гиперида, произнесенная против Демосфена, а также три речи, написанные Динархом для других обвинителей, — против Демосфена, Аристогитона и Филокла. Насколько нам известно, практически все обвиняемые были найдены виновными (Din., III, 14; Dem. Ep., III, 31, 37, 43). Хотя обвинители мстительно призывали к высшей мере наказания (Din., II, 4), кажется все же, собрание ограничилось обычной для дел о взяточничестве карой — штрафом. Демосфен, который первым предстал перед судом, был приговорен к выплате штрафа в 50 талантов, а так как выплатить его он не смог, был заключен в тюрьму. Сбежав из заточения (по уверению Плутарха, подкупив одних и обманув других стражников), прославленный оратор отправился в столь тягостное для него изгнание (Plut. Dem., 26). Демад, не дожидаясь исхода процесса, предпочел ссылку (Din., I, 29 — хотя имени сбежавшего «губителя отечества» не названо, очевидно, имеется в виду Демад). Правда, через какое-то время (к моменту, когда слухи о смерти Александра достигли Афин), он опять был в городе (Plut. Phoc., 22, 3), — видимо, он уже выплатил тогда назначенный ему приговором суда штраф.<sup>2</sup>

Отметим, что чаще всего инициатором апофасиса и всегда получателем доклада Ареопага была эkkлeсия: поэтому утверждать, что её власть была с помощью данной новой процедуры как-то ослаблена или уменьшена в пользу Ареопага или суда, не представляется возможным.

<sup>1</sup> Причины столь долгого расследования не вполне понятны; Э. Бэдиан предположил, что они чисто политические (например, шли деликатные переговоры с Александром по поводу его обожествления (ср. Нур., V, 31); у Демосфена был могущественный покровитель в лице Гефестиона, который умер в конце 324 г., и т.п.) (Harpalus. P. 33–34).

<sup>2</sup> См.: Badian E. Op. cit. P. 35.



## Глава VI. Политический процесс в классических Афинах: жалоба на противозаконие

### § 1. «Жалоба на противозаконие» (γραφῆ παρανόμων): процедура

Графῆ παρανόμων — жалоба на противозаконие (или: обвинение в противозаконии), с которой мог выступить каждый афинянин против того, кто, по его мнению, предлагал (или уже провел) противозаконное (т.е. противоречащее демократической конституции и интересам государства) решение или закон. В Афинском государстве тот, кто вносил законопроект, должен был сам позаботиться о том, чтобы он ни по форме, ни по содержанию не противоречил действующим законам. Эта мера была призвана остудить законодательный пыл чересчур рьяных или безответственных политиков и, таким образом, (в идеале) должна была служить одной из гарантий стабильности и прочности афинской демократии. Графῆ παρανόμων была не средством контроля одной ветви власти — судебной — над другой — законодательной (афинские дикастерии едва ли можно рассматривать в качестве независимой ветви власти) — данная процедура давала возможность демосу для ревизии собственных решений.<sup>1</sup> Причем, ревизия эта происходила в наиболее безболезненной для народа форме, снимавшей с него всякую вину: ведь обвинялось не собрание, принявшее неверное решение, а политик, по недомыслию или злокозненности склонивший к этому экклесию. Оратор ввел народ в заблуждение или обманул его, он ответственен за неосведомленность демоса, что привело к ошибочному решению (Thuc., III, 43, 4–5; Dem., XXIII, 97). Против таких «зловредных умников» и была направлена графῆ παρανόμων (Aeschin., III, 16). Жалоба на противозаконие была также способом блокирования нежелательного закона (декрета).<sup>2</sup>

Уточним некоторые понятия. Греческое слово «ψήφισμα», обычно переводимое как «декрет» или «постановление», использовалось для обозначения решения, принятого голосованием народного собрания. Для

<sup>1</sup> См.: Finley M. Democracy Ancient and Modern. P. 118.

<sup>2</sup> См.: Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. P. 153.

V в. до н.э. «ψήφισμα» и «νόμος» («закон») — частично совпадающие или взаимозаменяемые понятия: так, Аристофан называет мегарскую псефизму номосом (Ran., 761–764; Ach., 532), а в одной из надписей очевидный декрет об обеде в притании именуется законом (IG I<sup>3</sup>, 85, 2). Показателен ответ Перикла, на вопрос, что такое законы, вложенный в уста афинского лидера Ксенофонтом: «законы все — это то, относительно чего большинство договорилось и, утвердив, записало, указав, что надлежит делать, а что нет» (πάντες οὗτοι νόμοι εἰσιν, οὓς τὸ πλῆθος συνέλθον καὶ δοκιμάσαν ἔγραψε, φράζον ἃ τε δεῖ ποιεῖν καὶ ἃ μὴ — Met., I, 2, 42).<sup>1</sup> Любопытный новый законопроект, принимаемый экклесией, мог быть назван либо νόμος, либо ψήφισμα; в то же время какой-либо действующий закон Драконта или Солона всегда назывался νόμος или θεσμός<sup>2</sup> (отсюда и восприятие «номоса» как чего-то более существенного и постоянного по сравнению с псефизмой, как проистекающего из боговдохновенного кодекса). Разницы в процедуре принятия псефизмы и закона в V в. не существовало — и то, и другое принималось голосованием народного собрания.<sup>3</sup> Оратор, защищая декрет, мог подчеркнуть его значимость, включив его в число законов, а нападая на него, не забывал именовать псефизмой.<sup>4</sup> Таким образом, γραφή παρανόμων — жалоба на противозаконие, — появившаяся на свет в V в., могла быть направлена против *любого* постановления экклесии, будь оно названо псефизмой (декретом) или номосом (законом).

Когда точно была установлена процедура γραφή παρανόμων, кто был ее учредителем — неизвестно. У. Виламовиц и Г. Бузольт считали, что

<sup>1</sup> Естественно, в IV в. до н.э. после введения номотесии афиняне уже куда яснее осознавали различие между законами и постановлениями (см. ниже).

<sup>2</sup> Кажется, именно словом «θεσμός» изначально обозначались древние законы Драконта и Солона (Sol. Fr. 24, 18–20; Aristot. Ath. pol., 4, 1; Plut. Sol., 19, 3–4). Подробнее обо всех проблемах, связанных с этим понятием и о постепенном вытеснении «θεσμός» и замене его на «νόμος» — см.: Ostwald M. Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford, 1969. P. 3–56.

<sup>3</sup> О разнице между νόμος и ψήφισμα и о словоупотреблении этих понятий в V и IV вв. см., например: Harrison A.R.W. Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // JHS. Vol. 75. 1955. P. 26–27; Ostwald M. Op. cit. P. 1–3; Quass F. Nomos und Psephisma. München, 1971. S. 30–39; De Laix R.A. Probouleusis at Athens. P. 56–59; MacDowell. The Law in Classical Athens. P. 45–46; Sealey R. On the Athenian Concept of Law // CJ. 1982. Vol. 77. P. 289–302; Hansen M.H. Nomos and Psephisma in the Athenian Ecclesia // The Athenian Ecclesia: A Collection of Articles, 1976–1983. P. 161–176.

<sup>4</sup> Пример с декретом Иситимида в речах Андокида (I, 8, 86) и псевдо-Лисия (Lys., VI, 29, 52) приводит К. Довер: Dover K.J. Anapsephesis in Fifth-Century Athens // JHS. Vol. 75. 1955. P. 18.

она восходит ко временам Солона<sup>1</sup>, при этом, по мнению первого, окончательное решение было за народным судом, а по мнению второго, — за Ареопагом<sup>2</sup>. Это предположение противоречит словам Геродота, утверждавшего, что Солон взял клятву с афинян хранить неизменными в течение 10 лет его законы (I, 29) — в этом не было бы необходимости, если бы существовала процедура *урафḗ паравόμων*<sup>3</sup>. Очень многие исследователи считали жалобу на противозаконие делом рук Эфиальта и/или его команды. П. Клоше полагал, что она была придумана во времена Эфиальта, либо вскоре после его гибели, дабы охранять демократический режим от всякого покушения, но до 415 г. до н.э. использовалась редко.<sup>4</sup> 462/1 г. как предполагаемую датировку предлагали А. Джонс и Й. Бляйкен.<sup>5</sup> На соотносимость во времени лишения Ареопага функций контроля за исполнением законов и появления жалобы на противозаконие указывали также Ю. Липсиус, Р. Боннер, Д. Стоктон, Дж. О'Нил: *урафḗ паравόμων* выступает как придуманная Эфиальтом альтернатива древней ареопаговской *иоμοφυλακία*, точнее как способ передать её народу.<sup>6</sup> Среди отечественных историков предположение о введении Эфиальтом процедуры жалобы на противозаконие высказывали А.Н. Гиляров, Р.А. Никольская и И.Е. Суриков.<sup>7</sup> Дж. Грот, Г. Глотц,

<sup>1</sup> Демосфен утверждает, что Солон сам выступил против некоего афинянина, предложившего «порочный закон» (т.е. *урафḗ νόμον μὴ ἐπιτήδειον βεῖναι* — XXIV, 212). Но даже если извлечь из этого то, что в IV в. до н.э. жалоба на противозаконие некоторыми ораторами рассматривалась как изобретение Солона, это еще ничего не доказывает, ибо в то время этот законодатель считался творцом чуть ли не всех афинских законов.

<sup>2</sup> Wilamowitz-Mollendorff U. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 193–194 («mindestens solonisch»); Busolt G. Griechische Geschichte. Bd. III. S. 279–280, Anm. 3; 282 (Бузольт полагает, что Ареопаг в качестве хранителя закона (*φύλαξ τῶν νόμων* — Aristot. Ath. pol., 4, 4) вполне мог заниматься жалобами на противозаконие).

<sup>3</sup> На это обстоятельство обратил внимание Ч. Хигнет (Hignett C. A History... P. 211).

<sup>4</sup> Cloché P. Remarques sur l'emploi de la graphè paranomôn // REA. T. 38. 1936. P. 401.

<sup>5</sup> Jones A.H.M. Athenian Democracy. P. 123; Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 146.

<sup>6</sup> Lipsius J.H. Das attische Recht. S. 36; Bonner R.J. Aspects of Athenian Democracy. P. 63; Bonner R., Smith G. The Administration of Justice... Vol. I. P. 264–265; Stockton D.L. The Classical Athenian Democracy. P. 45; O'Neil J. The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. P. 66

<sup>7</sup> Гиляров А.Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. М., 1888. С. 52; Никольская Р.А. Государственное устройство афинской демократии // УЗ БГУ.



В.П. Бузескул связывали возникновение данной процедуры с именем Перикла — она должна была заменить право вето на антиконституционные предложения, отнятое Эфиальтом у Ареопага.<sup>1</sup> Ч. Хигнет особенно подчеркивал связь *урафῆ παρανομῶν* с радикальной демократией и считал, что она скорее всего возникла во времена неоспоримого политического лидерства Перикла.<sup>2</sup> В последнее время наиболее популярна версия о появлении жалобы на противозаконие в годы Пелопоннесской войны: Г. Вольф, Р. Сили, У.Р. Коннор, В. Ведель, Й. Мартин, Дж. Обер, М. Хансен, Х. Юнис, К.-В. Вельвай считают, что это произошло примерно между 427 и 415 г.<sup>3</sup>, М. Оствальд — ближе к 415 г.,<sup>4</sup> Р. Баумэн — в 415 г., незадолго до процесса Леогора.<sup>5</sup> Данная версия кажется предпочтительней, ибо молчание наших источников о *урафῆ παρανομῶν* до 415 г. хоть и можно отнести на счет случайности, все же наводит на мысль, что жалоба на противозаконие появилась незадолго до этого.

В качестве аргумента в пользу датировки «незадолго до 415 г.» выдвигалось следующее соображение. В речи Антифонта об убийстве Герода *параνομία* (противозаконие) занимает чуть ли не центральное место; в тексте неоднократно встречаются существительное, прилагательное, глагол, наречие с корнем *параνομ-*. Обвиняемый в убийстве афинянина Герода житель Милета Евксифей считает (и на этом строит свою защиту), что его привлекли к суду не по тому закону и вообще законам вопреки, ибо родственники Герода обвиняют его как *какоῦρος*, будто он вор или разбойник, перед судом гелиастов, а не как убийцу по *δίκη φόβου* перед Ареопагом (V, 8–10). Оратор неоднократно упрекает в нарушении законов своих противников по тяжбе, например: «ты

Вып. 30. Серия историч. 1956.. С. 13; Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. С. 388 (несколько расплывчато — «в период реформ Эфиальта и Перикла»).

<sup>1</sup> Grote J. A History of Greece. L., 1849. Vol. V. P. 499; Glotz G. The Greek City. P. 125; Бузескул В.П. Перикл. Историко-критический этюд. С. 118.

<sup>2</sup> Hignett C. A History of the Athenian Constitution. P. 211–212. К его мнению присоединяется: Griffith G.T. Isegoria in the Assembly at Athens. P. 130.

<sup>3</sup> Wolff H.J. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... S. 15–22 (творец данной процедуры — скорее Никий, чем Перикл); Wedel W. von. Die politischen Prozesse... S. 167, Anm. 267; Sealey R. On the Athenian concept... P. 300; Connor W.R. The New Politicians... P. 125–126, n. 66; Martin J. Von Kleisthenes zu Ephialtes. S. 196–197; Ober J. Mass and Elite... P. 95; Hansen M.H. The Athenian Democracy. P. 205; Yunis H. Law, Politics, and the Graphe Paranomon in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 29. 1988. P. 380–381, n. 59; Welwei K.-W. Die Entwicklung des Gerichtswezens... S. 26 (после смерти Перикла).

<sup>4</sup> Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 136.

<sup>5</sup> См.: Bauman R. Political Trials... P. 95–96.

полагаешь, что твое противозаконие должно больше значить для них [судей], чем сами законы» (V, 12 – ἡγῆ χρῆναι αὐτοῖς τὴν σὴν παρανομίαν κρείσσω γένεσθαι αὐτῶν τῶν νόμων), — но ни разу не угрожает им жалобой на противозаконие, он даже не упоминает о существовании таковой. Данная речь Антифонта датируется где-то между 416/15 и 414/413 г. до н.э.<sup>1</sup> Вполне вероятно, процедура *υραφή* *παρανόμων* появилась незадолго до, примерно в одно время или вскоре после процесса Евксифея; если первое, — то заключавшиеся в ней правовые возможности были еще не до конца осмыслены или не поняты.<sup>2</sup>

Возможно, существовала некая связь между сенсационным остракизмом 416 (или 415) г., по итогам которого в ссылку отправился «негодный» (μοχθηρός — Thuc. VIII, 73) Гипербол и началом активного применения графэ параномон. Как известно, Гипербол был последней жертвой остракофории, результат которой настолько обескуражил афинян (по версии Плутарха)<sup>3</sup>, что они вообще отказались от «суда черепков». В этих условиях новой эффективной мерой для устранения неугодных демосу политиков могла стать жалоба на противозаконие.<sup>4</sup> К разочарованию афинян из-за того, что жертвой остракизма оказался человек, недостойный этого почетного изгнания, прибавилась и весьма неудобная для проведения остракофорий внутри- и внешнеполитическая обстановка: в частности, нехватка «подходящих» кандидатов — ярких политических лидеров из старых аристократических родов; постоянное отсутствие в городе во время Пелопоннесской войны значи-

<sup>1</sup> *Dover K.J.* The Chronology of Antiphon's Speeches // *CIQu.* Vol. 44. 1950. P. 44–48 (хронологическая таблица — P. 55).

<sup>2</sup> Наиболее подробно эта точка зрения изложена у: *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 122–125, 135–136. См. также замечание Д. МакДауэлла (*Andokides: On the Mysteries* / Ed. D.M. MacDowell) по поводу *Andoc.*, I, 17, (о процессе Леогора), одобренное Вольфом (*Wolff H.J.* Normenkontrolle... S. 22).

<sup>3</sup> Главная причина негодования общественного мнения — «низость» Гипербола. «Не для таких, как он, был создан остракизм» — эту цитату из комедии Платона приводит Плутарх (*Nic.* 11 — пер. М.Е. Грабарь-Пассек). В отечественной историографии наиболее подробное изложение всех проблем, связанных с остракизмом Гипербола вообще и с его хронологией особенно, а также перечень работ последних лет на эту тему — см. в: *Карпюк С.Г.* Гипербол, «человек негодный» // *Карпюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 80–81; *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах. С. 141–152; 381–400.

<sup>4</sup> Таково мнение, например, С.Г. Карпюка (Указ. соч. С. 93); не считает случайным хронологическое совпадение последней остракофории и первого процесса по жалобе на противозаконие и Х. Юнис (*Law, Politics...* P. 380–381, note 59).

тельного количества граждан, занятых на военной службе (в основном на море), и неизбежные трудности в связи с этим набрать шеститысячный кворум (или даже число голосов «за»), необходимый для того, чтобы голосование состоялось, — все это в совокупности отвратило их от применения остракизма.<sup>1</sup> Эта же ситуация и сочетание факторов могли побудить их либо вообще изобрести процедуру *υραφή παρανόμων*, либо, в случае, если этот институт действительно более раннего происхождения, достать припасенное оружие «из ножен» и активно пустить в ход в политической борьбе, используя в том числе как механизм сдерживания чересчур зарвавшихся политиков. Как заметил П. Родс, именно после остракизма Гипербола те, кто хотел избавиться от политика, предпочитали подавать на него жалобу в суд, чем рисковать непредсказуемыми результатами остракофории.<sup>2</sup>

Несколько слов о «механизме действия» жалобы на противозаконие. Со времени внесения или принятия оспариваемого решения должно было пройти не более года. Если срок миновал, то автора закона уже нельзя было привлечь к суду, а вот сам закон — можно: так, в речи против закона Лептина об ателии, которую Демосфен написал в качестве синегора, оратор утверждает, что Лептину из-за истечения срока давности опасность не угрожает, и выступает с обвинением против его закона (Dem., XX, 144). Внося жалобу, обвинитель давал в Народном собрании клятвенное уверение (*ὑπόσκητα*), что он тщательно взвесил свое обвинение. После этого действие декрета/закона приостанавливалось до вынесения судебного приговора. Иногда этого было достаточно, чтобы автор законопроекта, испугавшись, либо вовсе снимал его, либо «оставлял без движения» (Dem. XVIII, 103). Текст нового, предположительно противозаконного, декрета и текст законов, которым он противоречил, записывались рядом для наглядности и обозрения, судя по словам Эсхина: «в делах о противозакониях в качестве мерила законности выставляется вот такая табличка: псефизма и искаженные [ею] законы» (...ἐν ταῖς ὑραφαῖς ταῖς τῶν παρανόμων παράκειται καθὼν τοῦ δικαίου τοῦτ' ἡ σαπίδιον, τὸ ψήφισμα καὶ οἱ παραγεγραμμένοι νόμοι — III, 200).

Для рассмотрения жалобы собирався расширенный состав дикастов — не менее 500 человек; в важных случаях — несколько колле-

<sup>1</sup> Причины прекращения применения остракизма блестяще исследовал и подытожил в своей монографии И.Е. Суриков (Остракизм в Афинах. С. 381–408) — мы упомянули выше лишь часть из них; образ оружия «в ножнах» — один из любимых у московского историка по отношению к остракизму, мы позаимствовали для *υραφή παρανόμων*.

<sup>2</sup> Rhodes P.J. The Ostracism of Hyperbolus // RFP. P. 98.

гий по 500 (в IV в. — 501) судей (Dem., XXV, 28). Так же, как и исангелия, процесс по *ураφή παρώνων* был *ἀγών τιμητός* (т.е. процесс, в котором наказание определяли судьи). Обвинитель, получивший менее одной пятой голосов судей или оставивший дело после его возбуждения (вероятно, за определенную мзду), приговаривался к штрафу в 1000 драхм или мог быть подвергнут атимии (умалению гражданских прав)<sup>1</sup>, а также мог лишиться права в будущем выдвигать обвинения такого же рода.<sup>2</sup> Жертве его обвинений грозило при неблагоприятном исходе процесса куда более тяжкое наказание: кроме обычного в таких делах штрафа приговором могла быть смерть. Так, в 382/1 г. был казнен Евдем за то, что внес «неподходящий закон», а некоего Филиппа «едва не казнили», присудив по его собственному предложению к большому штрафу (Dem., XXIV, 138). Обвинители в процессах о противозаконии не раз требовали смертную казнь для своих жертв (например: Dem., XXII, 69; XXIV, 138; XXV, 187), но, видимо, не всегда добивались удовлетворения своих кровожадных чаяний.

Штрафы предлагались, как правило, значительные. Эсхин упоминает о требовании штрафа даже в 100 талантов (II, 14). Аполлодора, внесшего предложение о том, чтобы народное собрание само решало, использовать ли оставшиеся в казне деньги для военных целей или же тратить их на зрелища, обвинитель Стефан предлагал приговорить к штрафу в 15 талантов, но судьи согласились на предложение ответчика и присудили его к выплате одного таланта (Dem., LIX, 6–8). Штраф в 5 талантов дважды возлагался на «собаку демоса» сикофанта Аристогигтона (Dem., XXV, 17, 19–68). За предложения, противоречащие законам, судьи оштрафовали на 10 талантов Смикра и Скитона, не пожалев, по словам Демосфена, «ни детей, ни друзей, ни родственников, никого вообще, кто за них просил» (Dem., XXI, 182 — пер. В.Г. Боруховича). В 323 г. Демад был оштрафован на 10 талантов за свой декрет, предлагавший признать Александра Македонского богом, а так как он в третий раз был осужден за внесение незаконного декрета, он на время лишился гражданских прав (Diod., XVIII, 18, 2; Athen., 251b; Plut. Phoc., 26). В случае неуплаты штрафа в надлежащий срок обвиненный вносился в список должников с последующей продажей имущества и умалением в гражданских правах, причем штраф при этом удваивался

<sup>1</sup> Судя по некоторым источникам, атимия следовала только после третьей проигранной жалобы на противозаконие (Diod., XVIII, 18, 2).

<sup>2</sup> Эти наказания были обычными для обвинителей по *δίκη δημόσια* — государственному делу, т.е. касающемуся интересов всей общины, в отличие от *δίκη ἴδια* — частного иска (за исключением исангелии). См.: MacDowell D.M. The Law... P. 64.

(Dem., XVIII, 15; LIX, 7; Lib. hyp. Dem., XXV, 3). Очень редко судьи довольствовались чисто символическим штрафом, как в случае с Полиевктом, оштрафованным на 25 драм (Нур., IV, 18). Если кто-то трижды осуждался по жалобе на противозаконие, следовала обязательная атия, в том числе лишение права вносить предложения в собрание (Dem., LI, 12; Diod., XVIII, 18, 2).

М. Хансен, отвечая на вопрос, что побуждало афинян лишать народ его суверенной власти и возлагать окончательное решение по поводу нового постановления на орган, состоящий из 500, 1000, 1500... человек, отмечает следующие обстоятельства: во первых, судьи давали клятву и они были старше 30 лет (а грекам было свойственно уважение к клятвам и зрелому возрасту); во-вторых, «двойное» рассмотрение (в собрании, когда постановление принималось, и в суде, когда оно оспаривалось), давало определенные гарантии того, что будет принято наиболее обоснованное и оптимальное решение. Тайное голосование давало более точный и независимый результат, чем хиротония в экклесии. Последний метод делал возможным психологическое давление со стороны толпы (Thuc., VI, 24, 3–4), а должностных лиц, навскидку считающих голоса (точнее, руки), можно было подкупить (Aeschin., III, 3).<sup>1</sup>

## § 2. Первые процессы по жалобе на противозаконие

Самый первый случай применения *υπαφῆ παρὰ νόμον*, сведения о котором мы имеем, — обвинение Спевсиппа Леогором в 415 г. Главный источник — Андокид — рассказывает о том, что его отец (Леогор) вынужден был подать эту жалобу, когда член Совета Спевсипп предал его суду на основании доноса раба-лидийца. Тот назвал имя Леогора среди присутствовавших в доме его господина, Ферекла, во время профанаций элевсинских мистерий, хотя признал, что во время этого действия Леогор спал (I, 17). Каковы были юридические основания у Леогора подать жалобу на противозаконие, ведь, на первый взгляд, речь шла не о нарушении процедуры, а об установлении факта — был или не был обвиняемый на святотатственном собрании? Можно предположить, что поводом к атаке Леогора стало публичное провозглашение ложного заявления (как в обвинении Эсхином Ктесифонта).<sup>2</sup> Претензии Леогора могли основываться и на том, что в его лице Спевсиппом обвинялся заведомо невиновный человек (ведь Леогор не признавал своего при-

<sup>1</sup> Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 50; *idem*. The Athenian Democracy... P. 209–210.

<sup>2</sup> См.: Bauman P. Political Trials in Ancient Greece. P. 95.

существа в доме Ферекла).<sup>1</sup> Обвинение слушалось перед 6000 судей, т.е. перед полным составом гелиэи, а не как обычно — в одном из дикастериев.<sup>2</sup> Леогор, видимо, убедительно отрицал свою вину, и Спевсипп не набрал даже 200 голосов (And., I, 17).

Следующий из известных нам процессов о противозаконии — процесс Антифонта — Демосфена. Случился он скорее всего в том же 415 г. или в начале 414 г., т.е. до отправки стратега Демосфена в Сицилию (Ps-Plut. Mor., 833d–834b=Vita Ant., 22–24; Ant. Fr. 8–14, 46). М. Хансен, комбинируя сведения фрагментов 8–14 Антифонта (из «Словаря десяти ораторов» Гарпократиона), фрагмента 46 (из лексикона Свида) и отрывка из биографии Антифонта у Псевдо-Плутарха, сочиняет (или, если угодно, реконструирует) целую историю.<sup>3</sup> Сначала Антифонт выдвигает обвинение в противозаконии, касающееся почетного декрета по поводу морской победы,<sup>4</sup> принятого примерно год назад народным собранием. Атаке подвергся именно декрет, а не сам Демосфен, ибо год уже миновал. Полководец, следуя принципу «лучшая оборона — наступление», выдвинул встречный иск (ἀντιγραφή) против Антифонта (fr. 14; 8–13). Исход этих процессов не ясен, но судя по тому, что Демосфен благополучно прибыл на Сицилию, чтобы вскоре там погибнуть, судебное разбирательство не имело для него серьезных последствий. Фрагменты, на основании которых Хансен выстраивает свой рассказ, состоят из нескольких слов: более полный вариант — фрагменты 8, 11, 12 (Ἀντιφῶν ἐν τῇ πρὸς τὴν Δημοσθένους γραφῇν ἀπολογία); краткий — фрагменты 9, 10, 11 (Ἀντιφῶν ἐν τῇ πρὸς τὴν Δημοσθένους γραφῇν). Фрагмент 14 (= Naгр. Ανδρῶν) гласит: Ἀντιφῶν ἐν τῇ πρὸς τὴν Δημοσθένους Α· Δημοσθένους ἀντιγραφῇν cett.

Существует мнение (его Хансен оставляет без внимания), что ἀντιγραφῇν во fr. 14 — позднее добавление.<sup>5</sup> Есть и иная версия собы-

<sup>1</sup> См.: Wolff H. Normenkontrolle... S. 48.

<sup>2</sup> Р. Сили предположил, что 6000 судей — это общее количество, из которого выбирали судей для процесса Леогора (Sealey R. On the Athenian Concept of Law. P. 298). Его аргументы: самый большой известный нам состав суда — 2500 дикастов (Din., I, 52); единственная надпись с указанием на количество судей, говорит о 399 за оправдание и 100 за обвинение (IG II<sup>2</sup>, 1641B). МакДауэлл, напротив, уверен, что для такого важного заседания гелиэя могла собраться в полном составе (MacDowell. Aristophanes. Wasps. P. 77).

<sup>3</sup> Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 28 (Cat., № 2).

<sup>4</sup> καὶ Ἀντιφῶν ἐν τῇ παρανόμῳ κατηγορίᾳ ναυμάχους ὡς περὶ δωρεῶν μὲν εἰπεῖν κατὰγειν δεῦρο (Ant. Fr. 46).

<sup>5</sup> Это заметил еще Г. Заппе (Sauppe H. Oratores Attici. Zürich, 1850. P. II. P.139); см также: Heitsch E. Antiphon aus Rhamnus. S. 128.

тий, высказанная Эрнстом Хайтшем, автором монографии об Антифонтe. Немецкий исследователь утверждает, что речь во всех приводимых отрывках и фрагментах идет об одной и той же речи Антифонта, которую он написал для неизвестного клиента, защищавшегося от обвинения в противозаконии, предъявленном Демосфеном.<sup>1</sup> Доводы Хайтша кажутся разумными в отношении всех фрагментов из Гарпократиона и даже неясного отрывка из Свида<sup>2</sup>, но спорным является его толкование Псевдо-Плутарха: ἐπαίνειται δ' αὐτοῦ μάλιστα ὁ περὶ Ἡρώδου καὶ ὁ πρὸς Ἑρασίστρατον περὶ τῶν ταύτων καὶ ὁ περὶ τῆς εἰσαγγελίας, ὃν ὑπὲρ αὐτοῦ γέγραφε, καὶ ὁ πρὸς Δημοσθένει τὸν στρατηγὸν παρὰ νόμῳ. («Особенно хвалят его речи *О Героде, Против Эрасистрата о павлинах, Об исангелии*, которую он написал в свою защиту, и *Против стратега Демосфена по противозаконию*» — Мог., 833d). В названии речи, связанной с делом Демосфена, здесь используется тот же предлог πρὸς, что и в семи фрагментах из Гарпократиона, что приводит немецкого исследователя к выводу об идентичности защитительной речи Антифонта, упоминаемой в лексиконе Гарпократиона (фрагменты 8–14) и речи *относительно*<sup>3</sup> обвинения в противозаконии Демосфеном, упоминаемой у Псевдо-Плутарха. Именно таким образом, в «нейтральном» значении Хайтш переводит в последнем фрагменте предлог πρὸς. Однако контекст данного пассажа из Псевдо-Плутарха указывает скорее на то, что эта речь *против* стратега (т.е. инициатива исходит от

<sup>1</sup> Heitsch E. Op. cit. S. 112. Еще раньше возражал по поводу трактовки Хансеном этого процесса Д. МакДауэлл: MacDowell D.M. Review of Hansen, *The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Actions against Unconstitutional Proposals* // CR. Vol. 36. 1974. P. 231–232.

<sup>2</sup> Первым А. Вестерманн высказал предположение, что у Псевдо-Плутарха и Свида речь идет об одном и том же иске, внесенном Антифонтom *против* Демосфена (см.: Westermann A. Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom. Leipzig, 1833. Bd. 1. S. 276). Это допущение и позволило Хансену реконструировать события вышесказанным образом. Впрочем, Вестерманну возражал Г. Зауппе (Oratores Attici. II. P. 142). Хайтш считает, что у Свида речь может идти о каком-то неизвестном нам иске Антифонта о противозаконии; нет достаточных оснований считать его обвинением против Демосфена (Heitsch E. Op. cit. S. 129).

<sup>3</sup> Так понимает здесь предлог πρὸς Хайтш, который действительно может иметь такое «нейтральное» значение в отличие от предлога κατὰ — несомненного «*против*»; πρὸς может использоваться в названии речи, которая представляет из себя ответ на обвинение (т.е. речь ответчика), т.е. «*против*» истца. См.: Usher S. Greek Oratory: Tradition and Originality. Oxford; N.Y., 2001. P. 261.

Антифонта).<sup>1</sup> В этом деле также замешан был каким-то образом Андрон (fr. 14), в будущем — член правительства Четырехсот (его умеренного крыла), а затем — один из обвинителей Антифонта в его последнем процессе, закончившемся смертным приговором (см. предыдущую главу, § 2). В целом, состояние наших источников таково, что сделать какие-то определенные выводы относительно дела Антифонта — Демосфена весьма затруднительно, и мы должны признать, что детали процесса и мотивы действующих лиц восстановить невозможно.

Пришедшие к власти в 411 г. олигархи отменили процедуру жалобы на противозаконие, как и исангелию (Thuc., VIII, 67; Aristot. Ath. Pol., 29, 4), однако после восстановления демократии и тому, и другому виду государственного процесса вернули право на существование. Как уже было сказано (гл. V, § 3), в 406 г. во время процесса стратегов-победителей при Аргинусах обвинение в противозаконии выдвигали те, кто хотел помешать опрометчивому голосованию в народном собрании по предложению Калликсена, — а именно, Евриптолем и некоторые другие граждане. Постановление было названо противозаконным, так как противоречило установленному порядку: предполагало голосование без суда, стратеги лишались возможности защиты и их должны были осудить «скопом» — *μὴ δὲ ψήφῳ* (Xen. Hell., I, 7, 20, 23, 26, 28; Mem., I, 1, 18; Plat. Apol., 32b). Однако, как замечает Ксенофонт, выступление Евриптолема встретило одобрение лишь немногих; толпа же кричала и возмущалась тем, что «народу не дают возможности поступать, как ему вздумается» (Xen. Hell., I, 7, 12). Лекиск предложил, чтобы тех, кто поднял вопрос о законности предложения Калликсена, судили вместе со стратегами. Толпа одобрительно зашумела, и испугавшийся не на шутку Евриптолем немедленно снимает свое предложение (Ibid., 13).

В четвертый и пятый раз (по сохранившимся сведениям) *υπαφ' ὧν* была применена после ниспровержения Тридцати тиранов сразу же по восстановлении демократии (403 г.). По свидетельству Эсхина, который ссылается на своего отца, в те тяжелые времена судьи особо трепетно относились к посягательству на закон и были особо суровы к авторам противозаконных предложений (враждебнее, чем сам обвинитель, — уверяет оратор): если обвиняемый уличался в том, что хоть на букву отклонился от какого-нибудь закона, неминуемо следова-

<sup>1</sup> См., например, перевод Л. Жерне (Antiphon. Discours. Suivis des fragments d'Antiphon le sophiste / Ét. et tr. par L. Gernet. P., 1989. P. 28): *Contre Démosthène stratège, sur une accusation d'illégalité*. Также английский перевод Бэнкрофта: Plutarch's Lives and Writings / Ed. by A.H. Clough, W.W. Goodwin, L., 1914. Vol. 5.: ... and that *against* Demosthenes the general for moving an illegal measure.



ло осуждение (Aeschin., III, 192). И несмотря на эти строгости, находились-таки смельчаки, вносившие весьма рискованные предложения.

Лидер победивших сторонников демократии Фрасибул (из дема Стирия), вернувшись в освобожденные Афины, предложил дать гражданские права (πολιτεία) всем тем, кто боролся за восстановление демократии (Aristot., Ath. Pol., 40, 2; Aeschin., III, 195; Ps.-Plut. Mor., 835f–836a; Pap. Oxy. 1800, fr. 6–7). Логографом (менее вероятно — синегором) Фрасибула был Лисий.<sup>1</sup> Декрет прошел народное собрание, но был оспорен в суде соратником Фрасибула, другим вождем победившей демократии — Архином. Поводом к обвинению послужило то, что предложение Фрасибула было «ἀπρὸβούλευτον», т.е. не было предварительно рассмотрено и одобрено Советом; к тому же некоторые из тех, кому собирались даровать гражданство, были рабами. Судьи осудили Фрасибула, несмотря на его недавние заслуги, а декрет был отменен. Фрасибул, по уверению схолиаста к Эсхину, был оштрафован на символическую сумму в одну драхму (schol. Laur. ad Aeschin., III, 195)<sup>2</sup>. Возможно, такое символическое наказание предложил Архин, желавший именно воспрепятствовать декрету, но не карать за него Фрасибула.<sup>3</sup> Такова фабула.

История эта всегда привлекала внимание исследователей благодаря важным персонам в ней участвующим (великий оратор, видный полководец, известный политик), особенно оживленно обсуждались мотивы и цель действий Архина. Мотивы Фрасибула более-менее ясны: его поступок объясняется великодушным желанием отблагодарить помогавших свержению тирании метеков и рабов, а также — политическим расчетом: усилить позиции только что восстановленной демократии, которой новые граждане будут всем обязаны.<sup>4</sup> Сразу же после захвата Пирея лидеры демократической «партии» дали клятву, что чужеземцам, воевавшим в их рядах, будет дана исотелия<sup>5</sup> (Xen. II, 4, 25), так что

<sup>1</sup> Единственным источником о речи, которую написал Лисий в поддержку декрета Фрасибула, является Псевдо-Плутарх: ὁ ἴπτερ τοῦ ψήφοματος ὁ ἐγυράσθω Ἀρχῖνος (Mor., 836a). Точка зрения Зауппе о том, что Лисий сам произнес эту речь (Sauppe H. Oratores Attici. V. II. P. 187), стоит особняком на фоне единодушного мнения исследователей — речь была написана Лисием для какой-то важной персоны, почти наверняка самого Фрасибула. См.: Loening T.C. The Autobiographical Speeches of Lysias and Biographical Tradition // Hermes, 1981. Bd. 109. H. 3. S. 281.

<sup>2</sup> Схолиаст рассказывает, что Фрасибул, дабы устыдить афинян предложил себе в качестве наказания смертную казнь.

<sup>3</sup> См.: Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. P. 155.

<sup>4</sup> См., например: Buck R.J. Thrasybulus and the Athenian Democracy. P. 85.

<sup>5</sup> Исотелия означала освобождение от подушного налога метойкиона, который платили метеки; уравнивание с афинянами в уплате других налогов (преж-

действия Фрасибула, по возвращении в Афины внесшего декрет в пользу своих соратников-неграждан, были совершенно предсказуемы.

Понятна и помощь, которую оказал полководцу Лисий. Прославленный оратор (родом из метеков) сам пострадал во время террористического режима: имущество было разграблено, его брат Полемарх был казнен, самого Лисия ожидала та же участь, и он едва спасся бегством в Мегару. Обо всем этом в подробностях Лисий рассказал в речи против Эратосфена, бывшего члена коллегии Тридцати (XII, 8–20), а еще раньше — в речи против Гиппоферса, фрагменты которой были найдены на одном из оксиринхских папирусов.<sup>1</sup> И личным участием, и деньгами<sup>2</sup> Лисий помогал ниспровержению ненавистных тиранов, и как и другие афинские метеки, мог рассчитывать на благодарность за свои услуги. Он был лично заинтересован в успехе предложения Фрасибула. На какой-то стадии прохождения декрета Лисий, вероятно, произнес речь об услугах, оказанных им афинскому государству («Περὶ τῶν ἰδίων ἐπερυσίων»), от которой уцелело лишь несколько слов.<sup>3</sup>

---

де всего эйсфоры); право на несение военной службы; иногда — освобождение от юрисдикции архонта-полемарха, в ведение которого находились дела метеков. С исотелией связаны были и другие привилегии, например, право владеть недвижимостью в Аттике. См.: *Глускина Л.М.* Афинские метеки // ВДИ. № 2 (64). 1958. С. 83.

<sup>1</sup> 236 строчек из этой речи разной степени четкости, сохранившиеся на папирусе конца II — нач. III в., впервые были изданы: *Grenfell B.P., Hunt A.S.* Papyri Oxyrhynci. Part XIII. L., 1919. № 1606.

<sup>2</sup> Лисий передал защитникам демократии 2 тыс. драхм и 200 шитов, сообщая неким Гермоном нанял 300 солдат и уговорил своего друга Фрасидея пожертвовать 2 таланта (*Lys. Hippoth.*, 6, 1; *Plut., Mor.* 835f). Откуда у Лисия, чье имущество было конфисковано, ссылались такие солидные средства — неясно. С.И. Соболевский предполагает, что он мог держать часть своего капитала у банкиров других городов или иметь филиал фабрики шитов в Мегаре (Лисий и его речи / Лисий. Речи. М., 1994. С. 38). Во всяком случае, средства эти были не бездонны, и вернувшись в Афины, Лисий оказался человеком по меньшей мере небогатым, вынужденным уже весьма в зрелом возрасте (далеко за 50) за плату заниматься составлением речей. При любви афинян к сутяжничеству работы у Лисия было предостаточно: в античности было известно 425 речей под его именем, их которых 233 признавались подлинными.

<sup>3</sup> *Harp. s.v.* Κεῖροι, μεταπίρυτοι, Φηγαεῖοι. По изданию Зауппе: *Lys.*, fr. 1–3 (*Oratores Attici. P. II. Fragmenta oratorum atticorum*). Высказывалось мнение, что три речи, в которых Лисий говорил о своих заслугах перед победившей демократией: 1) «Против Гиппоферса», 2) в поддержку декрета Фрасибула и против Архина и 3) «О своих благодеяниях» — на самом деле, разные названия одной и той же речи. Однако большинство исследователей все же доверяют

Деятельность Архина вызывала интерес у многих историков, начиная еще с Аристотеля, уделившего Архину несколько строк в «Афинской политике» (XIV, 40). По мнению Ч. Хигнета, Фрасибул был больше солдат, чем политик, поэтому после восстановления демократии руководство политикой государства находилось в руках Архина.<sup>1</sup> Несколько важных инициатив связано с именем этого, как традиционно считается, политика умеренного толка: Аристотель называет Архина в числе приверженцев *πάτριος πολιτεία* («отеческого строя») наряду с Анитом, Клитофонтом, Формисием и главой «умеренных» в конце V в. до н.э. — Фераменом, противопоставляя их как членам олигархических гетерий, так и сторонникам той демократии, которая существовала в Афинах до поражения в Пелопоннесской войне (Ath. pol., 34, 3).<sup>2</sup> Когда один из вернувшихся изгнанников стал искать возмездия и выдвинул обвинение вопреки закону об амнистии, Архин велел арестовать его и, приведя в Совет, убедил казнить без суда (Aristot. Ath. pol. 40, 2; см. также Isocr., XVIII, 2). Совет явно превысил в этом случае свои полномочия — он не мог выносить смертные приговоры, но Архин добился своей цели: более уже никто не пытался свести счеты, что способствовало примирению с элевсинцами. По его инициативе был принят закон, по которому ответчик, заявивший, что обвинение против него нарушает амнистию, мог оспорить его с помощью *παραγραφῆ* (возражение ответчика на неправильность поданной против него тяжбы). Суд вначале рассматривал эту жалобу, и если решение благоприятствовало ответчику, первоначальное обвинение отклонялось (Isocr., XVIII, 2).<sup>3</sup>

Таким образом, Архин, пресекая взаимные претензии, не давал возможности разгореться тлеющему пламени междоусобной борьбы. Схо-

скупным свидетельствам источников и считают, что эти речи просто могли содержать похожие сведения. См. обсуждение этой проблемы со ссылками на литературу в статье: *Loening T.C. The Autobiographical Speeches...* P. 282. Лёнинг полагает, что речь «О своих благодеяниях» Лисий произнес позже, в 401 г., перед принятием декрета о награждении метеков, принимавших участие в восстановлении демократии (см. ниже) (P. 293–294).

<sup>1</sup> *Hignett C. A History...* P. 295. Ср.: *Wilamowitz-Mollendorff U. Op. cit. Bd. II. S. 223.*

<sup>2</sup> Об умеренности Архина — см. также: *Поздеева И.В. Политические судебные процессы в Афинах в 403–400 гг. С. 75–77; Залюбовина Г.Т. Политическая борьба в Афинах...* С. 101–104; *Cloché P. La restauration démocratique...* P. 151, 455; *Romilly J. Problèmes de la démocratie grecque.* P. 158–159; *Strauss B. S. Athens after the Peloponnesian War.* P. 14; *Loraux N. The Divided City.* P. 152–153; *Mossé C. Politique et société...* P. 53.

<sup>3</sup> Об этом законе Архина см.: *Calhoun G.M. Διαμαρτυρία, παραγραφῆ and the Law of Archinus // CIPh. Vol. 13. 1918. P. 169–185.*

жим доводом — желанием усилить «умеренный элемент» в государстве и нежеланием подвергать опасности амнистию, усилив потенциальных мстителей, — объясняют и его выступление против предложения Фрасибула.<sup>1</sup> В качестве дополнительного мотива указывалось также стремление политика воспрепятствовать увеличению количества решительных сторонников демократии, что непременно произошло бы после принятия новых граждан.<sup>2</sup> Своеобразным гибридом этих двух мнений является точка зрения Б. Страуса: с одной стороны, Архин не хотел нарушать политический баланс, с другой — желал сдержать рост личной группировки Фрасибула за счет облагодетельствованных (именно его «faction», а не «радикальной демократии»).<sup>3</sup> В марксистской историографии существует более решительная трактовка действий Архина с точки зрения «классового подхода»: так, Л.М. Глушкина полагает, что только произвол и бесчинства правительства Тридцати толкнули Архина (как и прочих умеренных) в лагерь демократии, и во всех его действиях усматривает боязнь усиления демократии и стремление ввести в строгие рамки плоды ее победы<sup>4</sup>. Но, пожалуй, наибольшего накала противопоставление двух лидеров победившей партии достигает у М. Хансена, правда, совершенно с иных ценностных позиций, чем схожее противопоставление Архина и Фрасибула у Л.М. Глушкиной.<sup>5</sup> Архин — центрист, не поддерживавший ни олигархию, ни радикальную демократию, выступает против Фрасибула, «ревностного демократа». Внесение Архином жалобы на противозаконие датский исследователь рас-

<sup>1</sup> См.: *Meyer E. Forschungen zur alten Geschichte. Bd. II. Halle, 1899. S. 175–176* (хотя предложение Фрасибула было справедливым и способствовало бы возрождению могущества Афин, оно мешало примирению); *Hignett C. A History... P. 295.*

<sup>2</sup> См.: *Calhoun G.M. Op. cit. P. 183; Cloché P. La restauration démocratique... P. 454–457; idem. Remarques sur l'emploi de la graphè paranomón. P. 402; Mathieu G. La reorganization du corps civique athénien à la fin du V-e siècle // REG. T. XL. 1927. P. 86–87.* Другой мотив, который Матье приписывает Архину: во что бы то ни стало не допустить в ряды граждан именно Лисия, ибо этот один из самых активных и красноречивых демократов, лично весьма пострадавший, не дал бы затухнуть памяти о былых раздорах, — кажется надуманным. Неубедительным представляется и утверждение о том, что лишить одного Лисия права на гражданство постеснялись из-за опасности скандала и потому лишили его всех метеков разом.

<sup>3</sup> *Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. P. 96.*

<sup>4</sup> *Глушкина Л.М. Афинские метеки. С. 88.* В том же ключе рассуждает Г.Т. Залюбовина (Указ. соч. С. 101–104).

<sup>5</sup> Датский историк явно симпатизирует Архину.

смаатривает как аргумент в пользу своего вывода о том, что *урафѣ паравѣиѣи* была защитой (safeguard) умеренной, а не радикальной демократии. Наиболее характерной чертой радикальной демократии было господство собрания, руководимого демагогами, которое проводило декреты, противоречащие законам, а *урафѣ паравѣиѣи* защищало закон, наделяя суд правом отклонять антиконституционные постановления.<sup>1</sup> Архин, следовательно, уже не просто политик, преследовавший конкретные цели в конкретной ситуации (не дать лишний повод к противостоянию вчерашних врагов), а олицетворение некой чистой идеи умеренной демократии, антипод радикальной демократии, поддерживаемой безответственными демагогами.

Действительно ли предложение Фрасибула было не просто данью благодарности тем метекам и рабам, которые пришли на помощь пирейцам, а призвано было вообще усилить позиции радикальной демократии и, следовательно, могло рассчитывать на поддержку ее сторонников? И почему оно было все-таки отклонено? Бесспорно, дело не в формальном нарушении процедуры, к чему придрался Архин в своей жалобе на противозаконие, — это только предлог, к тому же велика вероятность того, что Совет 500 еще не был воссоздан, когда Фрасибул вносил свое предложение.<sup>2</sup> Но пусть даже после всех потрясений и междоусобиц в момент, когда проводилась работа по пересмотру кодекса, гелиасты проявляли особенную чувствительность к соблюдению формы закона, как утверждает Эсхин. Однако если все дело было в форме, почему же Фрасибул или кто-либо из его политических друзей не внес это предложение вновь, с соблюдением всех процедурных правил?

Очевидно, были другие причины, которые делали этот декрет непопулярным. Афиняне и раньше неохотно допускали в свои ряды иноземцев и рабов; гражданские права последние получали лишь в исключительных случаях (как это было сделано в отношении рабов и метеков, сражавшихся при Аргинусах). Ситуация 404/403 г. была весьма непростой для решения проблемы гражданства: с одной стороны, за годы Пелопоннесской войны и внутренних смут афинское гражданство понесло огромный урон. Только недавние потери: 25 триер с экипажами при Аргинусских островах, 3 или 4 тыс. при Эгоспотамах (Plut. Lys. 11; Paus. IX, 32, 9), примерно полторы тысячи казненных при Тридцати тиранах. С другой стороны, после заключения Фераменова мира и роспуска Афинской архэ, клерухии больше не выводились на земли союзников, и не только невозможно было бы наделить наделами новых

<sup>1</sup> Hansen M. The Sovereignty of the People's Court... P. 59.

<sup>2</sup> См.: Cloché P. La restauration démocratique à Athènes. P. 453.

граждан, но и следовало ожидать возвращения старых клерухов, изгнанных из их поселений бывшими союзниками, освободившимися от афинской опеки.<sup>1</sup> Новые граждане в этих условиях стали бы нежелательными конкурентами: с ними пришлось бы делиться государственными пособиями и привилегиями — и все это в разоренных войной Афинах! Но подобные соображения скорее могли прийти в голову не тем, кто симпатизировал олигархии (их испытанное решение проблемы гражданства — ограничить число граждан состоятельными, как это делалось после олигархических переворотов в 411 и 404 гг.), сколько малосостоятельным, низшим слоям, городской черни — т.е. тем, кто считался надеждой и опорой радикальной демократии.

Лукавит М. Хансен, когда говорит, что предложение об увеличении числа граждан — конек радикальной демократии. Он ссылается на Аристотеля, но эти ссылки неубедительны, — в словах Стагирита нет *ничего*, что позволяло бы сделать такой вывод.<sup>2</sup> Да, демократия теоретически «по идейным соображениям» более лояльна к притоку новых граждан, чем олигархия. Но в случае с Афинами действует другое правило: чрезмерная привлекательность проживания в процветающем полисе, «школе всей Эллады», вызывает поток иммигрантов; это принуждает государство, тратящее много средств и сил на поддержание высокого (сравнительно с другими полисами) уровня жизни граждан, прибегать к «охранительным мерам», т.е. ограничивать число претендентов на звание гражданина.<sup>3</sup> Скажем, современные США, будучи либеральным и демократическим государством *ad usum internum*, тем не менее отнюдь не либерально и не демократически ограничивают даже право на въезд в свою страну и проживание в ней, не говоря уже о различных препонах при получении вожделенного для многих американского гражданства. Приведем полностью отрывок из «Политии», на один фрагмент которого ссылается датский ученый: «Напротив [до этого приводились примеры того, что при аристократическом строе в граждане не допус-

<sup>1</sup> По мнению Н.А. Касаткиной, возвратившихся из клерухий было около 20 тыс. человек (с женами и детьми), т.е. около 5–6 тыс. граждан. См.: *Касаткина Н.А.* Афинское поселение на Самосе в IV в. до н.э. // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 148–149.

<sup>2</sup> Хансен ссылается на следующие места в «Политии»: 1278a28, 1291b27, 1319b8.

<sup>3</sup> Естественно, такое объяснение Периклова закона о гражданстве не единственно возможное. В историографии ведется оживленная дискуссия о причинах, приведших к предложению и принятию данного закона. Разнообразные точки зрения — см. в работах последних лет: *Patterson C.* Pericles' Citizenship Law of 451/O. N. Y, 1987; *Walters K.* Perikles' Citizenship Law // CA. Vol. II. P. 314–336; *Boegehold A.L.* Perikles' Citizenship Law // AICI. P. 57–66.

каются ни поденщики, ни ремесленники, а при олигархии — только первые — Т.К.], во многих государствах закон допускает в число граждан и иноземцев; так, в некоторых демократиях гражданин и тот, у кого только мать — гражданка; тот же порядок наблюдается у многих по отношению к незаконнорожденным. Тем не менее, хотя вследствие недостатка в законных гражданах делают гражданами и таких людей (закон позволяет делать это по причине малонаселенности государства), с увеличением народонаселения все-таки постепенно устраняются сначала родившиеся от раба или рабыни, затем родившиеся от женщин-гражданок, так что в конце концов гражданами становятся лишь родившиеся от обоих родителей-граждан» (1278a27–35 — пер. С. А. Жебелева). В «Афинской политике» греческий философ прямо говорит, что предложение Перикла возникло «вследствие чрезмерно большого количества граждан» (δὴ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν — 26, 3). Очевидно, толкование проблемы соотношения радикальной демократии и доступа к гражданству Аристотелем здесь решительно не совпадает с толкованием Хансена.

Те, кто в 451/0 г. приветствовали закон Перикла о гражданстве, а в 403 г. — его возобновление по предложению Аристофонта Азенийского (Athen., 577 b–c),<sup>1</sup> и кому пришелся не по душе декрет Фрасибула, — были отнюдь не противниками, а скорее сторонниками радикальной демократии.<sup>2</sup> Подобно тому, как закон народного трибуна Гая Гракха о предоставлении гражданства союзникам провалили не козни его недругов-оптиматов, а римское народное собрание, и действовало оно так не в интересах каких-либо политических группировок, а из своеко-

<sup>1</sup> Во время Пелопоннесской войны из-за значительных потерь гражданского корпуса были сделаны некоторые послабления относительно Периклового закона и некоторые νόθοι (незаконнорожденные) получили гражданские права (так обычно интерпретируют замечание Диогена Лаэртция (II, 5, 26) — см. Mathieu G. La reorganization du corps civique athénien... P. 98–99; Hignett Ch. A History... P. 296). Дополнением к закону Аристофонта стал декрет Никомена, в соответствии с которым закон действовал в отношении тех, кто родился после архонства Евклида (403 г.), а те, кто родился до, соответственно подпадали под категорию *beati possidentes* (schol. Aeschin., I, 39).

<sup>2</sup> Любопытно, что Л.М. Глускина считает, что Архин не мог быть автором декрета о наделении некоторых метеков — сторонников демократии — гражданскими правами (IG II<sup>2</sup> 10 — см. ниже), ибо как представитель умеренной группировки «решительно противодействовал расширению состава гражданства и дальнейшей демократизации политического строя» («Афинские метеки», с. 89). Следуя этой логике, и Перикл был «решительным противником демократизации», а также все лидеры афинской демократии IV в. до н.э., ибо, как признает сама Лия Менделевна, после реставрации демократии гражданские права даются редко, неохотно, отдельным лицам за выдающиеся заслуги, и только в моменты крайней опасности (в войнах с Македонией) ситуация меняется.

рыстных соображений, нежелания делиться с кем-либо привилегиями римского гражданства. Центрист и умеренный политик Архин, внося *υπαρχὴ παρανόμων* против декрета Фрасибула, мог рассчитывать на одобрение не только той части афинян, которая искренне стремилась к гражданскому миру и не хотела лишний раз дразнить «городскую партию», но и на поддержку большинства традиционных сторонников демократии. Расчет был безошибочным, и Лисию оставалось только сетовать, что ничего он от афинян в благодарность за свои услуги не получил (Hippoth., 6, II). С этими горестными словами согласились бы многие неграждане – товарищи Лисия и Фрасибула.

Мы же приходим к выводу, полностью противоположному заключению М. Хансена: события 403 г. свидетельствуют о том, что в данном конкретном случае возрожденная процедура жалобы на противозаконие стояла на страже интересов скорее радикальной, чем умеренной демократии. Да и с Фрасибулом как «экстремистом от радикальной демократии» не все так гладко. Р. Бак, автор последней биографии Фрасибула, считает своего героя твердым сторонником демократии именно умеренного образца.<sup>1</sup> О том, что Фрасибула следует относить к «умеренному крылу демократии», писал еще К.Ю. Белох.<sup>2</sup> Умеренным (moderate) афинским демократом называют его Д. Кэген и Дж. Робертс.<sup>3</sup> Б. Страус напоминает о связях Фрасибула с Фераменом и полагает, что хотя первый и поддерживал демократию, но политиком он был совсем иного образца по сравнению с Клеоном или Клеофоном: он никогда не пытался раздуть огонь классового антагонизма и не обещал возвысить людей с улицы за счет власть имущих.<sup>4</sup> Недаром Оксирихский историк (Hell. Оху., I, 2–3) отделил Фрасибула от «простонародья и народолюбив» (οἱ πολλοὶ καὶ δημοτικοί), присовокупив наряду с Анитом к «людям приличным и состоятельным» (οἱ ἐπιεικεῖς καὶ τὰς οὐσίας ἔχοντες), а Ксенофонт, совсем не друг демократии, вознес хвалу ему *post mortem*, назвав «весьма достойным мужем» (μᾶλα δοκῶν ἀνὴρ ἀγαθός – Hell., IV, 8, 31). В любом случае, кажется упрощением видеть в *υπαρχὴ παρανόμων* некоего Цербера все равно радикальной или умеренной демократии. Это лишь *средство*, политический механизм, который при желании могли использовать в своих целях представители различных политических групп афинского государства.

<sup>1</sup> См.: Buck R.J. Thrasybulus and the Athenian Democracy. Passim. По мнению Бака (как и Б. Страуса – см. ниже), Фрасибул и Архин вообще принадлежали к одной политической группировке.

<sup>2</sup> Beloch K.J. Die Attische Politik seit Perikles. S. 104.

<sup>3</sup> Roberts J.T. Accountability... P. 101; Kagan D. Pericles of Athens... P. 267.

<sup>4</sup> Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. P. 90–94.



Через два года после отклонения декрета Фрасибула, когда страсти поутихли, элевсинцы возвратились в город и ситуация стабилизировалась, была найдена возможность принести запоздалую благодарность метекам-пирейцам. Об этом свидетельствует текст декрета, большая часть которого была найдена на афинском акрополе в 1884 г. и впервые была опубликована Цибартом<sup>1</sup> (IG II<sup>2</sup>, 10). На стеле имя автора постановления повреждено и не прочитывается. Вначале думали, что это Архин и речь идет о том самом декрете о наградах сторонникам демократии, о котором упоминал Эсхин (III, 187)<sup>2</sup>: Архин предложил выделить тысячу драхм на жертвы и священные приношения (*εἰς θυσίαν καὶ ἀναθήματα*) и увенчать тех, кто находился в Филе, оливковым венком. Так как в сохранившейся части надписи говорится не о жертвоприношениях и почестях, а о гораздо более весомой награде, по-видимому, о предоставлении гражданских прав, — высказывалось мнение, что это другой декрет и у него другой автор.<sup>3</sup> Весомым аргументом «про» стала находка в 30-х гг. XX в. фрагментов той самой псефизмы Архина, о которой рассказал Эсхин<sup>4</sup>, после чего уже никто не отваживался утверждать ее тождественность с загадочным документом, изданным Цибартом. Некоторые исследователи определенно указывают на Фрасибула<sup>5</sup> или его

<sup>1</sup> Ziebarth E. Inschriften aus Athen // AM. Bd. XXIII. 1898. S. 24–37. Об этом декрете, который со времени Цибарта не раз переиздавался, исправлялся и дополнялся, существует обширная литература. Вот некоторые из работ: Жебелев С.А. Афинская надпись 401/0 г. // ФО. Т. 15. 1898. С. 47–50; Глускина Л.М. Афинские метеки. С. 70–89; Von Prott H. Das Psephisma des Archinus // AM. Bd. XXV. 1900. S. 34–39; Kolbe W. Das Ehrendekret für die Retter der Demokratie // Klio. Bd. XVII. 1921. S. 242–248; Foucart P. Un décret athénien relatif aux combattants de Phylé // MAI. T. 42. 1922. P. 323–355; Cloché P. Le décret de 401/0 en l'honneur des métèques // REG. T. 30. 1917. P. 384–408; Hereward D. New Fragments of IG II<sup>2</sup>, 10. // BSA. Vol. 47. 1952. P. 102–117; Krentz P. Foreigners against the Thirty: IG II<sup>2</sup> 10 Again // Phoenix. Vol. 34. 1980. P. 298–306.

<sup>2</sup> См., например: Ziebarth E. Op. cit. S. 30–34; Von Prott H. Op. cit. S. 36–37.

<sup>3</sup> Жебелев С.А. Указ. соч. С. 48.

<sup>4</sup> Все пять фрагментов были впервые опубликованы и проанализированы А. Раубичеком. См.: Raubitschek A.E. The Heroes of Phyle // Hesperia. Vol. X. 1941. P. 284–295.

<sup>5</sup> О второй и на этот раз успешной попытке Фрасибула говорят: Cloché P. Le décret de 401/0... P. 404–406; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 508. А. Раубичек (The Heroes of Phyle. P. 286) предполагал, что это первый, тот самый отвергнутый декрет Фрасибула. Версия фантастична, ибо трудно представить себе, что до конца судебного разбирательства по жалобе о противозаконии кто-то осмелился бы запечатлеть текст оспариваемого декрета на камне.

сподвижников<sup>1</sup> как на авторов последнего декрета (IG II<sup>2</sup>, 10); другие предпочитают считать инициаторами предложения Архина<sup>2</sup> или «партию Архина», т.е. «партию умеренных»<sup>3</sup>; третьи мудро обходят вопрос об авторстве, полагая, что имя внесшего постановление нам неизвестно и таким, скорее всего, останется.<sup>4</sup> Практически все исследователи<sup>5</sup> едины только в вопросе датировки псефизмы — 401/0 г. до н.э., архонтство Ксенэнета.

Есть еще один спорный вопрос, связанный с обнаруженным декретом: была ли одна категория облагодетельствованных по декрету метеков или их было две, и те, кто попал во вторую, получили меньшие привилегии? Существует точка зрения, что речь в декрете шла о предоставлении гражданских прав (может быть, с некоторыми ограничениями); их получили и те метеки, которые вместе с афинскими демократами возвращались из Филы (οἷδε σικατῆλθον ἀπὸ Φυλῆς — ск. 4), и те, которые участвовали в сражении при Мунихии (συμεμάχησαν δὲ τῇ μάχῃ τῇ Μοιχίᾳσιν — ск. 7)<sup>6</sup>. Другое мнение: было две группы облагодетельствованных — метеки, присоединившиеся к Фрасибулу в Филе получили гражданство, а те, которые сражались при Мунихии или позже прибыли в Пирей, удостоены были меньших почестей.<sup>7</sup> Последнее предположение подкрепляется ссылкой на два дополнительных фрагмента декрета, найденных на острове Эгина. О наличии не менее двух групп награжденных свидетельствует сохранившееся на одном из этих

<sup>1</sup> Foucart P. Op. cit. P. 348; *De Sanctis G.* Athene e i suoi liberatori // RFIC. Vol. 51. 1923. P. 307. Глушкина считает, что декрет мог внести или Фрасибул, или кто-либо из его сторонников (Афинские метеки. С. 88).

<sup>2</sup> Hignett C. A History... P. 297; Hansen M. The Sovereignty of the People's Court... P. 28.

<sup>3</sup> Kolbe W. Op. cit. S. 242–243.

<sup>4</sup> Loening T. C. The Autobiographical Speeches of Lysias... P. 290.

<sup>5</sup> За исключением Протта, предложившего датировать декрет 403 г. (Von Prott H. Op. cit. S. 37) и поддерживавшей его Херейорд (Hereward D. Op. cit. P. 112). Кренц, восстанавливая имя архонта Евклида во 2-й строке декрета, датирует его 403/2 г. (Foreigners against the Thirty... P. 299–300).

<sup>6</sup> См.: Von Prott H. Op. cit. S. 37; Cloché P. Op. cit. P. 387, 392; *De Sanctis G.* Op. cit. P. 299; Mathieu G. La reorganization... P. 88–89. Матье полагает, что получившие гражданские права были в ранге «пассивных граждан», наподобие платейцев или рабов, сражавшихся при Аргинусах.

<sup>7</sup> См.: Жебелев С.А. Указ. соч. С. 48; Глушкина Л.М. Указ. соч. С. 82; Ziebarth E. Op. cit. S. 31–32; Foucart P. Op. cit. P. 348–349; Kolbe W. Op. cit. S. 243–245; Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. II. S. 918; Loening T. C. Op. cit. P. 291; Hignett C. A History... P. 297; Ostwald M. Op. cit. P. 508.

фрагментов заглавное наименование в скк. 79–80: οἷδε παρέ[μενον τῷ] ἐμ Περαιεῖ δ[ήμῳ] («те, которые оставались с пирейским демосом»), за которым следует название филы Эрехтеиды — первой по принятому в Афинах порядку — и список имен. Так как это середина списка, разумно предположить, что кроме данной группы благодетельствованных имелась еще одна или даже две категории метеков, присоединившихся в Филе и Мунихии.<sup>1</sup>

Что же касается содержания почестей для второй категории бенефициантов, то еще Цибарт, следуя Ксенофону (II, 4, 25), говорил об исотелии и восстанавливал её в 9 строчке декрета (εἶναι δὲ αὐτοῖς ἰσοτελείαν καθάπερ Ἀθηναῖος).<sup>2</sup> С этим многие согласились, но последующие комментаторы и издатели надписи добавили еще некоторые привилегии: право владения землей и домом (γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτησίς)<sup>3</sup>, право заключать браки по афинскому обычаю (ἐγγύησις)<sup>4</sup>. Лёнинг предложил свою реконструкцию 9–10 строк: τὸς δὲ [διδόναι δίκας καὶ λαμβάνειν] καθάπερ Ἀθηναῖος, т.е. право выступать в суде.<sup>5</sup> Только это, по его мнению, могло позволить Лисию выступить самому на процессе Эратосфена в качестве обвинителя, тогда как, когда он несколькими годами раньше составлял для неизвестного обвинительную речь против Гиппоферса, у него такого права не было.<sup>6</sup> Высказывалась гипотеза и о том, что все вышеперечисленные категории получили исотелию и никто не получил гражданство.<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Так полагает Д. Херейорд (Op. cit. P. 102–117).

<sup>2</sup> Ziebarth E. Op. cit. S. 32. С исотелией согласились: Глускина Л.М. Афинские метеки. С. 89; Kolbe W. Das Ehrendekret... S. 245; Foucart P. Op. cit. P. 348–349; Hereward D. Op. cit. P. 111–112.

<sup>3</sup> Kolbe W. Op. cit. S. 245.

<sup>4</sup> Von Prott H. Op. cit. S. 37–38. Глускина понимает ἐγγύησις не в смысле «право обручения», а как право выступать с поручительством при заключении сделок. Слово ἐγγύησις, встречающееся крайне редко, действительно имеет два основных значения — «поручительство» и «обручение» (Указ. соч. С. 84–85).

<sup>5</sup> Loening T.C. Op. cit. P. 292.

<sup>6</sup> Вопрос о том, могли ли метеки сами выступать в суде или им для этого нужно было прибегать к услугам патрона, является дискуссионным (см.: Harrison A.R.W. The Law of Athens. Vol. II. P. 189–193). Считается, что в V–нач. IV вв. до н.э. метеки таких прав не имели, а позже приобрели. Высказывалось также предположение о том, что для обвинений против повинных в кровавых преступлениях Тридцати была установлена специальная процедура, которую могли инициировать и привилегированные метеки — такие, как Лисий (см.: Blass F. Attische Beredsamkeit. Bd. I. S. 540–542; Wilamowitz-Mollen-dorff U. Aristoteles und Athen. Bd. II. S. 218–221).

<sup>7</sup> Krentz P. Foreigners against the Thirty... P. 303–304; *idem*. The Reward for Thrasybulos' Supporters // ZPE. 1986. P. 201–204; Buck R.J. Thrasybulus... P. 86.

Так или иначе, история о попытке отблагодарить неграждан-жителей Афин, способствовавших восстановлению демократии, и предоставить им гражданские права имеет наполовину счастливый конец. Спор вокруг этой проблемы закончился компромиссом. Декрет Фрасибула, суливший гражданские права *всем* метекам и некоторым рабам, поддержавшим пирейцев, был отклонен, и, как мы считаем, скорее при одобрении, чем при негодовании сторонников радикальной демократии. Но через два года была принята псефизма, по которой гражданство, возможно, получила *часть* предполагаемых бенефициантов.<sup>1</sup> Те же, кому, как Лисию, эта привилегия не досталась, могли отчасти утешиться, приобретя некоторые новые права, например, исотелию.

Последняя из известных нам жалоб на противозаконие V в. была выдвинута против предложения Феозотида (403/2 или 402/1 г.), внесшего в народное собрание декрет о государственной помощи детям афинских граждан, погибших во времена тирании сражаясь за демократию (предполагалось уделять один обол в день каждому сироте). Декрет был оспорен; Лисий был логографом обвинителя (Pollux, VIII, 46). Сохранившиеся на папирусе незначительные отрывки из написанной им речи являлись главным источником по данному сюжету (Lys., fr. VI, 1, 2 – Gernet / Bizon), пока во время раскопок на афинской агоре в 1970 г. не была найдена стела с текстом декрета. Хотя мрамор изрядно подпорчен водой (камень служил крышкой канализационной трубы), часть текста можно прочесть.<sup>2</sup> Судя по надписи, из числа облагодетельствованных сирот исключались *ιδοί* и *ποικτοί* (т.е. незаконнорожденные и усыновленные).<sup>3</sup> Это означало также исключение детей рабов, метеков и иностранцев, получивших права гражданства после Аргинус; самосцев, наделенных этими правами после Эгоспотам; эвбейцев, которым была дарована эпигамия вскоре после 405 г.<sup>4</sup> Так как декрет был выбит на стеле, очевидно, он был принят, т.е. жалоба, поданная против него, успеха не имела.

---

<sup>1</sup> На сохранившихся фрагментах декрета следы около 150 имен (от одной буквы до полного имени). Скорей всего награжденных обеих категорий было не менее 300 человек. См.: Глускина Л.М. Указ. соч. С. 73; Mathieu G. La reorganization... P. 92.

<sup>2</sup> Воспроизведение надписи и реконструкцию – см.: Stroud R.S. Theozotides and the Athenian Orphans // *Hesperia*. Vol. XL. 1971. № 3. P. 281, 284.

<sup>3</sup> Естественно, имелись в виду те, которые родились после принятия декрета – установленная в нем норма не имела обратной силы (см.: Stroud R.S. Op. cit. P. 300).

<sup>4</sup> Ibid. P. 299, note 58–62.

Феозотида не заподозришь в симпатиях к элевсинцам, да и умеренным назвать его сложно — что еще раз ставит под сомнение оспоренный выше тезис о том, что только консервативные или умеренные «элементы» радели о чистоте гражданства. Он был автором еще одного декрета, внесенного ранее, по которому жалование всадникам урезывалось с одной драхмы до четырех оболов в день, а жалование *ἵπποτόξοι* (конные стрелки-наемники), напротив увеличивалось с двух до восьми оболов в день (Lys., fr. VI, 3 — Gernet/Bizos).<sup>1</sup> Повышение в четыре раза платы у одного вида вооруженных сил и сокращение на треть у другого, трудно объяснить соображениями экономической выгоды или военной эффективности. Обычно этот декрет трактуют следующим образом: известно, что подавляющее большинство всадников верой и правдой служило обоим олигархическим правительствам — Четырехсот и Тридцати тиранам; данная мера должна была, несомненно, уязвить их<sup>2</sup> (при том что объявленная амнистия оставляла лишь такие обходные и косвенные возможности поквитаться с врагами).

Итак, уже первые процессы по жалобе на противозаконие показали, что в Афинах появилось новое оружие в политической борьбе, используемое представителями разных политических группировок и направлений; вывод М. Хансена о том, что *υπαφ᾽ παρανομίῃ* являлась защитой для, так сказать, «умеренной» демократии в противовес «радикальной», спорен. На смену вышедшему из употребления ostracismos пришла новая узда, которую демос при желании мог наложить на своих лидеров, не взирая на авторитеты (см. обвинение Фрасибула). Утверждать же на основании сведений о первых процессах по жалобе на противозаконие, что *υπαφ᾽ παρανομίῃ* стала неким тормозом для осуществления безграничного народного суверенитета, средством для преодоления издер-

<sup>1</sup> Существует мнение (например: *Mathieu G. Op. cit. P. 112; Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 45*) о том, что это один декрет (о сиротах и об оплате всадников и гиппотоксотов), т.е. «lex satuta», — дело в том, что в отрывках из речи Лисия по поводу декрета упоминается о том и о другом предложениях Феозотида. Доводы Р. Страуда *contra* кажутся более убедительными: в первых двух папирусных фрагментах Лисия речь идет о еще не принятом декрете и употреблено будущее время (в 30-й строке fr. VI, 1, 2 — *καταστήσει*), а в третьем фрагменте — об уже утвержденном декрете об оплате всадников (*Theozotides and the Athenian Orphans. P. 297*).

<sup>2</sup> *Cloch   P. La restauration... P. 373; Stroud R.S. Op. cit. P. 298–299; Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 506*. Ч. Хигнет полагал, что мотивы этого декрета — сугубо экономические (*A History... P. 296*); по мнению Хансена, таким образом автор декрета хотел выручить средства для сирот (*Op. cit. P. 46*).

жек прямой демократии,<sup>1</sup> — по крайней мере, преждевременно; ход же процесса стратегов-победителей вообще порождает сомнения в способности данного правового института осуществлять подобные функции.

### **§ 3. Изменения в процедуре принятия законов в конце V — IV вв.: ревизия законов, номотесия, «жалоба против неподходящего закона»**

В конце V — начале IV вв. происходят сначала ревизия старых законов, а затем — важные изменения и в процедуре принятия закона;<sup>2</sup> как следствие — вместо прошлого, почти эфемерного, устанавливается новое, более четкое, различие между декретом и законом, или псефизмой и номосом.

Движение в сторону установления новой процедуры началось в 411 г. после свержения олигархического правительства Четырехсот, когда экклесия, передавшая власть пяти тысячам, наряду с прочими решениями постановила создать комиссию номофетов (Thuc., VIII, 97, 1–2). При восстановленной демократии в 410/9 г. для работы с законами были назначены комиссии синграфеев и анаграфеев.<sup>3</sup> Не исключено, что именно их Фукидид именует «номофетами» (в общем смысле) (Thuc., VIII, 97, 2).<sup>4</sup> Еще раньше правительство Четырехсот также пыталось заниматься подобной деятельностью, создавая аналогичные специаль-

<sup>1</sup> См., например: Wolff H. J. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... S. 21–23.

<sup>2</sup> В момент процесса Андокида (400/399) эта процедура еще не была введена (судя, например, по словам его обвинителя — νόμον ψηφίζεσθαι — Lys., VI, 29), но в 382/81 г., когда некий Евдем был осужден по жалобе против неподходящего закона (γραφεὶ νόμον μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι), она уже действовала (см.: Sealey R. The Athenian Republic. P. 40–44). Правда, есть мнение: номотесия в том виде, как она существовала в IV в., была введена почти сразу после принятия декрета Тисамена, т.е. во время архонства Евклида (403/2) или сразу после (Harrison A. R. W. Law-making at Athens... P. 33–35).

<sup>3</sup> По предположению М. Отсвальда, в первую входило 50 (впоследствии — 30), во вторую — 100 человек; созданы они были в последние месяцы функционирования переходного правительства, с целью привести в соответствие конституционный строй с «отеческими законами» (Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 408–409, 418, note 24).

<sup>4</sup> Вполне разумное предположение М. Отсвальда (Op. cit. P. 511) — иначе мы должны будем признать, что после 411 г. в Афинах было какое-то неимоверное, зашкаливающее за понятие разумного количество должностных лиц, занимающихся ревизией законодательства.

ные комиссии синграфеев и анаграфеев (Aristot. Ath. pol., 29, 2–3). Разграничить функции этих двух разновидностей должностных лиц крайне сложно в виду скудности информации: М. Оствальд отталкивается от значения глаголов, от которых произошли эти существительные. Исходя из того, что *συγγραφεῖν* означает «сочинять, составлять проект», можно предположить, что *συγγραφεῖς* должны были, выискивая материалы и факты и исследуя «отеческие законы» (*πάτριοι νόμοι*) Солона и Клизфена, готовить на их основе тексты и рекомендации для законодательства (как например, Демофант на основе старого закона против тирании составил новый против ниспровержения демократии); *ἀναγραφεῖς* — от *ἀναγραφεῖν* — «записывать» (в особенности государственные акты) — должны были готовить тексты действующих законов к публикации (как, например, секретари, подготовившие в 409/8 г. для публикации закон Драконта об убийстве).<sup>1</sup>

Нам хорошо известен один из таких секретарей — Никомакх (по утверждению Лисия, сын бывшего государственного раба), назначенный в 410 г. *ἀναγραφεὺς τῶν νόμων*, с поручением подготовить к публикации законы Солона (Lys., XXX, 2). Со слов Лисия (написавшего речь для обвинителя Никомакха), комиссия для ревизии законов должна была работать 4 месяца, а Никомакх растянул ее деятельность на 6 лет — «ему было поручено записать законы Солона, а он вместо Солона сам сделался законодателем» (*προσταχθὲν αὐτῷ... ἀναγράψαι τοὺς νόμους τοὺς Σόλωνος, ἀντὶ Σόλωνος αὐτὸν νομοθέτην κατέστησεν* — XXX, 2).

После победы над тиранами соответствующая работа была продолжена. Декрет Тисамена (403 г.), содержание которого приводится в речи Андокида «О мистериях», предписывал проведение ревизии законов Драконта и Солона. Сначала назначенные Советом (в неизвестном количестве) номофеты должны были записать законы на досках и выставить их перед статуями героев-эпонимов для всеобщего обозрения и изучения. Затем Совет и 500 других номофетов, выбранных народом, принеся присягу, осуществляют окончательную проверку и редакцию; любой гражданин может высказать Совету предложения относительно законов (*ἐξεῖναι δὲ καὶ ἰδιώτῃ τῷ βουλευμένῳ εἰς τὴν βουλὴν συμβουλευεῖν ὃ τι ἂν ἀγαθὸν ἔχη περὶ τῶν νόμων*); после составления кодекса Ареопагу надлежит позаботиться о том, чтобы власти неукоснительно его соблюдали; утвержденные законы записываются на стене Царской Стои (And., I, 83–84).<sup>2</sup> Год архонтства Евклида (403/2),

<sup>1</sup> Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 415–417.

<sup>2</sup> Фрагменты этой стены с записанными законами были найдены при археологических раскопках. См. подробнее: Dow S. The Walls Inscribed with Nikomakhos' Law Code // *Hesperia*. Vol. 30. 1961. P. 58–73.

когда проводилась эта реформа, должен был стать началом новой эры: должностные лица не имели права пользоваться законом, если он не был включен в заново составленный кодекс (ἀγράφῃ δὲ νόμῳ τὰς ἀρχὰς μὴ χρῆσθαι μηδὲ περὶ ἓνός), и ни одна псефизма не могла иметь большей силы, чем закон (ψήφισμα δὲ μηδὲν μῆτε βουλῆς μῆτε δήμου νόμου κυριώτερον εἶναι) (And., I, 85–87).<sup>1</sup> Закон отныне воспринимался как общепринятая норма длительного (постоянного) действия, как нечто более существенное по сравнению с псефизмой, имеющей дело с насущными проблемами и определяющей конкретное действие в конкретной ситуации.<sup>2</sup> Ораторы и философы наперебой указывают теперь на превосходство законов над псефизмами (например, Dem., XXIII, 218; XXIV, 30; Aeschin., I, 177; Aristot. Pol., 1292a5–38). Из речей ораторов видно, как понимали законы в Афинах IV в.: законы формулируют общие принципы (Dem., XXV, 16); они распространяются на всех граждан (Dem., XXIII, 86); законы не должны быть противоречивыми и неясными (Dem., XX, 93–94). Однако, это различие не было четко формализовано и проявлялось далеко не во всех ситуациях: через несколько десятилетий после проведенной ревизии Демосфен сокрушался в речи «Против Лептина»: «Законы уже никоим образом не отличаются от псефизм» (ψηφισμάτων δ' οὐδ' ὅτιοις διαφέρουσιν οἱ νόμοι — XX, 92).

Относительная легкость осуществления олигархических переворотов в 411 и 404 гг. показала, как старый метод принятия законов (простым большинством на одном заседании буле и одной встречи экклесии) позволял быстро и эффективно по требованию политического момента или политической группировки менять законодательство. Теперь манипулировать им было не так просто. Номотесию регулировали несколько законов.<sup>3</sup> Тот, кто хотел предложить новый или изменить старый закон, должен был внести предложение в письменном виде, которое зачитывалось на нескольких (трех?) встречах народного собрания и выставлялось в общественном месте (перед изображениями ге-

<sup>1</sup> В действительности «новая эра» началась чуть позже, ибо работа по ревизии законов завершилась, если верить Лисию, в 400/399 г. (XXX, 4).

<sup>2</sup> См.: Quass F. Nomos und Psephisma. S. 30–39; MacDowell D.M. The Law... P. 45–46.

<sup>3</sup> По подсчетам МакДауэлла их было пять, некоторые из них отменяли предшествующие (MacDowell D.M. Law-making at Athens in the Fourth Century B.C. // JHS. Vol. 55. 1975. P. 66–73); по Хансену их было три, и они действовали одновременно (Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 166); см. также критику некоторых выводов МакДауэлла в его статье: Hansen M.H. Athenian Nomothesia in the Fourth Century B.C. and Demosthenes' Speech against Leptines // CM. Vol. 32. 1980. P. 87–104.



роев-эпонимов) на всеобщее обозрение. Если экклесия голосовала «за», предложение не становилось немедленно законом, а передавалось на рассмотрение комиссии номофетов, избираемой из состава судей — точнее тех, кто принес судейскую присягу (ἐκ τῶν ὄμωκότων τὸν ἡμαστικὸν ὄρκον — Dem., XXIV, 21). Номофеты олицетворяли собой весь афинский демос (а не только суд!).<sup>1</sup> Об этом свидетельствует изображение персонифицированного Демоса, которого увенчивает божество Демократия на рельефе, украшающем надпись с антитираническим законом 337/6 г., принятого номофетами (SEG, 12, 87).<sup>2</sup> Достоверно известен случай, когда число членов комиссии составляло 1001 (Dem., XXIV, 27), поэтому высказывалось предположение, что ее численность являлось производной от 500 с добавлением одного человека (для избегания равного счета).<sup>3</sup> Голосовали номофеты поднятием рук.<sup>4</sup> Только в случае одобрения номофетами законопроект обретал наконец силу закона.<sup>5</sup>

В IV в. была и другая процедура принятия законов, описанная Эхином в речи против Ктесифонта (III, 38–39), зависящая от инициативы не частного лица, а архонтов-фесмофетов. Если фесмофеты находи-

<sup>1</sup> См.: Harrison A.R.W. Law-making at Athens... P. 35; MacDowell D.M. The Law in Classical Athens. P. 48; Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 97.

<sup>2</sup> На этот момент обратил внимание Дж. Обер: Mass and Elite... P. 101–102. О законе — см.: Ostwald M. The Athenian Legislation against Tyranny and Subversion. P. 103–128. О рельефе и его значении: Raubitschek A.E. Demokratia // Hesperia. Vol. 31. 1962. P. 238–243.

<sup>3</sup> См.: Sealey R. The Athenian Republic. P. 42.

<sup>4</sup> Правда, Родс считает, что слова διαχειροτονίαν и χειροτονίῃσιν в изложении содержания закона у Демосфена не имеют в виду голосование именно поднятием рук, и номофеты, которые, по крайней мере, изначально выбирались из судей и количественно были как судейская коллегия, голосовали так, как было принято у дикастов — жребием (ψῆφος) (Rhodes P.J. Nomothesia in Fourth-Century Athens // ClQu. Vol. 35. 1985. P. 58–59).

<sup>5</sup> О процедуре принятия и изменения закона в IV в. до н.э. — см. Dem., XX, 89–96 (речь против Лептина); XXIV (против Тимократа), 18, 20–27, 33, 47; Aeschin., III, 38–40; надписи (с текстом законов) — SEG, 26, 72; 30, 61; 12, 87; 18, 13; IG II<sup>2</sup>, 140; 333, 12. В историографии результаты прежних изысканий подытожены в: Kahrstedt U. Untersuchungen zu athenischen Behurden II: die Nomotheten und die Legislative in Athen // Klio. Bd. 31. 1938. S. 1–32; Glotz G. The Greek City and its Institutions. P. 330–332; последние исследования — см.: MacDowell D.M. The Law... P. 48–49; idem. Law-making at Athens... P. 62–74; Sealey R. On the Athenian Concept of Law. P. 290–292; idem. The Athenian Republic. P. 41–45; Wolff H.J. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... S. 23–25; Rhodes P.J. Nomothesia in Fourth-Century Athens. P. 55–60; Hansen M.H. Athenian Nomothesia... P. 87–104; idem. The Athenian Democracy... P. 165–175.

ли, что какой-то закон противоречил другому закону (*ἐναντιος ἐτέρῳ νόμῳ*), или был недействительным среди действующих (*ἄκυρος ἐν τοῖς κυρίοις*), или по одному и тому же поводу было несколько законов, — то они записывали его текст на досках и выставляли на агоре. Далее запускалась процедура ревизии законов. Пританы по требованию фесмофетов созывали собрание, на котором выбирались номофеты и т.д.

Наконец, особая процедура, весьма схожая с вышеупомянутыми, была для отмены закона — её описал Демосфен в речи против Тимократа (XXIV, 20–23, 33). На первом собрании года (11-ого Гекатомбейона) предлагалось проголосовать по всем существующим законам (по категориям). Если какой-нибудь закон отклонялся, любой мог предложить взамен его новый (измененный) вариант. (Текст предложения также выставлялся на агоре). Собрание выбирало пять защитников старого закона (синегоров, или синдикив), и обе стороны — синегоры и тот, кто предлагал отменить или изменить закон, — представляли свои аргументы перед номофетами. Число последних могло варьироваться — в том случае, о котором говорит Демосфен, их было 1001. Эпистат проедров<sup>1</sup> предлагал на голосование сначала действующий закон, потом измененный или альтернативный; тот, который получал больше голосов номофетов, считался вступившим в силу.

Для М. Хансена номотесия — один из главных доводов в пользу его тезиса о том, что в IV в. произошло перераспределение власти в пользу судов, и по-настоящему суверенным органом являлась теперь именно гелиэя, а не экклесия, ведь решающее слово в изменении законов стало принадлежать судьям-номофетам.<sup>2</sup> Однако, заметим, что коллегия номофетов — отнюдь не «суверенный» орган: она приступала к своим обязанностям лишь по решению народного собрания, не имела никакой законодательной инициативы и только выбирала между предложенными вариантами.<sup>3</sup> Коллегия номофетов — это не судебный орган,

<sup>1</sup> Вопрос: проедры, под председательством которых встречаются номофеты, — те же самые, что и проедры экклесии, или нет, — вызвал дискуссию. Первый вариант отстаивал М. Хансен (*Hoi Proedroi ton Nomotheton. A Note on IG II<sup>2</sup>, 222, 41–52 // ZPE. Bd. 30. 1978. P. 151–157*), осторожно — Р. Сили (*The Athenian Republic. P. 160, п. 30*); второй — П. Родс (*Athenian Boule. P. 28*) и Д. МакДауэлл (*Law-making at Athens... P. 62–74*).

<sup>2</sup> См.: *Hansen M.H. Did the Athenian Ecclesia Legislate after 403/2 B.C.? // GRBS. Vol. 20. 1979. P. 25–53*; также: *Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 524*. Еще раньше похожие идеи о номотесии высказывали У. Карштедт (*Kahrstedt U. Op. cit. S. 1–32*) и Г. Вольф (*Wolff H. Op. cit. S. 23–25*).

<sup>3</sup> На это обратил внимание Р. Сили: *On the Athenian Concept of Law. P. 292*. См. также: *Welwei K.W. Die griechische Polis. Stuttgart, 1983. S. 263–264*.

а скорее комитет экклесии.<sup>1</sup> Некоторые исследователи вообще предполагают, что к середине IV в. требование о том, чтобы номофеты были обязательно судьями, было отменено или более не соблюдалось.<sup>2</sup>

К тому же, из-за того, что новый порядок принятия законов был очень громоздким, процедура номотесии применялась крайне редко, и подавляющее большинство решений экклесии и в IV в. представляло из себя псефизмы<sup>3</sup> — через их массовое принятие без лишних хлопот и проволочек народное собрание продолжало успешно реализовывать свою законодательную активность. Интересно, что Аристотель совершенно проигнорировал номотесию, подробно описывая государственный строй Афин IV в. до н.э. в своей «Афинской политике», при этом в «Политике» он часто критиковал радикальную разновидность демократии (имея в виду, очевидно, афинскую) за то, что верховная власть в ней принадлежит не законам, а псефизмам (1292a5; 1292a35; 1293a10). Г. Глотц объяснял молчание Аристотеля тем, что в глазах греческого мыслителя номотесия не имела большого значения, а решения номофетов, хотя и обставленные более сложными формальностями, были того же рода, что и решения экклесии.<sup>4</sup> Если вторая часть этой догадки может быть оспорена, то исходя из трудноуловимых, и по-видимому, ничтожных результатов деятельности комиссии номофетов, мы бы согласились с французским ученым в том, что Аристотель мог вполне посчитать номотесию неэффективным и малопродуктивным институтом, не достойным упоминания.

В связи с описанными выше изменениями в процедуре принятия закона в конце V в. или начале IV в. до н.э. появился новый вид жалобы на противозаконие — жалоба на внесение «неподходящего закона» — *υραφή νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι* (Dem., XXIV, 33; Arist.

<sup>1</sup> См.: *Gomme A.W.* The Working of the Athenian Democracy // *More Essays in Greek History and Literature*. P. 186. Г. Тюр также указывает на то, что номотесия, хотя и осуществлялась присяжными, но не была судом, и предлагает узреть в этом институте элементы представительной демократии (*Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? S. 322).

<sup>2</sup> *MacDowell D.* Law-making at Athens... P. 65; *Rhodes P.J.* Nomothesia... P. 57; *Lotze D.* Die Teilhabe des Bürgers... S. 410. — допускает такую возможность.

<sup>3</sup> Среди наших эпиграфических источников для первой четверти IV в. вообще нет ни одного закона. «Ближайший» к декрету Тисамена (403 г.) — закон 375/74 г. до н.э. (SEG, 26, 72; первая публикация — *Stroud R.S.* An Athenian Law on Silver Coinage // *Hesperia*. Vol. 43. 1974. P. 157–188). Последняя надпись с упоминанием процедуры номотесии относится к 329/28 г. до н.э. (IG, VII, 4254; см.: *Sealey R.* The Athenian Republic. P. 43).

<sup>4</sup> *Glotz G.* The Greek City and its Institutions. P. 332.

Ath. pol., 59, 2).<sup>1</sup> Основное отличие от старой *урафḗ паравόμων* заключалось в том, что первая вносилась против псефизм, а вторая — против законов (*νόμοι*). Очевидно, что применяться *урафḗ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι* стала после 403 г. до н.э., когда было определено различие между законами (*νόμοι*) и декретами (*ψήφισματα*). Новый вид иска призван был также оградить приведенный недавно в порядок свод законов от нежелательных изменений. Закон, цитируемый Демосфеном (XXIV, 33), гласит: «Никому не должно быть позволено предлагать закон, противоречащий уже существующим. Если же кто-нибудь, отменив какой-либо из существующих законов, предложит вместо него другой, приносящий вред народу афинян или противоречащий какому-либо из существующих законов, против такого законодателя должно быть выдвинуто обвинение в судебном порядке в соответствии с законом, который карает лиц, предлагающих законопроекты, наносящие ущерб государству» (XXIV, 33 — пер. В.Г. Боруховича).

Процедура внесения и рассмотрения жалобы, наказания были те же самые, что и по *урафḗ паравόμων*. Обжалование «неправильного» закона происходило значительно реже по сравнению с обжалованием декретов, ведь из-за усложнившейся процедуры принятия предлагалось и принималось мало новых законов. Из речей ораторов нам известны лишь 6 случаев *урафḗ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι*.<sup>2</sup> Первый известный нам случай применения данной жалобы относится к 382/1 г.: Евдем был приговорен к смерти за то, что «по общему мнению, внес неподходящий закон» (*νόμων δόξαντα θεῖναι οὐκ ἐπιτήδειον* — Dem. XXIV, 138). Два наиболее ярких и информативных касательно рассматриваемой процедуры примера — обвинение Лептина в 355/4 г. и Тимократа в 354/3 г.

Лептин внес законопроект об отмене ателии (освобождения от литургий — кроме триерархии и эйсфоры), ссылаясь на полезность и экономическую выгоду данной меры (Lib. hyp. Dem., XX). Демосфен, будучи синегором одного из обвинителей данного закона, указывал на

<sup>1</sup> См.: Wolff H. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... S. 28–44; Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 44–48; MacDowell D.M. The Law... P. 50.

<sup>2</sup> См. Wolff H. Op. cit. S. 30–37; Hansen M.H. Op. cit. P. 44–47. Это процессы, описываемые или упоминаемые в: Dem., XX; Dem., XXIV; Dem. XXIV, 138; Aeschin., I, 34; Lys. Fr. 86–87. Мы согласны с Хансеном (Ibid. P. 44–46), что, процедура, использованная против предложения Феозотида (см. выше), — *урафḗ паравόμων*, а не *урафḗ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι*, как полагал Вольф (Op. cit. S. 31). Клоше допускал возможность и той, и другой (Remarques... P. 403).

нарушение процедуры при внесении закона (89–96), апеллировал к справедливости и славе государства, в том числе перечисляя благодеяния обладателей ателии (*passim*), а главное, — подчеркивал то, что предложение Лептина лишает демос его суверенного права предоставлять награды, кому он пожелает (2–4, 15–18, 96 — τὰς δωρεὰς ὅσας ὁ δῆμος ἔδωκε κυρίας εἶναι).

Закон, предложенный Тимократом, гласил, что государственные должники могли выставить поручителей и таким образом избежать угрожавшего им тюремного заключения; если же долг не уплачивался в установленное время, имущество поручителей конфисковывалось, а должник заключался в тюрьму (*Lib. hyp. Dem.*, XXIV; *Dem.*, XXIV, 39–40). Демосфен, написавший речь по заказу обвинителя Диодора, оспаривая весьма гуманное в общем предложение Тимократа, пытался показать, что оно вызвано не общественным, а личным, точнее дружеским, интересом: автор закона якобы внес его ради своих соратников Андротиона, Главкета и Меланопа. Личностная и политическая составляющие в данной речи выражены гораздо отчетливее, чем в речи против Лептина.<sup>1</sup> Оратор с удовольствием порочит ответчика и его мотивы (*passim*), заодно доказывает неправильность внесения законопроекта и его противоречивость действующим законам (17–66), а также нападает на вредность инициативы Тимократа, отнимающей у государства возможность взыскивать с должников недоимки (1, 97–98, 130 etc.). Обратим внимание и на такой аргумент: закон Тимократа лишает народ и суд его законного и справедливого права карать виновных в преступлении (2–3, 9, 52, 60, 92, 119, 190 etc.).

Самым распространенным видом обвинения в противозаконных действиях в IV в. по-прежнему оставалась графэ параномон, ставшая поистине всенародным способом расправы с видными политиками, выступавшими в экклесии с различными инициативами. К тому же, границы применения нового вида жалобы (ὑραφῇ νόμον μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι) были довольно расплывчатыми: не существовало никаких критериев определения «невыгодности» или «нецелесообразности» закона, что давало возможность сикофантам для злокозненного толкования ὑραφῇ.

#### § 4. Процессы по жалобе на противозаконие в IV в. до н.э.

Если для V в. нам известно лишь несколько случаев применения жалобы на противозаконие, то для следующего столетия — более трех

<sup>1</sup> См.: *Wolff H. Op. cit. S. 34–35.*

десятков.<sup>1</sup> Возникает ощущение, что в IV в. до н.э. этой процедурой нередко злоупотребляли: обвинения по *урафḗ паранόμων* в «век Демосфена» были гораздо более «политическими», чем раньше; вердикты судей определялись их политическими пристрастиями; изрядное количество обвинений имело под собой весьма шаткие основания.<sup>2</sup>

Значительную часть процессов по *урафḗ паранόμων* (около половины) составляли оспаривания декретов, дарующих почести или гражданство. Частый довод, который из уст сторон могли слышать судьи относительно почетного декрета: псефизма была невыгодной для демоса (*ἀσύμφορον*), а получатель почести — недостойным её (*ἀνάξιος*).<sup>3</sup> Из слов Аполлодора ясно, что декрет о даровании гражданства можно было оспорить на том основании, что его получатель не заслужил этого дара и приобрел его в нарушение афинских законов (...ὡς οὐκ ἄξιός ἐστι τῆς δωρεᾶς, ἀλλὰ παρὰ τοὺς νόμους Ἀθηναῖος γέγονεν — Dem., LIX, 90).

Стандартный набор аргументов в такого рода процессах приводится в речи Демосфена «Против Аристократа»: «во-первых, что псефизма противоречит законам, во-вторых, что она не полезна для государства, в-третьих, что тот недостойн, в пользу которого она предложена» (*ἐν μὲν παρὰ τοὺς νόμους τὸ ψήφισμ' εἴρηται, δεύτερον δ' ὡς ἀσύμφορόν ἐστι τῇ πόλει, τρίτον δ' ὡς ἀνάξιος τυχεῖν ᾧ γέγραπται* — XXIII, 18). Соответственным образом выстроена вся речь: сначала разбираются законы и постановления, которые нарушают декрет, предложенный Аристократом (о том, что если кто убьет Харидема<sup>4</sup>, он подлежит немедленному аресту в любом из государств Афинского союза) (22–99); затем доказывается, что предоставление вождю наемников гарантий безопасности не принесет афинянам пользы (100–143); наконец, деяния и личные качества стратега таковы, что он не заслуживает афинской благодарности, а скорее заслуживает наказания (144–214).

В маленьком фрагменте, сохранившемся из речи Ликурга, используются те же доводы: *καὶ παρὰ νόμον τὸ ψήφισμα ἐπιδείξω καὶ ἀσύμφορον καὶ ἀνάξιον τὸν ἄνδρα δωρεᾶς* (Лыс., fr. 91, Sauppe).<sup>5</sup> Таким же образом

<sup>1</sup> Каталог всех известных нам процессов — см.: Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 28–41.

<sup>2</sup> См.: Bonner R.J., Smith G. The Administration of Justice... Vol. II. P. 49.

<sup>3</sup> Разбор соответствующих примеров см.: Yunis H. Law, Politics... P. 361–382.

<sup>4</sup> Харидем — предводитель наемников на службе у фракийского царя Керсobleпта, оказавший ряд услуг афинянам и получивший за это афинское гражданство (с расчетом на подобные услуги в будущем).

<sup>5</sup> Этот фрагмент — из обвинительной речи Ликурга против некоего почетного декрета. Высказывались предположение, что жалоба была внесена против

выстроена аргументация в речи, написанной Демосфеном против Андротиона (XXII), точнее — его псефизмы о награждении Совета венком: перечисляются законы, нарушенные автором декрета (псефизму не обсуждал предварительно Совет; буле, не построив триеры, не мог испрашивать себе награду — 5–11); Совет не заслужил данной чести (12–18); народу это невыгодно («каждому Совету станет ясно, что необходимо отыскивать для вас убедительные доводы, а не строить корабли» — 19, пер. В.Г. Боруховича). В оставшейся части речи Андротион обвиняется в развратном поведении (21–31), в задолженности казне (долг этот был унаследован от его отца и не давал ему права выступать с публичными инициативами — 33–37), грубом взыскивании недоимок с неплательщиков эйфоры (42–68).

Когда македонский царь Филипп предпринял враждебные действия против Эвбеи и Олинфа (349 г.), Аполлодор внес декрет о том, чтобы оставшиеся в казне после расходов на внутренние траты деньги выделить на военные нужды (τὰ σφαιωτικά), а не оставлять их в качестве зрелищных денег (τὰ θεσπικά) (Dem., LIX, 4). Этот декрет был оспорен Стефаном, выигравшим процесс по жалобе на противозаконие. Аполлодор был оштрафован на один талант (3–8). Известно, что между Стефаном и Аполлодором была личная вражда, но очевидно, чтобы выиграть процесс, Стефан должен был представить дикастам серьезные аргументы, тем более, если верить оратору LIX речи Демосфенова корпуса, голосование по псефизме в народном собрании было единодушным и никто не выступил против. По мнению Х. Юниса, помимо предъявления законов, которые нарушала псефизма Аполлодора, Стефан наверняка взывал к соображениям политической выгоды и пользы, указывая на опасность противодействия Филиппу в Олинфе, нецелесообразность использования денег таким образом и проч.<sup>1</sup>

Процесс о противозаконии, который, несомненно, наделал много шума, — процесс Гиперида (338/7 г.). Известный оратор и политик был обвинен Аристогитоном за то, что предложил после Херонеи вернуть изгнанников, сделать полноправными ущемленных в правах (ἀτίμοι) и лишенных их (ἀπέσφισμένοι), наделить гражданскими правами метеков и освободить рабов, которые встанут на защиту города (Hyp., fr. 32, Sauppe; Dem., XXVI, 11–14; Rut. Lup. I, 19; Ps.-Plut. Mor. 849a–f). Гиперид не скрывал, что его псефизма противоречит законам, но оправдывал её чрезвычайной ситуацией: «Не я написал псефизму, а битва при Херо-

декрета Кефисодота о почестях для Демада (Conomis N.C. Notes on the Fragments of Lycurgus // Klio. Bd. 39. 1961. P. 126; Yunis H. Op. cit P. 372).

<sup>1</sup> Yunis H. Op. cit. P. 374–375.

нее» (Ps.-Plut. Mor., 849a — οὐκ ἐγὼ τὸ ψήφισμα ἔγραψα, ἡ δὲ ἐν Χαίρωνείᾳ μάχη). Аристогитон внес свою жалобу, когда псефизма уже прошла через собрание (Лус., I, 36, 41). Гиперид был оправдан, но его поистине революционный декрет так и не был воплощен в жизнь, поскольку афинянам удалось договориться и заключить мир с Филиппом (Нур., fr. 32; Dio. Chrys., XV, 21). О. Лофберг считал, что в этом случае, так же, как при выдвижении семи исков против Демосфена и двух обвинений при сдаче им отчета, Аристогитон действовал как платный сикофант промакедонской группировки. Другой сикофант, чьими услугами часто пользовалась эта группировка, — Феокрин.<sup>1</sup>

Самый известный из процессов по жалобе на противозаконие — процесс Ктесифонта, или процесс о венке (Dem., XVIII; Aeschin., III). Ктесифонт предложил увенчать Демосфена почетным венком в начале 336 г., тогда же Эсхин, принеся клятву, оспорил псефизму как противозаконную, когда она, вероятно, уже получила одобрение в Совете (поэтому и называется пробулевмой — Dem., XVIII, 9, 53, 118–119), но еще не прошла через народное собрание. Формально предлагаемая для Демосфена награда должна была отметить его заслуги на ниве заведования зрелищными деньгами (теориконом) и особенно как члена комиссии десяти строителей стен (337 г.) — Демосфен, осознав нехватку бюджетных средств, потратил 10 тыс. драхм своих личных денег на нужды этого строительства (нур. 2, Dem., XVIII). Однако, легко можно было экстраполировать содержание почетного декрета Ктесифонта и расценить блеск золотого венка, который должен был воссиять на кудрях Демосфена, как одобрение и прославление *всей* его политической деятельности, как признание *всех* его заслуг на службе родному полису, с чем его политические оппоненты были решительно не согласны.

Главными юридическими аргументами Эсхина были (III, 9–50): закон не позволял увенчивать того, кто не сдал отчет, а Демосфен в момент внесения предложения Ктесифонта еще не отчитался за свою деятельность в качестве распорядителя зрелищных денег и строителя стен; Ктесифонт предлагал объявить об увенчании оратора в театре Диониса, а по закону это можно было делать либо в экклесии (если увенчивает народ), либо в буле (если Совет); Ктесифонт ложно заявил, что Демосфен словом и делом творил афинскому народу пользу и благо на протяжении всей своей карьеры (καὶ λέγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα τῷ δήμῳ — 49). Однако процесс тогда, в 336 г., так и не состоялся; он был отложен — почему, неизвестно, очевидно, по неким политическим

<sup>1</sup> Lofberg O. Sycophancy in Athens. P. 51.



соображениям, — и случился только летом 330 г.<sup>1</sup> Впрочем, складывается впечатление, что эта странная отсрочка не смущала ни участников процесса, ни судей, ни присутствующую на судебном разбирательстве публику. Иницируя возобновление слушания дела о противозаконии, Эсхин мог уповать на то, что на фоне блестящих побед Александра Македонского на Востоке антимакедонскую политику Демосфена легко представить как ущербную и уязвимую.<sup>2</sup>

Первым выступал перед дикастами Эсхин. В своей речи он повторил и подробно развил все те возражения по поводу законности декрета Ктесифонта, которые должны были содержаться еще в изначальной жалобе шесть лет тому назад, но главный критический пафос в заключительной части своей речи он обрушил на политическую деятельность Демосфена, доказывая её вредность и пагубность для афинского государства. Ответчик Ктесифонт сказал лишь несколько слов, уступив трибуну своему синегору Демосфену, который и произнес защитительную речь, буквально сокрушив и противника, и аудиторию своим ораторским мастерством, достигшим в речи «О венке» необыкновенных высот.<sup>3</sup> Эсхин, который произнес одну из лучших своих речей, не получил и 1/5 голосов судей, поэтому был оштрафован на 1000 драхм. Будучи не в состоянии выплатить штраф, многолетний противник и *vis-à-vis* Демосфена автоматически становился пораженным в правах — *ἀτίμος*, чему он предпочел отъезд из Афин и добровольное изгнание на Родосе (Ps.-Plut. Mor., 840 c-d; Plut. Dem., 24).

---

<sup>1</sup> О датировке этого процесса — см.: Wankel H. Demosthenes: Rede für Ktesiphon über den Kranz. Heidelberg. 1976. S. 25–37.

<sup>2</sup> См.: Wankel H. Op. cit. S. 19–35; Schuller W. Der Kranzprozeß des Jahres 330 v. Chr. oder: Der Abgesang auf die klassische Polis // GP. S. 193. Некоторые увязывают возобновление «дела Ктесифонта» с поражением восстания Агиса в Пелопоннесе в 331 г.: Blass F. Die attische Beredsamkeit. Tl. 3. 2. Abschn.: Demosthenes' Genossen und Gegner. S. 419; Cawkwell G.L. The Crowning of Demosthenes // ClQu. Vol. 19 (n. s.). P. 173–180. Коуквелл полагает, что Демосфен упустил свой шанс и не стал убеждать афинян примкнуть к восстанию Агиса, бросив тем самым тень на свой авторитет, чем и воспользовался Эсхин. Критику этой точки зрения, не находящей подтверждения в тексте Эскина, — см.: Harris E.M. Aeschines and Athenian Politics. P. 173 (Appendix 10).

<sup>3</sup> В биографии Эскина из «Жизнеописаний десяти ораторов» рассказывается, что Эсхин в качестве образца своего красноречия прочитал своим родосским ученикам речь против Ктесифонта. «Когда все стали удивляться, как мог он, произнеся такую речь, потерпеть поражение, Эсхин сказал: «Вы, родосцы, не удивлялись, если бы слышали Демосфена, ответившего на это» (9 — пер. Л.М. Глускиной).

Мнение и древних комментаторов, и современных ученых по поводу этого процесса довольно единодушно: более убедительными были правовые аргументы Эсхина, но Демосфен выиграл за счет блестящего ораторского искусства. Квинтилиан (VII, 1, 2) обращает внимание на разное построение их речей: Эсхин начал свою речь с обсуждения закона, в чем, видимо, был более уверен (*a iure quo videbatur potentior coeperit*); Демосфен предпослал обсуждению правовых вопросов общие места (τόποι). На это же обращал внимание Либаний, автор гипотезы к речи Демосфена «О венке», указывая, что сделано это было мастерски, и вообще надо начинать и кончать более сильными данными (6). Автор другой гипотезы приводит цитату из Гомера о том, что Демосфен, как настоящий стратег, «слабых отвел в сторону», расставив сильные «войска» по краям (5). Ф. Бласс, Г. Мейер-Лаурин, Г. Вольф, У. Гваткин и другие<sup>1</sup> исходят из того, что буква закона была на стороне Эсхина: Демосфен был «подотчетным» (ὑπεύθυνος) в 336 г.; предложение Ктесифонта было, как утверждал и доказывал Эсхин, противозаконным; на исход процесса повлиял политический фактор, а не вопрос о законности декрета. Г. Роув отмечает, что «предложение о венке для Демосфена очевидным образом противоречило законам»; Демосфен победил, ибо смог навязать согражданам свое трагическое видение борьбы Афин с Филиппом: «позор преобразовывался в славу, а поражение становилось моральным триумфом».<sup>2</sup> Г. Ванкель высказывается более осторожно: с юридической точки зрения позиция Эсхина была основательнее, но искусство Демосфена пересилило серьезные правовые аргументы его противника.<sup>3</sup>

Если на слова Эсхина о том, что в случае увенчания экклесией или Советом почетный декрет об этом должен читаться по закону соответственно в собрании или булевтерии (Aeschin., III, 32–48), еще можно возразить (что Демосфен и делает — XVIII, 120–121), ссылаясь на то, что такие объявления по особому решению собрания делались и в

<sup>1</sup> Blass F. Die attische Beredsamkeit. Bd. III. 1. S. 434; Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 32; Wolff H.J. «Normenkontrolle»... S. 13, 46, 61; Gwatkin W.E. The Legal Arguments in Aeschines' Aganist Ktesiphon and Demosthenes' On the Crown // Hesperia. Vol. 26. 1957. P. 129–141. Схожее мнение: Yunis H. Law, Politics... P. 365, 375–376; MacDowell D.M. The Law... P. 51–52; Garner R. Law and Society... P. 139.

<sup>2</sup> Rowe G.O. The Portrait of Aeschines in the Oration on the Crown // TAPhA. Vol. 97. 1966. P. 405–406.

<sup>3</sup> Wankel H. Op. cit. Bd. I. S. 17. Также: Usher S. Greek Oratory. P. 271–276.

театре,<sup>1</sup> — то первый и главный довод Эскина: декрет был принят, когда Демосфен исполнял должность надзирателя за строительством стен (τείχοποιός) и заведующего зрелищными деньгами и не сдал еще отчета (Aeschin., III, 9–31), — кажется неуязвимым (τοὺς ὑπευθύνους μὴ στέφανοιιν). Не случайно Демосфен отвечает на этот довод сначала софизмом — о том, что он всей своей жизнью сдавал отчет (111), — и лишь затем говорит, что он вкладывал свои личные средства и не считает себя поэтому подлежащим отчету (112). Речь его была построена таким образом, что значительная часть её представляла собой перечень заслуг, которые призваны были продемонстрировать, что он справедливо и заслуженно получил почесть. Если он и не отказывался полностью от правовых аргументов, отстаивая свое дело (110), то явно не они являлись его главным оружием, занимая в речи довольно скромное место. Оратор заявляет, что он ожидает «полезного для государства» решения суда (κρίσις τοῦ τῇ πόλει σιγφέρουτος — 226).

Общее мнение относительно правовой составляющей процесса «О венке» недавно оспорил Э. Гаррис. Ссылаясь на точную цитату из закона (ἀρχὴν ὑπεύθυνον), который в конце своего пассажа приводит Эсхин (31), Э. Гаррис полагает, что речь в нем шла о запрете увенчания за исполнение той должности, за которую ещё не сдан отчет, а не за былые заслуги, как это было в случае с Демосфеном (Dem., XVIII, 118), следовательно, декрет Ктесифонта ему не противоречил.<sup>2</sup> Но ведь, в декрете, цитируемом Демосфеном, помимо «доблести и благородства, которые он постоянно показывал по отношению к народу афинскому», упоминались и жертвования, сделанные им на починку стен, когда он был попечителем этих работ, на что и указывал Эсхин, так что «новая апология» Демосфенова дела, предпринятая американским ученым, никаких дополнительных аргументов в пользу последнего не принесла.

Подведем некоторые итоги. Частое оспаривание принятых в гелиэе псефизм народного собрания можно объяснить острой внутривнутриполитической борьбой в афинском государстве: группировка, потерпевшая поражение при голосовании в экклесии, могла взять реванш в суде, принеся жалобу на противозаконие; посему последняя нередко становилась орудием политической борьбы и наряду с исангелией — самым распро-

<sup>1</sup> О шаткости данного аргумента Эскина — см. *Gwatkin W.E.* Op. cit. P. 139–140.

<sup>2</sup> *Harris E.M.* Law and Oratory. P. 142–148; *idem.* Aeschines and Athenian Politics. P. 143–145. На с. 148 (“Law and Oratory”) он делает вывод о том, что «успех Демосфена не был триумфом риторики над законом, а победой закона и риторики». Гарриса склонен поддержать В. Шуллер: *Schuller W.* Der Kranzprozeß... S. 195.

страненным в Афинах видом политического процесса. Именно из-за этих процессов суды в IV в. до н.э. стали полем битвы афинских политиков.<sup>1</sup> Так как с законодательной инициативой в народном собрании выступали главным образом ораторы, публичные политики, называемые в источниках риторам, естественно, они являлись главной мишенью обвинений в противозаконии. Аристофонт<sup>2</sup> (современник Демосфена) хвастался тем, что 75 раз оправдывался по обвинениям в противозаконных действиях,<sup>3</sup> а другой ритор — Кефал — гордился тем и почитал за свою уникальность то, что против его многочисленных предложений ни разу не вносилась жалоба на противозаконие (Aeschin., III, 194).

Нервозность афинского демоса, резко усиливавшаяся в моменты острых кризисов и неудач, приводила к увеличению в это время количества политических процессов. Демосфен сокрушался, что после битвы при Херонее он первое время чуть ли не ежедневно привлекался к суду, отбиваясь от жалоб на противозаконие, требований отчетов, исангелий и проч. (XVIII, 249–250). То, что *γραφεὶ παρανόμων* являлась прежде всего орудием политической борьбы, а не средством защиты конституционного строя,<sup>4</sup> доказывает анализ известных нам из источников про-

<sup>1</sup> См.: Sinclair R.K. *Democracy and Participation in Athens*. P. 153. Об обвинении в противозаконии как об орудии политической борьбы — см. также: Glotz G. *The Greek City and its Institutions*. P. 329; Hansen M.H. *The Sovereignty of the People's Court...* Passim.

<sup>2</sup> Об Аристофонте из дема Азении помимо сведений у Кирхнера (Kirchner J. *Prosopographia Attica*. № 2108) см. статью Д. Вайтхеда (Whitehead D. *The political Career of Aristophon* // CIPh. Vol. 81. P. 313–319). В 362/1 г. он выполнял обязанности стратега; известно также, что он не раз выступал в судах в качестве обвинителя или ответчика.

<sup>3</sup> Делались попытки оспорить цифру, приведенную Эсхином. Оост (Oost S.I. *Two Notes on Aristophon of Azenia* // CIPh. Vol. 72. 1977. P. 238–242) полагает, что цифра 75 — фантастична, вообще является любимым «круглым числом» оратора и используется для выражения некоей величины. В доказательство он приводит другое место у Эсхина (II, 70), где говорится, что во время войны с Филиппом Харес потерял 75 городов-союзников Афин (эта цифра была оспорена и отвергнута у: Cargill J. *The Second Athenian League: Empire or the Free Alliance*. Berkeley; Los Angeles, 1981. P. 45–46). Вайтхед, хоть и склонен также усомниться в точности цифры, приведенной Эсхином, все же не столь категоричен, как Оост, и допускает изрядную политическую и судебную активность Аристофонта, которая и дала Эсхину повод для его примера (Ibid. P. 318).

<sup>4</sup> Вольф полагал, что графэ параномон была своего рода «Normenkontrolle»; он разделял «das politische und das juristische Element», и полагал, что когда первый оказывался вовлеченным в процедуру *γραφεὶ παρανόμων*, ею злоупотребляли и использовали неправильно, не по назначению («Normenkontrolle und Gesetzesbegriff... S. 15, 60–64).

цессов по жалобам на противозаконие, проведенный М. Хансеном.<sup>1</sup> Из 38 псефизм, атакуемых как неконституционные, относительно 6 ничего неизвестно, 19 представляли из себя почетные декреты (в том числе дарование гражданских прав), 5 касались вопросов внешней политики. Две жалобы на противозаконие выдвигались по поводу смертного приговора — в одной отмечалось нарушение процедуры (жалоба Евриптолема), в другой оспаривалась возможность предать казни без суда обвиненного в краже священных гиматиев Гиерокла (Lib. hyp. Dem. XXV; предложение об «ἀκρίτων ἀποκτείνειν» внес пресловутый Аристогитон). По одной в каталоге Хансена представлены жалобы по поводу заключения под стражу (дело Леогора), назначения номофетов (Dem., XVIII, 102–107), бюджетного вопроса (иск против Аполлодора), изыскания средств на оказание государственной помощи сиротам (декрет Феозотида), против постановления о взыскании 9,5 талантов с триерархов (Dem., XXIV, 11–15, 117), в связи с общественным водопроводом (Din., fr. XVII) и т.п.

Из 19 почетных декретов только два были действительно весьма важными (декрет Фрасибула и предложение Гиперида после Херонейской битвы освободить рабов и предоставить гражданство метекам), а еще один имел определенное политическое значение (псефизма Аристократа о почестях для Харидема, а именно, гарантиях личной безопасности — Dem., XXIII). Остальные постановления, очевидно, пали жертвой внутрипартийных склок. Судебный процесс затевался не столько против самой псефизмы, сколько против политика (или стоявшей за его спиной политической группировки), предложившего ее, или против того политика, которому оказывались почести, будь то ритор, как Демосфен, или стратег, как Хабрий. Самый известный случай — внесение Эксином жалобы на противозаконие против предложения Ктесифонта наградить Демосфена золотым венком. И мы должны либо признать странную неполноту и тенденциозность наших источников, злокозненно вознамерившихся лишить нас информации о жалобах на противозаконие в связи с действительно серьезными нарушениями демократического законодательства, либо мы должны согласиться с тем, что в реальной политической жизни афинского государства обвинение в противозаконии являлось не столько гарантом незыблемости демократического конституционного строя, сколько плодом сиюминутной политической ситуации и мощным средством политической, точнее внутрипар-

<sup>1</sup> Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court... P. 62; также каталог: P. 28–43. Впоследствии датский ученый признал, что по. 8 каталога следует «delete». (Hansen M.H. The Athenian Democracy ... P. 211).

тийной, борьбы. Интересно, что когда Ликург в своей речи против Леократа сравнивал два главных типа государственного процесса — жалобу на противозаконие и исангелию, — говоря о первой, он отметил не её роль как стража законов или конституции, а именно её способность предотвратить нанесение ущерба государству, т.е. её политическое содержание он поставил верх над правовым: «вы [т.е. судьи] препятствуете этому делу соразмерно тому, какой вред должна была бы нанести псефизма государству» (...ταύτην τὴν πρᾶξιν κωλύετε, καθ' ὅσον ἂν τὸ ψήφισμα μέλλῃ βλάπτειν τὴν πόλιν — I, 7).

Несмотря на активное использование жалобы на противозаконие во внутривполитической борьбе, в афинском общественном мнении графэ параномон неразрывно связывалась с демократией — вероятно, из-за того, что во время олигархического переворота 411 г. победившие противники демократии едва ли не в первую очередь отменили процессы по противозаконию как препятствие на пути изменения государственного строя (Thuc., VIII, 67; Aristot. Ath. pol., 29, 4; Dem., XXIV, 154; Aeschin., III, 191). Восстановленная после свержения олигархического правительства Четырехсот *γρᾶφῇ παρανόμων* была упразднена Тридцатью тиранами и вторично воскрешена после реставрации демократии в 403 г. (Aeschin., III, 191). Ощущение афинянами связи демократии и жалобы на противозаконие и возникшую на его основе идеологему охотно использовали судебные ораторы, утверждая, что уничтожение *γρᾶφῇ παρανόμων* означает уничтожение демократии (Dem., LVIII, 34; Aeschin., III, 5). Пример рассуждений на эту тему дает Эсхин: тирания и олигархия управляются в соответствии с нравами правителей, демократия — по установленным законам; если в государстве соблюдаются законы, то и демократия сохраняется; те, кто вносят противозаконные предложения, должны вызывать у судей — хранителей демократии — ненависть, ибо они угрожают демократии, а следовательно, и свободе слова (III, 6–7). Вообще, обвинители на процессах по *γρᾶφῇ παρανόμων* традиционно примеряли на себя роль защитников демократии (Aeschin., III, 1–8; 190–202).<sup>1</sup> Символично, что жалоба на противозаконие погибла вместе с афинской демократией и независимостью, по-видимому, уничтоженная в 317 г. до н.э. Деметрием Фалерским (Philochor., FgrHist. F 64).<sup>2</sup>

<sup>1</sup> См. Hansen M.H. The Sovereignty... P. 55–61; Yunis H. Law, Politics, and the Graphe Paranomon... P. 364, note 10.

<sup>2</sup> См. Hansen M.H. Op. cit. P. 55.

## § 5. Политические процессы и афинская демократия

Дошедшие до нас 34 речи с политических процессов — лишь верхушка айсберга. Как уже было сказано, Аристофонт заявлял, что его привлекали по жалобе на противозаконие 75 раз, и эта цифра должна была казаться правдоподобной его слушателям независимо от того, сколько раз в действительности был под судом данный оратор. Одно из возможных объяснений такой невиданной частоте политических процессов предлагает Дж. Обер: афинские ораторы нередко «страшали» демос тем, что их коррумпированные оппоненты или скверные политики могут сбить его с толку, обмануть, использовать в своих интересах и подменить его власть собственной.<sup>1</sup> Например, Эсхин сетует, что недруги (Демосфен с приятелями) грозят честным людям (т.е. ему и его единомышленникам) исангелиями (III, 3, 225); сами же считают «государство не общим, а своим достоянием» (οἱ τὴν πολιτείαν οὐκέτι κοινήν, ἀλλ' ἰδίαν αὐτῶν ἡγουόμενοι); ораторским буйством не в силах управлять ни пританы, ни проедры, ни председательствующая фила» (τῆς δὲ τῶν ῥητόρων ἀκοσμίας οὐκέτι κρατεῖν δύνανται οὔθ' οἱ πρυτάνεις οὔθ' οἱ πρόεδροι οὔθ' ἡ προεδρεύουσα φυλή) (3–4). Демосфен рассуждает: «Законы, которые регулируют частноправовые отношения (τοὺς νόμους τοὺς περὶ τῶν ἰδίων), действительно должны быть мягкими и гуманными по отношению к большинству народа. Напротив, те, которые лежат в основе государственного права (τοῦσδε δὲ τοὺς περὶ τῶν πρὸς τὸ δημόσιον), должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы, ибо только при таком условии можно ограничить вред, который политические деятели способны причинить большинству народа (οὕτω γὰρ ἂν ἦκισθ' οἱ πολιτευόμενοι τοὺς πολλοὺς ὑμᾶς ἀδικοῦεν)» (XXIV, 193 — пер. В.Г. Боруховича).

Судя по подобным высказываниям и обвинениям, опасность возникновения некой независимой от народа политической элиты осознавалась демосом, поэтому создавался благоприятный общественно-политический климат для соревнования между ораторами, для взаимных нападок и обвинений, преследований по суду, т.е. афинские политики взаимно контролировали и сдерживали собственные амбиции. Гиперид в одном из фрагментов уподобляет всех ораторов змеям, но среди них встречаются змеи, поедающие вредных для человека аспидов (Fr. 80, Jensen).

<sup>1</sup> См.: многочисленные примеры: Lys., XVIII, 16; XXV, 26–27; XXVIII, 9; XXIX, 6; Aeschin., III, 220, 253; Dem., XXIII, 184, 201; LI, 1–2, 20; Lyc. I, 138; Din., I, 99 etc. (*Ober J. Mass and Elite...* P. 166–170; 327–328).

(Очевидно, себя он отождествлял с данным видом). Соответственно долг оратора, пекущегося о народе и его интересах, т.е. преданного демократии (δημοτικός), — выступать против подозрительных коллег-риторов и стратегов с исангелией и вносить против их предложений графэ параномон (Dem., XXII, 66; Din., I, 100).

Итак, жалоба на противозаконие могла выступать как своеобразный механизм сдерживания власти демагогов в народном собрании — тем более, что большинство афинских политиков-риторов в IV в. до н.э. гораздо реже, чем их коллеги в V в., занимали государственные должности (стратегии) (Isocr., VIII, 55; Arist. Pol., 1305a10–15; Plut. Phoc. 7, 5) и тем самым реже подлежали отчету. В историографии не раз отмечалось, что γράφῃ παρανόμων играла в каком-то смысле положительную роль: она переносила в судейские стены конфликт между афинскими политиками, лидерами различных группировок, гася его остроту. Служа в некоторой степени тем же целям, что и ostracism, она была более усовершенствованным и гуманным орудием контроля и средством расправы над лидерами — либо «зарвавшимися», либо не угодившими, либо над теми, чья политика в данный момент не устраивала демос.<sup>1</sup> Да, не получивший 1/5 голосов судей мог быть приговорен к большому штрафу и, будучи не в состоянии выплатить его, мог быть принужден к изгнанию (как и случилось с Эсхином). Но в конце концов, в отличие от ostracism перед тем, как проголосовать, народные судьи по крайней мере заслушивали тяжущегося в «правильном» судебном процессе.

Однако частота политических процессов, сложившаяся практика презентовать и отстаивать политические программы на судебных бегах, выяснять отношения и сводить счета с соперниками в залах дикастериев, в сочетании с суровостью приговоров по государственным искам, — имели важный и неприятный для функционирования афинской демократии «побочный эффект». Еще Фукидид вложил в уста Диодота (сцена достославных митиленских дебатов<sup>2</sup>) замечание о том, что чрезмерная подозрительность, страх перед якобы подкупленными

<sup>1</sup> См., например: *Sinclair R.K. Democracy and Participation... P. 207; Yunis H. Law, Politics... P. 380–381.* Ср. схожее, но более общее (единым списком идут такие devices прямой демократии, как ostracism, γράφῃ παρανόμων, обязательные отчеты должностных лиц) утверждение у М. Финли: *Finley M. Democracy Ancient and Modern. P. 72.*

<sup>2</sup> Обсуждение в афинском народном собрании способа наказания отложившейся в 428 г. союзной Митилены, в ходе которого Клеон предложил казнить всех взрослых мужчин данного полиса, а Диодот — ограничиться «лишь» тысячей зачинщиков и активистов мятежа.



ораторами отнимает у народа советников (φόβῳ γὰρ ἀποστρεῖται τῶν συμβούλων — III, 42, 4; 43, 2–5). Эсхин жаловался на то, что людям благомыслящим клеветой препятствуют давать советы (τοὺς δ' εἰ φρονοῦντας κωλοῖ διαβάλλων συμβουλευεῖν — III, 226). Похожие сетования о сикофантах, которые порочат всякого, кто говорит полезное для народа и радеет об общем благе, мы слышим из уст Демосфена; здесь же он упрекает судей (а в их лице и весь демос): они обменяли «то, что полезно для государства, на удовольствие и радость от перебранки» (τῆς ἐπὶ ταῖς λοιδορίαις ἡδονῆς καὶ χάριτος τὸ τῆς πόλεως συμφέρον ἀταλλάττοντες — XVIII, 138). Судя по нашим источникам, сикофанты широко использовали в своей деятельности *урафῆ παρανομῶν*, шантажируя и богатых сограждан, и видных политиков: в речах Демосфенова корпуса есть неоднократные упоминания о подобного рода активности двух известных доносчиков — Феокрина и Аристогитона (Dem., LXIII, 31, 34–35; XXVI, 11–14; ср. XVIII, 235, 249 — вообще о сикофантах, инициирующих иски о противозаконии, в том числе против самого Демосфена). Заметим, как Феокрин оправдывал этот свой промысел: он твердил, что подстерегает нарушителей закона, и если отменяют жалобу на противозаконие, то погибнет демократия (*ὅταν αἱ τῶν παρανομῶν ураφαὶ ἀναίρεθῶσι, ὁ δῆμος καταλύεται* — Dem., LXIII, 34).

Плутарх в биографии Демосфена вкладывает в уста оратора, покидающего родной город после побега из тюрьмы, такие горькие слова: «О Полиада-владычица! Зачем ты благоволишь трем злейшим тварям: сове, змею, и народу?» «А знакомым юношам, — продолжает греческий историк, — приходившим к нему для доверительных бесед, он советовал от общественных дел держаться подальше, уверяя, что если бы с самого начала перед ним лежали два пути: один в Собрание к ораторскому возвышению, другой же навстречу гибели — и если бы он предвидел все бедствия, связанные с государственной деятельностью, страх и зависть, и клевету, и судебные тяжбы, то выбрал бы тот, который ведет прямо к смерти» (Plut. Dem., XXVI — пер. Э. Юнца, с некоторыми нашими изменениями).

В «группе риска» помимо политиков-ораторов в афинском государстве находились и стратеги — мы уже писали в предыдущей главе о Дамокловом мече судебных преследований и обвинений в исангелии, висевшем над головами многих афинских военачальников. Судьба Никия показывает, к каким печальным последствиям приводил ужас, внушаемый стратегам Пниксом. Этот пресловутый страх перед непредсказуемым демосом парализовал волю Никия, привел и его, и все афинское войско к сицилийской катастрофе (Thuc., VII, 48). Оправдывая свою нерешительность и нежелание дать приказ к отступлению, Никий на-

рисовал возможный сценарий развития событий по возвращении в Афины: «ему хорошо известно, что афиняне не одобряют такого образа действия, если они вернуться без постановления народа об этом. Ведь в Афинах будут постановлять решение о них не те люди, которые, подобно им, видят, в каком положении находится дело..., — но такие, которые легко поддаются клевете, облеченной в красивые слова. Многие, даже большинство находящихся здесь воинов, все те, которые теперь кричат об опасности, по прибытии в Афины будут, напротив, кричать, что стратеги, подкупленные деньгами, оказались изменниками и ушли.<sup>1</sup> Зная характер афинян, он поэтому предпочитает, отважившись на свой страх на битву, пострадать, если уж необходимо, от неприятеля, нежели погибнуть от афинян жертвою позорного и несправедливого обвинения (ἐπὶ αἰσχρᾷ τε αἰτίᾳ καὶ ἀδίκῳ ὑπ' Ἀθηναίων ἀπολέσθαι μᾶλλον ἢ ὑπὸ τῶν πολεμίων, εἰ δέῃ, κινδυνεύσας τοῦτο παθεῖν ἰδίᾳ)» (48, 3–4 — пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева, с нашими изменениями).

Путь, который выбрал тогда афинский стратег, привел его и вместе с ним тысячи афинян к смерти. Но даже если его словам, точнее словам Фукидида, испытавшего на собственном опыте гнев соотечественников за военную неудачу (потерю Амфиополя — *Thuc.*, V, 26), придала столь щемящую и убедительную горечь предвзятость греческого историка, все-таки опасения Никия кажутся совершенно правдоподобными. Конон предпочел после Эгоспотам не возвращаться в Афины с несколькими уцелевшими триерами все из той же боязни народного гнева (*Diod.*, XIII, 106, 6). Хабрий в 376 г. мог бы преследовать бегущего врага после победы при Наксосе и полностью уничтожить его флот, но он вспомнил судьбу стратегов после Аргинусской победы и стал заниматься спасением уцелевших и похоронами погибших (*Diod.*, XV, 35, 1). Отдавая должное гуманному поведению стратега по отношению к терпящим бедствие морякам, обратим все же внимание на то, что его страх перед возможным судебным преследованием внес серьезные коррективы в ведение кампании.

Постоянные нападки со стороны демагогов и сикофантов, частые обвинения в государственных преступлениях и судебные процессы стратегов были одной из основных причин того, что наиболее способные афинские полководцы позднеклассической эпохи провели значи-

<sup>1</sup> Высказывалось предположение, что здесь содержится намек на обвинения, выдвинутые против стратегов «первой сицилийской экспедиции» Софокла, Пифодора и Евримедонта: воины, которые были с ними, вернувшись в Афины, вероятно, обвиняли своих начальников в принятии подарков от сицилийских городов. Стратеги были осуждены. (*Roberts J.T. Accountability...* P. 220, note 44; также гл. V, § 2 данной работы).

тельную часть своей жизни и карьеры в добровольной или вынужденной ссылке или даже служили в качестве командиров наемников у персидских царей или фракийских династов. В качестве примеров можно вспомнить службу Тимофея у персов в 372–370 гг., Ификрата у фракийского царя Котиса в 365–360 гг., Хабрия, а затем Ификрата у Фарнабаза, бывшего сатрапа Фригии в 380–373 гг. Каллистрат служил у македонского царя, будучи в ссылке (после своего осуждения на смерть в 361 г.).<sup>1</sup> Неоднократно историками делался вывод о том, что преследования стратегов явились одной из причин снижения качества военного командования и общего упадка эффективного лидерства в Афинском государстве; в свою очередь этот упадок не мог не сказаться на способности афинян защитить себя перед лицом македонской агрессии.<sup>2</sup>

Жизнь афинского политика, по выражению Р. Нокса, была подобна жизни на минном поле.<sup>3</sup> Вследствие опасностей, которыми была чревата военная или политическая карьера, желающих давать советы демосу или возглавлять его армию оставалось все меньше и меньше. Антифонт, чьи нравственные и интеллектуальные способности чрезвычайно высоко ценил Фукидид, как известно, никогда не выступал «в народном собрании и по доброй воле никогда не участвовал в судебном процессе, потому что к нему как к прославленному оратору народ относился с подозрением» (καὶ ἐς μὲν δῆμον οὐ παρίων οὐδ' ἐς ἄλλον αὐτῶνα ἐκούσιος οὐδένα, ἀλλ' ὑπόπτως τῷ πλήθει διὰ δόξαν δεινότητος διακείμενος» (Thuc., VIII, 68, 1 — пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева), однако не удержался в своем абсентеизме. Став идеологом и одним из организаторов олигархического переворота 411 г., он был приговорен к смерти, произнес напоследок лучшую, по утверждению Фукидида, защитительную речь. Можно предположить, что немало способных и амбициозных афинян сознательно воздерживались от публичных выступлений и активной политической деятельности.<sup>4</sup> Как например, Платон, признавав-

<sup>1</sup> См.: *Samons L.J.* What's Wrong with Democracy? P. 146, 255 (note 14); *Sealey R.* Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. N. Y., 1993. P. 66–83, 94–95.

<sup>2</sup> См., например: *Beloch K.J.* Die Attische Politik seit Perikles. S. 43; *Glötz G.* The Greek City and its Institutions. P. 231; *Samons L.J.* Op. cit. P. 145–147.

<sup>3</sup> *Knox R.A.* "So Mischievous a Beast?"... P. 138. Английский исследователь составил любопытную таблицу «политических потерь» за два века существования афинской демократии (P. 141–142).

<sup>4</sup> Афинским ἀπαύρομος (сторонящимся общественных дел) посвятил свое исследование Л. Картер (*The Quiet Athenian*. Passim.), в своем рвении отыскать их порой прибегающий к натяжкам, но верно отслеживающий тенденцию, которая в афинской общественной жизни начала проявляться с конца 30-х гг.

шийся в своем письме,<sup>1</sup> что после свержения тирании Тридцати его увлекала жажда общественной деятельности (Epist., VII, 325b), но он решил воздержаться от участия в государственных делах после нечестивого процесса и казни своего учителя Сократа, убедившись в порочности государственного устройства афинян (325c–e).<sup>2</sup> Или герой недоказуемой, но прелестной зарисовки У. Коннора: Феаген из дема Ахарны, назвавший своего сына Ἰδιώτης,<sup>3</sup> — «исполненный горечи политик, повернувшийся спиной к общественной жизни».<sup>4</sup>

---

V в. до н.э. (см., например, критику ἀπράγμονες в Надгробной речи Перикла) и особенно усилилась в связи с разочарованием в агрессивной политике радикальной демократии (с. 187–194). Об отказе от политической карьеры и уходе в частную жизнь см. также: Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. P. 179–197.

<sup>1</sup> Это седьмое письмо, подлинность которого признается подавляющим большинством исследователей. См., например: Лосев А. Ф. Письма / Примечания // Платон. Собр. Соч. Т. IV. М., 1994. С. 764; Ober J. Political Dissent in Democratic Athens. P. 162, note 16 (ссылки на новейшую литературу).

<sup>2</sup> Правда, далее в своем письме Платон пишет, что все существующие государства управляются плохо — 326a.

<sup>3</sup> Т.е. «частный человек».

<sup>4</sup> Американский историк высказывает такое предположение относительно реального политика Феагена (PA 6703): Op. cit. P. 189.



## Глава VII. Афины IV в. до н.э. — суверенитет собрания и демоса или суда и законов?

### § 1. Законы в афинском судебном процессе

Интересные наблюдения о характере афинского судопроизводства можно извлечь, анализируя прямое или косвенное противопоставление в судебных речах: «то, что правильно (справедливо)», — vs строгих правовых норм (законов). Как известно, афинские судьи клялись, что они будут выносить вердикт «в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета пятисот» (κατὰ τοὺς νόμους καὶ τὰ ψηφίσματα τοῦ δήμου Ἀθηναίων καὶ τῆς βουλῆς τῶν πεντακοσίων), а также «беспристрастно выслушивать выступления как обвинителя, так и обвиняемого» (καὶ ἀκρόασαί τοῦ τε κατηγοροῦ καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν) и подавать голос «по существу рассматриваемого дела» (Dem., XXIV, 149, 151). Правда, в речи Демосфена «Против Евбулида» упоминается также, что в судейскую клятву входило обязательство голосовать «в соответствии с высшей справедливостью, ни по благосклонности, ни по вражде» (γνώμη τῇ δικαιοτάτῃ καὶ οὔτε χάριτος ἔνεκ' οὔτ' ἔχθρας — LVII, 63), а в речи «Против Аристократа» о дикастах сказано, что «они дали клятву, что будут судить в соответствии с высшей справедливостью» (γνώμη τῇ δικαιοτάτῃ δικάσειν ὁμωμόκασιν — XXIII, 96; также Is., XI, 6; Isocr., XVIII, 34; Нур., IV, 40 etc.<sup>1</sup>). Участники процесса нередко напоминали судьям об их клятве;<sup>2</sup> а Ликург даже как-то предостерег: хотя судьи голосуют тайно, боги узнают, как они подадут свой голос (I, 146). В речи «Против Аристогитона» оратор призывает каждого судью помнить о том, что на него взирает «неумолимая и священная Дике» (ἀπαράιτητον καὶ σεμνὴν Δίκην) — сидя у трона Зевса, она смотрит на все дела человеческие. Судье следует подавать голос, «остерегаясь и заботясь, как бы не осквернить ту [богиню], от

<sup>1</sup> Подборку призывов к судьям судить в соответствии со справедливостью — см. также в § 4 гл. IV.

<sup>2</sup> Примеры собраний: Harris E.M. Law and Oratory // Persuasion: Greek Rhetoric in Action / Ed. I. Worthington. New York: Routledge, 1994. P. 133, 149 (пп. 6, 7).

которой каждый из вас, когда на него падает жребий судить, получает свое имя (φυλαττόμενον καὶ προορώμενον μὴ κατασχεῖναι ταύτην, ἥς ἐπώνυμός ἐστιν ἡμῶν ἕκαστος ὃ ἀεὶ δικάζειν λαχόν), сохраняя все, что есть в полисе хорошего, справедливого и полезного» (Dem., XXV, 11). Очевидно, что это всё «хорошее, справедливое и полезное» (πάντα καλὰ καὶ δίκαια καὶ συμφέροντα) — более широкое понятие, чем просто νομοί, регулирующие жизнь города,<sup>1</sup> скорее это совокупность всех норм и божественного, и человеческого права (fas et ius), по которым живет гражданская община, — то, что обеспечивает правильное устройство, *порядок* (κόσμος) и отвечает за него.

Ряд исследователей, ссылаясь на некоторые заявления участников процессов (например, Lys., X, 7; XIV, 40), полагают, что афинские судьи, следуя «клятве гелиаста», чувствовали себя обязанными строго и ответственно соблюдать и применять афинские законы<sup>2</sup>; однако другие выражают в этом сомнение. Они указывают на то, что многие законы были довольно туманными, и судьи могли подавать свой голос без опасений, что они нарушают клятву; дикасты могли осознавать свою верность клятве голоса и «в духе высшей справедливости» (γνώμῃ τῇ δικαιοτάτῃ) — ведь именно на этот пункт судебной клятвы как ключевой нередко обращали внимание тяжущиеся (Dem., XXIII, 96-97; LVII, 63; LVIII, 61; Andoc., I, 31; Lys., XV, 8).<sup>3</sup> Это не означает, что судьи относились к законам легкомысленно; они охотно соглашались с тем, что законы — κύριοι (господа), а они их стражи (Aeschin., III, 7). Для случаев, которые не были определены в законах, а такие были нередки, действовал принцип, сформулированный четко в речи Демосфена «Против Лептина»: «судить по законам..., когда же законов [подходящих к случаю] нет, — в соответствии с суждением о высшей справедливости»

<sup>1</sup> См. замечание на этот счет в: Ostwald M. From Popular Sovereignty... P. 159.

<sup>2</sup> См.: Wolff H.J. Gewohnheitsrecht und Gesetzesrecht in der griechischen Rechtsauffassung // Deutsche Landesreferate zum VI. Internationalen Kongress für Rechtsvergleichung in Hamburg. B.; Tübingen, 1962. S. 18; Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 29; Harris E.M. Law and Oratory. P. 132-137; Carey Ch. Nomos in Attic Rhetoric and Oratory // JHS. Vol. 116. P. 34, n. 8; Johnstone S. Disputes... P. 42 (в смягченном виде).

<sup>3</sup> См.: Paoli U. Studi sul processo attico. Padua, 1933. P. 67; Harrison A.R.W. Law-making at Athens... P. 31, note 42; Adkins A.W.H. Moral Values... P. 216, note 11; Ruschenbusch E. Δικαστήριον πάντων κύριον. S. 265-267 (подробнее о точке зрения Рушенбуша — см. ниже); Mehl A. Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. S. 53; Cohen D. Law, Violence... P. 61; Todd S. The Shape of Athenian Law. P. 54-55; Christ M.R. The Litigious Athenian. P. 194-200.

(κατὰ τοὺς νόμους δικάζειν..., περὶ ὧν δ' ἂν νόμοι μὴ ᾔσι, γνώμη τῇ δικαιοτάτῃ — XX, 118; также — XXXIX, 40).

Но из декларируемой почтительности к законам не следовало обязательство нерушимо блюсти каждую их букву; напротив, надлежало соизмерять её с тем, что «справедливо» (τὰ δίκαια) (Dem., XXIV, 34; Isocr., XIX, 16) или даже с тем, что выгодно (συμφέρον) (Lys., XXI, 12 — ср. Aeschin., I, 178–179). В приписываемой Лисию речи «Против Алкивиада» так и сказано: «По моему мнению, долг как порядочного гражданина, так и справедливого судьи, — понимать законы в том смысле, в каком им предстоит быть полезным для государства в будущем» (δοκεῖ δέ μοι καὶ πολίτου χρηστοῦ καὶ δικαστοῦ δίκαιον ἔργον εἶναι ταύτῃ τοὺς νόμους διαλαμβάνειν, ὅπῃ εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον μέλλει συνοίσειν τῇ πόλει — XIV, 4, пер. С.И. Соболевского с некоторыми изменениями). Виртуозный судебный релятивизм демонстрирует Демосфен в цитируемой выше речи «Против Аристократа» (XXIII), разбирая условный случай, когда судьи противозаконное по сути предложение таковым не признали (обвинители не смогли их убедить). Оратор вопрошает: «Может быть, судьи, разбиравшие дело, нарушили свою клятву? Нет, ни нарушили! Каким же образом? Я сейчас это объясню. Они дали клятву, что будут судить в соответствии с высшей справедливостью, но представление об этой высшей справедливости зависит от тех речей, которые они должны выслушать. Когда они подавали свои голоса в соответствии со своими представлениями о высшей справедливости, они тем самым соблюдали верность данной ими клятве. Ведь каждый человек, который подал свой голос, не руководствуясь при этом ни враждой, ни другим противоправным поводом, соблюдает верность клятве, которую он дал» (96–97 — пер. В.Г. Бороховича).

Законы в афинском судебном процессе, в отличие от современного, отнюдь не были самодостаточны: т.е., чтобы изобличить преступника и добиться его осуждения, недостаточно было указать на соответствующий закон, под который подпадает данное правонарушение, даже если таковой имелся в наличии. Афинские ораторы часто приводят текст закона наряду с другими видами свидетельств, «помимо прочего»<sup>1</sup>: «я все-таки предоставляю несколько законов и прочих предписаний» (ἐτι πλείονας καὶ νόμους καὶ ἄλλας δικαιοῦσεις παρασχέσομαι — Lys., IX, 8); «тем не менее, пусть перед вами огласят закон» (ὅμως δὲ καὶ τὸν νόμον ὑμῖν αὐτὸν ἀναγνώσεται — Dem., XX, 27). В речи «Против Аристократа» Демосфен выдвигает три пункта обвинения: 1) закон, которому про-

<sup>1</sup> На это обращает внимание И.Е. Суриков: О некоторых особенностях правосознания афинян... С. 38.

тиворечит оспариваемое им постановление Аристократа (о предоставлении гражданских прав предводителю наемников Харидему); 2) невыгодность псефизмы государству; 3) то, что лицо, в пользу которого она составлена, недостойно такой чести (XXIII, 18, 20–21), – все они одинаково важны для оратора (ср. также в XLIV, 67 – закон лишь один из доводов). В речи, составленной Демосфеном для Диодора («Против Андротиона о нарушении законов»), намекается на то, что многие лица, нарушавшие ранее законы, избежали в судах наказания (XXII, 6–7). А в речи, написанной Лисием для Евфилета, убившего Эратосфена, возлюбленного его жены, оратор допускает, что судьи могут проигнорировать закон (в данном случае – закон о прелюбодеянии), и заявляет: приговор судей – высшая инстанция, которой подчинено все в государстве (αὐτῇ [ψῆφος – Т.К.] γάρ ἐστὶ πάντων τῶν ἐν τῇ πόλει κυριωτάτη – I, 36).

В речах по делам о наследствах тяжущиеся часто апеллировали к справедливости своих притязаний, ставя её выше формальной законности завещания. Так, они сравнивали свое отношение к усопшему с поведением своих противников, подчеркивая свои более нежные чувства и доброе отношение к нему (в сравнении с противной стороной), указывая на уход за больным, усердное исполнение погребальных обрядов и т.п., и наоборот, обращая внимание на то, что их оппонентов усопший не жаловал (или они его), они не интересовались ни им, ни его делами, пока не стали притязать на поместье и проч. (Is. I, 4, 17, 19, 20, 30, 33, 42; IV, 19; VI, 51; VII, 8, 11–12, 33–37; IX, 4, 27–32)<sup>1</sup> Обратим внимание на то, как расставлены приоритеты в одной из речей Исократ на эту же тему: «Посмотрите, как сильны и справедливы доводы, с которыми я выступаю перед вами: во-первых, дружба с оставившими наследство — дружба старинная, от отцов, нерушимая во все времена; затем — множество важных услуг, оказанных им в их бедах; в третьих, — завещание, которое признают и мои противники; и наконец, закон, поддерживающий это завещание (ἐτὶ δὲ νόμος ταῦταίς βοηθοῦντα)» (XIX, 50).

Даже в процессах по жалобе на противозаконие, в которых, по идее, соображения законности, правовой фактор должны были играть первенствующую роль, как показал на доступных нам примерах в своей статье Х. Юнис, очень часто тяжущиеся (особенно ответчик) строили свою аргументацию на соображениях практической пользы и выгоды от принятия (или отклонения) соответствующий псефизмы,<sup>2</sup> рас-

<sup>1</sup> См. анализ этих речей в исследовании М. Хардкасла: *Hardcastle M. Some Non-legal Arguments in Athenian Inheritance Cases // Prudentia. Vol. 12. 1980. P. 11–22.*

<sup>2</sup> *Yunis H. Law, Politics, and the Graphe Paranomon... P. 361–382.*



считывая очевидным образом на то, что эти доводы судьи сочтут убедительными.

Недостаточная, по современным меркам, фактическая (а не декларируемая!) почтительность к законам в афинском судопроизводстве могла объясняться в том числе и недоработками афинских законников, непорядком и путаницей в своде законов<sup>1</sup>: встречались законы, противоречащие друг другу (Lys., XXX, 3), с запутанными формулировками (Lys., X, 6). На сбой в машине законотворчества указывает Демосфен: «...Образовалось такое количество законов, противоречащих друг другу (τοσούτοι μὲν οἱ ἐναντίοι σφίσιν αὐτοῖς εἰσὶ νόμοι), что вы уже давно выбираете людей, обязанность которых состоит в определении противоречащих законов. И этому уже трудно положить предел: законы уже ничем не отличаются от псефизм...» (XX, 91–92 – пер. В.Г. Боруховича). Понятно, что когда Демосфен сетует: «а вот наши политические деятели едва ли не каждый месяц готовы предлагать новые законы ради своей личной выгоды (οἱ δὲ παρ' ἡμῖν ῥήτορες πρῶτον μὲν ὅσοι μῆνες μικροῦ δέουσι νομοθετεῖν τὰ αὐτοῖς συμφέροντα)» (XXIV, 142 – пер. В.Г. Боруховича), – он сгущает краски, но очевидно, какая-то неразбериха со множеством законов имела место, иначе подобные риторические изыски не находили бы отклика у дикастов.

В большинстве дошедших до нас судебных речей (за исключением, пожалуй, процессов по жалобе на противозаконие – *υπαφῇ παρανόμων*) ораторов не очень интересуют детали законов. Порой они приводят законы, вообще не имеющие никакого отношения к сути дела (правонарушению), чтобы, например, решить какие-то процедурные вопросы, подкрепить свою аргументацию, очернить противника, упоминая для этого законы, по которым того в силу его порочности и преступности можно было бы судить, и т.п. (Dem., XXI, 10, 113; XXIII, 22 etc.). Так, например, Аристон в речи против Конона, которого он привлек к суду за нанесенные побои, просит процитировать не «свой» закон, а те законы, по которым он *не привлек* своего противника, а мог бы (об оскорблении насилием и о грабителях) (Dem., LIV, 24). Цитирование законов участниками тяжбы нацелено было на создание представления о том, что их дело правое и основано на законах.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> См.: Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян... С. 38.

<sup>2</sup> См. схожие рассуждения в: Carey Ch. Nomos in Attic Rhetoric and Oratory. P. 38; Johnstone S. Disputes and Democracy. P. 22. Contra: Harris E.M. Law and Oratory. P. 133–134.

Ликург, обвинявший Леократа по исангелии за то, что тот покинул Афины после битвы при Херонее (кстати, 8 лет спустя после малодушного поступка обвиняемого — процесс имел место в 330 г. до н.э.), ни разу не приводит соответствующий обвинению закон, скорее всего его просто не существовало. Псефизмы, которые просит зачитать обвинитель, имеют разве что косвенное отношение к сути обвинения (например, декрет о том, чтобы Совет 500 после Херонейской битвы позаботился о мерах по защите города — 36–37), или не имеют вовсе никакого — это, так сказать, «исторические прецеденты» по наказанию предателей: о выносе останков Фриниха за пределы Аттики (113–114); о записи на стеле имен Гиппарха, сына Харма, и других изменников, не явившихся на суд после нашествия Ксеркса (117–118); об осуждении перебежчиков к спартамцам в Декелею во время Пелопоннесской войны (120); относительно казненного булевта, высказавшегося за принятие предложения персидского военачальника Мардония (122); и даже спартанский закон об уклонистах от военной опасности (129). Ликургу приходится возмещать отсутствие подходящего закона риторикой и обходиться софизмами, типа: «До такой степени страшно совершенное преступление и так оно велико, что невозможно найти ни соответствующего обвинения, ни отыскать в законах наказания за подобные преступления (οὕτω γάρ ἐστι δεινὸν τὸ γεγενημένον ἀδίκημα καὶ τῆλικούτου ἔχει τὸ μέγεθος ὥστε μήτε κατηγορίαν εὐδέχεσθαι εἶρεῖν ἀξίαν μητ' ἐν τοῖς νόμοις ὥρῃσθαι τιμωρίαν ἀξίαν τῶν ἀμαρτημάτων)» (8 — пер. Т.В. Прушкевич). Особенно впечатляет его призыв к судьям при рассмотрении данного преступления быть «не только судьями, но и номофетами» (δεῖ ὑμᾶς γενέσθαι μὴ μόνον τοῦ νῦν ἀδικήματος δικαστάς, ἀλλὰ καὶ νομοθέτας — 9), т.е. осудить обвиняемого *sine lege*, точнее создав подходящий закон в своем воображении. Кажется все же, такая метода работы дикастов не очень сочетается с современной концепцией «власти закона» в Афинах IV в. до н.э. и даже со знаменитым римским правовым принципом «*nullum crimen sine lege, nulla poena sine lege*» («нет преступления, не указанного в законе, нет наказания без закона»).

Конечно, приведенные примеры не исключают того, что в каких-то процессах приводился закон по существу дела, как например Демосфен, обвиняя Эсхина в продажности, в начале речи «О преступном посольстве» ссылаясь на закон, запрещающий должностным лицам (в данном случае имелись в виду послы) принимать подарки и брать взятки (XIX, 7), а Эсхин, возбудив дело против Ктесифонта («О венке»), апеллировал к закону, не разрешающему увенчивать должностное лицо, пока оно не сдаст отчета (Демосфен его не сдал) (III, 9–31), и закону, по которому

объявлять об увенчании можно было на Пниксе в народном собрании или в Совете (увенчание Демосфена было провозглашено в театре) (III, 32–48), однако эти примеры,<sup>1</sup> в свою очередь, не отрицают вышесказанного.

В разделе нашей работы, посвященном голосованию дикастов (§ 5 гл. IV), уже шла речь о том, что вынося окончательное решение, судьи руководствовались не только правовыми критериями, — и это воспринималось как нормальная практика, хотя в современной юстиции было бы воспринято как судебский произвол. Такое отношение к «легализму» оправдывалось в том числе опасениями, что участники процесса способны манипулировать законами, своими предвзятыми интерпретациями заморочить голову судьям (далеко не искушенным в тонкостях юриспруденции и риторики). При доступности архивов и возможности лицезреть текст многих законов на стенах — опасно, можно сказать, смертельно было измышлять несуществующий закон; наказание за цитирование фальшивки — смерть (Dem., XXVI, 24 — καὶ θάνατον μὲν ὀρίκειναι τὴν ζημίαν, εἰάν τις οὐκ ὄντα νόμον παράσχηται). Но велик был искус в интересах дела толковать законы в свою пользу, запутывать детали, произвольно цитировать, вырывая из контекста. Клиент Лисия говорит о ловушках, которые ставят законы честным гражданам (I, 49). Там и сям в судебных речах встречаются обвинения в извращении и искажении законов (Lys., X, 6–20; Isocr., XVIII, 11; Is., XI, 4, 36; Dem., XVIII, 111; XLIV, 49; Aeschin., III, 28, 35, 199–200 etc.; Dem., XXIV, 191 — в произвольном цитировании), рассчитанные на понимание и сочувствие со стороны судей.

Участники тяжбы чаще всего пользовались следующими способами искажения или произвольного толкования законов: вырывали слова из контекста; ссылались на «намерение» законодателя (чаще всего в качестве такового фигурировал Солон, значительно реже — Драконт) и переворачивали таким образом смысл закона; использовали все то же «намерение», чтобы дополнить или расширить применение закона.<sup>2</sup> Знание закона могло быть подозрительно само по себе,<sup>3</sup> отсюда — стремление выставить оппонента как знающего законы «слишком хо-

<sup>1</sup> Некоторые из них приводит Э. Гаррис (Lys., I, 29–33; Aeschin., I, 18–20; Dem., XXXVII, 18–19); правда, умалчивая об иных, противоречащих его мнению, примерах, он делает вывод (на наш взгляд, необоснованный) о том, что ораторы при составлении речей, а судьи при вынесении приговора руководствовались соответствующим законом (Harris E.M. *Law and Oratory*. P. 130–150).

<sup>2</sup> См.: Hillgruber M. *Die zehnte Rede des Lysias*. Berlin, 1988. S. 107–119 (с примерами).

<sup>3</sup> См.: Dover K. J. *Greek Popular Morality ...* P. 189.

рошо» (Dem., LVII, 5; LVIII, 24). Тот, кто был чересчур дотошлив и ловок в хитросплетениях законов, рисковал быть заклеянным сикофантом: в аристофановских «Облаках» (448) сутяга назван κύρβεις, т.е. чем-то вроде «ходячего сборника законов», а в одном отрывке из комедии Менандра сказано: «Законы — это вещь весьма хорошая, / Но кто на них взирает слишком пристально, / Нам сикофантом кажется» (fr. 355 по изданию В.Н. Ярхо,<sup>1</sup> пер. О. Смыки). Можно привести примеры и того, как выступавшие в суде отрешивались от слишком хорошего знания законов или пытались объяснить свою осведомленность тем, что были вынуждены подготовиться к атаке противника (Dem., LIV, 17; LVIII, 19; Нур., III, 13). Таким образом, судя по нашим источникам, афинские дикасты склонны были проявлять недоверие к изощренной правовой аргументации, к чрезмерному легализму, и ораторы старались из всех сил не давать им повод для такого рода подозрений.

Возвращаясь к проблеме, которой мы коснулись выше: закон и справедливость в афинском судопроизводстве и шире — в общественной жизни, — заметим, что если судебные риторы решали её на практическом уровне, то греческие интеллектуалы — на теоретическом. В трагедии (самый яркий пример — «Антигона» Софокла — Passim; Eur. Suppl., 348–437) и в философии (Ant., 44 DK; Plat. Criton., 51b–c, 54c) обсуждалась проблема взаимоотношения закона (особенно писаного) и справедливости, встречались и рассуждения о возникающем порой между ними конфликте.<sup>2</sup> Так, Аристотель усматривал связь между справедливостью и законом, но законом особым, приводя в «Риторике» такие мысли по данному поводу: «Пусть поступать несправедливо значит приносить вред намеренно, вопреки закону. Закон же бывает частный и общий. Я называю частным закон записанный, с помощью которого осуществляется управление государством, а общим — тот, который не будучи записанным, очевидно, всеми признается» (λέγω δὲ ἴδιον μὲν καὶ ὃν ὑεγραμμένον πολιτεύονται. κοινὸν δὲ ὅσα ἄρφα παρὰ πάνιν ὁμολογεῖσθαι δοκεῖ — Rhet., 1368b5). По Аристотелю, общий закон, неизменный и сообразный природе (κατὰ φύσιν), более согласен с правдой и справедливостью, чем писанный, — в этом причина морального превосходства первого над вторым. Далее в качестве примера Стагирит рассматривает противостояние повинующейся общему закону Антигоны Креонту, издавшему свой частный закон (постановление) (1375a33–

<sup>1</sup> Менандр. Комедии. Фрагменты / Издание подгот. В.Н. Ярхо. М., 1982.

<sup>2</sup> См. некоторые примеры в: Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit... S. 45–48. Даже комедия не осталась в стороне от этого дискурса о законах, морали и справедливости — см. аристофановские «Облака».

b2). Следует вывод: справедливость писаного закона — только кажущаяся, в отличие от той, что заключена в законе неписаном, поэтому писанный закон и вовсе не закон (ὥστι οὐ νόμος ὁ γεγραμμένος — 1375a34–1375b5). И (NB! — Т.К.) судья, словно пробырщик (ἀρουρογνώμων), должен различать поддельную справедливость и истинную (ὅπως διακρίνῃ τὸ κίβδηλον δίκαιον καὶ τὸ ἀληθές — 1375b5–6). Здесь очевидно различие с употреблением понятия «закон» (νόμος) в судебной практике: ораторы не решались противопоставлять закон общий и частный, и их ссылки на законы, призывы, обращенные к судьям, следовать им и обвинения противника в их нарушении имеют в виду в основном те самые «писанные законы».<sup>1</sup> Обратим внимание и на то, что Аристотель ждет от судьи соблюдение именно справедливости, а не писаного закона.

Конечно, судебные ораторы выступали не перед слушателями Лицея и Академии и избегали заумных метафизических рассуждений. Напрямую выступающие никогда не призывали нарушать законы в пользу справедливости и нигде не говорили об их несовместимости, напротив, заявляли, что те на одной стороне, стараясь привлечь на свою сторону и номос, и дикэ<sup>2</sup> (Is., I, 35; II, 47; Dem., XLII, 2; Нур., III, 13 — ср. Aristoph. Eccl., 944–945<sup>3</sup>), но осторожные отголоски возникающего порой конфликта между справедливостью и законностью слышны и в судебных речах.<sup>4</sup> В одной из речей Исократа встречаем такое противопоставление (или намек на него): «он делал это не только законно, но и справедливо» (μὴ μόνον ὥς κατὰ τοὺς νόμους ἀλλ' ὥς καὶ δίκαιως — XIX, 16). Дилемма законы — справедливость замечательно решена в одной из речей Демосфена («Против Феокрина»): «Достойно вас, граждане судьи, не ставить законы и самих себя под власть тех, кто говорит, а напротив, держать их в своей власти и различать тех, кто говорит хорошо и складно, от говорящих справедливо: ведь вы относительно этого [справедливости] поклялись подавать голос (καλὸν γάρ, ὃ ἄνδρες δικασταί, μήτε τοὺς νόμους μήθ' ὑμᾶς αὐτοὺς ἐπὶ τοῖς λέγουσι ποιεῖν, ἀλλ' ἐκεῖνους ἐφ' ὑμῖν, καὶ χωρὶς κρίνειν τοὺς τ' εὖ καὶ σαφῶς καὶ τοὺς τὰ δίκαια λέγοντας· περὶ γὰρ τούτου τὴν ψῆφον ὁμωμόκατ' οἴσκειν)»

<sup>1</sup> Сопоставление того, как тема закона обыгрывалась в риторике философской и судебной — см.: *Carey Ch. Nomos in Attic Rhetoric and Oratory*. P. 33–46. *Passim*.

<sup>2</sup> Мы имеем в виду то значение понятий «ἡ δίκη, ἡ δικαιοσύνη, τὸ δίκαιον, τὰ δίκαια», которые соответствуют русскому «справедливость».

<sup>3</sup> Старуха, желающая заполучить для себя юношу, заявляет ему: «По закону это делать — и есть справедливость, если у нас демократия» (κατὰ τὸν νόμον ταῦτα ποιεῖν ἔστι δίκαιον, εἰ δημακράτούμεθα).

<sup>4</sup> См.: *Dover K.J. Greek Popular Morality* P. 306–309.

(LVIII, 61). А вот как Демосфен в процессе «О венке» парировал аргументы Эсхина о противозаконности декрета Ктесифонта и его сетования о поправлении законов: «Сначала о нарушении законов. Обвинитель в своей речи вертел и крутил этими законами во все стороны, однако — клянусь богами! — мне кажется, что вы так и не уразумели его рассуждений, да и я почти ничего не сумел понять. Скажу, однако, вам прямо и попросту, как по справедливости обстоит дело (ἀπλῶς δὲ τὴν ὁρθὴν περὶ τῶν δικαίων διαλέξομαι)» (XVIII, 111 — пер. Е. Рабинович). Естественно, когда сам Демосфен (или его клиент) инициировал обвинение в противозаконии, он скрупулезно исследовал все правовые моменты, не хуже крючкотвора Эсхина — например, в речи против Тимократа (XXIV — γραφὴ νόμων μὴ ἐπιτήδειον θεῖναι). И последний пример — из речи «Против Леохара»: «Так что если они докажут вам, что законы предоставляют им права на требуемое ими имущество, то вы, помня об этих условиях, присудите им наследство. И если даже они не смогут привести законов в свою пользу, но их доводы окажутся справедливыми и гуманными, то и в этом случае мы уступаем (καὶ εἰ μὲν τῶν νόμων μὴ ὑπαρχῇ, δίκαια δὲ καὶ φιλόνηρπα φαίνονται λέγοντες, καὶ ὥς συγχωροῦμεν)» (Dem., XLIV, 7–8 — пер. Л.М. Глускиной).

Осмелимся предположить, что когда судьи были не способны вникнуть в легалистские трюизмы и доводы или чувствовали себя замороженными премудростями права, при малейшем сомнении они предпочитали «царству закона» «царство справедливости». Многие афинские дикасты, наверное, солидаризировались бы с тем отношением к справедливости, которое выражено в «Эпитафии» Горгия. Софист хвалит павших афинян за то, что они многократно предпочитали «мягкую справедливость» (τὸ πρῶτον ἐπιεικές) «надменному праву» (αὔθαδες δίκαιον) и «прямоту речи» (λόγων ὁρθότης) «строгой точности закона» (νόμων ἀκρίβεια) (DK 82 B6).<sup>1</sup> Полагаясь на свое чувство справедливости больше, чем на внешний авторитет, пусть даже авторитет закона, судьи показывали, что при демократии высшей властью является воля народа.

<sup>1</sup> В данном пассаже некоторые ученые узрели предвестников известных пар: aequitas — ius; verba — voluntas («справедливость — право; слова — воля»). См. (с обсуждением и ссылками на литературу): Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 48–55.

## § 2. Проблема эволюции афинской демократии: власть народа или власть закона?

В последние два-три десятилетия в центре академических споров антиковедов оказалась проблема развития афинской демократии, соотношение государственного строя Афин V и IV вв. до н.э. Многие научные умы занимает поиск ответа на вопрос: каким образом эволюционировали демократические Афины, в какую сторону изменялся их государственный строй?

У древнегреческих современников позднеклассических Афин был свой ответ на этот вопрос. Платон в «Законах» утверждает, что своего высшего развития демократия достигла именно в Афинах (693d–e). В V в. до н.э., во времена персидского нашествия, когда существовал еще «древний государственный строй», афиняне жили в подчинении законам, тогда-то и одерживали они свои славные победы (698b–699d). «Когда в силе были наши древние законы, народ ни над чем не властвовал, но в некотором смысле добровольно им подчинялся (οὐκ ἦν... ἡμῖν ἐπὶ τῶν παλαιῶν νόμων ὁ δῆμος τινῶν κύριος, ἀλλὰ τρόπον τινα ἐκὼν ἔδοϋλεν τοῖς νόμοις)» (700 — пер. А.Н. Егунова). Однако постепенно, как бы мы сказали, с радикализацией демократии, и как пишет Платон, «вследствие чересчур далеко зашедшей свободы», народ перестал слушаться законов (701b). Таким образом, картина эволюции афинского государственного строя на протяжении полутора веков у Платона следующая: от власти закона к своеволию народа и упадку.

Почти слово в слово с Платоном критикует современные ему Афины Исократ и хвалит афинскую демократию времен праотцов Солона и Клисфена, а также славные свершения эпохи Персидских войн (VII, 16; XV, 232; IV, 39; 76–79). В той идеальной политике всем заправлял Ареопаг, а должности замещались не по жребию: народ назначал своих представителей, причем отбирались лучшие и наиболее способные (VII, 21–22, 26, 37). Такой строй Исократ характеризует как самый справедливый, надежный и демократичный (sic!) (VII, 17, 27). Нынешний же государственный строй, по его словам, «всеми осуждается»: всюду хаос, анархия и нужда; неудача за неудачей следуют во внешней политике; единственный выход — вернуться к «подлинной демократии» предков, когда преобладала σωφροσύνη («умеренность, благоразумие») и свобода не была вольницей (VII, 9–12, 27–28, 54, 62, 60; VII, 20). В те далекие времена, — замечает в «Ареопагитике» Исократ, — граждане воспитывались не так, «чтобы они считали распущенность — демократией, противозаконие — свободой, невоздержанность на язык — равенством, а возможность делать все что вздумается — счастьем» (VII, 20 — пер.

Л.М. Глускиной). Откуда следует, что по его мнению, современным ему Афинам как раз свойственны эти самые распушенность, противозаконие, невоздержанность и своеволие, в отличие от «отеческой», настоящей демократии. Обратим внимание и на то, что Исократ фактически под Солоновой (по его мнению, подлинной) демократией понимает не прямую, а представительную демократию:<sup>1</sup> народ не принимает решений по наиболее важным вопросам, а выбирает и контролирует тех, кто их принимает. Нелицеприятный портрет афинского народного собрания дается в речи «О мире»: оно слушает лишь льстецов и прогоняет тех, кто не угождает его желаниям (3–4; 9); поэтому ораторы думают не о том, чтобы принести пользу государству, а о том, чтобы произносить угодные речи (5); из политиков демосу нравятся самые негодные (ποιπρότατοι) и безрассуднейшие (13–14; 53).

Если от свидетельств Платона и Исократа можно отмахнуться, сославшись на их предубежденность (особенно первого) и магическую власть над всеми греческими мыслителями концепта «πάτριος πολιτεία» («отеческого государственного строя»): воспринимая сквозь его призму современные им Афины, они будто бы представляли всё в искривленном виде, — нельзя проигнорировать изощренного исследования младшим современником и учеником Платона Аристотелем различных форм государственного строя, в том числе демократии, и сделанных на основе него выводов.

Для Аристотеля было очевидно, что после тирании Тридцати и восстановления демократии власть демоса неуклонно возрастала: «Со времени возвращения [сторонников демократии из Пирея в 403 г. до н.э., низложивших правительство Тридцати тиранов и восстановивших демократический строй, — Т.К.] этот порядок сохраняется и до сих пор, причем постоянно дает развиваться власти народных масс. Действительно, народ сам сделал себя владыкой всего, и все управляется его постановлениями и судами, в которых он является властелином» (ἀπάντων γὰρ αὐτὸς αὐτὸν πεποίηκεν ὁ δῆμος κύριον, καὶ πάντα διοικεῖται ψήφισμασιν καὶ δικαστηρίοις, ἐν οἷς ὁ δῆμος ἐστὶν ὁ κρατὺν — Ath. pol., 41, 2, пер. С.И. Радцига). Последняя фраза почти дословно совпадает с описанием радикальной разновидности демократии, которое Аристотель приводит в своей «Политике». Философ выделяет следующие признаки крайней демократии: 1) «верховная власть принадлежит массе немущих, а не законам» (1293a10, также 1292a5 — «верховная власть принадлежит не закону, а простому народу»; пер. здесь и далее — С.А. Жебелева) и осуществляется она через принятие псефизм («де-

<sup>1</sup> См.: Hansen M.H. Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // CM. Vol. XL. 1989. P. 96.



мократия есть один из видов государственного устройства, ... при котором все управляется постановлениями народного собрания» — 1292a35). Или еще сильнее: «верховная власть народа стоит выше закона» (*kúrios ὁ δῆμος καὶ τῶν νόμων* — 1298b14, ср. «народ становится выше самих законов» — 1305a24). 2) Верховодят в таком государстве демагоги: «в тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги» (1292a4–11). 3) Неимущие, получая вознаграждение, пользуются досугом и реально могут принимать участие в управлении государством; богатым же гражданам мешает забота о собственных делах, «так что они часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах» (1293a1–10)<sup>1</sup>. Необходимые доходы для оплаты посещений народного собрания «приходится получать путем установления чрезвычайных налогов, путем конфискаций, плохого судопроизводства» (1320a20). 4) Такая демократия характерна для больших государств (1293a1), где народ состоит из ремесленников, торговцев и поденщиков — это «рыночная чернь» (*ἀγοραῖος ὄχλος*), торчащая на площади и в городе и с легкостью устраивающая народные собрания (1319a27–30, 37). 5) Практика управления и принятия решения такова: «Все граждане совещаются в объединенном собрании обо всех государственных делах; должностные лица ни по какому вопросу не могут выносить своего решения, но дают только предварительное заключение» (1298a29–34). 6) Власть, которую осуществляет простой народ (масса неимущих), он осуществляет не в интересах общего блага, а к собственной выгоде (1279b8–10). 7) Такая демократия напоминает тиранию, а в роли тирана выступает народ: «в этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами» (1292a15–20). Несколько раз на страницах своей книги Аристотель возвращается к отождествлению радикальной демократии и тирании: «... ведь крайняя демократия — та же тирания» (1312b7 — *καὶ γὰρ ἡ δημοκρατία ἡ τελευταία τυραννὶς ἐστίν*); крайние демократии «соответствуют династической олигархии и тиранической монархии» (1298a34); перед народом заискивают, как

<sup>1</sup> Интересно, что по Аристотелю выходит, чем реже народные собрания, чем меньше их посещает народу — тем лучше вид демократии (ср. 1292b23 — 1293a5–10).

перед тираном (1274a6 — ὥσπερ τυράννῳ τῷ δήμῳ χαρίζμενοι); и при демократии и при тирании «льстецы в почете: в демократиях — демагог (ведь демагог — льстец народов), а у тиранов — люди, держащие себя униженно, а это свойство льстецов» (1313b40–41).

Аристотель подчеркивает, что «крайняя» (τελευταία — 1298a31, ἐσχάτη — 1312b36) разновидность демократии — именно «последняя» по времени (τελευταία τοῖς χρόνοις — 1293a1; ὑσάτη — 1310b4), «новейшая» (νεώτατη — 1305a29), т.е. современная. Правда, в «Политике» он нигде не называет государственный строй Афин IV в. до н.э. (как и какого-либо другого полиса) крайней демократией, но это не означает, что речь идет о чисто теоретическом конструкте. В своих рассуждениях, классификациях и построениях философ опирался на государственно-правовые реалии прошлого и настоящего.<sup>1</sup> Аристотель дает понять, что демократия, в которой верховная власть народа стоит выше закона, действительно существует и существует в настоящее время (νῦν — 1298b13–15; 1298a32; 1305a24). Очерк развития афинской демократии, представленный во второй книге «Политики» (1273b34–1274a21), свидетельствует о ее перерождении от прародительской демократии Солона (πάτριος δημοκρατία) в крайнюю форму: «Когда народный суд усилился, то пред простым народом стали заискивать, как перед тираном, и государственный строй обратился в нынешнюю демократию. Значение ареопага уменьшил Эфиальт вместе с Периклом; Перикл ввел плату за участие в суде, и таким способом каждый из демагогов вел демократию все дальше — вплоть до нынешнего положения» (1274a5–12). Характеристика же афинской демократии, которую по ходу изложения дает Стагирит, не оставляет сомнений в её близости радикальной демократии: дурные руководители-демагоги (1274a10, 13–15); у власти простой народ, среди которого особенно выделяются матросы («корабельная чернь») (1291b23–24; 1304a23–25). Поэтому мы имеем полное право применять аристотелевское описание крайней демократии к государственному строю Афин, современных великому философу.

Того же мнения придерживаются многие исследователи.<sup>2</sup> Более сдержан в своем суждении известный французский специалист Р. Вайль:

<sup>1</sup> На это неоднократно обращал внимание в своем исследовании А.И. Доватур (Политика и Политии Аристотеля. С. 34–35, 43, 188 etc.).

<sup>2</sup> См., например: Бузескул В.П. История Афинской демократии. С. 291; Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947. С. 127, 141, 152–157; Бергер А. Политическая мысль древнегреческой демократии. С. 13; Hignett Ch. A History of the Athenian Constitution. P. 214; Sagan E. The Honey and the Hemlock. P. 107; Cohen D. The Rule of Law... P. 232. Б. Страус,

последняя разновидность демократии в «Политике» не есть скрупулезное, вплоть до мельчайших деталей, описание афинской демократии; просто неприятие крайностей последней сказалось на создаваемой Аристотелем теоретической модели радикальной демократии.<sup>1</sup> Ж. Ромийи утверждает, что анализ демократии у Аристотеля «не был вдохновлен ни необходимостью реагировать на крайности афинской демократии, ни желанием модифицировать режим» и был «чисто теоретическим». Главный довод французской исследовательницы: связи Аристотеля с афинской демократией были ослаблены тем, что он не был уроженцем Афин и провел в этом полисе лишь часть жизни,<sup>2</sup> — трудно счесть убедительным. В одной из недавних работ Э. Шютрumpf выражает сомнение в том, что под последним видом демократии в аристотелевской классификации скрывается афинская демократия IV в., хотя и признает наличие сходства между ними. В обоснование своей позиции немецкий ученый ссылается на комплиментарное описание восстановленной в 403 г. демократии в «Афинской политике» (Aristot. Ath. pol. 40, 3).<sup>3</sup> Однако Аристотель хвалит её именно за амнистию и умеренность к врагам демократии, послужившим основанием для примирения и согласия (ὁμόνοια), а не как политический строй in toto. Через несколько строк после данной похвалы следует известная характеристика демократии IV в., в которой все управляется «постановлениями и судами» (41, 2), — такая демократия, управляемая не законами, а псефизмами, явно несимпатична философу и однозначно подпадает под данное им определение крайней, или последней разновидности этого политического строя. Нетрудно заметить: даже те исследователи, которые не желают считать афинский государственный строй, современный Аристотелю, прообразом для его теоретической модели последнего вида демократии, все равно признают наличие определенного сходства между ними.

---

который полагает, что Аристотель отнёсся к афинской демократии незаслуженно критически, не сомневается в том, что философ рассматривал её именно как радикальную разновидность демократии в полном соответствии со своим описанием. (Strauss B.S. On Aristotle's Critique of Athenian Democracy // Essays on the Foundations of Aristotelian Political Science / Ed. C. Lord, D.K. O'Connor. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 216–217).

<sup>1</sup> Weil R. Aristote et l'histoire: Essai sur la "Politique". P., 1960. P. 182–183.

<sup>2</sup> Romilly J. de. Problèmes de la démocratie grecque. P. 122.

<sup>3</sup> Schüttrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // AD. S. 280–283.

Аристотель не просто наблюдал современную ему афинскую жизнь: демократия вообще и афинская прежде всего были для него объектом скрупулёзного и беспристрастного научного анализа. Для того, чтобы опровергать наблюдения и доводы Стагирита, относящиеся к современным ему Афинам, должны быть очень серьёзные основания — *opus probandi* лежит на тех, кто решится на это. Здесь недостаточно ссылок на происхождение философа (родом из богатой семьи, из местности, где главной региональной силой была олигархическая Халкидская лига), на полученное им образование (антидемократическая атмосфера, царившая в стенах платоновской Академии), на его связи и симпатии к македонскому царскому дому (воспитатель Александра, друг Антипатра) или на риторическую подоснову его сочинений (афинская демократия как урок и пример)<sup>1</sup>.

Тем не менее в новейшей историографии в последние десятилетия все настойчивее высказывается мнение о принципиальной разнице между афинской демократией V в. и IV в., только в совершенно ином, отличном от оценок Платона и Аристотеля, смысле. Афиняне учли печальный опыт двух олигархических переворотов (411 и 404 г.) и после низвержения Тридцати тиранов так изменили свой государственный строй, что на смену суверенитета народа, осуществляемого через бесконтрольную и безудержную власть народного собрания, пришел суверенитет закона. Этому способствовали ревизия законов (проведенная в самом конце V в. до н.э.), осознание и фиксирование разницы между псефизмой и номосом (т.е. между декретом народного собрания и законом), введение новой процедуры принятия законов — номотесии (через комиссию номофетов, составленную из судей) и усиление роли и независимости народного суда — гелиэи. Ученые, придерживающиеся данного мнения, полагают, что афинская демократия эволюционировала в «правильном» направлении (с точки зрения современных либерально-демократических ценностей).

Книга Мартина Оствальда, одного из видных сторонников этой точки зрения, так и называется «От народного суверенитета к суверенитету закона». Её кода звучит следующим образом: «...Совет и собрание отошли на задний план в вопросах внутренней политики, и суды заняли центральное место... В вопросах законодательства собрание оставило последнее слово за номофетами. Так демократия достигла стабильности, прочности и непрерывности, когда высший суверенитет закона

---

<sup>1</sup> Так объясняет критическую оценку Аристотелем современной ему афинской демократии Б. Страус: *On Aristotle's Critique of Athenian Democracy*. P. 229–232.

ограничил суверенитет народа».<sup>1</sup> Мнение о том, что в IV в. до н. э. афиняне достигли, наконец, власти закона и пришли к «правовому государству», разделяет Рафаэль Сили: собрание принимало окончательные решения по политическим вопросам, но оно осуществляло свою власть строго в границах, установленных законом, и если оно их преступало, суды принимали меры через процедуру «жалобы на противозаконие» (γραφή παρανομίᾱς).<sup>2</sup>

Полностью поддерживает представление об афинской демократии IV в. до н.э. как о «правовом государстве» (un État de droit) Марсель Пьерар.<sup>3</sup> Жаклин Ромийи уверена, что в 403 г. афиняне согласились с идеей о том, что не народ, а закон должен быть высшей властью в государстве.<sup>4</sup> Ричард Гарнер полагает, что в IV в. были установлены дополнительные механизмы для сохранения и защиты власти закона, а побудило афинян к этому разочарование из-за поражения в Пелопоннесской войне и кровавая тирания Тридцати.<sup>5</sup> Возносит похвалы взвешенному политическому руководству, социальной стабильности и умеренности позднеклассической афинской демократии, лелеющей (cherished) право частной собственности и зиждящейся на среднем классе собственников, израильский историк Шалом Пёрлмэн.<sup>6</sup> Барри Страус вообще предлагает называть афинскую демократию IV в. до н.э. «конституционной демократией», чей облик Аристотель искажил и очернил. Его заявление: «Аристотель заходит слишком далеко, когда он отрицает, что Афинская демократия была строем, где царствовал закон»<sup>7</sup>, — может претендовать на то, чтобы стать *motto* современных критиков традиции. О том, что деятельность афинских судей и других избираемых должностных лиц подчинялась принципу «царствия закона» (в том числе через применение соответствующей клятвы), рассуждает немецкий правовед Г. Мейер-Лаурин.<sup>8</sup> Преданным адвокатом рассматриваемой точки зрения является Эдвард Гаррис.<sup>9</sup> Г. Вольф полагает, что с конца V в. с

<sup>1</sup> Ostwald M. From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Passim. Цитата — с. 524.

<sup>2</sup> Sealey R. The Athenian Republic: Democracy or the Rule of Law? P. 97; также — P. 90–91; 146–148; *idem*: On the Athenian Concept of Law. P. 302.

<sup>3</sup> Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // AD. P. 248–268.

<sup>4</sup> Romilly J. de. La loi dans la pensée grecque. P., 1971. P. 139–154.

<sup>5</sup> Garner R. Law and Society in Classical Athens. P. 139, 142.

<sup>6</sup> Perlman S. Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. P. 161–176 — passim.

<sup>7</sup> Strauss B. On Aristotle's Critique... P. 214, 229, 232; цитата — P. 222.

<sup>8</sup> Meyer-Laurin H. Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. S. 28–29.

<sup>9</sup> Harris E.M. Law and Oratory. P. 132.

помощью жалобы на противозаконие и номотесии были преодолены некоторые издержки прямой демократии и установлен успешный и стабильный политический режим.<sup>1</sup>

Вальтер Эдер тесно связывает вопрос об эволюции афинской демократии с вопросом о так называемом «кризисе полиса». Так как *communis opinio* новейшей западной историографии — отрицание какого бы то ни было кризиса полиса (в лучшем случае признаются лишь некоторые политические и социальные трудности в отдельных городах, но не в Афинах), афинская демократия IV в. до н.э. объявляется стабильной, процветающей, благополучно и закономерно развивающейся. При этом возрастающая стабильность и «контролируемый суверенитет» демоса приписываются совершенствованию структуры принятия решений, особенно введению номотесии, жалобы на противозаконие и проч.<sup>2</sup> Более того, афинская демократия после кодификации законов конца V—нач. IV в. до н.э. и создания тем самым подлинной демократической конституции, по утверждению В. Эдера, — это настоящая демократия, соединение народовластия, самоконтроля и законов, в отличие от прежней «управляемой (аристократическими лидерами — Т.К.) демократии» («guided democracy»), «демократии без демоса» или «одобряемой (scl. народом — Т.К.) аристократии» («aristocracy by acclamation»)<sup>3</sup>

Самым пламенным адептом данной концепции является Могенс Хансен, в многочисленных работах неоднократно утверждавший, что именно народный суд, а не народное собрание было сувереном в позднеклассических Афинах, благодаря чему прежняя «неограниченная власть народа» оказалась под контролем, а на место радикальной демократии времен Перикла заступила умеренная демократия века Демосфена<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Wolff H.J. «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... S. 22–25.

<sup>2</sup> Eder W. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // AD. S. 11–28; особенно — S. 21–28. Собственно говоря, симпозиум в Белладжии, материалы которого были опубликованы в данной книге (Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?), призван был окончательно «похоронить» концепцию кризиса полиса, о чем не раз вспоминали его участники (см., например: Davies J.K. The Fourth Century Crisis: What Crisis? P. 29). обстоятельную рецензию на данную книгу, можно сказать, являющуюся Grundlage современной западной историографии, написал И.Е. Суриков: Новая концепция афинской истории IV в. до н.э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235–245.

<sup>3</sup> Eder W. Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy // Democracy 2500? P. 107, 111–115, 129.

<sup>4</sup> Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 151, 300–304; *idem*. Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // GRBS. Vol. 19. 1978. P. 127–146; The Sovereignty of the People's Court... P. 11–15. Четко, по пунктам

Датский ученый считает, что афиняне в IV в. до н.э. *осознанно* преобразовали свой государственный строй в умеренную демократию в духе *πάτριος πολιτεία*.<sup>1</sup>

Любопытно, что сходных взглядов относительно соотношения власти суда и собрания в позднеклассических Афинах придерживался еще в XIX в. А.Н. Гиляров, правда, совсем с других идейных позиций. Российский ученый отмечал, что хотя формально собрание было выше суда, на деле главное значение в государстве во времена охлократии (т.е. со второй половины V в. до. н.э.) принадлежало суду. Его доводы аналогичны доводам современных западных историков: ни один закон не мог быть принят народным собранием без предварительного обсуждения гелиастами-номофетами; всякое внесенное в собрание предложение могло быть обжаловано перед судом с помощью жалобы на противозаконие; судьи ни перед кем не были ответственны. Именно ежедневно заседавший суд был центром общественной жизни в демократических Афинах.<sup>2</sup> Похожие утверждения (но без всякой неприязни к «охлокра-тии») встречаем и у видного представителя дореволюционной науки о классической древности в России — В.В. Латышева: «Гелиэя была высшим органом верховной власти афинского народа, обладавшим такими полномочиями, которые стояли выше полномочий совета и народного собрания и могли простирались на все стороны государственной жизни». Также: «Верховная власть афинского народа, выражавшаяся в постановлениях народного собрания, была ограничена законами».<sup>3</sup> Впрочем, ни в конце XIX, ни в первой половине XX в. тезис о примате народного суда перед народным собранием поддержки среди историков не получил. Авторы ставших классическими работ по истории Греции — Г. Бузольт, Г. Глотц, В. Эренберг, А. Гомм — не сомневались в главенстве и суверенности афинской экклесии, через работу которой и осуществлялась державная власть демоса<sup>4</sup>.

---

свою позицию датский ученый изложил в полемике с Й. Бляйкеном: Hansen M.H. Review Article: Athenian Democracy: Institutions and Ideology // CIPh. Vol. 84. No. 2. 1989. P. 141–144.

<sup>1</sup> Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 175, 288, 303.

<sup>2</sup> Гиляров А.Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. С. 178–180.

<sup>3</sup> Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Часть первая. С. 213, 232.

<sup>4</sup> Busolt G., Swoboda H. Griechische Staatskunde. Bd. I. S. 311–312; Glotz G. The Greek City... P.162; Ehrenberg V. The Greek State. L., 1969. P. 58; Gomme A.W. The Working of the Athenian Democracy // More Essays in Greek History and Literature. P. 188.

Было бы преувеличением утверждать, что столь популярная ныне теория «власти закона» в позднеклассических Афинах, превосходства гелизии над экклесией является общепризнанной. Раздаются и критические голоса — как в отношении концепции в целом, так и по отдельным её моментам. Взвешенную позицию по вопросу об эволюции афинской демократии в связи с возросшей ролью дикастериев занимает Джеймс О' Нил. Напоминая о том, что античные авторы воспринимали народный суд в качестве института, характерного именно для демократии, через который демос и осуществляет свою власть, австралийский ученый полагает, что «мы не должны видеть в возросшей роли народного суда движение в сторону от радикальной демократии, а скорее стремление к большей эффективности в её реальном осуществлении»<sup>1</sup>. Не согласна с представлением о смене «власти народа» на «власть закона» Клод Моссе, хотя она и признает постоянно растущее значение судов. Французская исследовательница указывает на то, что и в IV в. до н.э. важнейшие решения афинской внутренней и внешней политики обсуждались и принимались именно в экклесии.<sup>2</sup> Дэвид Стоктон и Саймон Хорнблauer, признавая центральную роль суда для афинской демократии, упрекают М. Хансена за радикализм.<sup>3</sup> Дж. Дэвис считает известную концепцию о перерождении радикальной демократии в IV в. «соблазнительной», но «спорной».<sup>4</sup> Признает существенную власть гелизии в Афинском государстве и Р. Синклер, однако он находит критику излишне категоричной концепции Хансена справедливой, указывая на то, что несмотря на некий сдвиг в балансе власти в пользу гелизии в IV в. до н.э., все же главную роль в афинской политике, в принятии решений играло именно народное собрание.<sup>5</sup> Мозес Финли замечал, что суды были выражением, а не уменьшением (*reduction*) абсолютной власти народа, осуществляющего её напрямую.<sup>6</sup> Еще раньше

<sup>1</sup> O'Neil J. The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. P. 88.

<sup>2</sup> Mossé C. Athens in Decline 404–86 B.C. P. 22–23; *eadem*. Politique et société en Grèce ancienne. Le «modèle» Athénien. P. 175–178. К. Моссе отмечает, что в заблуждение сторонников концепции «власти закона» могли ввести некоторые речи ораторов, произносимые перед судьями, в которых расхваливались суды и законы.

<sup>3</sup> Stockton D.L. The Classical Athenian Democracy. P. 52; 82.; Hornblower S. Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // Democracy: the Unfinished Journey, 508 B.C. to A.D. 1993 / Ed. by J. Dunn. P. 13.

<sup>4</sup> Davies J.K. Democracy and Classical Greece. Cambr. Mass, 1993. P. 227.

<sup>5</sup> Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. P. 72, 130, 132, 138.

<sup>6</sup> Finley M. Democracy Ancient and Modern. P. 50.



Чарльз Хигнет, анализируя изменения в афинском государственном строе, правда, в более ранний период — в конце V в. до н.э., отметил, что хотя эkklesia передала некоторые права суду (выслушивание отчетов магистратов, вынесение тяжких приговоров и проч.), ограничение народного суверенитета было только видимостью: дикасты — это тот же демос.<sup>1</sup> С подозрением относится к идее о «власти закона» и главный современный критик афинской демократии Лорен Сэмонс<sup>2</sup>. Скептически по отношению к ней настроены Мэтью Храйст, Дэвид Коэн и Стефан Тодд.<sup>3</sup> Не находит она сочувствия и у Й. Бляйкена, не верящего в то, что номотесия ограничила власть демоса, хотя и признающего позитивные изменения в государственном управлении Афин IV в. до н.э.<sup>4</sup> Еще один авторитетный специалист, которого М. Хансену не удалось убедить в том, что фактическая верховная власть в IV в. принадлежала именно народному суду, — Дуглас МакДауэлл.<sup>5</sup>

Видный английский историк — Петер Родс — полагает, что Оствальд, Сили и Хансен преувеличивают масштабы перемен: принципиально роль дикастериев в IV в. не изменилась в сторону усиления по сравнению со второй половиной V в. Имели место лишь некоторые технические новшества, и поэтому нет оснований говорить, что в IV в. суд был важнее эkklesias, а афиняне наслаждались «царством закона».<sup>6</sup> И хотя сами афиняне могли вполне искренне верить в то, что их суды придерживаются закона, существуют многочисленные примеры судебных решений, которые наше современное общество едва ли сочтет соответствующими идее «власти закона».<sup>7</sup> В то же время английский историк признает стабильность демократии в IV в. и наличие некоторых отличий как в понимании демократии, так и в самих демократических институтах. Но эти отличия он считает не следствием перераспределения власти в пользу народных судов, а результатом приобре-

<sup>1</sup> *Hignett Ch.* A History of the Athenian Constitution. P. 233.

<sup>2</sup> *Samons L. J.* What's Wrong with Democracy?... P. 30.

<sup>3</sup> *Christ M.R.* The Litigious Athenian. P. 22; *Cohen D.* Law, Violence and Community in Classical Athens. P. 34–57; *Todd S.* The Rhetoric of Enmity in the Attic Orators. P. 162.

<sup>4</sup> *Bleiken J.* Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // *Hermes*. Bd. 115. 1987. S. 257–283; о номотесии — S. 270.

<sup>5</sup> См.: *MacDowell D.M.* Review of Hansen, *The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Actions against Unconstitutional Proposals* // *CR*. Vol. 36. 1974. P. 231–232.

<sup>6</sup> *Rhodes P.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens... P. 303–319.

<sup>7</sup> См. некоторые конкретные примеры в: *Rhodes P.J.* Enmity in Fourth-century Athens // *Kosmos*. P. 144–162.

тения определенного опыта и осмысления уроков олигархических переворотов.<sup>1</sup>

Высказался по поводу ошибочности теории М. Хансена о суверенитете народного суда и Герхард Тюр. Он признает, что в начале IV в. до н.э. были приняты отдельные меры по усовершенствованию системы судопроизводства, как то введение института посредников-диэтетов, подача исков и свидетельских показаний в письменной форме и новая система распределения судей по дикастериям, препятствующая подкупу. Но эти меры не привели к принципиальному изменению ни афинской демократии, ни самой судебной системы. Г. Тюр говорит о невозможности сделать вывод о сдвиге компетенции в IV в. до н.э. от экклесии к гелиэе и именует подобные попытки «псевдо-юридической догматикой».<sup>2</sup>

Один из самых ярких современных американских историков — Джошуа Обер — выражает несогласие с выводом М. Хансена о переходе суверенной власти от экклесии к дикастериям и упрекает датского историка за преуменьшение роли социальных, политических и идеологических факторов в эволюции и функционировании афинской демократии и за преувеличение значения её институтов.<sup>3</sup> Д. Обер считает, что номотесия и *урафй паравому* отнюдь не уничтожили всевластия народа, и демократия IV в. не только не была некоей умеренной, смягченной разновидностью политического строя предыдущего века, а напротив, «была наиболее развитой, наиболее крайней и даже наиболее радикальной с точки зрения политической социологии».<sup>4</sup> Правда, американский антиковед солидарен с М. Хансеном в оценке афинского «социополитического порядка» IV в. до н.э. не как упадка или кризиса полиса, а как стабильной, относительно успешной *подлинной* демократии.<sup>5</sup>

По поводу дискуссии об эволюции афинской демократии высказывались и отечественные антиковеды, правда, немногие и вскользь, главным образом в примечаниях. Л.М. Глускина в короткой ссылке на работы Хансена отметила, что тот «справедливо подчеркивая большую роль народного суда в Афинах IV в. до н.э., в то же время переоцени-

<sup>1</sup> Rhodes P. Judicial Procedures in Fourth-Century Athens. P. 318–319.

<sup>2</sup> Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse? S. 321–331 (детальный разбор теории М. Хансена и её критика — S. 321–323); *idem*. Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // GP. S. 37–39.

<sup>3</sup> Ober J. The Nature of Athenian Democracy // The Athenian Revolution. P. 107–122.

<sup>4</sup> Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 98, 301.

<sup>5</sup> Ober J. Mass and Elite... P. 102–103; *idem*. The Athenian Revolution. Passim.

вает её, пытаясь доказать, что суверенитет принадлежал не народному собранию, а суду».<sup>1</sup> Л.П. Маринович не кажется убедительными возражения, высказанные против идеи «суверенитета закона», но она полагает, что вопрос о соотношении власти народного собрания и народного суда в позднеклассических Афинах не может считаться решённым в теоретическом аспекте и нуждается в дальнейшем исследовании.<sup>2</sup> Г.А. Кошеленко и Л.П. Маринович подготовили к изданию хрестоматию «Античная демократия в свидетельствах современников», снабдив её вступительной и заключительной статьями и комментариями. Замечания издателей демонстрируют полную поддержку концепции М. Хансена и его последователей: «современные исследования показывают, что Гелия представляла совершенно независимый от Народного собрания институт, к которому перешли (около середины IV в.) все [sic! — Т.К.] юридические прерогативы, ранее принадлежавшие Народному собранию».<sup>3</sup> Несогласие с тезисом М. Хансена о том, что высшим суверенным органом в демократических Афинах было не народное собрание, а суд, выразил И.Е. Суриков. Он метко подметил, что экклесия могла добровольно лишиться себя каких-то функций и передать их дикастериям, но так же свободно могла потребовать их обратно — и ей никто не смог бы помешать.<sup>4</sup> Однако, по сути, Игорь Евгеньевич принимает концепцию М. Хансена, утверждая, что «в V в. до н.э. афиняне мыслили в категориях *ὁ δῆμος κύριος* («народ — господин» — Т.К.), а «в эпоху поздней классики — скорее в категориях *ὁ νόμος κύριος* («закон — господин» — Т.К.).<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Глускина Л.М. Проблемы кризиса полиса. С. 36, прим. 120.

<sup>2</sup> Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы. Курс лекций. М., 2001. С. 30, 32. В новом учебном пособии Л.П. Маринович «Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению» (М., 2007) затрагивается ряд проблем, которые мы здесь обсуждаем: соотношение древней и современной демократий и дискуссия об эволюции афинской демократии (смена в IV в. до н.э. парадигмы «власть народа» парадигмой «власти закона»). Людмила Петровна излагает несколько точек зрения по этим вопросам (С. 27–39); её собственная позиция по «суверенитету закона» в сравнении с её прошлой книгой не претерпела изменений (С. 37).

<sup>3</sup> Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. С. 265. В качестве примера «современных исследований» авторы-составители ссылаются лишь на одну работу М. Хансена.

<sup>4</sup> Суриков И.Е. Изучение феномена полиса в западной историографии на рубеже XX – XXI вв.: копенгагенский центр М. Хансена // *Studia historica*. Вып. IV. 2004. С. 167, прим. 11.

<sup>5</sup> Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелии. С. 17.

Итак, обзор древней и новейшей историографии позволяет выделить два диаметрально противоположных взгляда на эволюцию афинской демократии; с некоторой степенью условности и упрощенности обозначим их следующим образом: 1) от власти закона к власти народа, 2) от власти народа к власти закона. Первый взгляд характерен для ряда греческих авторов и представлен такими именами, как Платон, Исократ и Аристотель. Второй взгляд появляется лишь в новейшей историографии, среди его наиболее ярких представителей — М. Хансен, М. Оствальд, Р. Сили, В. Эдер. Вопрос, который естественным образом возникает, — какой из двух взглядов ближе к истине? Для ответа на него сначала остановимся на основных доводах современных историков, прежде всего, М. Хансена, а затем обратимся к проблеме различия между древней и современной демократиями.

### § 3. «Анти-Хансен»

Концепция М. Хансена и его последователей об афинской демократии IV в. до н.э. как о подлинно демократическом строе (в современном либеральном понимании), основанном на власти закона, держится на трех институционных «китах»:<sup>1</sup> 1) номотесия; 2) введение жалобы на противозаконие (и то, и другое — средство осуществления контроля за законодательством со стороны народного суда)<sup>2</sup>; 3) расширение компетенции гелиэи — переход всех дел по исангелии в введение народного суда. К ним добавляется еще одна идеологема: 4) хвала законам в речах ораторов. Мы уже не раз в нашей работе спорили с М. Хансеном, а в главах V–VI нашего диссертационного исследования содержится достаточно фактического материала для того, чтобы поставить под сомнение доводы сторонников теории о «власти закона». Однако рассмотрим их еще раз по порядку.

<sup>1</sup> Это подметил Г. Тюр (именование «киты» — на моей совести — Т.К.): *Thyrt G. Die athenischen Geschworenengerichte — eine Sackgasse?* S. 322.

<sup>2</sup> Первые два тезиса еще до Хансена подробно обосновал в своей работе Г. Вольф: «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff... Passim, особенно: S. 22–23 — о *υπαφῇ παρανόμων* как о средстве для преодоления издержек прямой демократии и для пресечения злоупотребления демагогов; S. 24–25 — номотесия увела из-под компетенции народного собрания процесс создания новых законов и внесения изменений в законодательство. О *υπαφῇ παρανόμων* как об ограничении суверенной народной воли рассуждал также Ведель (*Wedel W. von. Die politischen Prozesse...* S. 165–167), а о номотесии похожие идеи высказывал У. Карштедт (*Kahrstedt U. Die Nomotheten und die Legislative in Athen.* S. 1–32).

1) *Номотесия*

Приведем, дополнив, некоторые выводы и соображения, которые мы уже излагали в этой работе (гл. VI, § 3). Для М. Хансена номотесия — один из главных доводов в пользу его тезиса о том, что в IV в. произошло перераспределение власти в пользу суда и по-настоящему суверенным органом являлась теперь именно гелиэя, а не экклесия, ведь решающее слово в изменении законов стало принадлежать судьям-номофетам. Однако, коллегия номофетов — отнюдь не «суверенный» орган: она приступала к своим обязанностям лишь по решению народного собрания, не имела никакой законодательной инициативы и только выбирала между предложенными вариантами.<sup>1</sup> Как заметил Й. Бляйкен, сами «афиняне... не делали качественного и институционального различия между номофетами и народным собранием».<sup>2</sup> Номофеты, хотя и выбирались из состава дикастов, но это все же не суд — эту разницу, как кажется, датский историк игнорирует. Некоторые исследователи считают колледию номофетов чем-то вроде комитета экклесии,<sup>3</sup> представителями всего гражданского коллектива,<sup>4</sup> а другие предполагают, что к середине IV в. требование о том, чтобы номофеты были обязательно судьи, было отменено или не соблюдалось более.<sup>5</sup>

К тому же, из-за того, что новый порядок принятия законов был очень громоздким, процедура номотесии, видимо, применялась крайне редко. М. Хансен за период с 403 по 322 г. до н.э. насчитал примерно 3000 заседаний экклесии, на каждом принималось порядка 9–10 декретов, т.е. всего их было принято около 30000. Нам известно около 800 псефизм — 488 сохранилось в виде надписей (как правило, в не очень хорошем состоянии, в виде отдельных фрагментов) и около 219 упоминаются в литературных источниках. Из общего числа только 9 псефизм фигурируют и в надписях, и у греческих авторов.<sup>6</sup> За тот же период времени (с 403 по 322 г.) из эпиграфических источников нам известны всего лишь 7 законов. Мы можем с большой долей уверенно-

<sup>1</sup> На это обратил внимание Р. Сили: *On the Athenian Concept of Law*. P. 292. См. также: *Welwei K.W. Die griechische Polis*. S. 263–264.

<sup>2</sup> *Bleiken J. Die athenische Demokratie*. S. 151.

<sup>3</sup> *Gomme A.W. The Working of the Athenian Democracy*. P. 186.

<sup>4</sup> *De Laix R.A. Probouleusis at Athens*. P. 65; *Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte...?* S. 322.

<sup>5</sup> *MacDowell D. Law-making at Athens...* P. 64–65, 73; *Rhodes P.J. Nomothesia...* P. 57. Допускает такую возможность: *Lotze D. Die Teilhabe des Bürgers...* S. 410.

<sup>6</sup> *Hansen M.H. The Athenian Democracy...* P. 156. Там же о содержании этих декретов.

сти утверждать, что подавляющее большинство решений экклесии и в IV в. представляло из себя именно псефизмы — через их массовое принятие без лишних хлопот и проволочек народное собрание продолжало успешно реализовывать свою законодательную активность. Интересно, что Аристотель совершенно проигнорировал номотесию, подробно описывая государственный строй Афин IV в. до н.э. в своей «Афинской политике», при этом в «Политике» он часто критиковал радикальную разновидность демократии (имея в виду, очевидно, афинскую) за то, что верховная власть в ней принадлежит не законам, а псефизмам (1292a5; 1292a35; 1293a10). Стагирит мог вполне посчитать номотесию неэффективным и малопродуктивным институтом, не достойным упоминания,<sup>1</sup> исходя из того, что законодательная деятельность собрания осуществлялась главным образом не через громоздкую процедуру номотесии, а по-прежнему через принятие псефизм. Вывод, к которому мы приходим: учреждение номотесии, если и привело к некоему упорядочиванию законодательной деятельности, отнюдь не лишало власти суверена, т.е. демоса.

## 2) Жалоба на противозаконие

М. Хансен полагает, что *υραφῆ παρανόμων* — некая узда на принцип бесконтрольного народного суверенитета, который был характерен именно для радикальной демократии (в концепции датского историка — это та, которая существовала в V в. до н.э., до ревизии законов). Однако возникла жалоба на противозаконие во времена как раз радикальной демократии (незадолго до или в 415 г.), и судя по тому, с какой ненавистью относились к ней олигархи, упорно уничтожавшие данную процедуру при каждом удобном случае (т.е. олигархическом перевороте), в общественном сознании она воспринималась как краеугольный камень тогдашнего демократического устройства (Aeschin., III, 1–8; 190–202). В тех конкретных примерах, которые мы рассмотрели (гл VI, § 2), оснований для вывода о том, что *υραφῆ παρανόμων* использовали адепты умеренной демократии, боровшиеся таким образом с радикализмом и законодательными шатаниями народной массы, мы не обнаружили.

Едва ли можно считать, что благодаря процедуре жалобы на противозаконие суды контролировали законодательную деятельность собрания. По самым оптимистическим подсчетам М. Хансена суды рассматривали в среднем одну жалобу на противозаконие в месяц, а за год собрание принимало около 400 декретов, так что только ничтожная часть решений экклесии реально оспаривалась.<sup>2</sup> Мы уже обращали

<sup>1</sup> См.: Glotz G. The Greek City and its Institutions. P. 332.

<sup>2</sup> См.: Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 153.

внимание на содержание известных нам из источников жалоб на противозаконие — самый полный их перечень содержится в работах самого М. Хансена.<sup>1</sup> Выводы, которые следуют из их анализа, отнюдь не благоприятствуют концепции датского историка — можно сказать, лучше всего опровергает Хансена сам Хансен. Напомним, что очень часто оспаривались отнюдь не самые значимые и судьбоносные для афинского государства (и демократии) декреты о почестях (из 38 псефизм, атакуемых как неконституционные, относительно 6 ничего неизвестно, а 19 представляли из себя почетные декреты). Рассмотрение конкретных дел по жалобе на противозаконие, сведения о которых дошли до нас (см. гл. VI, § 2, 4), показывает, что *урафѣ паравѡμων* являлась, по сути, плодом сиюминутной политической ситуации и орудием политической, точнее внутрипартийной, борьбы.

Заявление Аристофонта о том, что его 75 раз привлекали к суду по *урафѣ паравѡμων* (Aeschin., III, 194) можно рассматривать и в том смысле, что дикасты редко и неохотно отменяли решения, принятые в народном собрании: иначе бы уже после третьего обвинительного вердикта по иску о противозаконии против Аристофонта и его законодательных инициатив, последний подвергся бы атимии и не смог выступать с предложениями в собрании. Кроме того, по жалобе на противозаконие оспаривались лишь декреты и законы, противоречащие действующим, — совершенно очевидно, что таковые составляли лишь ничтожную часть от производимого экклесией или номофетами «законодательного продукта».

Все те изменения и нововведения (о которых говорил М. Хансен и другие адепты концепции о «власти закона»), призванные сгладить опасности бесконтрольной и безудержной реализации народной воли, — как то *урафѣ паравѡμων* и номотесия, — вовсе не уменьшили и, тем более, не уничтожили власть демоса в позднеклассических Афинах.

### 3) *Расширение компетенции гелиэи*

В V — нач. IV вв. народное собрание выступало иногда в качестве суда по чрезвычайным государственным преступлениям (исангелии), но после 362 г. все 27 исангелий, о которых нам что-либо известно, кажется, слушались в суде (см. гл. V, § 3). То, что экклесия перестала заседать как суд по политическим преступлениям, т.е. перестала рассматривать дела по исангелии, — только предположение, основанное на молчании источников. Но даже если это так, как признает сам М. Хансен, народное собрание сохраняло контроль над политическими процессами, ибо его санкция была необходима, чтобы обвинения по исанге-

<sup>1</sup> Прежде всего в: *Hansen M.H. The Sovereignty of the People's Court...*

лии или апофасис попадали в народный суд.<sup>1</sup> Не совсем ясны причины подобного новшества (если оно вообще имело место). Главную роль могли сыграть соображения экономии: процесс по исангелии занимал весь день, т.е. покрывал всю повестку дня, его примерная стоимость — 1 талант (из расчета, что присутствовало примерно 6000 экклезиастов, а 1 драхма — плата за посещение собрания); в суде же он бы стоил примерно 250 драхм (при судебной комиссии в 501 человек и оплате в три обола). Побудить афинян отказаться от рассмотрения исангелий в собрании могло то, что в конце Союзнической войны государство было фактически банкротом.<sup>2</sup> Если «экономическая причина» выглядит достаточно разумной<sup>3</sup>, то совершенно абсурдными являются намеки датского ученого на некую идеологическую подоплеку: эта мера — еще один сознательный шаг афинян по направлению к умеренной демократии.<sup>4</sup>

Что касается участия гелиэи в проведении докимасии, на что М. Хансен также обращает внимание, можно заметить следующее: да, формально кандидатура избранного собранием стратега или финансового чиновника могла быть отвергнута судом во время докимасии. Но нам известен только один случай, когда кандидатура в стратеги была отклонена (это был Ферамен — *Lys.*, XIII, 10). Кроме того, хотя Хансен утверждает, что докимасия, как и эвтины (процедура сдачи отчета), были модифицированы в IV в. таким образом, чтобы повысить в них роль судов,<sup>5</sup> доказать это положение невозможно в виду скудности данных, и вполне вероятно, что роль судов в упомянутых процедурах была в известном нам виде установлена еще в середине V в. до н.э. благодаря реформам Эфиальта.<sup>6</sup>

#### 4) *Восхваление законов в речах ораторов*

У ораторов IV в. до н.э. действительно довольно часто встречаются утверждения о «власти законов», о том, что подчинение законам — отличительный признак демократии. В речи «Против Тимократа» Демосфен риторически вопрошает: «Можно ли назвать что-либо иное,

<sup>1</sup> *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 152–153.

<sup>2</sup> См.: *Hansen M.H.* Op. cit. P. 159; *Stockton D.L.* The Classical Athenian Democracy. P. 82.

<sup>3</sup> Ее признает, например, Г. Тюр: *Thür G.* Die athenischen Geschworenengerichte... S. 323.

<sup>4</sup> *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 159.

<sup>5</sup> *Ibid.* P. 300.

<sup>6</sup> См.: *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. P. 176–178; *idem.* Judicial Procedures... P. 307.



кроме законов, на которых прежде всего основаны благосостояние нашего государства, его демократическое устройство и свобода (τῶν γὰρ ὄντων ἀγαθῶν τῇ πόλει καὶ τοῦ δημοκρατούμενῃ καὶ ἐλευθέραν εἶναι ὥς ἄλλο τι τῶν νόμων αἰτιώτερόν ἐστιν)» (XXIV, 5 — пер. В.Г. Боруховича). В этой же речи находим рассуждения о том, чем отличается государство демократическое от государства олигархического: первое основано на принципах законности, его будущее определяют законы, принятые гражданами; а во втором — олигархи имеют возможность отменять то, что уже постановлено, а на будущее — принимать те решения, которые им заблагорассудится (75–76). В том же духе — замечание Эсхина в речи «Против Тимарха»: «Тирании и олигархии управляются личной волею правителей, а государства с демократическим строем — установленными законами (διοικοῦνται δ' αἱ μὲν τυραννίδες καὶ ὀλιγαρχίαι τοῖς τρόποις τῶν ἐφεστηκότων, αἱ δὲ πόλεις αἱ δημοκρατούμεναι τοῖς νόμοις τοῖς κειμένους)» (4 — пер. Э.Д. Фролова). В речи «О венке» оратор утверждает, что «в демократическом государстве простой человек правит с помощью закона и права голоса (ἀνὴρ γὰρ ἰδιώτης ἐν πόλει δημοκρατούμενῃ νόμῳ καὶ ψήφῳ βασιλεύει)» (Aeschin., III, 233).

Однако, едва ли афиняне — современники Демосфена и Эсхина — различали суверенитет законов и суверенитет народа, для них первое немыслимо без второго и реализуется через волю народа,<sup>1</sup> а их понимание «власти закона» далеко не всегда совпадает с современным. Провозглашаемая ораторами царство законов — во многом фикция. В одной из речей Демосфенова корпуса предлагается помогать тем, кто считает, что «глас законов — это ваш глас» (οἵτινες ἂν τὴν τῶν νόμων φωνὴν ὑμετέραν εἶναι νομίζωσι — XLII, 15) — оратор обращается к судьям, но имеется в виду весь народ (ср. Lys., XIV, 10). Эсхин призывает судей вынести «решение справедливое и полезное для государства» (ὑμεῖς... αὐτοὶ τὰ δίκαια καὶ τὰ συμφέροντα ὑπὲρ τῆς πόλεως ψηφίσασθε — III, 360, ср. Lys., XXI, 12): правосудие и интересы демоса связаны неразрывно. В речи «Против Мидия» Демосфен на вопрос «в чем же состоит сила законов? (ἡ δὲ τῶν νόμων ἰσχὺς τίς ἐστιν;)», дает следующий ответ: «Если кто-нибудь из вас громко закричит, что его обидели — прибегут ли к нему законы на помощь, чтобы его защитить? Нет, разумеется! Ведь это написанные тексты (γράμματα γὰρ γεγραμμέν' ἐστί), и они сами по себе не могут ничего сделать (καὶ οὐχὶ δύναιντ' ἂν τοῦτο ποιῆσαι). В чем же заключается их действительная сила? В вас самих, если вы их соблюдаете и делаете их могущественными для того, кто нуждается в их защите (ὑμεῖς ἔαν βεβαίωτ' αὐτοὺς καὶ παρέχητε

<sup>1</sup> См.: Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens. P. 300–301.

κυρίοις ἀεὶ τῷ δεομένῳ). Таким образом, законы у вас обладают силой и вы сильны благодаря законам (οὐκοῦν οἱ νόμοι θ' ὑμῖν εἰσὶν ἰσχυροὶ καὶ ὑμεῖς τοῖς νόμοις)» (XXI, 224 — пер. В.Г. Боруховича, с нашими изменениями). По Демосфену выходит, что законы служат демосу, а не наоборот. За рассуждениями греческих ораторов о «суверенных» законах стоит демос, и только благодаря его приверженности законам понятие «власть законов» наполняется смыслом. По сути, провозглашается идентичность законов, судов и демоса; закон неотделим от народа, его интересов и институтов.<sup>1</sup> Таким образом, ссылки современных авторов — М. Хансена и других — на цитаты из ораторов о «власти законов» лишены смысла, так как последние вкладывали в это понятие несколько иной смысл, чем принятый ныне.

Некритическое принятие на веру восхвалений законов у античных авторов может быть поставлено под сомнение еще по нескольким причинам. Робин Лэйн Фокс справедливо предостерегает: как бы не принять пропаганду в судах за идеологию: наиболее ясные утверждения о спасительной роли законов содержатся в речах, произносимых в суде, — видимо, «ораторы рассматривали подобные заверения как важный и эффективный гамбит».<sup>2</sup> Ни в одной дошедшей до нас речи к народному собранию (их 15 в Демосфеновом корпусе), в изложении речей у Фукидида, в пародировании выступлений демагогов у Аристофана — нигде не встречаются лозунги о «власти закона». К тому же у самих античных авторов данный концепт был многозначным: у Платона и Аристотеля — отличным от Демосфена и Эсхина; античные философы, критиковавшие демократию, как раз ругали её за слабость законов и своеволие.<sup>3</sup>

Аристотель действительно писал: «где не властвуют законы, там нет и конституции» (ὅπου γὰρ μὴ νόμοι ἄρχουσιν, οὐκ ἔστι πολιτεία — Pol., 1292a33), — и дальше: «закон должен властвовать над всем», — но эти и подобные высказывания Стагирита и других греческих интеллектуалов и ораторов никак не могут служить «источниковой базой» для современных модернизаторских попыток узреть в них чуть ли не пред-

<sup>1</sup> См.: *Cohen D. Law, Violence...* P. 56, 184–185.

<sup>2</sup> *Fox Lane R. Aeschines and Athenian Democracy // RFP. Также: Mossé C. Politique et société en Grèce ancienne.* P. 175–178.

<sup>3</sup> Политические философы имели, конечно, свое видение того, что представляло из себя общество, ждущее на законах, и общество «беззаконное». Любопытную, но не бесспорную попытку вычленить у них некую теорию «власти закона», найти различия между соответствующей концепцией Платона и Аристотеля предпринял Д. Коэн: *Cohen D. The Rule of Law...* P. 227–238; *idem. Law, Violence...* P. 34–51.

вестников учений о «правовом государстве»,<sup>1</sup> а в афинской демократии — попытку её реализации на практике. Как еще полвека тому назад справедливо подметил С.Ф. Кечежян: «У античных политиков речь шла не столько о гарантиях законности, сколько о том, должно ли вообще государство управляться на основании законов или оно должно обходиться совсем без законов и быть управляемым в силу усмотрения правящих лиц».<sup>2</sup>

Греческие мыслители различали высший неписанный закон (νόμος), закон естественного права, связанный с моральными и религиозными установлениями, и законы (νόμοι) — творения вполне земных законодателей, которыми регулируется жизнь полиса.<sup>3</sup> Когда ораторы и философы хвалят законы, а современные исследователи на этом основании делают вывод о «царствии закона» в классических Афинах, — хочется спросить: какой закон имеется в виду? Если тот самый — неписанный, воплощение божественной воли, своего рода «естественный закон», — то можем ли мы на этом основании объявить Афины «правовым государством»? Совершенно очевидно, что современные поклонники такового имеют в виду совсем другие законы — «условные», «человеческие», «писанные» (νόμος ὑεγραμμένος, ἰδιος), которые регулируют нормы поведения, права и обязанности и проч. Если же судебные ораторы всё-таки восхваляют тот самый «человеческий» νόμος, который был не божественным установлением, а детищем законодателя, все равно остается серьезная проблема, бросающая тень на поиски «царствия закона» в демократических Афинах.

Афинские νόμοι имели некоторые серьезные концептуальные отличия от современных правовых норм и статутов. В афинских законах не давалось четкого определения тех правонарушений (преступлений), которые они запрещали или за которые они карали (см. § 5 гл. IV), и поэтому, например, развращение юношества могло стать частью обвинения в нечестии, как то было на процессе Сократа, — ведь не существовал какой-либо официальный перечень того, что входило в понятие «ἀσέβεια» («нечестие»). Именно судьи должны были решать, подпадает ли материал обвинения под данную «статью» или нет. Поэтому, защищаясь, Сократ мог отрицать, что то, чем он занимается, есть развращение юношества, но он (т.е., конечно, прежде всего герой Ксенофонта

<sup>1</sup> См., например: *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois. P. 267.

<sup>2</sup> Кечежян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. С. 130–131.

<sup>3</sup> См., к примеру: *Thalheim Th.* Αὔραφοι νόμοι // RE. Bd. I. 1894. Sp. 889–990; *Wolff H.J.* «Normenkontrolle»... S. 69–70.

и Платона, могущий не быть тождественным «историческому» Сократу) не ставит под сомнение саму правомерность отнесения этого обвинения к нечестию, т.е. ему не приходит в голову сделать то, что сразу же сделал бы любой современный адвокат.<sup>1</sup>

Немецкий исследователь Рушенбуш выдвинул заслуживающую внимания теорию «правовых пробелов» (*Die Lückentheorie*): афинские законы не были всеобъемлющими;<sup>2</sup> в них не давалось определений «состава преступления» (например, что именно понимается под ἀσέβεια — «нечестие», или ἀπάτης τοῦ δήμου — «обман народа», или ὕβρις — «оскорбление, обида»); вместо того чтобы сокращать количество «неписанных правонарушений» (ἄγραφα ἁδικήματα) принятием новых соответствующих статутов, «провалы в законах» (*Rechtslücken, Gesetzlücken*) закрывались судебским суждением, исходящим из соображений справедливости.<sup>3</sup> В древнем Риме, например, а вслед за ним и во многих современных государствах, дефиниция и толкование статутов были (и есть) уделом элитарной группы экспертов-правоведов. В Афинах не пошли по тому же пути, ибо это лишило бы демос части его власти. Интерпретация правовых норм была оставлена на усмотрение судей, и они интерпретировали их весьма широко. Судебное разбирательство в классических Афинах — это не применение закона, а борьба вокруг того, что означает этот закон и каким образом он соотносится (если вообще соотносится) с сутью тяжбы.<sup>4</sup> Участникам тяжбы не было необходимости даже знать законы, главное — правильно говорить о них и провозглашать свою им верность.

В современном судопроизводстве уголовный процесс происходит на основе узких дефиниций правонарушения и определения того, вписывается ли разбираемое деяние в рамки этих дефиниций. Основа афинского процесса была куда шире: она включала в себя коллективную моральную оценку, даваемую судьями и самому деянию (было ли оно правым или нет), и тому, кто в нем обвинялся (хорош он или плох).

<sup>1</sup> Пример с Сократом приводит Д. Коэн: *The Rule of Law ...* P. 242.

<sup>2</sup> Обоснование этой теории немецкий исследователь находит у Аристотеля (*Rhet.*, 1354a27–1354b11) и особенно — Платона (*Polit.*, 294b): из-за несходства, существующего между людьми, «закон ...не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать» (пер. С.Я. Шейнман-Топштейн).

<sup>3</sup> *Ruschenbusch E.* Δικαστήριον πάντων κύριον. S. 263–267. Рушенбуш особо отмечает, что наличие таких «правовых пробелов» не было чьей-то злой волей (например, Солона), а являлось результатом естественного развития в новых условиях древних правовых норм (S. 268–269).

<sup>4</sup> См.: *Johnstone S.* Disputes and Democracy. P. 1.

Объединение в одно, смешение *поступка*, нарушающего закон, и *личности* нарушителя сомнительны не только с точки зрения современных представлений о «власти закона», но и с точки зрения провозглашаемых самими афинянами принципов законности. Д. Коэн назвал это не просто «издержками народной юстиции», а «фундаментальным противоречием в рамках афинского правового процесса, противоречием, центральным для функционирования закона в рамках радикальной демократии».<sup>1</sup> Присоединяясь к оценке, данной американским ученым, мы бы заменили «радикальную» демократию на «прямую».

С точки зрения современных представлений о «правовом государстве», базирующемся на «власти законов», необходимым условием для существования такого государства является наличие независимой судебной власти, а также правосудия, изолированного (в идеале) от политической борьбы и политических игр. Далее, если судьи в нем и принимают во внимание социальный статус, происхождение, богатство тяжущихся, то, по крайней мере, не выносят на этом основании свое решение (опять же в идеале!), — т.е. все то, что мы решительно не наблюдаем в афинских судах, которые, напротив, были местом, где сходились и сталкивались политические и социальные силы и интересы. Тяжущиеся приходили в афинский суд не только, чтобы отстоять абстрактную справедливость, но и преследуя личные интересы, подталкиваемые враждой, мщением, желанием обрести новые подмошки для старого конфликта; исход судебного агона часто определялся теми социальными ресурсами, которыми обладал его участник (богатство, статус, друзья, репутация).<sup>2</sup> Некоторые черты афинского судопроизводства находятся в очевидном противоречии с современными демократическими принципами «власти закона», а восхваление законов в устах судебных ораторов скорее представляло из себя некий идеологический конструкт, призванный удовлетворять потребности политики и риторики.<sup>3</sup>

Разобравшись с основными доводами — теми «китами», на которых основана концепция об Афинах IV в. до н.э. как о государстве, в котором властвовали законы, а не демос, заметим в заключение следующее. Хотя приговор суда как выражение народной воли был окончательным, суверенным (*κύριος*) и совершенным (*ἀντοτέλης*), однако существовал орган в афинской демократии, который мог отменить решение гелиэи, — это было народное собрание, т.е. сам демос. Экклесия сохраняла выс-

<sup>1</sup> См.: *Cohen D. Law, Violence...* P. 188–190. Цитата: *idem. The Rule of Law ...* P. 242.

<sup>2</sup> См.: *Cohen D. Law, Violence ...* P. 115, 118, 122.

<sup>3</sup> *Ibid.* P. 182.

шую власть, ибо обладала правом помилования, принимала указы об амнистии и предоставляла ἄδεια — безопасность от наказания.<sup>1</sup> Полный суверенитет в афинском государстве, какие бы комплименты не отпускали в адрес судей и народного суда во время процессов ораторы, мог принадлежать только всему гражданству, воплощением которого и была экклесия.

Завершая данный раздел, воспользуемся фантазией и позаимствуем у М. Хансена «живую картинку»: перенесемся через века и расстояния в Афины «Демосфенова века» и зададим первому встречному вопрос: «Кто господин (κύριος) в Афинах?». Все источники, по мнению датского историка, указывают на то, что ответ будет: «Законы (οἱ νόμοι)».<sup>2</sup> Нам же кажется, что ответ случайно встреченного нами прохожего — простого афинского обывателя (ιδιώτης), — будет таким: «Народ афинский (ὁ δῆμος Ἀθηναίων)».<sup>3</sup> Сошлемся в доказательство на слова из «Речи против Неэры» Демосфенова корпуса: «Народ афинский обладает высшей властью во всех делах государства и может сделать все, что захочет» (ὁ γὰρ δῆμος ὁ Ἀθηναίων κυριώτατος ὦν τῶν ἐν τῇ πόλει πάντων, καὶ ἐξὸν αὐτῷ ποιεῖν ὃ τι αὐτῷ βούληται — Dem., LIX, 88). Наиболее вероятным автором этой подлинной квинтэссенции принципа народного суверенитета является оратор и политический деятель Аполлodor, сын бывшего раба, знаменитого банкира Пасиона, получившего по воле афинского народа гражданские права.

#### § 4. Демократия древняя и современная: типология афинской демократии

Пожалуй нет такого историка, политолога или политического философа, который не согласился бы с тем, что главное отличие современной демократии от древней — представительство.<sup>4</sup> Подразумевается,

<sup>1</sup> *Lipsius J.H.* Das attische Recht... S. 953; *Glötz G.* The Greek City and its Institutions. P. 250; *Bonner R., Smith G.* The Administration of Justice. Vol. II. P. 253. Примеры подобной деятельности экклесии мы приводили в § 6 гл. IV данной работы.

<sup>2</sup> *Hansen M.H.* The Athenian Democracy. P. 303.

<sup>3</sup> Такой же ответ предлагал: *Fox Lane R.* Aeschines and Athenian Democracy. P. 147.

<sup>4</sup> См., например, ставшую почти классической работу современного американского политического философа Р. Даля: Демократия и её критики (*Dahl R.A.* Democracy and Its Critics) / Пер. с англ. под ред. М.В. Ильина. М., 2003. С. 29–30, 45–46. Связывая современную демократию с представительством, Даль примыкает к длинной и почтенной традиции, восходящей к пуританам, Монтескье и особенно Джеймсу и Джону Стюарту Миллям

что если в древней демократии народ осуществлял свою власть непосредственную, то в современной — через своих представителей.<sup>1</sup> Отсюда и названия: для древней — «прямая демократия», для современной — «представительная». Однако в обоих случаях речь идет именно о демократии, так как в конечном счете верховная власть принадлежит народу. Иными словами, древняя и современная демократии есть не более чем два вида одного и того же рода, имя которому — демократия.

Следует признать несостоятельными попытки отыскать представительство в Афинах (мы не имеем в виду его зачатки). Из того, что в Афинах существовали избранные народом должностные лица, никак не следует вывод о представительном характере афинской демократии. Представительство предполагает, что не сам народ, а *его представители* осуществляют верховную власть, тогда как в Афинах верховную власть осуществлял именно народ. Также несостоятельны попытки объявить Афины недемократическим государством на том основании, что в них было рабство, не предоставлялись гражданские права метекам или скверно обращались с женщинами. Слово «демократия» (если не вкладывать в него посторонние смыслы) не подразумевает отсутствие рабов и бережное отношение к тем или иным социальным группам. Правда, демократичность Афин может быть поставлена под сомнение на том основании, что женщины и неграждане не участвовали в народном собрании, но тогда и демократии недавнего прошлого следовало бы объявить недемократиями, раз в них еще в начале XX века женщины не участвовали в выборах.<sup>2</sup>

Разумеется, представительство — не единственное отличие современной демократии от древней. Исследователи обращают внимание на отсутствие в Афинах партийной системы, избираемой и профессиональной бюрократии, а также «системы сдержек и противовесов», в основе которой — разделение властей.<sup>3</sup> Всепроницающий характер вла-

<sup>1</sup> См. любопытную интерпретацию этого отличия (передача власти «представителям народа» — злонамеренный умысел американских «отцов-основателей» по отчуждению народа от политической власти) в работе известной поборницы прямой демократии Э. Вуд: Wood E.M. Democracy: An Idea of Ambiguous Ancestry // APTRAD. P. 61–63.

<sup>2</sup> См., например, критический разбор данного аргумента против «демократичности» афинской демократии в: Raaflaub K. Power in the Hands of the People... P. 34.

<sup>3</sup> См., например: Murray O. Liberty and the Ancient Greeks // The Good Idea: P. 35; Browning R. How Democratic Was Ancient Athens? // The Good Idea. P. 65; Kagan D. Pericles of Athens... P. 49; Ober J. The Athenian Revolution. P. 4; Hansen M.H. The Athenian Democracy... P. 244; Yunis H. Taming Democracy... P. 4, 12.

сти суверенного демоса делал невозможным существование независимой судебной или исполнительной власти.<sup>1</sup> Признается, что в Афинах должностные лица не имели реальной власти, поскольку избирались по жребию, коллегиально, краткосрочно, ежегодно сменялись и главное — постоянно отчитывались перед демосом.<sup>2</sup>

Сравнительное исследование древней и современной демократий не сводится к одному только поиску существующих между ними различий. Часто оно сопровождается оценкой этих демократий с точки зрения «идеи демократии вообще». При этом даже те исследователи, которые признают необходимость представительства для современных демократических государств, все равно полагают, что идее демократии более соответствует прямая демократия, тогда как представительная — своего рода вынужденная уступка, обусловленная обширностью территорий современных государств. В обоснование своего мнения исследователи указывают на характерную для афинской демократии вовлеченность широких народных масс в дело управления государством, на их активное участие в инициировании, обсуждении и принятии решений.<sup>3</sup>

В этом отношении показательны работы последних лет, посвященные прямой демократии вообще и афинской демократии в частности. Во всех них проводится мысль о значимости афинского опыта для современных демократических государств и о необходимости воссоздать если не сами древние институты, то хотя бы «афинский дух» — с тем чтобы найти новые формы участия народа в управлении государством.<sup>4</sup> Д. Кэген считает, что афинская демократия может стать примером и вдохновением для «новых демократий» Центральной и Восточной Европы.<sup>5</sup> М. Хансен (и он не одинок в этом своем убеждении) полагает, что «прямая демократия более демократична, чем представительная»<sup>6</sup> и что

<sup>1</sup> См.: *Finley M. Democracy Ancient and Modern*. P. 116–117; *Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens*. P. 83; *Ober J. Mass and Elite...* P. 7; *Yunis H. Op. cit.* P. 6.

<sup>2</sup> См.: *Finley M. Op. cit.* P. 17–18, 24–25; *Sinclair R.K. Op. cit.* P. 179; *Hansen M.H. Op. cit.* P. 236.

<sup>3</sup> *Finley M. Op. cit.*; *Sinclair R.K. Op. cit.* *Ober J. The Athenian Revolution*; *Hansen M.H. Op. cit. Passim.*

<sup>4</sup> Последнее предложение примерно в таких словах формулирует М. Финли. См.: *Finley M. Op. cit.* P. 36. См. также: *Larsen J.A.O. The Judgment of Antiquity on Democracy // CIPh. Vol. 49. 1954. P. 13*; *Sagan E. The Honey and the Hemlock. P. 273–283*; *Ober J. Mass and Elite...* P. 9; *Roberts J.T. Athens on Trial. P. 175.*

<sup>5</sup> *Kagan D. Pericles of Athens...* P. 273–274.

<sup>6</sup> *Hansen M. H. The Tradition of the Athenian Democracy // G&R Vol. 39. 1992. P. 24.* Аналогичное утверждение в: *Raaflaub K. Power in the Hands of*



афинская демократия ни в чем не уступает, а в чем-то даже превосходит современную.<sup>3</sup> Э. Вуд утверждает, что современные демократии узурпировали античное наименование, а на самом деле капиталистическая «формальная демократия, демократия прав и процедур, лишенная социального контекста», изобретенная в Америке в конце XVIII в., значительно уступает по всем демократическим показателям, прежде всего по участию простого народа в политической власти и защите его прав, подлинной демократии — афинской.<sup>4</sup> Особо подчеркивается, что между афинской и современной демократиями нет принципиальных «идейных» отличий, поскольку у них общие ценности — равенство и свобода. Причем речь идет не только о свободе позитивной (участие в принятии политических решений), но и свободе негативной (отсутствие политического подавления).<sup>5</sup>

Вместе с тем существуют веские теоретические основания усомниться в том, что прямая и представительная демократии — виды одного и то же рода. С этой целью рассмотрим классификацию форм правления, разработанную российским философом В. Вольновым в книге «Феномен свободы».<sup>6</sup> В основе данной классификации лежат два критерия, из которых нас будет интересовать лишь первый — способ воспроизводства и надзора за властью. По этому критерию государства (формы правления) делятся на *автократические* и *демократические*. Автократия — это государство, в котором власть (правители) воспроизводит и смотрит за собой сама (невыборная и неподнадзорная власть), при демократии власть воспроизводят и за ней смотрят люди, сами властью (правом на закон) не обладающие (выборная и поднадзорная власть).

---

the People... P. 35 («в рамках строго ограниченного гражданства, типичного для всех древних обществ, афинская система была гораздо более participatory и в этом смысле более демократичной, чем поздние формы демократии»).

<sup>3</sup> Hansen M.H. Was Athens a Democracy? (Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought). В превосходстве прямой демократии уверен: Ober J. Political Dissent... P. 12.

<sup>4</sup> Wood E.M. Demos Versus "We, The People...": Freedom and Democracy Ancient and Modern // Demokratia. P. 121–137; цитата — стр. 128; eadem: Democracy: An Idea of Ambiguous Ancestry. P. 60–63, 70–76.

<sup>5</sup> См.: Raaflaub K. Democracy, Oligarchy, and the Concept of the "Free Citizen" in Late Fifth-Century Athens // Political Theory. Vol. 11. № 4. 1983. P. 522; Hansen M.H. The Ancient Athenian and the Modern Liberal View of Liberty as a Democratical Ideal // Demokratia. P. 91–104; Ober J. Political Dissent in Democratic Athens... P. 6–7.

<sup>6</sup> Вольнов В. Феномен свободы. СПб., 2002. С. 266–278.

Нет ни малейшего сомнения в том, что представительная демократия полностью укладывается в данное выше определение демократии (в смысле выборности и поднадзорности власти). Представительство как раз и означает, что власть воспроизводят и за ней смотрят люди, сами властью не обладающие, и даже если в конституции современного государства сказано: «Верховная власть принадлежит народу», — это ни в коей мере не означает, что верховная власть именно народу и принадлежит. Верховная власть принадлежит тому, кто обладает правом на закон, тогда как в современных демократиях народ таким правом не обладает (если не принимать в расчет референдумы). В современных демократиях народ обладает совсем другим правом — правом на избрание людей, которые будут обладать правом на закон.

В условиях же прямой демократии верховная власть принадлежит народу пожизненно и переходит из рук в руки по наследству (от одного поколения к другому), т.е. такая демократия полностью укладывается в данное В. Вольновым определение автократии (в смысле невыборности и неподнадзорности власти). Действительно, о какой выборности может идти речь там, где каждый гражданин — без всяких выборов! — по достижению определенного возраста становится частью верховной власти? И суть дела не меняется от того, что в афинской демократии помимо народного собрания существовали избранные (по жребию или голосованием) должностные лица — ведь и монархия не исчерпывается единовластием монарха, а предполагает (или по крайней мере не исключает) существование избранных монархом чиновников.<sup>1</sup> К тому же хорошо известно, что афинские должностные лица были полностью подконтрольны и подотчетны народному собранию, и значит тем более нельзя говорить о том, что наличие избранных должностных лиц *принципиально* отличает древнюю демократию от монархии.

Таким образом, при всей своей парадоксальности напрашивается вывод, который и делает В. Вольнов: *прямая демократия есть разновидность автократии* и значит родственна не представительной демократии, а монархии и олигархии. Причем данный вывод, к которому мы полностью присоединяемся, означает, что прямая демократия не есть ни вид, ни родоначальница, ни даже несовершенная форма демократии.

Изложенные теоретические соображения дают ключ к решению проблемы эволюции афинской демократии, т.е. к ответу на поставленный выше (§ 2) вопрос. Почему некоторые весьма авторитетные антиковеды приходят к выводу, что афинская демократия эволюционировала к власти закона? Почему они отвергают мнение древних мыслителей,

<sup>1</sup> Там же. С. 272.

согласно которому она эволюционировала ровно в противоположном направлении? На наш взгляд, ответ на эти вопросы в том, что современные исследователи убеждены в родственности прямой и представительной демократий, считают их двумя видами одного и того же рода. Ведь если бы так оно и было, то вполне логично умозаключение: раз представительная демократия с момента своего возникновения в XVIII в. шла по пути либерального совершенствования, то и древняя демократия должна была идти по тому же самому пути — т.е., по пути прогресса в «правильном» направлении. Что же касается недостатков, связанных с прямым народоправством, то они должны были корректироваться, например, посредством перераспределения власти в пользу народного суда. Действительно, из того очевидного факта, что афинская демократия развивалась и это развитие было естественным и последовательным, сам собой напрашивается вывод, что оно неизбежно должно было иметь сходство с развитием демократии начиная с XIX в. — сначала в Америке, затем в Западной, а теперь и в Центральной и Восточной Европе (а также в прочих странах, добровольно или не очень вступивших на этот путь).

Более того, поскольку благодаря участию широких народных масс в управлении афинская демократия воспринимается как более соответствующая идее демократии, убеждение в родственности демократий рождает еще более сильный вывод: именно афинская демократия должна стать примером для подражания, именно у нее должны учиться современные демократические государства. Короче — назад в Афины! Однако при всей привлекательности этого призыва относиться к нему следует крайне осторожно. Ибо лежащий в его основе «либеральный» взгляд на эволюцию афинской демократии не находит подтверждения в известных исторических фактах и главное — категорически опровергается свидетельствами современников. При этом очевидно, что одними только ссылками на классовую предвзятость и «генетическую» антидемократичность объяснить их свидетельства невозможно. (В современной литературе нередко отмечаются критические высказывания античных авторов в адрес афинской демократии на том основании, что все критики происходили из высших слоев общества (элиты) и посему не могли оценивать демократию, воспринимаемую ими как власть простого народа, объективно.).<sup>1</sup>

<sup>1</sup> В этом едины как западные либеральные историки, так и советские историки-марксисты. См. например: *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy... P. 12–16; *Finley M.* Ancient History: Evidence and Models. L., 1985. P. 88–103; *Roberts J.T.* Athens on Trial. P. 15, 48–92 (passim), 118; *Бергер А.* Анаксагор и афинская демократия. С. 63.

Подводя итог сказанному, заметим, что в каком-то смысле современное антиковедение попало в сети омонимии. Так случилось (отчасти случайно, отчасти закономернo), что два разного рода государственных строя: строй, основанный в конце VI — начале V в. до н.э. в Афинах, и строй, основанный в конце XVIII — начале XIX в. в бывших английских колониях Северной Америки, — получили сходные имена: в первом случае — *dēmokratia* (δημοκρατία), во втором — *democracy*. Любопытно, что обретенное и тем, и другим видом государственного устройства имя было «не то», или «не совсем то», — незримо присутствующие при крестинах боги явно забавлялись... Отвлечемся ненадолго на проблемы терминологии.

У отцов-основателей американской демократии мнение об афинской демократии как о политической системе было в целом весьма нелицеприятным, несмотря на их несомненное увлечение классической историей и литературой<sup>1</sup> (а может быть, и благодаря этому). Их сердцу были милее патриархальная простота, чистота нравов и гражданские доблести республиканского Рима. Понятие «демократия», под которым они понимали прямую демократию в небольшом по современным меркам государстве, было в их представлении скомпрометировано афинской тиранией большинства<sup>2</sup>, поэтому выражая собственные политические пристрастия, они использовали слово «республика», которое обозначало не что иное как представительную демократию.<sup>3</sup> Джеймс Мэдисон не раз обращал внимание на зло прямого народного правления: «Во всех этих многочисленных собраниях ... страсти всегда удаются вырвать скипетр у разума. Даже если бы каждый афинянин был Сократом, каждое афинское собрание всё равно оставалось бы толпой (mob)»<sup>4</sup>. Создаваемое американское государство призвано было стать государством нового типа, ибо с помощью представительства, разделе-

<sup>1</sup> См. подробнее об этой увлеченности: *Reinhold M. Classica Americana: the Greek and Roman Heritage in the United States*. Detroit, 1984. Passim.

<sup>2</sup> В отказе от употребления данного понятия отцами-основателями сказывалось и влияние бывшей метрополии: слово «демократия» в политической британской литературе в конце XVIII в. использовалось в негативном значении, в качестве упрека, обвинения, ругательства, средства дискредитации политических оппонентов и т.п. Об употреблении слова «демократия» в ту эпоху см. интересную статью Р. Палмера: *Palmer R.R. Notes on the Use of the Word "Democracy" 1789–1799* // *Political Science Quarterly*. Vol. 68. № 2. 1953. P. 203–226.

<sup>3</sup> См. особенно *Madison J. Federalist* № 10 и № 63 // *The Federalist Papers* / Ed. by C. Rossiter. N.Y., 2003. P. 71–79; 380–388.

<sup>4</sup> *Madison J. Federalist* № 55 // *The Federalist Papers*. P. 340.

ния властей, системы сдержек и противовесов оно должно было избежать всех недостатков и пороков древней демократии, и имя у него должно было быть другое — «республика».<sup>1</sup> Только во времена президентства Эндрю Джексона (1829–1837) понятие «демократия» было реабилитировано и вошло в политический обиход, в немалой степени благодаря популистским замашкам и демагогической риторике седьмого президента Соединенных Штатов.

Что касается самого «прародительского» δημοκρατία — названия государственного строя классических Афин, — то разные исследователи, следовавшие доводам немецкого лингвиста О. Дебрюннера<sup>2</sup>, замечали, что слово δημοκρατία филологически «неправильное», «ненормальное».<sup>3</sup> Намек на то, что проблема с термином δημοκρατία существовала, можно найти у Геродота в «споре трех персов», или «конституционном дебате» (III, 80, 1–82, 5).<sup>4</sup> В уста Отана, выступающего за передачу власти народу, историк вкладывает такие слова: «правление народа прежде всего имеет прекраснейшее из всех имя — «исономия» (πλήθος δὲ ἄρχων πρῶτα μὲν οὐνομα πάντων κάλλιστον ἔχει, ἰσονομίην — III, 80, 6). Под «исономией» (букв. «равенство перед законом»), или «народным правлением», здесь очевидным образом подразумевается то, что впоследствии (или тогда уже) стало называться «демократией»<sup>5</sup>, т.е. Отан выступает защитником именно данной формы государственного устрой-

<sup>1</sup> Об особенностях концепции демократии у «отцов-основателей» и её отличиях от древнегреческого прототипа (или омонима?) см. подробнее: *Kudryavtseva T. Reclaiming Democracy: Three Stages in Developing the American Concept of Democracy // American Studies through Russian and American Eyes: New Curricula and New Pedagogies for English and the Social Sciences / Материалы 7-го международного семинара. Калининград, 2006. С. 145–151.*

<sup>2</sup> *Debrunner O. Δημοκρατία // Demokratia. Der Weg... S. 55–69.*

<sup>3</sup> *Ehrenberg V. Origins of Democratia // Historia. Bd. I. 1950. P. 523; Kinzl K.H. ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ: Studie zur Vor- und Frühgeschichte des Begriffs // Gymnasium. Bd. 85. 1978. S. 319–310; Lévêque P., Vidal-Naquet P. Cleisthenes the Athenian. P. 150, note 14; Eder W. Aristocrats... P. 113.*

<sup>4</sup> «Спор трех персов» о формах правления в «Истории» Геродота, по мнению многих ученых, дает некоторое представление о том, что по этому поводу могли думать и говорить, конечно, не персидские вельможи VI в. до н.э., а греческие современники историка, ориентируясь прежде всего на афинский опыт; данный пассаж относится к жанру конституционных дебатов, кажется, укоренившемуся в греческой мысли во второй половине V в. до н.э. Из недавней литературы на эту тему см.: *Ostwald M. Nomos... P. 107–116; Sealey R. The Origins of Demokratia. P. 272–277; Raaflaub K. Contemporary Perceptions... P. 41–45; Roberts J.T. Athens on Trial. P. 35–36.*

<sup>5</sup> Это *locus communis* (общее место) современной историографии пытается оспорить (неубедительно) К. Кинцль: *Kinzl K.H. ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ. S. 120.*

ства. Интересно, что Отан (или, если угодно, Геродот), подчеркивая преимущества правления большинства (πλήθος) и очевидным образом идентифицируя «πλήθος» со всем народом, при определении исономии предпочитает производные от «ἄρχειν» (πλήθος δὲ ἄρχον). Когда же слово берет отстаивающий олигархию Мегабиз, форму правления, которую предложил его оппонент, он описывает как «τὰ δ' ἔς τὸ πλήθος... φέρειν τὸ κράτος» («отдать власть толпе» — III, 81, 1), т.е. соединяет «πλήθος» с «κράτος».<sup>1</sup>

«Демократия», правильно понятая этимологически, должна была бы, по мнению Отто Дебрюннера, обозначать «обладать властью над народом» (die Macht über das Volk besitzend) или «обладать властью посредством народа» (durch das Volk die Macht besitzend). Такие «родственные» демократии термины, как *аристократия*, *плутократия*, *тимократия* обозначали власть *части*, а не большинства, на что вроде бы претендовала *демократия*. Нормальной формой для «власти народа» была бы *δημαρχία*, но в момент, когда возникла потребность в соответствующем термине, в Греции, в частности на о-ве Хиос и в Афинах, было должностное лицо «демарх». В Афинах — это староста, управлявший делами дема, и тогда получалось бы, что в слове «демархия» народ не субъект, а объект власти, т.е. оно означало бы не «власть народа», а «власть над народом», может быть, поэтому этот термин и не прижился.<sup>2</sup>

Э. Виль предложил свое объяснение, почему «-кратία» была предпочтена «-αρχία». Французский исследователь таким образом толкует разницу в значение: ἀρχή — «осуществление власти» (le pouvoir de commandement), господство индивида, группы, или общины *над* другими, тогда «δημαρχία» мыслится бы как власть простолюдинов *над* знатью, а это нехорошо. (Это «внешний» смысл ἀρχή; «внутри» полиса архэ — делегированная власть, уменьшенная и контролируемая, например, власть должностных лиц или Совета, лишенных реального суверенитета). Κράτος же — власть, могущество «само по себе».<sup>3</sup>

Нам трудно оценить весомость этимолого-лингвистических аргументов, для нас интересен сам факт наличия проблемы с термином δημοκρατία и существование его альтернативы — δημαρχία. В то же время, если изначально, когда понятие «демократия» только появилось,<sup>4</sup> терминологические неудобства, возможно, хотя и не очевидно, осознавались и переживались каким-то образом современниками, то к концу V в. до н.э.,

<sup>1</sup> См.: Eder W. Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy. P. 113.

<sup>2</sup> См.: Debrunner O. Δημοκρατία. S. 65.

<sup>3</sup> Will É., Mossé C., Goukowsky P. Le monde Grec et l'Orient. T. 1. P. 447.

<sup>4</sup> См. приложение к данной главе.

когда термин уже укоренился, едва ли кому-либо приходило в голову, что его можно воспринимать иначе, чем как «ὁ δῆμος κρατεῖ» («народ властвует»).

Возвращаясь к совпадению названий государственного строя древних Афин и нового государства, появившегося в конце XVIII в. на американском континенте, а потом и многих других государств, заметим следующее. Эта омонимия сыграла злую шутку с исследователями, затемнив сущностное (родовое) различие между прямой и представительной демократиями, так что в итоге различие между ними было сведено к чему-то несущественному, «косметическому» — наподобие различия между английскими словами *demokratia* и *democracy*. Отсюда непрекращающиеся споры и появление «новейшего» взгляда на эволюцию афинской демократии — взгляда, диаметрально противоположного мнению древних. Настойчивость тех, кто провозглашает преемственность и родство древней и новой демократий, подогревают идеологические и прагматические соображения. Как заметил Вальтер Эдер: «Будучи историками и живя в демократических государствах, мы пытаемся обеспечить тот государственный строй, который мы одобряем, протяженной генеалогией (*an extended genealogy*), и таким образом легитимизировать его посредством традиции впечатляющей весомости (*a tradition of impressive validity*)».<sup>1</sup> Суть подобного подхода точно передана во фразе другого современного историка античности, Барри Страуса: «Генеалогия — есть также идеология» (*any genealogy is also an ideology*).<sup>2</sup>

По нашему глубокому убеждению, только отказавшись от тезиса о родстве прямой и представительной демократий, можно разрешить трудности и противоречия, в которых запутались споры об эволюции афинской демократии.

<sup>1</sup> *Eder W.* Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy. P. 107.

<sup>2</sup> *Strauss B. S.* Genealogy, Ideology, and Society in Democratic Athens // *Democracy 2500?* P. 141.

## Приложение

### О понятии «демократия»

Геродот в своей «Истории» охарактеризовал Клисфена как человека, установившего в Афинах «филы и демократию» (ὁ τὰς φυλάς καὶ τὴν δημοκρατίην Ἀθηναίοισι καταστήσας — VI, 131).<sup>1</sup> Сам афинский «простат народа» едва ли осознавал себя основоположником демократии и пользовался соответствующим термином.<sup>2</sup> Высказывалось не раз предположение, что во времена самого Клисфена более популярными слоганами были исономия и исегория (ἰσονομία, ἰσηγορία)<sup>3</sup>. Об «исономии» («равенство перед законом», «равноправие»), впервые упомянутой в сколионе, где прославлялись тираноубийцы Гармодий и Аристоклитон (конец VI в.),<sup>4</sup> существует обширнейшая литература.<sup>5</sup> По общему мне-

<sup>1</sup> Мы совершенно согласны с теми исследователями, которые указывают на то, что Клисфен был не «идейным демократом», а практическим политиком, заинтересованным в устранении корней переживаемого афинским обществом внутреннего конфликта (дополнительным стимулом для него могло явиться и то, что он не нашел достаточной поддержки среди аристократических группировок). См., например: *Bengtson H.* Griechische Geschichte. S. 143; *Martin J.* Von Cleisthenes zu Ephialtes. S. 171–185; *De Laix R.A.* Probouleusis at Athens. P. 21; *Ostwald M.* From Popular Sovereignty... P. 16–19; *Зельин К.К.* Борьба политических группировок... С. 116–117; *Строгоцкий В.М.* Клисфен и Алкмеониды // ВДИ. 1972. № 2. С. 99–105; *Фролов Э.Д.* Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // Политические деятели античности, средневековья и Нового времени. Индивидуальные и социально-политические черты. Межвуз. сб-к. Л., 1983. С. 10–11.

<sup>2</sup> См.: *Pohlenz M.* Freedom in Greek Life and Thought: The History of an Ideal / Tr. by C. Lofmark. Dordrecht; N. Y., 1966. P. 23; *Larsen J.A.O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to George H. Sabine / Ed. M. Konvitz and A. Murphy. Ithaca, 1948. P. 1–16; *Ehrenberg V.* Origins of Democratia. P. 515–48; *De Laix R.A.* Op. cit. P. 21. Есть мнение, правда, изрядно и справедливо критикуемое, что слово *демократия* как термин существовало уже при Клисфене. См.: *Hansen M.H.* The Athenian Democracy... P. 70; *Fornara Ch., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes... P. 48.

<sup>3</sup> См., например: *Ostwald M.* Nomos... P. 149–158; *Ober J.* Mass and Elite... P. 74–75; *Raaflaub K.* Equalities and Inequalities in Athenian Democracy // Democratia. P. 144–145.

<sup>4</sup> В сколионе (Athen., 15, 695) употреблялось прилагательное: было сказано, что они убили тирана и сделали Афины равноправными (=свободными) (τὸν τύραννον κτανέτην ἰσονόμους τ' Ἀθήνας ἐποίησάντην).

<sup>5</sup> Вот далеко не полный перечень работ на эту тему: *Ehrenberg V.* Origins of Democratia. P. 530–537; *Larsen J.A.O.* Cleisthenes... P. 1–16; *Vlastos G.* Iso-



нию, этот термин — первоначально из лексикона знати и обозначал он своеобразное аристократическое равенство в противовес исключительному и «надзаконному» положению в обществе тиранов, но впоследствии он использовался для определения народного правления, выступая в качестве предшественника и синонима понятия «демократия».<sup>1</sup> Христиан Мейер полагает, что исономия — это вообще ранняя форма демократии, реализованная в Афинах с реформами Клисфена<sup>2</sup>. Постепенно на смену этому термину пришел другой, очевидно, более адекватный ощущению тех перемен, которые происходили в Афинском государстве.

Высказывалось предположение, что понятие «демократия» укоренилось где-то в начале V в., вскоре или сразу после реформ Клисфена. Как особая форма правления, отличающаяся от правления тирана (παρά τυραννίδι) и правления «мудрых» (видимо, аристократии — πόλιν οἱ σοφοὶ τηρέωσι), правление многих — «бушующая толпа (войско)» (ὁ λάβρος στρατός) — встречается у Пиндара, во Второй пифийской оде, датируемой обычно концом 70-х гг. или самым началом 60-х гг. (Pyth., II, 86–88).<sup>3</sup>

В пьесе Эсхила «Умоляющие» встречается выражение δῆμον κρατοῦσα χεῖρ («народа правящая рука» — Suppl., 604). Виктор Эренберг полагал, что оно означает не что иное, как «ὁ δῆμος κρατῶν τῇ χεῖροτινίᾳ», т.е. используется для выражения идеи власти народа, осуществляемой че-

---

nomia // AJPh. Vol. 74, 1953. P. 337–366; *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Cleisthenes the Athenian. Ch. 2. Isonomy and Democracy. P. 18–22; *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли / Пер. с фр. / Общ. ред. Ф.К. Кессиди, А.П. Юшкевича. М., 1988. С. 80–82, 120–121.

<sup>1</sup> См. предыдущую сноску, а также: *Raaflaub K.* The Discovery of Freedom in Ancient Greece, Chicago; L., 2004. P. 94, 99–101. Хотя сохранялось и первоначальное значение исономии как обозначения политического равенства, а не формы правления: так у Фукидида фиванцы говорят о своем государственном устройстве как об ὀλιγαρχία ἰσόνομος.

<sup>2</sup> См.: *Meier Chr.* The Greek Discovery of Politics. P. 30, 50–53, 66–68, 162.

<sup>3</sup> Так обычно толкуют этот пассаж; см., например: *Raaflaub K.* Democracy, Oligarchy... P. 537, п. 3; *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. P. 19. Его полный текст: ἐν πάντα δὲ νόμον εὐθύγκωστος ἀνὴρ προφέρει, παρά τυραννίδι, ἡρώταται ὁ λάβρος στρατός, ἡρώταν πόλιν οἱ σοφοὶ τηρέωσι («при любом законе говорящий прямо выделяется — при тирании, всякий раз когда бушующая толпа, или когда мудрые смотрят за городом»). Но иносказательную речь Пиндара можно понять и иначе: Бляйкен полагает, что поэт имеет в виду соперничающие силы в архаическом полисе, а не виды государственного строя: *Bleiken J.* Zur Entstehung der Verfassungstypologie im 5. Jahrhundert v. Chr. // *Historia.* Bd. 28. 1979. S. 150.

рез голосование (хиротонию), и равнозначно «ὁ δῆμος κρατεῖ» («народ правит»). Отсюда делается вывод, что и сама концепция народовластия, а может быть, и само слово *δημοκρατία* уже существовали в то время.<sup>1</sup> В 1950 г., когда В. Эренберг опубликовал свою статью «Происхождение демократии», большинство исследователей датировало «Умоляющих» 90-ми гг. V в. до н.э. Однако через два года после ее выхода, в 1952 г., был обнаружен фрагмент дидаскалий «Данаид», из которого следовало, что тетралогия была поставлена не раньше 468 г. до н.э.<sup>2</sup> Эта находка, не умаляя выводов В. Эренберга о политическом характере пьесы Эсхила, заставляет усомниться в гипотезе о раннем появлении понятия «демократия» — у нас нет убедительных данных, которые засвидетельствовали бы его появление до примерно середины V в.: самое раннее употребление этого понятия из дошедшей до нас литературы — у Геродота (IV, 137, 2; VI, 43, 3; 131, 1).<sup>3</sup>

Примерно в 60–50-х гг. V в. до н.э. у афинского гражданина Лисиды (кстати, из аристократической семьи) родился сын, названный *Δημοκράτης* (Демократом) — первый известный нам случай употребления подобного имени в Афинах.<sup>4</sup> Соблазнительно предположить, что понятие *демократия* уже тогда укоренилось и использовалось в положительном смысле, хотя точно мы все-таки не можем сказать, какой

<sup>1</sup> См.: Ehrenberg V. *Origins of Democratia*. P. 521–524. К. Кинцль (Kinzl K.H. *DEMOKRATIA*. S. 323–325) полагает, что слово *демократия* первоначально (может быть уже при Клисфене) обозначало *правление посредством демов*, а не народовластие (это значение появилось в конце V в. до н.э.). Это мнение особой поддержки в историографии не получило.

<sup>2</sup> Pap. Oxy. XX, 2256, fr. 3. См.: Lévêque P., Vidal-Naquet P. *Cleisthenes the Athenian*. P. 19, 150. О фрагменте папируса и полемике, которую породила его находка: Wolfst E.A. *The Date of Aeschylus' Danaid Tetralogy* // *Eranos*. 1958. P. 119–138; 1959. P. 6–34.

<sup>3</sup> Примеры приблизительной датировки появления понятия «демократия»: еще до 60-х гг. — Griffith G.T. *Isegoria in the Assembly at Athens*. P. 132, n. 4; примерно 60-ые гг.: Raaflaub K. *Einleitung und Bilanz: Kleisthenes, Ephialtes und die Begründung der Demokratie* // *Demokratia. Der Weg...* S. 46–48; Murray O. *Liberty and the Ancient Greeks* // *The Good Idea*. P. 35 — ок. 462 г.; в ближайшие десятилетия после 60-х гг.: Sealey R. *The Origins of Demokratia*. P. 253–295 — ок. 440 г., причем примерно до 411 г. — в нейтральном или пейоративном значении; Bleicken J. *Die athenische Demokratie*. S. 57.

<sup>4</sup> Davies J. K. *Athenian Propertied Families (600–300 B.C.)*. P. 359 (№ 3519 = 9574). Сын этого Демократа — герой платоновского диалога «Лисид». Об афинской ономастике — см. интересную работу: Карпюк С.Г. *Политическая ономастика классических Афин* // *Общество, политика и идеология классических Афин*. С. 203–272.

именно смысл вкладывался в это имя (*власть над-, власть посредством-, власть кого-*).<sup>1</sup> Одним из приятелей Перикла (Plut. Per., 13, 15), позже ставшим отчимом Платона (Plat. Charm., 158a), был афинский аристократ Пириламп, поразивший афинян диковинкой, привезенной из Персии — павлинами, которых он потом успешно разводил (Ant., fr. 57, Blass). В 40-х гг. у него родился сын, названный им Демосом (Plat. Gorg., 481d, 513b; Aristoph. Vesp., 98) (будущий герой процесса о павлинах, для которого писал речь Антифонт — Athen., IX, 397). В этом поступке любителя изысков и павлинов обычно видят следы политической мотивации: Пириламп демонстрировал тем самым свою лояльность набиравшей силу афинской демократии.<sup>2</sup>

За ту эпоху, которую мы условно именуем «золотой век» Перикла, термин демократия полностью прижился. Псевдо-Ксенофонт использует в своем памфлете слово «демократия» и производные от него 12 раз; Фукидид называет афинское государство демократическим, как само собой разумеющееся (II, 37, 1).<sup>3</sup> В 410/9 г. афиняне, пережившие олигархический переворот 411 г. до н.э., принимают по предложению Демофанта декрет: «Если кто станет ниспровергать демократию в Афинах или станет исполнять какую-либо должность после ниспровержения демократии, то пусть он считается врагом афинян и пусть он будет убит безнаказанно, имущество же его пусть будет конфисковано, и десятая часть пусть будет выделена богине» (And., I, 96 — пер. Э.Д. Фролова).

<sup>1</sup> См., например, скепсис (кажется, все же необоснованный) Р. Сили: The Origins of Demokratia. P. 290–291, указавшего на то, что например, «Hippokrates» очевидным образом не означает «власть коня».

<sup>2</sup> См.: Карпюк С.Г. Политическая ономастика классических Афин. С. 214–215; Cartledge P. Fowl Play: A Curious Lawsuit in Classical Athens. P. 41–61 (там же — все подробности о Пирилампе, Демосе, Антифонте, павлинах и проч.).

<sup>3</sup> См.: Sealey R. The Origins of Demokratia. P. 253–263, 277–290.

## Заключение

В первой книге своей «Истории» Фукидид устами коринфян и спартанского царя Архидама определяет «национальный характер» спартанцев и афинян (I, 70–71, 80–84). Спартанцы консервативны, подозрительны ко всему новому, ответственные, осмотрительны, доблестны в войне, но расчетливы и медлительны при подготовке к ней. Афиняне любят всякие новшества, беспокойны, быстры в принятии решений и в их осуществлении, отваживаются на авантюры, рискуют до безрассудства, постоянно чем-то заняты. Эти черты афинского национального характера проявлялись в той страсти, с которой жители этого полиса предавались сутяжничеству, а может быть, и способствовали развитию этой страсти. Из слов Фукидида (I, 77, 2) следует, что по мнению многих греков, любовь к судам была отличительной особенностью именно афинян (они — *φιλόδικοι*). Страсть к сутяжничеству могла быть производной от знаменитой афинской *πολυπραγμοσύνη* (вмешательство не в свои дела, чрезмерное любопытство), в чем афинян упрекали не раз другие греки (Thuc., I, 70, 8–9)<sup>1</sup>.

По словам «Старого олигарха» (III, 2), афиняне разбирают в судах столько частных и государственных дел и отчетов, сколько не разбирают и все люди вообще. Указаниями на всепоглощенность афинян судебным разбирательствами пестрят страницы комедий Аристофана (Vesp., 87–124; Av., 40–41; Nub., 206–208 etc). Чего стоит один только облик Филоклеона из «Ос», тронувшегося на почве судейской мании! В схолиях к Аристофану рассказывается анекдот, демонстрирующий гипертрофированное пристрастие афинян к тяжбам. Однажды один афинянин нанял осла с погонщиком, чтобы перевезти груз в Мегару. По дороге жарко пекло солнце и так как поблизости не было никакого укрытия, наниматель осла использовал животное в качестве навеса. Тогда владелец заявил, что осел был нанят, чтобы везти груз, а не обеспечивать тень; а наниматель заявил, что он арендовал осла, чтобы использовать как ему угодно. Каждый настаивал на своей правоте, и в конце концов они обратились в суд (schol. in Vesp., 191).

---

<sup>1</sup> Об этом качестве афинского характера см. подробнее: *Ehrenberg V. Polypragmosyne: A Study in Greek Politics // JHS. 1947. V. 67. P. 46–67.*

Не только персонажи Древней комедии испытали на себе непреодолимую магию филодикии. В обзоре афинского государственного строя в аристотелевской «Афинской политике» большое место отводится описанию судебной системы: 7 разделов (63–69), в то время как Совету уделено — 6 (43–49), архонтам — 5 (55–59).

Несмотря на все эти выразительные примеры, одними особенностями афинского национального характера значение народного суда для афинской общественно-политической жизни не объяснить. Участие в заседаниях суда (как и экклесии) было реализацией права гражданина на участие в управлении государством, т.е. средством осуществления суверенитета народа. Суды были для демоса одним из важнейших средств контроля над жизнью полиса и его управлением.

Функционирование гелиэи было самым тесным образом связано с возникновением и развитием афинской демократии. Только в условиях прямой демократии мог появиться такой суд, как афинская гелиэя,<sup>1</sup> — массовый орган, состоящий из непрофессиональных судей, неподотчетный никому и ничему, одним словом, воплощение демоса и его власти. В эволюции афинской демократии большую роль сыграли те изменения, которые происходили с афинским народным судом — как это нередко бывает в истории, они одновременно являлись следствием демократизации государственного строя и мощным катализатором данного процесса. Деление гелиэи на дикастерии, превращение её в суд первой инстанции хронологически совпадает с переходом реальной власти от аристократии к демосу, позволявшему, правда, еще длительное время обслуживать свои интересы аристократическим лидерам. Благодаря преобразованиям, осуществленным Эфиальтом и его сторонниками, гелиэя осуществляла контроль над должностными лицами (докимасия, принятие отчетов); наряду с собранием она рассматривала теперь дела по государственным преступлениям (исангелии), а в последней четверти V в. до н.э. в ней стали проходить процессы по жалобе на противозаконие. Народный суд играл также важную роль в афинской державной политике, являясь средством осуществления судебного, а как следствие, и политического контроля над союзниками. Свое политическое значение гелиэя сохранила, а в чем-то приумножила в IV в. до н.э. — в немалой степени это было связано с тем, что суды в данный период превратились в арену ожесточенной политической борьбы и местом, где слушались процессы по главным государственным искам — исангелии (часто) и жалобе на противозаконие (всегда).

<sup>1</sup> См.: Bleiken J. Die athenische Demokratie. S. 314.

В последние десятилетия исследования афинской правовой системы играют большую роль в определении тенденций развития афинской демократии, в сопоставлении государственного строя Афин V и IV вв. до н.э., в дискуссии об их соотношении и характере. Для тех, кто находит в позднеклассических Афинах *подлинную* демократию, «царство закона», правовое государство (или по меньшей мере его зачатки), — деятельность гелиэи, перераспределение властных компетенций в пользу последней стали главным аргументом.

В. Эдер в своей статье «Афинская демократия IV в. до н.э.: кризис или совершенство?» обозначил проблему оценки афинской демократии позднеклассического периода следующим образом: упадок, преемственность или совершенствование (*Niedergang, Kontinuität oder Vollendung*).<sup>1</sup> Первая позиция в современной западной (да и отечественной) историографии не в чести; она отвергнута вместе с концепцией кризиса греческого полиса IV в. до н.э.<sup>2</sup>; мало кто отваживается отстаивать её.<sup>3</sup> Даже известная французская исследовательница Клод Моссе, чья первая крупная работа называлась «Конец афинской демократии: социальные и политические аспекты упадка греческого полиса в IV в. до н.э.» (многие её положения были развиты впоследствии в англоязычном издании «Афины в упадке»<sup>4</sup>), судя по её работам, в последние годы смягчила свою позицию и теперь полагает, что «следует говорить не об упадке (*déclin*), а о трансформации, адаптации к новой

---

<sup>1</sup> Eder W. Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr...? // AD. S. 21.

<sup>2</sup> Последнее крупное и коллективное (в том числе, с участием советских историков) сочинение в западной историографии в рамках этой концепции вышло еще в ГДР: *Hellenische Poleis. Krise – Wandlung* / Hrgb. E.C. Welskopf. Bd. I–III. В., 1974. О кризисе полиса упоминает неоднократно в своем «Черном охотнике» П. Видаль-Накэ (см.: *Видаль-Накэ П. Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире* / Пер. с фр. под общ. ред. С.Г. Карпюка. М., 2001. С. 28, 31, 90, 134); эта работа вышла во Франции в 1981 г., но состоит из статей, написанных в 60-х – нач. 70-х гг.

<sup>3</sup> Один из «последних могикан», говоривших в 80-х гг. об упадке позднеклассической Греции, вызванном рядом социальных и экономических причин, — Ж. Сен-Крыа. См.: *Ste. Croix G.E.M., de. The Class Struggle in the Ancient World. Passim, esp. 293–299.*

<sup>4</sup> Mossé C. La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du decline de la cite grecque au IVe siècle avant J.C. P., 1962; *eadem*: Athens in Decline 404 – 86 B.C. L.; Boston, 1973. Также: Mossé C. Die politische Prozesse und die Krise der athenischen Demokratie // *Hellenische Poleis. Krise – Wandlung* / Hrgb. E.C. Welskopf. Bd. I. S. 160–187.

политической ситуации».<sup>1</sup> Похожая история с немецким исследователем Й. Бляйкеном: в первом издании своей «Афинской демократии» один из разделов он назвал «Симптомы упадка демократии в IV в. до н.э.» (*Symptome des Niedergangs der Demokratie im 4. Jahrhundert*)<sup>2</sup>, а в последнем высказывался уже гораздо осторожнее и соответствующий раздел озаглавил «Симптомы ослабления демократической основы в IV в. до н.э.» (*Symptome der Schwächung der demokratischen Grundlagen im 4. Jahrhundert*).<sup>3</sup>

Многообразие мнений современных историков распределяется ныне в основном между двумя последними позициями, обозначенными В. Эдером: «преемственность или совершенство» (с теми или иными особенностями, нюансами и проч.), — при этом большинство сторонников концепции о «царствии закона» в Афинах IV в. до н.э. явно тяготеют к третьей («совершенство»). Несколько с другой стороны эту же идею (демократия окончательно развилась и обрела полную и правильную форму в позднеклассических Афинах) высказал ярко и недвусмысленно (на что мало кто отваживается) американский психолог Эли Саган в своем психоаналитическом исследовании афинской демократии «Мед и цикута: демократия и паранойя в древних Афинах и современной Америке», назвав период с 403 по 322 гг. до н.э. «золотым веком радикальной демократии» («the golden age of the radical democracy»).<sup>4</sup>

Как правило, когда приверженцы теории «власти закона» говорят о развитии, воплощении и окончательной реализации демократической идеи в афинском политическом строе IV в. до н.э., они имеют в виду именно *современную* демократическую идею — в соответствии с данной концепцией получается, что демократия в Афинах в течение двух столетий своего существования развивалась в правильном направлении, т.е. в сторону её либерального совершенствования (опять же в

---

<sup>1</sup> См., например: *Mossé C. Les institutions grecques à l'époque classique*. P. 32–35; *Politique et société en Grèce ancienne*. P. 229 (цитата). Французская исследовательница избегает теперь упоминаний о «кризисе полиса», хотя и отмечает некоторые черты, которые ранее рассматривались ею как его проявления, например, антагонизм между богатыми и бедными (с. 101–108); она делает также такое характерное признание: прежняя концепция кризиса и упадка сложилась у нее под влиянием греческих авторов, нынешняя же трактовка обязана современным работам, прежде всего, М. Финли (с. 228–229).

<sup>2</sup> *Bleiken J. Die athenische Demokratie*. Paderborn, 1985. S. 289–294 (в издании, которым мы пользовались: Paderborn, 1991. S. 365–372).

<sup>3</sup> *Bleiken J. Die athenische Demokratie*. Paderborn, 1994. S. 403–410. Ср.: стр. 290 первого и стр. 404 последнего изданий.

<sup>4</sup> *Sagan E. The Honey and the Hemlock*. P. 11, 106.

современном понимании). Усматривается лишь количественная, а не качественная разница между двумя демократиями — античной и современной (исключение из первой рабов, чужеземцев и женщин). Нам также кажется неверным говорить о демократии IV в. до н.э. как об упадке (хотя, по нашему мнению, кризисные явления в греческих полисах в эту эпоху имели место — в Афинах в том числе, пусть и в меньшей степени); мы тоже усматриваем преемственность в реализации демократической идеи от V к IV в. Принципиальное отличие нашей позиции от той, которая была обозначена выше, в следующем: мы считаем, что реализована, доведена до логического конца была идея именно *прямой* демократии — определение имеет здесь ключевое значение, поскольку данный государственный строй, по нашему мнению, хотя и имеет ряд общих черт с тем, который мы теперь именуем демократией, отличается от него самым существенным образом и не может быть определен ни как его родоначальник, ни как первая фаза, ни как разновидность. Различие между демократией античной и современной иногда пытаются передать двумя похожими, но все-таки разными английскими словами — *demokratia* и *democracy*, хотя первая обычно понимается как изначальная (или родоначальная) форма второй. По-русски даже такой возможности словесной игры мы не имеем, и ситуация складывается весьма непростая: ведь *одним и тем же* понятием мы вынуждены обозначать *разные* явления. На наш взгляд, это одна из причин тех тенет, в которые загнала себя современная историография: афинская *демократия* развивалась, это развитие происходило естественным и последовательным образом, а раз так, оно неизбежно и логично должно было иметь ряд сходных черт с тем, как развивалась и развивается *демократия* начиная с XIX в. сначала в США, потом в Западной, а теперь и в Центральной, Восточной Европе и прочих странах. Более того, своим прямым участием народа в управлении она воспринимается как *более демократичная*, более правильная, чем современный ее вариант, и вот уже доносится клич — учиться у древних греков, назад в Афины! Повторим еще раз: мы видим только одну возможность разрешить трудности и противоречия, в которых запутались споры об эволюции афинской демократии, — отказаться от тезиса о генетическом родстве прямой и представительной демократий.

Возвращаясь от рассуждений на политико-философскую тему к нашему предмету исследования — афинской гелиэе, заметим в заключение следующее. Гелиэя представляла собой суверенный афинский народ, именно он был источником закона, он мог простить или покарать за его нарушение. Не отыскание истины было главной целью судебного разбирательства, а реализация права миловать просящего или того,



кого гелиасты сочтут достойным, и демонстрация карательной силы демоса в отношении того, кто своими действиями или поведением вызвал его недовольство. Не «царство закона» наблюдаем мы в афинском народном суде, а «царство процедуры», хитроумных ухищрений, проволочек, превращающих судебную тяжбу (при желании) в пожизненное занятие. Φιλοδικία — страсть к сутяжничеству — наложила отпечаток на все афинское общество. Участие в тяжбах в качестве истца или ответчика, помощника-синегора и особенно дикаста, выносящего приговор, — стало *modus vivendi*, образом жизни и способом бытия для тысяч и тысяч афинян. В данном историческом феномене нам видится пример гармоничного дополнения и эффективного симбиоза афинского национального характера (несмотря на всю расплывчатость и нестрогость данного концепта) и афинского государственного строя — прямой демократии.

## Список сокращений

*а) сборники источников, справочные пособия, общие труды, сборники статей*

- AD — Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Akten eines Symposiums 3–7. August 1992, Bellagio / Hrgb. W. Eder. Stuttgart, 1995.
- AICI — Athenian Identity and Civic Ideology / Ed. by A.L. Boegehold and A.C. Scafuro. Baltimore; L., 1994.
- APTRAD — Athenian Political Thought and the Reconstruction of American Democracy / Ed. by J.P. Euben, J.R. Wallach, J. Ober. Ithaca; L. 1994.
- Athenian Democracy — Athenian Democracy / Ed. by P.J. Rhodes. Oxf.; N. Y., 2004.
- ATL — Meritt B.D., Wide-Gery H.T., McGregor M.F. The Athenian Tribute Lists. Cambridge Mass.; Princeton. 1939–1953. Vol. I–IV.
- CAH — The Cambridge Ancient History. Vol. I–XII. Cambr. 1924–1939 (CAH<sup>2</sup> – 2<sup>nd</sup> ed. 1970–).
- CCAGL — The Cambridge Companion to Ancient Greek Law / Ed. by M. Gagarin, D. Cohen. Cambr.; N. Y., 2005.
- Democracy — Democracy: the Unfinished Journey, 508 B.C. to A.D. 1993 / Ed. by J. Dunn. Oxf., 1992.
- Democracy 2500? — Democracy 2500? Questions and Challenges / Ed. I. Morris, K. Raafaub. Dubuque (Iowa), 1997. (Archaeological Institute of America. Colloquia and Conference Papers. № 2. 1997).
- Demokratia — Demokratia. A Conversation on Democracies, Ancient and Modern / Ed. J. Ober, Ch. Hedrick. Princeton, 1996.
- DK — Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. 6. Aufl. Hrsg. von W. Kranz. Bd. I–III. Berlin, 1951–1952.
- DT — Wunsch R. Defixionum Tabellae [=IG III<sup>3</sup>]. Berlin, 1897.
- DTA — Audollent A. Defixionum tabellae quotquot innotuerunt tam in Graecis Orientis quam in totius Occidentis partibus praeter Atticas in corpore Inscriptionum Atticarum editas. P., 1904.
- FgrHist — Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.
- GP — Große Prozesse im antiken Athen / Hrsgg. von L. Burckhardt und J. von Ungern-Sternberg. München, 2000.
- HCT — Gomme A.W., Andrews A., Dover K.J. A Historical Commentary on Thucydides. 5 vols. Oxf., 1945–1981.

- IG I<sup>2</sup> — Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. I: Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores / Ed. F. Hiller de Gaertringen. Berlin, 1924.
- IG I<sup>3</sup> — Inscriptiones Graecae. Editio tertia. Vol. I: Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores / Ed. D.M. Lewis. Berlin, 1981.
- IG II<sup>2</sup> — Inscriptiones Graecae. Editio minor. Vol. II–III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores / Ed. J. Kirchner. Berlin, 1913–1940.
- Kosmos — Kosmos. Essays in Order, Conflict and Community in Classical Athens / Ed. by P. Cartledge, P. Millett, S. von Reden. Cambr., 1998.
- ML — Meiggs R., Lewis D. A Selecion of Greek Historical Iscriptions. Oxf., 1969.
- Nomos — Nomos: Essays in Athenian Law, Politics and Society / Ed. P. Cartledge, P. Millett, S. Todd. Cambr., 2002.
- OCD — Oxford Classical Dictionary
- PGM — Papyri Graecae Magici / Rec. K. Preisendanz, A. Henrichs. Stutgardiae, 1973. Vol. 1–2.
- RE — Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1893–1978.
- RFP — Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. by R. Osborne and S. Hornblower. Oxf., 1994.
- SEG — Supplementum Epigraphicum Graecum / Ed. Hondius J.J. Vol. I–XXV. Leiden, 1923–1971; ed. Stroud R., Pleket H. Vol. XXVI–XXXVIII. Leiden, 1976–1988.
- SIG — Sylloge Inscriptionum Graecarum / Ed. W. Dittenberger. Vol. I–IV. Leipzig, 1915–1919.
- The Good Idea — The Good Idea: Democracy and Ancient Greece. Essays in Celebration of the 2500th Anniversary of its Birth in Athens / Ed. by J.A. Koumoulides. N.Y., 1995.

*б) периодические издания*

- ВДИ — Вестник древней истории
- ДП — Древнее право
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
- Мнемон — Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. проф. Э.Д. Фролова.
- УЗ БГУ — Ученые записки Белорусского государственного университета
- УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
- НЭ — Нумизматика и эпиграфика
- ФО — Филологическое обозрение
- АС — L'Antiquité classique
- АЕ — Année Épigraphique
- AJPh — American Journal of Philology
- AJAH — American Journal of Ancient History
- AM — Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Athenische Abteilung
- AS — Ancient Society

- BICS — Bulletin of the Institute of Classical Studies  
BIDR — Bullettino dell' Istituto di diritto romano  
BSA — Annual of the British School at Athens  
CA — Classical Antiquity  
CJ — Classical Journal  
CIPh — Classical Philology  
CIQu — Classical Quarterly  
CM — Classica et mediaevalia  
CR — Classical Review  
CSCA — California Studies in Classical Antiquity  
G&R — Greece and Rome  
GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies  
HSCIPh — Harvard Studies in Classical Philology  
JHI — Journal of the History of Ideas  
JHS — Journal of Hellenic Studies  
MA — Museum Africanum  
MAI — Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions et Belles-Lettres  
MH — Museum Helveticum  
OUCS — Odense University Classical Studies  
P&P — Past and Present  
REA — Revue des Études Anciennes  
REG — Revue des Études Grecques  
RH — Revue historique  
RFIC — Rivista di filologia et d'istruzione classica  
RhM — Rheinische Museum für Philologie  
TAPhA — Transactions and Proceedings of the American Philological Association  
YCS — Yale Classical Studies  
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik  
ZSSRG — Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, Romanistische Abteilung.

## Избранная литература<sup>1</sup>

1. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998.
2. Белох Ю. История Греции. М., 1897–1899. Т. 1–2. (2-е изд.: М., 1905.).
3. Бергер А. Анаксагор и афинская демократия // ВДИ. 1960. № 3. С. 61–85.
4. Бузескул В.П. Перикл. Историко-критический этюд. Харьков, 1889.
5. Бузескул В.П. История Афинской демократии. СПб., 2003. (1-е изд. – 1909).
6. Вальченко В.В. Исангелия в деле Леократа // ВДИ. 1975. № 2. С. 116–124.
7. Вольнов В.В. Феномен свободы. СПб., 2002.
8. Глушкина Л.М. Афинские метеки в борьбе за восстановление демократии в конце V в. до н.э. // ВДИ. 1958. № 2 (64). С. 70–89.
9. Глушкина Л.М. Судебные процессы по делам, связанным с рудниками в Афинах // ВДИ. 1967. № 1. С. 49–59.
10. Глушкина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н.э. Л., 1975.
11. Глушкина Л.М. Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н.э. по судебным речам демосфеновского корпуса // Демосфен. Речи в трех томах. Т. 2. М., 1994. С. 405–467.
12. [Грейс Э.Л.] Grace (Kazakevich) E. “Word” and “Deed” in the Athenian Dikasterion // Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967. С. 96–105.
13. Даль Р. Демократия и её критики / Пер. с англ. под ред. М.В. Ильина. М., 2003.
14. Доватур А.И. Политика и Политии Аристотеля. М.; Л., 1965.
15. Доддс Э. Греки и иррациональное / Пер. с англ. М.Л. Хорькова. М.; СПб., 2000.
16. Дэвис Дж. К. Демократия и классическая Греция. М., 2004.
17. Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н.э. / Под ред. Л.Я. Жмудя. 2-е изд. СПб., 2000.
18. Залюбовина Г.Т. Политическая борьба в Афинах в 403–387 гг. до н.э. // ВДИ. 1975. № 2. С. 100–116.
19. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI в. до н.э. М.: Наука, 1964.

---

<sup>1</sup> В избранную литературу попали далеко не все работы, на которые мы ссылались по ходу изложения, – таковых более 650 наименований. Мы привели в этом списке либо те работы, на которые ссылались не единожды, либо имеющие принципиальное значение для раскрытия того или иного сюжета, либо, на наш взгляд, особенно интересные.

20. Карпюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003.
21. Кечекьян С.Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947.
22. Кондратюк М.А. Политическая борьба в Афинах в 324–323 гг. до н.э. и «процесс Гарпала» // Древний Восток и античный мир / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1980. С. 158–180.
23. Кондратюк М.А. Архэ и афинская демократия // Античная Греция. Становление и развитие полиса. Т. I. / Ред. Е.С. Голубцова и др. М., 1983. С. 327–365.
24. Корзун М.С. Политическая цель процессов против друзей Перикла и причины Пелопоннесской войны // Вестник БГУ. Сер. III. 1971. № 2. С. 8–14.
25. Коршунков В.А. Эфиальт и реформа Ареопага // Античное общество и государство. Проблемы социально-политической истории. Межвуз. сб-к. Л., 1988. С. 66–84.
26. Кудрявцева Т.В. Политический процесс в классических Афинах (на примере процесса стратегов-победителей) // Клио. Журнал для ученых. №2 (8). 1999. С. 74–80.
27. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Часть первая: государственные и военные древности. СПб., 1997.
28. Ловягин А.М. Очерки древнеафинского суда // Гермес. Т. 6. 1910. № VII. С. 193–196. № VIII. С. 219–224. № IX. С. 253–258.
29. Лурье С.Я. К вопросу о роли Солона в революционном движении начала VI в. до н.э. // УЗ ЛГУ. № 39. Серия истор. наук. Вып. 4. 1939. С.73–88.
30. Лурье С.Я. Эксплуатация афинских союзников // ВДИ. 1947. № 2. С. 13–27.
31. Маринович Л.П. Мидий и его друзья, или Демосфен против плутократов // ВДИ. 1998. № 2. С. 19–31.
32. Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 295–363.
33. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению. Учебное пособие. М., 2007.
34. Мищенко Ф.Г. Суд присяжных в Афинах и сочинение Аристотеля об Афинском государстве // ЖМНП. Ч. 158. Сентябрь–октябрь, 1892. С. 119–141.
35. Никитюк Е.В. Процессы по обвинению в нечестии (асебии) в Афинах в последнюю четверть V в. до н.э. // Античный мир: Проблемы истории и культуры. Сб-к научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 1998. С. 117–138.
36. Никитюк Е.В. Виды судебных процессов и наказаний за религиозное нечестие (ἀσεβεια) по афинским законам V–IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 2. СПб., 2003. С. 117–134.
37. Паршиков А.Е. Организация суда в Афинской державе // ВДИ. 1974. № 2. С. 57–68.
38. Пёльман фон Р. Очерк греческой истории и источниковедения / Пер. с 4-го нем. издания А.С. Князькова под ред. С.А. Жебелева / Научная редакция нового издания, примечания и дополнения М.М. Холода и С.М. Жестоканова. СПб., 1999.
39. Поздеева И.В. Политические судебные процессы в Афинах в 403–400 гг. до н.э. (по речам Лисия) // ВДИ. 1961. № 4. С. 68–84.

40. Рунг Э.В., Холод М.М. Персидская политическая пропаганда в греческом мире в V – IV вв. до н.э. // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006. С. 26–66.
41. Сахненко Л.А. Аристофан и афинские союзники // ВДИ. 1979. № 3. С. 27–42.
42. Сахненко Л.А. Аристофан и Афинская демократия. Автореферат дисс. ... к.и.н. Л., 1983.
43. Соболевский С.И. Аристофан и его время. М., 1957.
44. Строгоцкий В.М. Диодор Сицилийский о процессах против Фемистокла и Павсания (XI, 39–47; 54–59): Перевод и историко-критический комментарий // Из истории античного общества. Межвуз. сб-к. Горький, 1979. С. 3–29.
45. Строгоцкий В.М. Греческая историческая мысль классического и эллинистического периодов об этапах развития афинской демократии. Горький, 1987.
46. Суриков И.Е. Афинский ареопаг в первой половине V в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 1. С. 23–40.
47. Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // ДП. 1999. № 2. С. 34–42.
48. Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М., 2002.
49. Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.
50. Суриков И.Е. Некоторые проблемы истории афинской гелиен // ДП. 2005. № 2. С. 8–20.
51. Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М., 2006.
52. Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002.
53. Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988.
54. Фролов Э.Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991.
55. Фролов Э.Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001.
56. Фролов Э.Д. Кружок Перикла // Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004. С. 303–313.
57. Шмидт А. Перикл и его время / Пер. с нем. А. Хахонова. Новоузенск, 1890.
58. Шулер В. Афинская демократия и афинский морской союз // ВДИ. 1984. № 3. С. 49–59.
59. Ярхо В.Н. Комедия Аристофана и афинская демократия // ВДИ. 1954. № 3. С. 8–20.
60. Adeleye G. The Arginusai Trial and Theramenes' Rejection at the Dokimasia of 405/404 B.C. // MA. 1977/78. Vol. 6. P. 94–99.
61. Adkins A.W.H. Moral Values and Political Behaviour in Ancient Greece: A Study in Greek Values. Oxf., 1960.
62. Adkins A.W.H. Polu pragmosune and "Minding One's Own Business": A Study in Greek Social and Political Values // CIPh. Vol. 71. 1976. P. 301–327.
63. Adcock F.E. The Attacks on the Friends of Pericles // CAH. Vol. V. Cambr., 1927. P. 477–480.
64. Andrewes A. The Arginousai Trial // Phoenix. Vol. 28. 1974. P. 112–122.

65. *Andrewes A.* The Growth of the Athenian State // CAH<sup>2</sup>. Vol. III. P. 3. Cambr., 1992. P. 360–391.
66. *Aurenche O.* Les groupes d'Alcibiade, de Léogoras et de Teucros: Remarques sur la vie politique athénienne en 415 avant J.C. P., 1974.
67. *Badian E.* Harpalus // JHS. Vol. 81. 1961. P. 16–43.
68. *Barkan I.* Capital Punishment in Ancient Athens / A Dissertation Submitted to the Faculty of the Division of the Humanities in Candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Chicago, 1935. Repr. N. Y., 1979.
69. *Bauman R.* Political Trials in Ancient Greece. L.; N.Y., 1990.
70. *Beloch K.J.* Die Attische Politik seit Perikles. Leipzig, 1884.
71. *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1969.
72. *Berneker E.* Εισαγγελία // Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Bd. II. 1967. S. 217–218.
73. *Bers V.* Dikastic Thorubos // Crux: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste. Croix / Ed. P. Cartledge and F.D. Harvey. L., 1985. P. 1–15.
74. *Blass F.* Die attische Beredsamkeit. 3 Tle. in 4 Bdn. Tl. I. Von Gorgias bis zu Lysias. Tl. II. Isokrates und Isaios. Tl. III. 1. Abschnitt: Demosthenes. 2. Abschn.: Demosthenes' Genossen und Gegner. Leipzig, 1887–1898.
75. *Bleiken J.* Die Einheit der athenischen Demokratie in klassischer Zeit // Hermes. Bd. 115. 1987. S. 257–283.
76. *Bleiken J.* Die athenische Demokratie. Paderborn, 1991.
77. *Boegehold A.L. et al.* The Lawcourts at Athens: Sites, Building, Equipment, Procedure, and Testimonia / The Athenian Agora. Results of Excavations Conducted by The American School of Classical Studies at Athens. Vol. XXVIII. Princeton, NJ, 1995.
78. *Boisacq É.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; P., 1923.
79. *Bonner R.J.* Evidence in Athenian Court. Chicago, 1905.
80. *Bonner R.J.* Wit and Humour in Athenian Courts // ClPh. Vol. 17. № 2. 1922. P. 97–103.
81. *Bonner R.J., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I–II. Chicago, 1930–1938.
82. *Bowra C. M.* Periclean Athens. L., 1971.
83. *Buck R. J.* Thrasybulus and the Athenian Democracy. The Life of an Athenian Statesman. Stuttgart, 1998. (Historia-Einzelschriften. Ht. 120).
84. *Burckhardt L.* Eine Demokratie wohl, aber kein Rechtsstaat? Der Arginusenprozeß des Jahres 406 v. Chr. // GP. S. 128–143.
85. *Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd. 1–3. Gotha, 1893–1904. Bd. III. Teil I: Die Pentekontaëtie. 1897. Bd. III. Teil II: Der peloponnesische Krieg. 1904.
86. *Busolt G., Swoboda H.* Griechische Staatskunde. Bd. 1–2. München, 1920–1926.
87. *Calhoun G.M.* Athenian Clubs in Politics and Litigation. Austin, 1913.
88. *Calhoun G.M.* Oral and Written Pleading in Athenian Courts // TAPhA. Vol. 50. 1919. P. 177–193.
89. *Caravan E.M.* Erotesis: Interrogation in the Courts of Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 24. 1983. P. 209–226.



90. *Caravan E.M.* Apophasis and Eisangelia: The Role of the Areopagus in Athenian Political Trials // GRBS. Vol. 26. 1985. P. 115–140.
91. *Caravan E.M.* Eisangelia and Euthyna: The Trials of Miltiades, Themistocles and Cimon // GRBS. Vol. 28. 1987. P. 167–208.
92. *Carey Ch.* Nomos in Attic Rhetoric and Oratory // JHS. Vol. 116. 1996. P. 33–46.
93. *Carter L.B.* The Quiet Athenian. Oxford, 1986.
94. *Cartledge P.* Fowl Play: A Curious Lawsuit in Classical Athens // Nomos. P. 41–61.
95. *Cawkwell G.L.* The Crowning of Demosthenes // ClQu. Vol. 19 (n. s.). P. 163–180.
96. *Cawkwell G.L.* The Fall of Themistocles // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock / Ed. by B.F. Harris. Auckland, 1970. P. 39–58.
97. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. P., 1968.
98. *Christ M.R.* The Litigious Athenian. Baltimore, 1998.
99. *Cloché P.* La restauration démocratique à Athènes en 403 avant J.-C. P., 1915.
100. *Cloché P.* Le décret de 401/0 en l'honneur des métèques // REG. T. 30. 1917. P. 384–408.
101. *Cloché P.* L'affaire des Arginuses (406 av. J.-C.) // RH. T. 130. 1919. P. 5–68.
102. *Cloché P.* Les procès des stratèges athéniens // REA. T. 27. 1925. P. 97–118.
103. *Cloché P.* Remarques sur l'emploi de la graphè paranomôn // REA. T. 38. № 4. 1936. P. 401–412.
104. *Cloché P.* La démocratie athénienne. P., 1951.
105. *Cloché P.* Les hommes politiques et la justice populaire dans l'Athènes du IV-e siècle // Historia. Bd. 9. 1960. P. 80–95.
106. *Cohen D.* The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // AD. P. 227–244.
107. *Cohen D.* Law, Violence and Community in Classical Athens. Cambr., 1995.
108. *Connor W.R.* The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton, 1971.
109. *Cooper C.* Hyperides and the Trial of Phryne // Phoenix. Vol. 49. № 4. 1995. P. 303–318.
110. *Crawley L.W.A.* Γραφή συκοφαντίας // Auckland Classical Essays Presented to E.M. Blaiklock / Ed. by B.F. Harris. Auckland, 1970. P. 77–94.
111. *Croiset M.* Aristophane et les partis à Athènes. Paris, 1906.
112. *Day J., Chambers M.* Aristotle's History of Athenian Democracy // University of California Publications in History. Vol. 73. Berkeley; Los Angeles, 1962.
113. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families (600–300 B.C.). Oxf., 1971.
114. *Davison J.A.* Protagoras, Democritus, and Anaxagoras // ClQu. Vol. 3. 1953. P. 33–45.
115. *Debrunner A.* Δημοκρατία // Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1995. S. 55–69.
116. *De Laix R.A.* Probouleusis at Athens. A Study of Political Decision-Making // University of California Publications in History. Vol. 83. Berkeley; Los Angeles; L., 1973.
117. *Derenne E.* Les procès d'impiété intentés aux philosophes à Athènes au V-me et au IV-me siècles avant J.-C. N. Y., 1976. (Repr.; 1-re ed. – Liège; P., 1930).

118. *Donnay G.* La date du procès de Phidias // AC. T. 37. 1968. P. 19–36.
119. *Dorjahn A.P.* Anticipation of Arguments in Athenian Courts // TAPhA. Vol. 66. 1935. P. 274–295.
120. *Dover K.J.* Lysias and the Corpus Lysiacum. Berkeley; Los Angeles, 1968.
121. *Dover K.J.* Aristophanic Comedy. Berkeley; Los Angeles, 1972.
122. *Dover K.J.* Greek Popular Morality in the Time of Plato and Aristotle. Berkeley; Los Angeles, 1974.
123. *Dover K.J.* The Freedom of the Intellectual in Greek Society // Talanta. Vol. 7. 1976. P. 24–54.
124. *Dow S.* Aristotle, the Kleroteria and the Courts // Athenian Democracy. P. 62–94. (Первая публикация: HSCIPh. V. 50. 1939. P. 1–34).
125. *Due B.* The Trial of the Generals in Xenophon's Hellenica // CM. Vol. 34. 1983. P. 33–44.
126. *Easterling P.* Actors and Voices: Reading between the Lines in Aeschines and Demosthenes // PCAD. P. 154–166.
127. *Eder W.* Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.: Krise oder Vollendung? // AD. S. 11–28.
128. *Eder W.* Aristocrats and the Coming of Athenian Democracy // Democracy 2500? P. 105–140.
129. *Eder W.* Die Harpalos-Affäre // GP. S. 201–218.
130. *Ehrenberg V.* Origins of Demokratia // Historia. Bd. I. 1950. P. 515–548.
131. *Ehrenberg V.* The People of Aristophanes. (A Sociology of Old Attic Comedy). Cambridge Mass., 1951.
132. *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. Greek History and Civilization during the 6th and 5th Centuries B.C. 2-nd ed. L.; N. Y., 1989. (1-st ed. – L., 1968).
133. *Engels J.* "Der Streit um den unbeliebten Frieden". Der Gesandtschafts-prozeß 343 v. Chr. // GP. S. 174–189.
134. *Faraone C.A.* Aeschylus' ὕμνος δέσμιος (Eum. 306) and Attic Judicial Curse Tablets // JHS. Vol. 105. 1985. P. 150–154.
135. *Faraone C.A.* Curses and Social Control in the Law Courts of Classical Athens // Dike. Vol. 2. 1999. P. 99–121.
136. *Finley M.* Democracy Ancient and Modern. New Brunswick, NJ, 1996. (1-st ed. 1973).
137. *Fornara Ch.W.* The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden, 1971. (Historia-Einzelschriften. Ht. 16).
138. *Fornara Ch., Samons L.J.* Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991.
139. *Forrest W.G.* Themistocles and Argos // ClQu. 1960. Vol. 10, n.s. P. 221–241.
140. *Forrest W.G.* The Emergence of Greek Democracy: the Character of Greek Politics 800–400 B.C. L., 1966.
141. *Fox Lane R.* Aeschines and Athenian Democracy // RFP. P. 135–155.
142. *Foxhall L.* The Law and the Lady: Women and Legal Proceedings in Classical Athens // Greek Law and Its Political Setting: Justifications and Justice / Eds. L. Foxhall and A.D.E. Lewis. Oxford, 1996. P. 133–152.
143. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960–1972.
144. *Frost F.* Pericles and Dracontides // JHS. Vol. 84. 1964. P. 69–72.
145. *Frost F.* Pericles, Thucydides, son of Melesias and Athenian Politics before the War // Historia. Bd. 13. 1964. P. 385–399.

146. *Gagarin M.* The Torture of Slaves in Athenian Law // *ClPh.* Vol. 85. 1996. P. 1–18.
147. *Gagarin M.* Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin, 2002.
148. *Garner R.* Law and Society in Classical Athens. N.Y., 1987.
149. *Gerner E.* Παράνομων γραφή // *RE.* 1949. Bd. 18. Hlbd. 36. Sp. 1281–1293.
150. *Gernet L.* Sur l'exécution capitale: à propos d'un ouvrage récent // *REG.* T. 37. 1924. P. 261–293.
151. *Gernet L.* Droit et société dans la Grèce ancienne. P., 1964.
152. *Glotz G.* The Greek City and its Institutions / Tr. by N. Mallinson. L., 1969.
153. *Gomme A.W.* More Essays in Greek History and Literature. Oxf., 1962.
154. *Graf F.* Der Mysterienprozeß // *GP.* S. 114–127.
155. *Griffith G.T.* Isegoria in the Assembly at Athens // *Ancient Society and Institutions: Studies Presented to Victor Ehrenberg on His 75th Birthday* / Ed. by E. Badian. Oxf., 1965. P. 115–138.
156. *Grote G.* A History of Greece. L., 1846–1856; A History of Greece. L., 1869. 12 vols. <sup>1</sup>
157. *Gwatkin W.E.* The Legal Arguments in Aeschines' *Aganist Ktesiphon* and Demosthenes' *On the Crown* // *Hesperia.* Vol. 26. 1957. P. 129–141.
158. *Hager H.* On the Eisangelia // *Journal of Philology.* Vol. 4. 1871. P. 74–112.
159. *Hall E.* Lawcourt Dramas: The Power of Performance in Greek Forensic Oratory // *BICS.* Vol. 40. 1995. P. 39–58.
160. *Hall L.* Ephialtes, the Areopagus and the Thirty // *ClQu.* Vol. 40. P. 319–328.
161. *Hamilton A., Madison J., Jay J.* The Federalist Papers / Ed. by C. Rossiter. N.Y., 2003.
162. *Hansen M.H.* The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Actions against Unconstitutional Proposals // *OUCS.* Vol. 4. 1974.
163. *Hansen M.H.* Eisangelia. The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Impeachment of Generals and Politicians // *OUCS.* Vol. 5. 1975.
164. *Hansen M.H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes // *OUCS.* Vol. 6. 1976.
165. *Hansen M.H.* Demos, Ecclesia and Dicasterion in Classical Athens // *GRBS.* Vol. 19. 1978. P. 127–146.
166. *Hansen M.H.* How Often Did the Athenian Dicasteria Meet // *GRBS.* Vol. 20. 1979. P. 243–246.
167. *Hansen M.H.* Athenian Nomothesia in the Fourth Century B.C. and Demosthenes' Speech against Leptines // *CM.* Vol. 32. 1980. P. 87–104.
168. *Hansen M.H.* The Athenian Heliiaia from Solon to Aristotle // *CM.* Vol. 33. 1981. P. 9–47.
169. *Hansen M.H.* The Athenian "Politicians" 403–322 B.C. // *GRBS.* Vol. 24. 1983. P. 33–55.
170. *Hansen M.H.* Rhetores and Strategoi in Fourth-Century Athens // *GRBS.* Vol. 24. 1983. P. 151–180.

<sup>1</sup> Мы пользовались обоими изданиями.

171. *Hansen M.H.* Was Athens a Democracy? (Popular Rule, Liberty and Equality in Ancient and Modern Political Thought) // *Historisk-filosofiske Meddelser* 59. Copenhagen, 1987.
172. *Hansen M.H.* The Athenian Democracy in the Age of Demosthenes: Structure, Principles, and Ideology / Tr. by J.A. Crook. 2-nd ed. Norman, 1999. (1-st ed.: Oxf., 1987).
173. *Harding P.* Rhetoric and Politics in Fourth-Century Athens // *Phoenix*. Vol. 41. № 1. 1987. P. 25–39.
174. *Harris E.M.* Demosthenes' Speech against Meidias // *HSCIPh*. Vol. 92. 1989. P. 117–136.
175. *Harris E.M.* Law and Oratory // *Persuasion: Greek Rhetoric in Action* / Ed. I. Worthington. N. Y., 1994. P. 130–150.
176. *Harris E.M.* Aeschines and Athenian Politics. N. Y.; Oxf., 1995.
177. *Harrison A.R.W.* Law-making at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // *JHS*. Vol. 75. 1955. P. 26–35.
178. *Harrison A.R.W.* The Law of Athens. Vol. II. Oxf., 1971. Reprint. L., Indianapolis, 1998.
179. *Harding P.* Rhetoric and Politics in Fourth-Century Athens // *Phoenix*. Vol. 41. 1987. P. 25–39.
180. *Harvey D.* The Sykophant and Sykophancy: Vexatious Redefinition? // *Nomos*. P. 103–121.
181. *Hatzfeld J.* Socrate en procès des Arginuses // *REA*. T. 42. 1940. P. 165–171.
182. *Headlam J.W.* On the πρόκλησις εἰς βάσανον in Attic Law // *CR*. Vol. 7. 1893. P. 1–5.
183. *Heath M.* Political Comedy in Aristophanes. Göttingen, 1987.
184. *Heitsch E.* Antiphon aus Rhamnus. Wiesbaden, 1984.
185. *Herman G.* How Violent Was Athenian Society // *RFP*. P. 99–117.
186. *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // *AD*. P. 43–60.
187. *Hereward D.* New Fragments of IG II<sub>2</sub>, 10. // *BSA*. V. 47, 1952. P. 102–117.
188. *Hesk J.* The Rhetoric of Anti-rhetoric in Athenian Oratory // *PCAD*. P. 201–230.
189. *Hignett C.* A History of the Athenian Constitution to the End of the 5th Century B.C. Oxf., 1962.
190. *Hommel H.* Heliäia: Untersuchungen zur Verfassung und Prozessordnung des athenischen Volksgerichts, insbesondere zum Schlussteil der Athenaiou Politeia des Aristoteles // *Philologus*. Supplementband XIX. Heft II. Leipzig, 1927.
191. *Hornblower S.* Creation and Development of Democratic Institutions in Ancient Greece // *Democracy*. P. 1–15.
192. *How W.W., Wells J.* A Commentary on Herodotus. Oxf., 1912. 2 vols.
193. *Humphreys S.C.* Social Relations on Stage: Witnesses in Classical Athens // *History and Anthropology*. Vol. I. 1985. P. 313–369.
194. *Jacoby F.* Diagoras ὁ Ἄθεος // *Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin: Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. № 3. 1959. P. 1–48.
195. *Jones A.H.M.* Athenian Democracy. Baltimore, 1986. (1-st ed.: Oxf., 1957).
196. *Johnstone S.* Disputes and Democracy: The Consequences of Litigation in Ancient Athens. Austin, 1999.

197. *Jordan D.* New Archaeological Evidence for the Practice of Magic in Classical Athens // Πρακτικά τοῦ XII Διεθνoῦς Συνεδρίου Κλασσικῆς Ἀρχαιολογίας, Αθήνα, 4–10 Sept. 1983. Athens, 1988. P. 273–277.
198. *Jordan D.* New Greek Curse Tablets // GRBS. Vol. 41. 2000. P. 5–46.
199. *Kagan D.* Pericles of Athens and the Birth of Democracy. N. Y., 1991.
200. *Kahrstedt U.* Themistocles // RE. 1934. Bd. V. Hlbd. 10. Sp. 1686–1697.
201. *Kahrstedt U.* Untersuchungen zu athenischen Behörden II: die Nomotheten und die Legislative in Athen // Klio. Bd. 31. 1938. S. 1–32.
202. *Kallet-Marx L.* Money Talks: Rhetor, Demos, and the Resources of the Athenian Empire // RFP. P. 227–251.
203. *Karavites P.* Realities and Appearances, 490–480 B.C. // Historia. Bd. 26. 1977. P. 129–147.
204. *Kinzl K.H.* ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ: Studie zur Vor- und Frühgeschichte des Begriffs // Gymnasium. Bd. 85. 1978. S. 117–127; 312–326.
205. *Kinzl K.H.* Athens: Between Tyranny and Democracy // Greece and the Eastern Mediterranean in Ancient History and Prehistory: Studies Presented to F. Schachermeyr on the Occasion of his Eightieth Birthday / Ed. by K.H. Kinzl. B.; N.Y., 1977. P. 199–223.
206. *Knox R.A.* “So Mischievous a Beast?” The Athenian “Demos” and Its Treatment of Its Politicians // G&R. Vol. 32. № 2. 1985. P. 132–161.
207. *Kolbe W.* Das Ehrendekret für die Retter der Demokratie // Klio. Bd. XVII. 1921. S. 242–248.
208. *Kroll J.H.* Athenian Bronze Allotment Plates. Cambridge Mass., 1972.
209. *Lanni A.M.* Spectator Sport or Serious Politics? Oi periesthikotes and the Athenian Lawcourts // JHS. Vol. 117. 1997. P. 183–189.
210. *Lanni A.M.* Law and Justice in the Courts of Classical Athens. , 2006.
211. *Larsen J.A.O.* Cleisthenes and the Development of the Theory of Democracy at Athens // Essays in Political Theory Presented to George H. Sabine / Ed. M. Konvitz and A. Murphy. Ithaca, 1948. P. 1–16.
212. *Larsen J.A.O.* The Judgment of Antiquity on Democracy // ClPh. V. 49. № 1. 1954. P. 1–14.
213. *Lavency M.* Aspects de la logographie judiciaire attique. Louvain, 1964.
214. *Leeuwen J van.* Prolegomena / Aristophanis Vespae. Cum proleg. et comm. J. van Leeuwen. Lugduni, 1893. 169 p.
215. *Leisi E.* Der Zeuge im attischen Recht. Frauenfeld, 1907. Reprint. N. Y., 1979.
216. *Lenardon R.* The Chronology of Themistocles' Ostracism and Exile // Historia. 1959. Bd. 8. P. 23–48.
217. *Lendle O.* Philochoros über den Prozess des Phidias // Hermes. Bd. 83. 1955. S. 284–303.
218. *Lenz L.* Komik und Kritik in Aristophanes “Wespen” // Hermes. Bd. 108. 1980. S. 15–44.
219. *Lévêque P., Vidal-Naquet P.* Cleisthenes the Athenian / Tr. and ed. by D.A. Curtis. Atlantic Highlands, N.J., 1992.
220. *Lintott A.* Aristotle and Democracy // ClQu. Vol. 42. 1992. P. 114–128.
221. *Lipsius J.H.* Das attische Recht und Rechtsverfahren. Leipzig, 1905–1915. Reprint. Hildesheim, 1966. 3 Bd.
222. *Loening T.C.* The Autobiographical Speeches of Lysias and Biographical Tradition // Hermes. Bd. 109. 1981. P. 280–294.

223. *Lofberg O.* Sycophancy in Athens. Chicago, 1917. Repr. N. Y., 1979.
224. *Loraux N.* The Divided City: on Memory and Forgetting in Ancient Athens / Tr. by C. Pache, J. Fort. N.Y., 2002.
225. *Lotze D.* Die Teilhabe des Bürgers an Regierung und Rechtsprechung in den Organen der direkten Demokratie des klassischen Athen // *Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen* / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1995. S. 372–411.
226. *MacDowell D.M.* Andokides. *On the Mysteries*. Oxf., 1962.
227. *MacDowell D.M.* Aristophanes *Wasps*. Oxf., 1971.
228. *MacDowell D.M.* Law-making at Athens in the Fourth Century B.C. // *JHS*. Vol. 55. 1975. P. 62–74.
229. *MacDowell D.M.* The Law in Classical Athens. L., 1978.
230. *Mansfeld J.* The Chronology of Anaxagoras' Athenian Period and the Date of His Trial, I // *Mnemosyne*. Vol. 32. 1979. P. 39–69.
231. *Mansfeld J.* The Chronology of Anaxagoras' Athenian Period and the Date of His Trial, II: The Plot against Pericles and his Associates // *Mnemosyne*. Vol. 33. 1980. P. 17–95.
232. *Markle M.M.* Jury Pay and Assembly Pay at Athens // *Athenian Democracy*. P. 95–131.
233. *Martin J.* Von Kleisthenes zu Ephialtes // *Demokratia. Der Weg zur Demokratie bei den Griechen* / Hrsg. K. Kinzl. Darmstadt, 1995. S. 160–212.
234. *Mathieu G.* La réorganisation du corps civique athénien à la fin du V-e siècle // *REG*. T. XL. 1927. P. 65–116.
235. *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972.
236. *Meier Chr.* The Greek Discovery of Politics / Tr. by D. McIntock. Cambr. Mass.; L., 1990.
237. *Mehl A.* Für eine neue Bewertung eines Justizskandals. Der Arginusenprozess und seine Überlieferung vor dem Hintergrund von Recht und Weltanschauung im Athen des ausgehenden 5. Jh. v. Chr. // *ZSSRG*. Bd. 99. 1982. S. 32–80.
238. *Meritt B.D.* Law against Tyranny // *Hesperia*. Vol. 21. 1952. P. 355–359.
239. *Meyer-Laurin H.* Gesetz und Billigkeit im attischen Prozess. Weimar, 1965.
240. *Meyer E.* Forschungen zur alten Geschichte. Bd. I. Zur älteren griechischen Geschichte. Bd. II. Zur Geschichte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Halle, 1892–1899.
241. *Meyer E.* Geschichte des Altertums. Bd. II. B., 1893. Bd. IV. Stuttgart; B., 1901.
242. *Mirhady D.C.* Torture and Rhetoric in Athens // *JHS*. Vol. 116. 1996. P. 119–131.
243. *Mossé C.* La fin de la démocratie athénienne. Aspects sociaux et politiques du decline de la cite grecque au IVe siècle avant J.C., 1962.
244. *Mossé C.* Athens in Decline 404–86 B.C. / Tr. by J. Stewart. L.; Boston, 1973.
245. *Mossé C.* Politeuomenoi et idiôtai: l'affirmation d'une classe politique a Athènes au IV-ème siècle // *REA*. T. 86. 1984. P. 193–200.
246. *Mossé C.* Les institutions grecques a l'époque classique. P., 1999. 6-e éd.
247. *Mossé C.* Politique et société en Grèce ancienne. Le "modèle" Athénien. P., 2003.
248. *Mossé C.* How a Political Myth Takes Shape: Solon, "Founding Father" of the Athenian Democracy // *Athenian Democracy*. P. 242–259.
249. *Müller-Strübing H.* Aristophanes und die historische Kritik. Leipzig, 1873.

250. *Németh G.* Der Arginusen-Prozess. Die Geschichte eines politischen Justizmordes // *Klio*. Bd. 66. 1984. S. 51–57.
251. *Ober J.* Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. Princeton, 1989.
252. *Ober J.* The Athenian Revolution. Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1996.
253. *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 2002.
254. *Okál M.* Problémy Aténskej demokracie a Aristofanes. Bratislava, 1969.
255. *O'Neil J.* The Origins and Development of Ancient Greek Democracy. Boston, 1995.
256. *Osborne R.* Law in Action in Classical Athens // *JHS*. Vol. 105. 1985. P. 40–58.
257. *Osborne R.* Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sykophant // *Nomos*. P. 83–02.
258. *Ostwald M.* The Athenian Legislation against Tyranny and Subversion // *TAPhA*. Vol. 86. 1955. P. 103–128.
259. *Ostwald M.* Nomos and the Beginnings of the Athenian Democracy. Oxford, 1969.
260. *Ostwald M.* From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Berkeley; Los Angeles, 1986.
261. *Paoli U.* Studi sul processo attico. Padua, 1933.
262. *Papageorgiou C.L.* Four or Five Types of Democracy in Aristotle? // *History of Political Thought*. Vol. XI. 1990. P. 1–8.
263. *Perlman S.* The Politicians in the Athenian Democracy of the Fourth Century B.C. // *Athenaeum*. Vol. 41. 1963. P. 327–355.
264. *Perlman S.* Political Leadership in Athens in the Fourth Century B.C. // *La parola del passato*. V. 22. 1967. P. 161–176.
265. *Piérart M.* Les εἰσυνοὶ αθηνίαις // *AC*. T. 40. 1971. P. 526–573.
266. *Piérart M.* Athènes et ses lois. Discours politiques et pratiques institutionnelles // *REA*. T. 89. 1987. P. 21–37.
267. *Piérart M.* Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // *AD*. P. 248–268.
268. *Prandi L.* I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle // *Aevum*. Anno 51. 1977. P. 10–26.
269. *Quass F.* Nomos und Psephisma. Untersuchung zum griechischen Staatsrecht. München, 1971.
270. *Raaflaub K.* Democracy, Oligarchy, and the Concept of the "Free Citizen" in Late Fifth-Century Athens // *Political Theory*. Vol. 11. № 4. 1983. P. 517–544.
271. *Raaflaub K.* Contemporary Perceptions of Democracy in Fifth-Century Athens // *CM*. Vol. XL. 1989. P. 33–70.
272. *Raaflaub K.* Power in the Hands of the People: Foundations of Athenian Democracy // *Democracy 2500?* P. 31–66.
273. *Raaflaub K.* Den Olympier herausfordern? Prozesse im Umkreis des Perikles // *GP*. S. 96–113.
274. *Raubitschek A.E.* Phryne // *RE*. 1941. Hlbd. 39. Sp. 893–907.
275. *Raubitschek A.E.* The Heroes of Phyle // *Hesperia*. Vol. 10. 1941. P. 284–295.
276. *Raubitschek A.E.* Demokratia // *Hesperia*. Vol. 31. 1962. P. 238–243.
277. *Reinach S.* Sycophantes // *REG*. T. XIX. 1906. P. 335–358.

278. *Reverdin O.* Remarques sur la vie politique d'Athènes au V-e siècle // *MH*. Vol. 2. 1945. P. 201–212.
279. *Rhodes P.J.* The Athenian Boule. Oxf., 1972.
280. *Rhodes P.J.* Εὐαγγελία in Athens // *JHS*. Vol. 99. 1979. P. 103–114.
281. *Rhodes P.J.* Athenian Democracy after 403 B.C. // *CJ*. V. 75. 1979/80. P. 305–323.
282. *Rhodes P.J.* Nomothesia in Fourth-Century Athens // *ClQu*. Vol. 35. 1985. P. 55–60.
283. *Rhodes P.J.* A Commentary on the Aristotelian *Athenaion Politeia*. Oxf., 1993.
284. *Rhodes P.J.* Judicial Procedures in Fourth-Century Athens: Improvement or Simply Change // *AD*. P. 303–319.
285. *Rhodes P.J.* The Ostracism of Hyperbolus // *RFP*. P. 85–98.
286. *Rhodes P.J.* Enmity in Fourth-Century Athens // *Kosmos*. P. 144–162.
287. *Rhodes P.J.* Ancient Democracy and Modern Ideology. L., 2003.
288. *Roberts J.T.* Accountability in Athenian Government. Madison, Wisconsin, 1982.
289. *Roberts J.T.* Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton, 1994.
290. *Romilly J. de.* La loi dans la pensée grecque, des origines à M. Aristote. P., 1971.
291. *Romilly J. de.* Problèmes de la démocratie grecque. P., 1975.
292. *Rose G.* Das Psephisma des Kannonos // *Commentationes philologicae monacensis*. München, 1891. S. 83–96.
293. *Rowe G.O.* The Portrait of Aeschines in the Oration on the Crown // *TAPhA*. Vol. 97. 1966. P. 397–406.
294. *Rubinstein L.* Litigation and Cooperation: Supporting Speakers in the Courts of Classical Athens. Stuttgart, 2000.
295. *Rudhardt J.* La définition du délit d'impiété d'après la législation attique // *MH*. Vol. 17. 1960. P. 87–105.
296. *Ruschenbusch E.* Δικαστήριον πάντων κύριον // *Historia*. Bd. 6. 1957. S. 257–274.
297. *Ruschenbusch E.* "Patrios Politeia": Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jh. v. Chr. // *Historia*. Bd. 7. 1958. S. 398–424.
298. *Ruschenbusch E.* Εφεσις // *ZSSRG*. Bd. 78. 1961. S. 386–390.
299. *Ruschenbusch E.* Heliäia: Die Tradition über das solonische Volksgericht // *Historia*. Bd. 14. 1965. S. 381–384.
300. *Ruschenbusch E.* Solonos Nomoi. Die Fragmente des Solonischen Gesetzeswerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte // *Historia-Einzelschriften*. H. 9. Wiesbaden, 1966.
301. *Ruschenbusch E.* Untersuchungen zur Geschichte des athenischen Strafrechts. Köln – Graz, 1968. (Graeizistische Abhandlungen. Bd. 4.)
302. *Sagan E.* The Honey and the Hemlock: Democracy and Paranoia in Ancient Athens and Modern America. N. Y., 1991.
303. *Samons L.J.* What's Wrong with Democracy? From Athenian Practice to American Worship. Berkeley and Los Angeles; L., 2004.
304. *Scafuro A.L.* Witnessing; False Witnessing: Proving Citizenship and Kin Identity in Fourth-Century Athens // *AICI*. P. 156–198.



305. Schubert C. Der Areopag. Ein Gerichtshof zwischen Politik und Recht // GP. S. 50–65.
306. Schuller W. Der Kranzprozeß des Jahres 330 v. Chr. oder: Der Abgesang auf die klassische Polis // GP. S. 190–200.
307. Schultness O. Λογισται // RE. 1926. Hlbd. 25. Sp. 1012–1019.
308. Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert. Grundsätzliche Annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // AD. S. 271–300.
309. Sealey R. Ephialtes // ClPh. Vol. 59. 1964. P. 11–22.
310. Sealey R. The Origins of Demokratia // CSCA. Vol. 6. 1974. P. 253–295.
311. Sealey R. Ephialtes, Eisangelia, and the Council // Athenian Democracy. P. 310–324.
312. Sealey R. On the Athenian Concept of Law // CJ. Vol. 77. 1982. P. 289–302.
313. Sealey R. The Athenian Republic: Democracy or the Rule of Law? University Park; L., 1987.
314. Sealey R. Demosthenes and His Time: A Study in Defeat. N. Y., 1993.
315. Sinclair R.K. Democracy and Participation in Athens. Cambr., 1993.
316. Smith S.B. The Establishment of the Public Courts at Athens // TAPhA. Vol. 56. 1925. P. 106–119.
317. Spielvogel J. Die politische Position Komödiendichters Aristophanes // Historia. Bd. 52. 2003. S. 3–22.
318. Ste. Croix G.E.M., de. Notes on Jurisdiction in the Athenian Empire // ClQu. Vol. 11. 1961. P. 94–112; 268–280.
319. Ste. Croix G.E.M., de. The Origins of the Peloponnesian War. L., 1972.
320. Sternberg R.H. The Nature of Pity // Pity and Rower in Ancient Athens / Ed. by R.H. Sternberg. Cambridge, 2005. P. 15–47.
321. Stockton D.L. The Classical Athenian Democracy. Oxf.; N.Y., 2002. (1-st ed.: Oxf., 1990).
322. Strauss B.S. Athens after the Peloponnesian War. Ithaca; N. Y., 1986.
323. Strauss B.S. On Aristotle's Critique of Athenian Democracy // Essays on the Foundations of Aristotelian Political Science / Ed. C. Lord, D.K. O'Connor. Berkeley; Los Angeles, 1991. P. 212–233.
324. Strauss B.S. Genealogy, Ideology, and Society in Democratic Athens // Democracy 2500? P. 141–155.
325. Stroud R.S. Theozotides and the Athenian Orphans // Hesperia. Vol. 40. 1971. P. 279–301.
326. Swoboda H. Über den Prozess des Perikles // Hermes. Bd. 28. 1893. S. 536–598.
327. Taylor A.E. On the Date of the Trial of Anaxagoras // ClQu. Vol. 11. 1917. P. 81–87.
328. Thalheim Th. Αγραφοι νόμοι // RE. Bd. I. 1894. Sp. 889–990.
329. Thalheim Th. Zur Eisangelie in Athen // Hermes. Bd. 37. 1902. S. 339–352.
330. Thalheim Th. Eisangelie-Gesetz in Athen // Hermes. Bd. 41. 1906. S. 304–309.
331. Thommen L. Spielräume der Demokratie: Der Prozess gegen Themistokles // GP. S. 81–95.
332. Thür G. Beweisführung vor den Schwurgerichtshöfen Athens: die Proklesis zur Basanos. Vienna, 1977.
333. Thür G. Die athenischen Geschworenengerichte – eine Sackgasse? // AD. S. 321–334.

334. *Thür G.* Das Gerichtswesen Athens im 4. Jahrhundert v. Chr. // GP. S. 30–49.
335. *Todd S.* The Shape of Athenian Law. Oxf., 1993.
336. *Todd S., P. Millett.* Law, Society and Athens // Nomos. P. 1–18.
337. *Todd S.* The Purpose of Evidence in Athenian Courts // Nomos. P. 19–39.
338. *Trumpf J.* Fluchtafel und Racheputte // AM. Bd. 73. 1958. S. 94–102.
339. *Usher S.* Greek Oratory: Tradition and Originality. Oxf.; N. Y., 2001.
340. *Valeton M.* De praetoribus Atheniensium qui victoriam reportaverunt apud Arginusas insulas // Mnemosyne. Vol. 48. 1920. P. 34–79.
341. *Vidal-Naquet P.* La democratie grecque vue d'ailleurs. Essais d'historiographie ancienne et moderne. P., 1990.
342. *Von Prott H.* Das Psephisma des Archinus // AM. Bd. XXV, 1900. S. 34–39.
343. *Wade-Gery H.T.* Essays in Greek History. Oxford, 1958.
344. *Walker E.M.* The Periclean Democracy // CAH. Vol. V. Cambr., 1927. P. 98–112.
345. *Wallace R.W.* The Areopagos Council, to 307 B.C. Baltimore, 1989.
346. *Wallace R.W.* Private Lives and Public Enemies: Freedom of Thought in Classical Athens // AICI. P. 127–155.
347. *Wallace R.W.* Solonian Democracy // Democracy 2500? P. 11–29.
348. *Wankel H.* Demosthenes: Rede für Ktesiphon über den Kranz. Heidelberg, 1976.
349. *Wedel W. von.* Die politischen Prozesse im Athen des fünften Jahrhunderts: Ein Beitrag zur Entwicklung der attischen Demokratie zum Rechtsstaat // BIDR. Terza serie. Vol. XIII. Milano, 1971. P. 107–188.
350. *Weil R.* Aristote et l'histoire: Essai sur la «Politique». P., 1960.
351. *Welwei K.-W.* Die griechische Polis: Verfassung und Gesellschaft in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart, 1983.
352. *Welwei K.-W.* Die Entwicklung des Gerichtswesens im antiken Athen. Vom Solon bis zum Ende des 5. Jahrhunderts v. Chr. // GP. S. 15–29.
353. *Wilamowitz-Mollendorff U. von.* Aristoteles und Athen. B., 1893. Bd. I–II.
354. *Will É., Mossé C., Goukowsky P.* Le monde Grec et l'Orient. P., 1972–1975. T. 1: Le V-e siècle (510–403). T. 2: Le IV-e siècle et l'époque hellénistique.
355. *Wolff H.J.* «Normenkontrolle» und Gesetzesbegriff in der attischen Demokratie: Untersuchungen zur graphie paranomon. Heidelberg, 1970.
356. *Worthington I.* Greek Oratory, Revision of Speeches and the Problem of Historical Reliability // CM. Vol. 42. 1991. P. 55–74.
357. *Wood E.M.* Democracy: An Idea of Ambiguous Ancestry // APTRAD. P. 59–80.
358. *Wood E.M.* Demos Versus «We, The People...»: Freedom and Democracy Ancient and Modern // Demokratia. P. 121–137.
359. *Yunis H.* Law, Politics, and the Graphie Paranomon in Fourth-Century Athens // GRBS. Vol. 29. 1988. P. 361–382.
360. *Ziebarth E.* Inschriften aus Athen // AM. Bd. XXIII. 1898. S. 24–37.

## Содержание

Введение .....	5
Глава I. Возникновение и развитие народного суда в Афинах (VI – V вв. до н.э.) .....	18
§ 1. Судебная реформа Солона .....	18
§ 2. Народный суд от Солона до Перикла .....	37
§ 3. Первые судебные процессы .....	49
§ 4. «Громкие дела» 30-х гг. ....	66
§ 5. Судопроизводство и архэ .....	85
§ 6. Судопроизводство в Афинах в эпоху Пелопоннесской войны .....	98
Приложение. Судопроизводство за пределами народного суда .....	105
Глава II. Народный суд и судьи по комедии Аристофана .....	111
§ 1. «Осы» — постановка, герон, содержание .....	111
§ 2. Работа суда и народные судьи в комедиях Аристофана .....	122
§ 3. Сикофант в комедии Аристофана .....	130
§ 4. Политические взгляды Аристофана и достоверность изображенной им картины афинской судебной системы .....	136
Глава III. Дикасты и сикофанты: основные действующие лица афинской судебной системы .....	146
§ 1. Понятие «гелиэя», «гелиасты» и «дикасты» в V–IV вв., места заседания судов .....	146
§ 2. Судьи: клятва, судейская табличка (πινακίον), оплата, численность, распределение судей по дикастериям .....	150
§ 3. Состав афинского суда в «век Демосфена» .....	166
§ 4. Иски; инициатива «желающего» (τοῦ βουλομένου) .....	181
§ 5. Сикофанты и их деятельность .....	188
Глава IV. Судебный процесс в Афинах в IV в. до н.э. ....	201
§ 1. Инициация иска, подготовка к процессу .....	201
§ 2. Свидетели .....	209
§ 3. Свидетельская пытка рабов .....	219
§ 4. Речи сторон .....	224
§ 4. Голосование: чем руководствовались афинские судьи, вынося приговор .....	246
§ 5. Наказание .....	260
Гл. V. Политический процесс в классических Афинах: исангелия .....	270
§ 1. Закон об исангелии; исангелия как процедура .....	270

§ 2. Процессы по исангелии во время Пелопоннесской войны .....	284
§ 3. Процесс стратегов-победителей при Аргинусах .....	297
§ 4. Исангелия и стратеги в IV в. до н.э. ....	313
§ 5. Последние процессы по исангелии .....	327
Приложение. Процессы в связи с докимасией, сдачей отчета (εἵθημα); апофасис (дело Гарпала) .....	332
Глава VI. Политический процесс в классических Афинах:	
жалоба на противозаконие .....	345
§ 1. «Жалоба на противозаконие» (γραφή παρανόμων): процедура .....	345
§ 2. Первые процессы по жалобе на противозаконие .....	352
§ 3. Изменения в процедуре принятия законов в конце V – IV вв.: ревизия законов, номотесия, «жалоба против неподходящего закона» .....	369
§ 4. Процессы по жалобе на противозаконие в IV в. до н.э. ....	376
§ 5. Политические процессы и афинская демократия .....	386
Глава VII. Афины IV в. до н.э. – суверенитет собрания и демоса или суда и законов? .....	392
§ 1. Законы в афинском судебном процессе .....	392
§ 2. Проблема эволюции афинской демократии: власть народа или власть закона? .....	402
§ 3. «Анти-Хансен» .....	415
§ 4. Демократия древняя и современная: типология афинской демократии .....	425
Приложение. О понятии «демократия» .....	435
Заключение .....	439
Список сокращений .....	445
Избранная литература .....	448

*Научное издание*

**Т. В. Кудрявцева**

**НАРОДНЫЙ СУД  
В ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АФИНАХ**

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Оригинал-макет *Н. В. Родная*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

**www.aletheia.spb.ru**

**Фирменные магазины «Историческая книга»**

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве  
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. [www.biblio-globus.ru](http://www.biblio-globus.ru)

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7. Тел. (495) 951-93-60

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея». Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнезниковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

Магазин издательства «Совпадение». Тел. (495) 915-31-00

Подписано в печать 29.02.2008. Формат 60×88<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Усл. печ. л. 28,4. Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Заказ № 3093

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»,  
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12